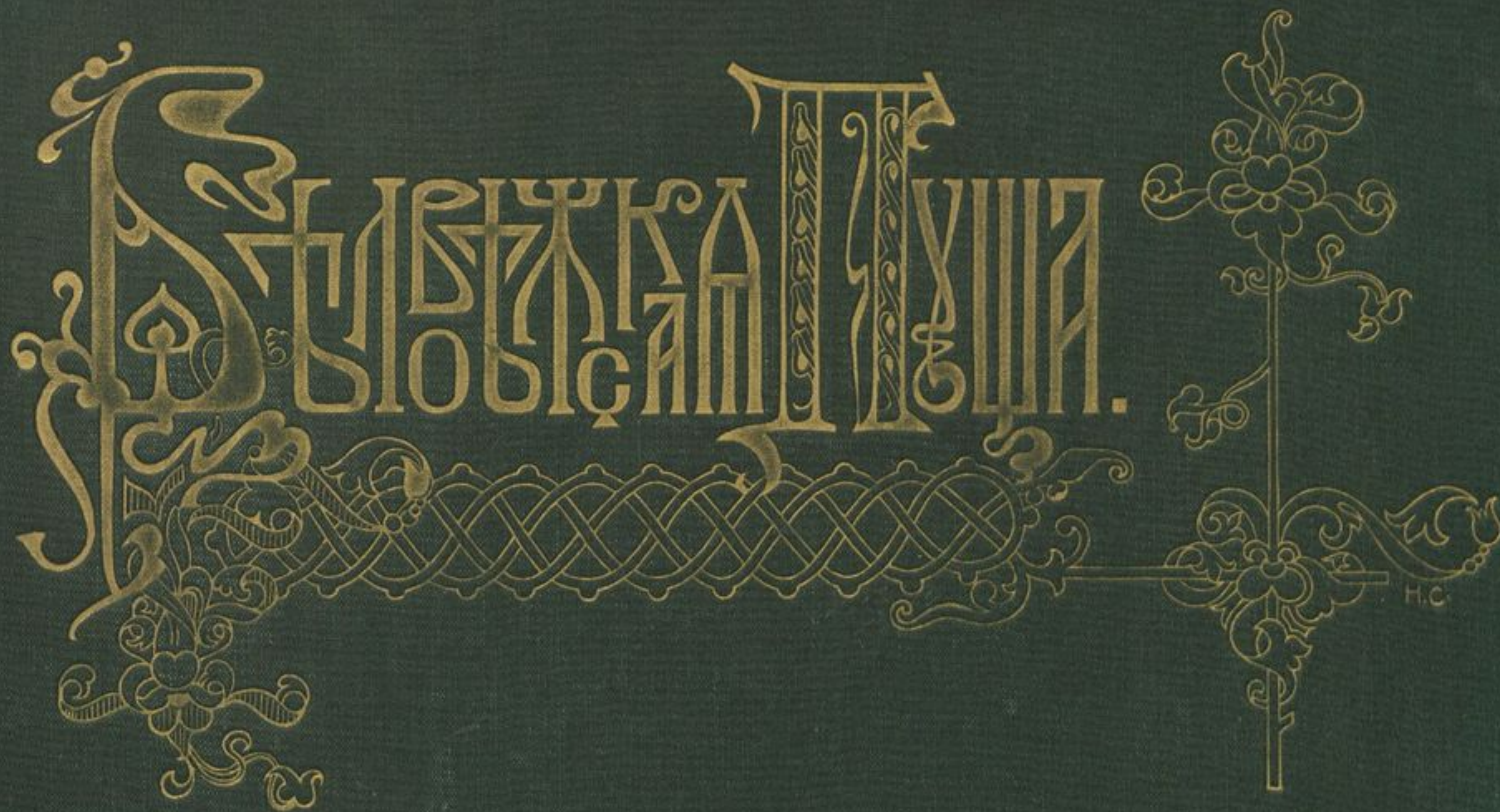

Бѣловѣжская Пуща.
Н.С.

Бѣловѣжская Пуща.

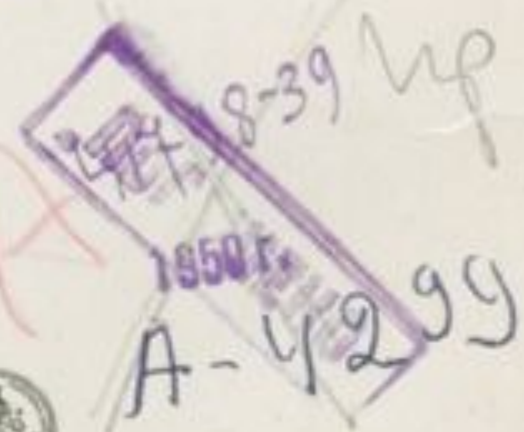
ГЕОРГІЙ КАРЦОВЪ.

1903.

Рисунки дозволены цензурою. СПБ. 17 апрѣля 1903 г.

Артистическое заведенiе **А. Ф. Маркса**, Измайловскiй просп., № 29.

Н. Самокишъ.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

НА ШТАНДѢ ВО ВРЕМЯ ОХОТЫ

Съ фотографіи Гана

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

Предисловіе.

Исторія царской охоты въ Россіи уже нашла своего изслѣдователя въ лицѣ Н. Кутепова, и трудъ его „Великокняжеская и царская охота на Руси" представляетъ цѣнный вкладъ въ собранія роскошныхъ изданій. — Задача настоящаго труда нѣсколько уже и имѣетъ цѣлью ознакомить охотничій міръ съ современнымъ положеніемъ Государевыхъ охотничьихъ угодій и въ первую очередь — съ Бѣловѣжской Пущей, ея хозяйствомъ, жизнью и съ бывшими въ ней Высочайшими охотами.

Возникшее, по волѣ Императора Александра III-го, правильное охотничье хозяйство, въ основу котораго входитъ уже не просто подготовка дичи для царскихъ охотъ, а также охрана, размноженіе и улучшеніе породъ дичи, сначала въ Спалѣ и Скерневицахъ, а затѣмъ и въ Бѣловѣжской Пущѣ, достигло въ настоящее время такого развитія, что заслуживаетъ самаго полнаго и всесторонняго обозрѣнія. Среди европейскихъ угодій, какъ по обширности, такъ и по богатству и разнообразію породъ звѣря и дичи, Бѣловѣжская Пуща занимаетъ безспорно первое мѣсто; съ другой стороны, она является древнѣйшимъ заповѣднымъ владѣніемъ литовскихъ великихъ князей, польскихъ королей и, наконецъ, русскихъ Государей, и исторія ея связана съ такими крупными историческими именами, какъ Ягелло, Витольдъ, Стефанъ Баторій и Августы Саксонскіе. Поэтому, предлагаемому обзору современнаго состоянія Пущи я предпосылаю историческій ея очеркъ.

Главное вниманіе обращено мною на описаніе зубра и его жизни въ Пущѣ, такъ какъ объ этомъ крупнѣйшемъ представителѣ бѣловѣжской фауны почти нѣтъ сколько-нибудь связной и полной монографіи, могущей заинтересовать не только зоолога, но и охотника.

Наконецъ, въ предлагаемой книгѣ дается подробное описаніе всѣхъ бывшихъ въ Пущѣ Высочайшихъ охотъ, о которыхъ охотники знаютъ только по наслышкѣ, и которыми, однако, серьезно интересуются не только у насъ, но и за границей.

Настоящее изданіе обязано появленіемъ въ свѣтъ матерьяльному

содѣйствію Главнаго Управленія Удѣловъ, въ вѣдѣніи котораго Пуща нынѣ находится, и я считаю своимъ долгомъ въ лицѣ князя В. С. Кочубея принести мою глубочайшую признательность всѣмъ служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ, оказавшимъ мнѣ свое цѣнное содѣйствіе при собираніи всѣхъ необходимыхъ матерьяловъ.

Также много обязанъ я покойному директору Императорской публичной библіотеки генералу Шильдеру и его сотрудникамъ, любезно открывшимъ мнѣ самые цѣнные и любопытные источники и документы, и администраціи архива министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ я почерпнулъ не мало интересныхъ данныхъ о хозяйствѣ русскаго управленія Пущи.

Не могу не поблагодарить отдѣльно и завѣдующаго охотою въ Пущѣ І. В. Неврли, такъ какъ только при его помощи мнѣ удалось на мѣстѣ ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ современнымъ состояніемъ охотничьяго хозяйства Бѣловѣжа.

Оживить мой трудъ иллюстраціями мнѣ любезно помогли своимъ талантомъ художники М. А. Зичи, К. Я. Крыжицкій, В. И. Навозовъ, Н. С. Самокишъ, Р. Ф. Френцъ и А. С. Хрѣновъ.

Благодаря же А. Д. Далматову фауна Пущи представлена въ изданіи моментальными фотографическими снимками со звѣрей, находившихся на свободѣ, въ ихъ повседневной жизни. Снимки эти тѣмъ цѣннѣе для охотника, что звѣрь въ нихъ уловленъ въ его реальной, неподкрашенной обстановкѣ.

Представляя мою книгу на судъ истинныхъ любителей охоты, прошу у нихъ снисхожденія къ недочетамъ, всегда неизбѣжнымъ въ трудѣ, главнымъ матерьяломъ котораго являются устные разсказы и личныя впечатлѣнія.

Георгій Карцовъ.

Апрѣль 1903 г. С.-Петербургъ.

Оглавленіе.

II

Списокъ иллюстрацій.

Внѣ текста:

Въ текстѣ:

II*

Карты и чертежи.

ѣловѣжская пуща.

Историческій очеркъ.

Безпрерывныя войны древнихъ восточныхъ Славянъ съ Литвою и Польшею происходили всегда вблизи и частью даже на самой территоріи нынѣшней Бѣловѣжской Пущи.

Достовѣрныя данныя о событіяхъ, совершавшихся здѣсь, восходятъ къ на-

Н. Самокишъ

чалу Руси. Въ 983 г., по словамъ нашего лѣтописца, „иде Владимеръ на Ятвязи и побѣди Ятвязи и вся землю ихъ“ [1]). Ятвяги были дикое, воинственное племя, принадлежавшее, по мнѣнію однихъ, къ Латышамъ, по мнѣнію другихъ, къ Славянамъ, или къ переселенцамъ съ береговъ Чернаго моря. Они занимали сѣверо-западную часть Пущи, но не только нынѣшней, составляющей заповѣдную рощу, а обширнаго лѣсного пространства по Нѣману, Шарѣ, Ясельдѣ, З. Бугу, Нареву, Бобру и ихъ притокамъ.

Болѣе древнія указанія, относящіяся къ данной мѣстности, встрѣчаются еще у Геродота, который говоритъ о Нурской землѣ и Неврахъ, селившихся по рѣкамъ Нареву, Лѣснѣ и Нурчаку [2]). Плиній и Тацитъ также упоминаютъ объ этомъ племени и послѣдній называетъ Геродотовыхъ Невровъ Naharvali и Nanaharvali, по названію рѣкъ Нареву и Наревкѣ. Въ тѣ времена, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и борьбы съ природою, племена и народы быстро смѣняли другъ друга, но о Неврахъ, правильнѣе Наревлянахъ, сохранились указанія, подтверждающія ихъ существованіе еще въ концѣ IX вѣка [3]).

Въ общихъ чертахъ, въ началѣ второго тысячелѣтія нашей эры, если принять нынѣшнюю Пущу за центръ, населеніе въ ней и вокругъ нея распредѣлялось, приблизительно, такъ: юго-западную сторону занимали Наревляне, юго-восточную—Дреговичи [4]), о нихъ упоминаетъ Несторъ, а къ сѣверу, по преимуществу на западъ, по Бобру до Нарева, заселяя наибольшую часть Пущи,—Ятвяги, природные звѣроловы и охотники.

Обращаясь къ тѣмъ временамъ, нужно вспомнить, что все пространство отъ береговъ Балтійскаго моря до Буга было покрыто сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Атмосферная и почвенная влага не поглощались тогда распаханными полями, лѣсовъ не вырубали, болотъ не осушали, къ тому же уровень Балтійскаго моря стоялъ значительно выше, нежели теперь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, большія полноводныя рѣки, питаемыя безчисленными ручейками, прорѣзывали лѣса во всѣхъ направленіяхъ; мѣстами же стояла непроходимая топь. Подъ вліяніемъ обилія влаги лѣсъ быстро развивался, достигая гигантскихъ размѣровъ, хотя и одинаково быстро погибалъ. Съ грохотомъ валились великаны, образуя своими гніющими въ трясинахъ стволами тѣ лѣсныя дебри, о которыхъ мы можемъ только догадываться. Разрушившійся лѣсъ служилъ колыбелью для новаго поколѣнія великановъ. Природа одна, безъ содѣйствія человѣка, воспитывала, разрушала и возрождала лѣсъ.

Напитанный болотистыми испареніями воздухъ, нависшіе на всемъ туманы, вихри и грозы въ жаркіе лѣтніе дни, метели и вьюги зимою,

дополняютъ картину лѣса того времени. Въ весенніе разливы все это пространство превращалось въ огромное прѣсное море, поросшее вѣковыми стволами, а надъ этимъ моремъ высилась Пуща. Занимая возвышенную мѣстность, составляющую водораздѣлъ Нѣмана, Буга и Припети, Пуща не затоплялась. Здѣсь укрывался звѣрь отъ воды. Трудно представить себѣ, какая тамъ закипала жизнь, какъ вопили, ревѣли, выли, хрипѣли звѣри, сбѣгавшіеся со всѣхъ сторонъ, и хотя пространство, о которомъ мы говоримъ, занимало десятки тысячъ квадратныхъ верстъ, но и звѣрья водилось тогда не столько, сколько теперь. Въ старинныхъ литовскихъ лѣсахъ, до XVII вѣка, царилъ мощный, величавый туръ, о немъ до насъ дошли только сказанія и скудныя записи. Россомаха и дикая лошадь, мелкая приземистая, той же породы, которая паслась табунами въ южныхъ степяхъ, также давно вымерли. Бобръ и тотъ становится рѣдкостью, а въ Пущѣ его уже совсѣмъ нѣтъ. Раскопки показываютъ намъ, что еще раньше, въ доисторическія времена, въ тѣхъ мѣстахъ водились сѣверный олень, мускусный быкъ, пещерный медвѣдь и даже мамонтъ. Присоединивъ къ этому породы, сохранившіяся до нашего времени, въ особенности зубра, мы можемъ представить себѣ Пущу того времени настоящимъ звѣринымъ царствомъ.

Среди такого населенія, среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, первобытный человѣкъ, вооруженный камнемъ или кускомъ кости, чувствовалъ себя слабѣй окружающей природы и, естественно, боялся звѣря. Страхъ этотъ сказался въ обожаніи сильнѣйшихъ представителей: тура, зубра, кабана и пр. Тѣмъ не менѣе, необходимость защищаться, и главнымъ образомъ то, что дикарь не зналъ иной пищи, кромѣ мяса, иной одежды, кромѣ шкуры, вынуждали его вступать въ борьбу. Дикарь долженъ былъ близко изучать природу звѣря и настойчиво развивать въ себѣ силу, проворство, ловкость, мужество, а въ особенности хитрость, чтобы выходить побѣдителемъ въ этой борьбѣ за существованіе. Всѣ эти качества, передаваясь по наслѣдству и примѣромъ, ярко выразились въ грозномъ охотничьемъ племени Ятвяговъ. Они жили охотою и любили ее, но охота не была для нихъ доходнымъ промысломъ. Пушистая шкура бобра имѣла въ ихъ глазахъ не бо̀льшую цѣну, нежели всякая другая, дикарь не былъ жаденъ и, конечно, взаимная борьба звѣрей уничтожала ихъ тогда несравненно больше, нежели человѣкъ.

Еще до упомянутаго похода Владиміра, въ половинѣ X вѣка, Кіевскіе князья, покоривъ Дреговичей, пошли далѣе на западъ, гдѣ столкнулись съ одной стороны съ Ляхами, съ другой съ Ятвягами и Литовцами—народами еще менѣе культурными, нежели восточные

1*

Ориг. рисунокъ Ѳ. Френца.

Славяне. Чѣмъ закончился этотъ первый натискъ Славянъ, шедшихъ съ приднѣпровскихъ равнинъ и высотъ въ невѣдомый имъ лѣсистый, болотистый литовскій край, исторія не даетъ отвѣта. Походъ же Владиміра положилъ начало безпрерывнымъ войнамъ, закончившимся въ концѣ XIII столѣтія полнымъ уничтоженіемъ Ятвяговъ.

Владиміръ уводилъ Ятвяговъ тысячами въ полонъ, облагалъ лыками, вѣниками, звѣриными кожами, а на мѣстахъ истребленныхъ лѣсовъ селилъ своихъ людей. Такъ образовались Бѣльскъ и Мельникъ.

По примѣру Владиміра, продолжая покореніе западнаго края, „Ярославъ иде на Ятвязи“ (1038 г.), но, на этотъ разъ, послѣдніе

оказали болѣе энергичное сопротивленіе. Хотя и побѣжденные, они отказались платить дань. Родные лѣса и болота хорошо укрывали ихъ [5]).

По смерти Ярослава, до вступленія на княжескій престолъ Даніила Галицкаго (съ 1054—1205 г.), интересующая насъ мѣстность входила въ составъ Владиміро-Волынской области и служила театромъ безпрерывныхъ раздоровъ удѣльныхъ князей.

Конецъ междоусобицѣ положилъ Владиміръ Мономахъ. Укрѣпив-

Ориг. рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

шись въ западной Руси, онъ отдалъ названную область 8-ми-лѣтнему сыну Андрею, отъ котораго она вскорѣ перешла къ внуку Владиміра, Изяславу — родоначальнику князей Галицкихъ. Съ этимъ періодомъ впервые связывается упоминаніе о добычѣ звѣря. Подати стали вносить мѣхами и на расходы по княжымъ охотамъ взимать повинности. Разумѣется, подобныя установленія не распространялись на Ятвяговъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, изъ которыхъ они отъ времени до

времени безпокоили русскія области набѣгами. Въ огражденіе отъ ихъ набѣговъ, сначала Владиміръ, а за нимъ Ярославъ, Изяславъ и другіе русскіе князья строили города, въ которыхъ оставляли своихъ людей. Такимъ образомъ основались: Берестъ (Брестъ), Слонимъ, Дрогичинъ, Городно [6]), ближайшіе населенные пункты вокругъ будущей Бѣловѣжской Пущи. Новые города имѣли обыкновенно укрѣпленныя сторожевыя башни — вѣжи, съ которыхъ наблюдали за совершавшимся вокругъ. Если бы съ высоты вѣжъ можно было видѣть далеко, то глазъ различилъ бы среди лѣсовъ и полей мелкія ятвяжскія и литовскія селенія, разбросанныя на большихъ разстояніяхъ, какъ бы островками. Только осторожная звѣриная лапа, да нога туземца могли подойти къ такимъ селеніямъ. Подобно бѣлкѣ или куницѣ, идущей верхомъ по вѣткѣ, прыгая съ кочки на кочку, съ кочки на пень или на корягу великана дуба, пробирался Ятвягъ звѣриною тропою отъ острова къ острову. Вести войну въ такой мѣстности значило перебрасывать мосты, осушать болота, насыпать гати, словомъ, прежде всего покорять природу.

Счастливыя то были времена для звѣря. Сильна была природа, велика стояла глушь!

Въ XIII столѣтіи распри удѣльныхъ князей хотя и нѣсколько стихли, но Владиміро-Волынская область не переставала служить предметомъ и театромъ войнъ.

Сначала область разгромилъ король Польскій Лешко-Бѣлый, но ему не удавалось укрѣпиться, такъ какъ его вытѣснялъ князь Даніилъ Романовичъ Галицкій, и они хозяйничали здѣсь поперемѣнно [7]). Затѣмъ, въ 1228 г., ятвяжскія пущи захватили-было союзные удѣльные князья, но Даніилъ Романовичъ своимъ походомъ на Кіевъ побудилъ ихъ вернуться во-свояси. Тутъ вскорѣ началось татарское нашествіе. Полчища Батыя, разгромивъ въ 1240 г. Кіевъ, дошли до литовскихъ земель, и Кайданъ, военачальникъ Батыя, захватилъ Мельникъ, Дрогичинъ, Городно, Волковыскъ и Слонимъ.

Глядя на эти войны вокругъ себя, Ятвяги заражаются общимъ теченіемъ и перестаютъ охотиться исключительно на звѣря, принимая участіе въ рядахъ то тѣхъ то другихъ враждующихъ между собою народовъ. Впрочемъ, ихъ принуждали къ тому и обстоятельства: съ сѣвера ихъ тѣснилъ, народившійся недавно, Тевтонскій орденъ, съ запада—Поляки и Мазовшане, съ востока—удѣльные князья. Татарское нашествіе отвлекло на нѣкоторое время восточныхъ Славянъ отъ Литвы и тѣмъ отсрочилось ея покореніе, иначе Ятвяговъ, находившихся на пути соединенныхъ дѣйствій могущественныхъ сосѣдей, гораздо раньше стерли бы съ лица земли.

Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Славянъ, среди мелкихъ литовскихъ князей выдвинулся нѣкій Миндовгъ и объединилъ подъ своею властью разрозненныя литовскія племена. Округляя свое княжество, Миндовгъ, въ 1241 г., захватилъ сначала Городно, Волковыскъ и другіе города [9]), а въ 1246 г., продолжая двигаться на югъ, проникъ въ Пущу къ Ятвягамъ. Дикари любили свои дебри и отважно встрѣтили Миндовга. Они искусно выбирали для боя по возможности глухія мѣста, укрѣпляли боевую линію засѣками и канавами и съ сулицами и пращами въ рукахъ засыпали враговъ камнями. Болѣе

Ориг. рисунокъ В. И. Навозова.

тяжкія пораженія Ятвягамъ въ тѣ же года наносилъ Даніилъ Романовичъ. Онъ принудилъ ихъ „въ работѣ быть ему и города рубить въ землѣ своей“ [10]). Въ сильный голодъ 1279 года Ятвяги оказались уже настолько культурнымъ народомъ, что просили у князя Владиміра Волынскаго хлѣба, обѣщая въ промѣнъ произведенія своихъ пущъ. Послы ихъ говорили такъ: „Господинъ князь Владиміръ! Пріѣхали мы „къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и твое здоровье.

„господинъ, не помори насъ, пошли намъ жито свое на продажу: мы „съ радостію станемъ покупать, что хочешь, то и будемъ давать: „воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ и зубровъ“ [11]). Но какъ ни мужественно боролись Ятвяги, все же они не могли долго держаться среди значительно болѣе многочисленныхъ и культурныхъ сосѣдей. Въ 1281 г. литовскій князь Тройденъ нанесъ Ятвягамъ окончательное пораженіе и наименовался также княземъ Ятвяжскимъ [12]). Въ концѣ вѣка Ятвяговъ, укрывавшихся поодиночкѣ въ лѣсахъ, истребили Поляки и объ этомъ отважномъ народѣ-охотникахъ остались только историческія воспоминанія. Слѣды Ятвяговъ сохраняются въ названіи нѣкоторыхъ деревень и урочищъ Литвы и Бѣловѣжской Пущи, напр.: Большая и Малая Ятвязь, урочища Язвины, Язвинка, Язвинская гора и многія другія.

Въ продолженіе всего XIV вѣка родина Ятвяговъ оставалась опустѣлою, чѣмъ естественно и воспользовался другой ея обитатель—звѣрь.

Въ воспоминаніяхъ объ Ятвягахъ не сохранилось указаній—носила ли какое-нибудь общее названіе та мѣстность, которую они заселяли, и въ частности нынѣшняя Бѣловѣжская Пуща. Ближайшее указаніе на наименованіе Пущи Бѣловѣжскою относится къ концу XIII вѣка, т. е. ко времени, когда Ятвяговъ уже не стало.

Въ литовскомъ краѣ, въ этотъ періодъ, обособилось уже нѣсколько лѣсныхъ пространствъ—пущъ, границы которыхъ, хотя и не были точно обозначены, но и тогда уже различали Гродненскую пущу, которую отдѣлялъ Наревъ отъ Бѣльской. Послѣдняя сливалась съ Рудскою, тянувшейся отъ Бреста до Кобрина. Центральное мѣсто среди этихъ лѣсовъ занимала: Бѣловѣжско-Каменецкая, или, какъ ее стали короче называть, Бѣловѣжская Пуща.

Въ Ипатіевской лѣтописи разсказывается, какъ князь Владиміръ Васильковичъ Волынскій, „соскучивъ" частыми разореніями Бреста и недовольный безпокойными сосѣдями Литовцами и Ятвягами, поручилъ мужу хитру, опытному въ зодчествѣ, Олеску выбрать безопасное мѣсто для новаго города [13]). Поплывъ вверхъ по Лѣснѣ, Олеско остановился на лѣсистой мѣстности, при сліяніи Лѣсны и Бѣлой, и указалъ на нее князю. Владиміръ, со всѣмъ дворомъ, отправился на осмотръ и, одобривъ выборъ, повелѣлъ заложить городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по условіямъ времени, сторожевую башню-вѣжу. Городъ назвали Каменцомъ, вѣроятно по грунту мѣстности, вѣжа же у него была бѣлая. Отъ этой-то бѣлой вѣжи произошло названіе Пущи. Въ старинныхъ

2

актахъ и грамотахъ литовскихъ князей и королей польскихъ до XVII вѣка Пуща называлась Бѣловѣжско-Каменецкою. Изъ тѣхъ же актовъ видно, что въ XIV вѣкѣ Пуща обнимала пространство почти въ 20.000 квадратныхъ верстъ, которому отвѣчаютъ 5 уѣздовъ нынѣшней Гродненской губерніи: Волковысскій, Пружанскій, Брестскій, Бѣлостокскій и Сокольскій. Отъ границы до границы было не менѣе 200 верстъ, а въ нѣкоторыхъ направленіяхъ до 300 верстъ. Когда-то княжеская резиденція обратилась теперь въ заштатный городъ, бѣлая же вѣжа стоитъ и понынѣ, отражая свои стѣны въ широкомъ разливѣ Лѣсны и Бѣлой, но съ нея видны уже не зелень лѣсовъ, а песчаные холмы, такъ какъ пуща отошла на 12 верстъ. Шесть вѣковъ противится этотъ молчаливый свидѣтель, 17 саж. вышиной и 16 въ окружности, вліянію дождей и вѣтровъ, напоминая намъ о древнемъ владычествѣ Русскихъ въ Литвѣ и о томъ, какъ тогда умѣли строить. Въ амбразурахъ бойницъ и на карнизахъ оконъ еще недавно была замѣтна бѣлая окраска. Башня выведена въ три яруса съ подвалами, изъ которыхъ были ходы къ рѣкамъ. Въ толщѣ стѣнъ сохранились слѣды спиральной лѣстницы къ зубцамъ башни, а внутри — кирпичные своды и дубовыя 8-мисаженныя балки. Кирпичами можно высѣкать огонь и теперь, а балки еще нѣсколько лѣтъ назадъ были совсѣмъ свѣжія.

Существуетъ еще другое предположеніе относительно происхожденія названія Пущи. Его производятъ отъ рѣки Бѣлой и слова „вѣсь", но рѣчекъ Бѣлыхъ въ этой мѣстности нѣсколько и всѣ онѣ протекали въ лѣсахъ[14]).

Какъ сказано, въ теченіе всего XIV столѣтія родина Ятвяговъ была предоставлена самой себѣ. Лѣсъ и звѣри жили, развивались и множились безъ помѣхи со стороны человѣка. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Литва не подпала подъ власть Польши и съ того времени территорія ея стала постепенно сокращаться.

Новые хозяева Пущи, проникшіе туда еще при Миндовгѣ, мало отличались отъ прежнихъ—Ятвяговъ. Правда, о завоевателяхъ-Литовцахъ наши свѣдѣнія нѣсколько обширнѣе. Мы знаемъ, что у нихъ было какое-то устройство, были князья, но въ общемъ это были такіе же дикари, какъ и Ятвяги, не знавшіе иныхъ занятій, кромѣ охоты и войны.

Въ теплое время ходили полунагіе, въ стужу прикрывались шкурами и питались почти исключительно мясомъ, предпочитая жирное кабанье и конину. Пили изъ зубриныхъ роговъ, считая, что такого рода сосуды предохраняютъ отъ колдовства и очарованія [15]), даже металлическіе сосуды, появившіеся позднѣе, выдѣлывались наподобіе ро-

говъ. Напитками служили „Олюсъ“ и „Паскалейсъ“, приготовлявшіеся изъ меда или изъ молока съ теплою кровью животныхъ, убитыхъ тутъ же, на охотѣ, или при жертвоприношеніяхъ. Пили до опьянѣнія всѣ безъ различія: мужчины, женщины, дѣти.

Ретуш. фотографія.

Характеръ языческой религіи, которую исповѣдывали древніе Литовцы, свидѣтельствуетъ о самой низкой степени ихъ развитія.

Они исключительно поклонялись природѣ, главнымъ образомъ лѣсу и тѣмъ изъ его обитателей: туру, зубру, медвѣдю, кабану и пр.,

2*

которые были пострашнѣе. Большія старыя деревья, въ особенности расщепленныя молніей, пользовались преимущественнымъ почитаніемъ [16]), поэтому вся Литва еще въ XIV вѣкѣ была покрыта священными заповѣдными рощами. Порубка въ нихъ наказывалась смертью, но зато самый большой преступникъ могъ укрываться тамъ, не опасаясь за свою неприкосновенность. На лѣсныхъ холмахъ, у подножья старыхъ дубовъ или возлѣ большихъ камней сооружались жертвенники и возжигался неугасимый огонь—Зничъ, который поддерживалъ жрецъ Зинчъ. Дубъ,—какъ символъ величія, силы и долговѣчія,—занималъ первое мѣсто среди обожаемыхъ деревьевъ и былъ посвященъ Перкуну, главному божеству. Орѣшникъ—богинѣ Ладанъ, верба, какъ символъ плодородія, — богинѣ Лаймѣ. Въ старинныхъ литовскихъ пѣсняхъ поется про богиню водъ и про царицу змѣй—Латтисъ, заключенную въ ель. Одинъ изъ ея сыновей былъ заключенъ въ дубъ, другой въ ясень, дочь — въ осину. Сосна, вязъ и даже бузина служили также предметами обожанія. Подъ кустами послѣдней жилъ какой-то богъ Разутисъ съ гномами, называвшимися баретуки [17]). Языческія вѣрованія Литовцевъ послужили благодарною темою для поэтическихъ вымысловъ позднѣйшихъ временъ.

Политическія событія, совершавшіяся вокругъ молодого Литовскаго княжества, благопріятствовали его развитію и территоріальному расширенію. Не встрѣчая большого сопротивленія, литовскіе князья захватили все Подлясье. Собственно же—Принаревскія и Прилѣсненскія пущи перешли къ князю Витенесу. Преемникъ его Гедиминъ возвелъ Литовское княжество на степень большого могущества и былъ извѣстенъ, какъ страстный охотникъ. Заходилъ ли онъ собственно въ Пущу на это не имѣется прямыхъ указаній, но, прослѣдивъ маршрутъ его походовъ и поѣздокъ по княжеству, нельзя сомнѣваться, что онъ неоднократно посѣтилъ пущинскіе лѣса. Такъ, къ походу на Кіевъ въ 1320 г., онъ готовился въ Брестѣ, готовиться же къ походу въ тѣ времена значило безпрерывно охотиться [18]).

Охота служила школою военнаго дѣла, пріучая людей обращаться съ оружіемъ, смотрѣть въ глаза опасности и выносить лишенія. Зубръ, медвѣдь и даже кабанъ для человѣка, вооруженнаго копьемъ или тупымъ, тяжелымъ мечомъ, были не менѣе страшны, нежели двуногій противникъ. Кромѣ того, на охотѣ заготовлялось продовольствіе для войска. Посѣщая Брестъ, Гедиминъ, конечно, не могъ пропустить лучшихъ охотничьихъ угодій на сѣверъ отъ Бреста, къ тому же и путь домой, въ его резиденціи: Новыя Троки и Вильно, пролегалъ черезъ Каменецкую Пущу.

По смерти Гедимина Литовское княжество раскололось на двѣ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ЛИТОВЦЕВЪ.—Ориг. рис. В. И. Навозова.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

части. Брестъ, Каменецъ-Литовскъ, Брянскъ, Бѣльскъ и Волковыскъ, а слѣдовательно и Пуща достались младшему сыну Кейстуту, а остальная часть княжества—старшему—Ольгерду.

Въ періодъ княженія Кейстута принаревскіе лѣса были не надолго завоеваны въ 1348 г. Польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ, но литовскіе князья, соединившись съ русскими, вытѣснили его отсюда [19]).

Кейстутъ также былъ охотникъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ описаніе пышныхъ похоронъ, возданныхъ ему въ долинѣ Свинторога подъ Вильною. Кейстутъ былъ задушенъ въ 1382 г. по приказанію своего племянника Ягелло въ замкѣ Крево. Тѣло торжественно сожгли и прахъ опустили въ могилу вмѣстѣ съ охотничьимъ вооруженіемъ и прахомъ любимой лошади, охотничьихъ собакъ и соколовъ, также сожженныхъ на кострѣ [20]). Заходилъ ли Кейстутъ въ Бѣловѣжскіе лѣса, мы не знаемъ.

Владѣнія Кейстута перешли къ его сыну Витольду, дѣлившему Литву съ двоюроднымъ братомъ Ягелло, сыномъ Ольгерда.

Братья долго не ладили между собою, и принаревскія земли, составлявшія наслѣдственное владѣніе Витольда, не разъ переходили къ Ягелло, который передавалъ ихъ даже родственному Мазовецкому князю Янушу. Но, черезъ 10 лѣтъ, въ 1392 г., братья все-таки помирились, и за Витольдомъ сохранился Гродненскій удѣлъ, почему онъ именовался также Гродненскимъ княземъ [21]). Послѣ знаменитаго съѣзда въ Брестѣ осенью 1409 г., гдѣ Ягелло и Витольдъ поклялись защищать другъ друга отъ общаго врага — рыцарей Тевтонскаго ордена, Витольдъ, для приготовленія къ походу, вернулся въ свою столицу Троки, а Ягелло, воспользовавшись осеннимъ временемъ, поѣхалъ готовиться въ Бѣловѣжскую Пущу.

Съ этого года, историки, описывая походъ, впервые стали называть Пущу—Бѣловѣжскою.

Всю осень и зиму Ягелло, сопровождаемый многочисленнымъ охотничьимъ отрядомъ, убивалъ звѣрей, солилъ мясо, коптилъ его и складывалъ въ бочки. Весною заготовленный провіантъ сплавили Наревомъ, Зап. Бугомъ и Вислою въ Плоцкъ, гдѣ были устроены склады для предстоящаго похода [22]). Подробности, какъ шла охота, изъ какой пущи въ какую переходилъ по замерзшимъ болотамъ Ягелло, — не дошли до насъ, но если здѣсь заготовлялось продовольствіе для стотысячной арміи, то можно судить, какая это была бойня. Конечно, въ интендантскихъ цѣляхъ охотились не на хищниковъ и не за зайцами и бѣлками, а на крупнаго звѣря: тура [23]), зубра, оленя, лося, кабана. Въ то же время выловили не мало дикихъ ло-

шадей. Древняя, славившаяся литовская конница пополнялась дикими лошадьми, которыхъ арканами вылавливали приблизительно въ 4-хъ-лѣтнемъ возрастѣ и смѣлыми пріемами подъѣзживали подъ всадника. Мелкорослая, сѣровато-гнѣдая пущинская лошадь, походя отчасти на нынѣшнюю вятку, не привлекала красотою, зато была неутомима, легка, рѣзва и не чувствительна къ лишеніямъ. Самыми цѣнными ея качествами были чуткость и смѣлость, присущія дикимъ животнымъ. Лошадь пользовалась большимъ почетомъ въ языческой Литвѣ и, въ противоположность древнимъ Славянамъ, Литовцы тщательно ухаживали за нею. Дикій конь, водившійся во всей средней полосѣ Россіи и на западѣ до Одера, до XV столѣтія былъ не рѣдкостью въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ [24]).

Въ исторіи знаменитыхъ охотниковъ, выдающееся мѣсто сохранится навсегда за князьями Владиміромъ Мономахомъ и Ягелло. Весьма различные въ своей домашней жизни, одинъ мудрый, разсудительный, трудолюбивый и добрый христіанинъ, другой лѣнивый и необузданный, а подъ старость ханжа, — оба одинаково, до забвенія, отдавались своей страсти къ охотѣ. И тотъ, и другой большую часть своей продолжительной жизни провели въ лѣсахъ въ погоняхъ и борьбѣ со звѣремъ. Владиміръ видѣлъ въ охотѣ не только забаву и утѣху, но и трудъ, необходимый воину, что и выразилъ въ своемъ знаменитомъ поученіи; Ягелло же былъ воинъ самъ и цѣнилъ охотничьи подвиги наравнѣ съ военными. Видъ преслѣдуемаго тура приводилъ его въ восхищеніе. Онъ мчался за звѣремъ, не разбирая опасности, увлекая примѣромъ и обѣщаніями сотоварищей, а когда настигнутый звѣрь падалъ подъ мѣткимъ ударомъ дротика, Ягелло приходилъ въ блаженный восторгъ. Ловко поразившій звѣря становился для него самымъ любезнымъ человѣкомъ, достойнымъ всякой награды. Цѣлые мѣсяцы проводилъ Ягелло въ лѣсахъ, подвергаясь всякимъ охотничьимъ лишеніямъ. Вступивъ въ 1392 году на Польскій престолъ и ставъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ повелителей въ Европѣ, Ягелло не оставилъ своей прежней страсти и особенно любилъ охотиться въ литовскихъ лѣсахъ, куда ему было удобно заглядывать, такъ какъ Литва стояла въ зависимости отъ Польскаго Королевства. Среди его огромныхъ охотъ, продолжавшихся обыкновенно съ осени до января, наиболѣе выдающеюся была упомянутая историческая охота 1409—1410 гг. передъ походомъ на Тевтонскихъ рыцарей [25]).

Въ 1426 году, когда Ягелло было уже подъ 75 лѣтъ, въ разгаръ чумы, распространившейся въ Польшѣ и Литвѣ, происходила его другая знаменитая охота въ Бѣловѣжской Пущѣ [26]). Ягелло будто созна-

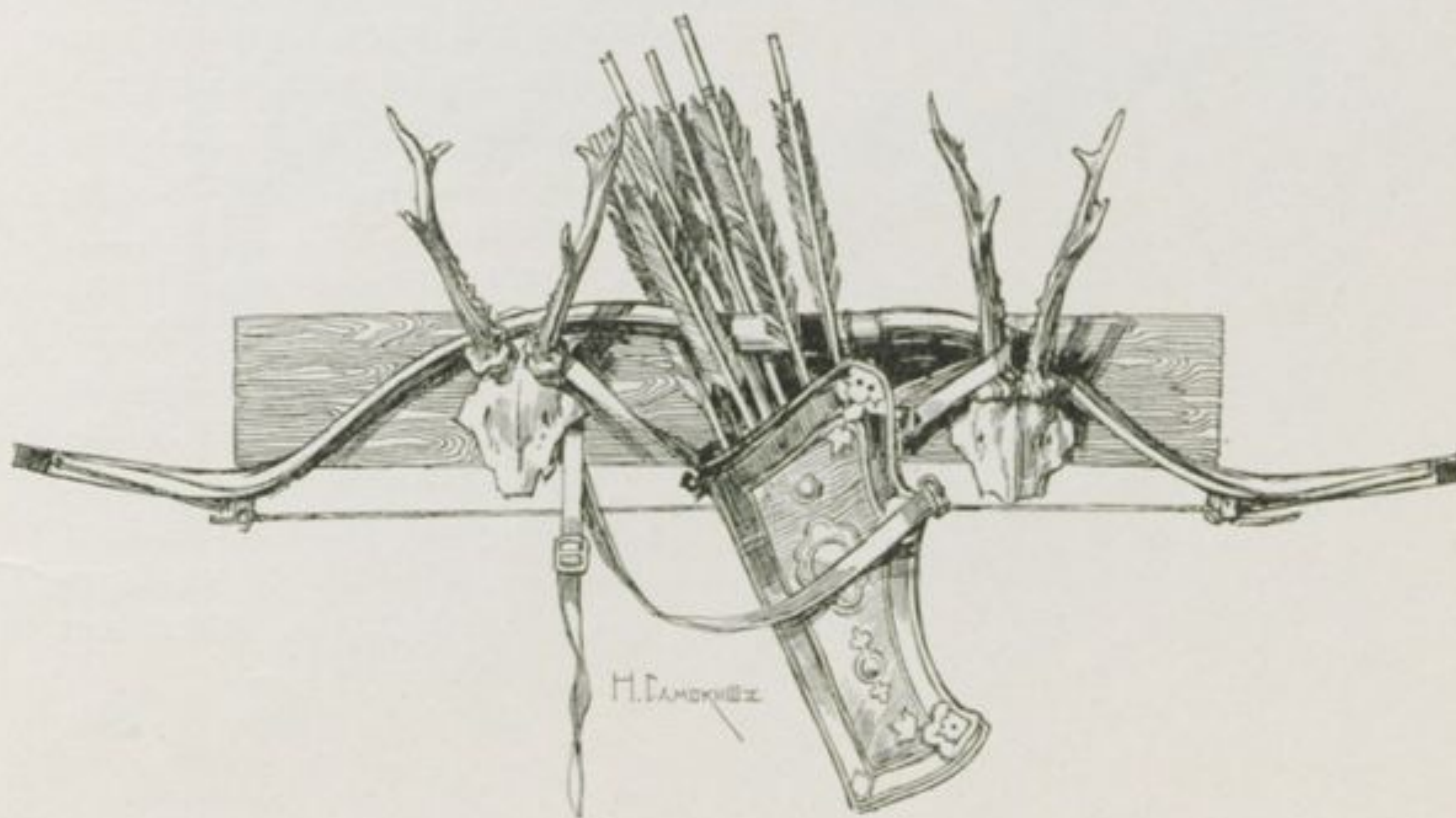

ЯГЕЛЛО, ПОРАЖАЮЩІЙ ЗУБРА.—Оригинальный рисунокъ Н. С. Самокиша.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

валъ, что физическія упражненія и чистый воздухъ лѣсовъ лучше тогдашнихъ знахарей предохранятъ его отъ заразы. Забывая свой возрастъ, онъ по прежнему гонялся за звѣремъ и въ одинъ изъ неудачныхъ дней, упавъ съ лошади, сломалъ себѣ ногу. Сколько подобныхъ приключеній съ нимъ было въ молодости, историки не разсказываютъ, но и послѣ описываемаго случая онъ не пересталъ охотиться [27]).

Былъ ли охотникомъ современникъ Ягелло, князь Витольдъ, объ этомъ существуютъ два противорѣчивыхъ свидѣтельства. Посолъ Тевтонскихъ рыцарей графъ Конрадъ Кибургъ утверждаетъ, что князь не любилъ охоты [28]), почему послѣ переговоровъ въ Брестѣ уѣхалъ къ себѣ въ Троки, тогда какъ Ягелло отправился въ Бѣловѣжъ. Другой современникъ Жильбертъ де-Лануа, описывая свое путешествіе по Литвѣ, говоритъ объ огороженномъ мѣстѣ возлѣ Трокъ, наполненномъ всякими охотничьими звѣрями [29]). Подобные звѣринцы, въ которыхъ охранялись болѣе цѣнныя породы, были въ обычаѣ при княжескихъ и королевскихъ замкахъ. Наши князья держали въ огороженныхъ мѣстахъ медвѣдей, которыхъ выпускали отъ времени до времени для потѣхи. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный травилъ медвѣдями крамольниковъ. Далѣе, Лануа описываетъ охотничій замокъ на Нѣманѣ, въ которомъ Витольдъ проводилъ ежегодно нѣсколько недѣль или мѣсяцъ, охотясь въ окрестностяхъ. Въ 1421 г. Лануа встрѣтилъ Витольда на охотѣ подъ Каменецъ-Литовскомъ, т. е. въ Бѣловѣжѣ. Въ чумной 1426 годъ, Витольдъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Ягелло. Такимъ образомъ, отъѣздъ въ Троки послѣ брестскаго свиданія слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Витольдъ тѣмъ временемъ, какъ Ягелло трудился надъ заготовленіемъ провіанта для войска въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ, занялся другими приготовленіями къ походу.

Прежде, нежели перейти къ описанію охотъ преемниковъ Ягелло и Витольда, бросимъ взглядъ на состояніе Пущи и охоты въ то время.

Уже въ XIII вѣкѣ, во время войнъ, происходившихъ на территоріи и вблизи Пущи, топоръ и пожары значительно прорѣдили литовскіе лѣса. Болота стали пересыхать, на удобныхъ мѣстахъ осѣли люди и заходила соха. Вслѣдъ за лѣсомъ вліяніе надвигающейся культуры почувствовалъ на себѣ и звѣрь. Боязливо выглядывалъ онъ изъ опушекъ на то, что̀ творилось вокругъ, и уходилъ все дальше въ глубь, въ самыя непроницаемыя дебри. Бойни, которыя предпринималъ Ягелло для прокормленія арміи, не могли не отражаться даже на такихъ богатыхъ дичью лѣсахъ, какъ древніе литовскіе. Тамъ, гдѣ велась подобная охота, весь звѣрь, попадавшійся на глаза, выбивался

Н. Самокишъ..

начисто. Въ промышленныхъ цѣляхъ также истреблялось не мало. Уже Ятвяги вымѣнивали мѣха и кожи на хлѣбъ и соль. Важнѣйшимъ предметомъ внѣшней торговли Литвы и Руси была тогда добыча лѣсовъ. Русскіе князья болѣе культурные, но не менѣе страстные охотники, нежели литовскіе, съ самыхъ давнихъ поръ стремились охранить дичь и звѣря отъ поголовнаго истребленія. Хотя для изданія законовъ, которые упорядочивали бы охоту вообще, культура еще и не дозрѣла, но цѣль достигалась инымъ путемъ. Лучшія охотничьи угодья становились собственностью князей. Подъ Новгородомъ, Кіевомъ и Москвою, всюду были такія княжескія заповѣдныя рощи, доступныя для прочихъ лишь съ ограниченіями, или съ особаго разрѣшенія. Что касается Пущи, то возможно, что еще при Владимірѣ, въ 983 г., она стала собственностью князя въ охотничьемъ отношеніи и вполнѣ вѣроятно, что Владиміръ Васильковичъ, основавшій свою столицу Каменецъ въ центрѣ Пущи, охранялъ ее для себя. Достовѣрныя данныя о томъ, съ какихъ поръ Пуща стала заповѣдною, относятся ко времени, съ котораго она стала Бѣловѣжскою, т. е. съ самаго начала XV столѣтія. Только князьямъ Ягелло и Витольду принадлежало право охоты на крупнаго звѣря, остальные могли охотиться по мелочи [30]). Отъ литовскихъ князей право охоты въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ послѣдовательно перешло къ Польскимъ Королямъ и къ Русскимъ Императорамъ. Такимъ образомъ, Бѣловѣжская пуща является древнѣйшимъ охотничьимъ угодіемъ главы государства. Ограничивая права своихъ подданныхъ, князья вмѣстѣ съ тѣмъ вводили и порядокъ въ свои охоты. При русскихъ князьяхъ возникъ цѣлый служебный персоналъ ловчихъ, такъ-называемый ловчій нарядъ [31]). Должность ловчаго вошла позднѣе въ число земскихъ должностей. Чѣмъ страстнѣе князь относился къ охотѣ, тѣмъ многочисленнѣе былъ нарядъ. Появились начальники и подчиненные, люди всѣхъ положеній стремились въ почетную и увлекательную охотничью службу, которая каждаго могла приблизить къ князю. Среди охотниковъ выработался даже свой особый языкъ, который передавался стариками лишь достойной того молодежи. На охотахъ воспитывались, закалялись и нерѣдко выдвигались будущіе ратные люди. Съ развитіемъ охотничьяго дѣла естественно пришлось установить и соотвѣтствующія повинности, главнымъ образомъ для ближайшаго населенія. Одни становились мясниками и должны были доставлять мясо для собакъ, печенку для соколовъ, другіе обязывались помогать при облавахъ [32]), вообще же, каждый обязанъ былъ оказывать всякую помощь княжескимъ охотникамъ. Такая натуральная повинность до 1457 г. была извѣстна подъ названіемъ „декальной" подати, заключавшейся въ обязанности „мѣстичанъ", т. е. людей, осѣвшихъ на землѣ

3

и получившихъ право на нее, кормить князя и его свиту во время проѣзда въ походъ, или на охоту [33]). Впослѣдствіе декальная подать была ограничена и замѣнена службою „звѣриною", состоявшей, между прочимъ, и въ обязанности охранять лѣса и дичь.

Польскіе короли, получивъ отъ Ягелло Бѣловѣжскіе лѣса, какъ бы унаслѣдовали и его любовь къ охотѣ. Сынъ Ягелло, Казиміръ, забывалъ даже для охоты свои обязанности короля и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ покидалъ свою столицу Краковъ, чтобы поохотиться въ Пущѣ [34]). Послѣднія 7 лѣтъ царствованія онъ почти безвыѣздно провелъ въ Литвѣ. Сезонъ 1454 г. былъ особенно удачный, и отъ руки самого короля, разсказываютъ, пало множество туровъ, зубровъ и лося [35]).

Говоря объ охотахъ польскихъ королей въ Пущѣ, необходимо отмѣтить ту черту, что со смертью Ягелло охоты постепенно приняли иной характеръ и перестали быть серьезнымъ дѣломъ заготовки мясного довольствія для арміи. Вѣроятно, тогда и звѣря стало меньше, и домашняго скота соотвѣтственно больше. Кромѣ того, охотились уже не только по страсти къ борьбѣ, нерѣдко опасной, увлекаясь жизнью среди природы, сколько для забавы. Простоту въ одеждѣ и отношеніяхъ смѣнили костюмы и этикетъ. Вмѣсто сотоварищей появилась свита и публика. При такомъ новомъ характерѣ охотъ понадобились и соотвѣтственныя помѣщенія. Палатка, а то и просто подстилка изъ мха подъ тѣнью дерева были уже недостаточны, охотничья жизнь перестала быть походною, и охоты чередовались пирами, попойками и всякимъ разгуломъ.

О преемникахъ Витольда до насъ дошло не много свѣдѣній. Про сына его Сигизмунда сохранилось сказаніе, что онъ однажды обратилъ зубровъ въ орудіе казни. Нарядивъ одного изъ своихъ придворныхъ въ пышный красный костюмъ и помѣстивъ его въ загородкѣ, онъ приказалъ спустить на него разъяренныхъ зубровъ. Звѣри тотчасъ же растоптали жертву [36]). Гдѣ происходила казнь — преданіе не упоминаетъ, но зубровъ тогда было достаточно во всей Литвѣ.

Внукъ Ягелло — Александръ, женатый на Еленѣ, дочери царя Ивана III, пошелъ еще далѣе въ устройствѣ пышныхъ охотъ, и съ нимъ на охоту пріѣзжала королева. Присутствіе и даже участіе женщинъ въ охотахъ не было рѣдкостью въ самыя древнія времена, въ особенности, если охотились съ промышленными цѣлями, но присутствіе королевы не могло не вносить новаго характера въ придворную потѣху.

Въ одну изъ охотъ для королевы былъ устроенъ возвышенный помостъ, съ котораго она могла безопасно поражать выгоняемыхъ на нее звѣрей. Зубры, гласитъ преданіе, не стерпѣли такой обиды отъ руки

женщины и съ яростью бросились на королевскую ложу, выворотили столбы и едва не растоптали королеву [37]. На этотъ случай намекаетъ, между прочимъ, поэтъ XVI столѣтія Hussowian, посвятившій зубру цѣлую поэму. Объ этой поэмѣ подробно скажемъ далѣе.

Слѣдующій потомокъ Ягелло—Сигизмундъ I Старый, выѣзжалъ на охоту не иначе, какъ въ сопровожденіи многочисленной пышной свиты, для содержанія которой натуральныя повинности оказались недостаточными, и пришлось ввести новую поголовную подать по 4 гроша съ души [38]. На пути изъ Кракова въ Вильну, въ мѣстечкѣ Наревкѣ на возвышенномъ берегу одноименной рѣки поставили обширный охотничій домъ съ флигелями для короля и его спутниковъ, и эти постройки, по всей вѣроятности, также были украшены бѣлыми башнями, которыя и дали поводъ историкамъ Балинскому и Лапинскому производить отъ нихъ наименованіе Пущи. Безъ сомнѣнія, они забыли про бѣлую вѣжу, поставленную въ Каменцѣ Владиміромъ Васильковичемъ, и про то, что въ гораздо болѣе древнихъ актахъ, относившихся еще къ литовскимъ временамъ, Пуща называлась Бѣловѣжско-Каменецкою. Одновременно съ постройкою дома въ урочищѣ, называемомъ теперь „Старый Бѣловѣжъ", за охотничьимъ угодіемъ установили надзоръ.

Здѣсь необходимо сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Бѣловѣжъ и нѣкоторыя другія охотничьи угодья въ Литвѣ перестали быть общественнымъ достояніемъ, приблизительно со времени Ягелло, а быть можетъ и раньше, возникъ суровый обычай, имѣвшій силу закона, по которому за убитаго въ заповѣдной рощѣ звѣря карали смертью, и все же, несмотря на этотъ обычай, за лучшимъ изъ заповѣдныхъ угодій—Бѣловѣжской Пущею, какъ оказывается, понадобилось имѣть глазъ. Въ Пущѣ поселили стражу стрѣлковъ изъ 277 семействъ. Стрѣлки являлись по первому требованію на охоты и, кромѣ того, должны были съ каждыхъ 8 уволокъ, приблизительно со 160 дес., составлявшихъ надѣлъ стрѣлецкаго поселенія, выставлять по двѣ пароконныхъ подводы для охотничьяго снаряженія. Окрестныя селенія, сверхъ общей поголовной подати, были обложены особою натуральною повинностью: Они должны были изготовлять бочки, солить въ нихъ мясо убитой дичи и развозить по королевскимъ дворцамъ, палатамъ вельможъ, прелатовъ и краковскихъ академиковъ. Независимо отъ учрежденія охотничьей стражи, Сигизмунду принадлежитъ первый законъ объ охраненіи лѣсовъ и охоты (27 февр. 1538 г.); имъ же была учреждена комиссія для разграниченія коронныхъ имуществъ отъ частныхъ, а также для разбора правъ на въѣзды въ пущи [39], т. е. на право пользованія лѣсомъ и сѣнокосами.

Лѣсной уставъ 1538 года обнималъ самыя разнообразныя стороны

3*

экономической жизни, связанной съ лѣсомъ, и былъ изданъ на славянскомъ языкѣ, ставшемъ тогда оффиціальнымъ.

Первая статья закона касалась учрежденія должности лѣсничихъ и ихъ обязанностей при объѣздахъ пущъ. Статья вторая воспрещала рубку въ казенныхъ лѣсахъ безъ разрѣшительнаго билета за подписью самого короля. Послѣдующія статьи касались различныхъ подробностей о сбереженіи лѣса, такъ, напримѣръ, приказывалось уничтожать излишнія дороги и тропинки; лѣсничимъ и стрѣлкамъ, наравнѣ съ прочими, воспрещалось употреблять лѣсъ въ свою пользу и пр. За борти, т. е. за устройство пчелиныхъ ульевъ, посредствомъ искусственнаго дупленія, опредѣлялись взысканія. Рыбныя ловли также подлежали ограниченіямъ. Въ отношеніи охраненія дичи и звѣря законъ стремился быть особенно предусмотрительнымъ. Не только внутри, но и въ окружности казенныхъ лѣсовъ воспрещалось держать охотничьихъ собакъ и „ховать рушницы (ружья)“. А подданнымъ „всѣ косьбу и рыбныя ловли въ „лѣсахъ сколько ихъ наймутся, однимъ разомъ маютъ ходити, оповѣ„дати лѣсничему, а рушницы же, пса, рогатины и ничего, чѣмъ бы „звѣря забить, не брать имъ съ собою. Ловы и уступы въ пущахъ „ревизорова съ лѣсничими, а также съ сочниками, почавши отъ Бѣ„ловѣжа до Ковна (240 в.), порядкомъ слушнымъ расправити и расте„сать казаны нарожные часы вольнѣйшаго пребыванія и вѣдомости о „звѣрѣ, и яко много до котораго оступа людей потреба“... То есть— крестьянамъ запрещалось ходить въ Пущу на покосы и рыбныя ловли иначе, какъ цѣлымъ обществомъ, предупреждая лѣсничаго, при чемъ никто не могъ имѣть при себѣ оружія и собакъ. Браконьерство, по отношенію къ которому до тѣхъ поръ дѣйствовалъ только обычай, было теперь опредѣленно предусмотрѣно писанымъ закономъ. За убійство всякаго крупнаго звѣря, къ которымъ причислялась и коза, назначалась смертная казнь; крестьяне не должны были охотиться на нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они забѣгали на ихъ земли. Хищниковъ же: волка, лисицу, рысь, россомаху, куницу, а также зайцевъ и птицъ, на собственныхъ уволокахъ крестьяне могли убивать и продавать, не объявляя о томъ лѣсничему. Всѣ охотничьи угодья приказано было, начиная отъ Бѣловѣжа до Ковна, разбить на участки съ опредѣленіемъ, какъ находящагося въ каждомъ участкѣ звѣря, такъ и потребнаго количества людей при веденіи охотъ [40].

Трудъ лѣсничихъ, этихъ высшихъ должностныхъ лицъ, вознаграждался также землею. Каждому лѣсничему отводился обширный участокъ съ правомъ на двухъ третяхъ участка селить крестьянъ, которые отдавались ему какъ бы въ крѣпостную зависимость. Кромѣ того, лѣсничему была предоставлена судебная власть разбирать тяжбы стрѣлковъ съ

ВЪ УГОНЪ ЗА ОЛЕНЯМИ.—Ориг. рис. Р. Френца.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

крестьянами, за что въ его пользу была установлена особая пошлина. Заселеніе Пущи стрѣлками, какъ показали послѣдствія, оказалось очень неудачною мѣрою. Новые поселенцы были ближайшими истребителями той дичи, которую должны были охранять. Семейства ихъ увеличивались, подъ стрѣлецкіе поселки приходилось расчищать лѣса, а въ концѣ XVII вѣка образовались уже цѣлыя деревни преемственныхъ браконьеровъ.

Начало ограниченію Пущи было положено тѣмъ же Сигизмундомъ, отрѣзавшимъ въ 1501 г. городу Бѣльску 582 дес., и съ его легкой руки дѣло пошло быстро, въ особенности благодаря возникновенію въ концѣ XV стол. польской и литовской шляхты, которую вошло въ обычай награждать землями [41]).

Подробности этой раздачи Бѣловѣжскихъ лѣсовъ не дошли до насъ, но, какъ примѣръ, приведемъ, что жмудинскому старостѣ графу Іерониму Ходкевичу былъ отмежеванъ такой огромный участокъ по правому берегу Наревки, что только небольшая часть его, перешедшая къ графамъ Тышкевичамъ, нынѣшняя Свислочская дача, составляла 25.000 дес. Всего болѣе земель было роздано въ сѣверной и восточной частяхъ Пущи [43]). Бѣльскъ, ради котораго впервые начали сокращать Пущу, отстоитъ теперь на цѣлыхъ 35 вер. отъ крайней точки ея западной границы.

Въ административномъ отношеніи до конца XV столѣтія Пуща входила въ составъ Брестскаго воеводства, но при Сигизмундѣ I она, вмѣстѣ со всею юго-западною частью нынѣшней Гродненской губ., образовывала Наревское воеводство. Воеводства дѣлились на повѣты, и Пуща составляла три повѣта: Волковысскій, Кобринскій и Бѣльскій [44]).

Со времени сліянія Литвы съ Польшею Пуща обратилась въ собственность польской короны. Въ народѣ нынѣшній Волковысскій и часть Пружанскаго уѣзда, т. е. сѣверная часть Пущи, называлась Черною Русью [45]); Кобринскій, Брестскій и южная часть Пружанскаго по лѣвый берегъ Лѣсны—именовались Полѣсьемъ, а Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій, т. е. западная часть Пущи—Подлясьемъ.

Дальновидные люди, уже при преемникѣ Сигизмунда I-го—Сигизмундѣ-Августѣ поняли ошибочность системы заселенія Пущи семействами стрѣлковъ, и всячески старались исправить ее новыми узаконеніями. Въ 1557 году былъ изданъ „Уставъ на волоки господаря, короля его милости во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“— иначе говоря, положеніе объ удѣлахъ, — по которому лѣсные ревизоры должны были выселять изъ Бѣловѣжской Пущи по возможности далѣе всѣ слишкомъ многолюдные поселки стрѣлковъ и прочихъ крестьянъ. Проще и разумнѣе было бы выселить всѣхъ и безусловно

запретить входъ въ Пущу, что въ то время было далеко не трудно [46]), и тѣмъ сразу разрѣшились бы большія осложненія, съ которыми приходится считаться и теперь. Въ слѣдующемъ году Сигизмундъ-Августъ издалъ повелѣніе на имя Мстибоговскаго старосты Григорія Воловича, по которому ему поручалось обозрѣть всѣ казенные лѣса Вел. Кн. Литовскаго, въ томъ числѣ и Бѣловѣжско-Каменецкую пущу, а также звѣриные переходы изъ-за днѣпровскихъ полей къ пущамъ княжества. Далѣе поручалось разселить крестьянъ, построить охотничьи дворы для пріѣзда короля и показать обо всемъ въ описаніи и на картѣ. Воловичъ оправдалъ довѣріе. Отчетъ его, озаглавленный „Реестръ „описанія и вывѣданья пущъ и переходовъ звѣриныхъ у панствѣ его „королевское милости Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“, живо рисуетъ состояніе лѣсовъ и охоты въ то время. Воловичъ описываетъ 38 пущъ, въ томъ числѣ Бѣловѣжскую, которую называетъ Бѣльско-Бѣловѣжскою. Пущи дѣлились въ охотничьемъ отношеніи на оступы, т. е. на участки, въ которыхъ удобно было вести облаву на звѣря. Сколько было такихъ оступовъ въ Бѣловѣжской Пущѣ, Воловичъ не упоминаетъ, но въ сравнительно небольшой Перетунской пущѣ насчитывали 37 оступовъ, притомъ всѣ зубриные [47]). Ближайшее и непосредственное наблюденіе за дичью и звѣриными переходами лежало на такъ-называемыхъ „осочникахъ“ [48]). „Осочникъ“ происходитъ отъ стариннаго, встрѣчающагося еще въ Русской Правдѣ, слова „сокъ“—выслѣживаніе, хожденіе по слѣдамъ. Со времени Воловича терминъ „осочникъ“ встрѣчается весьма часто, какъ въ описаніяхъ, такъ и въ различныхъ законодательныхъ актахъ объ охотѣ и лѣсоустройствѣ; но позднѣе, съ воцареніемъ саксонской династіи, осочниковъ смѣнили егеря различныхъ степеней, хотя должности осочника не упразднили окончательно. Поселки осочниковъ, съ теченіемъ времени, обратились въ обыкновенныя крестьянскія деревни. Несмотря на страсть къ охотѣ польскихъ королей, которая побуждала ихъ всѣми мѣрами охранять лѣса и дичь, начавшаяся быстро развиваться культурная жизнь дѣлала свое.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Воловичу было приказано обозрѣть всѣ лѣсистыя мѣстности для того, чтобы охранять лучшія изъ нихъ, черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, по иниціативѣ Петра Фальчевскаго, Бѣловѣжской Пущѣ наносится жесточайшій вредъ, слѣды котораго сохраняются и до нашихъ дней.

Заботясь объ экономическомъ благосостояніи народа, этотъ выдающійся государственный мужъ насаждалъ культуру вездѣ, гдѣ только позволяли условія [49]); красоты природы и наслажденія охоты для него не имѣли значенія. Въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ поставили четыре желѣзодѣлательныхъ завода, огромный поташный и рядъ смоло-

куренныхъ заводовъ [50]). Лѣсъ изводили на топливо и на производство. Слѣды поташнаго завода видны были еще въ 40-хъ годахъ за урочищемъ Старый Бѣловѣжъ. На заводахъ работали выписанные изъ Моравіи и изъ Жмуди мастера. Народъ этотъ селился гдѣ и какъ попало въ землянкахъ, шалашахъ и наскоро сколоченныхъ домикахъ, смотря по тому, гдѣ была нужна работа. Жилища эти называли будами, а обитателей—будняками. Много народовъ прошло черезъ Пущу, много было пролито здѣсь крови людской и звѣриной, кто только ни опустошалъ этихъ лѣсовъ; но большихъ опустошителей, нежели будняки, Пуща еще не видала. Стрѣлки браконьерствовали и вырубали лѣса лишь постольку, поскольку имъ было нужно для домашняго обихода. Будняки же изводили лѣсъ для заводскихъ цѣлей и съ топоромъ и рушницей шныряли во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ подсѣкая сосну для смолы, гдѣ истребляя звѣря.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 300 лѣтъ, на костяхъ этихъ лѣсныхъ хищниковъ вновь выросли вѣковые дубы и сосны, а слѣды ихъ хозяйства сохраняются и понынѣ въ видѣ бороздъ и ямъ на мѣстахъ выкорчевокъ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ въ Пущѣ кое-гдѣ виднѣлись сохранившіеся остатки будъ.

Послѣдній изъ рода Ягеллоновъ Сигизмундъ-Августъ умеръ бездѣтнымъ, и послѣ него на польскій престолъ былъ избранъ Семиградскій князь Стефанъ Баторій, къ которому, вмѣстѣ съ короною, перешла и династическая страсть Ягеллоновъ къ охотѣ. Этотъ выдающійся монархъ, царствованіе котораго занимаетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ грустной исторіи Польши, внесъ и въ охоту то разумное начало, которымъ отмѣчена вся его многосторонняя дѣятельность. Онъ не устраивалъ боень, подобно Ягелло, и не дѣлалъ изъ охоты пустого увеселенія, ставшаго традиціоннымъ при его потомкахъ. Баторій отдыхалъ на охотѣ отъ напряженнаго умственнаго труда, черпая въ общеніи съ природою новыя силы для своей государственной дѣятельности [51]). Онъ не столько любилъ убивать, сколько охотиться, поэтому его одинаково привлекали, какъ крупный звѣрь, такъ и мелкая дичь или птица; при этомъ онъ не искалъ исключительно заповѣдныхъ рощъ, полныхъ дичью, а охотился вездѣ, гдѣ къ тому представлялись случай и время. Баторій настолько серьозно интересовался охотою, что по его иниціативѣ возникла даже польская охотничья литература. При немъ Матвѣй Цыганскій издалъ свою книгу—„Охота по перу",—въ которой говоритъ про себя, что прежде онъ былъ охотникъ, а теперь Баторій уговорилъ его стать литераторомъ [52]). Замѣтимъ, что Цыганскій началъ свой трудъ не съ охоты на зубра или медвѣдя, которая могла бы интересовать многихъ, а съ описанія охоты, привлекавшей только истинныхъ любителей. Баторій былъ, между прочимъ, страстный любитель и соколиной охоты, которая приходила въ упадокъ при Сигизмундахъ, но теперь пышно возродилась.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ ВЪ БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩѢ СЛѢДИТЪ ЗА ОТПРАВЛЕНІЕМЪ ЗАГОНЩИКОВЪ.
Оригинальный рисунокъ В. И. Навозова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

Бѣловѣжская Пуща, въ которой сосредоточивались всѣ роды охоты, неоднократно привлекала къ себѣ Баторія. Въ 5-ти верстахъ отъ села Бѣловѣжъ по дорогѣ въ Гайновку есть мѣсто, называемое Баторіевой горой, гдѣ происходилъ однажды охотничій пиръ. Зубровъ Баторій билъ изъ мушкета, впервые введя этотъ способъ, взамѣнъ прежняго, когда звѣря загоняли собаками и, истомивъ, пронзали дротиками, рогатинами и стрѣлами. Въ 1579 г. король, возвращаясь изъ-подъ стѣнъ завоеваннаго Полоцка, въ Варшаву, дважды охотится въ Бѣловѣжской Пущѣ. Секретарь Баторія историкъ Гейденштейнъ разсказываетъ, какъ охотился король въ Пущѣ передъ своимъ походомъ на Псковъ въ 1581 году. Баторію нужно было изъ Гродно прибыть въ Варшаву на сеймъ, созванный въ виду предстоящаго похода, и съ 7-го по 10-ое января онъ три дня подрядъ посвятилъ охотѣ въ Пущѣ. [53]) Между прочимъ король полевалъ и на медвѣдей, причемъ въ описаніи этой охоты упоминается несчастный случай съ мальчикомъ, котораго помялъ поднятый изъ берлоги звѣрь. Баторій щедро одарилъ пострадавшаго мальчика.

Для пріѣзда Баторія въ Пущѣ былъ построенъ новый за́мокъ невдалекѣ отъ Стараго Бѣловѣжа, гдѣ стоялъ домъ Сигизмунда I, и, вѣроятно, по этому за́мку вся ближайшая мѣстность съ тѣхъ поръ стала называться „Замчиско".—Баторіевъ замокъ, по обычаю времени, имѣлъ бѣлыя башни—Biała Wiaga, отъ нихъ такъ же, какъ отъ дворца Сигизмунда, нѣкоторые стали производить названіе Пущи. Въ теперешнемъ 281 кварталѣ сохранились еще слѣды какой-то каменной постройки. — При Баторіи же возникъ и первый королевскій звѣринецъ въ Пущѣ — Wielka Kletna, возлѣ истоковъ рѣки Елянки. Охотясь, Баторій не забывалъ и объ огражденіи лѣсныхъ богатствъ и побуждалъ всѣми мѣрами охотничью стражу охранять звѣря, въ особенности же зубра.

Въ 1583 году, по распоряженію Баторія, въ Бѣловѣжской Пущѣ выловили двухъ зубровъ, изъ которыхъ одного отправили въ Краковъ, а другого—въ Варшаву, чтобы познакомить населеніе со звѣремъ, становившимся уже и тогда рѣдкостью. Это былъ первый случай вылавливанія зубра для переселенія.

По смерти Баторія (1586 г.) въ Пущѣ наступилъ періодъ полнаго затишья, продолжавшійся съ небольшимъ перерывомъ 110 лѣтъ. Царствовавшій послѣ Баторія Сигизмундъ III шведскій и его сынъ Владиславъ IV были равнодушны къ охотѣ и, несмотря на то, что охота была традиціоннымъ спортомъ того времени, они ни разу не посѣтили своего богатѣйшаго Бѣловѣжскаго угодья.

Равнодушіе къ охотѣ Сигизмунда простиралось такъ далеко, что даже въ Яктуровской пущѣ, подъ самою столицею, не соблюли туровъ; послѣдняя турица пала въ 1627 г. [54])—и на земномъ шарѣ не осталось

4

болѣе этой породы. Лѣса, а съ ними вмѣстѣ и всѣ крупные звѣри— зубръ, лось, олень и пр., быстро исчезали тогда во всей Польшѣ и Литвѣ. Въ половинѣ XVII столѣтія зубровъ не оставалось уже нигдѣ, кромѣ Бѣловѣжской Пущи, если не считать нѣсколько головъ, содержавшихся въ плѣну въ королевскихъ звѣринцахъ подъ Варшавою, Остроленкою и Замосцiемъ.

Владиславъ, хотя и не интересовался охотою, въ томъ смыслѣ, что самъ не полевалъ, тѣмъ не менѣе, онъ проявилъ дѣятельную заботливость объ охраненiи королевскихъ пущъ и въ частности Бѣловѣжской. По приказанiю Владислава, въ 1640 г. ловчимъ Вел. Княжества Литовскаго Исаковскимъ была составлена „ординацiя"—порядокъ управленiя всѣми коронными лѣсами [55]). Ординацiя, за королевскими печатями, была утверждена собственноручною подписью Владислава, со скрѣпою великаго канцлера Сапѣги и многихъ другихъ должностныхъ лицъ. Подлинный документъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтiя хранился въ архивахъ Гродненской палаты государственныхъ имуществъ. Изъ описанiя тогдашнихъ границъ Пущи видно, что въ главныхъ чертахъ онѣ совпадали съ нынѣшними, и общая площадь составляла приблизительно 150.000 дес. Пуща дѣлилась на три части, изъ которыхъ двѣ бòльшiя были почти равны, а меньшая, примыкавшая къ восточной границѣ, заключала около 8 кв. миль. Высшiй надзоръ за Пущею былъ ввѣренъ Бѣловѣжско-Каменецкому лѣсничему, резиденцiей которому былъ назначенъ фольваркъ Ямны, по дорогѣ между селенiемъ Королевъ-Мостъ и мѣстечкомъ Каменецъ-Литовскъ. Лѣсничiй сносился съ самимъ королемъ. Непосредственное охраненiе лѣса и звѣрей было поручено осочникамъ, надъ которыми стояли четыре старшихъ осочника, и, кромѣ того, была установлена небольшая конная стража. Права и обязанности всѣхъ этихъ лицъ строго опредѣлялись ординацiею. Осочники стерегли Пущу, чинили мосты и дороги, выставляли подводы, возили лѣсъ, доносили о павшихъ звѣряхъ и являлись на охоты. Конная стража и старшiе осочники, неся также сторожевую и охотничью службу, кромѣ того, наблюдали за младшими осочниками. Служба всѣхъ, не исключая лѣсничаго, вознаграждалась землею, жалованья деньгами никто не получалъ. Бортники (пчеловоды) за право водить пчелъ отдавали половину меда въ королевскую казну, что въ общей сложности составляло въ годъ до 12 бочекъ. По ординацiи, въѣздъ въ Пущу постороннимъ, для полученiя лѣса и для сѣнокошенiя, разрѣшался только по королевскимъ листамъ, и такiе листы были выданы 23-мъ владѣльцамъ сосѣднихъ имѣнiй. Въ числѣ ихъ были: канцлеръ, подканцлеръ, подкоморiй, писарь, старосты, чины духовенства и пр. Лѣсничiй долженъ былъ строго на-

блюдать за тѣмъ, чтобы въ Пущѣ не прокладывали новыхъ дорогъ, даже излишнія приказывали запускать подъ лѣсъ, равно луга и поля, не входившіе въ составъ надѣловъ. Никакихъ рубокъ безъ особаго разрѣшенія короля не могло производиться, а на сухостой, валежникъ и сучья ловчій выдавалъ билеты самъ. Словомъ, Пуща вся въ цѣломъ должна была строго охраняться отъ порубокъ и браконьерства. Еще интересно указаніе въ ординаціи на существованіе охотничьяго дома для короля въ срединѣ Пущи, при мельницѣ на рѣкѣ Наревкѣ, т. е. въ теперешнемъ Бѣловѣжѣ. Королевскій охотничій домъ, несмотря на то, что Владиславъ въ него не заглядывалъ, долженъ былъ сохраняться въ полномъ порядкѣ; при домѣ находился постоянный королевскій слуга, на рукахъ котораго лежалъ весь инвентарь. Впрочемъ, новые лѣсоохранительные законы не могли имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій потому, что все вниманіе правительства было поглощено болѣе серьезными дѣлами: для Польши уже съ тѣхъ поръ наступила тревожная эпоха политическихъ переворотовъ. Цѣнный лѣсъ сбывался за границу, старосты щедрою рукою раздавали цѣлые лѣсные участки подъ расчистку, и Пуща оскудѣвала.

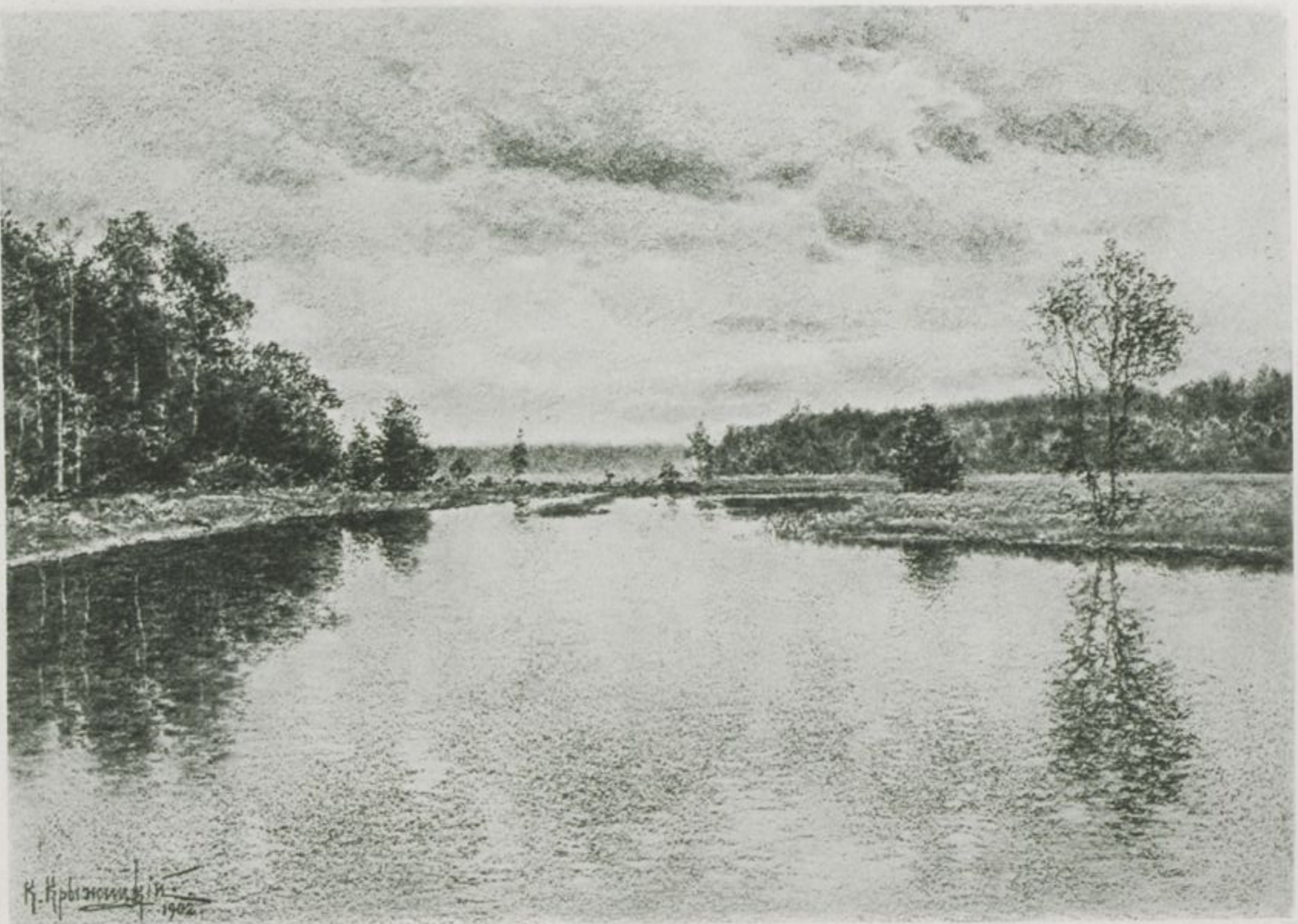
Не долго царствовавшій Янъ Казиміръ вспомнилъ про Пущу. Мы знаемъ, что онъ охотился тамъ въ 1650 г. [56]) и даже во время осады Кракова, въ 1657 году, онъ не переставалъ охотиться [57]), переѣзжая изъ Неполомицкихъ лѣсовъ въ Бѣловѣжскіе. Послѣдующіе же короли, Михаилъ Вишневецкій и Янъ Собѣсскій—въ Пущу не заглядывали.

Съ избраніемъ въ 1698 году на польскій престолъ Курфюрста Саксонскаго Августа II Пуща снова ожила. Въ ней появились егеря саксонцы, организовавшіе тамъ даже охотничье хозяйство. Подробности объ этомъ хозяйствѣ не дошли до насъ; быть можетъ, уже тогда начали прикармливать зубровъ; но главная обязанность егерей заключалась конечно въ сторожевой службѣ. Фабрики и заводы, воздвигнутые еще Петромъ Фальчевскій, замолкли, посторонняго, опаснаго для охоты народа стало меньше, и только пчеловодство продолжало процвѣтать, принося крестьянамъ хорошіе доходы. Охотничью стражу довели до 150-ти человѣкъ и вообще королевское угодье привели въ такое состояніе, что Августъ съ сыномъ, впослѣдствіи Августомъ III, наѣзжая изъ своей резиденціи—Дрездена—въ Варшаву на сеймы, не пропускали случая посѣтить его [58]). Августъ II настолько увлекался охотою, что, забывая свой санъ, выходилъ одинъ на медвѣдя съ рогатиною или корделясомъ. Такое единоборство (3-го декабря 1705 года) едва не стоило королю жизни, звѣрь подмялъ его подъ себя, и только, благодаря своей огромной силѣ и ловкости, Августъ II вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ [59]). Онъ также любилъ прикалывать собственно-

4*

ручно кабановъ, попадавшихся въ тенёта, и одинаково смѣло, какъ и на медвѣдя съ рогатиною, бросался съ обыкновеннымъ охотничьимъ ножомъ на одинцовъ-кабановъ, а мелкихъ, 5-6 пудовыхъ, укладывалъ по 40 штукъ въ одну послѣобѣденную охоту. По инициативѣ Августа была сдѣлана попытка переселенія зубровъ въ Саксонію [60]). Ихъ помѣстили въ особомъ паркѣ между Дрезденомъ и Гроссенгеймомъ и окружили самымъ тщательнымъ уходомъ; но старанія нѣмцевъ не имѣли успѣха, зубры колѣли, а безпорядки, царившіе во время семилѣтней войны, ихъ окончательно уничтожили. Такими же неискусными оказались саксонцы и въ охраненіи благороднаго оленя въ Пущѣ. Нѣсколько холодныхъ зимъ и сопутствующіе имъ волки и рыси уничтожили его окончательно. Это небреженіе со стороны саксонцевъ и въ особенности то, что они не догадались переселить въ Пущу новыхъ оленей, тѣмъ болѣе удивительны, что у себя, на родинѣ, они могли хорошо изучить природу оленей: ихъ тамъ вездѣ было множество, какъ въ охотничьихъ паркахъ, такъ и на полной свободѣ. Въ память объ Августѣ II наиболѣе посѣщаемая имъ часть Бѣловѣжскаго лѣса цѣлое столѣтіе сохраняла названіе Августовской стражи.

Августъ III еще при отцѣ хорошо познакомился съ Пущею и, ставъ самостоятельнымъ, посвящалъ ей особенное вниманіе. При немъ усилили охотничью стражу, на границахъ дачи поставили дома для егерей и стрѣлковъ, а въ серединѣ дачи обнесли заборомъ значительный лѣсной участокъ по рѣкѣ Елянкѣ, образовавъ нѣчто въ родѣ охотничьяго звѣринца. Собственно говоря, Августъ только возобновилъ и расширилъ тотъ звѣринецъ, который созданъ былъ еще при Баторіи. Всѣ знаменитыя охоты Августа происходили здѣсь или возлѣ, поэтому это мѣсто стали называть Августовымъ садомъ; оффиціально же его названіе оставалось прежнее — Большой загонъ, Wielka Kletna [61]). — Тамъ были устроены штанды (altanki) для короля и вельможъ, и слѣды этихъ штандовъ, а также забора оставались до конца прошлаго столѣтія. — Другимъ большимъ сооруженіемъ Августа III былъ новый охотничій замокъ. — Старинный деревянный охотничій домъ, поставленный при Сигизмундѣ I, обратился съ теченіемъ времени въ квартиру главнаго егермейстера, завѣдовавшаго всею охотою и арсеналомъ. Для Августа понадобилось воздвигнуть болѣе обширное помѣщеніе, и мѣстомъ для него выбрали возвышенный берегъ Наревки, почти въ центрѣ Пущи, верстахъ въ 7 отъ охотничьяго дома Сигизмунда. Здѣсь также раньше былъ домъ для пріѣзда короля, о которомъ упоминается въ ординаціи Владислава IV, и Августъ или расширилъ его, или выстроилъ себѣ на его мѣстѣ новый дворецъ. Съ возникновеніемъ королев-

РѢКА НАРЕВКА ВЪ УРОЧИЩѢ „СТАРЫЙ БѢЛОВѢЖЪ".—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

скаго дворца, по всей вѣроятности, возникъ и Новый Бѣловѣжъ, а прежній сталъ называться „Старымъ". По описанію Бринкена [62]), за́мокъ, окруженный паркомъ, выходилъ однимъ фасадомъ на рѣку Наревку, другимъ—на обширный лугъ, обсаженный дубами. Сбоку къ за́мку примыкалъ просторный дворъ, вокругъ котораго располагались хозяйственныя и охотничьи постройки. Въ нихъ размѣщался огромный штатъ егерей, псарей и прочихъ служащихъ, а въ отдѣльномъ зданіи хранились охотничьи снасти. Псарный дворъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Главное зданіе было расчитано на пріемъ многочисленныхъ гостей. Въ серединѣ была большая зала съ каминами, по бокамъ — уютныя, комфортабельныя комнаты для отдыха и бесѣды.

Въ 1812 году, хозяйничавшія въ Пущѣ союзныя Наполеону австрійскія войска, разграбили весь за́мокъ; разореніе же докончилось въ польскій мятежъ 1830 года. На мѣстѣ замка насыпали батарею; отъ остальныхъ построекъ остались только слѣды. Дворецъ Александра III-го возвышается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли Августовскій за́мокъ и охотничій домъ Владислава.

Охоты Августа III-го превосходили по своей пышности все то, что когда-либо видала Пуща до тѣхъ поръ. Въ этомъ отношеніи Августъ III явился самымъ типичнымъ представителемъ польскихъ королей, которые, послѣ Ягелло, за исключеніемъ Баторія, постепенно обращали охоту въ пышное зрѣлище. Августъ III былъ кавалеромъ ордена Св. Губерта, считавшагося покровителемъ охоты. Орденъ установили въ 1738 г. и его могли получать за охотничьи подвиги только принадлежавшіе къ королевской крови или самые знатные вельможи. Празднуя полученіе ордена, Августъ, гласитъ преданіе, посвятилъ шесть недѣль сряду на истребленіе звѣрей [63]).

Задолго до пріѣзда короля изъ Дрездена и изъ Варшавы въ Пущу наѣзжали сановники, придворные и слуги. Мѣстная администрація устраивала ежедневныя грандіозныя облавы, вылавливая тенетами всякую дичь для пересадки въ „Августовъ садъ". Не довольствуясь такимъ заполненіемъ сада, ко времени охоты собранную дичь сосредоточивали на еще меньшемъ пространствѣ, въ какихъ-нибудь сто десятинъ, огороженномъ щитами, за которыми ставился высокій прочный заборъ, на случай, если бы такой сильный звѣрь, какъ зубръ, прорвалъ линію щитовъ. Изъ этого небольшого отгороженнаго участка устраивали, на подобіе коридора, узкій выходъ, а сбоку воздвигалась бесѣдка, чтобы выгоняемые звѣри попадали прямо подъ выстрѣлы.

Бринкенъ, со словъ очевидца, такъ описываетъ одну изъ грандіознѣйшихъ охотъ Августа III-го, происходившую 27-го сентября 1752 года:

За нѣсколько дней до пріѣзда короля—въ Пущу явились нѣмцы-охотники съ прекрасными собаками и различными охотничьими приспособленіями. Мѣстомъ охоты избрали участокъ возлѣ сада, къ сѣверо-западу отъ села Бѣловѣжъ, верстахъ въ семи отъ замка. Пользуясь указаніями мѣстныхъ егерей относительно зубровыхъ стоянокъ, нѣмцы пополнили звѣровой составъ сада зубрами, для загона которыхъ потребовалось не менѣе тысячи крестьянъ.—Ко дню пріѣзда короля все было готово, и даже число зубровъ было на счету. Король пріѣхалъ съ женою и семействомъ, въ сопровожденіи такой многочисленной свиты, что ее едва размѣстили по деревнѣ.—Рано утромъ, въ роскошныхъ экипажахъ, окруженные гарцующими на коняхъ офицерами и пажами, дворъ и дамы двинулись къ мѣсту охоты. Звуки трубъ возвѣстили о прибытіи Августа и о началѣ охоты. Бесѣдку заняли королевская семья съ важнѣйшими сановниками, но послѣднимъ предоставлялось только право любоваться кровавымъ зрѣлищемъ. Королева, увлекавшаяся стрѣльбою не менѣе короля и вмѣстѣ съ тѣмъ большая любительница чтенія, не теряла времени даромъ. Читая, въ промежутки между выпусками звѣря, она одна уложила 20 зубровъ. Король также стрѣлялъ мастерски, принимая заряженное ружье отъ стоявшихъ возлѣ пажей и егерей. Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла по зубру раздавались трубные фанфары. По окончаніи охоты король и королева осматривали штреку, дичь была взвѣшена и распредѣлена между крестьянами [63]). Въ память объ охотѣ воздвигли обелискъ, на которомъ еще и теперь не трудно прочесть слѣдующія высѣченныя надписи на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

„27-го Сентября 1752 года здѣсь охотились на зубровъ Ихъ Величества Августъ III, Король Польскій и Курфюрстъ Саксонскій съ Августѣйшей супругой Королевой и Ихъ Высочествами Принцами Ксаверіемъ и Карломъ, при чемъ были убиты: 42 зубра, а именно—11 крупныхъ, изъ коихъ бо̀льшій вѣсилъ 14 центнеровъ и 50 фунтовъ (43 пуда и 20 фунтовъ), 7 меньшихъ, 18 молодыхъ зубровъ и 6 телятъ. Далѣе—13 лосей, а именно: 6 быковъ, изъ которыхъ наибольшій вѣсилъ 9 центнеровъ и 75 фунтовъ (29 пудовъ и 10 фунтовъ), 5 коровъ и 2 теленка; кромѣ того 2 козла. Всего 57 штукъ.

При этомъ присутствовали: Его Превосходительство великій коронный гетманъ Браницкій, Его Превосходительство первый министръ Графъ Брюль, Его Превосходительство коронный начальникъ столовыхъ имѣній (Удѣловъ) Графъ Велепольскій, Его Превосходительство обершталмейстеръ Графъ Брюль, Его Превосходительство коронный почтмейстеръ и маршалъ фонъ Биберштейнъ, Его Превосходительство гофмаршалъ фонъ Шенбергъ, Господа полковники Понятовскій, Вильчевскій, Венгерскій и

Старжевскій, подполковникъ Сапѣга. Охотою руководилъ Его Превосходительство оберегермейстеръ Графъ Волферсдорфъ; при охотѣ были дежурными: камеръ-юнкеръ и оберфорстмейстеръ фонъ Габленцъ, камеръ-юнкеръ и яхтъ-юнкеръ фонъ Арнимъ, охотничьи пажи фонъ Генцау и Лейпцигеръ, охотничій волонтеръ Флугъ, ловчій Штокманъ, придворный егерь Шрейеръ, тѣлохранитель Пецольдъ, старшіе лѣсничіе Брейтеръ, Берманъ, Экгардъ; лѣсничіе Шубертъ, Аугерманъ, Штокмаръ, Рихтеръ, Эйхлеръ, Хомбургъ, трое Козловскихъ, Вапъ, Роде, Прокоповичъ, Урепкевичъ" *).

Обелискъ является единственнымъ хорошо сохранившимся памятникомъ историческаго прошлаго Пущи временъ польскаго господства. Онъ изъ бѣлаго песчаника 12 фут. вышиною и стоитъ на незначительной земляной насыпи.—Туристъ, осматривающій Пущу, увидитъ его слѣва отъ дороги, при проѣздѣ изъ деревни Сточекъ къ Императорскому дворцу.

Въ настоящее время обелискъ тщательно оберегается, его накрываютъ на зиму чехломъ, по угламъ посажены деревья, а кругомъ, у подножья, взамѣнъ прежней деревянной ограды, разбитъ цвѣтникъ.

Послѣдній Польскій король, Станиславъ Августъ, не любилъ охоты и хотя, для поддержанія традиціоннаго строя придворной жизни, отъ време-

---

*) «Dnia 27 Septembra, 1752 Nayiasnieysze Państwo August III, Król Polski, Elektor Saski, z Królową Jeymoscią i Królewiczem Ichmośc Xawerym i Karolem tu mieli polowania zubrów, i zabili: 42 zubrów; to jest: 11 wielkich, z których nayważnieyszy ważył 14 centnarów 50 funtów, 7 mnieyszych; 18 zubrzyców; 6 młodych; 13 łosiów; to jest: 6 z których naywaznieyszy ważył 9 centnarów 75 funtów; 5 samic; 2 młodych; 2 sarny. Summa 57 sztuk. Byli przytómni: I. W. I. Pan Branicki, Hetman Wielki Koronny. I. W. Hrabia de Brühl pierwszy Minister I. K. M., I. W. I. Pan Wielopolski, Czésnik Koronny. I. W. Hrabia de Brühl Koniuszy naywyższy I. K M., I. W. Marszałek de Biberstein, Generał poczty Koronney. I. W. de Szönberg Marszałek Nadworny I. K. M., I. W. i Wiel. I. Panowie Poniatowski, Wilczewski, Węgierski, Starżewski, Pułkownicy: i Sapieha Oberster Lieutenant. Polowaniem dyrygował I. W. I. Pan de Wolfersdorff Łowczy naywyższy I. K. M. Assystowali przy polowaniu: W. I. Pan de Gablenz Podłowczy I. K. M., W. I. Pan de Arnim Szambelan. W. I. Panowie de Gausou i de Leipziger Paziowie od polowania. Strzelcy nadworni I. Pan Pflug, Stokmann, Schreyer i Pezold. Nadlesniczowie: Breyter, Bormann, Eckhard. Lesniczowie: Szubert, Angermann, Stockmar, Richter, Eichler, Homburg; 3 Kozlowscy, Vap, Rode, Prokopowicz, Urepkiewicz».

«Den 27 September 1752 haben Ihro Majestaet August III Kœnig in Pohlen und Churfürst zu Sachsen nebst Dero Kœniglichen Gemahlin Majestæt ingleichen Ihrer Königliechen Hoheiten Prinz Xaver und Prinz Karl allhier ein Auerjagen auf dem Lauf geholten, und geschossen: 42 Auer, naemlich: 11 Hauptauer, wovon der schwerste gewogen 14 Centner 50 Pfund, 7 Mittelauer; 18 Auerthiere; 6 Auerkälber. Ferner 13 Elend, næmlich: 6 Elendhirsche, wovon der schwerste gewogen 9 Centner 75 Pfund; 5 Elendthiere; 2 Elendkälber. Ferner 2 Rehe. Summa 57 Stück.

Hierbei waren zugegen: Ihro Exellenz Herr Kron Grossfeld herr Branicki. I. E. Herr Premier Minister Graf Brühl, I. E. Herr Kron-Mundschenk Graf Wielopolski, I. E. Herr Oberstallmeister Graf Brühl, I. E. Herr General Kron-Postmeister Marschall von Biberstein. I. E. Herr Hofmarschal von Schœnberg. Die Herren Obristen Poniatowski, Wilczewski, Wegierski und Starzewski. Der Herr Obrist Lieutenant Sapieha. Das Jagen haben dirigirt: Ihro Exc. Herr Oberhofjägermeister Graf Wolfersdorff. Beginn-Jagen haben Dienste geleistet: Herr Kammerjunker-und Obersforstmeister von Gablenz; Herr Kammer und Jagdjunker von Arnime, Herr Jagdpage v. Gensau und v. Leipzyger. Jagd Volontair Pflug, Wildmeister Stockmann, Hofjäger Schreier, Leibschütz Pezold. Die Qberfœrster: Breyther, Bermann, Eckhard. Die Fœrster: Schubert, Augermann, Stockmar, Richter, Eichler, Homburg, 3 Kozlowski, Wap, Rode, Prokopowiez, Urepkiewicz».

ни до времени въ Пущѣ устраивались охотничьи парады, на подобіе бывшихъ при Августѣ III-емъ, но самъ король относился къ нимъ безучастно.

Обелискъ Августа III-го. Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

Изъ охотъ Станислава Августа наиболѣе извѣстна происходившая 30-го и 31-го августа 1784 года [65]).—Къ пріѣзду короля въ большомъ загонѣ (Августовъ Садъ) поставили трехъ-этажный павильонъ. Въ нижнемъ этажѣ размѣщалась прислуга, въ среднемъ былъ обширный залъ для короля, убранный коврами и рыцарскими доспѣхами, а верхній этажъ представлялъ открытый балконъ, съ котораго приближенные глядѣли на охоту. Въ первый день король подъѣхалъ къ павильону верхомъ, сопровождаемый конною литовскою гвардіею, уланами и казаками. Лошадей короля и сановниковъ торжественно вели подъ уздцы. На слѣдующій день король прибылъ въ каретѣ шестеркою бѣлыхъ лошадей цугомъ. Результаты охоты этихъ дней никто не записалъ, но есть упоминаніе, что Станиславъ Августъ не истреблялъ звѣрей такъ безпощадно, какъ его предшественникъ, и ограничивалъ охоту только нѣсколькими зубрами. Въ одну изъ охотъ произошелъ случай съ верховымъ, стоявшимъ вблизи королевскаго павильона. Разсвирѣпѣвшій зубръ бросился на верхового, поднялъ лошадь его на рога, а сѣдокъ спасся тѣмъ, что схватился за вѣтку и повисъ на ней.

При Станиславѣ Августѣ золотые дни егерей саксонцевъ приходятъ къ концу; многіе изъ нихъ вернулись даже на родину. Пуща въ охотничьемъ отношеніи стала приходить въ упадокъ, но взамѣнъ того выдвинулась ея хозяйственная сторона. Король хорошо велъ дѣла въ своихъ такъ-называемыхъ столовыхъ имѣніяхъ, и Пуща, перешедшая въ составѣ Литвы, подъ управленіе одного изъ выдающихся экономистовъ той эпохи Антонія Тизенгауза, обратилась въ доходное угодье. Ти-

ПОСЛѢ ОХОТЫ ВЪ ПУЩѢ 1409-ГО ГОДА.—Ориг. рис. В. И. Навозова.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

ОХОТА СТАНИСЛАВА АВГУСТА ВЪ ПУЩѢ 31-ГО АВГУСТА 1784 Г.—Оригинальный рисунокъ В. П. Навозова.

5

зенгаузъ былъ сначала гродненскимъ старостою, а затѣмъ литовскимъ подскарбіемъ. Съ послѣднею должностью совмѣщалось все хозяйственное управленіе страною, и Тизенгаузъ обратилъ особенное вниманіе на лѣсныя богатства Литвы. Онъ привелъ въ извѣстность всѣ казенные лѣса, открылъ тамъ смоляные, дегтярные, поташные заводы, пильныя мельницы, а въ Пущѣ, сверхъ того, очистивъ и спрямивъ рѣки, приспособилъ ихъ для сплава. По нимъ цѣнные дубы и сосны успѣшно доставлялись въ Данцигскій портъ [66]). Этими плодами заботъ Тизенгауза пользуются и сейчасъ.

Не интересуясь охотою самъ и зная отношеніе къ ней короля, Тизенгаузъ, озабоченный собираніемъ доходовъ, тѣмъ не менѣе не только не стремился разрушить Бѣловѣжское охотничье угодье, уцѣлѣвшее въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, но наоборотъ всячески старался сохранить охоту. Если мы сказали раньше, что Пуща въ охотничьемъ отношеніи приходила въ упадокъ, то это зависѣло не отъ недостатка заботъ, а отъ того, что вообще нельзя было вести параллельно двухъ хозяйствъ, взаимно исключающихъ другъ друга—фабрично-заводскаго и охотничьяго. Ближайшій надзоръ за Пущею Тизенгаузъ ввѣрилъ оберъ-форстмейстеру. За нимъ стоялъ ловчій, который завѣдовалъ собственно всею охотничьей частью, далѣе—13 унтеръ-форстмейстеровъ и 123 стрѣлка. Всѣ служащіе были щедро надѣлены землями, и для полевыхъ работъ даже стрѣлкамъ давались чернорабочіе; топливо же и лѣсъ для домашнихъ надобностей выдавались безъ ограниченія всѣмъ пущинскимъ и сосѣднимъ крестьянамъ, за что съ каждаго взималось по серебряному польскому грошу въ годъ. Эта щедрая раздача казеннаго лѣса была установлена еще до Тизенгауза, но при немъ она не прекратилась, и нужно сказать, что мѣстное населеніе до сихъ поръ смотритъ на удѣльный лѣсъ, какъ на общую собственность. Псарный дворъ, всевозможные охотничьи снаряды: тенета, сѣти и пр.—все это хранилось и поддерживалось. Пущу раздѣлили на такъ-называемыя стражи, и послѣднія распланировали такъ, что каждая стража выходила одною стороною на окрайну дачи. Свободный въѣздъ въ Пущу былъ воспрещенъ, а для большей охраны отъ порубокъ и браконьерства, стрѣлковъ разселили кольцомъ вокругъ всей дачи. Всѣ сервитуты крестьянъ и помѣщиковъ были выкуплены въ казну.

Здѣсь не мѣсто перечислять все то, что сдѣлалъ Тизенгаузъ вообще для края; дѣятельность этого государственнаго человѣка оцѣнили историки Литвы и Польши*); для насъ же интересенъ только еще

---

*) Оклеветанный придворными, Тизенгаузъ былъ отстраненъ отъ должности подскарбія и умеръ въ полной нищетѣ въ 1785 году, оплакиваемый немногими сотрудниками.

одинъ актъ заботливости Тизенгауза. По его инициативѣ основалась ветеринарная школа въ Гродно, для которой изъ Монпелье пригласили извѣстнаго естествоиспытателя, Жильберта [67]). Послѣдній внимательно изслѣдовалъ фауну Литвы и, между прочимъ, оставилъ подробное описаніе зубра и его жизни.—Изъ трудовъ Жильберта наиболѣе извѣстны: „Observationes de bisone Lithuano“ и „Indagatores naturae in Lithuania“. Въ концѣ XVIII вѣка о Пущѣ и о зубрахъ отрывочно писали нѣкоторые польскіе натуралисты: Бѣльскій, Стрыйковскій и Рончинскій.

Съ именемъ Тизенгауза связанъ одинъ эпизодъ, который могъ бы доставить Пущѣ еще большую извѣстность. Знаменитый мыслитель Жанъ-Жакъ-Руссо, по просьбѣ Велогорскаго, написалъ проектъ государственнаго устройства Польши. Знакомясь для своего проекта съ исторіею и бытомъ польскаго народа, Руссо составилъ себѣ настолько благопріятное мнѣніе о полякахъ, что выразилъ даже желаніе пожить среди нихъ. Узнавъ объ этомъ, Тизенгаузъ рѣшилъ уговорить женевскаго философа переселиться въ Польшу и, зная наклонность Руссо къ уединенію, предложилъ ему поселиться въ Бѣловѣжскомъ лѣсу, обѣщая предоставить всѣ удобства и не требуя ничего взамѣнъ. Уговорить Руссо долженъ былъ состоявшій при Тизенгаузѣ извѣстный въ польской литературѣ Ксаверій Богушъ. Планъ переселенія въ Бѣловѣжъ показался очень заманчивымъ Руссо, и вѣроятно онъ не замедлилъ бы осуществить его, если бы не одно случайное обстоятельство.—Въ то время въ Парижѣ появился польскій авантюристъ Важевичъ, который какимъ-то способомъ вкрался въ довѣріе философа и, выманивъ изрядную сумму денегъ, скрылся. — Такъ закончился этотъ эпизодъ, послѣ котораго Руссо, вмѣсто Бѣловѣжа, выбралъ себѣ для уединенія предмѣстье Парижа Ermenonville [68]).

Въ 1794 году свершилось то, что уже давно готовилось, Польша пала, какъ самостоятельное государство. По первому раздѣлу часть Литвы вмѣстѣ съ Пущею отошла къ Россіи.

Взглянувъ безпристрастно на четырехсотлѣтнее польское господство въ Пущѣ (1413—1794 г.), охотникъ долженъ, все-таки, сказать полякамъ искреннее „спасибо“. Разоренная, оскудѣвшая лѣсомъ и звѣрями Пуща, какъ ни какъ—уцѣлѣла, и въ ней не перевелся самый цѣнный ея обитатель—зубръ, котораго нигдѣ въ Европѣ не сумѣли уберечь. Уцѣлѣла же она благодаря своимъ королямъ, среди которыхъ мы видѣли не мало выдающихся охотниковъ. Правда, многіе изъ нихъ охотились безпощадно-хищнически, но все же они дорожили Пущею, и подданные уберегли то, что было дорого ихъ монархамъ. Первымъ владѣтелямъ Пущи, конечно, не могло даже приходить на

мысль, что литовскіе лѣса могутъ когда-нибудь исчезнуть и, что зубровъ, какъ диковинку, будутъ показывать въ музеяхъ и звѣринцахъ, а о турахъ станутъ даже спорить, существовали ли они. Позднѣе, когда было ясно, что земледѣльческая культура и фабричная промышленность поглотятъ всѣ лѣсныя богатства Литвы, появились лѣсоохранительные законы; но сила этихъ писаныхъ законовъ была очень относительна въ тѣ времена, къ тому же законы нерѣдко отмѣнялись. Петръ Фальчевскій, еще въ серединѣ XVI столѣтія, преслѣдуя

Выѣздъ на охоту въ Пущу въ концѣ XVIII вѣка. Съ гравюры изъ изданія 1828 г. Бринкена.

интересы государственной казны, могъ бы вырубить Пущу до тла; то же могъ бы сдѣлать даже такой человѣкъ, какъ Тизенгаузъ, если бы за Пущею не сохранялось всегда престижа лучшаго королевскаго угодья. Уничтожить Пущу было легко, а для человѣка жаднаго—даже соблазнительно, потому что нигдѣ не было столько цѣннаго лѣса, какъ тамъ; условія сбыта были также довольно благопріятны. Пуща изрѣзана рѣками, среди которыхъ главная артерія Наревка, при нѣкоторыхъ затратахъ, могла бы стать вполнѣ судоходною; но всѣ знали, что ни прежде, ни теперь, въ цѣлой Литвѣ не было лучшаго уголка, чѣмъ Бѣловѣжская

Пуща.—Сюда навѣдывались всѣ, въ комъ билась охотничья жилка. Немногіе бы рѣшились свести, ради единовременныхъ выгодъ, тотъ лѣсъ, въ которомъ охотились Ягелло, его потомки, Баторій и многіе другіе, о которыхъ съ гордостью вспоминаютъ поляки. Бѣловѣжъ, Баторіева гора, Августовская стража, Замчиско, Августовъ Садъ и многія другія названія, не дошедшія до насъ, напоминали всегда о прошломъ Пущи. Ее изводили, урѣзывали со всѣхъ сторонъ, какъ растрачиваются по частямъ самыя цѣнныя родовыя имѣнія; но и въ послѣднихъ домъ и старый садъ сохраняютъ до конца. Въ русское владѣніе отъ поляковъ перешло все-таки до 120.000 десятинъ (кромѣ Свислочской дачи). Тотъ же духъ бережливости не угасалъ никогда и въ ближайшихъ охранителяхъ, т. е. стражѣ. Конечно, порубки, браконьерство, — все это было обычнымъ явленіемъ, то усиливавшимся, то ослабѣвавшимъ, въ зависимости отъ большей, или меньшей строгости надзора; а все же, сознаніе, что лѣсъ и звѣри, въ особенности зубръ, составляли королевское добро, которымъ дорожатъ, удерживало многихъ отъ злоупотребленій, независимо отъ страха наказанія. Окружавшіе Пущу помѣщики добровольно давали зарокъ не стрѣлять зубровъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они забѣгали въ ихъ лѣса, хотя за неисполненіе обѣщанія помѣщикамъ, сколько извѣстно, не угрожали никакимъ спеціальнымъ наказаніемъ. Пуща стала заповѣдной уже при Ягелло и, несомнѣнно, что при Августахъ Саксонской династіи стража была обязана одинаково охранять какъ зубровъ и кабановъ, такъ и всю остальную дичь. Законъ въ этомъ отношеніи былъ категориченъ; но что же было въ дѣйствительности? Вспомнимъ знаменитую охоту, въ память которой былъ поставленъ даже обелискъ съ надписью: при 42-хъ зубрахъ лосей оказалось—13, козъ — двѣ, оленей и кабановъ ни одного. Но зубръ былъ королевскій звѣрь, и это-то охраняло его отъ пули браконьера надежнѣе, нежели всѣ карательные законы, вмѣстѣ взятые.

Лишь только состоялся раздѣлъ Польши, Императрица Екатерина пожаловала изъ бывшаго королевскаго Бѣловѣжскаго имѣнія значительные лѣсные участки своимъ сподвижникамъ, участвовавшимъ и не участвовавшимъ въ покореніи края. Съ восточной стороны, захвативъ глубоко середину, изъ Бѣловѣжской дачи вырѣзали 20.000 десятинъ графу Румянцеву и тѣмъ навсегда испортили ея очертанія, крайне затруднивъ веденіе охотничьяго хозяйства. Наслѣдники Румянцева скоро распродали свои участки, почему въ Пущу и врѣзывается теперь группа частныхъ владѣній. Съ сѣверо-запада—Императрица пожаловала графамъ Ферзену и Сиверсу 10.000 десятинъ вмѣстѣ съ фольварками—Дубины и Срыпляево. Михаилу Илларіоновичу Кутузову отдали на срокъ земли селеній Бѣловѣжа, Наревки и Скупова и на тѣхъ же условіяхъ—полковнику Дерякину земли Масева и Немержи[2]). Остальная часть Пущи перешла въ государственную собственность. Съ западной стороны, составляющей нынѣшній Бѣлостокскій уѣздъ, Пуща примыкала къ Прусской границѣ.

Въ теченіе семи лѣтъ, до 1802 года, литовскій край въ отношеніи административнаго устройства находился въ переходномъ состояніи. Первоначально Пуща вошла въ составъ Слонимской губерніи, переименованной позднѣе въ намѣстничество. Затѣмъ, присоединивъ къ намѣстничеству Виленскую губернію, образовали одну Литовскую губернію. Изъ этой губерніи, по указу 11-го іюля 1802 года, выдѣлили Гродненскую, утвердивъ для нея гербъ съ изображеніемъ въ нижней его части

зубра. Эту губернію называли также Литовско-Гродненскою [70]). Въ томъ же году, при учрежденіи министерствъ, высшее управленіе Пущею перешло въ министерство финансовъ, по департаменту государственныхъ имуществъ; мѣстное же сохраняло попрежнему польское устройство, установленное при Тизенгаузѣ. До 1802 года со стороны Русскаго Правительства забота о поддержаніи охоты проявилась одинъ только разъ:

Въ 1798 году, для сохраненія корма зубрамъ, предписано было воспретить пастьбу домашняго скота во всей казенной дачѣ, но эта мѣра, къ сожалѣнію, не могла быть приведена въ исполненіе, потому что все многочисленное крестьянское населеніе и всѣ служащіе, замкнутые въ Пущѣ, лишались, такимъ образомъ, возможности содержать скотъ. Распоряженіе пришлось отмѣнить. Понятно, что съ перемѣною хозяевъ въ Пущѣ воцарилось на долгое время безначаліе; ее наводняли браконьеры, въ особенности со стороны прусской границы, почему и пришлось устроить новыя заставы и вообще вмѣнить въ обязанность стрѣлкамъ строго слѣдить за границами. Нѣмецкіе лѣсничіе, завѣдывавшіе сосѣдними съ Пущею лѣсами, старались даже всячески загономъ и приманкою переселить къ себѣ зубровъ, но послѣдніе, привычные къ мѣсту, всегда возвращались къ прежнимъ стоянкамъ. Борьба съ браконьерствомъ затруднялась еще тѣми порядками, которые были установлены для истребленія хищниковъ. Систему премій за убитаго хищника, практиковавшуюся на Западѣ, въ Пущѣ видоизмѣнили крайне своеобразно. Вмѣсто того, чтобы платить отъ шкуры или головы, сдѣлали діаметрально противоположное, и истребленіе хищниковъ обратили въ статью дохода. Каждый низшій служащій, за право стрѣлять медвѣдей, волковъ, рысей, лисицъ, хорьковъ, куницъ и пр., платилъ самъ 11 р. 25 к.; высшіе платили по 5 р. 76 к. За право охоты на благородныхъ звѣрей и прочую дичь, кромѣ зубра, какъ съ низшихъ, такъ и съ высшихъ взимали по 4 р. 80 к. Въ общемъ, казна получала отъ этой оброчной статьи нѣсколько болѣе тысячи рублей въ годъ [71]), и въ результатѣ, конечно, шло повальное истребленіе всего, кромѣ зубровъ. Волковъ и рысей, хотя и самыхъ опасныхъ для благородной дичи, истребляли всего меньше, потому что шкура ихъ была малоцѣнна, но зато за медвѣдями охотились усердно. Въ особенности печально то, что разрѣшивъ такую охоту, не обратили вниманіе на сохраненіе бобра. Его въ Литвѣ водилось очень много, въ Пущѣ также его было достаточно. У одного польскаго писателя, Чацкаго, приводится даже опись бобрамъ, составленная въ 1229 г. инспекторомъ надъ бобрами, состоявшимъ на службѣ у князя Мазовецкаго Конрада [72]). Но уже въ русскія времена о бобрѣ въ описаніяхъ Пущи почти не упоминается.

Вмѣстѣ съ передачею Пущи въ вѣдомство департамента государственныхъ имуществъ состоялся Высочайшій Указъ на имя Литовскаго военнаго губернатора, барона Бенигсена, о заповѣданіи Пущи и сохраненіи зубровъ. Приводимъ полностью этотъ важный въ исторіи Пущи актъ:

Господинъ Генералъ отъ Кавалеріи и Литовской военный Губернаторъ Баронъ Бенигсенъ!

По рѣдкости породы находящихъся Литовской губерніи въ Бѣловѣжскомъ лѣсѣ зверей такъ называемыхъ Зубровъ, призналъ **я** *за благо, для охраненія ихъ отъ битья и пуганья и для прокормленія, приписать по прежнему деревни оставшіеся отъ Брестской Економіи: Цвирки, Панасюки, Каменики и Мызпнари Пауцкіе. Въ следствіе чего повелѣваю вамъ, сообразя мѣстныя обстоятельства, положить на мѣрѣ и представить на утвержденіе Правительствующему Сенату, какое облегченіе вмѣсто сей повинности должно сдѣлать Крестьянамъ. Пребываю Вамъ Благосклонный.*

На подлинномъ подписано собственною **Его Императорскаго Величества** *рукою тако:* **АЛЕКСАНДРЪ.**

Въ С.-Петербургѣ Сентября 10 дня 1802 года.

Послѣдніе годы польскаго господства не только охотничье, но и общее хозяйство въ дачѣ было сильно запущено, и такъ какъ при переходѣ ея въ наши владѣнія на это также не скоро обратили вниманіе, то къ 1805 году постройки такъ обветшали, что для ремонта ихъ, по представленію оберъ-форстмейстера, потребовалось отпустить 16.500 деревъ [73]). Далѣе обнаружилось, что земля, которою были надѣлены крестьяне и всѣ служащіе, была распредѣлена между тѣми и другими въ высшей степени неравномѣрно: служащіе, понятно, обдѣлили крестьянъ, и пришлось установить новый передѣлъ.

За отсутствіемъ живого интереса къ охотѣ со стороны новаго Августѣйшаго владѣльца, Александра I-го, которому, въ тѣ тревожные года было не до развлеченій,—въ Пущѣ наступила будничная жизнь, сводившаяся къ писанію отъ времени до времени донесеній въ департаментъ. Оттуда также посылались напоминанія для того, чтобы поддержать бдительность въ подчиненныхъ. Такъ, между прочимъ, приказано было подробно доносить объ убыли и размноженіи зубровъ. Съ 1809 г. возникла цѣлая статистика, долженствовавшая показывать ежегодный приплодъ а также, убыль зубровъ, отъ разныхъ причинъ: отъ естественной смерти, браконьерства, хищниковъ и пр. Изъ Пущи писали напр.: что такого-то числа „найдено было два *не живыхъ зубра*", а слѣдующаго числа найденъ былъ зубръ, *„умершій отъ старости"*,

6

или заѣденный волками, или *„убитый пулею“*, и тому подобное. Всего къ 1809 г. въ Пущѣ насчитывалось 350 зубровъ. Параллельно съ такою точностью въ донесеніяхъ, было извѣстно, что зубровыя кожи продавались крестьянамъ и евреямъ ремесленникамъ съ публичнаго торга. Цѣна за зубровую кожу на торгахъ колебалась отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. Въ 1809 году 5 кожъ и 2 головы пріобрѣлъ профессоръ физики, монахъ Доминикъ Войшневичъ [74]). Когда же департаментъ, въ виду просьбъ отъ музеевъ и университетовъ, сталъ требовать присылки кожъ и скелетовъ палыхъ зубровъ, то изъ Пущи доносили, что кожа сгнила, а кости растащили волки.

Бѣловѣжская усадьба въ концѣ XVIII вѣка. Съ гравюры изъ изданія 1828 г. Бринкена.

Передъ 1812 годомъ спокойная жизнь въ Пущѣ была нарушена огромнымъ лѣснымъ пожаромъ, начавшимся въ концѣ мая 1811 года [75]). Горючаго матеріала, заключавшагося въ залежахъ сухостойныхъ деревьевъ, сучьевъ и валежника накопилось такое множество, что, при отсутствіи просѣкъ, борьба съ огнемъ была не по человѣческимъ силамъ. Въ Пущѣ работали тысячи людей, но пожаръ не утихалъ четыре мѣсяца, находя всюду готовый матеріалъ. Только въ октябрѣ, начавшіеся дожди и въ особенности одинъ ливень—успокоили разъяренную стихію. Въ памяти жителей Пущи это бѣдствіе представлялось ужаснѣе событій двѣнадцатаго года. Отчего и какъ начался пожаръ—осталось неизвѣстнымъ, но можно только удивляться, что онъ не случился раньше, такъ какъ все благопріятствовало развитію бѣдствія. Несмотря на скопившійся сухой матеріалъ, въ Пущѣ было въ обычаѣ пускать весною „палы“, для выжиганія прошлогодней сухой травы [76]). Пчеловоды выкуривали пчелъ, и кромѣ того—въ Пущѣ укрывалось не мало праздношатающагося люда.

Благодаря предусмотрительности тогдашняго оберъ-форстмейстера

Гонлеевича, зубровое населеніе не вымерло съ голоду въ послѣдовавшую зиму. Гонлеевичъ воспользовался всѣмъ сѣномъ, заготовленнымъ служащими для домашняго скота, и предоставилъ его зубрамъ. Этотъ годъ положилъ начало дальнѣйшему прокорму зубровъ зимою.

1812 годъ засталъ Пущу разоренную пожаромъ. Въ началѣ отечественной войны жизнь въ Пущѣ продолжала течь обычнымъ порядкомъ, и только съ того времени, когда наша 3-я армія, подъ начальствомъ Тормасова, стала оперировать противъ австрійскаго корпуса кн. Шварценберга, прикрывавшаго тылъ главной арміи Наполеона, Пуща вошла въ раіонъ военныхъ дѣйствій. Шварценбергъ, двигаясь изъ-за Буга на Пружаны, появился въ послѣднихъ числахъ іюня у южныхъ границъ Пущи. Мѣстная администрація отнеслась къ этимъ событіямъ такъ же, какъ и прочіе поляки въ Вильнѣ и въ Гродно. Полу-польскій персоналъ служащихъ счелъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязанностей; высшіе чины покинули мѣста, лѣсники, сторожа и прочіе стали браконьерствовать вмѣстѣ съ крестьянами, кто предложилъ свои услуги врагамъ, кто оставался пассивнымъ зрителемъ. Наполеонъ, не особенно довѣрявшій австрійцамъ, вскорѣ послѣ того какъ Шварценбергъ приблизился къ Пущѣ, послалъ на смѣну ему саксонскій корпусъ Рейнье; послѣдній же выслалъ впередъ бригаду къ Кобрину. На эту бригаду обрушился Тормасовъ, и въ 50 верстахъ отъ юго-восточной границы Пущи, 15-го іюля, разыгрался серьезный бой, окончившійся полнымъ пораженіемъ саксонцевъ. Послѣ Кобринскаго дѣла, Тормасовъ расположился со своею арміею вблизи Пружанъ, при чемъ его лѣвое крыло упиралось въ Бѣловѣжскіе лѣса. Оставаясь въ тылу главной Наполеоновской арміи, Тормасовъ направлялъ отсюда мелкіе отряды, чтобы тревожить непріятеля, и эти войска проходили черезъ Бѣловѣжскую Пущу и Свислочскую дачу безъ боя, такъ какъ непріятель не рѣшался углубляться въ невѣдомыя дебри. Итакъ, въ концѣ іюля, Бѣловѣжская Пуща вошла въ сферу военныхъ дѣйствій, но на ея территоріи враги появились лишь въ августѣ, послѣ того, какъ соединенныя силы Рейнье, вмѣстѣ съ корпусомъ Шварценберга, принудили Тормасова отступить на Волынь, за Бугъ. Главныя силы австро-саксонскихъ войскъ прошли мимо Пущи, обогнувъ ее съ юга, мелкіе же отряды, транспорты и фуражиры проникли далеко вглубь, во всѣ селенія.

Въ составѣ корпуса Шварценберга находился польскій отрядъ Энгельгардта и, вѣроятно потому, что для поляковъ все это были родныя мѣста, Энгельгардтъ расположился въ Пущѣ и даже охотился на зубровъ. Изъ-за убитаго Энгельгардтомъ одного зубра, по окончаніи кампаніи, противъ него было возбуждено дѣло, впрочемъ ничѣмъ не

6*

окончившееся. Позже, уже въ 1815 и 16 годахъ, стали обнаруживаться факты бывшихъ самовольныхъ охотъ крестьянъ.

Въ серединѣ сентября, когда уже началось отступленіе французовъ, армія Тормасова была усилена пришедшей съ Дуная арміей Чичагова, и соединенными силами они двинулись въ тылъ отступавшей изъ Москвы арміи Наполеона. 29-го сентября наши войска заняли Брестъ, гдѣ оставались до 13-го октября. Затѣмъ, оставивъ у Бреста корпусъ генерала Сакена для обезпеченія своего тыла отъ австро-саксонскихъ войскъ, Чичаговъ двинулся къ Березинѣ. Чтобы предотвратить это движеніе, Шварценбергъ обогнулъ Пущу вдоль сѣверныхъ окраинъ отъ Бѣльска на Волковыскъ, поспѣшая за Чичаговымъ и демонстрируя вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Сакена, дабы отвлечь вниманіе послѣдняго отъ главной цѣли; но Сакенъ, не взирая на бездорожье, для сокращенія пути, бросился черезъ Бѣловѣжскую Пущу, перерѣзавъ ее съ юга на сѣверъ. 29-го октября наши войска проходили черезъ Бѣловѣжъ, а 30-го были въ Руднѣ. При выходѣ изъ Пущи, возлѣ деревни Вел. Гринки, русскій авангардъ, подъ командою Милиссино, встрѣтился съ Рейнье и, не получивъ поддержки, съ боемъ отступилъ по лѣсной дорогѣ къ Руднѣ. Саксонцы не рѣшались преслѣдовать въ Пущѣ небольшой отрядъ Милиссино, чѣмъ дали ему возможность соединиться съ силами Сакена. 31-го октября авангардъ Милиссино вновь направился на деревню Вел. Гринки, главныя же силы вышли изъ Пущи правѣе, у деревень Берники и Студеники. Рейнье не вступилъ въ бой, а отошелъ на Волковыскъ. Тогда Сакенъ, полагая, что предъ нимъ только корпусъ Рейнье, рѣшился самъ атаковать непріятеля, но въ началѣ боя появился Шварценбергъ, въ виду чего Сакенъ долженъ былъ вновь вернуться въ Бѣловѣжскую Пущу чрезъ Свислочскую дачу, гдѣ Шварценбергъ, какъ и раньше Рейнье, побоялся настойчиво преслѣдовать его. До Рудни австрійцы шли по пятамъ Сакена, но дальше, встрѣтивъ серьезный отпоръ, пріостановились и дали ему отступить на Бѣловѣжъ. Шварценбергъ, оставивъ преслѣдованіе Сакена, повернулъ изъ Рудни на деревню Новый Дворъ съ тѣмъ, чтобы быстрымъ движеніемъ на Шерешево и Пружаны отрѣзать Сакена отъ Бреста и путей на Волынь. Сакенъ, предвидя это, еще утромъ 7-го ноября выслалъ отъ Бѣловѣжа два кавалерійскихъ полка къ Шерешеву на рекогносцировку и, выяснивъ такимъ образомъ намѣренія противника, 7-го же вечеромъ поспѣшилъ съ передовыми войсками на югъ для занятія выхода изъ Пущи. Форсированнымъ маршемъ Сакенъ успѣлъ предупредить противника и 9-го сосредоточилъ у Шерешева всѣ свои силы. Здѣсь долженъ былъ произойти бой; но видя, что непріятель вдвое многочисленнѣе, Сакенъ, довольный тѣмъ, что ему удалось благополучно выбраться изъ Пущи,

1812 годъ въ Пущѣ.
Оригинальный рисунокъ
Ф. Френца.

отступилъ въ полномъ порядкѣ на Брестъ, а отсюда на Полѣсье. Только 16-го ноября Шварценбергъ получилъ возможность повернуть назадъ въ тылъ Чичагову, но было уже поздно. Березинская катастрофа уже совершилась. — Такъ, маневрируя въ раіонѣ Пущи, Сакенъ отвлекъ австрійцевъ отъ возможности подать помощь Наполеону.

Съ уходомъ корпуса Шварценберга къ Слониму, непріятельскія войска болѣе не появлялись въ Пущѣ до конца кампаніи.

Въ числѣ печальныхъ воспоминаній о двѣнадцатомъ годѣ въ народной молвѣ сохраняется преданіе о разграбленіи дворца польскихъ королей въ Бѣловѣжѣ. Дѣяніе это почему-то приписывается кавалеріи Латуръ-Мабура, хотя ни онъ самъ, ни его кавалерія не входили въ составъ армій Шварценберга и Рейнье. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что дворецъ пострадалъ отъ поляковъ, сначала отъ тѣхъ, которые служили въ Пущѣ, а затѣмъ отъ отряда Энгельгардта; быть-можетъ, австрійскія, саксонскія, да и наши войска также

попользовались чѣмъ-нибудь, но Латуръ-Мабуръ тутъ совершенно неповиненъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, Пуща и вся мѣстность вокругъ были охвачены военной тревогой. Все время, пока русская территорія не очистилась отъ непріятеля, звѣровое населеніе Пущи испытывало также всѣ ужасы войны, къ тому же зима двѣнадцатаго года отличалась необычайною суровостью. Звѣри забивались въ самыя глухія дебри, или же бѣжали куда попало въ поискахъ за кормомъ.

Не мало зубровъ погибло въ сосѣднихъ помѣщичьихъ лѣсахъ и въ особенности много изъ нихъ перебѣжало въ сосѣднюю Свислочскую дачу графа Тышкевича. Изъ-за этихъ зубровъ возникла даже обширная переписка, продолжавшаяся съ 1813 года цѣлыхъ 11 лѣтъ. Тышкевичъ, какъ будто, возвращалъ зубровъ, но всегда выходило такъ, что или нельзя было перегнать ихъ лѣтомъ изъ опасенія потопить въ болотистыхъ берегахъ Наревки, или же зимою являлась другая опасность, какъ бы стельныя зубрицы не оступились на льду. Въ концѣ-концовъ все-таки 8 головъ были возвращены въ Пущу [77]). Министерство, черезъ губернатора, добивалось вмѣстѣ съ тѣмъ письменнаго обѣщанія отъ всѣхъ окружныхъ помѣщиковъ и, главнымъ образомъ, отъ скупившихъ земли у наслѣдниковъ графа Румянцева, владѣнія которыхъ врѣзывались въ середину Пущи, не стрѣлять никакой дичи, выходящей изъ Пущи, и въ особенности—зубровъ. О практическихъ послѣдствіяхъ этой мѣры извѣстій не сохранилось.

Когда впечатлѣнія войны стали изглаживаться, то вспомнили и про пожаръ 1811 года.—Засоренность дачи грозила новою бѣдою. Департаментъ предписалъ очистить валежникъ и одновременно нашелъ возможнымъ предпринять сплошныя рубки участками въ тѣхъ раіонахъ, куда зубры обыкновенно не заходили. Сплошныя рубки продолжались до 1821 года, пока не спохватились, что, вырубая лѣсъ хотя и во внѣзубровыхъ стоянкахъ, но безъ системы, дачу могутъ вырубить до тла, и тогда сразу пріостановили всякую рубку и кстати воспретили охоту на все, не исключая хищниковъ, не обративъ вниманія на то, что послѣ двѣнадцатаго года волковъ развелось особенно много. Плохо зарытыя человѣческія тѣла, палыя лошади—все это привлекало волковъ, и они, находя кормъ, прижились въ Пущѣ. Борьба съ ними впослѣдствіи стоила большихъ хлопотъ.

Запрещеніе охотиться на хищниковъ продержалось не долго, потому что изъ Пущи и отъ гродненскаго губернатора стали поступать настоятельныя представленія о необходимости бороться съ волками. Волчій вопросъ рѣшался не одинаково губернаторомъ и мѣстнымъ управленіемъ. Первый предлагалъ примѣнить ловлю тенетами, которыя не могли быть опасными для крупнаго звѣря, такъ какъ онъ легко прорывался сквозь

ВОЛКИ, НАПАДАЮЩІЕ НА СТАДО ЗУБРОВЪ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

нихъ; мѣстное же управленіе доказывало полную непримѣнимость этой мѣры. Въ Пущѣ, отписывалось управленіе, можно было добыть пеньки не болѣе 27 пудовъ въ годъ, а для 1500 саженъ необходимыхъ тенетъ нужно 525 пудовъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію управленія, тенета можно было изготовить только въ 20 лѣтъ. Затѣмъ, по недостатку просѣкъ и дорогъ, этотъ способъ вообще признавался не примѣнимымъ. Мѣстное управленіе поэтому настаивало на необходимости отстрѣла, ограничивъ его промежуткомъ между 1-мъ и 20-мъ сентября, „когда прибылые ходятъ вмѣстѣ съ матерыми и когда, слѣдовательно, волковъ можно истребить больше всего“; кромѣ того, предполагалось охотиться недѣли двѣ въ теченіе января. Отстрѣлъ волковъ, по мнѣнію управленія, не могъ быть опаснымъ для остальной дичи, какъ полагалъ губернаторъ, такъ какъ въ томъ раіонѣ, въ которомъ волки бродятъ стаями, остальные звѣри не держатся.

Волкъ надъ зарѣзаннымъ теленкомъ. Моментальная фотографія съ натуры А. Далматова.

Особенно много волковъ расплодилось въ 1827 году, о чемъ можно судить по тому, что изъ Пущи рѣшились донести сразу о 4-хъ зарѣзанныхъ зубрахъ, при томъ не зимою, когда, какъ извѣстно, волки особенно дерзки, а весною, въ апрѣлѣ. Въ донесеніяхъ описывалось даже, что удавалось видѣть, какъ стаи волковъ преслѣдуютъ цѣлыя зубровыя стада [78]).

Весьма интересно донесеніе 1829 года о томъ, что у мѣстныхъ жителей волками зарѣзано: 18 лошадей, 30 воловъ, 101 корова, 70 телятъ, 128 свиней, 344 овцы и 121 гусь; вообще волки стали бѣдствіемъ всего округа. Губернаторъ въ это время измѣнилъ свой взглядъ на ловлю волковъ тенетами; онъ также настаивалъ на разрѣшеніи стрѣлять волковъ, при томъ круглый годъ, совѣтуя выдавать преміи за каждаго убитаго волка и въ особенности за уничтоженіе волчьяго гнѣзда, какъ это дѣлалось по сосѣдству, въ Пруссіи. Въ средѣ министерства эта мѣра встрѣтила въ комъ-то сочувствіе, и на докладѣ губернатора была даже сдѣлана помѣтка—„это хорошо“;—тѣмъ не менѣе ее не привели въ

исполненіе. Возникъ вопросъ о томъ, что нельзя ограничить выдачу премій раіономъ Пущи, потому что тогда всѣхъ волковъ, убитыхъ въ губерніи, свезутъ туда, если же распространить систему премій на всю губернію, то необходимо идти еще далѣе и распространить ее на всю Россію. Волки причиняли не мало вреда вездѣ, и борьба съ ними, по мнѣнію администраціи, была дѣломъ тѣхъ, кто отъ нихъ непосредственно терпѣлъ, а не правительства. Въ концѣ-концовъ, департаментъ разрѣшилъ отстрѣлъ волковъ два раза въ годъ, въ теченіе двухъ недѣль осенью и зимою, да и то только лѣсной стражѣ подъ наблюденіемъ окружнаго лѣсничаго.

Въ двадцатыхъ годахъ баронъ де-Бринкенъ, занимавшій въ концѣ польскаго управленія постъ завѣдующаго королевскими лѣсами, пріѣзжалъ два раза въ Пущу для того, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ жизнью зубра и оставилъ намъ очень интересное описаніе этого животнаго, которымъ всѣ пишущіе о зубрѣ пользуются до сихъ поръ.— Въ заключеніе, говоря о двадцатыхъ годахъ, нельзя не упомянуть еще о двухъ, хотя не очень важныхъ, фактахъ. Принцъ Виртембергскій, возвращаясь изъ Петербурга черезъ Гродно, заглянулъ въ Пущу въ 1825 г. спеціально для того, чтобы увидать зубровъ. Къ пріѣзду принца собрали до 1000 крестьянъ и устроили грандіозную облаву въ урочищѣ „Дѣдовъ уголъ“; въ этомъ углу принцу показали цѣлое зубровое стадо, головъ около 12. Стрѣлялъ ли принцъ, или же только любовался дикими звѣрями, мы не знаемъ [79]).

Другимъ событіемъ было разыскиваніе клада въ урочищѣ „Замчиско“. Наименованіе этого урочища навело на мысль одного помѣщика о существованіи когда-то здѣсь замка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и клада. Сначала помѣщикъ копалъ одинъ, безъ посторонней помощи, но, остерегаясь быть замѣченнымъ, обратился къ тогдашнему губернатору Бобятынскому и убѣдилъ его предпринять поиски. Въ результатѣ поисковъ вмѣсто клада нашли гроба, напавъ на старое языческое кладбище. Въ каждомъ гробу, подъ черепомъ, находился глиняный сосудъ-слезникъ, въ который друзья и родственники лили свои слезы по покойнику [80]).

Слѣдующее десятилѣтіе, 30-ые года, были для Пущи особенно тяжелыми. Пуща опять, какъ и въ двѣнадцатомъ году, была потревожена войной. Польское возстаніе 1830 и 1831 года, хотя и задѣло Пущу только косвенно, такъ какъ Гродненская губернія была не вполнѣ польская и стояла нѣсколько поодаль отъ главныхъ дѣйствій повстанцевъ; но хуже всего было то, что весь служебный персоналъ Пущи и крестьяне присоединились къ возстанію. Оберъ-форстмейстеръ Ронко, родомъ швейцарецъ, но другъ поляковъ, вступилъ въ заговоръ и увлекъ за собою всѣхъ лѣсниковъ, стрѣлковъ, осочниковъ и прочихъ служащихъ. Пуща обратилась въ пристанище, въ которомъ укрывались шайки, и эта нерегулярная армія, не знавшая дисциплины, истребляла дичь и зубровъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Для

мѣстныхъ крестьянъ охота сдѣлалась обычнымъ занятіемъ, и зубрятина еще долго послѣ возстанія не переводилась въ крестьянскомъ обиходѣ.

Главное начальство надъ русскими войсками въ томъ округѣ принадлежало генералу Розену, находившемуся въ Брестѣ. Когда до Розена дошли свѣдѣнія о томъ, что творилось въ Пущѣ, и что главные польскіе отряды сосредоточились въ восточной части ея, въ урочищѣ Криница, онъ послалъ туда подполковника Горскаго съ 2-мя эскадронами Волынскихъ уланъ, а вслѣдъ за нимъ подполковника Сарабію съ 3-мя ротами, однимъ орудіемъ и 14-тью казаками. Сарабія прибылъ 4-го мая въ Бѣловѣжъ, который нашелъ покинутымъ жителями, и, узнавъ здѣсь, что инсургенты назначили сборнымъ пунктомъ Королёву Альтану, двинулся туда, выгналъ ихъ изъ этого убѣжища и овладѣлъ лагеремъ, въ которомъ были сосредоточены большіе запасы водки, пороха и оружія. Тѣмъ временемъ поляки подстерегли на берегахъ рѣчки Гвозны нашъ транспортъ въ 418 телѣгъ, подъ прикрытіемъ 53 человѣкъ. Изъ конвоя спаслось всего 28 людей, и весь транспортъ былъ захваченъ. Послѣ этого случая Сарабія призналъ небезопаснымъ для своего маленькаго отряда дальнѣйшее пребываніе въ лѣсу и вышелъ на югъ къ Дмитровичамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Розенъ, получивъ болѣе правильныя донесенія о силахъ повстанцевъ, послалъ на подкрѣпленіе Сарабія и Горскаго Житомирскій полкъ, полуэскадронъ Волынскихъ уланъ и два орудія подъ командою генерала Линдена, приказавъ послѣднему очистить лѣсъ и возстановить безопасное сообщеніе между Брестомъ и Гродно.—Линденъ проникъ въ глубь Пущи и затѣмъ, неожиданно для себя, столкнулся съ регулярною кавалеріею Хлоповскаго, шедшей изъ Бѣльска. Столкновеніе произошло 11-го мая, около 5-ти часовъ пополудни, въ селеніи Гайновкѣ; наблюдательный же постъ Линдена изъ 100 человѣкъ былъ расположенъ на дорогѣ изъ Гайновки въ Наревку, и потому Линденъ не могъ быть предувѣдомленъ о надвигавшихся уланахъ Хлоповскаго. Карьеромъ пронеслись уланы по деревнѣ, поражая совершенно неподготовленныхъ житомирцевъ; началось бѣгство, и Линденъ, собравъ остатки своего полка позади деревни, отступилъ къ лѣсу, потерявъ при этомъ одно орудіе. Придя въ Бѣловѣжъ, Линденъ соединился съ отрядами Горскаго и Сарабія.

Наблюдательный постъ, оставшійся отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, послѣ упорнаго сопротивленія вынужденъ былъ положить оружіе. Къ отряду Хлоповскаго въ Пущѣ присоединились егеря, осочники и между прочимъ, съ нѣсколькими сотнями повстанцевъ польскій сенаторъ отставной генералъ Тадеушъ Тышкевичъ, владѣтель Свислочской дачи. — За участіе въ возстаніи Тышкевичъ лишился своей

7*

дачи, которая и была конфискована и присоединена къ Бѣловѣжской Пущѣ.—Послѣ неудачи Линдена, Розенъ повелъ дѣло энергичнѣе и поручилъ генералъ-лейтенанту Головину проникнуть въ Пущу съ различныхъ сторонъ, чтобы произвести единовременную общую облаву.

Съ запада въ Пущу вошелъ Головинъ съ 5-тью баталіонами, 3-мя эскадронами и 4-мя орудіями, двигаясь изъ Шестакова чрезъ Опоку, Дубины и Наревку на Рудню, гдѣ, какъ было извѣстно, мятежники сосредоточили свои главныя силы. Съ юга шелъ генералъ Фези съ 2-мя баталіонами и 2-мя орудіями, имѣя приказаніе наступать изъ Каменца чрезъ Королёвъ Мостъ къ Бѣловѣжу. Съ востока двинулся генералъ Линденъ съ однимъ баталіономъ, $2^1/_2$ эскадронами и 2-мя орудіями, направляясь изъ Шерешева также къ Руднѣ и въ то же время наблюдая за дорогою изъ Бакунъ въ Новый Дворъ, по которой мятежники, тѣснимые Головинымъ, могли броситься въ лѣса между Рушаною и Сѣдлецомъ. 6-го іюня одновременно выступили всѣ 3 колонны, и въ тотъ же день генералъ Фези разсѣялъ отрядъ мятежниковъ близъ южнаго входа въ лѣсъ у селенія Соломянки, захвативъ весь лагерь и обозъ. На слѣдующій день Головинъ атаковалъ въ сѣверной части лѣса близъ Свѣтлиши еще большій отрядъ, который, послѣ сильнаго сопротивленія, отступивъ, наткнулся на авангардъ колонны Линдена и тутъ былъ окончательно разбитъ. Болотистая почва и густота лѣса весьма затрудняли преслѣдованіе и отыскиваніе непріятеля, но, тѣмъ не менѣе, движеніе русскихъ войскъ продолжалось неуклонно; 8-го, 9-го и 10-го іюня соединенныя колонны Головина и Линдена прошли лѣсъ въ направленіи между Наревомъ и Пружанскою дорогою и окончательно разсѣяли мятежниковъ, которымъ пришлось укрываться по одиночкѣ или небольшими группами въ самой глухой чащѣ. Лагери, запасы оружія и съѣстныхъ припасовъ, все это было захвачено нашими войсками. Большія дороги были, наконецъ, очищены, и для спокойствія на нѣкоторое время въ центрѣ Пущи, въ Бѣловѣжѣ, оставили сильный отрядъ, который укрѣпился здѣсь, насыпавъ батарею для 6 орудій на томъ холмѣ, гдѣ въ настоящее время возвышается Императорскій дворецъ Александра III.

Въ теченіе мѣсяца все оставалось спокойнымъ въ Пущѣ. Только въ іюлѣ летучій польскій отрядъ подъ предводительствомъ Рожицкаго, переправившійся у Дрогичина черезъ Бугъ, вошелъ не на долго въ Пущу, откуда перебрался далѣе къ Пинскимъ болотамъ. Въ Пущѣ нашъ сторожевой отрядъ прозѣвалъ Рожицкаго; впрочемъ, въ это время возстаніе уже совершенно затихало [81]).

По усмиреніи возстанія, прежніе служащіе, принимавшіе участіе въ безпорядкахъ, конечно, не вернулись на мѣста.

Начались слѣдствіе, судъ, спѣшно набирались новые служащіе, и въ число ихъ въ такое время, понятно, попадали люди совершенно не подготовленные. Общій безпорядокъ въ краѣ прекратился, но безпорядокъ въ Пущѣ продолжался еще очень долго. Не успѣли опомниться отъ возстанія, какъ вспыхнулъ новый лѣсной пожаръ, угрожавшій принять размѣры пожара одиннадцатаго года, но, по счастію, бѣдствіе ограничилось истребленіемъ лишь двухъ урочищъ.

Только въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ жизнь въ Пущѣ вошла въ колею. Туда стали наѣзжать командированные изъ Петербурга ревизоры и чины департамента корабельныхъ лѣсовъ для ближайшаго ознакомленія съ общимъ состояніемъ лѣса. Въ Пущѣ оказался богатѣйшій запасъ мачтовыхъ деревьевъ, поражавшихъ своими размѣрами корабельныхъ техниковъ. Дубы встрѣчались 44-хъ дюймовъ въ комлѣ и до 10 саженъ вышиною до сучьевъ. Окончательно пріостановленная въ 20-хъ годахъ рубка лѣса, возобновилась теперь съ новою энергіею; рубили сплошь участками и на выборъ. Въ Пущу собрали 3.000 рабочихъ и, пока хозяйничали въ одной части лѣса, въ другой предоставляли жить зубрамъ, при этомъ морское вѣдомство оказывалось очень требовательнымъ въ пріемѣ срубленныхъ для него деревьевъ. Случалось, что изъ 1.000 деревъ принимали только нѣсколько десятковъ, а остальныя дѣвались неизвѣстно куда. Въ 1838 г. вырубили для морского вѣдомства около 3.000 особенно крупныхъ дубовъ и сосенъ, но и изъ нихъ забраковали болѣе 800 штукъ. Вмѣшательство въ хозяйство Пущи посторонняго вѣдомства не особенно нравилось департаменту госуд. имуществъ, и ставшій во главѣ образованнаго вскорѣ министерства госуд. имуществъ графъ Киселевъ исходатайствовалъ даже Высочайшее повелѣніе, по которому для нуждъ флота отдѣлили часть Пущи—Гайновскую рощу, заклеймивъ въ ней полезныя для флота деревья [82]). Столкновеніе различныхъ вѣдомствъ породило даже слухъ, что весь прусскій деревянный флотъ построенъ изъ Бѣловѣжскаго лѣса. Безъ сомнѣнія, всякихъ злоупотребленій было не мало.

Послѣ всѣхъ этихъ столкновеній, въ сороковыхъ годахъ Пущѣ дали, наконецъ, правильное лѣсоустройство.

По промѣркѣ въ 1842 году въ Пущѣ оказалось: 87.969 десятинъ подъ лѣсомъ, 16.138 десятинъ подъ разными угодьями: пашней, сѣнокосомъ, поселками, и 7.972 десятины неудобной земли. Сверхъ того, исключенныхъ изъ завѣдыванія пущинскаго начальства 5.512 десятинъ, составлявшихъ казенныя арендныя статьи.

Лѣсные офицеры, прибывшіе въ Пущу, нашли общее состояніе лѣса весьма неудовлетворительнымъ. При массѣ сухостойныхъ, пере-

стойныхъ и попорченныхъ добычею смолы и ульями, старыхъ большихъ деревъ, всего до 300.000 шт., молодой лѣсъ заглушался сучьями и валежникомъ отъ прежнихъ рубокъ. Уборка всего этого матеріала, хотя и предписывалась начальствомъ, но, за недостаткомъ сплавныхъ рѣкъ и при отсутствіи просѣкъ,—исполнена быть не могла.

Пущинскій лѣсъ состоялъ тогда, главнымъ образомъ, изъ сосны; она занимала $^2/_3$ общаго лѣсного пространства, подъ елью находилось—$^1/_5$, подъ дубомъ—$^1/_{30}$, все остальное было покрыто различными лиственными и отчасти хвойными породами. Для того, чтобы установить порядокъ въ будущемъ лѣсномъ хозяйствѣ, Пущу разбили на 541 двухъверстныхъ кварталовъ, а Свислочскую дачу на 125. Кварталы раздѣлялись просѣками.

Рубка просѣкъ продолжалась 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ предполагалось установить общій 180-ти-лѣтній оборотъ для сосны и 90-лѣтній для остальныхъ породъ. Въ отношеніи надзора за лѣснымъ хозяйствомъ, Пущу раздѣлили на 5 лѣсничествъ: Бѣловѣжское, Бровское, Гайновское, Столповисское и Окольницкое, подчиненныя офицерамъ лѣсного вѣдомства. Каждое лѣсничество, въ свою очередь, дѣлилось на два объѣзда и 12 обходовъ. Коннымъ объѣздчикамъ подчинялось 77 стрѣлковъ, поселенныхъ съ семействами на границахъ дачи; число осочниковъ уменьшили съ 114 до 73 и нѣкоторыхъ изъ нихъ обратили въ государственныхъ крестьянъ [83]). Съ новымъ устройствомъ жизнь для всѣхъ потекла самая привольная. Избытокъ земли и досуга позволялъ обзаводиться садами, огородами, домашнимъ скотомъ, пчельниками, и потому для каждаго служащаго выселеніе изъ Пущи было высшимъ наказаніемъ. Стрѣлокъ имѣлъ форму, хорошую верховую лошадь, сѣдло и казенное ружье, а сверхъ того и собственныя ружья водились у каждаго. Всѣ они были отличные стрѣлки и втихомолку занимались безцеремоннымъ браконьерствомъ.

Въ сороковыхъ годахъ, въ Пущу часто навѣдывались туристы, интересовавшіеся зубрами, но каждое такое посѣщеніе было сопряжено съ очень большими хлопотами и расходами. Приходилось устраивать облавы, привлекая сотни людей; въ 40-мъ году зубровъ показывали четырнадцать разъ и можно судить, чего это стоило. Еще большіе расходы вызывали облавы для отстрѣла старыхъ зубровъ, не годныхъ быть производителями; для этихъ облавъ собирали до 2-хъ тысячъ крестьянъ.

Находя такіе порядки неправильными, одинъ изъ завѣдывавшихъ лѣсничествами, поручикъ Чередѣевъ, выступилъ съ проектомъ устройства въ Пущѣ постояннаго звѣринца, намѣтивъ для него урочище „Теремисскій огородъ". Чередѣевъ предполагалъ оградить 30 десятинъ вы-

сокимъ заборомъ и поселить тамъ 3 пары зубровъ, 4 пары козъ и нѣсколько оленей. Загражденіе было исчислено всего въ суммѣ 950 рублей и должно было служить, какъ для любознательныхъ туристовъ, пріѣзжавшихъ глядѣть зубровъ, такъ и для того, чтобы вблизи изучить жизнь звѣря. Сначала проектъ былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ и исполненіе его замедлилось только устроеніемъ егерскаго училища; но учебное заведеніе открыли, хотя и не въ предѣлахъ Пущи, а проектъ Чередѣева остался на бумагѣ, потому что высшее мѣстное управленіе высказалось противъ полезности звѣринца, остерегая министерство отъ излишнихъ расходовъ [84]).

Слѣдующее десятилѣтіе ознаменовалось различными мѣропріятіями по лѣсному хозяйству. Давнишнія наблюденія надъ зубровыми стадами показывали, что они предпочтительно держатся одного раіона, площадью до 70.000 дес., въ которомъ сосредоточивались ихъ любимыя стоянки—„жиры". Въ другомъ, меньшемъ раіонѣ, зубры попадались рѣдко. Въ виду этого, рѣшили разгородить Пущу на двѣ части, и во внѣзубровой вести болѣе интенсивное хозяйство, въ зубровой же, чтобы не тревожить звѣрей, придерживаться выборочной системы. Зубровый раіонъ занималъ внутреннюю часть Пущи и, кромѣ того, въ серединѣ его находились село Бѣловѣжъ и нѣсколько другихъ деревень; поэтому раіоны пришлось отгородить двумя заборами, внутреннимъ, со стороны селеній, для прегражденія доступа крестьянскимъ стадамъ, и внѣшнимъ, отдѣлявшимъ зубровый поясъ, охватывавшій Бѣловѣжъ, отъ пограничныхъ частей Пущи. — Заборъ состоялъ изъ высокихъ жердей, вбитыхъ попарно на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, съ поперечинами, прикрученными лыкомъ, и, конечно, служилъ только демаркаціонной линіею, а не защитою или препятствіемъ звѣрямъ. Мелкій звѣрь свободно проскакивалъ всюду, а зубры и кабаны безъ усилій разрушали заборъ, гдѣ хотѣли. Оба раіона, съ теченіемъ времени, представляли совершенно различную картину. Въ зубровомъ рубокъ производилось мало, сучья и валежникъ не убирались вовсе, поэтому онъ былъ очень засоренъ и мѣстами даже непроходимъ. Во внѣзубровомъ— было значительно чище, такъ какъ отсюда производился усиленный отпускъ лѣса, въ особенности всякихъ остатковъ отъ рубокъ. Самымъ расчищеннымъ былъ лѣсъ, прилегавшій къ крестьянскимъ поселкамъ. Заборы оказались безполезными, ихъ не возобновляли и не снимали; а предоставляли времени разрушать ихъ. Теперь только кой-гдѣ виднѣются сгнившіе остатки жердей. Вскорѣ послѣ установки забора министерство, вѣроятно, не находя способовъ вести съ выгодою лѣсное хозяйство, прибѣгло къ посторонней помощи. Благодѣтелемъ явилась берлинская фирма Бугенгагенъ въ лицѣ купца Зигмунда. По контракту

съ казною, Зигмунду предоставлялось выбрать по своему усмотрѣнію изъ цѣлой Пущи 60.000 крупныхъ сосновыхъ деревьевъ, попорченныхъ у основанія чѣмъ-либо. Операціями Зигмунда не всѣ въ Пущѣ остались довольны, и въ министерство посыпались доносы, для разслѣдованія которыхъ присылались цѣлыя комиссіи. Дѣло приняло настоль острый характеръ, что у Зигмунда секвестровали даже цѣлую партію лѣса, заготовленнаго для сплава, но все окончилось тѣмъ, что нѣмецкой фирмѣ, для пополненія расходовъ, понесенныхъ ею на улучшеніе сплавныхъ путей, сверхъ контрактнаго количества, должны были отпустить еще 10.000 деревъ. Въ концѣ концовъ вся Пуща сильно порѣдѣла крупнымъ лѣсомъ.

Въ общемъ, какъ мы видѣли, со времени перехода Пущи въ русское владѣніе, ее весьма рѣдко посѣщали съ охотничьими цѣлями; изъ Высочайшихъ же особъ 70 лѣтъ подъ рядъ, до Александра II (1860), здѣсь не охотился никто. Это охлажденіе къ Пущѣ со стороны ея Августѣйшихъ хозяевъ естественно отразилось на состояніи охоты. Въ то время, какъ на Западѣ, въ заповѣдныхъ угодьяхъ уже давно велось раціональное хозяйство, съ точнымъ подсчетомъ звѣрей по породамъ, съ соблюденіемъ необходимой пропорціи половъ и особымъ надзоромъ за количествомъ корма, въ Пущѣ не дѣлалось ничего. Даже зубру, на которомъ, еще по распоряженію Александра I-го, должно было быть сосредоточено особое вниманіе, жилось настолько плохо, что уже предполагали близость его исчезновенія. Послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняются тѣ частыя просьбы о присылкѣ шкуры или

скелета, которыя сыпались со всѣхъ сторонъ. Особенно сочувственно относился къ такимъ просьбамъ Государь Николай Павловичъ. Онъ не только никогда не отказывалъ музеямъ, ученымъ обществамъ и университетамъ въ присылкѣ шкуръ и скелетовъ, но даже разрѣшалъ охоту нѣкоторымъ частнымъ лицамъ.

Въ 1823 году форстмейстеръ Коссъ выловилъ зубра для кунстка-

Гр. Киселевъ на охотѣ въ Пущѣ въ 1847 г. Фотографія съ картины, принадлежавшей Д. Далматову.

меры Академіи Наукъ. Въ 1829 г. въ Пущѣ охотился профессоръ Варшавскаго университета Яроцкій, оставившій весьма интересное и подробное описаніе своей охоты. Въ 1838 г. охотился генералъ Оффенбергъ. Въ 1847 г.—министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, въ 1853 г.—графъ Михаилъ Тышкевичъ, въ 1858 г. дозволено было убить четырехъ старыхъ зубровъ повѣренному въ дѣлахъ прусскаго посоль-

ства барону Вертернъ. Въ 1859 г. повѣренный въ дѣлахъ французскаго посольства маркизъ Шоторенаръ убилъ одного зубра. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ охоты производились съ цѣлью обогатить тотъ или иной музей. Кромѣ того и лѣсничимъ нерѣдко поручалось для той же цѣли отстрѣливать зубровъ.

Приготовленія къ знаменитой охотѣ Императора Александра II-го, какъ увидимъ далѣе, наглядно обнаружили, въ какое состояніе пришло богатѣйшее царское угодье. Впрочемъ, по справедливости, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію неудавшихся, попыткахъ мѣстныхъ служащихъ обратить вниманіе высшей администраціи на печальное состояніе охоты въ Пущѣ. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести мемуары Бринкена, относящіеся къ 1828 году, въ которыхъ онъ подробно излагаетъ, какъ слѣдовало бы охранять зубра и дичь.

Черезъ десять лѣтъ послѣ Бринкена, въ 1838 году, бывшій форстмейстеръ Коссъ, съ откровенностью человѣка состоящаго въ отставкѣ, высказалъ министерству свои соображенія о причинахъ вымиранія зубра и, между прочимъ, давалъ глубоко разумный совѣтъ: раздѣлить административный персоналъ Пущи на лѣсной и спеціально охотничій. Въ 40-хъ годахъ ученый лѣсничій Далматовъ, хорошо изучившій Пущу за время своей службы въ ней, представилъ въ министерство подробное и всестороннее описаніе ея вмѣстѣ съ проектомъ доходнаго лѣсного хозяйства. Но всѣ эти голоса, равно какъ и голосъ ранѣе упомянутаго Чередѣева, не нашли отклика. Для полноты очерка упомянемъ о сохранившихся въ старыхъ дѣлахъ указаніяхъ на то, что и со стороны чиновъ министерства проявлялась инціатива въ дѣлѣ охраненія зубровой колоніи. Въ 1843 г. директоръ департамента Клоковъ, послѣ объѣзда казенныхъ лѣсовъ Гродненской губ., возбудилъ вопросъ о разведеніи травъ, которыми предпочтительно питается зубръ. Въ Петербургъ доставили изъ Пущи 4 сорта такихъ травъ, но какихъ, въ дѣлѣ не упомянуто, и ученый комитетъ при министерствѣ предложилъ засѣвать этими травами пустопорожнія поляны. По прошествіи двухъ лѣтъ поступило донесеніе, что посѣвы не удались, но что бѣды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ зубръ питается всякими травами.

Любопытно бы знать, находилась ли въ числѣ привезенныхъ травъ общеизвѣстная зубровка, произрастаніемъ которой въ Пущѣ ошибочно объясняли сохраненіе зубровъ только въ этой мѣстности.

Прежде, чѣмъ говорить объ охотѣ Императора Александра II-го, остановимся еще разъ на обзорѣ Бѣловѣжскаго лѣса съ точки зрѣнія жилища и источника корма звѣрей и дичи. Общая площадь Пущи, вмѣстѣ съ отошедшею къ ней въ 30-хъ годахъ Свислочскою дачею, опредѣлялась, одинаково какъ и теперь, въ 114.992 десятины. На этомъ

8*

пространствѣ имѣлись налицо всѣ лѣсныя породы, какія только можно было встрѣтить въ западной Россіи, отъ вѣкового дуба и сосны до мелкихъ кустарниковъ бузины и малины включительно.

Преобладающее мѣсто занимала сосна. На значительныхъ пространствахъ она встрѣчалась въ чистомъ видѣ, мѣстами же въ смѣси съ лиственными породами и елью. Сплошныхъ раіоновъ спѣлыхъ сосенъ не имѣлось, хотя спѣлыя и переспѣлыя, т. е. перестойныя деревья, попадались вездѣ, то группами, то по-одиночкѣ между средне-возрастнымъ и молодымъ лѣсомъ. Слѣдующее мѣсто за сосною занимала ель, которая встрѣчалась преимущественно въ смѣси съ лиственнымъ лѣсомъ и сосною. Изъ лиственныхъ породъ имѣлись: дубъ, береза, липа, грабъ, ясень, ольха, кленъ, осина, вязъ и пр. Всѣ они занимали около 35% общей площади, въ томъ числѣ наиболѣе цѣнный для охотничьяго угодья дубъ—занималъ 4%. Преобладающій возрастъ дуба былъ спѣлый и переспѣлый, дававшій въ то время массу желудей.

Охотникъ знаетъ, какое важное условіе представляетъ разнохарактерный лѣсъ, въ которомъ звѣрь, смотря по времени года, находитъ необходимое ему разнообразіе пищи. Къ сожалѣнію, при обиліи породъ, Бѣловѣжскій лѣсъ уже и тогда былъ бѣденъ молодою порослью. Съ точки зрѣнія жилища, разнообразіе породъ лѣса одинаково необходимо.

Итакъ, повидимому, въ Пущѣ имѣлись всѣ необходимыя условія для жизни звѣря, а между тѣмъ, его съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше. Мѣстная администрація знала въ чемъ дѣло. Отъ нея не укрывалось, что большинству породъ звѣрей и дичи, въ особенности зубру, было недостаточно лѣса, а нужны были еще луга съ ихъ сочными, жирными травами; между тѣмъ, всѣ лучшія приречныя земли и лѣсныя поляны отошли на кормъ домашняго скота. Захватъ этихъ земель начался съ очень давнихъ поръ. Сначала въ Пущѣ самовольно селились крестьяне, привлекаемые сюда обиліемъ лѣса, рыбы, дичи и корма для скота. Позднѣе, въ постоянное сельское населеніе обратились стрѣлки, осочники, будняки и прочіе, которымъ за службу отдавали въ пользованіе пущинскія земли.

Уступка приречныхъ земель, несмотря на то, что на нихъ не позволялось устраивать поселковъ, тѣмъ не менѣе, лишала звѣря свободнаго доступа къ водопою, въ особенности въ періодъ уборки сѣна. По манифесту 19-го февраля свыше 12.000 десятинъ такой земли перешло въ собственность крестьянъ на правѣ выкупа.

Въ прежнія времена звѣрь только зимою поддерживался молодыми побѣгами, а теперь онъ оставался на сухоядѣніи круглый годъ. На бѣду, въ теченіе сказанныхъ 70-ти лѣтъ системы лѣсного хозяйства безпрерывно мѣнялись. Отъ сплошныхъ рубокъ участками переходили

ЗУБРЫ, ОКРУЖЕННЫЕ ВОЛКАМИ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

къ выборочнымъ и къ полному запрещенію всякихъ рубокъ. Въ періодъ сплошныхъ рубокъ недостатокъ лугового корма возмѣщался до нѣкоторой степени обиліемъ молодой поросли и вѣтвей, оставшихся на мѣстахъ рубокъ, но при выборочныхъ рубкахъ и полномъ запрещеніи наступала такая безкормица, отъ которой звѣрю приходилось только бѣжать. Оставался одинъ зубръ, привычный къ мѣсту и прикармливаемый, отчасти, зимою, но и ему приходилось систематически голодать.

Параллельно съ сокращеніемъ кормовъ давнишнее зло—браконьерство достигло такихъ размѣровъ, что на него уже перестали обращать вниманіе. Лось и коза выбивались начисто, не взирая на полъ, возрастъ и время года. На лося еще со временъ польскихъ королей сохранилась промышленная охота на вабку какъ быковъ, такъ и коровъ, и среди бѣловѣжскихъ лѣсничихъ до 50-хъ годовъ встрѣчались еще отличные вабельщики, хорошо знавшіе привычки звѣря. Охотясь этимъ способомъ и не жалѣя самокъ, лося выбили совершенно. Вообще главными браконьерами являлись сами охранители лѣса. Нарушая законъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли не смотрѣть сквозь пальцы и на браконьерство мѣстныхъ жителей. Битую дичь на глазахъ у всѣхъ вывозили на продажу въ Вильну и даже въ Варшаву. Обо всемъ этомъ, когда времена перемѣнились, откровенно разсказывали пущинскіе служащіе, здравствующіе и понынѣ. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что браконьерство и по закону было слабо наказуемо. За зубра налагался штрафъ отъ 50 до 150 рублей, а позднѣе, со введеніемъ мировыхъ учрежденій, наказаніе свелось къ штрафу въ 25 рублей, но, по счастію, про слабость закона знали немногіе, и это незнаніе закона спасало зубра. Большинству казалось, что за зубра, которымъ интересовался самъ Государь и ради котораго охранялась цѣлая огромная Пуща, налагается какое-нибудь особенно суровое наказаніе; даже Брэмъ былъ увѣренъ, что за зубра взыскиваютъ страшную пеню и ссылаютъ на поселенье. Одинъ иностранецъ, поинтересовавшійся узнать, чѣмъ отвѣчаютъ за убитаго самовольно зубра, не безъ ироніи замѣтилъ, что при такихъ условіяхъ не безвыгодно было бы вносить штрафъ впередъ, отправляясь на охоту въ Пущу. За голову зубра давали въ то время за границей до 500 рублей; мясо и шкура имѣли свою цѣну.

~1870

Не малое зло Пущѣ приносили также хищники и въ особенности волки. Бороться съ ними не умѣли и не старались, поэтому волковъ развелось такое множество, что они нерѣдко нападали и на зубровыя стада. Охотясь за зубрами, волки держались своей обычной тактики нападенія цѣлою стаею на одного. Подкрадываясь къ стаду, волки стараются произвести нападеніе, прежде нежели зубры успѣютъ стянуться въ кучу, и, намѣтивъ жертву, бросаются массою, чтобы отрѣзать ее отъ остальныхъ. Оставшись одинъ, окруженный волками, зубръ бѣжитъ

до тѣхъ поръ, пока не изнеможетъ и, конечно, погибаетъ въ неравной борьбѣ. Умные хищники старались, при преслѣдованіи, загнать зубра на ледъ, гдѣ звѣрь скоро падалъ, не будучи въ состояніи защищаться. Съ телятами расправа была еще короче. Случалось не рѣдко, что волки нападали даже на старыхъ одинцовъ, окружали ихъ и безчисленными хватками доводили до полнаго изнеможенія. Пока зубръ отбивался отъ тѣхъ, которые лѣзли подъ морду, другіе дѣйствовали сзади. Кромѣ волковъ, изъ породы хищниковъ водились: рысь, барсукъ, лисица, выдра,

Оригинальный рисунокъ Зичи.

хорекъ, куница и ласка. Медвѣдя, котораго когда-то было очень много, дѣятельно истребляла лѣсная стража, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ опасенъ для всей дичи и въ особенности зубрамъ. Въ истребленіи медвѣдя лѣсной стражѣ усердно помогали браконьеры, пришлые со стороны, потому что шкура его всегда имѣла цѣну. Случаи нападенія медвѣдей на зубровъ, дѣйствительно, бывали, хотя зубры умѣли постоять за себя, въ особенности стадомъ. Способъ нападенія медвѣдя на зубра, вѣроятно, былъ тотъ же, какъ на всякое другое крупное животное.

Онъ старается примоститься на загривкѣ, откуда его нельзя достать, и, перегрызая шею, ломаетъ жертву своими сильными лапами. Если бы, въ свою очередь, зубръ, защищаясь, могъ ударить медвѣдя остріемъ рога, то, конечно, сразу бы его прикончилъ; но зубрамъ это почти не удается, удары обыкновенно наносятся закругленною поверхностью рога, иначе, при постоянныхъ нападеніяхъ старыхъ быковъ на молодыхъ, зубры давно перебили бы другъ друга. Въ 1844 г. огромный медвѣдь подкараулилъ одинца, и тотъ, не видя спасенія, вступилъ въ поединокъ, происходившій у дороги изъ Бѣловѣжа въ Рудню. Случайные очевидцы разсказывали, что борцы на сто саженъ кругомъ поломали деревья и вытоптали кустарникъ. Израненный зубръ не разъ подымалъ медвѣдя на рога, пока тотъ, въ концѣ-концовъ, не загрызъ его до смерти.

Къ 60-мъ годамъ медвѣдя почти уже не было въ Пущѣ и при охотахъ Императора Александра II о немъ не было рѣчи; но позднѣе, съ 1873 по 1878 гг. встрѣчались единичные случаи нападенія медвѣдей на зубровъ, и послѣдніе три медвѣдя убиты въ Пущѣ именно въ этотъ пятилѣтній періодъ.

Сравнительно хорошо жилось въ Пущѣ пернатымъ, такъ какъ все вниманіе браконьеровъ поглощалось болѣе прибыльною охотою на звѣря. Въ лѣсу водились: глухари, тетерева, рябчики, вальдшнепы, на пограничныхъ поляхъ встрѣчались сѣрыя куропатки, по болотамъ—утки, дупеля, бекасы. Глухариные тока располагались тамъ же, гдѣ и теперь (см. кар. № 4), и въ концѣ іюля можно было отлично поохотиться изъ-подъ легавой на молодыхъ глухарей по окраинамъ большого болота Никоръ и на Переровѣ. По веснамъ тамъ былъ большой слетъ на тока, и лѣсничіе, любители этой охоты, сберегая тока, не допускали разбивать выводковъ въ этихъ мѣстахъ, а на тока слеталось столько, что на слуху всегда бывало до 10 штукъ. Тетерева водились преимущественно въ Королевскомъ лѣсничествѣ, по опушкамъ и въ мелколѣсьи, хотя и внутри Пущи—у Перерова, на Лѣснѣ и около Столповиска—ихъ всегда можно было встрѣтить. Рябчикъ не имѣлъ опредѣленныхъ мѣстъ и водился по всей Пущѣ въ большомъ количествѣ. Въ короткій сентябрьскій день изъ-подъ загонщиковъ на ружье брали до 15 штукъ. На манку рябчикъ шелъ также хорошо, въ особенности послѣ того, какъ самки сядутъ въ гнѣзда, но это продолжалось, обыкновенно, не долго, всего дня два. Вальдшнепа въ Пущѣ всегда было достаточно. Разсказывали намъ, напримѣръ, про одного лѣсничаго, приносившаго съ тяги въ хорошіе годы по 9 штукъ и никогда не возвращавшагося безъ двухъ паръ. Бывали случаи, когда вальдшнепъ гнѣздовалъ по два раза—въ маѣ и въ августѣ; въ концѣ 60-хъ годовъ

его стало убывать. Дупелиные тока всего чаще встрѣчались на границѣ Пущи, возлѣ селенія Хвойники, гдѣ дупель и гнѣздовалъ, а высыпки преимущественно по Наревкѣ, до впаденія Гвоздни, и въ Подливковьѣ.

Кромѣ перечисленныхъ полезныхъ птицъ, въ Пущѣ можно было встрѣтить бѣлаго аиста, изрѣдка даже и чернаго, журавлей, соекъ, дикихъ голубей, горлинокъ, сорокъ, орѣховокъ, совъ разныхъ породъ, ястребовъ и всевозможныхъ пѣвчихъ птицъ, знакомыхъ намъ по средней полосѣ Россіи.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Пущи, въ которомъ ее засталъ Императоръ Александръ II, прибывшій въ 1860 году въ Бѣловѣжъ поохотиться на зубровъ; послѣднихъ числилось въ это время по вѣдомостямъ до 1.575 головъ.

9

Охоту для Императора назначили сначала на сентябрь, но въ виду рожденія Великаго Князя Павла Александровича и тяжелаго болѣзненнаго состоянія Императрицы Александры Ѳеодоровны, Государь не могъ покинуть Петербурга, и охоту пришлось отсрочить до октября. Приготовленія къ охотѣ, которая обѣщала быть очень парадной, возложили на мѣстное управленіе государственными имуществами, непосредственное же наблюденіе за всѣмъ принялъ на себя товарищъ министра Зеленый, выѣхавшій заблаговременно въ Бѣловѣжъ въ сопровожденіи егермейстера графа Ферзена и художника Зичи.

Въ Пущѣ закипѣла работа. Чинили дороги, гати, наводили мосты, приводили въ порядокъ помѣщенія для пріема гостей, но главною заботою было добыть звѣря. Въ селѣ Бѣловѣжѣ обратили въ охотничій павильонъ старинный домъ, поставленный еще въ 1845 году для начальника края. Казарменный типъ этой наиболѣе обширной постройки не позволялъ приспособить ее даже для временнаго помѣщенія Государя, почему для этой цѣли и былъ наскоро достроенъ небольшой домикъ, предназначавшійся сначала подъ квартиру мѣстному лѣсничему. Въ нѣсколько дней сложили печи, потолки задрапировали матеріями, полы застлали коврами, и помѣщеніе приняло жилой, комфортабельный видъ. Для иностранныхъ принцевъ, приглашенныхъ на охоту, былъ выбранъ домъ нѣмецкаго купца Зигмунда, проживавшаго

въ Пущѣ для лѣсныхъ операцій по договору съ казною. Состоящимъ при принцахъ генераламъ и флигель-адъютантамъ отдѣлывали сельскія общественныя зданія.

Приготовленія къ самой охотѣ велись еще дѣятельнѣе. Три недѣли лѣсничій Штральборнъ и унтеръ-егермейстеръ Ивановъ съ 14-тью офицерами корпуса лѣсничихъ, 10-тью объѣздчиками, 90 стражниками изъ постоянной лѣсной стражи, 120-тью полѣсовщиками, со стрѣлками, осочниками и 2.000-ми крестьянъ, не выходя изъ Пущи, сгоняли зубровъ и все, что попадалось, не исключая зайцевъ, въ заранѣе огороженное тыномъ обширное лѣсное пространство, захватывавшее 550 десятинъ центральнаго урочища Грибовецъ. Одновременно съ загономъ, по всѣмъ казеннымъ лѣсамъ Гродненской губерніи ловили звѣрей и въ клѣткахъ доставляли въ импровизованный для предстоящей охоты звѣринецъ. Внутри звѣринца отгородили заборомъ участокъ около двухъ квадратныхъ верстъ, въ которомъ должна была происходить самая охота; тамъ прорубили просѣку въ 300 саженъ длиною и вдоль просѣки разставили штанды. Царскій штандъ помѣщался съ края. Другую большую часть огороженной площади раздѣлили заборомъ на нѣсколько отдѣльныхъ малыхъ звѣринцевъ, чтобы размѣстить въ нихъ звѣрей по породамъ, и отсюда, черезъ особые выходы, въ день охоты гнали плѣнниковъ на просѣку къ штандамъ.

Ко дню охоты удалось собрать: 117 зубровъ, 3 лося, 14 даніэлей, 23 кабана, 36 козъ, 17 волковъ, 15 лисицъ, 14 барсуковъ,—всего 339 штукъ, въ томъ числѣ 100 зайцевъ.

Вспомнимъ, что въ этихъ лѣсахъ Ягелло когда-то добывалъ продовольствіе для сто-тысячной арміи; теперь же волковъ набрали больше, нежели лосей и даже даніэлей.

Конечно, полнаго раздѣленія звѣрей по породамъ не удалось достигнуть. Въ отдѣльный звѣринецъ попадали животныя, которыя на свободѣ не приближались даже другъ къ другу; но теперь общая участь собирала всѣхъ въ унылое, нестройное стадо, получавшее, какъ въ темницахъ, готовый кормъ отъ тѣхъ, которые ихъ туда заключили.

Еще болѣе печальную картину, нежели звѣринецъ, представлялъ самый способъ собиранія животныхъ.

Въ началѣ облавъ на зубровъ, при неопытности и спѣшности, съ которыми производился загонъ, тяжелыя, непривычныя къ продолжительному и быстрому бѣгу животныя изнемогали отъ усталости, и на пути къ звѣринцу ихъ пало 100 штукъ на 57 пойманныхъ. Не менѣе того, конечно, погибло всякихъ звѣрей при ловлѣ и перевозкѣ на мѣсто.

Накануиѣ пріѣзда Государя прибыли принцы: Карлъ и Альбертъ

9*

Прусскіе и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій въ сопровожденіи собственной свиты и откомандированныхъ къ нимъ русскихъ офицеровъ *). Гости развлекались прогулкою по Пущѣ и селу Бѣловѣжъ, осматривали памятникъ, воздвигнутый для увѣковѣченія охоты Августа III, происходившей въ 1752 году, заглянули въ домикъ, предназначенный Государю, и съ нетерпѣніемъ ожидали предстоящей охоты. Все, повидимому, было готово, какъ вдругъ кто-то вспомнилъ, что для царской резиденціи не запасено флага. Желтую матерію еще можно

Прибытіе Государя въ Пущу. Оригинальный рисунокъ Зичи.

было достать въ селѣ, но откуда было достать гербъ? Тутъ выручилъ Зичи, и черный двуглавый орелъ его художественной работы развѣвался надъ скромнымъ домикомъ лѣсничаго во все пребываніе въ немъ Императора Александра.

Въ тихую, теплую октябрьскую ночь, съ 5-го на 6-ое, Государь Александръ II, въ одномъ экипажѣ съ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, сопровождаемый многочисленною блестящею свитою **), въѣхалъ въ Пущу. Дорога шла густымъ лѣсомъ,

*) Его Королевское Высочество принцъ Карлъ Прусскій, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ маіора Путкомера и капитана Мизичека, и состоявшаго при немъ, по Высочайшему повелѣнію, Свиты Его Величества генералъ-маіора Веймарна, прибылъ въ село Бѣловѣжъ въ ночь съ 4-го на 5-ое октября. Вслѣдъ за принцемъ Карломъ пріѣхали принцы Альбертъ Прусскій, Августъ Виртембергскій и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. Перваго сопровождали капитаны, бароны Буденброкъ и Мальцанъ, второго—капитанъ фонъ-Тиле и третьяго—капитанъ Керъ. При принцѣ Альбертѣ былъ назначенъ состоять флигель-адъютантъ ротмистръ Рейтернъ, а при принцѣ Гессенъ-Кассельскомъ—флигель-адъютантъ полковникъ Голынскій.

**) Вмѣстѣ съ Государемъ въ Бѣловѣжъ прибыли генералъ-адъютанты: князь Долгоруковъ 1-й, баронъ Ливенъ, начальникъ края Назимовъ 1-ый, баронъ Притвицъ 2-ой, князь Радзивиллъ, Огаревъ 1-ый и графъ Адлербергъ 2-ой, тайный совѣтникъ Енохинъ, Шталмейстеръ Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго баронъ Еглофштейнъ, флигель-адъютанты Его Величества Рылѣевъ и Эссенъ, флигель-адъютантъ Короля Прусскаго баронъ Леонъ, флигель-адъютантъ Великаго Герцога Томсонъ и начальникъ Гродненской губ. дѣйствительный статскій совѣтникъ Шпееръ.

сквозь который и въ полдень не вездѣ проглядывало солнце. По обѣимъ сторонамъ дороги, пылающіе костры и смоляныя бочки освѣщали путь Государю; по селу Бѣловѣжъ горѣли плошки и бенгальскіе огни. Утромъ слѣдующаго дня Государь выѣхалъ на охоту.

Дальнѣйшее описаніе пребыванія Государя въ Бѣловѣжѣ заимствуемъ изъ изданія, напечатаннаго въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ распоряженіемъ министра государственныхъ имуществъ въ

Государь Александръ II на штандѣ.
Оригинальный рисунокъ
Зичи.

1861 году и составляющемъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Изданіе это, озаглавленное „Охота въ Бѣловѣжской Пущѣ“, украшено нѣсколькими виньетками художника Зичи, а текстъ краткаго историческаго очерка составленъ по Далматову. Нѣсколько экземпляровъ были напечатаны на французскомъ языкѣ для подношенія участвовавшимъ въ охотѣ иностранцамъ.

„Утромъ, 6-го октября,—говорится въ описаніи—Государь Императоръ, осмотрѣвъ село Бѣловѣжъ, посѣтилъ иностранныхъ принцевъ; „въ одиннадцатомъ же часу, Ихъ Высочества и свита были приглашены къ Государю Императору на завтракъ. Затѣмъ Его Величество, „въ сопровожденіи принцевъ и всей свиты, отправился на охоту въ „экипажахъ.

„Охота была устроена согласно мѣстнымъ обычаямъ....... Въ звѣ-„ринцѣ, на просѣкѣ въ 300 саженъ длиною, устроено было для охот-„никовъ 12 штандовъ (маленькихъ крытыхъ галлерей), убранныхъ „древесными вѣтвями, такъ что издали они имѣли почти видъ деревъ „и сливались съ лѣсомъ.

„Первый штандъ съ лѣвой стороны, въ дальнемъ ружейномъ вы-„стрѣлѣ отъ западной стѣны звѣринца, предназначенъ былъ для Го-„сударя Императора; за нимъ, по прямой линіи, слѣдовали пять штан-„довъ для Высокихъ гостей съ ихъ свитами и, наконецъ, 6 штандовъ „для свиты Его Величества. Такимъ образомъ, со штандовъ можно „было стрѣлять во всѣ стороны, конечно, кромѣ линіи охоты. За стѣ-„ною звѣринца устроенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, амфитеатръ „для любопытствующей публики.

„Государь, Высокіе гости и свита, проѣхавъ часть звѣринца, вышли „изъ экипажей на небольшой полянѣ и отправились пѣшкомъ на стрѣл-„ковую линію. Его Величество сначала лично обозрѣлъ устроенныя „для охотниковъ помѣщенія и затѣмъ вошелъ въ свой штандъ, гдѣ „былъ встрѣченъ егермейстеромъ графомъ Ферзеномъ. По занятіи „принцами и свитою предназначенныхъ имъ мѣстъ, Государь прика-„залъ подать сигналъ для начатія охоты.

„Облава, расположенная въ противоположномъ концѣ звѣринца, „двинулась по данному сигналу и стала сгонять звѣрей къ штандамъ. „По мѣрѣ приближенія звѣрей къ стрѣлковой линіи, на дальнемъ отъ „нея ружейномъ выстрѣлѣ, облава останавливалась; въ это время лѣс-„ная стража спускала своры гончихъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожи-„данія, послышался вблизи штандовъ трескъ ломаемыхъ сучьевъ и, „вслѣдъ за тѣмъ, выбѣжало нѣсколько огромныхъ зубровъ. Раздался „первый выстрѣлъ, и одинъ изъ самыхъ величавыхъ обитателей Пущи „палъ замертво, раненый въ грудь. Этотъ мѣткій выстрѣлъ сдѣланъ „былъ Государемъ Императоромъ въ 275 шагахъ. Вслѣдъ за тѣмъ „убитъ былъ наповалъ Его Величествомъ другой зубръ, на разстояніи „75 шаговъ, пулею въ лобъ. На ближайшемъ штандѣ, принцъ Карлъ „Прусскій тоже положилъ зубра, искусно направленнымъ выстрѣломъ. „Остальные зубры, испуганные, ошеломленные непривычнымъ для „нихъ шумомъ, бросились бѣжать дальше, и огонь открылся по всей „стрѣлковой линіи. За зубрами показались прочіе звѣри.

„Картина была чрезвычайно живописная и оживленная. То легкая „лань пролетитъ стрѣлою мимо охотниковъ, то серна пронесется, какъ „вихрь, среди деревьевъ. Боязливые зайцы снуютъ между кустарни-„ками и тщетно ищутъ безопаснаго убѣжища; неповоротливые кабаны „бѣгутъ со всѣхъ ногъ въ чащу лѣса, устремляясь невпопадъ черезъ

„самую середину стрѣлковой линіи и становясь, такимъ образомъ, цѣлью „безчисленныхъ выстрѣловъ. По временамъ, снова появлялись зубры „и видимо овладѣвали вниманіемъ охотниковъ; каждый берегъ свой „выстрѣлъ, чтобы имѣть удовольствіе убить невиданнаго на другихъ „Европейскихъ охотахъ звѣря. Едва показывался зубръ на одномъ изъ „концовъ охотничьей линіи, выстрѣлы замолкали; преслѣдуемые собаками разнаго рода, звѣри пробѣгали въ эту минуту безнаказанно по „стрѣлковой линіи; во всѣхъ штандахъ виднѣлись прицѣленные ружья; „когда же зубръ, преслѣдуемый собаками, устремлялся по линіи, тогда „открывался бѣглый огонь. Однако, зубръ не легко дается охотнику; „его сильная натура не изнеможетъ отъ десятка пуль, если ни одна „изъ нихъ не нанесетъ ему тяжелой раны; случалось, что небольшое „стадо изъ 5 или 6 зубровъ пробѣгало по два и по три раза чрезъ „всю линію охотниковъ, подъ самыми мѣткими выстрѣлами, изъ которыхъ лишь весьма рѣдкіе были промахами; только ударъ пули около „головы или въ грудь заставлялъ пасть замертво это сильное и красивое животное. Въ промежуткахъ времени, когда не было зубровъ, „охотники удостоивали выстрѣлами и другихъ звѣрей, не исключая „зайца и барсука, которые постоянно сновали около штандовъ; вообще „арена не была пуста ни на минуту. Облава постоянно слѣдила за „звѣрями и не позволяла имъ слишкомъ удаляться въ чащу лѣса; не „находя другого исхода, они невольно бѣжали противъ лицевой стороны штандовъ или, обогнувъ ихъ, устремлялись по задней сторонѣ, „не выходя въ обоихъ случаяхъ изъ-подъ выстрѣловъ. Ружейный „огонь не прекращался въ теченіе двухъ часовъ. Убитая и раненая „въ это время дичь въ большомъ числѣ лежала на самомъ мѣстѣ „охоты. До 80 собакъ, спущенныхъ со своръ, терзали ее, не обращая „болѣе ни на что вниманія и не чуя вновь выгоняемыхъ звѣрей, которые, пугаясь убитыхъ и не будучи преслѣдуемы собаками, бѣжали „назадъ. Чтобы возстановить правильную охоту, необходимо было вновь „собрать собакъ и убрать убитую дичь. Это обстоятельство было предвидѣно, и потому заранѣе были приготовлены люди съ носилками и „скрыты за стѣною звѣринца, за толстымъ брустверомъ. Въ два часа „данъ былъ условный сигналъ прекратить охоту; тотчасъ явилась „лѣсная стража съ носилками, которая въ самое короткое время подобрала убитыхъ звѣрей и снесла ихъ къ соотвѣтствующимъ штандамъ; „такимъ образомъ каждый охотникъ увидѣлъ подлѣ себя трофеи своего искусства и счастья. Въ $2^1/_2$ часа охота возобновилась. Снова завизжали и залаяли собаки, выбѣжали кабаны, дикія козы, серны, „нѣсколько зубровъ и между ними одна зубрица съ теленкомъ. По „предварительному условію, положено было не стрѣлять матокъ и мо-

„лодыхъ зубровъ, но чей-то нечаянный выстрѣлъ нарушилъ это условіе. Матка была убита наповалъ и теленокъ, понуря голову и размахивая хвостомъ, бѣгалъ и оставался между штандами до самаго конца „охоты. Маленькіе зубры, преимущественно одного и двухъ лѣтъ, очень „красивы, особенно на бѣгу; да и вообще зубры, при своихъ колоссальныхъ формахъ, очень граціозны и легки. Во время приготовленій къ „охотѣ, одна зубрица, загнанная въ звѣринецъ, перескочила безъ разбѣга черезъ заборъ звѣринца, вышиною около 10 футовъ, а за нею „вслѣдъ перепрыгнули такимъ же образомъ, одинъ за другимъ, до „30 зубровъ.

„Въ 4 часа Государь приказалъ прекратить охоту. Въ этотъ день „вообще было убито 44 звѣря, въ томъ числѣ 16 зубровъ и 4 кабана; „изъ нихъ Государемъ убито всего 22 штуки, въ томъ числѣ 4 зубра „1 кабанъ; Высокими гостями и свитою 22 звѣря, въ томъ числѣ 12 „зубровъ и 3 кабана.

„По возвращеніи изъ лѣса въ селеніе, у Его Величества былъ „обѣденный столъ, къ которому были приглашены Высокіе гости, свита „и нѣкоторые чины управленія государственныхъ имуществъ. Во время „обѣда играла военная музыка Великолуцкаго пѣхотнаго полка, прибывшая въ Бѣловѣжъ изъ Бѣлостока. За обѣдомъ принцъ Карлъ „Прусскій поднесъ Государю, въ память охоты этого дня, костяной „рѣзной кубокъ. Принявъ благосклонно сей подарокъ, Его Величество „провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ Высокихъ гостей, на который отвѣчалъ Великій Герцогъ Саксенъ-Веймарскій тостомъ въ честь „Государя Императора.

„Поднесенный принцемъ Карломъ кубокъ, Государь приказалъ „сохранять, вмѣстѣ съ прочими воспоминаніями своего пребыванія, въ „Бѣловѣжскомъ царскомъ домикѣ.

„По окончаніи обѣденнаго стола, изъ оконъ Государева домика „представилась самая живописная картина: толпы ликующаго народа, „тысячами собравшагося въ Бѣловѣжъ, расположились густыми группами на противоположномъ берегу рѣчки, протекающей подлѣ холма, „на которомъ находилось занятое Его Величествомъ строеніе. Для народа приготовлено было угощеніе: водка, пиво и пироги. Пѣсни и „пляски оживляли эту картину, которая внезапно освѣтилась разноцвѣтными огнями. Этотъ народный пиръ продолжался до глубокой „ночи.

„На другой день Государь осматривалъ Бѣловѣжскую сельскую „церковь; мѣсто, на которомъ, по преданію, существовалъ дворецъ „Польскаго Короля Августа III-го и такъ-называемую Головинскую батарею, напоминавшую собою печальныя для края событія 1831 года.

„Затѣмъ Его Величество съ иностранными принцами и свитою, „послѣ завтрака, въ 10 часовъ утра, снова отправился на охоту, ко-„торая началась въ этотъ день въ 11 часовъ утра и происходила въ „томъ же порядкѣ и на томъ же мѣстѣ, какъ и наканунѣ.

„Въ этотъ день зубровъ было убито меньше, чѣмъ наканунѣ, а „прочихъ звѣрей больше. Государь убилъ наповалъ большого лося въ „70 шагахъ. Особенное вниманіе иностранныхъ принцевъ обратили на „себя въ этотъ разъ волки и кабаны, замѣчательные по своей вели-„чинѣ; самые мѣткіе выстрѣлы Ихъ Высочествъ были направлены на „этихъ звѣрей. Два большіе волка пали отъ выстрѣловъ Государя Им-„ператора и Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго. Одинъ кабанъ былъ „преслѣдуемъ выстрѣлами около получаса; нѣсколько разъ перебѣгалъ „онъ по серединѣ стрѣлковой линіи; охотники сдѣлали по немъ 40 „выстрѣловъ; наконецъ, животное, изнемогая отъ ранъ, пало на землю, „но черезъ нѣсколько минутъ опять стало на ноги и помчалось дальше; „уже по окончаніи охоты оно было найдено мертвымъ въ отдаленномъ „углу звѣринца.

„Въ 12½ часовъ данъ былъ сигналъ къ отбою. По уборкѣ уби-„тыхъ звѣрей, стрѣльба возобновилась и продолжалась до двухъ часовъ.

„Въ заключеніе охоты произведена была общая единовременная „облава на всѣхъ собранныхъ въ загонѣ звѣрей. По окончаніи охоты, „убитые звѣри были снесены къ Государеву штанду.

„Въ этотъ день было вообще убито 52 звѣря, изъ коихъ Госуда-„ремъ Императоромъ 21, и въ томъ числѣ 6 зубровъ, а Высокими „иностранными Гостями 17 штукъ, и въ томъ числѣ 4 зубра и 4 ка-„бана. Свитами Его Величества и Ихъ Высочествъ убито въ этотъ день „14 штукъ.

„Всего въ оба дня убито: 28 зубровъ (18 самцовъ и 10 коровъ), „2 лося, 10 даніэлей, 11 кабановъ, 16 волковъ, 16 козъ, 7 лисицъ, „4 барсука, 2 зайца. Шкуры животныхъ, убитыхъ иностранными „принцами, переданы, по Высочайшему повелѣнію, въ собственность „Ихъ Высочествъ, а изъ числа убитыхъ на охотѣ зубровъ, нѣкоторые „экземпляры предназначены для университетскихъ музеевъ. Пригото-„вленіе кожъ и чучелъ поручено препаратору Академіи Наукъ, нарочно „для сей цѣли вызванному въ Пущу изъ С.-Петербурга.

„По окончаніи охоты, товарищъ министра государственныхъ иму-„ществъ исходатайствовалъ у Его Величества соизволеніе воздвигнуть „памятникъ въ воспоминаніе Высочайшей охоты 6-го и 7-го октября „и, обративъ, при выходѣ изъ звѣринца, вниманіе Государя на неболь-„шую поляну, на которой было бы удобно воздвигнуть памятникъ, „просилъ Его Величество посадить на этомъ мѣстѣ деревцо. Государь

10

„Императоръ изволилъ благосклонно согласиться, взялъ заступъ и „собственноручно посадилъ одинъ изъ нарочно для сей цѣли приго-„товленныхъ двухъ молодыхъ ливанскихъ кедровъ. По желанію Его „Величества, иностранные принцы послѣдовали сему примѣру. Затѣмъ „Государь приказалъ сдѣлать то же главному распорядителю охоты, „генералъ-маіору Зеленому и главному начальнику края, генералъ-адъ-„ютанту Назимову. Свитою были посажены американская ель и нѣсколько

Посадка дерева Государемъ. Оригинальный рисунокъ Зичи.

„деревьевъ Бѣловѣжской пихты.—Кромѣ того, въ воспоминаніе сей же „охоты, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

„Домъ, занимаемый Его Величествомъ, оставить на будущее время, „подъ именемъ Императорскаго охотничьяго павильона, въ томъ са-„момъ видѣ, въ которомъ онъ находился во время Высочайшей охоты, „и устроенный среди Пущи для сей охоты звѣринецъ сдѣлать посто-„яннымъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ всегда находилось достаточное число „дикихъ звѣрей разнаго рода, свойственныхъ Бѣловѣжской Пущѣ.

„По возвращеніи въ Бѣловѣжъ, у Его Величества былъ обѣден-„ный столъ, къ которому были приглашены принцы и свита. Госу-

„дарь во время объда изволилъ подарить принцу Карлу Прусскому „обдѣланный, въ видѣ кубка, зубровый рогъ. Его Высочество, принявъ „съ признательностью этотъ подарокъ, пилъ изъ него за здоровье Его „Величества.

„Передъ отъѣздомъ Его Величества изъ Бѣловѣжа, товарищъ министра государственныхъ имуществъ представилъ Государю Императору альбомъ, предназначенный для записыванія именъ почетнѣйшихъ „посѣтителей Пущи. Его Величество, соблаговоливъ первый начертать „собственноручно имя свое въ семъ альбомѣ, изволилъ предложить иностраннымъ принцамъ и всей свитѣ послѣдовать Его примѣру, что и „было исполнено.

„Въ $3^1/_2$ часа пополудни, Государь Императоръ, Великій Герцогъ „Саксенъ-Веймарскій, иностранные принцы и вся свита выѣхали изъ „Бѣловѣжа въ Бѣлостокъ для слѣдованія оттуда въ Варшаву.

„Его Величество выразилъ Свое полное удовольствіе за устройство охоты товарищу министра государственныхъ имуществъ генералу „Зеленому.

„Мѣстные чины управленія государственныхъ имуществъ, какъ „гражданскіе, такъ и лѣсные, участвовавшіе въ приготовленіяхъ къ „охотѣ, удостоились представляться Государю Императору и были всемилостивѣйше награждены брилліантовыми перстнями, а нѣкоторые „изъ объѣздчиковъ,—золотыми часами съ такими же цѣпочками; вообще „же лѣсной стражѣ и работавшимъ въ лѣсу казеннымъ крестьянамъ „выданы, съ Высочайшаго соизволенія, денежныя награды. — Успѣху „охоты въ оба дня въ высшей степени благопріятствовала ясная и „необыкновенно теплая погода.

„Высокіе гости неоднократно выражали во время охоты, что дѣйствительность далеко превзошла ихъ ожиданія и что такая охота „могла быть устроена только по волѣ Русскаго Царя, при естественныхъ богатствахъ Русскаго Царства.

„Памятно будетъ Высочайшее пребываніе 6-го и 7-го октября „1860 года въ Бѣловѣжской Пущѣ и для тамошняго населенія.—Кромѣ „радостнаго для народа лицезрѣнія Монарха, это пребываніе будетъ „еще дорого и потому, что оно доставило крестьянамъ значительные „заработки и было источникомъ неподдѣльнаго веселья, столь рѣдкаго „въ трудовомъ сельскомъ сословіи.

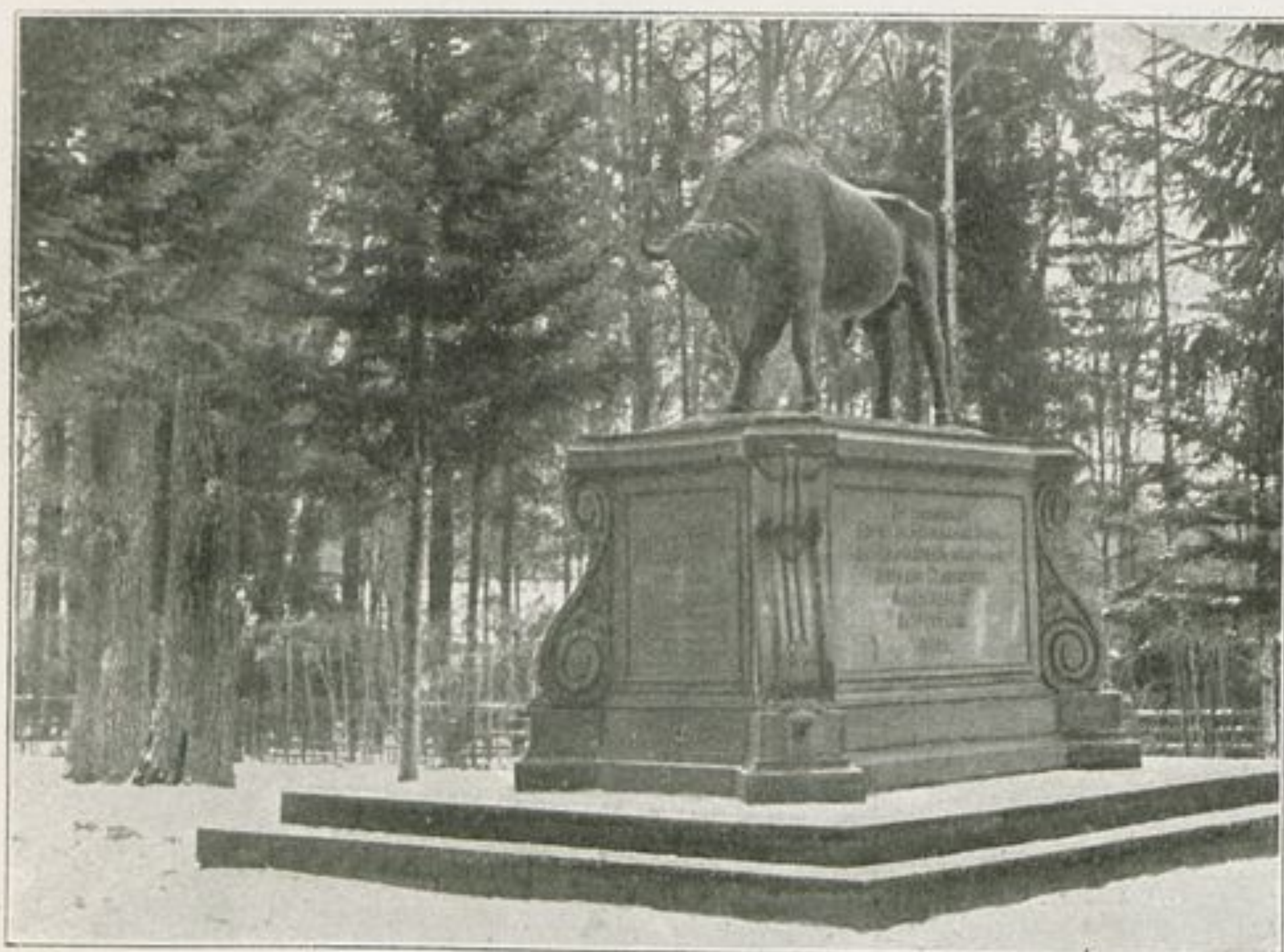
„Охота эта, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что она не сопровождалась ни однимъ несчастнымъ случаемъ и что, сравнительно „съ другими подобными охотами, обошлась весьма не дорого, около „18.000 рублей, несмотря на то, что расходы на нее должны были „превосходить издержки на всякую другую охоту, какъ потому, что

10*

„въ Бѣловѣжѣ для пріема Высокихъ гостей съ многочисленною при-
„слугою нужно было все устроить заново, такъ и потому, что Бѣло-
„вѣжъ находится въ самой глуши Гродненской губерніи—въ 150 вер-
„стахъ отъ губернскаго города, въ 80 отъ Бѣлостока и въ 70 отъ
„Брестъ-Литовска".

Уже изъ сказаннаго о приготовленіяхъ всякому понятно, чѣмъ могла быть охота 6-го и 7-го октября. Для участниковъ это былъ случай проявить свое искусство въ стрѣльбѣ по живой, движущейся цѣли, а для устроителей—свое усердіе въ загонѣ звѣря. Авторъ описанія охоты, желая, вѣроятно, смягчить впечатлѣніе, говоритъ, что она происходила согласно мѣстнымъ обычаямъ. Но какіе обычаи могли сохраниться въ Пущѣ, когда тамъ въ теченіе 70-ти лѣтъ только браконьерствовали. Правда, при послѣднихъ владѣтеляхъ, Августахъ II и III, существовалъ обычай выбивать, во что бы то ни стало, побольше дичи въ самое короткое время, но этотъ обычай десятки лѣтъ уже не примѣнялся. Нужно думать, что устроители охоты, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и наблюдателями Пущи, стремились доставить возможно полное развлеченіе Государю и иностраннымъ гостямъ, не обнаруживая при этомъ, въ какомъ состояніи находилось угодье, ввѣренное ихъ попеченію.

Фотографія съ натуры.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что авторъ не былъ истымъ охотникомъ; иначе онъ не упустилъ бы такихъ интересныхъ подробностей, какъ выгоняли звѣрей изъ малыхъ загоновъ на просѣку, какъ руководили загонщиками—командой или сигналами, прибѣгали ли къ контръ-загонамъ, для какой надобности спускали массы собакъ противъ звѣря, который и безъ того долженъ былъ метаться во всѣ стороны, какимъ образомъ тяжелые зубры опередили козъ и волковъ и показались

первыми передъ штандами, если звѣрей погнали одновременно. Вообще описаніе грѣшитъ односторонностью и крайней неполнотой.

Какъ ни мало увлекательною для истинныхъ любителей была вся эта охота, сопряженная къ тому же со столькими ненужными жертвами, тѣмъ не менѣе, она прошла не безслѣдно. Посѣщеніе Государя пробудило интересъ къ Пущѣ во всемъ образованномъ обществѣ. Въ періодической печати появились историческія замѣтки о Пущѣ; къ мѣстнымъ служащимъ отовсюду обращались за подробностями о пребываніи Государя и объ охотѣ, но важнѣе всего было то, что высшая администрація воочію убѣдилась въ какомъ состояніи находилось угодье. Кромѣ полнаго отсутствія дичи, обнаружилось, что и количество зубровъ было далеко не то, какое показывалось по вѣдомостямъ, а такъ какъ съ внѣшней стороны успѣхъ охоты былъ значителенъ, то легко могли ожидать, что Государь посѣтитъ Пущу вновь и потребуетъ настоящей охоты, безъ загородокъ и привозной дичи. Старожилы, вспоминая 30-ые года, разсказывали, что пріѣзжавшимъ тогда въ Пущу посмотрѣть рѣдкаго звѣря достаточно было отправиться на мѣста зубровыхъ жировъ (мѣсто, гдѣ кормятся зубры), тогда какъ въ 50-хъ годахъ, когда зубровъ числилось вдвое больше, ихъ не всегда удавалось обойти съ загонщиками.

Спустя два года, въ воспоминаніе объ охотѣ Государя, при въѣздѣ въ бывшій звѣринецъ, съ лѣвой стороны отъ дороги изъ Гайновки въ Бѣловѣжъ, невдалекѣ отъ царскаго штанда, воздвигли памятникъ, на постаментѣ котораго красуется фигура огромнаго зубра, въ грозной позѣ, съ опущенной внизъ головою, готоваго броситься на врага. Это художественное изображеніе могучаго обитателя Пущи отлито изъ чугуна на заводѣ Огарева въ Петербургѣ. На четырехъ сторонахъ каменнаго постамента высѣчены краткія воспоминанія о пребываніи Государя.

Глядя на памятникъ, истинные любители охоты должны вспоминать о другомъ событіи, связанномъ съ посѣщеніемъ Государя—о возрожденіи самой охоты въ Пущѣ и объ оживленіи интереса къ послѣдней. Памятникъ въ настоящее время скрывается отъ дороги разросшимися деревьями, которыя были собственноручно посажены маленькими высадками Государемъ и его гостями.

Результаты посѣщенія Государя не замедлили сказаться. Въ слѣдующемъ году завѣдывавшій Пущею капитанъ Эйхвальдъ представилъ въ министерство подробную записку о необходимыхъ мѣропріятіяхъ для сохраненія и размноженія дичи. Г. Эйхвальдъ предлагалъ: 1) воспретить въ Пущѣ всякую охоту, 2) обратить въ постоянный звѣринецъ загражденія, устроенныя для царской охоты; въ нихъ оставалось: 14 зубровъ, 4 даніэли, 8 козъ и 4 кабана, 3) въ каждомъ лѣсничествѣ устроить по маленькому звѣринцу и 4) организовать систематическую борьбу съ волками.—Даніэлей г. Эйхвальдъ совѣтовалъ пополнить покупкою въ имѣніи Турны графа Грабовскаго.

Всѣ предложенныя г. Эйхвальдомъ мѣры были осуществлены въ теченіе послѣдующихъ 5-ти лѣтъ, за исключеніемъ лишь устройства новыхъ звѣринцевъ. Кромѣ того, министерство впервые стало ассигновывать на содержаніе звѣрей по 650 рублей въ годъ, доведя расходъ къ 1866 году до 1.340 рублей. Среди этихъ мѣръ, самою существенною являлось, конечно, воспрещеніе охоты, а также борьба съ браконьерствомъ. Къ сожалѣнію, г. Эйхвальдъ не развилъ подробно, какимъ способомъ онъ предполагалъ вести эту борьбу, тѣмъ болѣе трудную, что защищаться приходилось отъ своихъ. Въ отношеніи истребленія волковъ, облавный способъ, предложенный г. Эйхвальдомъ, не могъ принести большой пользы частью по недостаточной подготовкѣ пущинскихъ служащихъ къ веденію облавы, частью потому, что охота на волковъ обращалась обыкновенно въ забаву для приглашенныхъ любителей. Только съ тѣхъ поръ, какъ лѣсничій Кампіони ввелъ стрихнинныя пилюли, волковъ удалось вывести радикальнымъ образомъ. Картина уничтоженія крупныхъ хищниковъ въ описываемое время представляется въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года.	Убито			Отравлено		Производили облавъ.
	волковъ.	рысей.	медвѣдей.	волковъ.	рысей.	
1869	23	2	—	—	—	16
1870	40	5	1	—	—	18
1871	50	—	1	—	—	19
1872	36	5	—	—	—	14
1873	51	7	—	—	—	16
1874	37	5	1	—	—	20
1875	16	4	—	—	—	15
1876	32	1	—	—	—	23
1877	23	1	1	28	4	14
1878	17	—	1	32	1	11
1879	15	1	—	23	—	12
1880	8	—	—	17	1	10
1881	10	—	—	8	—	—
1882	—	—	—	5	—	—

Что касается устройства небольшихъ звѣринцевъ въ каждомъ лѣсничествѣ, то министерство вполнѣ правильно оцѣнило эту мѣру, не приведя ее, однако, въ исполненіе. Разбросанные по всей Пущѣ звѣринцы потребовали бы слишкомъ сложной системы надзора; да въ нихъ не могло бы оказаться и надобности при одномъ, правильно содержимомъ центральномъ звѣринцѣ, который сохранялъ бы свое значеніе до тѣхъ поръ, пока сама Пуща, при раціональномъ администрированіи ея охотничьяго хозяйства, не сдѣлалась бы естественнымъ хранилищемъ звѣря. Кромѣ даніэлей, пріобрѣтенныхъ по указанію Эйхвальда, Пуща обогатилась при немъ оленями. Въ 1865 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, выловили четырехъ молодыхъ (трехгодовалыхъ) зубровъ, быка и трехъ зубрицъ, для отправки къ князю Плессъ въ его имѣніе, въ лѣсничество Emanuelsegen въ Прусской Силезіи. Въ обмѣнъ на зубровъ князь прислалъ въ Пущу 20 благородныхъ оленей, 6 самцовъ и 14 самокъ, изъ которыхъ дорогою пали двѣ. Это былъ первый случай переселенія звѣрей въ Пущу издалека. Оленей помѣстили въ звѣринцѣ, въ особо отгороженномъ просторномъ мѣстѣ, и они зажили, сравнительно съ прочими звѣрями, хорошо. Появленіе оленей вызвало удивленіе мѣстныхъ крестьянъ, до того уже они отвыкли видѣть оленей въ Пущѣ, хотя тамъ цѣлое урочище, по старой памяти, именовалось „Олены горы". Средневѣковой олень въ Пущѣ, судя по находимымъ остаткамъ роговъ, былъ необыкновенно крупенъ. Одному изъ пущин-

скихъ лѣсничихъ удалось пріобрѣсти рогъ, выловленный въ Бугѣ, около Мельницкой дачи, который имѣлъ $3^{1}/_{2}$ вершка въ діаметрѣ у основанія. Другой, почти того же размѣра рогъ былъ найденъ на отмели рѣки Нарвы.

Въ отношеніи внѣшняго устройства Пущи были предприняты различныя работы. Дачу обошли кружною межою, прорубили новыя просѣки, расчистили старыя, намѣтили мѣста рубокъ и пр. и пр.

Если пущинская администрація въ началѣ 60-хъ годовъ не дѣйствовала энергично въ смыслѣ упорядоченія Бѣловѣжскаго хозяйства, какъ экономическаго, такъ и охотничьяго, то этого нельзя ставить ей въ вину. Наступило смутное время польскаго мятежа, когда въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ вниманіе всѣхъ было обращено исключительно на политическія событія въ краѣ. Вспыхнувшее въ 1863 г. въ Польшѣ возстаніе, къ веснѣ охвативъ почти всю Литву, отразилось также и на спокойствіи Бѣловѣжскаго населенія. Характеръ возстанія отличался во многомъ отъ событій 1830-го и 1831-го годовъ. Хотя мѣстность, въ которой лежитъ Пуща, прилегала къ уѣздамъ, населеннымъ поляками, тѣмъ не менѣе бѣлоруссы, жившіе въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ, остались вѣрными русскому Правительству, служащіе въ Пущѣ также не измѣнили присягѣ, и только польскіе патріоты, собиравшіе банды и энергично дѣйствовавшіе по городамъ и селеніямъ вокругъ Пущи, послѣ постоянныхъ неудачъ въ стычкахъ съ русскими войсками, укрывались въ дебряхъ и болотахъ Бѣловѣжскихъ лѣсовъ. Сухое, жаркое лѣто 1863-го года способствовало ихъ партизанскимъ дѣйствіямъ. Не находя нигдѣ пристанища, гонимые изъ лѣса въ лѣсъ, изъ болота въ болото, повстанцы вымещали свои неудачи на мирныхъ жителяхъ края, преимущественно народѣ и отчасти на православномъ духовенствѣ, не поддававшихся ихъ обѣщаніямъ; въ началѣ мятежа шайки повстанцевъ, страшась выходить въ открытыя мѣста, бродили безпрепятственно по всей Пущѣ, неожиданно нападая на селенія и усадьбы лѣсныхъ сторожей, гдѣ дѣйствуя угрозами, а гдѣ и насиліями, доходившими до убійствъ. Пущинская администрація была безсильна противъ этихъ разбойничьихъ набѣговъ вслѣдствіе того, что всѣ уѣздныя власти, отъ писаря волостного правленія до уѣзднаго исправника—были польскими патріотами. Присланныя войска измѣнили положеніе. Уже 20-го апрѣля отрядъ капитана Тугенгольда разбилъ шайку, пробиравшуюся въ Пущу. У мѣстечка Стравли маіоръ Байковскій отбросилъ многочисленную банду къ Нареву, и спасшіеся отъ погрома бѣжали въ Пущу; шайка эта состояла изъ остатковъ болѣе организованнаго отряда Одухинскаго. 8-го іюля была разбита шайка въ лѣсу Березово-болото, близъ Пущи; 15-го іюля отрядъ капитана Штекера разсѣялъ банду въ лѣсу Великое-багно; но послѣ пораженія шайки у села Гуты (въ южной части Вол-

ковыскаго уѣзда) отрядомъ полковника Блюменталя, новыхъ бандъ въ Пущѣ не появлялось, и только бродили до наступленія заморозковъ партіи разбойниковъ, съ которыми расправлялась мѣстная сельская стража. Но смута, охватившая населеніе, еще долго не прекращалась. Убійства беззащитныхъ, невооруженныхъ, изъ-за угла, продолжались въ тѣхъ селеніяхъ, откуда уходили войска. „Вѣшатели", какъ ихъ называли мѣстные крестьяне, снова появлялись изъ лѣсовъ и продолжали свое кровавое дѣло. Жертвою ихъ мести и фанатизма дѣлались не только тѣ лица, которыя за свою преданность Правительству навлекали на себя ихъ негодованіе, но даже ихъ семейства. Въ этомъ отношеніи между многими убійствами особенно выдавалась мученическая смерть жены стрѣлка Бѣловѣжской Пущи, принимавшаго дѣятельное участіе въ преслѣдованіи партіи Рогинскаго и указывавшаго мѣста въ Пущѣ, гдѣ повстанцы имѣли пристанища. 18-го августа послѣдніе, наконецъ, выместили свою злобу надъ нимъ. Не найдя дома хозяина, повстанцы повѣсили его жену, продѣвъ веревку въ проткнутую предварительно шею несчастной, и сожгли ее еще живою въ пламени подожженой сторожки.

Нѣтъ сомнѣнія, что при всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствахъ, звѣровое населеніе Пущи не могло оставаться въ покоѣ. При охотѣ на людей, чѣмъ вполнѣ можно охарактеризовать событія, происходившія въ Пущѣ въ 1863-мъ году, никто не охранялъ звѣря и охоту на него. Войска, повстанцы и мирные обитатели Пружанскаго уѣзда безпощадно избивали въ Пущѣ все живое, не останавливаясь даже передъ зубромъ. Не мудрено, что въ одинъ этотъ годъ не досчитались 377-ми головъ.

Возвращаясь къ описанію охотничьяго хозяйства Пущи въ серединѣ 60-хъ годовъ, прежде всего надо упомянуть, что послѣ Эйхвальда, въ 1866 году, лѣсничій Штральборнъ проявилъ еще большую заботливость объ охотничьемъ хозяйствѣ Пущи. Пользуясь тѣмъ, что въ это время оканчивались загражденія 550 десятинъ для зубровъ и красной дичи и 100 десятинъ для кабановъ, Штральборнъ представилъ детальный проектъ такого хозяйства, которое не только обезпечивало бы богатую охоту для Государя, но еще давало бы возможность снабжать рѣдкими породами прочія Царскія угодья. Штральборнъ, основываясь на примѣрахъ западной Европы, доказывалъ, что, затративъ единовременно 9.500 рублей и расходуя ежегодно по 3.000 рублей, въ звѣринцѣ можно будетъ содержать: 25 зубровъ, 100 оленей, 75 даніэлей, 30 козъ, 50 кабановъ и 200 зайцевъ. Приплодъ, по достиженіи извѣстнаго возраста предполагалось выпускать въ Пущу для дальнѣйшаго размноженія.

Министерство отнеслось къ проекту Штральборна не столь сочувственно, какъ къ мѣрамъ, предложеннымъ Эйхвальдомъ, вѣроятно

11

остерегаясь слишкомъ значительныхъ расходовъ; тѣмъ не менѣе, про Пущу не забывали, и самый важный вопросъ о прокормѣ звѣрей сталъ наконецъ озабочивать и министерство, хотя, по правдѣ, пользы для охоты отъ того было не много.

Площадь зубриныхъ покосовъ стали постепенно расширять, осушая болота и ограничивъ сдачу луговъ крестьянамъ. Сѣно стали заготовлять заблаговременно и свозить въ особые сараи, впервые устроенные въ 1870 году. Часть сѣна оставляли въ стогахъ, откуда зимою его развозили къ зубровымъ стоянкамъ вновь назначенные зубровые сторожа, на обязанности которыхъ лежало также слѣдить за звѣремъ, какъ на стоянкахъ, такъ и на переходахъ.

О заготовкахъ сѣна приказано было даже доносить, и потому, съ назначеніемъ въ 1868 году начальникомъ Пущи Жоховскаго, въ дѣлахъ министерства сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ шелъ зимній прикормъ зубровъ. Данныя о заготовкахъ за двадцатилѣтіе сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года.	Сколько зубровъ на корму.	Со сколькихъ десятинъ косили сѣно.	Сколько пудовъ всего накошено.	Приходилось на одного зубра	
				въ зиму.	въ день.
1868	559	269 дес.	6.700 пуд.	12 п.	Считая 150 кормовыхъ дней, въ среднемъ около $9^{1}/_{2}$ фунт. въ день на голову.
1869	541	269 »	4.580 »	8 п.	
1870	542	467 »	14.600 »	26 п.	
1871	528	467 »	16.040 »	30 п. 12 ф.	
1872	528	586 »	17.830 »	33 п. 30 ф.	
1873	527	586 »	19.720 »	37 п. 18 ф.	
1874	536	587 »	15.600 »	28 п. 35 ф.	
1875	558	587 »	19.340 »	34 п. 25 ф.	
1876	561	587 »	21.540 »	38 п. 18 ф.	
1877	559	587 »	20.150 »	36 п. 4 ф.	
1878	565	587 »	22.400 »	39 п. 24 ф.	
1879	571	556 »	20.800 »	36 п. 18 ф.	
1880	579	544 »	17.440 »	30 п. 5 ф.	
1881	574	544 »	16.200 »	28 п. 10 ф.	
1882	600	587 »	19.840 »	33 п.	
1883	592	587 »	исполу 23.850 »	40 п. 11 ф.	
1884	384	608 »	25.900 »	67 п. 20 ф.	
1885	433	656 »	24.300 »	56 п.	
1886	427	776 »	28.700 »	67 п. 2 ф.	

Принимая во вниманіе, что зубру необходимо около 20 фунтовъ сѣна въ день, мы видимъ, что даже въ самые урожайные на травы года зубры въ сущности голодали всю зиму. Если при такомъ уходѣ они не издыхали массами, подобно кабанамъ, то только исключительно потому, что жили грабежомъ, нападая на крестьянскія заготовки сѣна, которое къ тому же всегда было лучшаго качества.

Одновременно съ заведеніемъ заготовки сѣна, старались исправить то, что̀ было упущено изъ вида еще очень давно. Предприняли выселеніе крестьянъ изъ Пущи, предлагая въ обмѣнъ окружающія земли; но, къ сожалѣнію, обмѣнъ шелъ очень туго, такъ какъ крестьяне крѣпко держались своихъ пущинскихъ владѣній и осаждали министерство постоянными просьбами сохранить за ними луговыя земли.

Звѣринецъ продолжали расширять и довели до 800 десятинъ,—при общемъ протяженіи заборовъ въ 18 верстъ. Онъ представлялъ собою типичный островокъ, въ которомъ соединялись самая разнообразная почва, отъ сухой боровой до сырой торфяной, и всѣ лѣсныя породы, встрѣчающіяся въ Пущѣ. Черезъ него протекалъ ручей, и кромѣ того, была проложена канава для водопоя. Въ общемъ, онъ, какъ нельзя болѣе, могъ отвѣчать своему назначенію, если бы хозяйство велось тщательно и не столь экономно, а подсчетъ звѣря производился бы акуратнѣе. Приведенная ниже вѣдомость звѣрового населенія звѣринца по годамъ наглядно подтверждаетъ сказанное.

Звѣри. / Года.	Зубры.	Олени.	Даніэли.	Козы.	Кабаны.	Звѣри. / Года.	Зубры.	Олени.	Даніэли.	Козы.	Кабаны.
1860	14	—	4	8	4	1875	23	60	9	5	11
1861	—*)	—	—	—	—	1876	26	68	9	8	12
1862	—	—	—	—	—	1877	27	89	11	11	15
1863	—	—	—	—	—	1878	26	32	8	6	15
1864	17	—	—	—	—	1879	26	50	12	3	18
1865	—	18	—	—	—	1880	24	75	11	5	23
1866	21	22	24	30	4	1881	24	120	14	4	16
1867	18	—	—	—	15	1882	20	180	13	7	18
1868	17	—	—	—	—	1883	16	260	15	6	11
1869	17	—	—	—	—	1884	6	310	12	5	13
1870	18	30	30	18	25	1885	8	270	16	4	19
1871	—	38	—	—	—	1886	8	250	—	5	24
1872	43	20	30	18	15	1887	11	—	—	—	—
1873	42	40	30	18	18	1888	8	250	—	3	25
1874	32	40	30	18	18						

*) Отсутствіе цифры обозначаетъ, что свѣдѣнія не сохранились, или подсчетъ не производился.

11*

Звѣринецъ былъ раздѣленъ на три части. 480 десятинъ отвели зубрамъ, 250 десятинъ оленямъ, даніэлямъ и козамъ и 100 десятинъ кабанамъ. Зайцевъ не находили нужнымъ содержать, такъ какъ ихъ достаточно водилось по всей Пущѣ.

Мы видимъ, что только олени князя Плессъ, несмотря на случавшіеся падежи (въ 1878 г. ихъ пало 80 штукъ), плодились хорошо, хотя и они мельчали корпусомъ и рогомъ и далеко не были похожи на свободныхъ лѣсныхъ красавцевъ. Не мало оленей уходили въ Пущу, вслѣдствіе частыхъ обваловъ забора, и сначала держались возлѣ звѣринца, но затѣмъ, освоившись, расходились далеко кругомъ. Въ 1885 году олени появились даже въ казенной Мельницкой дачѣ, отстоящей отъ Пущи въ 50 верстахъ. Число зубровъ возростало и уменьшалось по мѣрѣ того, какъ впускали новыхъ, или уходили прежніе. Даніэлей и козъ уничтожали рыси.

Въ отношеніи лѣсного хозяйства и послѣ 60-го года большихъ измѣненій не произошло, вслѣдствіе глубоко вкоренившагося взгляда, что правильное хозяйство вредно отражается на составѣ звѣря и дичи въ разрабатываемомъ участкѣ. Взглядъ этотъ имѣетъ, конечно, извѣстное основаніе, но если необходимо рѣшать вопросъ, что важнѣе: кормъ или спокойствіе, а для министерства тѣмъ необходимѣе было рѣшать этотъ вопросъ въ виду того, что оно избѣгало расходоваться на содержаніе звѣря, то понятно, системѣ сплошныхъ рубокъ участками, при которой звѣрь получаетъ обильный кормъ въ молодой поросли, слѣдовало бы отдать предпочтеніе.

Безпокойство, причиняемое шумомъ, звѣрь такъ или иначе перенесъ бы; къ тому же отъ шума было куда и укрыться въ Пущѣ; но отъ голода исходъ одинъ — смерть. Наблюденіе, установленное надъ зубрами при посредствѣ особыхъ сторожей, подтверждало, что зубровыя стада держатся исключительно раіона, огороженнаго когда-то заборомъ, и что только тамъ имѣются стоянки, къ которымъ, пріискивая пищу, зубры совершаютъ отъ времени до времени свои переходы. Такихъ стоянокъ насчитывалось въ Пущѣ 10 и въ Свислочской дачѣ — 2.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ о стоянкахъ зубровъ, гродненскій управляющій государственными имуществами съ 1877 года ввелъ здѣсь подъ своимъ наблюденіемъ правильную хозяйственную рубку съ десятилѣтнимъ оборотомъ, ограничиваясь, главнымъ образомъ, выборкою сухостойныхъ и перестойныхъ деревьевъ, чтобы не слишкомъ мѣнять характера насажденій. По окраинамъ Пущи, во внѣ-зубровыхъ стоянкахъ (приблизительно на 50.000 десятинъ) повели почти такое же хозяйство, но уже на чисто коммерческихъ основаніяхъ. Тамъ заклей-

мили 170.000 деревьевъ, предназначенныхъ къ вырубкѣ, и кромѣ того кой-гдѣ рубили сплошь участками, и такимъ образомъ, уже съ конца 70-хъ годовъ Пуща стала приносить доходъ.

Введенію сплошныхъ рубокъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, помимо опасенія безпокоить зубровъ, препятствовалъ еще недостатокъ путей сообщенія. Рѣки, прорѣзавшія Пущу, были мало приспособлены къ сплаву; по нимъ съ трудомъ доставляли цѣнные строевые экземпляры, такъ-называемый мачтовый лѣсъ, предназначенный для заграничнаго торга.

Между тѣмъ, кромѣ перезрѣлаго и сухостойнаго лѣса, въ Пущѣ было огромное количество бурелома, валежника, сучьевъ и всякихъ остатковъ отъ прежнихъ рубокъ, которые представляли большую цѣнность и которые полезно было бы удалить для того, чтобы дать просторъ развивающемуся лѣсу, но куда было дѣваться со всею этою массою.

Въ 40-хъ годахъ Далматовъ, проектируя правильное лѣсное хозяйство, обращалъ вниманіе министерства на необходимость соединенія каналомъ Нарева и Свислочи.

Министерство не могло не видѣть необходимости произвести тутъ коренную реформу, но, ради бережливости, подходило къ ней очень медленно. Съ проведеніемъ желѣзной дороги вопросъ о сбытѣ лѣса получилъ новое разрѣшеніе.

Въ отношеніи системы надзора послѣ 60-го года произошли самыя значительныя измѣненія. До тѣхъ поръ служба въ Пущѣ была для большинства натуральною повинностью, за которую служащіе получали земельные надѣлы. Вся многочисленная лѣсная стража, стрѣлки и ихъ помощники набирались изъ мѣстныхъ крестьянъ, которымъ платили солдатское жалованье 1 рубль съ копейками въ треть, но зато ихъ семейства были свободны отъ рекрутской повинности и надѣльная земля, въ количествѣ отъ 40—50 десятинъ на семью, освобождалась отъ всѣхъ налоговъ. Такихъ земель насчитывалось 13.994 дес., въ томъ числѣ подъ крестьянскими надѣлами 12.600 дес. и подъ усадьбами высшаго служебнаго персонала, имѣвшаго казенные дома, — 1.394 дес.

Сначала учредили должность завѣдующаго Пущею и завели спеціальныхъ зубровыхъ сторожей; объѣздчикамъ стали платить 50 руб., давая отъ казны обмундированіе по образцу военнаго и лошадь, на которую полагалось еще 35 рублей; но весь остальной составъ лѣсной стражи оставался на прежнемъ положеніи служащихъ, отбывавшихъ повинность. Этихъ людей нельзя было ни уволить, ни даже наказать,

хотя они состояли въ подчиненіи мѣстныхъ лѣсничихъ. Въ 1869 году стражу замѣнили, наконецъ, наемными людьми.

Съ 1872 года завѣдующаго Пущей смѣнилъ лѣсной ревизоръ, вмѣсто прежнихъ 4-хъ установили 5 лѣсничествъ. Въ 80-хъ годахъ Пущею управлялъ, попрежнему, ревизоръ, а каждымъ изъ пяти лѣсничествъ — лѣсничій, имѣвшій помощника. Низшій служебный персоналъ состоялъ изъ 14 объѣздчиковъ, имѣвшихъ каждый свой объѣздъ, и изъ 102 лѣсныхъ и 10 зубровыхъ сторожей. Впрочемъ, и этотъ новый административный порядокъ не удовлетворялъ министерства. Незадолго до описываемой ниже охоты Великаго Князя Михаила Николаевича въ Пущу пришлось командировать вице-инспектора корпуса лѣсничихъ Писарева для ревизіи. Результатомъ этой памятной Писаревской ревизіи была смѣна всѣхъ лѣсничихъ съ отдачею нѣкоторыхъ подъ судъ за различныя злоупотребленія по лѣсному хозяйству.

Вернемся, однако, къ охотамъ.

26-го и 27-го сентября 1865 года въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ охотился Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, но никакихъ подробностей объ этой охотѣ собрать не удалось, а затѣмъ, въ 10-тилѣтній промежутокъ послѣ этой охоты, въ Пущѣ не раздавалось иного выстрѣла, кромѣ случайнаго, отъ разряда ружья или по волку. Отстрѣлъ нѣсколькихъ зубровъ для музеевъ и университетовъ и браконьерство не могутъ идти въ счетъ.

За періодъ съ 1860 по 1888 годъ изъ Пущи часто высылались скелеты и шкуры павшихъ и отстрѣленныхъ зубровъ, и кромѣ того не рѣдко зубровъ доставляли живьемъ. Въ 1860 г. — зубра, убитаго кн. Плессъ, выслали Ганноверскому университету. Въ томъ же году были выловлены два зубра для переселенія въ Виленскій звѣринецъ.—Въ 1861 году три зубра переданы помѣщику Валицкому для опытовъ скрещиванія съ домашнимъ скотомъ, а два отправлены въ Гатчину. По одной тушѣ получили Іенскій, Гессенскій и Дрезденскій музеи. Въ 1862 году посланникъ Нидерландскаго правительства баронъ Геверсъ ходатайствовалъ о полученіи двухъ зубровъ для Амстердамскаго зоологическаго сада. Два молодыхъ зубра, самецъ и самка, были отправлены изъ Бѣловѣжа по назначенію въ сопровожденіи консерватора Майнцскаго музея Николаусъ. Въ 1864 году три зубра переданы Московскому зоологическому саду. Въ 1865 году четырехъ зубровъ, какъ извѣстно, получилъ кн. Плессъ, онъ же отстрѣлилъ двухъ зубровъ для Страсбургскаго и Геттингенскаго зоологическихъ музеевъ. Въ 1867 году четыре зубра высланы въ Гатчину. Въ 1868 году три живыхъ—въ Гатчину и одна туша—Кембриджскому университету. Въ

1869 году одинъ отправленъ въ Гатчину. Въ 1871 году графъ Бергъ убилъ зубра для Гельсингфорсскаго университета и скелетъ пожертвовалъ Оксфордскому. Въ 1872 году два живыхъ зубра высланы, по просьбѣ Вел. Князя Николая Константиновича, въ Павловскій звѣринецъ. Въ 1873 году два зубра были подарены въ Берлинскій зоологическій садъ и два въ Константинополь, турецкому султану. Въ 1877 году Ліонскій музей естественныхъ наукъ получилъ скелетъ и шкуру, въ 1878 году—Дерптскій университетъ обогатился тѣмъ же, а въ 1888 г. и Норвежскій. Почти всѣ высылки шкуръ и скелетовъ страшно задерживались перепиской и тѣмъ, что не всегда находили цѣльныя туши павшихъ зубровъ, не растасканныя хищниками, что служило доказательствомъ плохого присмотра за звѣремъ.

Браконьерство среди служащихъ, укоренившееся вѣками, какъ бы нѣсколько затихло.

Въ серединѣ октября 1875 года въ Бѣловѣжѣ охотился Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи егермейстера князя Трубецкого. Послѣдній, за годъ передъ тѣмъ, по порученію министерства, изслѣдовалъ на мѣстѣ причины слабаго размноженія зубровъ и первый указалъ на то, что зубры бѣгутъ отъ голода изъ Пущи въ сосѣдніе лѣса, гдѣ ихъ обыкновенно убивали крестьяне, или же на нихъ устраивали охоты сосѣдніе помѣщики.

Охоту для Великаго Князя устраивалъ Пружанскій лѣсничій Кампіони, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности по отношенію зубровыхъ стадъ, такъ какъ охотиться предполагалось лишь на одинцовъ. Наканунѣ перваго дня охоты, 17-го октября, въ урочищѣ Никоры выслѣдили трехъ старыхъ зубровъ и обошли ихъ лѣсниками и загонщиками; ночью ихъ задерживали кострами по всей линіи облавы. Охота началась очень удачно. Вскорѣ послѣ того, какъ Великій Князь съ Трубецкимъ заняли предназначенныя для нихъ мѣста, 20 опытныхъ лѣсниковъ искусно нагнали одного зубра на Великаго Князя, ставшаго въ серединѣ круга, на просѣкѣ, раздѣлявшей два квартала. Тремя послѣдовательными выстрѣлами Великій Князь положилъ крупнаго 15-ти-лѣтняго одинца. Часъ спустя сообщили объ окладѣ новыхъ звѣрей, и Великій Князь только перешелъ по просѣкѣ съ версту, какъ на него вышли еще два зубра, но они шли полнымъ махомъ на перерѣзъ линіи стрѣлковъ. По нимъ Великій Князь выпустилъ 4 пули, не задѣвъ ихъ. На слѣдующій день охоту перенесли въ урочище Лѣсница, гдѣ ерши тронули леху съ пятью верхляками. Великій Князь занялъ мѣсто внутри круга, и на него почти сразу вышло все стадо. Двухъ верхляковъ положили на мѣстѣ, а раненая леха прорвалась черезъ загонъ, гдѣ ее, впрочемъ, настигли лѣсники. Въ другомъ кругу того

же урочища удерживали еще стараго одинца-зубра. Въ средину круга вошли 10 лѣсниковъ и, спустивъ трехъ гончихъ, погнали звѣря. Зубръ пробѣжалъ подъ собаками съ полверсты, но пріутомившись, сталъ отбиваться. Этимъ моментомъ удачно воспользовался приближавшійся Великій Князь и двумя выстрѣлами уложилъ зубра, оказавшагося тридцатилѣтнимъ старожиломъ Пущи. На третій день охоту возобновили, но уже безъ предварительной обстановки людьми, занявъ облавою, по прибытіи Великаго Князя, лосиный кругъ въ урочищѣ Переволока. Предчувствуя ли бѣду, ушли лоси, или по другой причинѣ, но гончія подняли только кабана и застонали, осадивъ его на островкѣ среди топкаго болота. Великій Князь не пожелалъ добираться до островка и предоставилъ лѣсникамъ убить звѣря. Изъ урочища Переволока переѣхали въ Поясово, расположенное невдалекѣ отъ извѣстной звѣриной тропы. На несчастье болото, черезъ которое должны были пройти лоси, тронутые собаками, до того напиталось водою, что лоси взяли въ бокъ отъ охотниковъ и вышли по направленію оставленныхъ экипажей. Охотникамъ не удалось даже видѣть звѣря. Изъ Поясова переѣхали въ звѣринецъ, но несчастія этого дня не прекращались. Въ звѣринцѣ смычкомъ гончихъ тронули оленей, стрѣляли три раза, но безуспѣшно. Послѣ охоты В. К. Владиміра Александровича, оказавшейся въ общемъ все-таки весьма удачною, Великокняжескія охоты стали повторяться чаще.

Въ 1879 году въ Пущу прибылъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, сопровождаемый генералами Галломъ и Асташовымъ, капитаномъ Андреевскимъ и В. Р. Дицомъ. Безъ предварительной подготовки, въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ охотятся всѣ прочіе, въ 3 дня, съ 19-го по 22-го декабря, было убито: 5 кабановъ, 6 оленей и лось. Генералъ Галлъ положилъ особенно крупнаго кабана, почти въ 18 пудовъ.

Въ 1881 году В. К. Николай Николаевичъ посѣтилъ Пущу вмѣстѣ съ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и герцогомъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ. Въ охотѣ принимали участіе графъ Клейнмихель, графъ Бергъ, баронъ Леженъ и извѣстный въ охотничьемъ мірѣ капитанъ Андреевскій. Съ разрѣшенія Государя, собирались отстрѣлить 6 старыхъ зубровъ, но удалось убить только четырехъ, въ томъ числѣ одного убилъ Великій Князь въ урочищѣ Прибудки невдалекѣ отъ звѣринца.

17-го, 18-го и 19-го сентября 1880 года подъ непрерывнымъ дождемъ въ Пущѣ охотились Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, вмѣстѣ съ принцемъ Альтенбургскимъ, графомъ Тотлебеномъ, графомъ Бергомъ, княземъ Шаховскимъ и нѣсколькими молодыми офицерами. Съ

большими усиліями, пренебрегая погодою, брали два лосиныхъ круга въ урочищахъ Поясовѣ и Подцерквахъ; но ни люди, ни собаки не могли выставить лосей на линію. Оклады были сплошь залиты водою, отчего гончія ничего не чуяли, а вымокшіе загонщики вязли въ растворившемся болотѣ. Охоту пришлось перенести въ звѣринецъ, гдѣ Великій Князь убилъ съ подхода 5 оленей; а всего за три дня убито 11 оленей, 8 кабановъ и 1 даніэль.

За нѣсколько дней до Великаго Князя Германскій посолъ Швей-

Штрѣка 1-го дня охоты 1885 г.
Фотографія.

ницъ, съ разрѣшенія Государя, отстрѣлилъ 26-ти-лѣтняго одинца-зубра и кромѣ того охотился на лосей и оленей. За годъ передъ тѣмъ англичанинъ Persey получилъ такое же разрѣшеніе на отстрѣлъ въ звѣринцѣ 25-ти-лѣтняго старика. 2-го марта 1884-го г. охотились въ Пущѣ принцъ Альтенбургскій съ кн. Лихтенштейномъ.

Слѣдующею, но значительно болѣе многолюдною, была охота Великихъ Князей Михаила Николаевича, Петра Николаевича, Георгія Михаиловича и Александра Михаиловича, въ которой, по предложенію

12

В. К. Михаила Николаевича, приняли участіе: генералы Асташовъ, графъ Граббе и баронъ Мейендорфъ, егермейстеръ Чертковъ, офицеры Кавалергардскаго полка: Дубенскій, Казнаковъ, князь Шаховской и извѣстный намъ по прежнимъ охотамъ въ Пущѣ полковникъ Андреевскій. Охота происходила въ декабрѣ 1885 года при разрѣшеніи Государя отстрѣлить 8 старыхъ самцовъ зубровъ, а прочихъ звѣрей безъ ограниченія.

Группа послѣ охоты второго дня. Фотографія.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пожелалъ, чтобы его присутствіе не нарушало обычнаго строя въ Пущѣ, и просилъ даже по возможности менѣе отвлекать мѣстныхъ служащихъ отъ ихъ текущихъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество интересовался познакомиться съ охотничьимъ состояніемъ Пущи въ томъ его видѣ, въ какомъ оно могло представиться каждому, имѣвшему разрѣшеніе Государя. Поэтому губернскія власти остались на своихъ мѣстахъ, и никакихъ особыхъ приготовленій къ пріему Высокихъ гостей не дѣлалось.

Е. И. В. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ принимаетъ „bruch" (еловую вѣтку—эмблему счастливой охоты) отъ устроителя охоты, послѣ удачнаго выстрѣла по зубру.—Фотографія.

Только Андреевскій, какъ извѣстный знатокъ охотничьяго дѣла, выѣхалъ за нѣсколько дней въ Пущу для большаго порядка, да еще послали трехъ опытныхъ лукашей, двухъ Асташовскихъ и одного, служившаго у Н. Н. Всеволожскаго.

Ближайшее наблюденіе и руководство за всѣмъ осталось на обязанности пущинскаго ревизора Валленбургера, участвовавшаго неодно-

Группа участниковъ охоты надъ зубромъ, убитымъ В. К. Георгіемъ Михаиловичемъ. Фотографія.

кратно въ приготовленіяхъ къ охотамъ Государя Александра II-го въ Лисинской дачѣ, но все же не спеціалиста.

Охота продолжалась 4 дня и велась исключительно облавою. На бѣду окладчиковъ, зима была малоснѣжная, что крайне затрудняло окладъ звѣря, который вели лукаши, готовившіе круги вмѣстѣ съ пущинскими лѣсниками изъ наиболѣе знакомыхъ съ мѣстностью и привычками звѣря.

Въ 1-ый день всѣ собрались въ звѣринцѣ, гдѣ по зубрамъ условились не стрѣлять; къ тому же, имѣя въ виду, что охотниковъ было

12, а зубровъ разрѣшено отстрѣлить только 8, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ еще заранѣе установилъ, чтобы убившій рѣдкаго звѣря во второй разъ по немъ не стрѣлялъ. Въ результатѣ дня взяли 2-хъ оленей и 8 кабановъ.

Со второго дня охотники раздѣлились на двѣ партіи и вышли въ Пущу съ тѣмъ, чтобы уже стрѣлять по всякому звѣрю. Охота шла вяло. Къ концу дня на штреку собрали: 3 лося, 2 оленя и случайно

Завтракъ на охотѣ 1885 г.
Фотографія.

набѣжавшій волкъ, но зубровъ не было. На этотъ разъ зубровъ не взяли уже не по уговору, а потому, что они ни разу не вышли на стрѣлковую линію. В. К. Михаилъ Николаевичъ терпѣливо приберегавшій до вечера свой выстрѣлъ для зубра, отдалъ, наконецъ, приказаніе, чтобы облавою далѣе распоряжался одинъ Андреевскій при помощи лукашей, и съ слѣдующаго дня охота пошла иначе. До сихъ поръ окладъ обставляли почти за сутки, съ шумомъ и кострами, и понятно, что при такомъ способѣ большинство козъ, лосей, кабановъ прорыва-

лось за цѣпь далеко до начала загона. Только зубры, неохотно идущіе вдаль, оставались въ кругу, но и они, вслѣдствіе неправильнаго гона, выходили въ сторону отъ стрѣлковой линіи. Въ третій день охоты лукаши, руководимые уже Андреевскимъ, дѣйствовали безъ промаха. При первомъ же загонѣ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ удачнымъ выстрѣломъ положилъ крупнаго одинца и тѣмъ какъ бы пригласилъ прочихъ слѣдовать его примѣру. Второй зубръ палъ подъ выстрѣломъ Вел. Князя Георгія Михаиловича, а затѣмъ лукаши вспомнили и про своего барина. Въ одномъ изъ слѣдующихъ загоновъ, нажавъ 3-хъ зубровъ, они искусно выставили ихъ къ лѣвому флангу, гдѣ стоялъ Асташовъ. Раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ трехъ легъ на мѣстѣ, а остальные два вихремъ бросились черезъ буреломъ наперерѣзъ между Дубенскимъ и Казнаковымъ, сокрушая и перепрыгивая препятствія съ такою силою и легкостью, что видѣвшіе эту картину до сихъ поръ вспоминаютъ ее съ восторгомъ. Дубенскій, пропустивъ зубра за линію, уложилъ его, а Казнаковъ ранилъ своего и добилъ его уже съ подхода, скрадывая на протяженіи почти 2-хъ верстъ безъ помощи егерей и лукашей. Въ этотъ же день одинъ зубръ былъ раненъ Вел. Кн. Петромъ Николаевичемъ.

Не менѣе успѣшно шла охота и на прочихъ звѣрей, хотя все вниманіе охотниковъ было сосредоточено на зубрахъ. Штреку дня дополнили 4 лося, кабанъ и опять волкъ.

Въ четвертый день, взявъ трехъ лосей, охотники соединились для послѣдняго загона, и разбирая номера, лучшіе предоставили тѣмъ, кто до сихъ поръ еще не стрѣлялъ по зубрамъ. Звѣри вышли на фланговый номеръ В. К. Георгія Михаиловича, но онъ, какъ уже стрѣлявшій, показался изъ-за закрытія, чтобы направить звѣрей въ сторону сосѣдей, то же сдѣлалъ и В. К. Михаилъ Николаевичъ, но когда очередь дошла до В. К. Александра Михаиловича, то онъ, тогда еще юноша, не устоялъ передъ соблазномъ, хотя убилъ зубра наканунѣ, и спустилъ курокъ, чѣмъ заслужилъ упрекъ своего Августѣйшаго родителя. Также и Чертковъ, несмотря на предварительный отказъ, не выдержалъ характера. На него вышелъ старый крупный быкъ, и онъ, увлекшись, уложилъ его. Оставался еще 8-ой зубръ, но В. К. Петръ Николаевичъ еще наканунѣ поранилъ одного, и охота закончилась.

Охота Великихъ Князей явилась новою провѣркою состоянія угодья и тѣмъ болѣе внимательною, что въ числѣ участвовавшихъ были такіе знатоки, какъ Асташовъ и многіе другіе, не говоря объ Андреевскомъ. Безъ сомнѣнія, со времени охоты 1860 года многое измѣнилось къ лучшему, звѣря не нужно было собирать издалека, но его оказа-

лось все-таки не такъ много, какъ можно было ожидать, судя по тому раздолью, которое представляла Пуща.

До участниковъ дошли даже слухи отъ мужиковъ, возившихъ на охоту, что въ мѣстахъ стоянокъ зубровъ устраивались облавы на зайцевъ и лисицъ и что мясо или рогъ зубра можно пріобрѣсти во всякое время. Быть можетъ, въ этихъ разсказахъ и были преувеличенія, но какъ не бываетъ дыма безъ огня, такъ и въ этихъ слухахъ было много правдоподобнаго. Браконьерство свило себѣ такое прочное гнѣздо, что избавиться отъ него было почти невозможно, не имѣя разрѣшенія выселить всѣхъ постороннихъ за предѣлы Пущи.

Для заключенія историческої справки о Пущѣ остановимся на нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, обрисовывающихъ ея состояніе передъ переходомъ въ новое управленіе въ 1888 году.

1.) Вся Бѣловѣжская Пуща, вмѣстѣ со Свислочскою дачей, была раздѣлена просѣками 2—3 саженной ширины на 664 квартала, двухверстныхъ по направленію съ сѣвера на югъ, и одноверстныхъ—съ запада на востокъ.

2.) Просѣки были удовлетворительно расчищены. Спорныхъ границъ почти не было, всюду онѣ были ясны, кромѣ границъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, расположенныхъ въ Пущѣ, а также разграниченія служебныхъ земель и зубровыхъ сѣнокосовъ. Таксаціонное описаніе насажденій Свислочской дачи было сдѣлано по очертаніямъ 1869 года.

3.) Лѣсъ, рубившійся изрѣдка безъ системы, былъ очищенъ отъ самаго цѣннаго матеріала, какъ въ смыслѣ хозяйственномъ, такъ и въ охотничьемъ. Въ немъ всего меньше было спѣлаго цѣннаго лѣса и молодняка.

4.) Относительно сплавныхъ путей Пуща находилась не въ лучшемъ положеніи. Главныя пущинскія рѣки не были расчищены отъ кустарныхъ зарослей, камышей и заломовъ, и сбытъ дровяного лѣса былъ невозможенъ.

5.) Засоренность притоковъ задерживала утечку водъ со смежныхъ болотныхъ сѣнокосовъ, чѣмъ ухудшалось качество сѣна зубровыхъ по-

косовъ и, кромѣ того, это вредно отражалось на состояніи нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ, въ особенности сосны, которая не любитъ слишкомъ сырой почвы. Канализація и расчистка рѣкъ Нарева, Наревки и Лѣсны, а также притоковъ второй Гвоздны и Лутовни, уже производившіяся сто лѣтъ тому назадъ при Тизенгаузѣ, могли бы съ экономической точки зрѣнія сильно повліять, какъ на развитіе лѣсного хозяйства Пущи, такъ и на благосостояніе ея звѣрового населенія *).

6.) Сплошныя рубки отведенныхъ лѣсосѣкъ проектировались правильными рядами, съ такимъ расчетомъ, чтобы порубочные кварталы распредѣлялись въ шахматномъ порядкѣ; въ такомъ порядкѣ производились и выборочныя рубки сухостойнаго лѣса. Эта система не соотвѣтствовала состоянію лѣсонасажденій дачи, такъ какъ во многихъ мѣстахъ лѣсосѣки, расположенныя картинно на планахъ, отводились въ молодыхъ и средневозрастныхъ насажденіяхъ, а болѣе спѣлый лѣсъ попадалъ въ послѣднюю очередь, когда большая часть его должна была подсохнуть и сгнить. Такая система рубки не соотвѣтствовала и главной цѣли сохраненія Пущи, какъ разсадника цѣнной дичи. Содержаніе въ покоѣ и охрана зубровъ требовали сосредоточенія ихъ стадъ на возможно обширныхъ пространствахъ, въ которыхъ не допускалось бы никакихъ лѣсныхъ операцій; при шахматномъ же порядкѣ отводимыхъ къ рубкѣ лѣсосѣкъ, зубровъ тревожили почти всюду, если не самой рубкой, то постояннымъ снованіемъ людей.

7.) Всѣ высшіе чины Бѣловѣжской администраціи имѣли казенные дома и земельные надѣлы.

8.) Въ 1886 году въ зубровомъ звѣринцѣ содержалось 8 зубровъ разныхъ возрастовъ; это стадо въ лѣтнее время находило себѣ достаточно корма, но осенью и зимой ихъ прикармливали, при чемъ періодъ кормленія, смотря по погодѣ, продолжался отъ 4-хъ до 6-ти мѣсяцевъ и требовалъ въ среднемъ до 1.500 пудовъ сѣна, что составляло до 1 пуда въ сутки на зубра. Конечно, такая усиленная дача объяснялась плохимъ качествомъ заготовлявшагося сѣна, звѣри брали его только въ самое голодное время, а большею частью разбрасывали и затаптывали въ грязь и снѣгъ.

Въ отдѣленіи для оленей помѣщалось до 250 головъ, расплодившихся отъ 18 штукъ, доставленныхъ въ 1865 году отъ князя Плессъ, около 20-ти даніэлей и нѣсколько козъ. На ихъ общее продовольствіе отпускалось по росписанію, имѣвшему въ виду только 100 штукъ. Понятно, звѣри слабѣли, мельчали, и самые старые олени не имѣли болѣе 8 отростковъ. Рогъ былъ бѣлесоватый, тонкій, конечно, безъ

*) Въ 1886 году результатъ торговъ на лѣсосѣки былъ настолько мало успѣшенъ, что не превысилъ 24% смѣтнаго назначенія.

13

„перлъ“, неправильной формы, и вѣсомъ не болѣе 7-ми фунтовъ. Болѣе счастливые, которымъ во время обваловъ забора удавалось вырваться изъ звѣринца, хотя также не были очень крупны, но все же были лучше сложены и имѣли почти вдвое бо̀льшие рога.

Въ кабанникѣ жило до 25 затворниковъ, изъ числа которыхъ, по росписанію, ѣсть полагалось только восьмерымъ. Ихъ постоянно полуголодное состояніе также отражалось на ихъ ростѣ и развитіи.

Всего на содержаніе звѣринца расходовалось отъ 2.000 до 2.100

Видъ Бѣловѣжской усадьбы въ 1885 г. Фотографія.

рублей въ годъ. Прикармливаніе желудями или дикимъ каштаномъ не производилось, несмотря на то, что перваго было достаточно въ Пущѣ. Солончаковыя корыта размѣщались въ очень ограниченномъ числѣ и служили больше для показа, такъ какъ соли для нихъ не выписывалось, и если она въ нихъ оказывалась, то—отъ щедротъ лѣсничаго.

Въ зубровомъ отдѣленіи было два сарая для раздачи корма, въ отдѣленіи оленей—три, и въ кабанникѣ—одинъ. Охраненіе звѣринца и кормленіе звѣрей лежало на трехъ сторожахъ, проживавшихъ въ казен-

номъ домѣ при самомъ звѣринцѣ. Кромѣ этого дома, построеннаго невдалекѣ отъ чугунной группы зубра, стояли хозяйственныя службы, а въ домѣ стражниковъ было отведено отдѣленіе на случай пріѣзда охотниковъ.

Не въ лучшихъ условіяхъ питанія и охраны было поставлено звѣровое населеніе, водившееся въ самой Пущѣ. Ежегодный учетъ производился только зубрамъ, которыхъ въ этотъ періодъ насчитывали до 430 головъ. Лось, который, начиная съ 50-хъ годовъ, постепенно исчезалъ въ Пущѣ, въ 60-хъ—былъ въ ней очень рѣдкимъ захожимъ гостемъ, въ 70-хъ—постепенно расплодился; а въ 80-хъ, вѣроятно, благодаря возобновившимся съ 1877 года сплошнымъ рубкамъ, дававшимъ молоднякъ, количество лося въ Пущѣ стало даже довольно значительно. Нѣкоторые объясняли это осушительными работами генерала Жилинскаго въ Пинскихъ болотахъ, откуда потревоженный звѣрь, не находя на мѣстѣ прежнихъ излюбленныхъ болотныхъ топей, двинулся въ сосѣднюю Пущу. Доказательствомъ значительнаго количества лося въ Пущѣ въ концѣ 80-хъ годовъ служилъ результатъ охоты Великаго Князя Михаила Николаевича. Несмотря на почти исключительное вниманіе, обращавшееся охотниками на зубра, вслѣдствіе чего нерѣдко пропускали лосей, послѣднихъ на штрекахъ оказалось 10 штукъ; надо при этомъ имѣть въ виду еще то, что при описанномъ плохомъ заводѣ загонщиковъ, неправильномъ веденіи загоновъ въ началѣ этой охоты, конечно, больше половины находившихся въ кругахъ чуткихъ и осторожныхъ лосей не были выставляемы на стрѣлковую линію. Тѣломъ лось былъ крупенъ, силенъ и хорошо развитъ, но лопатники попадались рѣдко. Такъ какъ подсчета лосей не производили, то количество этого звѣря въ Пущѣ въ концѣ 80-хъ годовъ можно опредѣлить только предположительно и, судя по охотѣ, его было больше, чѣмъ зубровъ.

Встрѣчались изрѣдка въ Пущѣ и даніэли, расплодившіяся отъ нѣсколькихъ штукъ, вмѣстѣ съ оленями, вышедшими изъ звѣринца. Офиціальныхъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ красныхъ оленей, жившихъ на свободѣ въ Пущѣ въ концѣ 80-хъ годовъ,—не имѣется, но такъ какъ ихъ въ 1871 году ушло изъ звѣринца 18 штукъ, то можно безошибочно предположить, что при лучшихъ условіяхъ жизни, которыя представляла Пуща, отъ нихъ должно было наплодиться никакъ не меньше того, чѣмъ наплодилось за то же время отъ стольких же въ звѣринцѣ; конечно, надо имѣть въ виду браконьерство и хищниковъ, отнимавшихъ извѣстный процентъ, остававшійся въ звѣринцѣ налицо. Къ реву пущинскіе олени тянулись ближе къ звѣринцу, отчего хорошихъ сборищъ оленей для рева (Brunftplatz) по Пущѣ еще не замѣчалось. Да,

впрочемъ, за этимъ никто не слѣдилъ, настолько слабыми охотниками были большая часть лѣсничихъ того времени.

Сколько можно было насчитывать въ Пущѣ козъ, рѣшить весьма трудно. Служившіе въ Бѣловѣжѣ въ то время, а также лѣсная стража и крестьяне показываютъ, что въ шестидесятыхъ годахъ, какъ козы, такъ въ особенности кабана, въ Пущѣ почти не было, настолько все начисто выбивалось лѣсничими, ихъ гостями и браконьерами во всякое время. Кабановъ должно было быть не много еще и по другой причинѣ: въ 1882 г. въ теченіе ноября и декабря было нѣсколько продолжительныхъ гололедокъ, и кабаны, не имѣя возможности добыть пищи изъ-подъ толстой коры льда, покрывавшаго землю, бѣжали изъ Пущи стадами.

Волки были почти совершенно истреблены, такъ что отстрѣлъ или отрава давали на всю площадь Пущи не болѣе 10 штукъ въ годъ. Рысей съ каждымъ годомъ становилось меньше. Лисицъ было много. Борьбу съ мелкими хищниками вели вяло, не систематично, не пользуясь лучшей системой выдачи премій. Браконьерство продолжало процвѣтать, какъ и всегда въ Пущѣ. Кормили зимой звѣря въ звѣринцѣ, а изъ пущинскаго только зубръ получалъ, начиная съ 1883-го года, вдоволь плохого качества сѣна.

Характеризуя въ краткихъ чертахъ управленіе Пущей со времени перехода ея въ русское владѣніе и до передачи угодья въ Удѣлы, необходимо признать, что хозяйства въ ней, какъ обще-экономическое, такъ и охотничье, велись слабо. Спортивную, не промышленническую охоту на крупнаго звѣря въ Россіи тогда мало кто зналъ. О Бѣловѣжѣ и зубрѣ большинство знало лишь, что они существуютъ, и все болѣе и болѣе одряхлѣвавшій лѣсъ и могучій его обитатель въ людской молвѣ обрекались на неминуемую гибель. Пущей почти никто не интересовался, ни хозяинъ, ни охотникъ, ни писатель, ни художникъ. Отсутствіе контроля породило злоупотребленія. Подчиненность общаго экономическаго хозяйства Пущи благосостоянію зубровъ была на словахъ девизомъ администраціи. Но какъ Пуща, такъ и зубръ погибали. За весь этотъ періодъ правильной охотничьей организаціи Пуща не имѣла, отчего борьба со всѣми неблагопріятными условіями для охоты не могла вестись энергично. Интересныхъ охотъ въ строго-охотничьемъ смыслѣ слова за все это время не производилось. Изрѣдка Пущу посѣщали ради зубра, и она продолжала оставаться почти бездоходною. Съ другой стороны и въ отношеніи охотничьяго хозяйства нѣкоторыя слабыя попытки можно отмѣтить лишь въ 80-хъ годахъ.

Всѣ эти порядки, наглядно обрисовавшіеся во время пребыванія

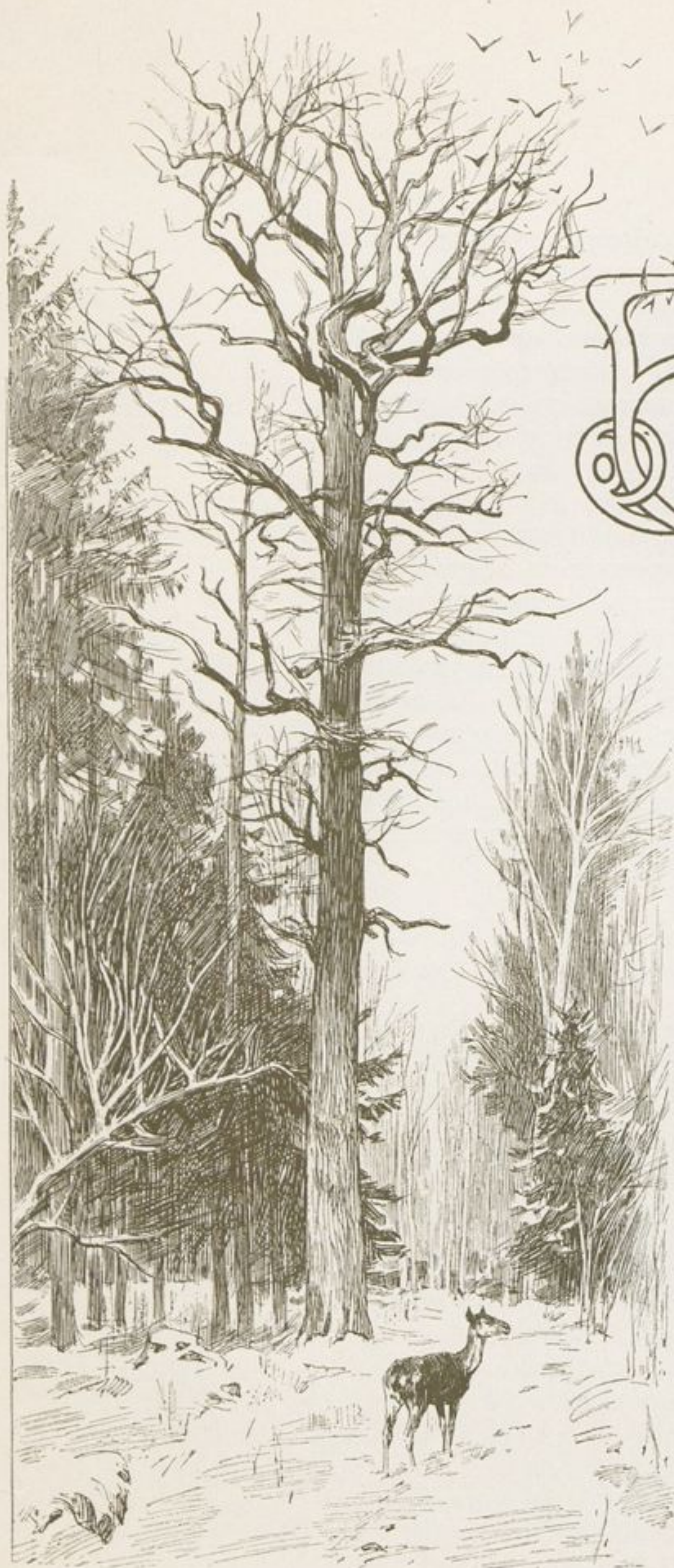
въ Бѣловѣжѣ В. К. Михаила Николаевича, вѣроятно, уже тогда зародили мысль о необходимости коренныимъ образомъ преобразовать хозяйство Пущи. Всѣ видѣли, что богатѣйшее угодье, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ, нельзя содержать въ постоянномъ опасеніи перерасходовать нѣсколько лишнихъ рублей, и что охотничье хозяйство въ немъ необходимо отдать въ руки спеціалистовъ, дабы Русскій Царь имѣлъ въ древнѣйшемъ заповѣдникѣ поистинѣ Царскую охоту.

Въ 1886 году, 19-го іюля, министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ министра государственныхъ имуществъ, что „Его Величество выразилъ желаніе, чтобы казенная лѣсная дача—Бѣловѣжская Пуща и „смежная съ нею Свислочская дача были переданы въ составъ удѣльныхъ имѣній“. Передача эта состоялась путемъ обмѣна Пущи на почти равное количество удѣльной земли въ Орловской и Симбирской губерніяхъ. Условія обмѣна вырабатывались въ теченіе почти двухъ лѣтъ, и 18-го сентября 1888 года Государь Императоръ Александръ III Высочайше утвердилъ положеніе комитета министровъ, коимъ разрѣшено было Бѣловѣжскую Пущу вмѣстѣ со Свислочскою дачей передать въ Удѣлы.

Этимъ актомъ мы заканчиваемъ исторію Пущи. Современное ея состояніе является результатомъ дѣятельности новаго ея управленія—Удѣльнаго Вѣдомства.

Н Самокишъ

Бѣловѣжская Пуща нашего времени.

Географическое положеніе и размѣры. Бѣловѣжская Пуща, въ настоящемъ ея объемѣ, лежитъ между 52°29′48″ и 52°54′8″ сѣверной широты и 21°11′ и 22° восточной долготы отъ парижскаго меридіана, или между 6°11′5″ и 6°49′ западной долготы отъ пулковскаго.

Площадь Пущи, находясь почти въ центрѣ Гродненской губерніи, занимаетъ всю сѣверо-западную часть Пружанскаго и небольшую юго-западную часть Волковысскаго уѣздовъ. Всей земли подъ Пущей 127.598 дес.; въ томъ числѣ Удѣламъ принадлежитъ 114.992 и крестьянамъ 12.606 десятинъ. Въ удѣльной землѣ подъ лѣсонасажденіемъ и лѣсными полянами—100.163 дес., подъ угодіями—5.037 и подъ неудобной землей и болотами — 9.792 дес. Самый сѣверный пунктъ находится въ Свислочской дачѣ, въ полуверстѣ отъ деревни „Гринки“, Волковысскаго уѣзда, самый южный—около деревни „Павлюковщина“, Пружанскаго уѣзда, западный въ верстѣ отъ деревни „Круглой Вилюки“ и восточный—въ полутора верстахъ отъ мѣстечка „Новый Дворъ“. По прямой, между крайними пунктами съ сѣвера

на югъ, имѣемъ около 52 вер. и, между западнымъ и восточнымъ, — 57 верстъ.

Разсматривая географическое положеніе Пущи съ точки зрѣнія охотника, нельзя не сказать, что оно въ высшей степени благопріятно. Климатъ умѣренный, а слѣдовательно, подходящій какъ для животныхъ болѣе сѣверныхъ странъ, напримѣръ: лося и медвѣдя, такъ и для благороднаго оленя, который на свободѣ рѣдко встрѣчается на болѣе сѣверныхъ пунктахъ Европы. Историческія условія обособили территорію Пущи, сохранивъ за нею лѣсную площадь такого размѣра, какой не имѣется въ цѣлой Европѣ.

Топографія Бѣловѣжской Пущи не сложна. Пуща занимаетъ плоскую возвышенность, составляющую водораздѣлъ бассейновъ Нѣмана, Буга и Припети. Центральная часть вокругъ села Бѣловѣжъ наиболѣе возвышена; отсюда легкіе склоны направляются во всѣ стороны, вслѣдствіе чего почти всѣ рѣки Пущи, ихъ притоки и лѣсные ручейки текутъ отъ центра. Впрочемъ, и центральная возвышенность даетъ логъ, по которому пролегаетъ русло рѣки Наревки. На склонахъ выдѣляются небольшіе холмы, сливающіеся мѣстами въ кряжи, но холмы такъ незначительны, что ихъ нельзя назвать горами, и они тѣмъ менѣе замѣтны, что покрыты лѣсомъ. Наиболѣе крутой, восточный склонъ переходитъ въ обширныя болота—„Глубокій Кутъ“, „Большой Кутъ“ и „Дикій Никоръ“. Юго-восточная часть холмистѣе другихъ; рядъ отдѣльныхъ, а мѣстами сливающихся холмовъ, составляютъ какъ бы кряжъ, тянущійся отъ Бѣловѣжа къ юго-востоку, по направленію къ деревнѣ „Хидры“.

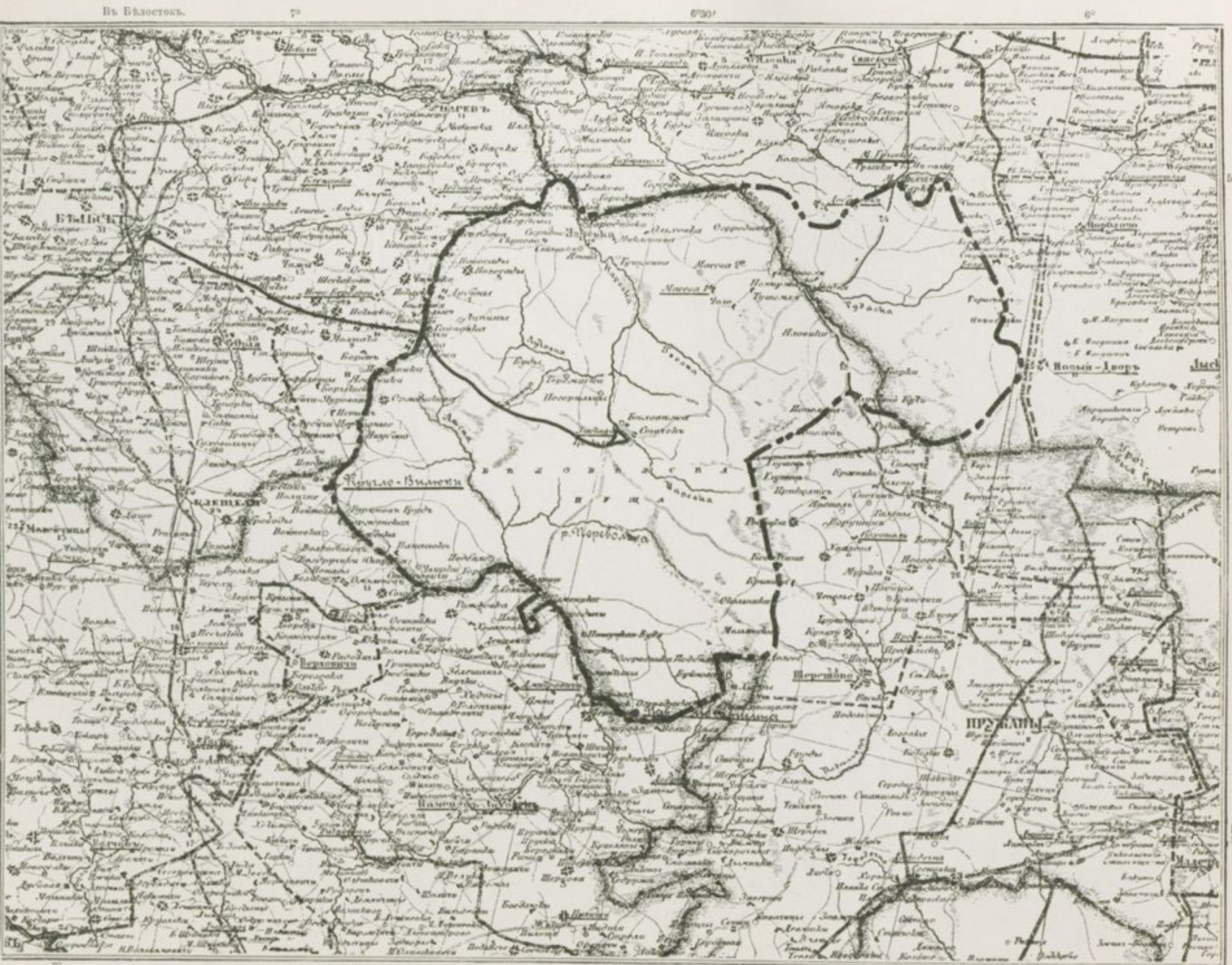
Въ этомъ общемъ кряжѣ нѣкоторые холмы прозваны даже горами,—„Кремневая“, „Выскуля“, „Козья“ и „Красно“, но ни одна изъ этихъ такъ-называемыхъ ґоръ не возвышается болѣе чѣмъ на 92 сажени надъ уровнемъ моря. На западъ отъ цѣпи холмовъ лежитъ обширное болото, дающее начало рѣкамъ „Переволокѣ“, впадающей въ „Лѣсну“, и незначительной „Соломенкѣ“, которая несетъ свои воды къ югу, разливая ихъ по отдѣльнымъ болотцамъ и низинамъ лѣсной чащи, гдѣ и пропадаетъ.—Юго-западный склонъ холмистъ только въ началѣ; далѣе же представляетъ почти равнину, раздѣленную „Лѣсною“ на двѣ части. Сѣверо-западная часть (Гайновское имѣніе) нѣсколько волниста у сѣверныхъ и западныхъ границъ. Въ сѣверо-восточномъ (Бровскомъ) имѣніи болѣе возвышенныя мѣста встрѣчаются на обезлѣсенныхъ площадяхъ вокругъ деревень: „Масево“, „Тиховоля“, „Чоло“ и „Тушемля“. Свислочская дача возвышена у восточныхъ границъ, общій же склонъ направляется къ юго-западу, т. е. къ долинѣ рѣки Нарвы.

Самыя болотистыя части Пущи тянутся вдоль ея восточныхъ гра-

ницъ и занимаютъ большую часть площади южной половины Свислочской дачи. Въ южной и западной частяхъ Пущи болотъ значительно меньше. Почти всѣ болота Пущи имѣютъ на видъ богатую растительность. Топкость болотъ зависитъ, конечно, отъ накопленія въ нихъ влаги, и хотя большая часть ихъ непроходима безъ мѣстнаго проводника, но совершенно недоступными они назваться не могутъ. Болота, лежащія внутри Пущи, покрыты старымъ осинникомъ или вѣковыми елями; восточныя же, моховыя, съ рѣдкимъ мелкимъ корявымъ соснякомъ, очень напоминаютъ наши сѣверныя лѣсныя болота. Долины пущинскихъ рѣкъ съ виду также сплошныя болота, въ которыхъ самыя рѣки представляются чуть замѣтными протоками въ необозримыхъ пространствахъ камыша.

Нельзя сказать, чтобы топографія Пущи была благопріятна охотничьимъ цѣлямъ. Каждый охотникъ, какъ человѣкъ чаще другихъ приходящій въ близкое соприкосновеніе съ природой,—болѣе или менѣе эстетикъ, и потому удовлетворяться мѣстностью, въ сущности, страшно однообразною по профилю,—онъ не можетъ: все плоско или чуть покато, нѣтъ горъ, нѣтъ обрывовъ, нѣтъ крутыхъ береговъ, и даже тѣ незначительныя неровности, которыя въ открытомъ мѣстѣ придавали бы нѣкоторое разнообразіе ландшафту, скрыты здѣсь подъ ощетинившимся вѣковымъ лѣсомъ. Красоты этого послѣдняго выдѣлялись бы значительно рельефнѣе на холмистой поверхности. Оріентироваться, пользуясь возвышенностями и всякими неровностями, въ Пущѣ нельзя, и только благодаря просѣкамъ, незнакомый съ мѣстностью можетъ легко опредѣлить направленіе.

Окружныя границы Пущи со смежными казенными дачами и частными владѣльческими землями, по всему протяженію довольно ясны. На замѣтныхъ пунктахъ онѣ обозначены межевыми столбиками и ямами, при всѣхъ, пересѣкающихъ границы, дорогахъ стоятъ столбы съ надписью „Бѣловѣжская удѣльная Пуща“.—Къ несчастью, естественныхъ, строго опредѣленныхъ природою границъ Пуща не имѣетъ, чѣмъ весьма усложняется охранная служба. Съ запада, со стороны Бѣльскаго уѣзда, переходъ отъ совершенно обезлѣсенныхъ на протяженіи десятковъ верстъ, громадныхъ пространствъ, сразу къ стройной стѣнѣ вѣковыхъ сосенъ и дубовъ, — очень разителенъ. Здѣсь какъ бы создалась съ давнишнихъ временъ граница, признаваемая какъ человѣкомъ, такъ и звѣремъ. На западъ отъ Пущи границу переходятъ только партіи козъ и кабановъ лѣтомъ, первыя—жируютъ и полегаютъ въ хлѣбахъ; вторые—посѣщаютъ картофельныя поля. Зубръ, лось, олень—очень рѣдко переходятъ эту границу и при малѣйшей опасности возвращаются въ Пущу. Когда ѣдешь изъ Бѣльска въ Бѣловѣжъ по

КАРТА БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ И ЕЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ.—Масштабъ 10 верстъ въ дюймѣ.

желѣзной дорогѣ, то при ясной погодѣ и сухомъ воздухѣ первые полчаса на горизонтѣ видны лишь совершенно открытыя, чуть волнообразныя поля, безъ малѣйшихъ признаковъ близости обширнаго пространства почти первобытнаго лѣса. Чрезъ нѣкоторое время на восточномъ горизонтѣ появляется едва видимая темная полоска, а верстахъ въ 10-ти не доѣзжая станціи Гайновки, расположенной у самаго въѣзда въ Пущу, уже опредѣленно вырисовывается полоса, застилающая весь востокъ. Только на этомъ разстояніи можно себѣ представить, какая это громада—Пуща. По дорогѣ изъ Бѣльска какъ-то не вѣрится, чтобъ въ мѣстности съ ландшафтомъ херсонской степи, часа черезъ два ѣзды, можно очутиться лицомъ къ лицу съ почти непроходимыми лѣсными дебрями и увидать красавца-оленя или одного изъ рѣдчайшихъ въ мірѣ звѣрей—зубра. Безъ перелѣсковъ, островковъ, молодняка или площадей кустарника, которыя мы привыкли встрѣчать на опушкахъ большихъ лѣсовъ, здѣсь ровныя, культивированныя поля подходятъ прямо къ вѣковому лѣсу. По одной сторонѣ границы—стебли пшеницы и ржи, по другой—трехсотлѣтнія сосны и еще болѣе старые дубы.—Таковъ характеръ западной границы на протяженіи 25-ти верстъ, отъ деревни Кругло Вилюки до Борисовки. Мѣстность эта густо населена, что въ нѣкоторомъ родѣ служитъ оградой для звѣря. Сосѣдями здѣсь большею частью крестьяне-землепашцы, отчего этотъ раіонъ менѣе другихъ страдаетъ отъ набѣговъ браконьеровъ.

По сосѣдству съ сѣверной границей Пущи мѣстность лѣсиста. Мѣстами лѣса отдѣляются отъ Пущи двухъ и трехверстными пространствами полей, а кой-гдѣ они подходятъ почти вплотную и отдѣляются только просѣкою. Съ сѣверо-запада примыкаетъ Паревская стража казенныхъ лѣсовъ; сѣверная часть Свислочской дачи граничитъ съ болѣе свободною отъ лѣсовъ и холмистою мѣстностью Волковысскаго уѣзда, постепенно переходящаго въ совершенно обезлѣсенный раіонъ. Здѣсь селенія встрѣчаются рѣже, чѣмъ у западной границы, что, въ соединеніи съ лѣсистостью и пересѣченностью мѣстности, отнимаетъ у границъ строгую опредѣленность и въ охотничьемъ отношеніи представляетъ массу неудобствъ, ибо всюду виднѣются перелѣски, островки, чащи кустарниковъ, болотистыя низины и камышевыя заросли по долинамъ вытекающихъ изъ Пущи Наревки и Нарвы. Такого характера мѣстность тянется въ прямомъ направленіи на 40, а принимая въ разсчетъ извилины границы—на всѣ 60 верстъ. Съ этой стороны всякій звѣрь легко выходитъ изъ Пущи и на сѣверо-западъ онъ можетъ уйти на десятки верстъ почти непрерывными лѣсами; браконьеру удобно здѣсь подстерегать добычу. Близость населенныхъ пунктовъ позволяетъ прятать концы и сбывать добычу. Въ глухихъ, не населенныхъ

мѣстахъ стражѣ гораздо легче поймать вора съ поличнымъ. Тамъ каждый слѣдъ, каждый звукъ выдаетъ присутствіе человѣка; выбраться потихоньку изъ трущобъ, какія встрѣчаются въ Пущѣ, съ крупнымъ звѣремъ,—не легко; здѣсь же, по сѣверной границѣ, всюду сообщники и укрыватели отвлекаютъ вниманіе стражи. Дичь, перешедшая эту границу, считается потерянною для охотничьяго хозяйства Пущи.

Восточная граница пролегаетъ, на протяженіи 40 верстъ, по сплошнымъ болотамъ, кое-гдѣ покрытымъ крупнымъ лѣсомъ, но въ большинствѣ представляющимъ кочковатыя, моховыя площади. Внѣшнимъ признакомъ границы часто служитъ 4-хъ-саженная просѣка, отдѣляющая сосѣдніе владѣльческіе и казенные лѣса отъ удѣльнаго. Вся масса бѣловѣжскихъ лѣсовъ сливается у восточной границы съ Яловскою, Лядскою и Шерешовскою пущами, куда звѣрь уходитъ охотнѣе всего, такъ какъ, сравнительно съ прочими границами, это самый безлюдный край; здѣсь онъ менѣе подвергается нападенію браконьеровъ, ибо находится подъ двойной охраной—охотничьихъ бѣловѣжскихъ урядниковъ, слѣдящихъ за браконьерами внѣ Пущи, и служащихъ въ казенныхъ и помѣщичьихъ лѣсахъ. Но зато дичь встрѣчается тутъ съ другою опасностью; много звѣря попадаетъ подъ выстрѣлы самихъ помѣщиковъ-охотниковъ. Здѣсь помѣщикъ производитъ охоту на всякаго звѣря, кромѣ зубра, огражденнаго закономъ; въ сосѣднихъ лѣсныхъ казенныхъ дачахъ охотились служащіе. Эти неблагопріятныя условія наносятъ не малый вредъ бѣловѣжскому охотничьему хозяйству. Нѣкоторые владѣльцы охотятся въ законное время, но не имѣютъ надзора за браконьерами, и послѣдніе этимъ пользуются; есть и такіе сосѣди, которые выбиваютъ все и даже въ незаконное время. Нельзя не выразить сожалѣнія, что звѣрь, разводимый съ большими усиліями, составляющій собственность Царской семьи, избивается сосѣдями, нерѣдко принадлежащими къ привилегированному сословію. Много подранковъ, послѣ подобныхъ охотъ, возвращается въ Пущу и здѣсь околѣваетъ. Есть и такіе владѣльцы, которые назначаютъ охоты на границахъ Пущи именно тотчасъ послѣ Высочайшихъ охотъ, въ надеждѣ, что отъ шума много звѣря перейдетъ къ нимъ; ихъ разсчеты оправдываются, и они бьютъ, правда, принадлежащее имъ по закону, но въ сущности пользуются чужимъ добромъ.

Южная граница, на первыхъ 20-ти верстахъ, по направленію съ востока на западъ отъ деревни Кевачина и до рѣки Лѣсны, проходитъ по ровной лѣсистой мѣстности, причемъ Шерешовская пуща въ нѣкоторыхъ мѣстахъ является какъ бы продолженіемъ Бѣловѣжской. Болотъ здѣсь меньше, чѣмъ на восточной границѣ, населенность значительно гуще, почти такая же, какъ и на западной границѣ. У селенія

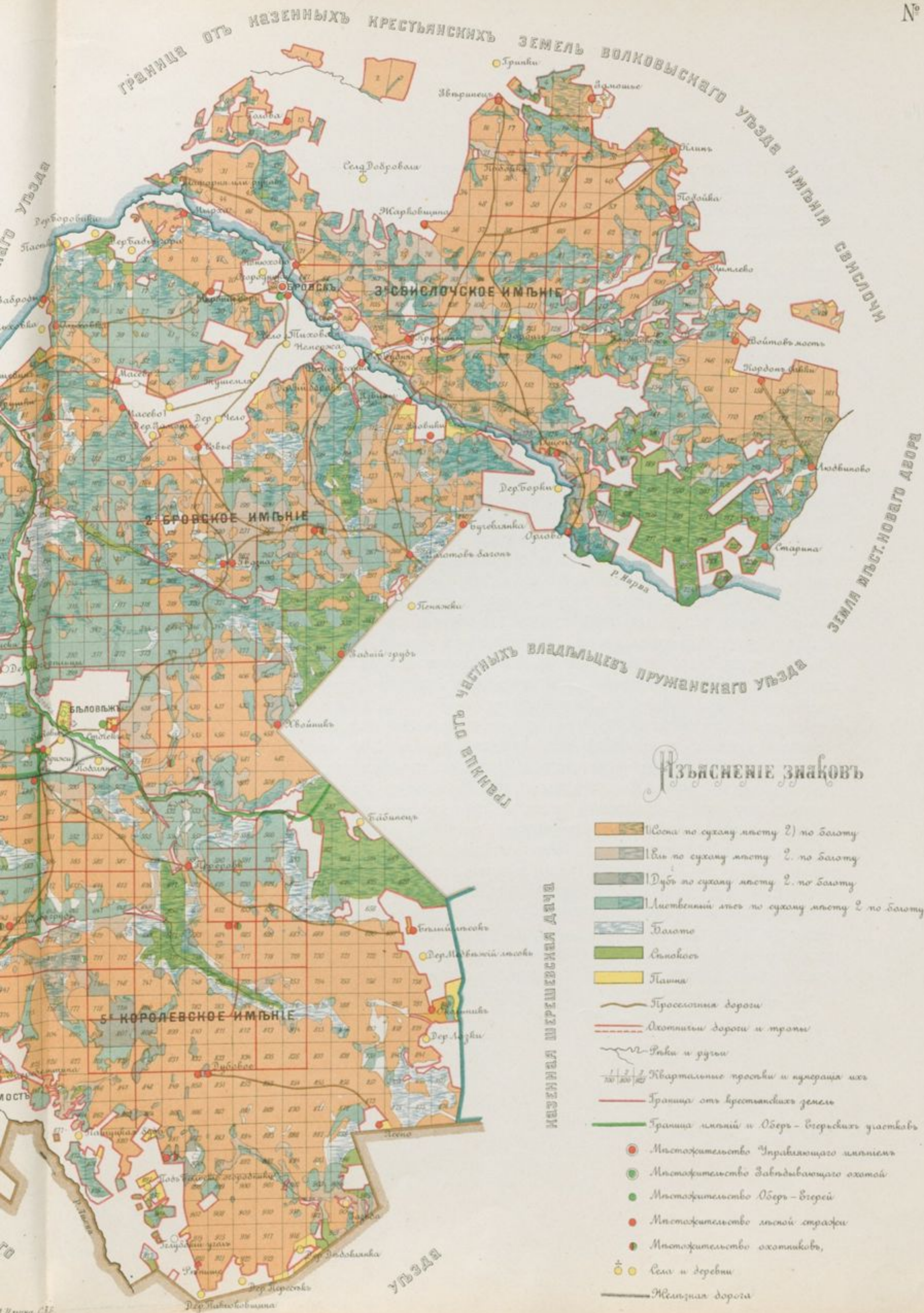
14*

КАРТА
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ
1902 ГОДА
СЪ НАНЕСЕНІЕМЪ ЛѢСОНАСАЖДЕНІЯ

Масштабъ 4 версты въ дюймѣ

№ 1.

ГРАНИЦА ОТЪ КАЗЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ВОЛКОВЫСКАГО УѢЗДА ИМѢНІЯ СВИСЛОЧИ
ГРАНИЦА ОТЪ ЧАСТНЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ПРУЖАНСКАГО УѢЗДА
ЗЕМЛЯ МѢСТ. НОВАГО ДВОРА
КАЗЕННАЯ ШЕРЕШЕВСКАЯ ДАЧА
3е СВИСЛОЧСКОЕ ИМѢНІЕ
2е БРОВСКОЕ ИМѢНІЕ
5е КОРОЛЕВСКОЕ ИМѢНІЕ
БѢЛОВѢЖЪ
Р. Ясельда
Р. Нарва
Изъясненіе знаковъ
1) Сосна по сухому мѣсту 2) по болоту
1. Ель по сухому мѣсту 2. по болоту
1. Дубъ по сухому мѣсту 2. по болоту
1. Лиственный лѣсъ по сухому мѣсту 2 по болоту
Болото
Сѣнокосъ
Пашня
Проселочныя дороги
Охотничьи дороги и тропы
Рѣки и ручьи
Квартальные просѣки и нумерація ихъ
Граница отъ крестьянскихъ земель
Граница имѣній и Оберъ-Егерьскихъ участковъ
Мѣстожительство Управляющаго имѣніемъ
Мѣстожительство Завѣдывающаго охотой
Мѣстожительство Оберъ-Егерей
Мѣстожительство лѣсной стражи
Мѣстожительство охотниковъ,
Села и деревни
Желѣзная дорога

Глубокій Уголъ граница соприкасается съ болотистою низменностью рѣки Лѣсны, а затѣмъ Бѣлы и тянется вдоль этихъ рѣкъ на протяженіи новыхъ 20-ти верстъ; затѣмъ, послѣднія 15 верстъ, до Кругло Вилюкъ, откуда мы начали описаніе границъ, она имѣетъ условный характеръ, пролегая большею частью по опушкѣ главныхъ лѣсныхъ массъ и выдѣляя со стороны Пущи крестьянскіе надѣлы деревень: Бѣла, Горошковки, Гаврилюки, Мшанки, Чвирки, Панасюки, Никифоровщины, Грабовецъ и Туриновъ Грудъ.

Спрямляя пограничную линію Пущи, получимъ свыше 200 верстъ.

Почва Бѣловѣжской Пущи легкая, супесчаная, благопріятная для хвойныхъ породъ, но не во всѣхъ частяхъ дачи одинакова. Въ болѣе низкихъ мѣстахъ супесокъ переходитъ въ суглинокъ, а на холмахъ—въ чистый песокъ. По степени влажности преобладаетъ умѣренно-сухая почва, хотя тамъ встрѣчаются всѣ степени влажности, какъ вполнѣ сухія, песчаныя мѣста, такъ и сырыя, болотистыя. Соотвѣтственно составу, качеству и степени влажности почвы, распредѣляются и лѣсонасажденія. Почвы легкія, песчаныя и сухія покрыты почти чистыми сосновыми насажденіями; почвы умѣренно-влажныя, супесчаныя и легкія суглинистыя—мѣшано-лиственными, состоящими изъ дуба, ясеня, граба, березы, осины, сосны и ели; почвы болѣе влажныя, суглинистыя—еловыми насажденіями въ смѣси съ березой и осиной; наконецъ, умѣренно-влажныя, сырыя, суглинистыя—грабомъ, березой, кое-гдѣ осиной, кленомъ, липой, а низменно-мокрыя, жирныя—черной ольхой. Судя по прослоинамъ въ подпочвѣ чистаго песку, по нахожденію въ такихъ прослоинахъ раковинъ и даже остатковъ судовыхъ цѣпей и якорей, предполагаютъ, что когда-то, въ далекомъ прошломъ, вся эта мѣстность вмѣстѣ съ Литвою и частью Пруссіи представляла дно моря или подвергалась большимъ и частымъ наводненіямъ. Крупнозернистый песокъ, съ примѣсью мелкаго морского камня, находящійся почти всюду въ подпочвѣ Бѣловѣжской Пущи, на глубинѣ отъ 10 до 12 футъ, подтверждаетъ это предположеніе. Въ самыхъ низкихъ мѣстахъ и вдоль рѣкъ, постоянная сырость и перегной образовали черноземную почву, которая зыбка; но, однако, нигдѣ нѣтъ недоступнаго, засасывающаго, предательскаго болота. Вслѣдствіе постояннаго гніенія всякаго древеснаго сора и пластовъ спадшихъ листьевъ, самый верхній, тонкій слой по низинамъ состоитъ изъ жирнаго чернозема.

Разнообразіе почвы способствуетъ одинаково успѣшному произрастанію въ Пущѣ всѣхъ породъ деревьевъ умѣреннаго климата, и такъ какъ породы деревьевъ распредѣляются соотвѣтственно почвамъ, которымъ онѣ свойственны, то карта Пущи, на которой показано лѣсное насажденіе (№ 1, стр. 108 и 109), можетъ также служить и картою почвы.

Почва Свислочской дачи нѣсколько отличается отъ Пущи обиліемъ болотъ, сосредоточенныхъ въ юго-восточной части; подпочву этихъ болотъ въ большинствѣ случаевъ образуетъ плотный, такъ-называемый подъилокъ-бѣлунъ, залегающій на суглинистомъ или глинистомъ грунтѣ.

Почвенныя условія Пущи вліяютъ также и на распредѣленіе въ ней породъ звѣря, для котораго главнѣйшимъ условіемъ является кормъ. Такъ, зубры, нуждающіеся въ лѣсныхъ травахъ, отнюдь не болотныхъ, съ удовольствіемъ берущіе молодые побѣги лиственнаго лѣса и избѣгающіе топкаго грунта, держатся преимущественно въ раіонахъ умѣренно-сухой, суглинистой почвы или въ низинахъ съ пластомъ чернозема и перегноя, гдѣ преобладаетъ смѣшеніе древесныхъ породъ и земля покрыта жирной травою. Въ тѣхъ же мѣстахъ живутъ: коза даніэль и отчасти олень; послѣдній ищетъ болѣе возвышенныхъ мѣстъ и только въ жаркіе лѣтніе дни спускается въ сырыя низины, гдѣ валяется въ грязи. Лось и кабанъ, какъ любители влажныхъ топкихъ мѣстъ, встрѣчаются преимущественно въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Пущи.

Климатъ. Обширность лѣса, задерживающаго влагу на поверхности дѣлаетъ климатъ Пущи болѣе суровымъ, чѣмъ въ окрестностяхъ. Средняя годичная температура въ Литвѣ около 5° R. Весна начинается здѣсь на недѣлю или двѣ позже близъ лежащихъ мѣстъ той же широты и непродолжительна; но весенніе утренники кончаются поздно, осенніе же начинаются слишкомъ рано и всегда сопровождаются значительною изморозью, которая находится въ прямой зависимости отъ осаждающихся водяныхъ паровъ. Скопленіе паровъ, въ свою очередь, зависитъ отъ отсутствія вѣтровъ, свободному движенію которыхъ препятствуетъ обиліе, вышина и густота лѣса. Лѣто рѣдко хорошо, чаще туманно, дождливо, съ преобладаніемъ сѣрыхъ дней, а иногда случаются нестерпимыя жары, сопровождающіяся страшными грозами, которыя въ Пущѣ очень величественны и производятъ почти потрясающее впечатлѣніе. Шумъ лѣса, раскаты грома, трескъ падающихъ исполиновъ-деревьевъ, наступающая въ это время темнота, въ особенности подъ лиственнымъ сводомъ,—все это способно потрясти и не нервнаго человѣка. Туманныхъ и пасмурныхъ дней въ Пущѣ почти вдвое больше, чѣмъ въ открытыхъ мѣстностяхъ; самые сильные туманы наступаютъ въ октябрѣ. Зато ранняя осень вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ за лѣто. Съ середины сентября, обыкновенно, наступаютъ ясные, теплые, сухіе дни, но ночи всегда холодныя. Позднею осенью и изрѣдка весной начинаютъ дуть продолжительные сѣверо-западные вѣтры. Страшно становится тогда обитателямъ лѣса—и не только людямъ, но и звѣрю,

и птицамъ. Неистовый ревъ, гулъ, свистъ и стонъ стоятъ по всей Пущѣ, и поминутно слышится то тамъ, то здѣсь ужасающій трескъ ломающихся вѣковыхъ деревьевъ. Вѣтеръ не только сноситъ вѣтви и верхушки, но, опрокидывая самое дерево, выворачиваетъ его съ огромными глубокими корнями. Замѣчено, что такіе буреломы повторяются здѣсь періодически, черезъ каждыя десять-двѣнадцать лѣтъ, т. е. сильные, настоящіе буреломы; менѣе значительные бываютъ почти ежегодно. Пущинская зима не длинна и не сурова, но часто безснѣжна. Въ шесть лѣтъ одна даетъ хорошій санный путь, да и то не надолго; обыкновенно же бываютъ: мокрый снѣгъ съ дождемъ, небольшой морозецъ, пороша, затѣмъ опять оттепель на сутки или двое; изрѣдка, впрочемъ, стоятъ сплошные морозы до 15°. Въ общемъ, пущинская зима очень напоминаетъ петербургскую.

Въ 66 кварталѣ Бровскаго имѣнія.
Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Травояднымъ звѣрямъ, преобладающимъ въ Пущѣ, продолжительность снѣжнаго покрова очень вредитъ; но, съ другой стороны, такой покровъ, образуя хорошій санный путь, способствуетъ болѣе успѣшной развозкѣ корма, хотя нѣтъ сомнѣнія, что самый лучшій искусственный кормъ не можетъ замѣнить дикому животному хорошаго естественнаго, а потому короткая и малоснѣжная зима все же менѣе неблагопріятна для звѣря, нежели длинная, хотя бы и при разумномъ уходѣ и постоянныхъ заботахъ. Уборка хлѣбовъ въ Пущѣ и около нея всегда запаздываетъ на недѣлю или двѣ, сравнительно съ сосѣдними уѣздами. Разница климата Пущи и окрестностей особенно замѣтна весною, послѣ снѣжной зимы, когда бѣловѣжскій лѣсъ еще въ снѣгу, а внѣ Пущи собираются уже пахать оттаявшую землю. Какъ злаки, такъ и фрукты средней Европы, благодаря обилію влаги, отлично идутъ въ Пущѣ, въ особенности при тщательномъ уходѣ.

Орошеніе. Благосостояніе звѣрового населенія всякаго охотничьяго угодья въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ количества влаги; въ сухихъ мѣстахъ дичь не держится, такъ же точно, какъ и въ сплошныхъ топ-

кихъ болотахъ. Тому крупному звѣрю, который наполняетъ теперь Пущу, необходимы мѣста, въ которыхъ совершенно сухіе районы лежали бы рядомъ съ хорошо орошенными, гдѣ песчаныя возвышенности перемежались бы съ заливными лугами, гдѣ лѣсъ по болоту сливался бы съ сухимъ боромъ, и гдѣ, главное, имѣлись бы въ изобиліи проточныя водяныя артеріи. Всѣми этими условіями природа щедро надѣлила Бѣловѣжскую Пущу. По ней, на большихъ протяженіяхъ, протекаютъ рѣки Наревка, Нарва и Лѣсна; первыя двѣ принадлежатъ къ бассейну Балтійскаго моря и текутъ на сѣверо-западъ,—послѣдняя, впадая южнѣе Пущи въ Бугъ, несетъ свои воды въ Черное море. Впадающіе въ эти три рѣки лѣсныя рѣчки и ручейки образуютъ почти непрерывную сѣть, въ которой каждый водяной стокъ окаймленъ болотистыми низинами. Система Буго-Наревская обнимаетъ, такимъ образомъ, всю Пущу.

Разбираясь въ распредѣленіи водъ по поверхности Пущи, необходимо начать съ болотъ, какъ источниковъ, изъ которыхъ всѣ рѣки берутъ свое начало.

Въ предѣлахъ Пущи замѣчаются три большія группы болотъ: первая наполняетъ почти всю Свислочскую дачу, причемъ съ отдаленіемъ отъ Нарвы къ востоку болота постепенно пропадаютъ. Вторая группа наполняетъ почти всю сѣверо-восточную часть Пущи (Бровское имѣніе); третья — занимаетъ центръ юго-западной части (Старинское имѣніе) и тянется въ верховьяхъ рѣки Лѣсны, преимущественно вдоль лѣваго берега. Менѣе обширные болотные районы имѣются въ сѣверо-западной части (Гайновскомъ имѣніи), по рѣчкѣ Лутовнѣ и въ сѣверной части юго-западнаго—Королевскаго имѣнія, по Переволокѣ. Всего же подъ болотами въ Пущѣ болѣе 130 кв. верстъ, т. е. около 11% всей территоріи.

Въ зависимости отъ количества выпадающихъ дождей и смотря по времени года, бѣловѣжскія болота имѣютъ глубину отъ 1 до 3-хъ аршинъ; среди многихъ болотъ встрѣчаются пастбища и холмы, не затопляемые даже въ весеннее половодье, что даетъ всей дичи, и въ особенности глухарямъ во время токовъ, почти недосягаемое убѣжище. Непроходимыхъ трясинъ и такъ-называемыхъ „оконъ" въ болотахъ Пущи немного. Непроходимыми бѣловѣжскія болота чаще всего становятся не столько отъ размягченности грунта, сколько отъ накопившагося бурелома и всякой лѣсной рухляди. На нѣкоторыхъ болотахъ имѣются сѣнокосы, хотя плохого качества.

Рѣка Нарва беретъ начало въ огромномъ пограничномъ Орловомъ болотѣ, верстахъ въ 10-ти отъ Пущи къ востоку, и течетъ на протяженіи 25-ти верстъ въ сѣверо-западномъ направленіи, отдѣляя

15

Свислочскую дачу отъ собственно Пущи. Рѣка течетъ въ низкихъ, плоскихъ берегахъ, почти не имѣющихъ берегового урѣза, чрезъ болота или болотистые сѣнокосы. Русло извилистое, раздѣляющееся мѣстами на нѣсколько протоковъ, заросшихъ осокой и камышами, а берега еще недавно были покрыты кустарниками ивы. Въ дождливое время и въ весеннее половодье Нарва разливается по низменнымъ смежнымъ сѣнокосамъ и болотамъ, что весьма затрудняетъ доступъ звѣрю къ чистой проточной водѣ и не позволяетъ ему переходить съ одного берега на другой. За послѣднее время Нарва приспособлена къ сплаву спрямленіемъ русла и расчисткой отъ ку-

Наревка.
Оригинальный рисунокъ
К. Я. Крыжицкаго.

старныхъ зарослей, камышей и заломовъ. Первая пристань Борки находится у самаго входа Нарвы въ Пущу. Болотистая, трудно проходимая долина рѣки настолько рѣзко отдѣляетъ Свислочскую дачу отъ Пущи, что звѣровой составъ обѣихъ мѣстностей различенъ. За Нарвой, къ востоку, преобладаютъ лось, кабанъ и коза, а по сю сторону—зубры и олени. Изъ болотъ Свислочской дачи справа въ Нарву впадаютъ лѣсные ручьи: Ольховка, Вьюновка, Ольшанка и рѣчка Рудавка; слѣва—одна Тушемлянка. Удобныхъ проѣздовъ чрезъ рѣку три: у деревушки Язвины, по дорогѣ изъ Немержанки въ Рудню и отъ Бровска въ Конюхово.

Вторая значительная водная артерія, Наревка, выливается двумя

ручьями изъ болота Никоръ, въ восточной части Пущи, и течетъ на сѣверо-западъ на протяженіи 35-ти верстъ, разрѣзая Пущу пополамъ. Характеръ теченія Наревки сходенъ съ только-что описаннымъ теченіемъ Нарвы. Въ виду своего центральнаго положенія Наревка имѣетъ весьма важное значеніе для сплава лѣса, а потому, болѣе, чѣмъ другія, приспособлена къ тому. У Императорскаго дворца она преграждена плотинами и образуетъ два пруда. Въ Наревку, съ правой стороны, впадаютъ: Еленка, Орловка, Гвозна и Праща; съ лѣвой — Кначиневка, Лутовня съ Криницей, орошающей звѣринецъ, и Передѣльна. Расчистка русла Наревки и осушка окаймляющихъ ее болотъ, начатыя еще при Тизенгаузѣ и возобновленныя недавно, оказали очень существенное вліяніе на улучшеніе смежныхъ болотныхъ сѣнокосовъ, въ особенности по рѣчкамъ Лутовнѣ и Гвознѣ, въ раіонѣ которыхъ всегда держится много дичи.

Рѣка Лѣсна беретъ начало внѣ Пущи, пересѣкаетъ западную границу южнѣе деревни Гайновки и течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ среднемъ теченіи Лѣсна проходитъ по обширному болотистому раіону, питаясь стоками со склоновъ и незначительными ключевыми ручьями. Въ дальнѣйшемъ теченіи, до выхода изъ Пущи у мѣстечка Королевъ Мостъ, берега становятся твердо песчаными, и правый даже нѣсколько возвышенъ. Съ лѣвой стороны, кромѣ мелкихъ незначительныхъ ручьевъ, впадаетъ довольно большая рѣчка Переволока и съ правой—пограничная рѣка Бѣлая. Лѣсна довольно полноводна и въ лѣтнее время имѣетъ отъ 5 до 7 футъ глубины. На протяженіи 23-хъ верстъ, въ предѣлахъ Пущи, по Лѣснѣ нѣтъ ни одного крестьянскаго селенія, и полоса крестьянскихъ надѣловъ гораздо уже, нежели по берегамъ Нарвы и Наревки, хотя, впрочемъ, достигаетъ мѣстами до 2-хъ верстъ. Отсутствіе поселковъ дѣлаетъ рѣку доступною для звѣря во всякое время, исключая сѣнокосной поры.

Всѣ сказанныя рѣки протекаютъ по низинамъ, обрамленнымъ крупнымъ лѣсомъ, какъ бы по коридорамъ, въ которыхъ не прекращается тяга воздуха, а потому зимою снѣгъ со льда сдувается вѣтромъ, и рѣки представляются въ видѣ ледяныхъ темныхъ полосъ, извивающихся между снѣжными берегами.

Озеръ въ Пущѣ нѣтъ. Запруды Наревки у села Бѣловѣжа и Рудавки, въ верстѣ отъ ея впаденія въ Нарву, у деревни Рудни,—единственные большіе резервуары проточной воды. Копаные пруды имѣются вблизи дворца и вырыты недавно, при постройкѣ и распланировкѣ его парка.

Растительность Пущи, какъ сказано, находится въ тѣсной связи съ почвою. Сухія песчаныя мѣста поростаютъ сплошь сосною, тамъ мы

15*

РѢКА НАРЕВКА ЗИМОЮ.—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

имѣемъ то, что вездѣ принято называть сосновымъ боромъ. По-пущински же различаютъ три рода бора. Чистый сосновый лѣсъ или съ самою незначительною примѣсью ели, дуба и пр., носитъ мѣстное названіе „ляда". Болѣе значительную примѣсь дуба и березы называютъ: „боръ съ дубиною", „боръ съ березиною" и, наконецъ, „боръ съ елиною", если лѣсъ въ два этажа, верхній—сосновый, нижній—ельникъ. Послѣдній растетъ по супесчанымъ и болѣе сырымъ мѣстамъ. Придерживаясь далѣе мѣстной терминологіи, по влажному и сырому суглинку встрѣчается „елосмычъ", т. е. чистый ельникъ. Въ елосмычѣ не бываетъ ни сосны, ни граба. Мѣшаныя лиственныя насажденія, идущія по болѣе жирной почвѣ, раздѣляются на два вида: „грудъ" и „олёсъ". Грудъ встрѣчается на богатомъ наземномъ супескѣ или суглинкѣ и для него характерною породою является грабъ, который подъ пологомъ дуба, осины, ясеня, клена, липы и разныхъ видовъ ильма образуетъ нѣчто въ родѣ подчиненнаго насажденія. Олёсъ предпочитаетъ иловато-супесчаную или торфяно-суглинистую почву и характеризуется присутствіемъ черной ольхи, которая также, какъ и грабъ въ грудѣ, далеко не преобладающая порода. Въ олёсѣ господствуетъ ясень, дубъ или какая-нибудь другая порода, но въ немъ не встрѣчается сосны, граба, березы, липы, клена и береста. Какъ по груду, такъ и по олёсу въ послѣднее время нерѣдко сталъ попадаться ельникъ и даже въ такомъ количествѣ, что онъ начинаетъ заглушать лиственныя насажденія. По болотамъ внутри Пущи всего болѣе осинника и крупной ели, а по восточнымъ и въ Свислочской дачѣ—коряваго сосняка и мелкой ели, иногда съ березнякомъ, что по-мѣстному называютъ „багономъ".

Кормовыя травы въ Пущѣ довольно разнообразны. По сухимъ, не болотистымъ мѣстамъ хорошо растутъ мелкія, питательныя, здоровыя травы, въ общежитіи называемыя сладкими, которыя въ теченіе лѣта составляютъ главный кормъ всей травоядной дичи Пущи. Питаясь ими, пока онѣ въ достаточной мѣрѣ свѣжи и сочны, дичь быстро поправляется отъ зимняго сухоѣденія, а при обиліи почти не трогаетъ побѣговъ и молодняка. Въ тѣнистыхъ „борахъ" и не заглушенныхъ елью „грудахъ", жирный травяной покровъ даетъ лучшіе корма. Но такихъ мѣстъ въ Пущѣ сравнительно мало, и съ каждымъ годомъ площадь ихъ сокращается благодаря всезаглушающему еловому подросту, подъ которымъ уже ничего не растетъ. Въ низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ травы очень невысокаго качества, жидкія, кислыя, съ грубыми стеблями и мало питательныя. Заливные луга по побережью рѣкъ даютъ сравнительно порядочное сѣно и могли бы давать сѣно самаго высокаго качества при нѣкоторой культурѣ и осушкѣ мѣстности, но всѣ эти луга находятся во владѣніи крестьянъ. Нѣкоторымъ, по весьма

незначительнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ увеличенія площади лѣсныхъ пастбищъ явились засѣвы просѣкъ лучшими сортами лѣсныхъ травъ. Какъ увидимъ дальше, эти засѣвы болѣе вредятъ охотничьему хозяйству, чѣмъ приносятъ пользу. Въ старину лѣсныя пастбища оживлялись посредствомъ весеннихъ выжиганій листвы, хлама и засохшей осенней травы, но опасность въ отношеніи лѣсного пожара заставила отказаться отъ этой простѣйшей мѣры къ улучшенію корма.

По сырымъ потнымъ „грудамъ" и „олёсамъ" встрѣчаются большія площади папоротника всевозможныхъ видовъ. Разростаясь высоко, папоротники представляютъ для дичи нѣкоторое укрытіе отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, не жалующихъ этого растенія. Подъ тѣнью его перистыхъ листьевъ земля остается голая, и такъ какъ кромѣ зубровъ, общипывающихъ молодые побѣги нѣкоторыхъ сортовъ папоротника, остальные звѣри его не ѣдятъ, то на этихъ мѣстахъ звѣрь усиленно обгладываетъ кору, древесный мохъ, отгрызаетъ молодые побѣги и, вообще, вредитъ лѣсу. Въ настоящее время площадей папоротниковыхъ зарослей въ Пущѣ больше, чѣмъ участковъ съ хорошимъ травянымъ покровомъ.

Человѣку, никогда не бывавшему въ Бѣловѣжской Пущѣ, трудно представить себѣ величавую, своеобразную прелесть этого, во многихъ мѣстахъ еще первобытнаго лѣса. Въ немъ нѣтъ однообразно-суроваго, однотоннаго колорита дремучаго сѣвернаго бора. Онъ величественъ, дикъ, носитъ отпечатокъ дряхлости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно интересенъ разнообразіемъ встрѣчающихся въ немъ лѣсныхъ пейзажей. Трудно представить себѣ лѣсные раіоны съ однообразнымъ, хотя и красивымъ на первый взглядъ насажденіемъ, долгое созерцаніе которыхъ не наскучило бы, будь то: вѣковые, могучіе, корявые дубы, стройныя, въ нѣсколько обхватовъ сосны съ широко раскинувшимися шапками макушекъ, или кудрявыя березы съ бѣлыми стволами, нѣжною глянцевитою листвою, точно сыплющеюся по висящимъ книзу вѣтвямъ, или жирнолистые, тѣнистые клены, или правильной пирамидой растущія темныя ели... всѣ красоты такихъ картинъ скоро надоѣдаютъ, если онѣ не смѣняютъ одна другую. Бѣловѣжская Пуща представляетъ именно тотъ лѣсъ, гдѣ на протяженіи пяти, десяти верстъ можно встрѣтить безчисленное количество лѣсныхъ пейзажей, нисколько не похожихъ другъ на друга, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ другого красивѣе. При проѣздѣ по Пущѣ не устаешь смотрѣть и восхищаться. Глубокое волненіе невольно охватываетъ любителя природы при видѣ многовѣковыхъ сосенъ и дубовъ; мысли летятъ къ старинѣ; среди пущинскихъ великановъ есть не мало такихъ, на которыхъ, въ ихъ молодомъ возрастѣ, быть-можетъ, останавливались

взоры Баторія и подъ тѣнью которыхъ отдыхали на охотахъ Августы Саксонскіе. Есть участки, гдѣ эти почтенные представители старины встрѣчаются не единичными экземплярами, а занимаютъ площади въ нѣсколько десятинъ, при чемъ одновременно передъ глазами

Просѣка въ смѣшанномъ насажденіи $^{129}/_{130}$ кварталовъ Пущи.
Фотографія съ натуры А. Далматова.

стоятъ нѣсколько старцевъ различныхъ породъ. При взглядѣ на нихъ, „шапка съ головы валится" въ буквальномъ смыслѣ этой поговорки, и хочется приблизиться, чтобы измѣрить, сколько обхватовъ укладываются вокругъ ствола. Какими ничтожными кажутся передъ этими

патріархами деревья, представляющіяся въ другомъ лѣсу крупными. Почти всѣ дороги въ Пущѣ проложены теперь по просѣкамъ. Вверху сплетается такой густой навѣсъ изъ вѣтвей, скрестившихся и перепутавшихся между собою, а по обѣимъ сторонамъ идетъ такая густая стѣна ельника, что невольно начинаетъ казаться, будто ѣдешь по искусственно проложенной, въ видѣ длиннаго сводчатаго коридора, аллеѣ, надъ которой лиственный навѣсъ мѣстами вовсе непроницаемъ

Вершина „Баторіевой горы". Фотографія съ натуры.

для солнечныхъ лучей. Сама природа устроила здѣсь эти зеленые тунели, которые нерѣдко тянутся на цѣлыя версты. Въ этихъ-то аллеяхъ и встрѣчаются самыя разнообразныя лѣсныя породы: дубъ, липа, ясень, кленъ, вязъ, ильмъ и пр. Но всѣхъ краше является здѣсь изумруднопрозрачная, кудрявая, веселая зелень граба. Она-то и придаетъ наибольшую прелесть этимъ аллеямъ. Только-что кончится гдѣ-нибудь зеленая аллея грабовъ, какъ просѣка выбѣгаетъ на открытую поляну, и вдругъ передъ вами встаетъ темная стѣна хвойнаго лѣса, густонепроницаемая, опушенная молодыми елями; далѣе опять разнообраз-

ный, смѣшанный лѣсъ на болотистомъ черноземѣ; если дорога идетъ въ гору, по песку, то по сторонамъ безконечной колоннадой встаетъ передъ вами мачтовый соснякъ; такой лѣсъ однообразнѣе всѣхъ другихъ, и хотя въ Пущѣ его еще достаточно, но большихъ сплошныхъ насажденій не особенно много. Для охотника онъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ и лѣтомъ, какъ во всякомъ другомъ зимою, далеко видно, а потому чаще, чѣмъ въ другихъ насажденіяхъ, можно усмотрѣть козъ съ ихъ мелькающими вдали „шпигелями", или статную фигуру оленя, на минуту остановившагося, чтобъ прослѣдить врага, а затѣмъ развалистой рысцой, съ закинутыми на спину рогами, лавирующаго между сосновыми стволами. Но вотъ и спускъ; по сторонамъ дороги канавы, наполненныя водой, за ними коверъ изъ ярко-зеленаго мха; стройныя старыя ели смѣнили сосну; воздухъ напитанъ влагою, пахнетъ болотомъ. Вокругъ—ни кабаньяго „порыта", ни звѣриныхъ слѣдовъ. Скучное мѣсто для охотника, но своеобразно красивое. Оно нерѣдко переходитъ въ моховое торфяное болото съ остатками лозы, мелкою березою и низкорослою, корявою сосной; дорога пошла гатью, тѣни нѣтъ, и незнакомому съ охотничьимъ значеніемъ такихъ мѣстъ становится еще скучнѣе. Но когда знаешь, что именно въ этихъ-то участкахъ жируетъ лось, невольно поворачиваешь голову то въ ту, то въ другую сторону, въ надеждѣ увидѣть неуклюжую фигуру звѣря, бѣгущаго по болоту размашистой рысью, съ характернымъ шпатомъ его бѣлесоватыхъ ногъ.

Проѣзжая по пущинскимъ дорогамъ и просѣкамъ, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о ея дебряхъ. Для этого необходимо углубиться въ кварталъ и рѣзать напрямикъ. Вдоль дорогъ и просѣкъ, въ особенности по сторонамъ тѣхъ, гдѣ разставлены штанды бывшихъ Высочайшихъ охотъ, всюду замѣтны слѣды людской работы.

16

Во многихъ мѣстахъ поваленныя бурей деревья отпилены и убраны, а на мѣстѣ оставленъ вывороченный пень съ высоко торчащими кверху корнями, образующими нерѣдко круглый щитъ, сажени въ три въ діаметрѣ; отъ штандовъ прорублены радіусами, въ трехъ направленіяхъ, прицѣльныя линіи для удобства стрѣльбы; на стволахъ виднѣются забѣленныя пятна визирныхъ линій, на которыхъ выравнивали цѣпь загонщиковъ; на маститыхъ старцахъ-деревьяхъ прибиты доски съ обозначеніемъ размѣра и приблизительнаго возраста каждаго экземпляра; на перекресткахъ дорогъ—указатели съ обозначеніемъ количества верстъ до ближайшихъ селеній, на пересѣченіяхъ просѣкъ—столбики съ нумераціей прилегающихъ кварталовъ. Однимъ словомъ, ѣдучи по дорогѣ, постоянно встрѣчаешь что-либо, напоминающее о хозяйствѣ человѣка. Внутри многихъ кварталовъ картина другая: тамъ масса мѣстъ, гдѣ, можно смѣло сказать, никогда не ступала нога человѣка. Въ нихъ-то и кроются самыя прелестныя, глухія и дикія мѣста. Деревья, поваленныя буреломомъ, лежатъ долгіе годы одно на другомъ въ нѣсколько пластовъ; нижнія, придавленныя упавшими недавно, перегнили, покрылись лѣснымъ соромъ, мхомъ, догнивающею листвою, и едва замѣтны въ общей массѣ; иное изъ нихъ болѣе сажени въ обхватѣ, выворочено все, съ корнями, съ которыхъ земля осыпалась и смыта дождями; корни эти своими красиво-причудливыми очертаніями такъ и просятся въ альбомъ художника; иное надломлено бурей гдѣ-нибудь по серединѣ ствола, и омертвѣлая вершина его, упавъ на ранѣе погибшихъ сосѣдей, вѣнчаетъ общую группу этого лѣсного кладбища. Такіе буреломы, загромождающіе сплошь цѣлые кварталы, образуютъ тѣ непроходимыя дебри, о которыхъ можно составить себѣ ясное представленіе, только побывавъ въ Бѣловѣжской Пущѣ. Среди этого нагромождающагося хаоса безостановочно идетъ жизнь смѣняющихся поколѣній Пущи. Въ одномъ мѣстѣ видны уже поникшіе, полувывороченные великаны, ожидающіе бури, чтобъ лечь навѣки; въ другомъ мѣстѣ повалившееся дерево легло на сосѣднее и, благодаря ему, продолжаетъ еще жить. Нѣкоторыя надломленныя деревья, застрянувъ на могучихъ вѣтвяхъ сосѣдей, образуютъ какъ бы ворота. Они давно уже высохли, покрылись мохомъ, и лиственный перегной, образовавшій на верхнихъ поперечинахъ плодотворную почву, даетъ жизнь другой какой-нибудь породѣ, и вотъ, почти въ воздухѣ растетъ молодое стройное деревцо, на дубѣ сосенка, на вязѣ—кленъ, или березка. Нигдѣ, кромѣ Пущи, нельзя встрѣтить также на поваленныхъ деревьяхъ такихъ замѣчательныхъ губчатыхъ наростовъ. Изъ-за часто повторяющихся буреломовъ, въ очень многихъ кварталахъ Пущи нѣтъ никакой возможности производить облавной охоты. Здѣсь удобно скрасть по слѣду кабана или козла, отчего ихъ

ЗИМНІЙ ПЕЙЗАЖЪ ВЪ БРОВСКОМЪ ИМѢНІИ ПУЩИ.—Фотографія съ натуры А. Далматова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

особенно и облюбовываютъ браконьеры. Въ былое время по такимъ трущобамъ пролегали тропинки, которыя рѣдко кому были извѣстны и по которымъ, кромѣ опытныхъ мѣстныхъ лѣсниковъ, никто и не ходилъ, да и эти-то заглядывали сюда только для поимки браконьеровъ. На такихъ тропинкахъ, слѣды которыхъ видны и теперь, попадаются самыя глухія, самыя поэтическія и красивыя мѣста. Надо удивляться, какъ наши пейзажисты мало пользовались красотами Пущи, природа которой могла бы дать имъ обильный матеріалъ.

Вся Бѣловѣжская Пуща и Свислочская дача раздѣлены на кварталы, которыхъ, при нынѣшнемъ хозяйствѣ, насчитывается собственно въ Пущѣ 923 и въ Свислочской дачѣ 224; каждый кварталъ занимаетъ площадь въ квадратную версту и ограниченъ трехсаженными, хорошо очищенными, совершенно прямыми просѣками въ направленіяхъ отъ сѣвера къ югу и отъ запада на востокъ. Такимъ образомъ нынѣшніе кварталы вдвое меньше прежнихъ. Всѣ кварталы занумерованы по порядку, причемъ нумерація начинается у сѣверной границы, идя послѣдовательно рядами съ запада на востокъ. Такой же порядокъ установленъ отдѣльно и для Свислочской дачи. На пересѣченіяхъ просѣкъ, т. е. на углахъ каждаго квартала, врыты полутороаршинные, четырехгранные столбики съ обозначеніемъ нумеровъ кварталовъ на каждой грани, обращенной къ соотвѣтственному кварталу. Охотничьи дороги, по которымъ въ обыкновенное время проѣздъ воспрещенъ, содержатся въ полномъ порядкѣ. Для мѣстныхъ жителей существуютъ съ незапамятныхъ временъ другія дороги, проложенныя сообразно требованіямъ жизни, большею частью по возвышенностямъ, огибающимъ болота.

Большія грунтовыя дороги, называемыя по-мѣстному „гостинцы“, перерѣзываютъ Пущу въ различныхъ направленіяхъ, преимущественно исходя изъ Бѣловѣжа. Ихъ также содержатъ въ исправности. Стороною, параллельно дорогѣ, ѣзда воспрещена, и для того, на извѣстныхъ промежуткахъ, въ поперечномъ направленіи къ дорогѣ, врыты столбы настолько часто одинъ отъ другого, что между ними проѣхать нельзя, а также нельзя объѣхать ихъ стороною, потому что они доходятъ до самаго лѣса. Грунтовыя дороги имѣютъ значеніе для охотничьяго хозяйства только, какъ пути для доставки искусственныхъ кормовъ къ опредѣленнымъ районамъ и для проѣзда во время производства охотъ. Придорожныя полосы являются тѣми мѣстами въ Пущѣ, которыя требуютъ наибольшей охраны со стороны лѣсной и охотничьей администраціи; бдительно слѣдятъ, дабы прохожій и проѣзжій людъ не нарушалъ требованій администраціи по отношенію къ цѣлости лѣса и спокойствію звѣря.

Бросивъ взглядъ на карту № 2 мы видимъ, что дача изрѣ-

16*

зана вдоль по нѣкоторымъ просѣкамъ, а въ иныхъ мѣстахъ внѣ просѣкъ, спеціальными охотничьими дорогами. Эти дороги позволяютъ проникнуть въ любой районъ Пущи, какъ для охраны и ухода за дичью, такъ и для производства охотъ. Онѣ устроены основательно, съ расширеніемъ просѣкъ, съ подсыпкой на болотистомъ грунтѣ, съ отводомъ воды окаймляющими канавами, съ деревянными мостиками чрезъ лѣсные ручьи и протоки и съ укаткой полотна, которое доста-

„Гостинецъ" въ урочищѣ Далматовъ камень. Фотографія съ натуры А. Далматова.

точной ширины для свободнаго разъѣзда двухъ большихъ экипажей. Дороги эти засѣваются травою, отчасти чтобъ при проѣздахъ во время Высочайшихъ охотъ длинныхъ вереницъ экипажей не поднимались столбы пыли, а также чтобы звѣрь, пересѣкая ихъ, могъ пользоваться кормомъ. Безъ сомнѣнія, площадь хорошей пастьбы нѣсколько увеличивается этой мѣрой; но она полезна только въ томъ случаѣ, если дороги не сплошь засѣваются. Полосу шириною около двухъ аршинъ, хотя бы съ одной стороны дороги, необходимо оставлять не засѣянною для того, чтобъ, при проходахъ звѣря, слѣдъ его отчетли-

вѣе отпечатывался; тогда какъ при сплошныхъ засѣвахъ охотничья команда остается какъ бы съ завязанными глазами, какъ при уходѣ за звѣремъ, такъ и во время охотъ.

Охотничьи дороги начали прокладывать въ Пущѣ съ 1894 года и въ четыре года проложили 309 верстъ, а въ настоящее же время ихъ уже 420. Свислочская дача такими дорогами обслуживается значительно меньше. Проѣздъ по охотничьимъ дорогамъ постороннимъ лицамъ воспрещенъ, даже служащіе въ Пущѣ могутъ пользоваться ими только въ крайнихъ случаяхъ и то только зимою, когда морозы предохраняютъ отъ выбоинъ. Пущинская администрація настолько ревниво оберегаетъ образцовое состояніе охотничьихъ дорогъ, что не допускаетъ по нимъ даже развозку корма звѣрямъ въ ростепель.

Съ 1896 года стали проводить такъ-называемыя „подъѣздныя дороги", предназначаемыя исключительно для охотъ съ подъѣздовъ, когда въ раіонахъ, излюбленныхъ звѣремъ, приходится крутиться по всевозможнымъ направленіямъ, чтобъ подобраться къ нему на вѣрный штуцерной выстрѣлъ. Въ этихъ случаяхъ приходится заѣзжать звѣрю впередъ, объѣзжать его съ подвѣтренной стороны, иногда умышленно отъѣзжать отъ него, или подъ угломъ обрѣзать его тропу (vechsel). Такія дороги должны прежде всего быть мало замѣтны звѣрю, а потому, при устройствѣ ихъ, слѣдуетъ стараться сохранять окружающую обстановку; хорошо вести ихъ извилинами въ разныхъ направленіяхъ, дабы обслуживать площадь во всѣхъ ея частяхъ; и, кромѣ того, ихъ не слѣдуетъ прокладывать по каменистому грунту и по мѣстамъ, гдѣ оголены корни деревъ, чтобъ экипажъ не шумѣлъ. Въ 1896 году въ Пущѣ устроили до 57 верстъ такихъ дорогъ, безъ срубки лѣса, по существовавшимъ тропамъ въ двухъ раіонахъ Гайновскаго и Старинскаго имѣній, гдѣ олени ревѣли кучнѣе. Но, пока въ Пущѣ точно не установятся мѣста рева, а это будетъ зависѣть отъ культивировки лѣсныхъ полянъ,—проводить новыхъ подъѣздныхъ дорогъ не стоитъ, такъ какъ „пиршевая" охота не будетъ отъ этого добычливѣе, въ смыслѣ полученія годныхъ къ отстрѣлу экземпляровъ. Въ Пущѣ въ настоящее время этотъ способъ охоты хотя и возможенъ, но результаты его могутъ сводиться къ отстрѣлу случайно встрѣченныхъ, безъ необходимаго и желательнаго выбора.

зъ всего сказаннаго о Бѣловѣжскомъ лѣсѣ можно вывести заключеніе, что по размѣрамъ, климатическимъ, топографическимъ и гидрографическимъ условіямъ, по фигурѣ площади, богатству и разнообразію лѣсныхъ породъ и, наконецъ, по удобству путей сообщенія, этотъ лѣсъ представляетъ собою какъ бы идеальное обиталище для звѣря. Пущу улучшаютъ, стараясь дать въ ней звѣрю всѣ необходимыя для него удобства, въ смыслѣ помѣщенія. Но хорошее охотничье угодье должно удовлетворять тому условію, чтобы звѣрь находилъ въ немъ пищу, не выходя за его предѣлы; и притомъ кормъ естественный слѣдуетъ предпочитать заготовкамъ. Къ сожалѣнію, Бѣловѣжская Пуща, это превосходное жилище звѣря, уже не представляетъ прежняго богатства природныхъ кормовъ; звѣрь нерѣдко долженъ искать себѣ пищу за ея предѣлами, такъ какъ даже заготовокъ не хватаетъ для его прокормленія.

Обширность лѣса, его сравнительная малонаселенность, сохраненіе въ немъ постоянной, по скольку это возможно, тишины, все это вліяетъ несомнѣнно на характеръ живущей въ немъ дичи. Бѣловѣжскіе олень, коза, даніэль отличаются отъ своихъ собратьевъ другихъ охотъ дикостью нрава, боязнью человѣка и болѣе нормальнымъ физическимъ развитіемъ. Если бѣловѣжскій зубръ зимою становится гораздо ручнѣе и въ этомъ отношеніи совершенно не похожъ на своего кавказскаго сородича, то, тѣмъ не менѣе, вся остальная дичь Пущи, своимъ отношеніемъ къ человѣку, нисколько не напоминаетъ парковыхъ звѣрей европейскихъ угодій. Въ Пущѣ звѣрь чувствуетъ себя на полной свободѣ, онъ можетъ прожить мѣсяцы, не встрѣтивъ человѣка; въ ней еще много звѣря, не идущаго даже на прикормъ; къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ лишь въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ, тогда какъ во многихъ угодьяхъ на западѣ, гдѣ культивируютъ поля, гдѣ разсыпаютъ корнеплоды раннею весною до отеленія самокъ и удерживаютъ оленя на избранныхъ мѣстахъ рева прикормкой, гдѣ расчищаютъ глубокій снѣгъ въ суровыя

зимы для образованія дорожекъ, чтобъ при гололедицахъ дичь не рѣзала себѣ ногъ, гдѣ составъ охотничьей стражи настолько великъ, что онъ имѣетъ возможность дѣлать частые обходы,—тамъ не проходитъ дня, чтобъ звѣрь не встрѣчалъ человѣка. По количеству дичи, находящемуся теперь въ Пущѣ, ее можно бы сравнить съ звѣринцемъ, но благодаря тому, что она не теряетъ своего первобытнаго вида, звѣрь, водящійся тамъ, сохраняетъ свои природныя дикія свойства, а это-то цѣннѣе всего для охотника.

Жители Пущи. Древнѣйшими племенами, населявшими Гродненскую губернію, какъ мы видѣли изъ историческаго очерка Пущи, были: Дриговичи, Бужане и Наревляне, признававшіе власть Варяго-Руссовъ. Племена эти вмѣстѣ съ восточными славянами приняли православное исповѣданіе и жили въ сосѣдствѣ съ язычниками Ятвягами. Позднѣе, когда Ятвяги въ XIII вѣкѣ были стерты съ лица земли, въ лѣсахъ между Бугомъ и Припетью селились пришельцы съ востока—русскіе, а съ запада—поляки, и съ этихъ поръ мѣстность нынѣшней Пущи вошла въ раіонъ соприкосновенія этихъ двухъ славянскихъ народностей.

Несмотря на порабощеніе края польскимъ элементомъ со времени усиленія Польши сліяніемъ съ Литвою, русская народность здѣсь всегда преобладала. Это подтверждается сохраненіемъ въ населеніи и понынѣ, хотя испорченной, но русской рѣчи, исповѣданіемъ главною массою населенія православной вѣры и уцѣлѣвшими немногими историческими памятниками. Реформы польскаго правительства, начавшись сверху, не уничтожили завѣтной старины въ сельскомъ сословіи. Въ немъ, кромѣ языка и вѣры, сохранились: наружный видъ, характеръ, пословицы и даже одежда ихъ предковъ, потомковъ Древлянъ и Бужанъ. Всѣ крестьяне Гродненской губерніи говорятъ двумя нарѣчіями: бѣлорусскимъ и малороссійскимъ; чертою, разграничивающею эти нарѣчія, является рѣка Нарва и линія, проведенная отъ Пружанъ на с. Селецъ и далѣе по рѣкѣ Ясельдѣ. Сѣвернѣе этой линіи живутъ Бѣлоруссы, южнѣе—Малороссы. Собственно Бѣловѣжская Пуща лежитъ въ раіонѣ, гдѣ народъ говоритъ малороссійскимъ нарѣчіемъ, а въ Свислочской дачѣ это нарѣчіе переходитъ въ бѣлорусское. Расположеніе Пущи по разграничительной линіи двухъ нарѣчій повлекло за собою обычное смѣшеніе языковъ. Пущинскій крестьянинъ употребляетъ нерѣдко слова и выраженія Бѣлорусса, а въ языкѣ жителей Свислочской дачи попадаются чисто-малороссійскія слова. Съ другой стороны и владычество Польши оставило въ обоихъ нарѣчіяхъ свои слѣды. Примѣромъ рѣчи мѣстныхъ крестьянъ можетъ служить образчикъ разсказа простолюдина, приведенный Бобровскимъ въ его статистикѣ Гродненской губерніи:

„Говоривъ мой тато, а живъ сто литъ, що королѐва Бона зало-„жила мисто Шерешево, и що вонò называлось прѐжде Шерешеніево; „що на тумъ мисьци бувъ таки велики лисъ, же люде не жили — „тулько мидвиды, сирны, олины и зубры. Подобалось (понравилось) „тое мисьцѣ Боны при рѣцы Ильсни, и вона надала право, кто охоче „будоватися (строиться), жити чы то хляхтичъ, чи мужикъ свободны „буде отъ подачки (подати) и вснхъ повинностей, и тулько назбыралось „народу що земли стало мало; начали торговать хмелѐмъ, — заводыли „пасики, выгоняли дѐготь, и этимъ зароблали (зарабатывали) и були „богаты“ *).

Приведенная рѣчь представляетъ смѣсь малороссійскаго съ бѣлорусскими и польскими словами, и ею говорятъ жители, населяющіе мѣстность между Наревомъ, Ясельдою и Муховцомъ, въ центрѣ которой лежитъ Бѣловѣжская Пуща. Въ западномъ краѣ крестьянъ этого раіона называютъ полѣшуками и пинчуками.

Въ чертѣ Удѣльной дачи расположено 26 крестьянскихъ селеній, принадлежащихъ къ 2-мъ волостямъ: Бѣловѣжско-Александровской и Масевской. Селенія разбиваются на три главныя группы. Первая сконцентрирована вокругъ Бѣловѣжа, вторая—нѣсколько поодаль на сѣверо-западъ, вблизи звѣринца, и третья—въ сѣверо-восточной части Пущи. Въ Свислочской дачѣ всего одно селеніе—Рудня, на берегу Нарвы. Размѣры селеній очень не одинаковы; въ нѣкоторыхъ по сто и болѣе дворовъ, а въ нѣкоторыхъ менѣе десятка.

По позднѣйшимъ даннымъ, крестьянское населеніе Пущи исчисляется въ 5.307 душъ обоего пола. Кромѣ этихъ 26 селеній, вокругъ довольно тѣснымъ кольцомъ располагается еще болѣе ста селеній, изъ которыхъ многія владѣютъ въ Пущѣ почти двумя тысячами десятинъ покосовъ.

Болѣе $^3/_4$ населенія Пущи православнаго вѣроисповѣданія; около 12% исповѣдуютъ католическую религію и почти столько же евреевъ, занимающихся торговлею, арендою земли, смолокурнями и выжиганіемъ угля.

Бѣловѣжскій крестьянинъ не можетъ назваться бѣднымъ. Уже съ давнихъ поръ онъ пользуется болѣе, чѣмъ другіе гродненскіе крестьяне, выгодами отъ родного лѣса и привыкъ смотрѣть на нѣкоторыя незаконныя статьи дохода, какъ на свое право. Съ тѣхъ поръ, какъ его ограничили въ хищническомъ пользованіи лѣсными богатствами Пущи, у него появились другія статьи дохода, которыя улучшили его матеріальное положеніе. Съ постройкой дворца, съ возведеніемъ вокругъ него цѣ-

*) Бобровскій, стр. 628.

лаго городка, съ проведеніемъ новыхъ дорогъ, а въ особенности съ сооруженіемъ желѣзной дороги внутри Пущи,—бѣловѣжскій крестьянинъ получилъ такой большой побочный заработокъ, что лишеніе его незаконно присвоенныхъ имъ статей дохода, вслѣдствіе ограниченія пастьбы въ Удѣльныхъ лѣсахъ, запрещенія шатанія по Пущѣ для собиранія грибовъ и ягодъ и болѣе энергичнаго преслѣдованія браконьерства,— не должно казаться ему тягостнымъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя отрасли хозяйства, напримѣръ: ремонтъ дорогъ, заготовка кормовъ звѣрю и доставка къ складочнымъ сараямъ даютъ мѣстнымъ крестьянамъ постоянный заработокъ, тогда какъ на доходъ отъ различнаго рода злоупотребленій нельзя было разсчитывать навѣрняка. Несмотря на незначительные надѣлы и на малый процентъ чернозема, доходъ крестьянъ отъ полевого хозяйства можно признать достаточнымъ.

Кромѣ земледѣлія и заработковъ, большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянъ служило всегда скотоводство, благодаря обилію лѣсныхъ пастбищъ; въ послѣднее время эта отрасль хозяйства сильно сократилась, такъ какъ отводъ пастбищныхъ кварталовъ ограниченъ дѣйствительной потребностью, и крестьяне лишены возможности содержать излишекъ скота за счетъ Удѣльнаго лѣса.

Внѣшній видъ бѣловѣжскихъ селеній довольно жалкій: низенькія, бревенчатыя хаты, крытыя соломой, покривившіяся, полусгнившія, расположенныя обыкновенно безъ всякаго порядка, нерѣдко угломъ къ проѣзжей дорогѣ, или группами вперемежку съ молоденькими фруктовыми садами, огородами и хозяйственными постройками. Наиболѣе зажиточные имѣютъ пару лошадей мелкой породы или воловъ, двѣ-три коровы и нѣсколько головъ свиней.

Одежда пущинскихъ крестьянъ довольно однообразна и мало отличается отъ одежды прочихъ крестьянъ Гродненской губерніи. Характерною особенностью костюма служитъ черная, суконная, съ бархатнымъ околышемъ фуражка форменнаго образца, и при этомъ лапти, въ которыхъ здѣсь ходятъ круглый годъ и даже въ большіе морозы. Внѣшній видъ коренного обитателя Пущи непривлекателенъ и даже скорѣе уродливъ. Средняго роста, по преимуществу бѣлокурый, съ сѣрыми глазами, болѣзненнымъ видомъ и тупымъ, придурковатымъ выраженіемъ лица. Не только красивыхъ, но и посредственной наружности крестьянокъ не встрѣчается. Всѣ онѣ кажутся гораздо старше своихъ лѣтъ и не щеголяютъ нарядами, имѣя видъ безсловесныхъ, забитыхъ существъ.

Бѣловѣжскіе крестьяне—народъ добрый по природѣ, не мстителенъ. Всякое непріятное дѣло старается окончить миромъ. Умственныя спо-

17

собности его мало развиты; во всѣхъ дѣйствіяхъ проглядываетъ хитрость, упрямство, тонкость и лукавство. Трудолюбіемъ мѣстное населеніе не отличается, на тяжелыя работы оно не пригодно.

Н. Самокишъ.

Приступая къ подробному описанію главнѣйшихъ представителей фауны Бѣловѣжской Пущи, начнемъ конечно съ зубра и постараемся познакомить читателя со звѣремъ, являющимся гордостью русской охоты.

Въ настоящее время зубръ, въ его естественномъ состояніи лѣсного звѣря, водится только въ двухъ мѣстахъ земного шара — въ Бѣловѣжской Пущѣ, принадлежащей Русскому Царскому Дому, и на земляхъ, арендованныхъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михаиловичемъ въ Кубанской области. Такое незначительное распространеніе, въ связи съ величественнымъ видомъ звѣря, являющимся самымъ крупнымъ млекопитающимся, живущимъ въ дикомъ состояніи въ Европѣ, привлекаетъ къ нему одинаково вниманіе какъ естествоиспытателей, такъ и охотниковъ. Поэтому считаемъ необходимымъ дать здѣсь самое подробное описаніе всего, что касается его внѣшняго вида, жизни и условій охоты, а также привести нѣкоторыя, наиболѣе установленныя данныя о его происхожденіи и анатомическихъ особенностяхъ.

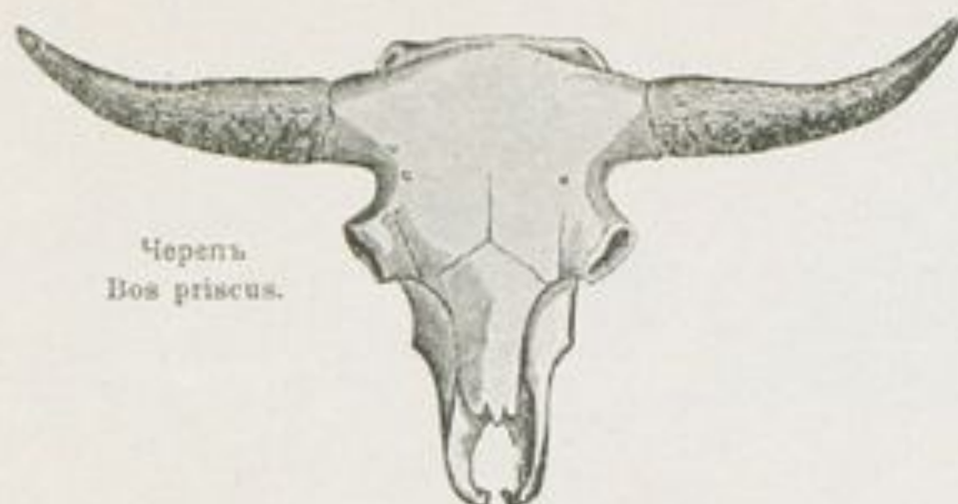
Съ тѣхъ поръ, какъ зубръ перевелся въ Европѣ и оставался только въ Литвѣ, его стали называть литовскимъ бизономъ *). По-нѣмецки

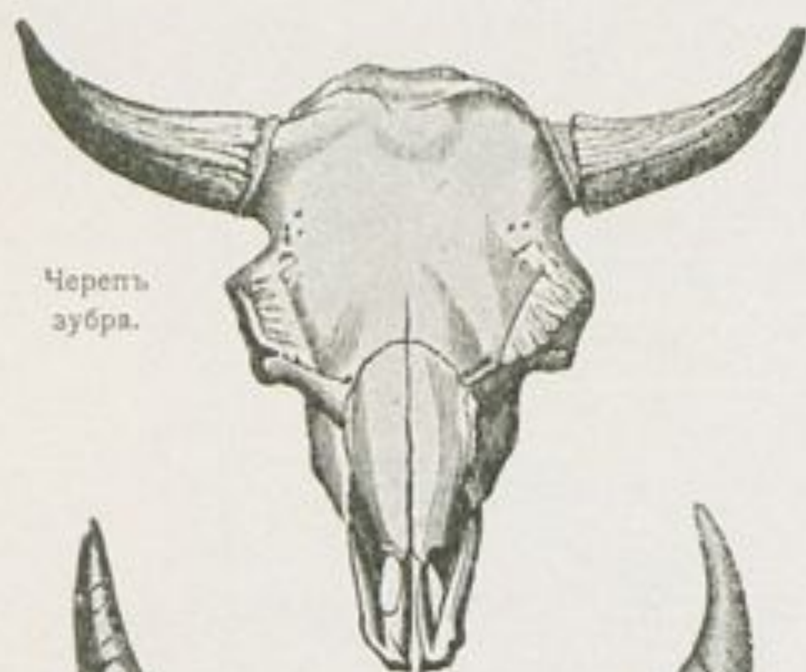
---

*) Литовскій языкъ, по словамъ Гильфердинга (Литва и Жмудь, собр. соч. II, 366) представляетъ собою «обломокъ старины доисторической между молодыми поколѣніями языковъ, подобно тому, какъ «среди литовскихъ лѣсовъ уцѣлѣлъ въ зубрѣ единственный представитель доисторическаго царства европейскихъ животныхъ».

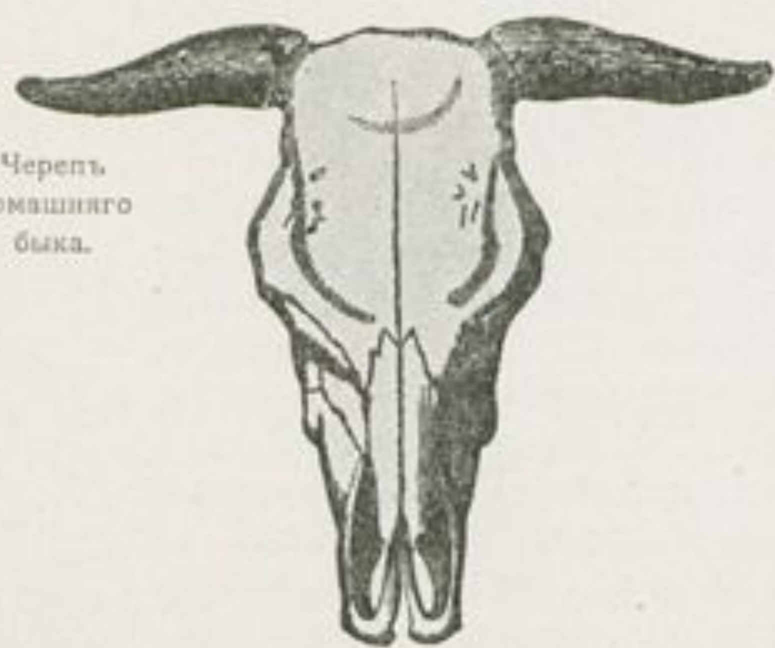
Чтобы установить этимологію литовскаго слова, соотвѣтствующаго русскому «зубръ», необходимо имѣть въ виду слѣдующій матеріалъ: 1) у прусскихъ литовцевъ и понынѣ употребляются слова: stum̃bras (зубръ), stum̃bre (зубрица), stumbrinis (зубровый), и существуетъ выраженіе stumbra—girjai (жители зуброваго лѣса), а также деревня на лѣвомъ берегу р. Шешупы называется Stumbrjai (зубры). 2) У Ширвида (Dictionarium trium linguarum[5], Vilnae 1713) на стр. 8[a]: stumbras (Bubalus), но род. ед. Stumbrio—Stumbrinis (Bubalinus); stumbre (Bubalis), и на стр. 374[b]: stumbris (Urus). 3) Не мало мѣстностей въ Ковенской губ. получили наименованіе отъ зубра, такъ напр. Stum̃brjai (Россіенскаго у.), Stum̃briškė (Поневѣжск. у.).—Въ латышскомъ языкѣ извѣстны, по словарю Ульмана, три формы: stumbrs, sumbrs, sûbrs (der Auerochs); A. Brückner (Die slav. Fremdwörter im Litaunischen, Weimar 1877, стр. 186) неосновательно выводитъ латышское sûbrs изъ польскаго żubr, такъ какъ переходъ ż въ глухой звукъ s немыслимъ. Наконецъ, древне-прусскій языкъ, въ Эльбингскомъ словарѣ, представляетъ рядомъ съ Tauris (Wesant) и Wissambris (Ewer—Auerochs).—Всѣ только-что указанныя прусско-латышско-литовскія формы происходятъ отъ индо-европейскаго корня sthembh (подпирать, сопротивляться); сравн. др.-инд. stabhnā—ti, stambha—tê, старо-литовск. stémbia (сопротивляются, какъ это видно у Daugšas'а въ Постиллѣ 1599 г., стр. 41, строка 36). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, при какихъ фонетическихъ условіяхъ индо-европейское sth и дифтонгическое сочетаніе om являются то въ видѣ st, am, то принимаютъ форму s, um, подчеркнемъ, что аистійское (т. е. прусско-латышско-литовское) *stambras, *stumbris (зубръ), первоначально озна-

17*

Черепъ Bos priscus.

Черепъ зубра.

Черепъ буйвола.

Черепъ домашняго быка.

зубръ—Wisent; латинское „Bison“ произошло вѣроятно отъ греческаго Βονασος. Далматовъ говоритъ, что слово „зубръ“ греческое и изъ Молдавіи перешло въ польскій языкъ, вообще богатый заимствованными словами. Ранѣе зубръ назывался въ Польшѣ дикимъ воломъ и даже центавромъ, на что указываетъ одинъ древній актъ, выданный князьями Мазовецкими селенію Заторы. Этому селенію была выдана привиллегія охотиться въ лѣсахъ „Centauris exceptis“, т. е. исключая центавровъ. Въ концѣ IX вѣка, когда дикій быкъ водился еше всюду, его называли во Фракіи—Zombros, оттуда въ Молдавію перешло—Zimber или Dzimber, а въ Польшу—žubr.

Зубръ причисляется зоологами къ роду Bison, группѣ быковъ изъ семейства полорогихъ-двукопытныхъ, въ которой различаютъ три вида: домашняго быка (bos), буйвола (bubalus) и зубра (bison Europaeus). Существуетъ еще порода быковъ американскій бизонъ, который принадлежитъ къ той же группѣ и настолько походитъ на зубра, что считается его разновидностью, хотя переходные типы никѣмъ не наблюдались. Млекопитающіяся и въ особенности полорогія-жвачныя, къ которымъ принадлежитъ и зубръ, нагляднѣе всего характеризуются расположеніемъ и формою зубовъ. Въ верхней челюсти, при 6 коренныхъ зубахъ, нѣтъ рѣзцовъ и клыковъ; на нижней—при 8 рѣзцахъ и 6 коренныхъ, нѣтъ клыковъ. У зубра рядъ коренныхъ зубовъ короче, чѣмъ у буйволовъ,

---

чало звѣря, оказывающаго сопротивленіе, и что древне-прусское wissambris изъ *vi-sthombrī—s, стоитъ въ связи съ древне-индѣйск. vi—ṣṭambhá—s (das Stutzen... Trotzen, Widerstehen).

Профессоръ К. Яунисъ.

Такъ какъ русское слово «зубръ» (старо-слов. зѫбрь) не имѣетъ подходящей этимологіи, то предположительно можно высказать мысль, что оно заимствовано изъ соотвѣтствующей латышскому sumbrs (вмѣсто stumbrs) литовской формы *sumbras, и подверглось звуковому измѣненію подъ вліяніемъ народной этимологіи, а именно, было пріурочено къ слову «зубъ».

у послѣднихъ, въ свою очередь, этотъ рядъ короче, чѣмъ у домашнихъ быковъ.

При извѣстномъ соотношенiи между длиною ряда коренныхъ зубовъ и длиною лобныхъ костей, у зубра эти послѣднiя короче и шире, чѣмъ у буйволовъ и домашнихъ быковъ. У зубровъ ширина лба превосходитъ длину или, какъ принято выражаться, высоту лба. Сравнительная таблица размѣровъ черепа, въ доляхъ метра, трехъ видовъ европейскихъ быковъ и американскаго бизона представлена профессоромъ Усовымъ въ такомъ видѣ:

Видъ животнаго.	Кѣмъ сдѣлано измѣренiе.	Ширина лба.			Длина лобныхъ костей отъ макушечнаго гребня до носовыхъ костей.
		Между рогами.	Во впадинѣ между орбитами и роговыми стержнями.	Между краями орбитъ.	
Зубръ (Европ. бизонъ).	Усовъ.	0.26	0.28	0.305	0.28
Америк. бизонъ. . .	Кювье.	0.26	0.25	0.315	0.24
Буйволъ	Усовъ.	0.235	0.23	0.255	0.25
Быкъ	Усовъ.	0.195	0.2	0.205	0.25

Добавимъ къ этому произведенныя нами точныя измѣренiя черепа громаднаго зубра, убитаго въ Бѣловѣжѣ 22 сентября 1902 года Д. К. Нарышкинымъ, и фотографическiе снимки съ этого черепа въ профиль и фасъ.

Ширина лба между рогами	28 сант.
Длина черепа отъ теменнаго гребня до конца носовой кости . . .	44 »
Ширина лба между верхними краями глазн. втулокъ	30 »
» лобной кости между основанiями роговыхъ стержней . . .	24 »
Длина отъ теменнаго гребня до конца небовыхъ костей	56 »
Ширина лба между нижними краями глазныхъ втулокъ	25 »
Между наружными сторонами роговъ въ сам. широкомъ мѣстѣ . . .	66 »
» внутр. » » » » » » . . .	53 »
» концами роговъ	42 »
Окружность роговъ у ихъ основанiя	31 »
» роговыхъ стержней у ихъ соедин. съ черепомъ	23 »
Длина лѣв. рога по кривой его изгиба съ наружн. стор.	47 »
» прав. » » » » » » » »	46 »
» лѣв. » » » » » » внутр. »	35 »
» прав. » » » » » » » »	34 »
Высота глазныхъ втулокъ	7 »
Дiаметръ » »	7 »
Длина отъ теменнаго гребня до рѣзцовъ	59 »
» » нижн. краевъ нижн. челюсти до носоваго гребня	30 »

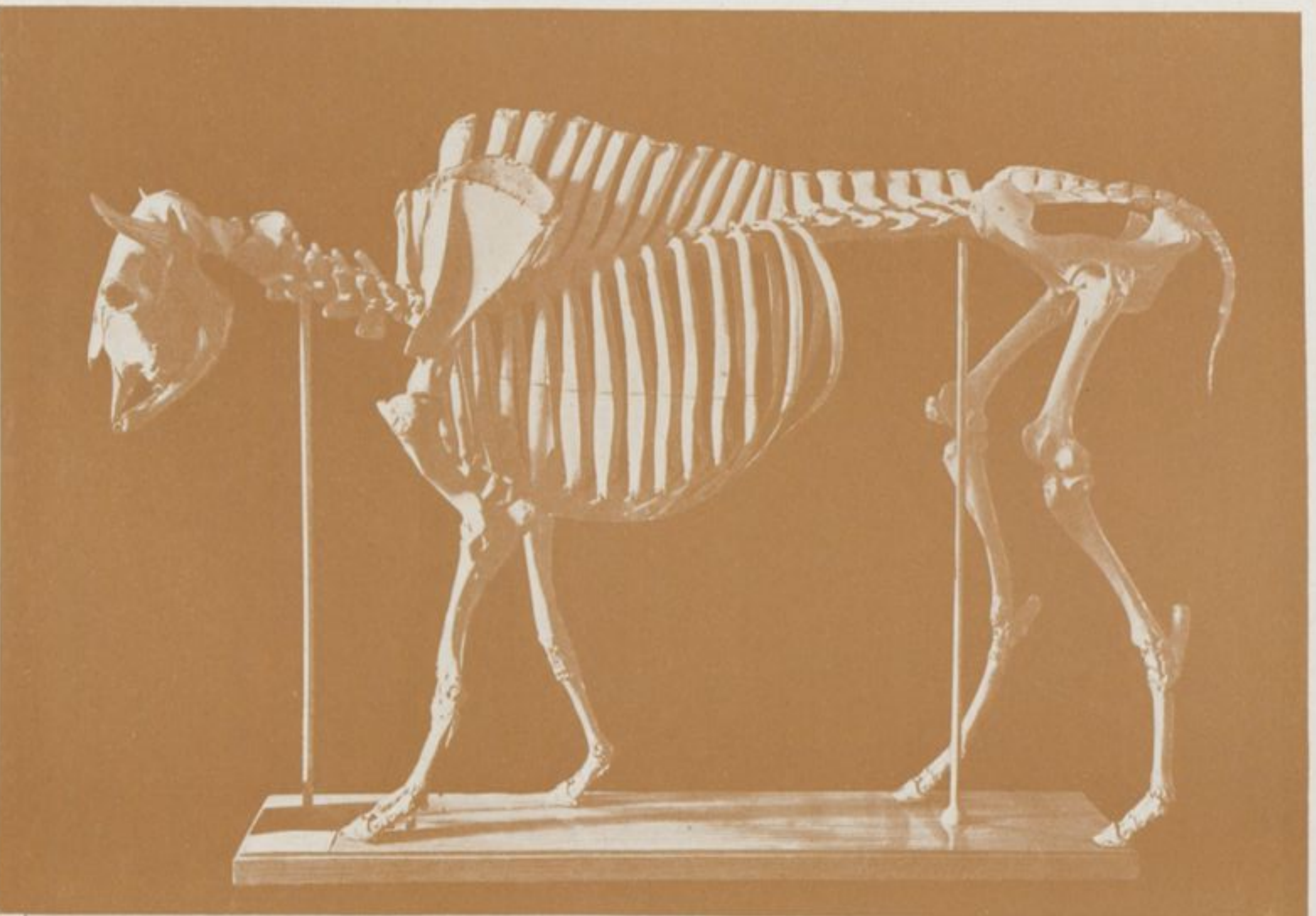
При сопоставленіи приведенныхъ размѣровъ, становится яснымъ, что по строенію черепа зубръ ближе всего подходитъ къ американскому бизону; отъ прочихъ же породъ онъ отличается шириной лба.

Вторымъ отличительнымъ признакомъ зубра служитъ мѣсто прикрѣпленія роговыхъ стержней и степень выпуклости лба. У дикихъ быковъ роговые стержни находятся съ боковъ макушечнаго гребня, у буйволовъ эти стержни только своей передней окраиной отходятъ впередъ отъ гребня; лобныя кости, чуть вдавленныя у дикихъ быковъ, у буйволовъ не имѣютъ ложбины,—у зубровъ же, наоборотъ, очень выпуклы, и притомъ весьма толсты. Впрочемъ, не всѣ придаютъ такое значеніе выпуклости лба въ семействѣ быковъ. Рулэнъ говоритъ, что выпуклость лба весьма сильно измѣняется по возрастамъ. Относительно формы роговъ можно замѣтить, что они измѣнчивы у всѣхъ видовъ быковъ, а у зубровъ отличаются изгибомъ впередъ и книзу. Изгибъ начинается почти у корня.

Съ выпуклостью и шириною лба находится въ связи форма глазной орбиты. Чѣмъ лобъ выпуклѣе, тѣмъ внутренній край орбиты далѣе выступаетъ впередъ и тѣмъ образуется болѣе выступающая втулка; у зубровъ этотъ внутренній край втулки выступаетъ такъ далеко, что глазъ не можетъ быть направленъ прямо впередъ, и животному возможно лишь боковое зрѣніе. У американскаго бизона, несмотря на ширину лба, глазная орбита не образуетъ столь значительной втулки. По Кювье, втулки эти развиты больше у самцовъ, чѣмъ у самокъ, такъ же какъ у старыхъ особей сравнительно съ молодыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ стѣнки втулокъ у зубровъ несравненно толще, чѣмъ у буйволовъ.

Однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ анатомическихъ признаковъ, отличающихъ костякъ зубра отъ костяка быка и буйвола — является число спинныхъ позвонковъ, носящихъ ребра. У быка и буйвола по тринадцати паръ реберъ, у зубра ихъ четырнадцать, а у американскаго бизона пятнадцать, хотя общее число спинныхъ позвонковъ у всѣхъ видовъ одинаково— пятнадцать. У зубровъ и бизоновъ остистые, торчащіе вверхъ отростки спинныхъ позвонковъ развиты чрезвычайно

Скелетъ Бѣловѣжскаго зубра.—Фотографія.

сильно, чѣмъ обусловливается значительная выпуклость, какъ бы горбатость, начинающаяся тамъ, гдѣ оканчивается шея. Эти горбы не жировые и тѣмъ менѣе происходятъ отъ искривленія позвоночника. Жилибертъ и Дюбонтонъ дополняютъ отличительные признаки зубра, указывая на сравнительно болѣе тонкія голени и синеватый цвѣтъ языка.—Вольбортъ, заимствуя описаніе зубра у Жилиберта, обращаетъ вниманіе еще на одинъ характерный признакъ зубра,—на мускусный запахъ.

Размѣщеніе млекоотдѣлительныхъ железъ у зубровъ, бизоновъ и у дикихъ быковъ отличаютъ ихъ также отъ буйволовъ. У первыхъ сосцы стоятъ попарно въ двухъ параллельныхъ рядахъ, тогда какъ у буйволовъ они расположены въ одномъ поперечномъ ряду.

Накожные покровы быковъ отличаютъ ихъ также между собою.— У домашнихъ быковъ шерсть однообразно грубая, безъ подшерстка; волосъ удлиненъ только на лбу и на концѣ хвоста; у нѣкоторыхъ разновидностей буйвола замѣчается подпушка, а у зубровъ и бизоновъ шерсть двухъ родовъ: одна мягкая, плотно прилегающая къ кожѣ, покрываетъ всю заднюю часть тѣла, ноги, грудь, брюхо и голову, за исключеніемъ лба, другая — жесткая, курчавая, длинная, покрываетъ лобъ, спускаясь здѣсь пышной челкой почти до нюхала, затѣмъ часть шеи, спины и лопатокъ. На шеѣ она виситъ въ видѣ длинной гривы, а съ подбородка и грудины спускается наподобіе бороды. Хвостъ, почти отъ корня, покрытъ волосами, постепенно удлинняющимися книзу, какъ у лошади.

При сравненіи отличительныхъ признаковъ зубра и американскаго бизона долгое время оставался спорнымъ вопросъ: представляютъ ли они два отдѣльныхъ самостоятельныхъ вида, или же только климатическія разновидности, такія же, какъ бѣловѣжскій и кавказскій зубръ? Теперь большинство ученыхъ склоняется къ признанію ихъ разновидностями доисторическаго быка Bos priscus, водившагося на всемъ земномъ шарѣ еще тогда, когда Европа и Америка составляли одинъ материкъ.—Нашъ ученый, профессоръ Усовъ, посвятившій цѣлую диссертацію зубру, говоритъ о его происхожденіи слѣдующее:

„Почти во всѣхъ дилувіальныхъ слояхъ Европы, особенно въ Швеціи, „въ Германіи по Рейну, во Франціи и Англіи, далѣе въ Сибири и „наконецъ въ Сѣверной Америкѣ встрѣчаются ископаемыя части скелета „быка, близкаго къ зубру и американскому бизону. Боянусъ назвалъ „этого быка Bos priscus. Мы имѣемъ довольно полное описаніе этого „дилувіальнаго зубра у Боянуса, Кювье и въ особенности Мейера, давшаго „подробнѣйшія свѣдѣнія о мѣстонахожденіи, степени сохраненія, свойствѣ „самой кости и размѣрахъ ему извѣстныхъ череповъ Bos priscus. Изо

„всѣхъ этихъ свѣдѣній ясно слѣдуетъ то, что Bos priscus едва ли „можетъ быть отдѣленъ, какъ особый видъ, отъ зубра и отъ американ-„скаго бизона. Блазіусъ, находя повсюду переходы отъ Bos priscus къ „зубру и отъ перваго къ американскому бизону, прямо выводитъ, что „ни Bos priscus, ни американскій бизонъ не могутъ быть отдѣлены въ „особые виды отъ зубра. Дѣйствительно, мы находимъ переходы между „этими тремя формами, если исходною точкою нашихъ изслѣдованій „будетъ ископаемый Bos priscus, но для зубра и американскаго бизона, „какъ ни незначительны ихъ видовые отличительные признаки, все же „для нихъ переходовъ нѣтъ, и они составляютъ два отдѣльныхъ, хотя „весьма близкихъ и родственныхъ вида.

„Въ черепахъ ископаемаго Bos priscus вполнѣ ясно выражены при-„знаки рода Bison. Главныя отличія отъ череповъ нынѣ живущихъ „видовъ того же рода состоятъ преимущественно въ болѣе нѣжной „скульптурѣ костей, въ гораздо большей абсолютной величинѣ, при-„чемъ относительные размѣры сохраняютъ родовой признакъ,—ширину „лба, превосходящую его длину, ибо голова болѣе вытянута, чѣмъ у „нынѣ живущихъ видовъ....

„Изо всѣхъ ископаемыхъ дилувіальныхъ быковъ, Bos priscus имѣетъ „наибольшее географическое распространеніе и притомъ, кажется, по-„является ранѣе въ геологической исторіи мірозданія, чѣмъ почти по-„стоянный его спутникъ въ средней Европѣ, Bos primigenius. Bos priscus, „какъ на сѣверѣ, такъ и въ южныхъ частяхъ своего распространенія, „постоянно сопровождаетъ громадныхъ твердокожниковъ, какъ Elephas „primigenius, Rhinoceros tichorinus, Hippopotamus major. По замѣчанію „Мейера, Bos primigenius преимущественно находится въ настоящихъ „дилувіальныхъ слояхъ, тогда какъ Bos priscus—преобладающій видъ „быка въ торфахъ. Рютимейеръ, однако же, указываетъ на факты весьма „замѣчательные, а именно, Bos primigenius предшествовалъ ископаемому „бизону въ свайныхъ постройкахъ каменной эпохи. Южную границу „распространенія Bos priscus въ Европѣ составляютъ Пиренеи и Альпы. „Южнѣе этихъ горныхъ цѣпей еще не найденъ Bos priscus. Чтобы „выразиться общнѣе, можно сказать, что граница эрритическихъ явленій, „граница такъ-называемаго ледоваго періода въ Европѣ, есть въ то „же время граница распространенія Bos priscus. При томъ, чѣмъ ближе „къ этой границѣ мѣстонахожденіе ископаемыхъ остатковъ Bos priscus, „тѣмъ ближе они своими размѣрами къ полуископаемымъ зубрамъ „свайныхъ построекъ.

„Точно то же видимъ мы и въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ Bos „priscus (какъ и въ Сибири) спутникъ ископаемаго пахучаго быка, „слѣдовательно житель чуть не крайняго сѣвера...

Далѣе, указывая на то, что ширина роговъ у Bos priscus — признакъ весьма измѣнчивый, Усовъ переходитъ къ изложенію собственной гипотезы о происхожденіи зубровъ:

„Когда материкъ сѣверной Азіи былъ еще слитъ въ одно цѣлое „съ материкомъ Сѣверной Америки, по всему этому громадному про-„странству жилъ Bos priscus вмѣстѣ съ пахучимъ быкомъ (Bos Pallasii „въ Сибири, Bos moschatus въ Сѣверной Америкѣ; первый давно уже „исчезъ, потомки послѣдняго живутъ еще и въ настоящее время) и съ „большими нынѣ исчезнувшими твердокожниками...

„Послѣ раздѣленія этихъ материковъ, т. е. послѣ образованія гряды „Алеутскихъ острововъ, фауны также раздѣлились, и каждая начала „обособляться. Пахучій быкъ вымеръ въ Сибири, Bos priscus въ Америкѣ „началъ пріобрѣтать нѣкоторыя измѣненія, въ числѣ которыхъ самое „замѣтное есть уменьшеніе втулки глазной орбиты и увеличеніе діаметра „послѣдней. Сибирскій Bos priscus не измѣнился замѣтно.

„Какое-то измѣненіе физическихъ условій, притомъ измѣненіе „рѣзкое, довольно быстро дѣйствовавшее, можетъ-быть, такъ-называемый „ледовый періодъ, вытѣснило Bos priscus изъ его сѣверной родины, „какъ въ Новомъ такъ и въ Старомъ Свѣтѣ, и заставило переселиться „это животное въ болѣе южныя широты.

„Въ Старомъ Свѣтѣ оставшіеся въ Сибири Bos priscus, какъ не „измѣнившіеся, вымерли. Пошедшіе на югъ, преимущественно по до-„линамъ большихъ рѣкъ, стали нѣсколько измѣняться. Bos priscus въ „средней Азіи намъ неизвѣстенъ, но въ Европѣ можно прослѣдить его „отъ сѣверной части Швеціи до Пиренеевъ и Альповъ. Измѣненія „Bos priscus изъ слоевъ земли болѣе новыхъ замѣчаются преимуще-„ственно въ сокращеніи носовыхъ костей, слѣдовательно въ сокращеніи „всей головы, такъ что полуископаемые зубры изъ свайныхъ швейцар-„скихъ построекъ незамѣтными переходами сливаются, съ одной стороны, „съ Bos priscus Пюи-де-Дома и Рейнской долины, а съ другой стороны— „съ нынѣ живущими зубрами, откуда слѣдуетъ, что нынѣ живущіе „зубры составляютъ несомнѣнныхъ потомковъ Bos priscus... И въ истори-„ческое время родина зубровъ снова измѣнилась, и остатки этого жи-„вотнаго снова подались къ сѣверу.

„Въ Америкѣ судьбы Bos priscus были иныя. Въ Европѣ лѣсное „животное Bos priscus измѣнилось въ зубра, животное также лѣсное, „и вырубка лѣсовъ и увеличеніе народонаселенія уменьшили и число, „и величину, и область распространенія зубра, который не смогъ реаги-„ровать измѣненію внѣшнихъ условій, не смогъ измѣнить и своего „образа жизни.

„Въ Америкѣ Bos priscus изъ борьбы за свое существованіе вышелъ

18

„побѣдителемъ. Изъ животнаго лѣсного онъ сдѣлался постепенными „переходами бизономъ, животнымъ по преимуществу степнымъ... Ростъ „бизона, сравнительно съ Bos priscus, даже сравнительно съ нынѣ живущимъ зубромъ, значительно уменьшился, но плодовитость бизона „увеличилась... И въ Америкѣ замѣчено передвиженіе бизоновъ отъ „юго-запада опять къ сѣверо-востоку.

„Если гипотеза о происхожденіи зубровъ и бизоновъ отъ Bos priscus „подтвердится, то исторія Bos priscus послужитъ превосходнымъ до„казательствомъ вѣрности теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ изъ „разновидностей, ибо здѣсь мы видимъ, какъ нѣкогда жившій Bos priscus, „вслѣдствіе измѣненія физическихъ условій, далъ двѣ разновидности, „нынѣ обособившіяся въ два отдѣльные самостоятельные вида, различные „по признакамъ, различные по мѣстопребыванію, различные по образу „жизни. Для этихъ двухъ видовъ (Bison europaeus, Bos americanus) уже „нѣтъ переходовъ, нѣтъ связи, которая существовала въ вымершемъ „Bos priscus.

„Переселеніе американскаго бизона къ сѣверу и спосливость зубра „къ холоду, а также и прежнее болѣе сѣверное разселеніе Bos priscus, „могутъ служить также доказательствомъ возможности усиленнаго пере„селенія нашего зубра въ лѣса болѣе сѣверные, чѣмъ его нынѣшнее „мѣстопребываніе“...

Гипотеза Усова находитъ нѣкоторыя подтвержденія въ мнѣніи извѣстнаго англійскаго ученаго Овена. Послѣдній, сравнивая скелетъ бѣловѣжскаго зубра съ ископаемыми быками primigenius и priscus, видѣлъ въ зубрѣ связывающее звено между этими двумя давно вымершими породами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Овенъ говоритъ объ ископаемыхъ остаткахъ другого быка—тура, совершенно схожаго по строенію скелета съ зубромъ, но только нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ. Остатки этого быка находили во многихъ мѣстахъ Европы и Азіи и даже въ Америкѣ, вмѣстѣ съ костяками мамонтовъ, носороговъ и другихъ твердокожныхъ. Объ этой связи по мѣстонахожденію остатковъ Bos priscus, т. е. родоначальника зубра, съ остатками твердокожныхъ говоритъ и Усовъ.

Въ противоположность Усову и Овену, Гесснеръ, а за нимъ Бринкенъ, Жильберъ (1871 г.), Палласъ (1877 г.) и Кювье считаютъ зубра за совершенно самобытную породу, за типъ, существующій безъ перерожденія съ доисторическихъ временъ. Скелеты, найденные въ торфяныхъ болотахъ Швеціи профессоромъ Нильсеномъ, показываютъ, что зубры водились и тамъ и были истреблены человѣкомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ найденое между реберъ одного остова копье. Въ болѣе древнихъ почвахъ—третичной, переходной и наносной—находили также скелеты зубровъ, но болѣе крупныхъ размѣровъ. Все это говоритъ

за то, что зубры жили въ Швеціи съ самыхъ древнихъ временъ. Боянусъ въ своей „Polonia Palaeontologica“ упоминаетъ о черепахъ зубровъ, хранившихся въ его время въ музеяхъ. Черепа эти были вырыты въ разныхъ мѣстахъ: въ Сибири, въ Сѣверной Америкѣ, во Франціи на берегахъ Роны. Далматовъ еще болѣе подробно перечисляетъ ископаемые остатки зубровъ. Въ особенности много скелетовъ было найдено въ Пермской губерніи. Тамъ, повидимому, было когда-то такое же многочисленное зубровое населеніе, какъ и въ Гродненской губерніи. Затѣмъ не мало зубровыхъ остатковъ встрѣчалось по всей средней полосѣ Россіи. Геологъ Мурчисонъ, имѣя въ виду нахожденіе зубровъ въ Сибири и то, что нѣкоторыя гранитныя выси Азіи не носятъ слѣдовъ всемірнаго потопа, — дѣлаетъ предположеніе, что зубръ могъ уцѣлѣть здѣсь на незалитыхъ мѣстахъ и, по спадѣ водъ, размножиться по всему материку Стараго Свѣта.

Перейдемъ теперь къ зубру историческому и прослѣдимъ, по записямъ ученыхъ и путешественниковъ, его историко-географическое распространеніе съ древнѣйшихъ временъ.

Древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ, въ которомъ упоминается о зубрѣ, является сочиненіе Аристотеля: „Historia de Animalibus“, относящееся къ 300-му году до Р. Х. У многихъ изслѣдователей приводится нижеслѣдующая выписка изъ этого сочиненія: „Сюда относятся „имѣющіе гриву, какъ лошадь и мулъ, между дикими и рогатыми „βονασος (кн. II, 10). Есть также нѣкоторыя животныя, которыя двуко„пытны и въ то же время имѣютъ челку и два другъ къ другу загну„тые рога; сюда относится боназосъ, который живетъ въ Пеоніи и „Медикѣ, самой сѣверной провинціи Македоніи на западномъ побе„режьѣ (Кн. II, гл. XII, I); у баназосъ внутри все такъ же устроено, „какъ у быковъ (Кн. X, гл. XXXII). Боназосъ живетъ въ Пеоніи на „Мессонійскихъ горахъ, отдѣляющихъ Пеонійскую область отъ Ме„диційской; Пеонійцы называютъ его μοναπος. Онъ величиною съ быка, „но имѣетъ бо́льшій объемъ, нежели волъ, ибо не вытянутъ въ длину; „растянутая кожа его можетъ покрыть постель для семи человѣкъ. „Вообще видомъ своимъ похожъ онъ на быка, только имѣетъ гриву „до холки, какъ лошадь; волосъ его мягче, чѣмъ лошадиный, и „болѣе прилегаетъ. Шерсть блѣдно-бурая, желтоватая; длинная, до „глазъ доходящая, грива густа. Цвѣтъ его занимаетъ середину между „пепельно-сѣрымъ и красноватымъ и не такой, какъ у кобылъ, кото„рыхъ зовутъ булаными, а волосъ его грязнѣе и съ подпушью; чер„ныхъ или очень красныхъ зубровъ вовсе нѣтъ. Голосъ похожъ на „бычачій; рога кривые, загнутые другъ къ другу, для защиты негод„ные... чернота рога прекрасна и блестяща. Волосы лба достигаютъ

18*

„глазъ, такъ что они видятъ лучше съ боку, чѣмъ впередъ. Верхнихъ „зубовъ у боназосъ нѣтъ, какъ и у вола или всякаго другого, имѣю- „щаго рога, животнаго; ноги его покрыты шерстью, онъ двукопытенъ; „хвостъ его менѣе, нежели какого можно ожидать по величинѣ бона- „зосъ, и похожъ на бычачій, съ длинною волосяною кистью на концѣ. (?) „Взбрасываетъ вверхъ пыль и валяется, какъ быкъ. Кожа его толста „и не легко поранивается; мясо его, впрочемъ, вкусно, и ради мяса „за нимъ охотятся. Раненный, онъ обращается въ бѣгство и остана- „вливается, когда задохнется“.

Приведенное, хотя и довольно поверхностное описаніе, все же ясно говоритъ, что Аристотель могъ имѣть въ виду только зубра.

Всѣ позднѣйшіе писатели, говоря о зубрѣ, упоминаютъ обыкновенно и о другомъ дикомъ быкѣ—турѣ, называя перваго бизономъ, второго—уромъ; впрочемъ, нѣкоторые смѣшиваютъ обѣ породы, а нѣкоторые одного изъ дикихъ быковъ называютъ буйволомъ.

Плиній (кн. VIII, гл. XV, 75) говоритъ: „Скиѳія очень бѣдна животными и въ Германіи ихъ не много (?), но замѣчательны два вида дикихъ быковъ: именно, украшенный гривою бизонъ и отличающійся силою и быстротою уръ“ *).

Въ описаніи Герцинскаго лѣса Цезарь говоритъ объ урѣ, но имѣлъ ли онъ въ виду обѣ породы дикихъ быковъ, водившихся въ то время въ Германіи, или какую-либо одну, остается неизвѣстнымъ. Въ De bello gallico Цезарь упоминаетъ о дикомъ быкѣ, который нѣсколько похожъ на домашняго, но имѣетъ гораздо большіе рога, и говоритъ, что охота на него считается одною изъ самыхъ славныхъ.

У Тацита мы находимъ, что римскіе чиновники, собирая дань съ германцевъ воловьими шкурами, требовали, чтобы каждая шкура имѣла ту же величину, какъ и шкура зубра.

Оппіанъ говоритъ о шероховатости языка бизоновъ, т. е. зубровъ, и о томъ, что названіе бизона онъ получилъ отъ Бистонской Ѳракіи. Павзаній называетъ бизона Пеонійскимъ дикимъ быкомъ, мохнатымъ, въ особенности на груди и подбородкѣ, что совершенно опредѣленно указываетъ на зубра.

Въ пѣсняхъ о Нибелунгахъ Зигфридъ охотится въ первобытныхъ дебряхъ германскихъ лѣсовъ, и, судя по пѣснѣ, очень удачно. Въ пѣснѣ говорится: „Darnach sluch er schire einen Wizent und einen

*) Брэмъ въ своей извѣстной книгѣ «Жизнь животныхъ» почему-то усмотрѣлъ въ приведенныхъ словахъ указаніе на то, что Плиній считаетъ родиной бизона Германію. (Т. III, ст. 273, изд. СПБ. II 1897 г.)

„Elch, starch Ure viere und einen grimmen Schelch", и далѣе упоминается, что Wizent живетъ въ Вогезахъ *).

Монахъ Эксгармъ, писавшій въ началѣ нынѣшняго тысячелѣтія, при перечисленіи мясной пищи, которой лакомилась братія въ дозволенное время, упоминаетъ Wizent'а и Ur'а, т. е. зубра и тура.

Знаменитый польскій лѣтописецъ Длугошъ въ своей „Исторіи Польши", описывая охоту короля Болеслава Кривоустаго, въ 1107 году, во время которой убили зубра, говоритъ, что звѣрь вымещалъ свою ярость на юношѣ Сетехіѣ, пивничемъ короля, при этомъ попеременно называетъ звѣря одинцомъ, туромъ и зубромъ:

„Когда уже многіе звѣри, для забавы охотниковъ, поплатились „жизнію,—пишетъ Длугошъ,—королю Болеславу удалось еще выгнать „зубра, огромнаго по величинѣ и свирѣпаго по виду, котораго туземцы „называютъ одинцомъ. Избѣгая преслѣдованія собакъ и копій охотни-„ковъ, животное пустилось въ бѣгство и случайно набѣжало на Сете-„хія, пивничаго короля. Соскочивъ съ лошади, Сетехій вонзилъ свое „копье въ звѣря, но, видя, что этотъ ударъ не защитилъ его отъ опас-„ности, онъ упалъ на землю въ надеждѣ избѣжать тѣмъ ярости своего „непріятеля. Но туръ, по природѣ еще болѣе свирѣпый противъ лежа-„щаго врага, сначала топталъ Сетехія копытами, а потомъ, поднявъ „его на рога, нѣсколько разъ взбрасывалъ высоко на воздухъ, какъ „мячикъ, и наконецъ, изломаннаго, полуживого, бросилъ въ кусты".

Въ сочиненіяхъ другого монаха Сангаленскаго (De gestis Caroli Magni), современника Карла Великаго, описывается охота этого императора близъ Ахена, въ честь персидскихъ пословъ; на этой охотѣ былъ также убитъ дикій быкъ, котораго авторъ называетъ то зубромъ, то туромъ (bison et urus). Во времена Карла Великаго, говоритъ Брэмъ, зубръ встрѣчался въ Гарцѣ и Саксоніи.

Кобелль (Wildanger, p. 218), въ доказательство того, что зубръ жилъ въ Баваріи до 1.000-го года, приводитъ изъ лѣтописей свидѣтельство, что баварскій благородный рыцарь Арибо фонъ-Бурkгаузенъ былъ опрокинутъ зубромъ „von einem Byzant Auerochsen am Gyaid umgekommen".

Названія многихъ мѣстностей и, между прочимъ, швейцарскаго кантона Ури свидѣтельствуютъ, что зубры и туры водились по всей Европѣ. Щиты скандинавскихъ рыцарей украшались изображеніями головы зубра. Они водились также и на островахъ Великобританскихъ.

Наши предки не дѣлали различія между зубромъ и туромъ.

---

*) Согласно записямъ епископа Туранскаго Григорія и Венанція Фортуната, въ VI и VII вѣкахъ, зубры водились и въ Арденахъ.

Въ пѣсняхъ временъ Владиміра Св. упоминается, что славные витязи пили зеленое вино черезъ край ведра и сладкій медъ изъ турьяго рога въ полтретья ведра. Изъ поученія Владиміра Мономаха къ дѣтямъ видно, что онъ, „живя въ Черниговѣ, по часту ловы дѣялъ на лосей, дикихъ коней и туровъ“, и что между неразлучными бѣдами при охотахъ на хищныхъ звѣрей и свирѣпыхъ животныхъ, были два случая, когда онъ турами былъ поднятъ на рога вмѣстѣ съ конемъ. Мономаха могъ, конечно, поднимать на рога и зубръ, изъ роговъ котораго одинаково, какъ и изъ турьихъ, пили вино.

Лука Давидъ разсказываетъ, что герцогъ Отто Брауншвейгскій въ 1240 году подарилъ братьямъ (монахамъ) дикихъ быковъ и зубровъ (Auerochsen und Visenten). Въ Чехіи водились зубры въ XIII вѣкѣ, о чемъ упоминаетъ Ѳома Контабритенъ.—Кромеръ пишетъ, что князь Вратиславъ въ 1364 году убилъ въ Помераніи зубра, который считается больше дикаго быка. Брэмъ подтверждаетъ, что зубръ встрѣчался въ Помераніи въ XIV вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ онъ еще водился въ Пруссіи, а въ XVI становится почти исключительно литовскимъ звѣремъ. Эразмъ Стелла пишетъ, что въ началѣ XV вѣка зубръ встрѣчается рѣже, чѣмъ дикій быкъ (туръ). Въ то же время, по свидѣтельству Далматова, туры или зубры водились большими стадами въ лѣсахъ Червонной Руси, или Галиціи, между Сономъ и Вислою, а также на Подоліи, Крымскомъ полуостровѣ, въ Молдавіи, Польшѣ, Литвѣ, Силезіи, Помераніи, Полѣсьи и на Волыни. Въ послѣдней они исчезли вмѣстѣ съ лѣсами, погибшими отъ постоянныхъ пожаровъ при татарскомъ нашествіи. Изъ путешественниковъ XV вѣка Жильбертъ де-Лануа видѣлъ зубровъ въ Трокскомъ звѣринцѣ въ 1414 году, о чемъ онъ упоминаетъ въ описаніи своего посѣщенія Литвы. Король Казиміръ въ 1453 году устраиваетъ грандіозную охоту на зубровъ, близъ Ковны (Статья Валецкаго „Зубръ и бобръ“, въ журналѣ Pamiętnik fizyograficzny, т. V, стр. 228).

Матвѣй изъ Мѣхова сообщаетъ о дикихъ быкахъ и зубрахъ, живущихъ въ лѣсахъ Литвы, которымъ туземцы давали названія „туры“ и „юмбронесъ“.

Самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о зубрѣ въ XVI вѣкѣ оставилъ намъ Герберштейнъ, австрійскій посолъ при польскомъ дворѣ и Великомъ Князѣ Московскомъ Василіи Ивановичѣ. Герберштейнъ настолько интересовался міромъ животныхъ, что въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіяхъ по Литвѣ и Россіи обстоятельно описалъ животныхъ, принадлежащихъ исключительно этимъ мѣстностямъ. Къ своему сочиненію „Rerum Moscovitarum Commentarii Sigismundi liberi Baronis de Herberstein“, 1556 г., ст. 109 и 110, онъ приложилъ ри-

сунки зубра и тура, здѣсь воспроизведенные. „Литва,—пишетъ Герберштейнъ,—кромѣ тѣхъ звѣрей, которые находятся и въ Германіи, имѣетъ „бизоновъ (Bisontes), уровъ (Uros), лосей (Alces), которыхъ другіе называютъ онаграми, лѣсными конями. Бизона литовцы, на отечественномъ языкѣ, называютъ stumbras, германцы невѣрно Aurox или Urox; „это имя свойственно уру (туру), который имѣетъ вполнѣ форму быка „и весьма не похожъ породою на бизона. Ибо бизоны имѣютъ „гриву и мохнаты по шеѣ и плечамъ, съ бородою, висячею на подбородкѣ. Волосы пахнутъ мускусомъ, голова короткая, глаза большіе, „свирѣпые, какъ бы пылающіе, лобъ широкій, рога большею частью „такъ широки и направлены, что въ ихъ промежуткѣ могутъ сидѣть „три тучныхъ человѣка, что было испробовано королемъ Польши, Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда-Августа, а мы знаемъ его за сильнаго, толстаго человѣка, съ двумя другими, не менѣе „плотными людьми (очевидное преувеличеніе). „Спина поднимается горбомъ, и переднія и заднія „части тѣла понижаются".

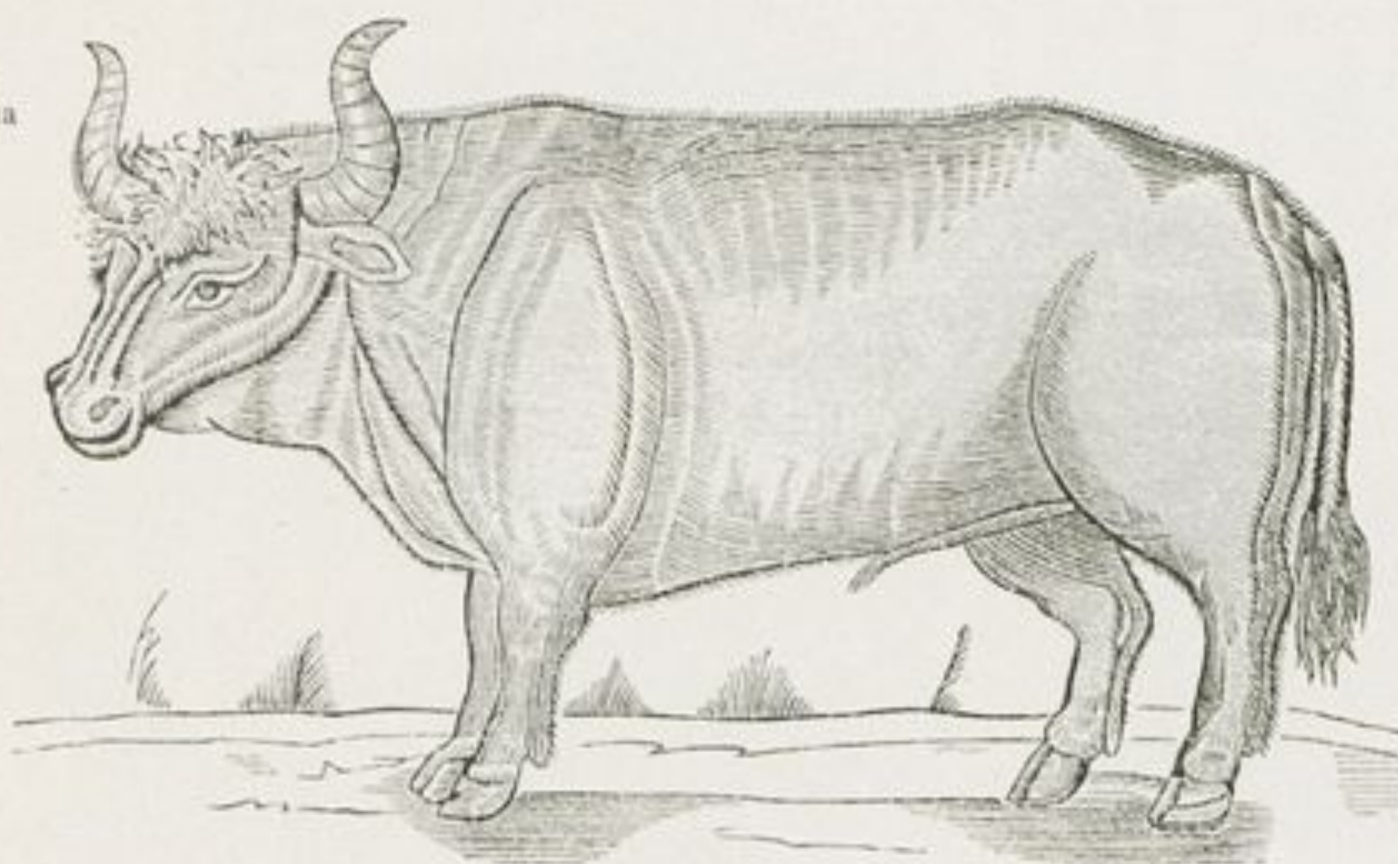
Зубръ, по рисунку Герберштейна (XVI в.).

Тура Герберштейнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Только Мазовія, сопредѣльная съ Литвою, имѣетъ уровъ, которыхъ въ отечествѣ называютъ турами, а германцы собственно Urox. Это настоящіе лѣсные быки, ничѣмъ не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, „развѣ тѣмъ, что они всѣ черные и имѣютъ по всей спинѣ какъ бы „бѣлесоватую линію. Ихъ немного, и есть извѣстныя села и округи, „которымъ поручено заботиться о нихъ и сторожить ихъ, и ихъ берегутъ не иначе, какъ въ звѣринцахъ (Vivariis). Смѣшиваются уры съ „домашними коровами, но не безъ поруганія, ибо они послѣ, какъ „обезчещенные, не допускаются въ стадо прочими урами, а телята, „родившіеся отъ такого смѣшенія,—неживучи. Сигизмундъ-Августъ, король, далъ мнѣ, послу, одного выпрошеннаго, котораго охотники „убили полуживого, выгнаннаго изъ стада. Впрочемъ, съ вырѣзанною „частью кожи, покрывающей лобъ, что, полагаю, сдѣлано было не безъ „намѣренія, хотя по недогадливости я не узналъ, для чего такъ дѣлается. Но извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ кожи ура, дороги, и

„пародъ убѣжденъ, что такіе пояса помогаютъ при родахъ. Королева „Бона, мать Сигизмунда-Августа, подарила мнѣ два пояса такого рода „(въ 1548 году). Одинъ изъ этихъ поясовъ, поднесенный мною, мило-„стиво приняла Свѣтлѣйшая Государыня моя, Императрица Римская“.

Рисунки зубра и тура у Герберштейна снабжены пояснительными подписями. Подъ первымъ: „я—бизонъ, по-польски зубръ, по-нѣмецки бизонтъ (wisent), незнающіе называютъ меня уромъ“; подъ вторымъ: „я—уръ, по-польски туръ, по-нѣмецки Aurox, незнающіе называютъ меня бизономъ“

Записи о зубрѣ и турѣ Герберштейна интересны для насъ еще въ томъ отношеніи, что онѣ касаются звѣрей, видѣнныхъ Герберштейномъ въ раіонѣ нынѣшней Бѣловѣжской Пущи. Въ 1525 году, судя по его маршруту, онъ проѣзжалъ чрезъ Каменецъ-Литовскъ и чрезъ всю Бѣловѣжскую Пущу. Герберштейнъ, между прочимъ, упоминаетъ объ обстраивавшейся тогда деревнѣ Шерешевѣ; теперь это мѣстечко, въ четыре тысячи душъ, лежитъ въ 12-ти верстахъ отъ границъ Пущи.

Туръ, по рисунку Герберштейна (XVI в.).

Гесснеръ, въ XVI столѣтіи, опираясь на Герберштейна и Шнееберге-ра, даетъ дополнительныя описанія тура и зубра и говоритъ, что кромѣ прибыли отъ мяса и кожи зубровъ, весьма цѣнятся ихъ рога, считающіеся княжескимъ украшеніемъ и драгоцѣнностью; ихъ обдѣлываютъ, пишетъ онъ, въ серебро и употребляютъ въ видѣ кубковъ, подносимыхъ князьямъ и вельможамъ. Литовцы долго сохраняли этотъ обычай. Гесснеръ видѣлъ на ратушахъ Майнца и Вормса висящіе черепа зубровъ, какъ бы въ подтвержденіе того, что и на берегахъ Рейна водился этотъ звѣрь.

Лаврентій Сурій (Comment. rerum in orbe gestarum. Colon. 1702, предисловіе 1564 г., на стр. 35) говоритъ: „заблуждаются тѣ, которые „уровъ (Uros) зовутъ бизонами (Bisontes), ибо бизоны многимъ отли-„чаются отъ уровъ“.

Граціанъ де-Бурго и Муканте тоже говорятъ о зубрѣ и турѣ, какъ о двухъ различныхъ животныхъ. Нѣмцевичъ издалъ въ 1821 году дневникъ Муканте, бывшаго секретаремъ папскаго нунція при польскомъ

дворѣ въ 1595 году, въ которомъ Муканте говоритъ, что онъ посѣтилъ большой королевскій паркъ близъ Варшавы, гдѣ были бизоны и туры.

Воевода Остророгъ, познанскій каштелянъ, много писавшій въ XVI столѣтіи объ охотѣ и о сельскомъ хозяйствѣ, преподалъ руководство къ содержанію охотничьихъ парковъ и угодій, въ которыхъ совѣтуетъ раздѣлять бизоновъ и уровъ, ибо, по врожденной антипатіи, эти животныя часто дрались между собою. Въ томъ же XVI столѣтіи Мартынъ Кромеръ, Туанъ и Іоаннъ Ботеръ, говоря о Литвѣ, упоминаютъ о зубрѣ и турѣ, какъ о двухъ различныхъ животныхъ. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ писателей, слѣдующіе натуралисты среднихъ вѣковъ упоминаютъ о зубрѣ: Альбертъ Магнусъ, Мариньола, Варѳоломей Англикъ и П. Цидекъ.

Антонъ Марія Граціани, трудившійся надъ біографіею кардинала Commendon, бывшаго посланникомъ папы при польскомъ дворѣ, въ XIII главѣ своего сочиненія, относящагося къ 1669 году, коснулся охоты на звѣрей, водившихся тогда въ Пруссіи и Польшѣ. Согласно съ большинствомъ натуралистовъ того времени, Граціани, которому приходилось видѣть какъ зубровъ такъ и туровъ, совершенно опредѣленно говоритъ о двухъ породахъ быковъ, отличая зубра отъ тура. Онъ подробно описываетъ наружный видъ каждой породы, и въ его буйволахъ нельзя не узнать нашего бѣловѣжскаго зубра. Зубры, которыхъ онъ наблюдалъ въ звѣринцѣ принца Альберта, казались страшнѣе, могучѣе туровъ, и рога у нихъ были длиннѣе турьихъ. Тура Граціани видѣлъ въ звѣринцѣ подъ Кенигсбергомъ.

Въ народной поэзіи, въ которой обыкновенно воспѣвается все сильное, величественное и страшное, отведено почетное мѣсто зубру и туру. Въ сказаніяхъ и пѣсняхъ западныхъ славянъ часто мелькаетъ: Туровское княжество, Туровская пуща, городъ Туровъ и постоянныя сравненія героевъ съ грозными звѣрями. Точно также много названій деревень, мѣстечекъ, рѣкъ, урочищъ—производятся отъ слова зубръ. Въ Пружанскомъ и Кобринскомъ уѣздахъ еще и теперь нерѣдко произносятъ слово туръ, хотя онъ вывелся почти 300 лѣтъ тому назадъ. Такъ, на упрямаго вола хозяинъ кричитъ: — „охъ, ты, лихой туръ!“ На свадебныхъ пирахъ поютъ: — „...чи туръ, чи турица, чи красная молодица“... Восточные славяне не знали слова зубръ, и подъ туромъ у нихъ подразумѣвался, какъ собственно туръ, такъ и зубръ.

Извѣстный въ свое время Гуссовіанъ посвятилъ зубру цѣлую поэму на ново-латинскомъ языкѣ. Бринкенъ, упоминающій объ этой поэмѣ въ своемъ описаніи Бѣловѣжской Пущи, сожалѣлъ, что не могъ тогда найти ее цѣликомъ и привелъ изъ нея только нѣсколько

стиховъ. Считая, что въ наше время не безынтересно познакомиться съ тѣмъ, какъ описывали зубра въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, да еще стихами, переводъ тѣхъ мѣстъ изъ поэмы, которыя знакомятъ насъ съ наружностью, образомъ жизни зубра и даютъ картину охоты на звѣря, здѣсь прилагается. — Нижеслѣдующая исторія поэмы сообщается въ предисловіи къ изданію ея въ 1855 году нашей Императорской Публичной библіотекой:

„Естествоиспытатель слѣдитъ за исчезнувшими или исчезающими „на земномъ шарѣ породами животнаго царства съ тѣмъ же любопыт-„ствомъ, какое возбуждаютъ въ библіографѣ произведенія книгопеча-„танія, истребленныя временемъ или сохранившіяся развѣ всего въ „какомъ-либо единственномъ экземплярѣ“.

„Въ этомъ смыслѣ начальству Императорской Публичной библіотеки „представилось не безполезнымъ издать вновь въ свѣтъ, найденное „между печатными ея сокровищами, старинное сочиненіе о зубрѣ — „книгу почти совсѣмъ исчезнувшую, о породѣ животныхъ почти со-„всѣмъ вымершей, которой остатки сохраняются еще только въ нашемъ „отечествѣ, и то въ одной лишь его мѣстности“.

„Поэма Гуссовіана о зубрѣ, предлагаемая теперь въ новомъ изда-„ніи, давно уже считается величайшей рѣдкостью. Изъ новѣйшихъ пи-„сателей по естествознанію нѣкоторые хотя и упоминаютъ о ней по пре-„данію, но никто ее не видывалъ. Такъ Бринкенъ, главный лѣсничій „казенныхъ лѣсовъ Царства Польскаго, говоритъ, что всѣ его старанія „достать гдѣ-либо творенія Гуссовіана—остались безуспѣшными“.

„Ученый библіотекарь Залусскихъ, Яноцкій, въ 1776 году писалъ „(Janociana, Tom I, p. 125 и t. III, p. XXV), что единственный экзем-„пляръ упомянутой поэмы, находившійся въ ихъ библіотекѣ, „коварно „похищенъ оттуда книжнымъ воромъ, который самъ былъ именитымъ „поэтомъ“. Отсюда видно, что еще за сто лѣтъ тому назадъ и въ са-„мой даже Польшѣ, гдѣ эта книжка была издана, она принадлежала „къ числу тѣхъ библіографическихъ рѣдкостей, которыя графъ Іосифъ „Залусскій называлъ „бѣлыми воронами“. Иначе, если бы существовала „возможность купить книжку Гуссовіана за деньги, то не изъ-за чего „было лицу извѣстному посягать на воровство, покрывавшее его без-„славіемъ, какъ съ другой стороны и Залусскій не упустилъ бы слу-„чая вновь ее пріобрѣсти.

„Находящійся нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ экзем-„пляръ сего сочиненія поступилъ въ нее, слѣдовательно, не изъ бога-„таго собранія Залусскихъ. Библіотека получила его только въ 1853 „году отъ почетнаго ея корреспондента, настоятеля Наводницкаго при-„хода въ Гродненской губерніи и магистра Богословія, ксенза Іосифа

„Малышевича, которому она обязана и многими другими важными „приношеніями.

„Небольшая эта книжка была напечатана въ Краковѣ, у Іеронима „Віетора, въ 1523 году, въ м. 8-ю д. листа и посвящена авторомъ ко„ролевѣ Бонѣ, супругѣ польскаго короля Сигизмунда I. Изъ перепе„чатки ея, издаваемой въ числѣ ста экземпляровъ, исключены нѣко„торыя прибавленія подлинника, не имѣющія прямой связи съ содер„жаніемъ поэмы... Остальная существенная ея часть, т. е. самая поэма, „передается вполнѣ, съ возможною тщательностью и вѣрностью.

„О жизни автора и о другихъ его твореніяхъ сохранились только „тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя сообщены Яноцкимъ въ вышеприведен„номъ мѣстѣ; обстоятельство же, давшее поводъ къ сочиненію настоя„щей поэмы, самъ Гуссовіанъ излагаетъ въ началѣ своего посвященія „королевѣ слѣдующимъ образомъ:

„Когда я былъ, Всемилостивѣйшая Государыня, въ Римѣ, то Папа „Левъ X, разсуждая однажды объ охотѣ на Сѣверѣ и величинѣ тамъ „звѣрей, убѣдительно просилъ Плоцкаго епископа Эразма, находившагося „въ то время посланникомъ при немъ отъ Вашего Величества, доста„вить въ Римъ чучело бизона, котораго мы называемъ зубромъ. Плоцкій „епископъ обѣщалъ исполнить желаніе Его Святѣйшества и письменно „отнесся къ Палатину Виленскому Радзивиллу съ просьбою пріобрѣсти „кожу самаго большого животнаго этой породы. Въ то же время, желая „представить папѣ, вмѣстѣ съ чучеломъ зубра, и его описаніе, онъ по„ручилъ мнѣ набросить на бумагу нѣсколько словъ о свойствахъ сего „животнаго и объ охотѣ за нимъ. Но все это не было приведено въ „дѣйствіе за послѣдовавшею вскорѣ смертію Льва X; осталось только „сочиненіе, написанное мною наскоро и безъ всякихъ притязаній, которое „я и рѣшился теперь издать въ свѣтъ".

„Не принимая на себя судить о томъ, много ли естествоиспытатели „найдутъ для себя поучительнаго въ нашемъ приношеніи, мы смѣемъ „по крайней мѣрѣ надѣяться, что они почтятъ своимъ вниманіемъ „сказанія ново-латинской музы, извлекаемыя нами теперь изъ забвенія, „и благосклонно выслушаютъ пѣснопѣнія ея объ исполинѣ европейскихъ „четвероногихъ, обязанномъ продолженіемъ своего существованія един„ственно тому просвѣщенному попеченію, которое прилагается къ его „сохраненію нашимъ правительствомъ".

Приводимъ здѣсь наиболѣе характерныя мѣста изъ этой поэмы, въ которыхъ зубръ описывается иногда правдиво, а большею частью съ поэтическими преувеличеніями:

«Въ недавнее время, случайно,—пишетъ Гуссовіанъ,—пришлось мнѣ любоваться въ Римѣ разными народными зрѣлищами. Въ то время, какъ выпущенные на арену быки яростно бились, стремясь осво-

19*

бодиться отъ густо налетавшихъ стрѣлъ, и возбуждаемые гнѣвомъ, возраставшимъ отъ ранъ, наносимыхъ рогатинами, повергали на землю и нерѣдко умерщвляли спасавшихся бѣгствомъ борцовъ,—мои товарищи, при высказанномъ мною удивленіи передъ необычайной яростью этихъ животныхъ, возбуждаемой рукоплесканіями, стали разспрашивать меня про сѣверный лѣсъ. По ихъ просьбѣ я началъ мой разсказъ; говорилъ имъ объ охотѣ и о громадныхъ размѣрахъ нашихъ звѣрей; но въ разговорной болтовнѣ мой разсказъ по необходимости былъ не полонъ, и потому мнѣ было повелѣно, немедля, развить его въ поэмѣ.—По правдѣ сказать, я неохотно приступаю къ описанію зубра, этой диковины, этого страшнаго звѣря, слава о которомъ усугубляется пролитой имъ человѣческою кровью и убійствами, давшими ему извѣстность на сѣверѣ. Во мнѣ онъ часто возбуждалъ столь позорный страхъ, что враждебно настроенные холопы съ презрѣніемъ издѣвались надъ моимъ бѣгствомъ».

Начавъ такимъ вступленіемъ, Гуссовіанъ обращается къ ученымъ Рима съ просьбою снисходительно отнестись къ произведенію его скромнаго таланта. Зубра поэтъ описываетъ такъ:

«Этотъ крайне дикій звѣрь водится въ литовскихъ лѣсахъ и доходитъ до такихъ размѣровъ, что если когда-либо, умирая, онъ откинетъ голову назадъ, три мужа могутъ сидѣть между его рогами... Борода его ниспадаетъ взъерошенными, низко висящими космами, страшные глаза краснѣютъ отъ ярости, и густая грива съ шеи падаетъ на плечи, покрывая собою темя, колѣни и нижнюю часть груди. Но если пожелать сравнить великое съ ничтожествомъ, то, выражаясь словами охотниковъ, наружный его видъ напоминаетъ косматаго козла, хотя всѣ члены изображаютъ собою быка. Цвѣтъ его тёменъ: бурое до того сливается съ чернымъ, что выходитъ нѣчто среднее между обоими оттѣнками.—Удивляюсь и не понимаю, почему нѣкоторые изъ ранѣе писавшихъ изобразили зубра иначе: выводятъ какіе-то рога съ открытаго носа, утверждая, что тѣло зубра совершенно особенное, и приписывая неимовѣрную тяжесть его чудовищной губѣ. Таковъ зубръ на ихъ, но не на мой взглядъ».

Распространившись затѣмъ о своей начитанности, Гуссовіанъ отмѣчаетъ, что уже «Плиній ясно коснулся зубра и упоминаетъ о немъ (bison) и о турѣ (urus), называя ихъ обоихъ быками сѣверныхъ лѣсовъ. По преданію древнихъ, не было ничего свирѣпѣе туровъ, которыхъ вскармливаетъ Польша въ своихъ лѣсахъ, и нѣтъ указаній на другое мѣсто земного шара, въ лѣсахъ котораго они бы жили. Ближе всѣхъ родственъ имъ по дикости *гривистый* зубръ».

Послѣднія слова Гуссовіана могутъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что въ его время водились какъ зубры, такъ и туры, и что животныя эти принадлежали разнымъ породамъ. Затѣмъ поэтъ, какъ бы спохватившись въ преувеличеніи имъ размѣра головы зубра, настаиваетъ однако на своемъ показаніи и выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ указать ученымъ на тѣ книги древнихъ, въ которыхъ такими чертами описывается наружность зубра.

«На меня,—продолжаетъ Гуссовіанъ,—не производятъ впечатлѣнія ни шкура, ни большіе рога этихъ животныхъ, снятые мною не разъ собственными руками. Каково бы ни было мое описаніе, оно основано на долголѣтней охотничьей практикѣ и на занятіяхъ и треволненіяхъ моей жизни. Поэтому, хотя я, полякъ, не могу мѣряться съ римскими писателями, однако, уповая на мою охотничью опытность, смѣло вступаю въ сѣверный лѣсъ. Отецъ научилъ меня посѣщать убѣжище звѣрей осторожнымъ и безстрашнымъ шагомъ, — научилъ разузнавать тамъ неясныя дуновенія вѣтра, чтобы звѣрь не причуялъ засады и не услыхалъ ея; — и, положивъ на мои плечи тяжелое оружіе, заставлялъ обливаться потомъ при ходьбѣ по холоднымъ снѣгамъ; онъ доставлялъ удовольствіе моему взору видомъ убитаго звѣря, ушамъ — лаемъ собакъ, въ то время какъ гибли медвѣди, кабаны, и запутывались въ тенёта трусливые онагры (лоси), а другіе звѣри умерщвлялись при помощи растянутыхъ путъ, падали съ ревомъ, сраженные гладкимъ свинцомъ, или, настигаемые стрѣлами и быстро мчащимися всадниками, — умирали, обагряя землю пѣнящеюся кровью. — Когда подобныя сцены происходили среди дремучихъ лѣсовъ, я ничѣмъ не уступалъ товарищамъ своимъ: верхомъ на лошади я переплывалъ рѣки и глубокое русло Днѣпра, если звѣрь скрывался на противоположномъ берегу; дѣлалъ я это не для того, чтобъ уклоняться отъ опасности, а потому что стыдился уступить друзьямъ хоть въ этомъ отношеніи».

Удѣляя затѣмъ нѣсколько строкъ рекомендаціи себя, какъ охотника, поэтъ возвращается къ описанію зубра: «Познакомимся — говоритъ

онъ, — вкратцѣ съ природою и обычаями зубра, продолжая такимъ образомъ начатое повѣствованіе. Свирѣпостью превосходя всѣхъ животныхъ, или не уступая имъ, человѣку онъ опасенъ лишь въ случаѣ раздраженія; зубръ въ высокой степени обладаетъ инстинктомъ самосохраненія, и врядъ ли возможно вообразить себѣ это свойство въ болѣе широкомъ развитіи: онъ постоянно озирается, и, направляя взоръ во всѣ стороны, охватываетъ зрѣніемъ видимое ему пространство; онъ замѣчаетъ неизбѣжное и быстрое движеніе рѣсницъ человѣка, хотя бы послѣдній оставался неподвижнымъ; онъ обращаетъ вниманіе на малѣйшій шумъ позади себя, ввѣряя ушамъ охрану тыла. Однако, даже обративъ на себя его вниманіе, можно избѣжать опасности, лишь бы не сверкало оружіе передъ его глазами. Въ противномъ случаѣ звѣрь пристально всматривается въ человѣка и, пораженный его видомъ, замедляетъ свой ходъ. Если же онъ заботливо сопровождаетъ нѣжное чадо, то приходитъ въ ярость, услыхавъ малѣйшее бряцаніе оружія и тогда, рёвомъ предупреждая о своемъ страшномъ гнѣвѣ, остерегаетъ отъ приближенія къ нему. Однако онъ не относится свирѣпо ко всякому встрѣчному безъ причины, и есть возможность обезопасить себя бѣгствомъ. — Дѣтеныши зубра, шаловливо играя, причиняютъ родителямъ чрезвычайный страхъ своими неосторожными прыжками. Отъ рожденія они столь переимчивы, что легко подражаютъ всѣмъ движеніямъ матери: то перескакиваютъ черезъ лежащія на землѣ сосны, то стремительно бѣгаютъ по лѣсу, перепрыгивая большіе рвы и потрясая маленькими рогами, стремятся возбудить большой страхъ въ окружающихъ. Нѣжныя тѣла свои они развиваютъ постоянными игривыми движеніями, отдыхая лишь изрѣдка. Животное это очень выносливо и трудолюбиво, что, при размѣрахъ его, можетъ казаться невѣроятнымъ; такъ, дѣлая большіе круги ради упражненія, оно вихремъ носится по лѣсу. Не давая падать своему помету, зубръ, быстро оборачиваясь, разбрасываетъ его рогами (очевидный вымыселъ).

«Зубры представляютъ прекрасное зрѣлище на своихъ торжественныхъ играхъ, когда, по своему обыкновенію, ведутъ между собою притворную войну. Къ послѣдней побуждаетъ ихъ также осеннее время, вызывающее въ продолженіе нѣсколькихъ дней игривую течку; это время они весело празднуютъ, выражая свою радость пріятнымъ голосомъ. Далеко слышенъ тогда ихъ рёвъ, земля дрожитъ подъ ихъ ногами, приводя въ колебаніе могучіе дубы. Очевидцы утверждаютъ, что эти звуки превосходятъ музыку трубъ и лиръ въ самыхъ искусныхъ рукахъ; безчисленные голоса сливаются въ одинъ рёвъ, пріятнѣе котораго ничто не дѣйствуетъ на слухъ.

«Мнѣ неизвѣстно, какъ продолжительна ихъ жизнь, какъ опредѣлить ея предѣлы: лѣтописи упоминаютъ, что одинъ вожакъ стада жилъ двѣсти лѣтъ (!), причемъ ниспадавшая на его лобъ сѣдая грива служила неопровержимымъ доказательствомъ его возраста»...

Наблюденія, производившіяся надъ жизнью зубровъ въ послѣднее время, безусловно опровергаютъ указанія Гуссовіана на столь долгую жизнь звѣря и на способность его издавать громкіе звуки. Поэтическій вымыселъ увлекъ автора поэмы въ область прикрасъ, по которымъ можно заключить, что Гуссовіанъ самъ былъ мало знакомъ съ жизнью зубровъ, а писалъ многое по наслышкѣ.

«Дѣтёныши зубровъ, — говорится далѣе въ поэмѣ, — возмужавъ, размножаются въ большое стадо и общими силами защищаютъ свои родныя мѣста. Они предаются беззаботному отдыху, всецѣло полагаясь на бдительность сторожащаго зубра, — обыкновенно наиболѣе свирѣпаго, который и охраняетъ стадо. Повелѣваетъ ими тотъ, кто первенствуетъ въ красотѣ и въ силѣ. Самцы достигаютъ первенства послѣ долгой борьбы и сильнаго кровопролитія. Неустанная борьба между повелителями стадъ не даетъ имъ ни часу покоя. Желаніе господствованія доходитъ до такой степени, что часто оканчивается смертью одного изъ соперниковъ. Послѣ того какъ обѣ спорившія силы подверглись испытанію, побѣдителю достается въ награду господство надъ стадомъ. Побѣжденный грустно удаляется въ ссылку на цѣлые годы; за нимъ слѣдуетъ опечаленная самка. Такіе только отшельники и опасаются охотниковъ и ихъ оружія, тогда какъ стадо никого не страшится». (Это замѣчаніе безусловно не вѣрно, ибо стада всегда бѣгутъ отъ людей, а одинцы, напротивъ, нападаютъ). «Едва ли были случаи, чтобы побѣжденные и отдѣлившіеся быки принимались снова въ ихъ стадо, тогда какъ самки иногда возвращаются. Боязливо приводятъ онѣ съ собою свое потомство, если внезапная смерть самца расторгла ихъ брачныя узы.—Строгій эдиктъ государя (вел. кн. Литовскаго) охраняетъ самокъ, упрочивая такою заботою богатство мѣстныхъ лѣсовъ, которое народъ предпочитаетъ червонному золоту».

Затѣмъ Гуссовіанъ отклоняется къ описанію экономическаго со-

стоянія Литвы того времени, останавливаясь главнымъ образомъ на изображеніи красотъ литовскихъ лѣсовъ, упоминаетъ о птицахъ, ихъ наполняющихъ, о развитомъ среди народа пчеловодствѣ и дѣлаетъ предположеніе, что всѣ эти блага порождаются чародѣйственными силами. Далѣе поэтъ говоритъ о значеніи лѣсовъ, какъ охотничьихъ раіоновъ, въ которыхъ люди, закаляясь тѣломъ, остаются бодрыми до старости и развиваютъ въ себѣ всѣ ихъ способности: «Какое чувство возбуждаетъ въ васъ лай собакъ, — говоритъ онъ, обращаясь къ охотникамъ,— людскіе крики, то усиливающіеся, то утихающіе въ лѣсной чащѣ, рычаніе медвѣдя, посаженнаго на рогатину, храпъ раненаго кабана, дикое сопѣніе, вырывающееся изъ пасти раненаго зубра, когда страшные глаза его вращаются, приводимые въ движеніе кипящей въ немъ яростью, — когда раненый туръ, потрясая окрестность своимъ неистовымъ мычаніемъ, громадными прыжками кидается въ разныя стороны, представляя собою страшное зрѣлище? Какія сильныя ощущенія должно тогда воспринять человѣческое сердце!»

Переходя затѣмъ къ описанію охотъ на зубровъ, авторъ поэмы говоритъ: «Невозможно этого звѣря поразить издали бросаемыми стрѣлами и непозволительно опутывать его хитро разставленными тенётами, такъ какъ сила нападавшаго на него мужественнаго охотника должна была стоять выше этого.—Такой взглядъ вытекалъ также изъ суевѣрнаго представленія, по которому зубръ имѣлъ обыкновеніе уходить изъ тѣхъ лѣсовъ, если его побѣждали не смѣлымъ нападеніемъ. Быть можетъ, это и выдумка, чтобы не потворствовать бездѣйствію народа, но можетъ также быть, что это и правда. Не останавливаясь, однако, на этомъ, я намѣренъ разсказать о томъ, чему былъ самъ свидѣтелемъ и что переиспыталъ».

Несмотря, однако, на эту заключительную фразу, авторъ снова пускается въ поэтическія отступленія, вспоминаетъ Діану и другихъ боговъ и богинь,—переходитъ къ политикѣ, иронизируя по адресу ведущихъ отечественную войну наемными войсками, вспоминаетъ о войнѣ, сѣтуя на то, что въ его время стали меньше заниматься охотою, и только послѣ такого многословнаго отступленія снова возвращается къ описанію охоты на зубровъ.

«При охотѣ на звѣря, въ сѣверныхъ странахъ, — говоритъ онъ, — примѣняютъ слѣдующій способъ: вырубивъ деревья, устраиваютъ плотный завалъ, способный удержать животныхъ. Пространство, окруженное заваломъ, оберегаютъ многочисленной стражей.—Такія огражденія сохраняются долгое время; входы внутрь огражденнаго мѣста оставляютъ открытыми, чтобы звѣрь свободно входилъ, послѣ чего безъ особеннаго труда ихъ закрываютъ, и звѣрь спокойно пасется, не предвидя опасности. Внутри такихъ-то огражденій мы и охотились на зубровъ. Тутъ страхъ охватываетъ какъ звѣря, такъ и охотника. Бываетъ невозможно помочь другу, слуга не слѣдуетъ за господиномъ, отецъ не обращаетъ вниманія на сына, и сынъ на отца; каждый заботится лишь о себѣ, думаетъ о томъ, что ему самому нужно дѣлать; каждый можетъ легко потерять жизнь, и малѣйшая ошибка имѣетъ громадное значеніе.—Строгими обычаями постановлено, какъ поступать на такихъ охотахъ, и каждый связанъ боязнью наказанія. Единственная защита и спасеніе—имѣть быстраго и поворотливаго коня. Окруженные величіемъ цари, и тѣ бросаются въ опасность вмѣстѣ съ нами. Трусу никто не желалъ бы быть подвластнымъ. Подобно тому, какъ въ кровавыхъ битвахъ, предводительствуя своимъ народомъ, они мечомъ истребляютъ скифскія полчища, такъ и здѣсь, присоединяясь на быстромъ конѣ къ охотникамъ, они доблестными поступками нисколько не умаляютъ своего величія».

Здѣсь поэту представляется удобнымъ воспѣть царствовавшаго тогда польскаго короля Сигизмунда, и онъ не упускаетъ этого случая. Возвращаясь къ охотамъ, Гуссовіанъ говоритъ: «Охотиться на одинца, скрываясь между кустами, удобнѣе; но внутри завала попадаетъ иногда цѣлое стадо, и тогда дѣло становится значительно труднѣе. Мнѣ пришлось видѣть охоту на одинца, и вотъ какъ она происходила: сначала звѣрь былъ израненъ стрѣлами и вонзенными въ кожу дротиками, послѣ чего онъ яростно сталъ кидать

взоры на людей, испуская неистовое храпѣніе изъ дрожавшихъ ноздрей. Затѣмъ, быстро обернувшись, онъ сталъ убѣгать, но вслѣдъ за нимъ съ крикомъ помчались всадники, и ихъ возгласы раскатомъ неслись къ небесамъ. Когда же стремительно бѣжавшій звѣрь доскакалъ до загораживавшаго ему путь завала, его встрѣтилъ крикъ сторожившихъ холоповъ; остановленный, зубръ какъ бы выбираетъ сторону, куда ему броситься; но тутъ новые дротики впиваются въ его израненные бока и доводятъ гнѣвъ звѣря до ярости; чувствуя въ себѣ вонзившееся желѣзо, зубръ свирѣпѣетъ и, дикимъ взглядомъ окидывая охотниковъ, высматриваетъ, гдѣ гуще толпа. Сперва бросается онъ на собакъ, разметываетъ ихъ и, обагренный ихъ кровью, кидается на людей. Юные охотники бросаются въ стороны, направляя коней въ неприступныя мѣста, и лѣсная чаща наполняется ихъ крикомъ. Никто не можетъ спастись, если побѣжитъ отъ звѣря по прямому направленію; безопаснѣе мѣнять его, такъ какъ ярость и стремительность нападенія уносятъ далеко грузное, неповоротливое тѣло животнаго, мѣшая ему преслѣдовать врага. Вновь окруженный всадниками, зубръ бросается то на одного, то на другого и болѣе не въ силахъ остановиться. Кидаясь отчаянными прыжками и какъ бы увеличиваясь въ размѣрахъ при быстромъ движеніи, звѣрь испускаетъ изъ ноздрей сильный храпъ. Въ воздухѣ развѣвается его длинная грива, и вѣтеръ треплетъ ее, придавая зубру страшно свирѣпый видъ. Ослѣпленный яростью, онъ кидается во всѣ стороны внутри завала, отыскивая жертву, на которой могъ бы излить свою злобу».

Въ доказательство сильнаго страха, наводимаго разсвирѣпѣвшимъ зубромъ на людей, Гуссовіанъ приводитъ случай, когда одинъ знатный юноша, бывшій въ первый разъ на охотѣ, спрятался отъ бѣжавшаго на него зубра за деревомъ и умеръ отъ ужаса при одномъ взглядѣ звѣря, брошенномъ въ его сторону. Далѣе поэтъ переходитъ къ описанію зубра, умерщвляющаго людей подкидываніемъ рогами, причемъ прибавляетъ, что и медвѣдей, кабановъ и оленей онъ убиваетъ такимъ же образомъ. Но всѣ эти описанія грѣшатъ преувеличеніемъ и охотничьимъ увлеченіемъ. Объяснивъ, затѣмъ, немаловажное значеніе такихъ охотъ для народа, который учится владѣть оружіемъ, быть храбрымъ, ловкимъ и вообще пріобрѣтаетъ все необходимое для войны, авторъ разсказываетъ, что литовцевъ обучалъ всему этому великій князь Витольдъ и между прочимъ приказывалъ вылавливать зубровъ, приводить ихъ въ станъ, и, выпуская въ поле, заставлялъ юношей нападать на нихъ. Способъ вылавливанія зубровъ и устройство ловушки почти тѣ же, какіе употребляются для поимки звѣря и теперь: то же заманиваніе въ ограду, переходящую постепенно въ узкій прогонъ, съ тою лишь разницей, что тогда заставляли зубра входить въ ловушку, раздражая его присутствіемъ въ ней человѣка, одѣтаго въ красное, теперь для этого пользуются приманкою—кормомъ.

Заканчивая описаніе охоты, Гуссовіанъ говоритъ, что, измучивъ звѣря, всадники соскакивали съ лошадей и, прячась за деревьями, кололи и рубили его, пользуясь нападеніемъ звѣря на одного изъ товарищей, и приканчивали послѣ ожесточенной борьбы. Въ концѣ поэмы, Гуссовіанъ приводитъ извѣстный эпизодъ нападенія зубра на вышку, съ которой смотрѣла на охоту королева Елена, о чемъ нами было упомянуто уже раньше, и заканчиваетъ свое произведеніе обѣщаніемъ когда-нибудь описать „*другого свирѣпаго жителя сѣверныхъ лѣсовъ—тура*“. Неоднократное упоминаніе въ поэмѣ Гуссовіана о турѣ, какъ о совер-

шенно другомъ звѣрѣ, обитавшемъ въ литовскихъ лѣсахъ одновременно съ зубромъ, служитъ лишь новымъ доказательствомъ, что эти животныя принадлежали къ различнымъ породамъ *).

Уже въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе возраставшаго населенія Литвы и вырубки лѣсовъ, охрана зубровъ на волѣ сдѣлалась настолько затруднительною, что польскіе короли и магнаты стали устраивать для нихъ особые садки и звѣринцы. Мы знаемъ изъ люстраціонныхъ актовъ того времени, что звѣринцы съ зубрами и турами имѣлись во многихъ мѣстахъ, напримѣръ: подъ Варшавою, Остроленкою, Замосціемъ и Бѣлою Церковью. Остророгъ, писавшій изъ Львова 24-го Января 1610 года къ своему другу Осетровскому, между прочимъ добавляетъ: „Turow i Zubrow wielle W. M. masz, prosze daj mi W. M. znać i wielle samcow i wielle samic“, что значитъ: „много имѣете туровъ и зубровъ, прошу меня увѣдомить: сколько самцовъ и сколько самокъ“.

Зубръ по гравюрѣ, помѣщенной въ изданіи Бринкена (1828 г.).

Въ части Литвы, входившей въ составъ Пруссіи, зубры продержались до конца XVII столѣтія, главнымъ образомъ въ лѣсахъ между Лабіавою и Тильзитомъ, и уже тогда для поддержанія звѣрей приходилось устраивать открытые сараи съ кормомъ. Изъ этихъ лѣсовъ зубровъ нерѣдко вылавливали для звѣринцевъ и для подарковъ иностраннымъ дворамъ. Послѣдній прусскій свободный зубръ былъ убитъ браконьерами въ 1755 году.

Брэмъ говоритъ, что въ Венгріи зубръ удержался долѣе, чѣмъ въ Пруссіи. По свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ отъ графа Лацаръ, зубры дольше всего держались въ лѣсистой Трансильваніи; здѣсь именемъ зубра названы нѣкоторыя горы, рѣки и селенія. Между художественными украшеніями Турёчской хроники (напечатанной при королѣ Матвѣѣ I) король изображенъ верхомъ, замахивающимся высоко поднятымъ копьемъ на бѣшено мчащагося зубра. Въ XVII вѣкѣ шкура

*) Приведенныя выдержки извлечены нами изъ перевода поэмы Гуссовіана, сдѣланнаго по нашей просьбѣ профессоромъ с.-петербургской католической академіи отцомъ Янисомъ.

зубра употреблялась въ Трансильваніи на разныя издѣлія. Въ горныхъ лѣсахъ Венгріи, откуда графомъ Кенигзекомъ былъ присланъ австрійскому Императору самецъ-зубръ, быть-можетъ послѣдній въ Трансильваніи, зубровъ встрѣчали до 1729 года, а въ концѣ XVII вѣка ихъ видѣли еще въ лѣсистыхъ дебряхъ недалеко отъ мѣстности Фюле. Кантемиръ утверждаетъ, что до XVIII вѣка зубры водились также въ Мультинской и Семиградской земляхъ, а въ статьѣ „О турѣ и зубрѣ", напечатанной въ польскомъ журналѣ „Другъ народа" за 1837 годъ (№ 14, стр. 107—110), упоминается о зубрѣ, пойманномъ въ 1815 году въ Семиградской землѣ и отосланномъ въ Шенбрунскій звѣринецъ.

Относительно того, какъ долго держались зубры въ лѣсахъ Россіи, мы имѣемъ изслѣдованіе Далматова. Онъ считаетъ, что въ XVII вѣкѣ зубры водились у насъ еще во многихъ мѣстахъ, въ подтвержденіе чего ссылается на письмо Форстера къ Бюффону и на мнѣніе Кантемира, но уже въ XVIII вѣкѣ никто болѣе зубровъ въ русскихъ лѣсахъ не встрѣчалъ.

Далѣе Далматовъ говоритъ, что академикъ Шмитъ, на основаніи сообщеній монгольскихъ и тибетскихъ ученыхъ, указалъ на нахожденіе зубровъ въ предѣлахъ Китайской Имперіи, между Тибетомъ и провинціею Санси. Въ справедливости этого сообщенія трудно разобраться. Ошибается ли Далматовъ, приписывая Шмиту указаніе, котораго мы въ сочиненіяхъ послѣдняго не нашли, быть-можетъ восточные ученые дѣйствительно ввели въ заблужденіе Шмита, но фактъ тотъ, что о присутствіи въ Китаѣ зубровъ и по нынѣшній день нѣтъ вѣскихъ свидѣтельствъ.

Такимъ образомъ вся приведенная литература говоритъ намъ, что съ древнѣйшихъ временъ въ Европѣ водились два дикихъ быка: зубръ и туръ. Писавшіе про одну изъ породъ, повидимому, не знали про другую, но писавшіе про обѣ породы устанавливаютъ между ними опредѣленное различіе. Въ позднѣйшее время, когда остались только зубры, возникло сомнѣніе: существовали ли дѣйствительно туры и не называли ли одну и ту же породу быковъ въ одной мѣстности турами, а въ другой зубрами? Къ такому сомнѣнію подало поводъ еще то обстоятельство, что по мѣрѣ уничтоженія быковъ, описанія становились сбивчивыми, за недостаткомъ личныхъ наблюденій писать приходилось на основаніи слышаннаго. Историки XVII вѣка Генсбергеръ и Горткнохъ были, кажется, первые, которые смѣшали зубровъ съ турами, и съ тѣхъ поръ становится затруднительнымъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Считаемъ, однако, необходимымъ привести здѣсь и противополож-

20

ные взгляды: польскій естествоиспытатель Пушъ, а за нимъ многіе другіе и, между прочимъ, нашъ Далматовъ, вопреки мнѣнію такихъ авторитетовъ, какъ Кювье, Мейеръ и Беръ, доказываютъ, что зубръ и туръ—одно и то же животное. Доказательства эти, хотя и исключительно филологическаго характера, но, тѣмъ не менѣе, съ ними нельзя не считаться. У восточныхъ славянъ не существовало названія зубръ, и Владиміръ Мономахъ, охотившійся на очень обширной территоріи, не могъ не встрѣчать зубровъ, между тѣмъ онъ говоритъ въ своемъ поученіи только объ одномъ дикомъ быкѣ—турѣ. На малороссійскомъ нарѣчіи зубра до сихъ поръ называютъ туромъ. Трава Hierochloa borealis называется зубровкою и туровкою.

Польскій лѣтописецъ Длугошъ, жившій въ половинѣ XV вѣка, употребляетъ turus и żubr, какъ синонимы. Самое подробное описаніе обѣихъ породъ Герберштейна представляется Пушу неточнымъ и записаннымъ по наслышкѣ, что же касается рисунковъ, приложенныхъ къ изданію Герберштейна, то Пушъ полагаетъ, что они сдѣланы не съ натуры, а позднѣе для иллюстраціи. Вездѣ, гдѣ рѣки: Нѣманъ, Бугъ и Рось составляютъ границы Литвы съ Русью, по одну сторону — въ Литвѣ — встрѣчаются названія урочищъ и деревень: Зубры, Зубровый Кутъ, Зуброво, а по другую сторону—уже на Руси, являются: Турно, Туры, Туровъ. Ко всѣмъ этимъ доказательствамъ можно бы прибавить еще то, что ископаемыхъ скелетовъ другого быка тамъ, гдѣ попадались скелеты зубровъ, находить не удавалось, быть-можетъ, потому, что весьма различные между собою по внѣшнему виду, зубръ и туръ мало отличаются костнымъ строеніемъ.

Съ другой стороны Брэмъ упоминаетъ, что въ прошломъ столѣтіи у одного купца въ Аугсбургѣ нашлась картина, писанная на полотнѣ и по стилю рисунка относящаяся къ первой четверти XVI вѣка, которая изображала въ профиль безгриваго быка, довольно грубоволосаго, съ большою головою, толстой шеей, узкимъ подгрудкомъ и рогами, идущими сначала впередъ и затѣмъ поднимающимися вверхъ, какъ у романскихъ быковъ. Въ углу картины можно было различить слово thur, написанное золотыми нѣмецкими буквами. Изъ сопоставленія этой надписи и приведеннаго описанія животнаго на картинѣ ясно, что картина изображала быка, совершенно отличнаго отъ зубра. О картинѣ писалъ Гамильтонъ Смитъ, но гдѣ находится этотъ интересный документъ, могущій освѣтить спорный вопросъ, — узнать не удалось.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что древній славянскій туръ не имѣлъ ничего общаго съ нынѣшнимъ кавказскимъ горнымъ козломъ, въ трехъ его разновидностяхъ, котораго русскіе на Кавказѣ также прозвали

туромъ.—Нужно думать, что названіе тура русскіе перенесли на горнаго козла по сопоставленію представленія о рогахъ, изъ которыхъ и по старымъ русскимъ обычаямъ и по кавказскому обыкновенію пили вино.

Кому приходилось видѣть зубра въ лѣсу, не можетъ не согласиться съ Брэмомъ, что этотъ звѣрь производитъ впечатлѣніе какой-то „первобытной силы и мощи“. При всей уродливости и неуклюжести огромной фигуры зубра, если разсматривать ее близко, она представляется совершенно иною въ своей естественной обстановкѣ. Въ лѣсу, на волѣ въ ней столько гордаго, величественнаго и отчасти мрачнаго, что она кажется почти прекрасною. Когда же звѣрь приходитъ въ ярость и низко опуститъ свою огромную голову, то не найдется такого мужественнаго сердца, которое, не сжалось бы при встрѣчѣ съ нимъ. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ видъ мирно пасущагося стада. Въ общемъ, оно напоминаетъ стадо домашняго скота. Хотѣлось бы

Стадо зубровъ при подходѣ къ нему.
Фотографія съ натуры Г. Карцова.

20*

любоваться имъ и приблизиться, чтобы лучше разсмотрѣть; но, къ сожалѣнію, зубры чутки.

Зубръ никогда не имѣетъ трусливаго вида; даже на бѣгу отъ опасности, онъ все-таки скорѣе страшенъ. Спокойно пасущійся въ одиночку, онъ кажется меланхоличнымъ, тупымъ, упрямымъ и даже глуповатымъ.

При взглядѣ на зубра спереди, прежде всего бросается въ глаза огромная **голова,** которая, благодаря ширинѣ лба и необыкновенно широко разставленнымъ рогамъ, кажется еще больше. Въ профиль размѣры головы скрадываетъ короткая, толстая шея, покрытая верхнею и нижнею гривами, мало отдѣляющая голову отъ непропорціонально развитаго переда животнаго. Точныхъ очертаній головы, при разсматриваніи зубра на волѣ, нельзя замѣтить, отчасти вслѣдствіе однообразія окраски шерсти, а главнымъ образомъ потому, что она покрыта густо вьющимися волосами.

Голова издали имѣетъ видъ шара, на которомъ торчатъ рога; снизу свѣшивается борода, указывающая на мѣсто, надъ которымъ должно быть нюхало. Рыло зубра, т. е. обнаженная его часть, настолько мало по сравненію съ шириной лба, что спереди голова представляется какъ бы равностороннимъ трехъугольникомъ, съ основаніемъ, обращеннымъ вверхъ. Только середина верхней губы и передняя окраина ноздрей совершенно голы; все остальное рыло покрыто короткими волосами, переходящими въ болѣе длинные уже у самаго конца нюхала. Ноздри имѣютъ овальную, вытянутую въ длину форму и расположены скорѣе съ боковъ нюхала, чѣмъ спереди. Брэмъ называетъ морду зубра широкою, съ чѣмъ нельзя согласиться. Она именно поражаетъ своею миніатюрностью, напоминая даже козью, чѣмъ отличается отъ морды домашняго рогатаго скота, имѣющаго всегда какъ бы припухшую и ясно отдѣляющуюся морду *). Отъ самаго передняго края нижней губы и далѣе, вдоль по нижнему краю шеи, у зубра висятъ длинныя космы прямыхъ или чуть волнистыхъ волосъ, которые подъ нижней губой настолько удлинняются, что производятъ впечатлѣніе бороды, спускающейся острымъ трехъугольникомъ.

Глаза средней величины, и даже скорѣе малы, по сравненію съ боковой плоскостью головы. Глазное яблоко очень выпукло и подвижно. Весь глазъ кажется чернымъ, такъ какъ бѣлокъ рѣдко виденъ. По мнѣнію натуралистовъ, у зубра почти исключительно боковое зрѣніе, вслѣдствіе большой выпуклости внутренняго края глазной втулки. При

*) Чучельникъ, препарировавшій головы зубровъ, убитыхъ въ Бѣловѣжѣ на Высоч. охотѣ 1900 года, сдѣлалъ сначала громадную ошибку, растянувъ нюхала, вѣроятно, желая тѣмъ придать животному болѣе свирѣпый видъ. Теперь ошибка эта исправлена.

желаніи зубра видѣть то, что передъ нимъ, ему, будто бы, необходимо повернуть голову въ сторону. Объ этой особенности зубра, какъ мы видѣли, говорилъ еще Аристотель; охотники же, на основаніи своихъ наблюденій и преимущественно надъ одинцами, считаютъ, что зубръ одинаково хорошо видитъ и передъ собою. Если подходить къ зубру съ боку, то онъ поворачиваетъ голову въ сторону подходящаго и стоитъ неподвижно, упорно глядя на приближающагося. Зрачокъ вертикально продолговатый, въ серединѣ съуженный. Глазъ у зубра живой и съ красноватымъ отливомъ, когда звѣрь возбужденъ. Рѣсницы длинныя и густыя. Окружающая глазное яблоко плева по краямъ темнаго цвѣта. Зрѣніе очень острое, какъ у всѣхъ дикихъ животныхъ, а, по увѣренію мѣстныхъ лѣсниковъ, зубры видятъ такъ же хорошо ночью, какъ и днемъ. Въ этомъ, конечно, есть нѣкоторое преувеличеніе, но съуженный посрединѣ зрачокъ, несомнѣнно, указываетъ на способность видѣть и въ сумерки.

Губы, языкъ и небо темные, аспидно-синеватаго цвѣта, что придаетъ зубру дикій видъ. Языкъ покрытъ сосочками значительной величины, гораздо бо̀льшими, чѣмъ у другихъ быковъ. Оппіанъ приписывалъ этой шероховатости языка способность зубровъ притягивать людей за платье во время борьбы. Губы, сравнительно съ бычачьими, тонки и съ внутренней стороны, какъ и щеки, покрыты кожистыми, остроконечными наростами, общими всѣмъ жвачнымъ.

Лобъ выпуклый, болѣе широкъ, чѣмъ длиненъ. Роговые стержни стоятъ передъ макушечнымъ гребнемъ.

По отношенію къ величинѣ звѣря и массивности головы рога зубровъ не велики; они очень толсты въ основаніи и быстро съуживаются къ концамъ, разставлены широко, будучи посажены на краяхъ темянной кости, и выдаются впередъ.

Рогъ, какъ и у всѣхъ быковъ, постоянный, несмѣняемый, полый и круглый въ разрѣзѣ на всемъ протяженіи, цвѣта чернаго, гладкій, какъ бы полированный. У основанія имѣются концентрическія наслоенія, указывающія до извѣстной степени на возрастъ. Чѣмъ больше наслоеній, тѣмъ старше животное. Рога у быка менѣе выгнуты, чѣмъ у коровы, и большей частью правильной формы; у послѣднихъ же они значительно острѣе и разнообразнѣе. Концы ихъ бываютъ загнуты въ стороны, а иногда внизъ. Чѣмъ тупѣе рогъ зубра, тѣмъ онъ старше. У очень старыхъ одинцовъ концы роговъ толщиною съ кулакъ взрослаго человѣка. Очень мало зубровъ сохраняютъ до старости нормальные, правильные рога; большинство имѣютъ рога расщепленные, сбитые въ концахъ или неправильно закривленные ударами, нанесенными еще въ въ то время, когда они не окрѣпли. Всѣ такія ненормальности не

исправляются природой; сбитый ударомъ рогъ не выростаетъ. Комолость, хотя и бываетъ, но очень рѣдко; быть-можетъ, она является вслѣдствіе потери обоихъ роговъ.

Короткія **уши** нѣсколько менѣе трети головы, но онѣ не отвислыя, а нѣсколько торчащія, хотя и не прижимаются кверху. Какъ внутри, такъ и снаружи, особенно по краямъ, уши покрыты густою шерстью. У зубра голова сравнительно короче бычачьей, и абсолютные размѣры ушей зубра меньше, чѣмъ у быковъ.

Формула **зубовъ,** о которой было говорено выше, у зубровъ общая съ большинствомъ жвачныхъ. О зубахъ зубра и о распознаваніи по нимъ лѣтъ звѣря профессоръ Усовъ говоритъ слѣдующее: „Рѣзцы зубровъ „въ видѣ нѣсколько изогнутыхъ долотъ. Возрастъ зубровъ по формѣ „рѣзцовъ узнавать не трудно, хотя годовые признаки зубовъ еще не „приведены въ систему. Стираніе эмали на рѣзцахъ начинается съ „среднихъ (они шире другихъ) и постепенно стирается верхній острый „край, и узкая крона ихъ представляетъ значительное углубленіе, при „чемъ только передній край остается острымъ. Къ семилѣтнему воз-„расту уже всѣ передніе рѣзцы имѣютъ сказанное углубленіе, а въ „среднихъ рѣзцахъ замѣчается измѣненіе въ ширинѣ, т. е. они, относи-„тельно своей длины, менѣе широки. Дальнѣйшій возрастъ по зубамъ „можно узнавать по уменьшенію длины зубовъ и ширины верхняго ихъ „края. У старыхъ зубровъ рѣзцы стираются настолько, что лишь едва „выступаютъ изъ дёсенъ въ видѣ колышковъ. Коренные зубы идутъ, „увеличиваясь отъ переднихъ къ заднимъ, такъ что послѣдній коренной „по крайней мѣрѣ втрое больше перваго. Поверхность кроны, какъ „вообще у травоядныхъ, неровная, съ углубленіями между складками. „Складки не выступаютъ наружу“.

Измѣренія зубовъ зубра 12-ти лѣтъ, убитаго 22 сентября 1902 г. въ Бѣловѣжѣ (смотри стр. 134), дали нижеслѣдующіе размѣры:

(въ миллиметрахъ).

	длина		ширина	
	нижн. челюсти	верхн. челюсти	нижн. челюсти	верхн. челюсти
Задніе коренные	18	23	40	34
Слѣдующіе послѣ заднихъ .	21	27	30	30
3-я пара	21	25	25	26
4-я пара	20	25	28	18
5-я пара	20	28	22	18
Передніе коренные . . .	15	20	8	18

	длина	ширина
2-хъ среднихъ рѣзцовъ	12	11
» слѣдующихъ	12	11
» предпослѣднихъ	16	13
» крайнихъ.	15	12

Заканчивая описаніе головы зубра, прибавимъ, что густая, состоящая изъ длиннаго волоса, челка ниспадаетъ на лобъ и покрываетъ всю верхнюю часть головы до ноздрей, чѣмъ придается сильная горбоносость, совершенно скрадывающая и безъ того короткую морду. Челка сверху, а борода и нижняя шейная грива, составляющая ея продолженіе снизу, настолько округляютъ общій видъ головы въ профиль, что выдающейся отъ черепа морды совершенно не видно, и даже на близкомъ разстояніи не сразу возможно опредѣлить, гдѣ находится ротъ звѣря.

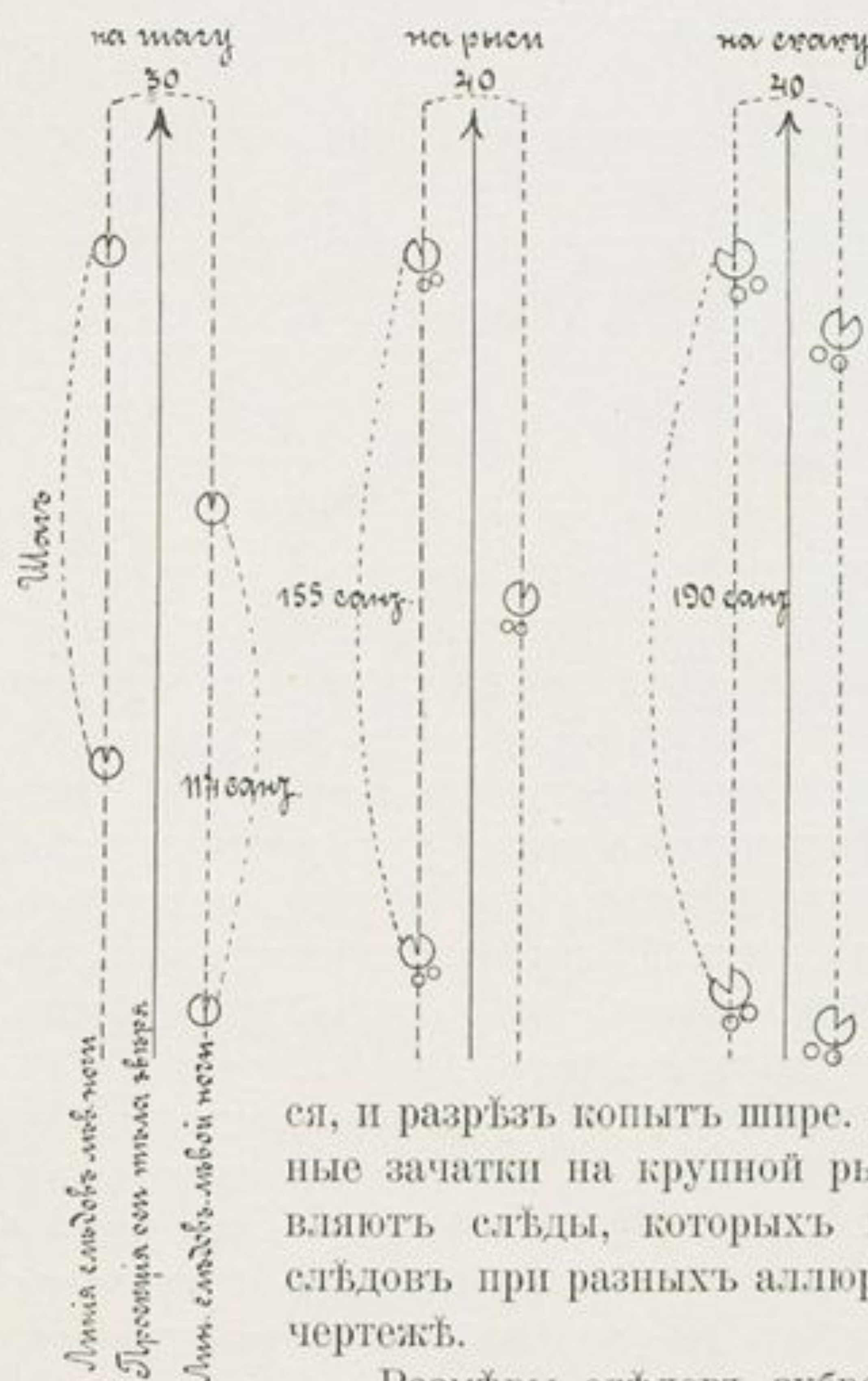
Шея зубра коротка, сравнительно съ общею длиною тѣла, отчего голова кажется какъ бы вросшею въ плечи. Это впечатлѣніе усиливается еще обѣими гривами, верхнею и нижнею, скрадывающими шею. На ней не замѣчается ни малѣйшаго признака отвислой грудины, обыкновенной у домашняго рогатаго скота. Короткость шеи особенно бросается въ глаза у быковъ, вслѣдствіе большей горбатости.

Туловище зубра спереди высокое и страшно массивное, сзади—ниже, уже, но безъ костлявости, какъ у домашняго скота. Непропорціональность развитія переда придаетъ зубру неуклюжій, неповоротливый видъ. У самцовъ развитіе переда еще болѣе выражено, чѣмъ у самокъ, но у телятъ до годовалаго возраста она почти отсутствуетъ. Это несоотвѣтствіе зада съ передомъ происходитъ отъ удлинненія остистыхъ отростковъ позвонковъ между лопатками, благодаря которымъ спина отъ шеи сразу поднимается горбомъ; шея же кажется всегда опущенной, а голова какъ бы притянутою къ землѣ собственною тяжестью. Подобный поставъ шеи и головы, при широко разставленныхъ рогахъ и огромномъ лбѣ, придаютъ звѣрю даже въ совершенно спокойномъ состояніи строгій видъ животнаго, готоваго всегда къ нападенію. Отростки спинныхъ позвонковъ достигаютъ у старыхъ самцовъ до одного фута и расположены въ видѣ полукруглаго гребня. Сутуловатость звѣря такъ велика, и голова настолько опущена, что рѣпица хвоста приходится всегда нѣсколько выше темени. При удовлетворительныхъ кормахъ бѣловѣжскій зубръ вообще тученъ, всѣ формы его округлы, мускулисты, но не сухи. Костякъ мало замѣтенъ.

Грудь зубра спереди широкая, лопатки разставлены настолько, что слѣды переднихъ ногъ отпечатываются на четверть въ стороны отъ оси тѣла, проектированной на землѣ. Мускулатура лопатокъ развита необычайно, и вообще весь передъ сразу производитъ впечатлѣніе могучей силы. Бочковатость реберъ умѣренная; брюхо не раздуто, какъ у домашнихъ коровъ; задъ, сравнительно съ передомъ, узокъ и настолько ниже переда, что даже у коровъ, у которыхъ горбы мало раз-

виты,—онъ ниже холки. Вымени у самокъ совершенно незамѣтно, даже въ періодъ кормленія. На кожѣ, покрытой густыми волосами, едва виднѣются четыре сосца; молочныя железы заключены въ двухъ клѣтчатыхъ рубцахъ, тянущихся до середины брюха. Половыя части, даже у стельныхъ зубрицъ, почти незамѣтны и не выдаются надъ лобковыми костями, какъ у домашнихъ коровъ. Бычья кисть рѣзко выражена, а мѣшокъ, сравнительно съ бычьимъ, малъ, подвинутъ впередъ и покрытъ волосами. Туловище быка въ общемъ массивнѣе, но короче туловища коровы. У телятъ разныхъ половъ и одинаковаго возраста разница формъ незамѣтна.

Кости **конечностей** зубровъ гораздо тоньше и нѣжнѣе костей домашнихъ быковъ. Густота шерсти, въ особенности длина ея въ верхнихъ частяхъ переднихъ ногъ, очень скрадываютъ эту особенность звѣря, дѣлая ноги по толщинѣ совершенно пропорціональными общему складу. Переднія ноги коротки по сравненію съ задними. Копыта черныя, раздвоенныя, немного выше, круче копытъ домашнихъ коровъ. Ложныя копыта расположены поперекъ.

Слѣдъ звѣря очень похожъ на слѣдъ коровій, только пятки гораздо болѣе вдавливаются и сами онѣ больше и круглѣе, чѣмъ у коровъ. Слѣдъ даже молодого зубра гораздо крупнѣе слѣда средняго быка. У зубрицы слѣдъ нѣсколько длиннѣе и острѣе, чѣмъ у самцовъ. По слѣдамъ зубра отлично узнается аллюръ звѣря: на бѣгу слѣды пятокъ глубоко вдавливаются, и разрѣзъ копытъ шире. Ложныя копыта или надпяточные зачатки на крупной рыси, или на скаку звѣря оставляютъ слѣды, которыхъ на шагу нѣтъ. Расположеніе слѣдовъ при разныхъ аллюрахъ показано на прилагаемомъ чертежѣ.

Размѣры слѣдовъ зубровъ въ миллиметрахъ представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

№№	Полъ и возрастъ	Миллиметры.		Сантиметры.		
		Ширина.	Длина.	Шагъ.	Рысь.	Галопъ.
1	Быкъ 28 лѣтъ *), передн. нога.	144	173			
	задн. »	114	179			
2	» 20 » **), передн. »	130	152	114	155	190
	задн. »	110	135			
3	» 15 » передн. »	123	128			
	задн. »	102	124			
4	» 15 » передн. »	137	141			
	задн. »	129	139			
5	» 15 » передн. »	124	127	95	133	169
	задн. »	110	115			
6	Корова 10 » передн. »	121	135	74	143	178
	задн. »	95	115			
7	» 7 » передн. »	102	113			
	задн. »	100	108			
8	» 4 » передн. »	99	102			
	задн. »	95	98			
9	Теленокъ годичн., корова, передн. н.	60	68	50	100	—
	задн. н.	55	67			
10	» годичн., бычекъ, передн. н.	89	91			
	задн. н.	75	82			

Наибольшая глубина отпечатка два сантиметра.

На рыси и галопѣ слѣдъ глубже, слѣдъ заднихъ ногъ перебрасывается на рыси почти на четверть далѣе переднихъ.

Хвостъ зубра даетъ очень явственный признакъ, отличающій звѣря отъ домашняго рогатаго скота и всѣхъ другихъ быковъ. Хвостовыхъ позвонковъ у зубра (по Усову) на одинъ больше, чѣмъ у домашняго быка, но каждый изъ нихъ короче, поэтому въ общемъ и весь хвостъ короче, что въ особенности бросается въ глаза, при сравнительно бо̀льшихъ размѣрахъ звѣря. Послѣдній хвостовой позвонокъ не доходитъ до скакательнаго сустава. Весь хвостъ зубра на разстояніи 4—5 сантиметровъ отъ корня и до низу покрытъ длиннымъ волосомъ, который, по мѣрѣ приближенія къ концу, все болѣе удлинняется и

*) Слѣдъ измѣренъ въ маѣ мѣсяцѣ, на глинистой почвѣ.

**) Всѣ остальные слѣды лѣтніе, на разныхъ почвахъ.

гуще покрываетъ кожу; вслѣдствіе этого внизу хвоста образуется намекъ на кисть, но кисть эта гораздо меньше выражена, чѣмъ у домашнихъ быковъ. Въ спокойномъ состояніи хвоста, его можно сравнить съ жидкой метлой, когда же зубръ идетъ галопомъ и задираетъ хвостъ высоко кверху, ясно замѣтно, что длинный волосъ развѣвается почти отъ корня хвоста, и хвостовой кисти въ сущности нѣтъ. Словомъ, хвостъ зубра, по внѣшнему виду, представляетъ среднее между лоша-

Куцый лижущійся зубръ.
Фотографія съ натуры
А. Далматова.

динымъ и коровьимъ. Чаще всего хвостовая кисть совершенно отсутствуетъ, потому что длинный волосъ выдергивается въ лѣсныхъ чащахъ и даже нерѣдко отрывается вмѣстѣ съ послѣдними позвонками, если хвостъ попадаетъ въ расщепленный стволъ. Въ Бѣловѣжской Пущѣ въ каждомъ почти стадѣ встрѣчаются куцые зубры. До сихъ поръ почти на всѣхъ рисункахъ зубра, исключая нѣкоторыхъ нѣмецкихъ, хвостъ ошибочно изображался длиннѣе, нежели онъ бываетъ въ дѣйствительности, и притомъ съ ясно выраженною кистью на концѣ.

Такъ онъ изображенъ у Яроцкаго, Бринкена, въ изданіи министерства государственныхъ имуществъ 1861 года и даже у Брэма.

Кожные покровы зубра отличаются необыкновенной плотностью, и это объясняется условіями жизни въ лѣсу, гдѣ звѣрю приходится постоянно задѣвать деревья частью неизбѣжно, частью для того, чтобы почесаться и отогнать насѣкомыхъ. Кожа зубра почти въ два раза толще кожи домашняго быка, и хотя ноздревата, но никогда, при снятіи шкуры, она не оказывалась попорченною оводами или слѣдами яичекъ другихъ насѣкомыхъ. Общій тонъ окраски шерсти темно-бурый, вслѣдствіе чего на далекомъ разстояніи зубры кажутся совершенно черными. Шерсть мѣняется въ длинѣ по возрастамъ и по временамъ года, но во всѣхъ возрастахъ и круглый годъ свойство самаго волоса остается одинаковымъ. На конечностяхъ и задней части волосъ болѣе мягкій, короткій и мало курчавый; на остальныхъ частяхъ тѣла болѣе длинный, жесткій и курчавый. Пушистый подшерстокъ покрываетъ кожу зубра на всемъ тѣлѣ и обыкновенно сбитъ въ войлокъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ длинныхъ завитыхъ волосъ, этотъ подшерстокъ немного волнистъ, напоминая руно овцы чрезъ недѣлю послѣ стрижки. Лѣтомъ шерсть гладкая, зимой—волнистая, съ замѣтнымъ подшерсткомъ. Самый длинный волосъ спадаетъ отъ нижней губы и со щекъ, образуя клинообразную бороду. Затѣмъ, длинные волосы покрываютъ съ боковъ и весь подгрудокъ, переходя въ болѣе короткіе между передними ногами на груди. Эта нижняя грива, состоящая изъ гладкихъ волосъ, длиннѣе у зубровъ среднихъ лѣтъ, нежели у старыхъ; у коровъ она менѣе развита. Длинный, мелко-завитой волосъ покрываетъ затылокъ, образуя широкую челку, спадающую спереди на лобъ, а съ боковъ на виски; очень густымъ и довольно длиннымъ волосомъ покрыта верхняя часть морды до рыла. На бокахъ шеи длиннаго волоса нѣтъ. По верхнему гребню шеи волосъ стоитъ торчкомъ, а въ зимній періодъ, когда мѣховая одежда богаче, онъ даже ниспадаетъ немного на бока. Верхняя грива переходитъ гребнемъ на горбъ и пропадаетъ, сливаясь постепенно съ подшерсткомъ на поясницѣ. Ушныя раковины на краяхъ мохнаты, и длинный волосъ, торчащій изъ уха, соединяясь съ наружнымъ, выступаетъ въ видѣ кисти. Замѣтно удлиненная, немного волнистая ость покрываетъ заднія стороны лопатокъ и переднихъ ногъ до колѣнъ; на бабкахъ, надъ копытами, волосъ также чуть длиннѣе, чѣмъ на безъостевыхъ частяхъ. На брюхѣ волосъ длиннѣе, чѣмъ на бокахъ. Мы сказали уже, что издали зубры кажутся черными; но, если разсматривать волосъ близко, то черный цвѣтъ замѣчается только на вискахъ, бородѣ, нижней гривѣ, у копытъ и на хвостѣ; почти черный, но съ бурымъ оттѣнкомъ,—на конечностяхъ, лопаткахъ, ляжкахъ

21*

и на брюхѣ. Еще болѣе свѣтлый, даже ржаво-бурый оттѣнокъ шерсть принимаетъ на мордѣ, на бокахъ и горбѣ. У нѣкоторыхъ зубровъ бываетъ бѣлесоватый отблескъ на горбѣ и на ребрахъ. У новорожденныхъ телятъ тамъ, гдѣ волосъ коротокъ, шерсть мягка и блѣдно-бураго цвѣта, а гдѣ онъ длиненъ, особенно на щекахъ, бородѣ и въ концѣ хвоста, шерсть темно-бурая; къ зимѣ, послѣ первой линки теленка, шерсть выростаетъ у него весьма обильно, однообразнаго искраспа-бураго цвѣта, съ пепельнымъ налетомъ.

Зубры линяютъ два раза—къ веснѣ и къ зимѣ. Линка начинается съ шеи, ногъ и головы. Лоснящаяся, пушистая и длинная шерсть частью выпадаетъ, частью оттирается звѣремъ о деревья; къ марту зубръ покрывается какъ бы плѣшинами, грива остается едва замѣтной лишь на лбу, затылкѣ и бородѣ, въ видѣ клоковъ. Въ апрѣлѣ плѣшины сравниваются, грива чуть подростаетъ, и звѣрь къ лѣту покрывается короткою глянцовитою шерстью. Среди лѣта въ нее попадаетъ не мало древесной смолы и она, кромѣ того, стирается при постоянномъ чесаніи о деревья. Отъ древесной смолы и грязи зубръ освобождается, валяясь на сухихъ песчаныхъ мѣстахъ, чаще всего на просѣкахъ и дорогахъ; грязи же онъ избѣгаетъ, въ виду чего его вообще можно причислить къ опрятнымъ животнымъ. Лѣтомъ шерсть зубра свѣтлѣе и впадаетъ отчасти въ желтовато-сѣрый тонъ.

Вторая линка зубра начинается въ сентябрѣ. Гривы снова выростаютъ, шерсть вообще становится болѣе обильною и быстро сваливается въ войлокъ. Это особенно замѣтно на шеѣ, гдѣ при поворотахъ или наклоненіи книзу, она кажется какъ бы перетянутой бичевками. Зимняя шерсть на коротковолосыхъ частяхъ тѣла темно-бураго цвѣта; шея и плечи значительно свѣтлѣе съ изсѣра-желтоватымъ налетомъ. При ярко-солнечномъ зимнемъ освѣщеніи зубры кажутся какъ бы осыпанными по горбу и плечамъ серебристымъ порошкомъ. По шкурамъ, хранящимся долго въ музеяхъ и зоологическихъ кабинетахъ, рѣшительно невозможно составить понятія объ окраскѣ и свойствѣ шерсти зубра. На старыхъ шкурахъ длинный волосъ осѣкается, и остается только подпушка желто-бураго цвѣта и очень короткая шерсть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на живомъ она длинная. Нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить чучела бѣловѣжскаго и кавказскаго зубровъ, хранящіяся въ С.-Петербургскомъ зоологическомъ музеѣ. Первые, пожертвованные еще Государемъ Николаемъ Павловичемъ, желто-буры, съ рѣдкими клоками длинныхъ волосъ вмѣсто гривы, тогда какъ вторые, принесенные въ даръ музею Великимъ Княземъ Сергіемъ Михаиловичемъ 6 лѣтъ тому назадъ, щеголяютъ темною, пышною и характерною для зубра, шерстью. Чучела 4-хъ бѣловѣжскихъ зубровъ, храня-

щіяся въ настоящее время въ кладовой главнаго управленія удѣловъ, имѣютъ такую же богатую шерсть. При этомъ, конечно, нужно принять во вниманіе, что за 50 лѣтъ выдѣлка чучелъ ушла впередъ, и чучела звѣрей современной работы почти живутъ.

Выродковъ зубра, съ большими бѣлыми отмѣтинами или другой масти, чѣмъ темно-бурый, никогда не наблюдалось. Очень рѣдко встрѣчаются зубры съ бѣлымъ чулкомъ; у такихъ замѣтна нѣкоторая бѣлесоватость копытъ и роговъ. Старые лѣсничіе свидѣтельствуютъ, что будто между зубрами выдѣляются двѣ породы:—одна болѣе мелкая, свѣтлаго оттѣнка, и другая всегда темнѣе и крупнѣе первой. Если это и справедливо, то во всякомъ случаѣ разница въ оттѣнкахъ настолько незначительна, что не можетъ служить признакомъ породы; гораздо вѣроятнѣе, что возрастъ и полъ звѣрей, а въ особенности, недружная линка дали поводъ къ такому заключенію.

Замѣчательную особенность зубра составляетъ **мускусный запахъ.** Этотъ ѣдкій и пріятный запахъ чувствуется не всегда въ одинаковой мѣрѣ и какъ будто усиливается въ зависимости отъ пола, времени года и погоды. Запахъ сильнѣе у самцовъ въ концѣ іюля и августѣ, т. е. въ періодъ возбужденія течкою самокъ, а также зимою въ сырую погоду, и лѣтомъ—въ сильную жару, когда стадо укрывается въ сырыхъ, густозаросшихъ, тѣнистыхъ мѣстахъ, или послѣ гона, вѣроятно вслѣдствіе испарины. Зубриное молоко также отдаетъ мускусомъ. При ровномъ, несильномъ вѣтрѣ, уже на разстояніи 150 шаговъ и болѣе по запаху можно угадать присутствіе зубровъ, а на мѣстахъ жировокъ онъ чувствуется почти въ продолженіе получаса послѣ ухода зубровъ. Отъ убитаго зубра пахнетъ какъ будто еще сильнѣе.

Далматовъ высказываетъ предположеніе, что мускусный запахъ зависитъ отъ особыхъ железъ, расположенныхъ между мозговою плевою и темянною костью, хотя самыхъ железъ не описываетъ. Хлѣвъ, въ которомъ жили двѣ пары приручавшихся зубровъ, передъ отправкою ихъ въ Англію и въ Царское Село въ 1846 году, — долгое время сохранялъ запахъ мускуса. Даже домашнее воспитаніе не отнимаетъ у зубра этой особенности, что легко было прослѣдить на Царскосельскихъ зубрахъ.

В. Крестовскій находитъ, что мускусный запахъ мозга зубра напоминаетъ въ то же время тонкій ароматъ фіалки, но это наблюденіе никѣмъ не подтверждается. Отъ зубровъ, кромѣ какъ мускусомъ, пахнетъ еще такъ же, какъ и отъ домашняго рогатаго скота.

При длинѣ туловища отъ верхней губы до корня хвоста въ 350 сантиметровъ и высотѣ отъ холки до основанія копытъ въ 182 сант.—

крупный, старый одинецъ, выпотрошенный, вѣситъ около 50 пуд.*); корова одного возраста съ быкомъ вѣситъ на одну треть меньше. **Вѣсъ звѣря** средняго возраста, посредственной выкормки, — около 32 пудовъ.

Размѣры и вѣсъ бѣловѣжскихъ и кавказскихъ зубровъ

(въ сантиметрахъ и пудахъ):

	Бѣловѣжскіе.			Кавказскіе.	
	Быкъ 30 лѣтъ.	Корова 10 лѣтъ.	Телка 8 мѣс.	Быкъ 3 лѣтъ.	Корова старая.
Длина отъ верхней губы до конца хвоста	375	350	162	298	309
Половина окружности корпуса отъ холки вокругъ грудной клѣтки	117	100	52	101	103
Окружность головы надъ глазами	129	102	61	110	99
» » » ноздрями	64	54	32	56	58
Длина головы отъ нюхала до затылка	64	60	31	71	61
Разстояніе между центрами глазъ	37	36	21	36	23
» » рогами у основанія ихъ	28	24	13	24	20
Наибольшее разстояніе между изгибами роговъ	52	40	25	42	27
Разстояніе между концами роговъ	40	20	25	28	7
Толщина роговъ въ обхватъ у основанія	29	20	10	28	8
Длина роговъ по кривизнѣ ихъ	44	43	7	—	40
Длина шеи	39	44	18	47	—
Окружность шеи въ срединѣ ея	130	92	53	117	—
Разстояніе отъ холки до конца копыта передней ноги	178	166	95	159	—
» » плечевого сустава до конца копыта	—	—	—	114	99
Обхватъ передней ноги (бедра у локтя)	76	58	26	—	45
» » » надъ колѣномъ	36	33	20	—	32
» » » ниже колѣна	24	20	12	—	25
Высота копыта по наклонной передней плоскости	10	11	6	—	9
Окружность задняго копыта	33	31	20	36	—
Разстояніе отъ крестца до подошвы задняго копыта	178	171	106	159	166
Окружность бедра задней ноги	90	76	49	74	83
» скакательнаго сустава	43	42	18	58	—
Длина хвоста до послѣдняго позвонка	63	58	30	64	—
» » » конца волосъ	80	88	44	101	—
Вѣсъ (потрошеныхъ)	36 пуд.	26 пуд.	14 пуд.	20 пуд.	—
Живой вѣсъ по разсчету	42 пуд.	33 пуд.	18 пуд.	27 пуд.	—

Зубрица отличается отъ зубра одинаковаго возраста немного меньшимъ ростомъ, болѣе тонкими, круче изогнутыми и гладкими рогами, менѣе развитымъ горбомъ и болѣе длиннымъ корпусомъ. Наблюдавшій долго зубриныя стада скоро научается даже издали отличать корову отъ быка по общему виду, по какой-то, если можно такъ выразиться, элегантности склада, по менѣе суровой осанкѣ и болѣе развязнымъ движеніямъ.

Во время пастьбы **движенія зубра** крайне вялы. Собравъ все вокругъ, онъ какъ бы нехотя, съ трудомъ, дѣлая шагъ, другой, тянется къ новымъ побѣгамъ или травѣ. Наѣвшись, зубръ стоялъ бы, кажется,

*) Убитый Д. К. Нарышкинымъ 22 сентября 1902 г. вѣсилъ $47^{1}/_{2}$ пуд.

ЗУБРЪ 12-ТИ ЛѢТЪ.—Фотографія съ натуры А. Далматова.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

часами неподвижно, какъ статуя, если бы его не безпокоили насѣкомыя. Точно также, ничѣмъ не обезпокоенный, онъ передвигается медленнымъ, мѣрнымъ и нѣсколько неуклюжимъ шагомъ, которымъ, тѣмъ не менѣе, уходитъ довольно быстро; такимъ шагомъ почти безостановочно зубры перекочевываютъ на большія разстоянія. При каждомъ шагѣ звѣрь киваетъ грузной головой и очень ловко лавируетъ между деревьями въ чащахъ. Стараясь, по возможности, идти напрямикъ, онъ безъ всякаго затрудненія ломаетъ грудью встрѣчающіяся на пути двухвершковыя сосны и ели и легко проходитъ по густому крупному осиннику. Обыкновенныя препятствія, въ родѣ поваленныхъ деревьевъ, сучьевъ, рвовъ,

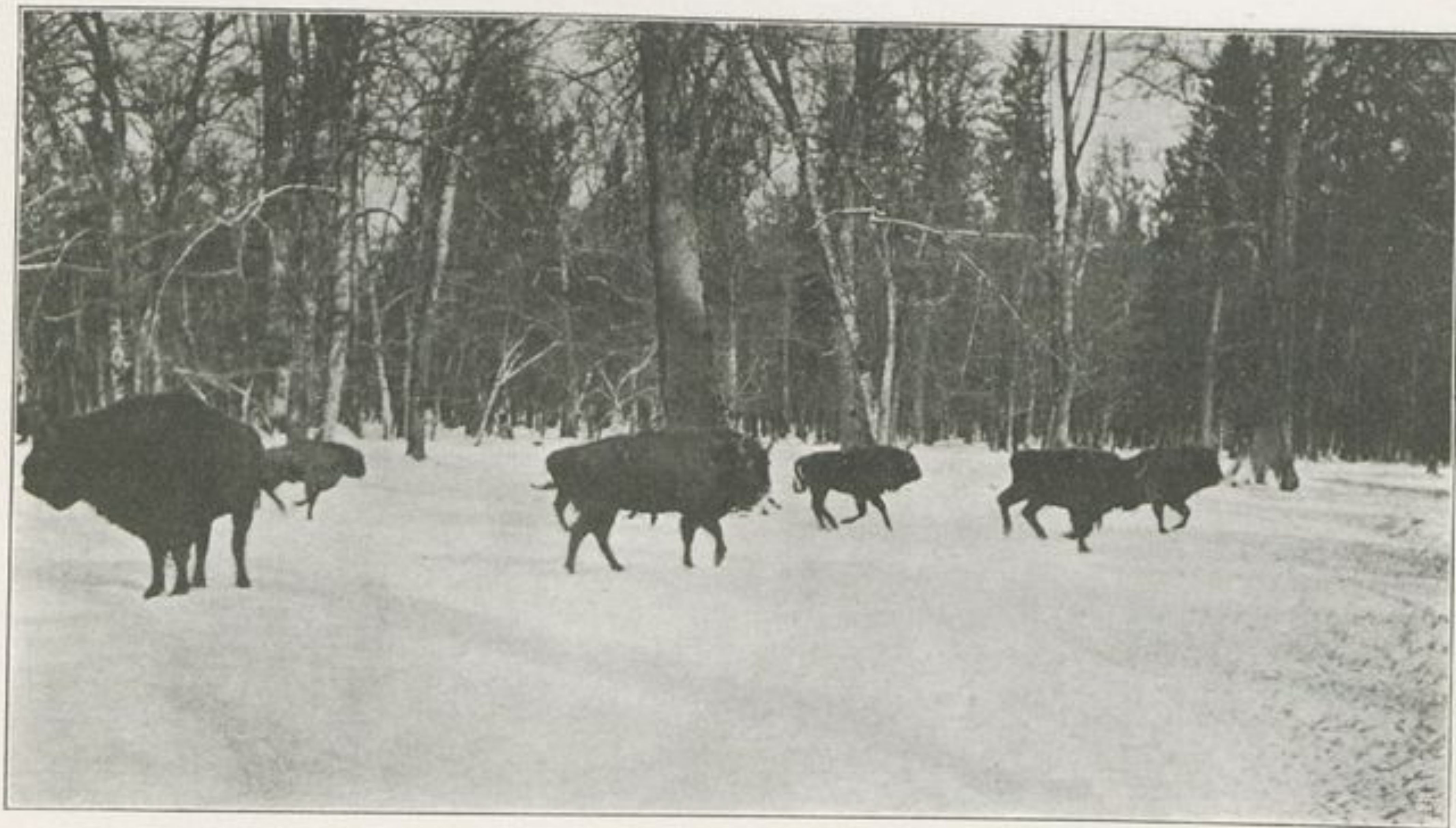
Стадо зубровъ на рыси.
Фотографія съ натуры
А. Далматова.

ямъ и т. п., зубръ преодолѣваетъ очень ловко и почти безъ разбѣга перескакиваетъ двухъаршинныя изгороди. Во время Высочайшей охоты 1860 года, зубрица, а за нею до 30 зубровъ легко перебрались даже черезъ загородку въ 10 футовъ вышиной. Корова, перепрыгивая заборъ, повисла при этомъ на немъ всею тяжестью своей туши, а остальное стадо прошло черезъ проломъ. Усовъ разсказываетъ, что на выставкѣ въ Москвѣ, когда на зубра стали накидывать петлю, онъ безъ разбѣга, при прыжкѣ, ударился рогами на высотѣ 4½ аршинъ. По непролазному болотистому кочкарнику онъ идетъ, какъ по ровному мѣсту, ни мало не смущаясь, попадетъ ли нога на кочку или между. При этомъ со стороны не замѣтно, ступаетъ ли нога ниже или выше; кочки сплю-

щиваются подъ тяжестью массы, сохраняя слѣды какъ бы отъ вбитаго круглаго трехвершковаго полѣна.

На шагу зубръ никогда не поворачиваетъ головы; онъ какъ будто игнорируетъ все вокругъ и въ полномъ смыслѣ „прѣтъ", т. е. движется впередъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Зубръ переходитъ съ шагу на рысь только въ предвидѣнiи опасности. На этомъ аллюрѣ онъ нѣсколько приподнимаетъ голову, отчего шея укорачивается, корпусъ же растягивается и немного переваливается изъ стороны въ сторону. Хвостъ на рыси нѣсколько отдѣляется или загибается крючкомъ. Рысью зубръ бѣжитъ не быстро, далеко не съ тѣмъ розмахомъ, какъ лось или олень,

Стадо зубровъ на галопѣ.
Фотографiя съ натуры
А. Далматова.

и, пройдя съ трудомъ версты двѣ—три, сразу останавливается. Въ галопъ зубръ поднимается только отъ сильнаго испуга, и на этомъ аллюрѣ онъ очень некрасивъ. Держа голову еще выше, отчего она какъ будто глубже уходитъ въ плечи, онъ задираетъ хвостъ кверху и весь корпусъ собираетъ комкомъ.

Подробно разсмотрѣть зубра на растяжномъ галопѣ очень трудно, ибо этимъ ходомъ звѣри идутъ всегда скученнымъ стадомъ и очень быстро, выбирая лѣтомъ самыя тѣнистыя мѣста. Для того, чтобы получить прилагаемый фотографическiй снимокъ, пришлось спугнуть стадо проголодавшихся зубровъ, приманенныхъ предварительно корнеплодомъ къ открытому мѣсту. Звѣри, не успѣвъ собраться въ кучу, съ

мѣста бросились въ галопъ, и фигуры ихъ ясно выдѣлялись на бѣломъ фонѣ снѣжной пелены. Лѣтомъ подобнаго снимка получить не удалось бы, ибо зубры тогда строже и не идутъ на приманку. Галопомъ зубръ можетъ пройти еще менѣе, нежели рысью; проскакавъ съ версту, онъ сразу останавливается, какъ бы ни была велика опасность.

Этимъ, несомнѣнно, пользовались въ старину при охотѣ на зубра верхами.

Зубрята уже въ семидневномъ возрастѣ настолько подвижны, что всюду слѣдуютъ и поспѣваютъ за стадомъ. Рѣзвясь, молодые зубры дѣлаютъ довольно высокіе, неловкіе, отчасти боковые прыжки, похожіе на козлиные. Въ потревоженномъ стадѣ зубрята всегда идутъ въ серединѣ, охраняемые со всѣхъ сторонъ взрослыми. Всякое движеніе зубра слышно издалека. Звѣрь не умѣетъ прокрадываться безъ шума, толстые сучья трещатъ подъ его копытами и на шагу; усиленное тяжелое дыханіе, въ особенности цѣлаго стада, слышится на большомъ разстояніи, а при движеніи галопомъ топотъ такъ силенъ, что выраженіе „земля дрожитъ" не кажется преувеличеннымъ. Комья земли, вѣтви, вырванные копытами корни—высоко разлетаются въ стороны, довольно большія деревья пригибаются, какъ тростникъ, и все это разрушеніе сопровождается еще страшнымъ сапомъ и характернымъ фырканьемъ. Зимою изъ-подъ копытъ снѣжная пыль летитъ столбомъ, смѣшиваясь съ паромъ отъ усиленнаго дыханія. Зубры легко бѣгутъ по самому глубокому снѣгу, по которому лошадь не всегда можетъ пробраться. Глядя на несущееся стадо огромныхъ звѣрей, невольно задаешься вопросомъ, какая сила была бы способна остановить ихъ напоръ?

Говоря объ аллюрахъ зубра, можно было бы сказать о другихъ его движеніяхъ, какъ то: плаваніи, валяніи въ пескѣ и снѣгу, при борьбѣ и т. п., но всѣ эти движенія настолько связаны съ условіями его жизни, что о нихъ упомянемъ далѣе.

Современное географическое распространеніе зубровъ ограничивается слѣдующими мѣстностями: 1) наибольшее количество живетъ въ Бѣловѣжской Пущѣ и въ сосѣднихъ лѣсахъ, верстъ на 80 кругомъ. Бѣловѣжская колонія исчислялась къ 1902 г. въ 750 головъ. Ошибка въ подсчетѣ признается возможною, но не болѣе какъ на 15 и самое большее 20 экземпляровъ, вслѣдствіе трудности прослѣдить ушедшихъ изъ Пущи на далекія разстоянія; 2) вторая многочисленная группа зубровъ уцѣлѣла на Кавказѣ въ Кубанской области на сѣверномъ и отчасти южномъ склонахъ главнаго хребта, на земляхъ, арендованныхъ подъ охоту Великаго Князя Сергѣя Михаиловича, между рѣками Бѣлой и Ма-

22

лой Лабой. Радде полагаетъ, что въ раіонѣ приблизительно 477.000 десятинъ имѣется отъ 300 до 600 зубровъ. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ зубры переселены изъ Бѣловѣжской Пущи; 3) въ 1846 году, по повелѣнію Государя Николая Павловича, выловили пару зубровъ для отправки ихъ въ Царское Село; тутъ они содержались до 1861-го года, и затѣмъ ихъ переселили въ лѣса подъ Гатчиной; съ этихъ поръ при Императорской Гатчинской охотѣ живетъ стадо зубровъ, постепенно размножаясь. Къ настоящему году ихъ числится 19 головъ; 4) въ 1865 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, отправили 4-хъ молодыхъ зубровъ въ имѣніе князя Плессъ въ Силезіи. Зубры отлично акклиматизировались и съ 1875 года, переведенные въ лѣсъ Мецерцицъ, размножились до 24 штукъ; 5) въ 1901 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе передать пару зубровъ, самца и самку, богатому землевладѣльцу Фальцъ-Фейну для поселенія ихъ въ его акклиматизаціонномъ паркѣ близъ мѣстечка Асканія-Нова Таврической губерніи. Такимъ образомъ, въ настоящее время, сверхъ содержащихся въ зоологическихъ садахъ, зубры имѣются въ пяти пунктахъ земного шара. Въ четырехъ изъ нихъ живутъ бѣловѣжскіе и только на Кавказѣ—мѣстные, не имѣющіе по крови ничего общаго съ литовскими. Для полноты монографіи даемъ возможно полныя свѣдѣнія и о кавказскомъ зубрѣ, хотя по внѣшнему виду и по образу жизни онъ не многимъ отличается отъ бѣловѣжскаго.

Кавказскій зубръ. Первый говорившій еще въ XVII вѣкѣ о существованіи „дикаго буйвола“ въ Мингреліи—былъ Архангело Ламберти. Въ серединѣ прошлаго столѣтія зоологи нерѣдко упоминали о кавказскомъ зубрѣ, но такъ же, какъ и Ламберти, по наслышкѣ. Знаменитый ученый Палласъ нашелъ въ архивѣ С.-Петербургской академіи наукъ двѣ замѣтки о существованіи зубровъ на Кавказѣ: одна принадлежала Ловичу и передавала слышанное отъ другихъ; авторомъ второй былъ Гильденштетъ, судившій о существованіи зубровъ на Кавказѣ по найденнымъ имъ въ пещерѣ черепамъ разныхъ звѣрей, между которыми оказались 14 череповъ зубровъ. Не сомнѣваясь въ томъ, что Гильденштетъ умѣлъ распознать зубриные черепа, мы должны однако признать, что находка его говорила только о томъ, что зубры существовали когда-то на Кавказѣ, одинаково, какъ и во всей Европѣ. Жилъ ли зубръ на Кавказѣ во времена Гильденштета, этотъ вопросъ находкой не разрѣшался и, напримѣръ, Боянусъ совершенно отрицалъ существованіе зубровъ на Кавказѣ. Въ 1835 году появились въ лѣсномъ журналѣ статьи Эйхвальда о зубрахъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось о кавказцахъ, посѣтившихъ зоологическій музей въ Вильнѣ и признавшихъ въ бѣловѣжскомъ зубрѣ животное тожественное съ кавказскимъ, называемымъ „домбей“. Въ слѣдующемъ году, командо-

вавшій войсками на Кавказѣ, баронъ Розенъ, прислалъ С.-Петербургской академіи шкуру зубра, и тогда стало несомнѣннымъ, что этотъ звѣрь живетъ въ горныхъ лѣсахъ края. Нѣсколько позднѣе г. Нордманъ прислалъ въ академію замѣтку съ изслѣдованіемъ мѣстности, въ которой встрѣчается кавказскій зубръ. Ему не удавалось встрѣчать зубровъ вблизи военно-грузинской дороги, но на Кубани ихъ было столько, что зубровые рога, обдѣланные въ серебро, распространялись оттуда почти по всему Кавказу. Профессоръ Усовъ, въ своемъ разборѣ сообщеній о кавказскомъ зубрѣ, замѣтилъ въ шестидесятыхъ годахъ, что кромѣ присылки шкуры въ 1836 году, все остальное сводилось къ голословнымъ разсказамъ. Шкуру зубрицы, присланную съ Кавказа, подробно описалъ академикъ Беръ, но описаніе это, по мнѣнію Усова, устанавливало больше различія, нежели сходства съ чучеломъ бѣловѣжскаго зубра, поэтому у Усова явилось даже подозрѣніе, не принадлежала ли и присланная барономъ Розеномъ шкура какому-нибудь другому животному, напримѣръ гауру (азіатскій дикій быкъ).

Въ 1848 году въ „Современникѣ“ появилась статья анонимнаго автора: „Охота за зубрами на Кавказѣ, въ ущельѣ Большого Зеленчука“. Въ статьѣ этой зубръ по-абхазски зовется „адомбеемъ“, а наружность его описывается такъ: „Видомъ онъ похожъ на обыкновеннаго быка: голова большая, глаза маленькіе и глубоко вдавлены; рога короткіе и толстые; передняя часть тѣла, т. е. голова, грудь и плечи, покрыты мохнатою шерстью; подъ нижнею челюстью довольно длинная борода; на задней части тѣла шерсть короткая и лоснящаяся, ноги низкія и жилистыя, хвостъ не очень длинный; цвѣтъ шерсти темно-коричневый. Роста убитый звѣрь былъ очень большого: длина его съ головой простиралась до 10-ти футовъ, высота нѣсколько больше двухъ аршинъ“. Мѣстопребываніе зубровыхъ стадъ въ то время авторъ точно опредѣлилъ такъ:— „объ адомбеяхъ или зубрахъ я узналъ отъ абхазцевъ, что они водятся не въ одномъ ущельѣ Большого Зеленчука, но и по сосновымъ лѣсамъ, растущимъ близъ вѣчныхъ снѣговъ главнаго хребта, въ ущельяхъ Урупа и Большой Лабы, но нигдѣ больше“. Несмотря на это довольно полное и вѣрное описаніе зубра, въ критическомъ разборѣ Усова, по поводу статьи анонимнаго автора, приводится 9 пунктовъ, доказывающихъ, что статья эта вымыселъ, внушенный разсказами абхазцевъ-охотниковъ.

Такимъ образомъ, до шестидесятыхъ годовъ не было положительныхъ доказательствъ существованія зубровъ на Кавказѣ, и оставалось сомнѣніе, зубръ ли это, или гауръ, живущій также въ передней Индіи.

Въ 1864 году московскій зоологическій садъ посѣтилъ генералъ графъ Евдокимовъ, герой кавказскихъ войнъ, и обѣщалъ добыть кавказскаго зубра для Москвы. По порученію графа полковникъ Аглинцовъ

22*

два раза ѣздилъ въ горы на охоту за адомбеями, но его попытки добыть звѣря были неудачны, хотя ему и удавалось видѣть издали стада зубровъ. Вскорѣ послѣ того профессоръ Усовъ обратился къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, бывшему тогда намѣстникомъ, съ просьбою прислать въ даръ московскому зоологическому саду шкуру адомбея или живого кавказскаго зубра. Его Высочество, въ разговорѣ съ Усовымъ, высказалъ, что изъ разсказовъ объ адомбеяхъ пока еще нельзя вывести заключенія о тождествѣ ихъ съ бѣловѣжскими зубрами. Позднѣе Брэмъ упоминаетъ, будто въ 1866 году на Кавказѣ „былъ пойманъ молодой зубръ-самецъ и доставленъ въ московскій зоологическій садъ", но по подробнымъ изслѣдованіямъ основателя кавказскаго музея г. Радде, этотъ фактъ не подтверждается. Въ упомянутомъ году, дѣйствительно, съ Кубани начальникомъ области графомъ Сумароковымъ-Эльстонъ была послана шкура молодого зубра, но не въ Москву, а кавказскому музею. Радде берегъ шкуру только до полученія новой отъ того же жертвователя въ 1869 году. Новая шкура принадлежала не очень старому быку въ лѣтней шерсти съ очень жидкою и короткою гривой на груди и шеѣ. Копыта звѣря были выше, но мельче, чѣмъ копыта бѣловѣжскихъ зубровъ; до 1892 года это было единственное чучело кавказскаго зубра, сохранявшееся въ музеѣ; звѣрь былъ добытъ возлѣ истоковъ р. Зеленчука, впадающей въ Большую Лабу съ восточной стороны.

Итакъ, къ девятидесятымъ годамъ стало неоспоримымъ, что на небольшомъ пространствѣ сѣвернаго склона главнаго кавказскаго хребта— водятся зубры, по виду немного отличающіеся отъ бѣловѣжскихъ, очень трудно добываемые, причемъ ни одинъ русскій охотникъ еще не могъ похвастаться счастливой охотой на этого звѣря. Первымъ изъ спортсменовъ-охотниковъ, которому посчастливилось убить кавказскаго зубра, былъ англичанинъ Литтльдель, извѣстный путешественникъ, охотившійся во всѣхъ частяхъ свѣта. Прослышавъ о зубрахъ, онъ сдѣлалъ первую попытку поохотиться на нихъ осенью 1887 года. Снѣгъ лежалъ уже всюду въ горахъ и охота оказалась очень затруднительною. Въ слѣдующемъ году онъ съ женою провелъ три мѣсяца въ горахъ, въ особо устроенномъ лагерѣ, на высотѣ 6.000 футовъ. Два раза въ недѣлю онъ отправлялся на поиски вмѣстѣ съ проводниками изъ мѣстныхъ черкесовъ. Слѣды звѣря удавалось видѣть часто, въ особенности по низменнымъ лѣсистымъ мѣстамъ. Но изъ опасенія отогнать зубровыя стада въ болѣе неприступныя мѣста, охотникъ не рѣшался переселиться поближе къ мѣстопребыванію зубровъ и оставлялъ свой лагерь на высотѣ. Нѣсколько разъ Литтльдель находилъ даже совершенно свѣжіе слѣды звѣря, слыхалъ хрястъ шаговъ по сучьямъ, видѣлъ обглоданныя деревья, кало, но за 24 вылазки ему ни разу не удалось прибли-

зиться настолько, чтобы видѣть звѣря,—до такой степени онъ чутокъ и остороженъ.

Настойчивый спортсменъ вернулся въ третій разъ въ 1891 году и нанялъ проводникомъ лезгина Лобазана, отчаяннаго головорѣза и браконьера. Кромѣ Лобазана, Литтльделя сопровождали и другіе горцы. Охотились съ подхода, осторожно, скрадывая звѣря по свѣжимъ слѣдамъ, которые находили преимущественно невдалекѣ отъ солончаковъ. Въ одно августовское утро охотнику, наконецъ, удалось подойти къ быку на сто ярдовъ, откуда онъ послалъ въ него первую пулю. По пятому выстрѣлу, уже въ 40 ярдахъ, зубръ свалился въ рѣку. Продолжая охотиться такимъ же способомъ, чрезъ нѣкоторое время охотникъ убилъ зубрицу. Литтльдель произвелъ тщательный промѣръ звѣрей и, наскоро отпрепарировавъ ихъ, отправилъ скелеты и шкуры британскому музею. Нѣсколько недѣль спустя онъ встрѣтилъ огромнаго стараго быка, больше того, котораго ему посчастливилось убить ранѣе. Онъ долго любовался звѣремъ изъ засады, но больше не стрѣлялъ, не желая быть истребителемъ рѣдчайшей въ мірѣ породы. Настойчивость Литтльделя доказала возможность успѣшно охотиться и на кавказскаго зубра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побудила охранять его.

Въ этомъ же мѣстѣ въ семидесятыхъ годахъ охотился генералъ С. А. Шереметевъ, въ бытность свою наказнымъ атаманомъ кубанской области; охотились здѣсь и офицеры частей, расположенныхъ по близости, но зубровъ получить не удалось.

Въ 1885 году предполагалось отправить экспедицію въ кубанскую область для охоты на зубровъ, но экспедиція эта не состоялась.

Въ 1887 году завѣдывающій охотою Великаго Князя Михаила Николаевича на Кавказѣ Краткій былъ командированъ на сѣверный склонъ кавказскаго хребта и намѣтилъ для устройства охоты Великихъ Князей тѣ угодья, которыя вошли теперь въ составъ охоты Великаго Князя Сергѣя Михаиловича. Во время своего путешествія г. Краткій находилъ слѣды зубровъ въ истокахъ Большой Лабы, въ долинѣ Заканъ, у Горько-соленаго источника, близъ впаденія р. Умпыръ въ р. Малую Лабу; онъ видѣлъ 7 свѣжихъ слѣдовъ на рѣкѣ Алоусъ и въ другихъ мѣстахъ. Черезъ годъ (1888) на мѣстахъ, гдѣ водились зубры, была организована охота Великихъ Князей Георгія Михаиловича и Петра Николаевича.

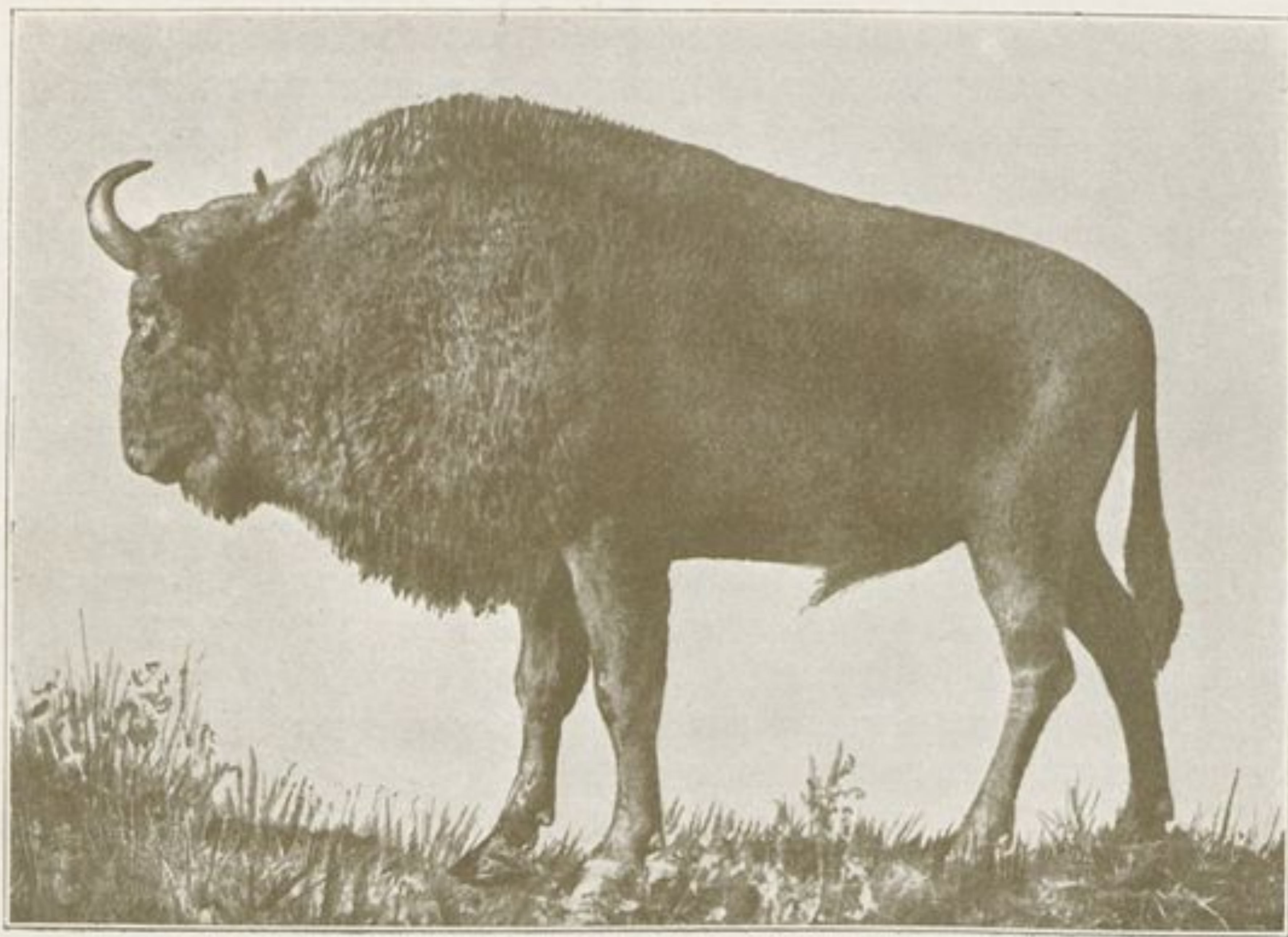
Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни кавказскаго зубра и объ охотахъ на него заимствуемъ изъ изданія „Коллекціи Кавказскаго Музея“ доктора Г. И. Радде (томъ I, Тифлисъ, 1899 года) и изъ статей полковника В. А. Шильдера, постояннаго спутника Великаго Князя Сергѣя Михаиловича въ поѣздкахъ Его Высочества на кавказскія охоты. Шиль-

деръ далъ намъ подробное описаніе добычи кавказскихъ зубровъ русскими охотниками.

„Въ 1893 году,—пишетъ Шильдеръ,—Г. И. Радде посѣтилъ ущелье Малой Лабы и собралъ всѣ новѣйшія свѣдѣнія о зубрахъ.“ Въ томъ же году Его Высочество Вел. Кн. Сергѣй Михаиловичъ впервые охотился въ своихъ новыхъ угодьяхъ, перешедшихъ къ нему отъ Августѣйшаго брата Георгія Михаиловича, и хотя зубровые слѣды попадались, а одному изъ охотниковъ посчастливилось даже видѣть темную спину звѣря въ высокой травѣ, — но добыть звѣря не удалось. Въ слѣдующемъ 1894 году, 5-го сентября, Его Высочество преслѣдовалъ двухъ зубровъ подъ горой Челекси въ раіонѣ р. Алоусъ, но неудачно, несмотря на содѣйствіе привлеченнаго къ выслѣживанію звѣря горца Лобазана, столь умѣло подавшаго зубровъ подъ выстрѣлы Литтльделя.

Впослѣдствіи неудача объяснялась служащими въ охотѣ Великаго Князя хитростью Лобазана, надѣявшагося на то, что Великій Князь подъ впечатлѣніемъ неудачи броситъ кубанскую охоту, и тогда у браконьеровъ останется возможность пользоваться лучшими мѣстами для себя и для предоставленія ихъ туристамъ-охотникамъ.

Наконецъ, въ 1895 году, во время третьей охоты, завѣтная мечта добыть кавказскаго зубра осуществилась. 2-го сентября Шильдеръ, ведомый охотникомъ Чепурновымъ, убилъ старую корову, а на слѣдующій

Кавказскій зубръ, убитый Его Имп. Выс. В. К. Сергѣемъ Михаиловичемъ 3-го сентября 1895 г. Фотографія съ чучела Зоологическаго музея Имп. Акад. Наукъ.

день Великій Князь положилъ трехлѣтняго быка. Шкуры и скелеты звѣрей, послѣ тщательной препаровки на мѣстѣ, были препровождены въ СПБ. академію наукъ, въ зоологическомъ музеѣ которой чучела красуются теперь въ общей художественной группѣ.

Измѣренія, произведенныя Литтльделемъ и полковникомъ Шильдеромъ, тотчасъ послѣ убоя звѣрей, дали слѣдующіе результаты:

	Быкъ Литтльделя.	Корова Шильдера.	Быкъ Вел. Кн.
Длина отъ верхней губы до конца хвоста . .	10 ф. 1 д.	4 ар. 5 в.	4 ар. 2½ в.
Окружность головы подъ глазами	— » — »	1 » 6 »	1 » 8½ »
Разстояніе между глазами	— » — »	— » 5 »	— » 8 »
Разстояніе между рогами у основанія	— » — »	— » 4½ »	— » 5½ »
Наибольшее разст. между изгибами роговъ . .	— » — »	— » 6 »	— » 9½ »
Разстояніе между концами роговъ.	— » — »	— » 1½ »	— » 6¼ »
Толщина роговъ въ охватѣ у основанія . . .	— » — »	— » 4 »	— » 6¼ »
Длина праваго рога	— » — »	— » 8½ »	— » 8¾ »
» лѣваго »	— » — »	— » 9½ »	— » — »
Половина окружности корпуса отъ холки подъ брюхо	4 » 2 »	1 » 7 »	— » — »
Длина передней ноги	— » — »	— » 18½ »	— » — »
Разстояніе отъ холки до конца копыта передней ноги	5 » 11 »	— » — »	2 » 3½ »
Разстояніе отъ крестца до конца копыта задней ноги	— » — »	2 » 5 »	2 » 3½ »
Длинный діаметръ подошвы копыта	— » — »	— » 2½ »	— » 3¼ »
Короткій » » »	— » — »	— » 2 »	— » 2¾ »
Обхватъ ноги подъ колѣномъ	— » 10 »	— » — »	— » — »
» колѣна	1 » 4 »	— » — »	— » — »
» выше колѣна	1 » 7 »	— » — »	— » — »

Въ 1897 году Вел. Кн. Сергѣй Михаиловичъ вновь охотился въ своихъ кавказскихъ угодьяхъ и на этотъ разъ убилъ быка. Докторъ Рейеръ изъ Дрездена, приглашенный Великимъ Княземъ, до того увлекся, что положилъ пару — быка и корову. Чучело убитаго имъ быка находится въ дрезденскомъ музеѣ.

Раіонъ распространенія зубровъ на Кавказѣ точно обозначенъ докторомъ Радде на картѣ, приложенной къ его изданію 1899 года („Коллекціи Кавказскаго Музея" Т. I.); на этой картѣ мы видимъ, какъ постоянное мѣстонахожденіе зубровъ, такъ и случайное пребываніе ихъ въ черноморской области за послѣднее двадцатилѣтіе. Благодаря прекрасно организованному во всѣхъ отношеніяхъ управленію кубанскою охотою, область, въ которой пасутся зубровыя стада, довольно точно установлена. Численность звѣря опредѣлена приблизительно, насколько позволяетъ громадная площадь дикой и почти непроходимой мѣстности. Неустанный интересъ, который Августѣйшій хозяинъ проявляетъ по отношенію къ своему угодью, можно надѣяться, обезпечитъ на долгое время сохраненіе этого исполина Кавказа. Ста-

Карта съ обозначеніемъ распространенія зубровъ на Кавказѣ

(заштрихованное указываетъ мѣста, гдѣ водятся зубры).

рые охотники и профессіональные браконьеры области полагаютъ, что въ настоящее время зубровъ больше, чѣмъ прежде, но, по мнѣнію Радде, это впечатлѣніе зависитъ отъ того что зубровъ безпокоятъ на

окраинахъ, и они группируются въ большія стада. Общее же число не только не увеличивается, а скорѣе уменьшается.

Самыя новѣйшія изслѣдованія жизни кавказскаго зубра произведены управляющимъ охотою Великаго Князя, г. Ютнеромъ. „До 1895 года,—пишетъ онъ,—въ кубанскихъ угодьяхъ Великаго Князя пользовались (для охоты) лишь не столь отдаленными мѣстами, между рѣками „Бѣлой и Лабой. Въ этомъ раіонѣ зубры оставляли лишь слѣды своего „зимняго пребыванія, отходя на время охотничьей поры въ болѣе отдаленные лѣса, въ которые сѣть проложенныхъ охотничьихъ тропъ пока „не доходитъ, вслѣдствіе чего этотъ звѣрь успѣшно укрывался отъ охотниковъ. Причину этой лѣсной перекочевки зубра, съ альпійскихъ луговъ въ глухія, дикія ущелья, слѣдуетъ искать въ безпокойствѣ, причиняемомъ ему домашнимъ скотомъ, выгоняемымъ въ это время на „пастбища. Дѣйствительно, тысячи лошадей, обрѣтающихся въ іюнѣ и „іюлѣ на всѣхъ субъ-альпійскихъ лугахъ нашего участка, должны „запугать дикаго звѣря и заставить его укрыться въ лѣсныхъ трущобахъ ущелій.

„Лѣтомъ 1895 года,—продолжаетъ затѣмъ г. Ютнеръ,—я предпринялъ, по приказанію Великаго Князя, экскурсію въ долину рѣки Киши. „Въ первый же день я здѣсь наткнулся на три стада, общимъ числомъ до „17-ти зубровъ, и по всѣмъ признакамъ могъ опредѣлить пребываніе „значительнаго количества вышеупомянутаго звѣря въ этомъ мѣстѣ. „Особенно охотно зубръ посѣщаетъ соленые источники, именуемые мѣстнымъ русскимъ населеніемъ „солонцами"; воду, однако, они не пьютъ, „но облизываютъ омываемые ею камни. Я наблюдалъ за 4-мя экземплярами, которые занимались этимъ часами. Солонцы соединены тропами, протоптанными зубрами; этими тропами я пользовался, разъѣзжая верхомъ по дѣвственнымъ лѣсамъ, съ цѣлью опредѣлить количество дичи.

„Весной, до появленія домашняго скота, т. е. въ маѣ и въ началѣ „іюня, зубры встрѣчаются болѣе или менѣе значительными стадами у „границы лѣсовъ, и по слѣдамъ, оставленнымъ по росѣ, можно узнать, „что пастьба происходитъ ночью, на альпійскихъ открытыхъ лугахъ; „вслѣдъ затѣмъ животныя переходятъ къ солонцамъ. Присутствіе зубра „въ лѣсу обнаруживается легко, не только по его глубокимъ слѣдамъ, „но еще по общипаннымъ листьямъ папоротника—въ пищу онъ употребляетъ лишь верхушки листьевъ этого растенія,—и по ободранной „корѣ рябинъ и ильмъ. Съ этихъ деревьевъ зубръ сдираетъ кору круглый „годъ, но особенно усердствуетъ весной, когда растенія въ соку, причемъ „кора срывается имъ длинными полосами снизу вверхъ. Сдираніе коры „съ другихъ древесныхъ породъ, кромѣ упомянутыхъ, не замѣчается.

„Обыкновенно зубры спускаются на зиму въ болѣе низменныя „мѣста, подходя нерѣдко къ самымъ селеніямъ; однако, не далѣе, какъ „въ прошломъ (1897) году они были замѣчены и высоко въ горахъ, „гдѣ, благодаря глубокому снѣгу, имъ приходилось довольствоваться „весьма скуднымъ пропитаніемъ. На рѣкѣ Кишѣ сѣно, разложенное въ „голодную пору въ видѣ опыта, зубры не тронули, зато они съ жад-„ностью набросились на приготовленную для нихъ соль.

„Во время яра, въ августѣ, каждый самецъ обзаводится 2—6-ю „самками. Борьба между бугаями въ это время не замѣчалась, „также не было слышно рева. Плодовитость зубровъ вполнѣ нормаль-„ная, количество телятъ находится въ должномъ отношеніи къ налич-„ному числу самокъ, дающихъ приплодъ съ 3-го или 4-го года.

„Имѣя въ виду все вышесказанное, слѣдуетъ опасаться скорѣе „вытѣсненія породы, благодаря распространяющейся, хотя и медленно, „культурѣ, нежели естественнаго вымиранія ея. Зубрамъ необходимъ „полный покой на обширныхъ, нетронутыхъ лѣсныхъ и луговыхъ „участкахъ, близость человѣка они не переносятъ“.

Вообще нужно замѣтить, что жизнь кавказскаго зубра еще очень мало изслѣдована. Радде болѣе всего касается его географическаго распространенія, Шильдеръ, описывая охоты на зубровъ съ подхода, упоминаетъ о привычкахъ и жизни звѣря, лишь настолько, насколько ихъ удалось наблюсти во время поисковъ. Несомнѣнно, что кавказскій зубръ гораздо болѣе дикое животное, чѣмъ его бѣловѣжскій родственникъ, съ давнихъ временъ привыкшій видѣть людей. Бѣловѣжскій зубръ беретъ приготовленный кормъ въ голодную пору и, находя его, не трогаетъ коры деревьевъ (кромѣ осины и ясеня), тогда какъ кавказскій не прикасается къ заготовленному сѣну, предпочитая всегда обгладывать деревья. Бѣловѣжскій, принуждаемый обстоятельствами, пасется рядомъ съ домашнимъ скотомъ, кавказскій же убѣгаетъ отъ него. Первый, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кидается на человѣка, тогда какъ не было примѣра, чтобы кавказскій дѣлалъ то же, настолько онъ чуждается его. При сравненіи чучелъ, литовскій кажется гораздо массивнѣе и величественнѣе, къ тому же онъ мясистѣе, сырѣе и покрытъ болѣе обильнымъ волосомъ, нежели кавказскій; копыта литовскаго зубра болѣе плоскія. Кавказскій зубръ какъ бы тонкокостѣе, жилистѣе, суше, элегантнѣе и менѣе одѣтъ.

Въ настоящее время въ бѣловѣжскомъ звѣринцѣ живетъ 4-хъ-лѣтній бычекъ, перевезенный съ Кавказа. Его сверстники, пасущіеся съ нимъ въ одномъ стадѣ, несравненно крупнѣе и массивнѣе. Быть-можетъ, перемѣна климата, кормовъ и прочихъ условій дурно вліяютъ на кавказскаго жителя, но всего вѣроятнѣе, что бѣловѣжская порода,

какъ и всякая вообще, живущая въ ровной мѣстности, — крупнѣе горной. Во всякомъ случаѣ, появленіе въ Бѣловѣжской Пущѣ зубра, не происходящаго отъ литовскаго,—фактъ весьма утѣшительный и, если надежда получить отъ него приплодъ осуществится, то вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, окончательно разрѣшится вопросъ и о сохраненіи самой породы. Мысль о скрещеніи бѣловѣжскаго зубра съ кавказскимъ для освѣженія крови приходила еще князю Вяземскому, бывшему начальнику удѣловъ. Во время своего пребыванія на Кавказѣ въ 1896 году онъ лично велъ переговоры съ мѣстными охотниками о поимкѣ молодыхъ самцовъ, но до тѣхъ поръ, пока за это не принялись опытные служащіе въ кубанской охотѣ Великаго Князя,—ничего не выходило. Одинъ изъ служащихъ Телеусовъ весною 1899 года поймалъ молодого теленка при весьма интересныхъ обстоятельствахъ, подробно описанныхъ Шильдеромъ со словъ самого охотника. Разсказъ Телеусова, весьма характерный, передаемъ дословно:

„12-го мая прошлаго (1899) года я ходилъ на медвѣдей по лѣвому берегу Киши, съ караулки пятой дачи, съ Сакрая. Вечеромъ видѣлъ слѣдъ зубра съ маленькимъ, а стрѣлялъ по медвѣдю; ночевалъ „въ лѣсу и имѣлъ въ виду этотъ слѣдъ на утро. Пошелъ опушками. „Лежитъ длинная еловая валежина; около вершины валежины стояла „елка вершковъ 16-ти толщиной. Подъ елкой лежала корова и маленькій. Нагнувшись, я увидѣлъ телка; онъ лежалъ затылкомъ, спиной „къ ели. Я хотѣлъ стрѣлять, думая, что это медвѣдь; самъ онъ рыженькій и у него — капля воды — медвѣжьи уши. Тутъ, я думалъ, „медвѣдица, а она меня замѣтила и стала подниматься; вижу—зубра; „тогда я сообразилъ, что то теленокъ. Когда я сталъ подходить, она „сурово на меня посмотрѣла; я сталъ за дерево и разсмотрѣлъ телка; „поставилъ ружье къ дереву и сталъ подкрадываться, согнувшись за „валежиной. Я былъ въ синей рубашкѣ, и на мнѣ былъ горбовикъ „(мѣшокъ за плечами) съ хлѣбомъ и чайникомъ. Она увидѣла, что „что-то движется живое и ко мнѣ ближе — шага два, я увидѣлъ изъ-подъ валежины ноги ея; валежина лежала не вплотную къ землѣ. „Только она сдѣлала шага два, вѣтеръ накинулъ, — она сразу бросилась, какъ ошпаренная, и забыла телка; онъ вскочилъ и давай потягиваться, раскорячившись назадъ, будто пятился. Я протянулъ къ „нему руку: „Бычужка, бычужка!“—Онъ глаза страшно вытаращилъ и „сталъ садиться на задъ; передъ на мѣстѣ, а задъ опускалъ, потомъ „сразу вертонулъ и побѣжалъ внизъ; я сейчасъ за нимъ, бросилъ горбовикъ, упалъ, потомъ старался „какъ не быть“ догнать и сбить его „косогоромъ, — прямо внизъ неудобно бѣжать; я заскочилъ его, онъ „вёртъ на гору и быстрѣй меня, а мнѣ трудно, у маленькаго передъ

23*

„выше и холка, а задъ ниже — ему удобно бѣжать на гору. Я давай „стараться, всѣ силы употребилъ, чтобы косогоромъ его заворотить, и „съ меня не потъ, а мыло падало, когда я бѣжалъ. Мой трудъ не „пропалъ, и я его сбилъ косогоромъ; а тутъ вѣтка еловая отъ вер-„шины валежины, года два лежавшая; онъ хотѣлъ перемахнуть ее, да „и угодилъ въ самую середину вѣтокъ,—глупый былъ, думалъ пере-„сигнуть, я его настигъ и за заднюю правую ногу схватилъ; онъ за-„ревѣлъ грубымъ голосомъ, хоть самъ маленькій, три раза закричалъ; „я думалъ воротится матка. Я его за ногу тащилъ ажъ до мѣста, гдѣ „сумку бросилъ, нечѣмъ было зацѣпить, веревки не было; онъ на „трехъ ногахъ скачетъ, я его пускаю впередъ, куда мнѣ нужно. Дошли „до сумки; я развязалъ свой поясъ, снялъ съ собя патроны и завя-„залъ ему поясъ около шеи, такъ чтобы онъ не могъ затянуться; при „мнѣ ничего, никакихъ бечевокъ не было, такъ я однимъ концомъ „башлыка завязалъ за поясъ, который былъ у него на шеѣ, другой „держалъ въ рукѣ, сумку и патроны сложилъ въ гозырь башлыка, а „часть хлѣба оставилъ на валежинѣ, онъ и теперь тамъ лежитъ. Самъ „повелъ его за башлыкъ; онъ рванетъ впередъ, я задержу, онъ тогда „пятится назадъ; онъ разовъ десять, не больше, такъ сдѣлалъ и даже „падалъ, а потомъ привыкъ ко мнѣ“.

Затѣмъ Телеусовъ подробно разсказываетъ, какъ онъ велъ зубренка дорогой, какъ онъ замѣтилъ, что телокъ сталъ дышать „густо“, и поилъ его, вливая силой воду въ ротъ, какъ переправлялся съ нимъ черезъ Кишу, неся на рукахъ; вскорѣ теленокъ подбился и началъ падать. Несомнѣнно, это былъ звѣрь, рожденный очень недавно, почему онъ и не послѣдовалъ тотчасъ за матерью, когда она шарахнулась отъ Телеусова, а сталъ потягиваться. Разсказъ о приводѣ зубренка въ караулку и о первыхъ попыткахъ поить его молокомъ изъ бутылки, дышитъ правдивостью. Чрезъ два дня теленокъ научился пить молоко съ пальца и, проголодавшись, бѣгалъ за поившими его бабами. Далѣе Телеусовъ передаетъ, какъ зубренокъ однажды ушелъ въ лѣсъ, и его пришлось вновь выслѣдить и ловить. Дней черезъ десять его привязали къ передку телѣги и поволокли въ станицу Псебай. Верстъ 15 его тащили на привязи, а остальныя 60 верстъ онъ бѣжалъ за телѣгой самъ. Ѣхали три дня; кормили дорогой молокомъ, котораго онъ выпивалъ за день стакановъ 16. За двѣ недѣли зубренокъ выросъ настолько, что когда къ нему подпустили корову, онъ тотчасъ съ нею схватился лбомъ и посадилъ ее на задъ. Въ Псебаѣ Телеусовъ передалъ зубренка охотнику Шрайеру, который пустилъ его въ густо заросшій фруктовый садъ, площадью не болѣе 600 кв. саженъ. Въ этомъ новомъ помѣщеніи, продолжая питаться парнымъ молокомъ, зубренокъ

прожилъ три мѣсяца, когда за нимъ прибылъ изъ Бѣловѣжской Пущи, спеціально командированный, оберъ-егерь Неврли 2-й. До своего переселенія бычекъ питался только молокомъ и опавшими фруктами, предпочитая кислыя породы яблокъ. Г. Неврли нашелъ зубра небольшимъ, по сравненію съ 4-хъ-мѣсячными бѣловѣжскими, но въ совершенномъ порядкѣ. За отсутствіемъ Телеусова бѣловѣжскій егерь не могъ опросить его лично. Отъ мѣстныхъ казаковъ Неврли слышалъ нѣсколько варіантовъ, какъ ловили зубренка. Говорили, что его удалось взять только потому, что отъ момента рожденія прошло очень немного времени, и что звѣрекъ былъ еще мокрый. Эта версія самая правдоподобная и не противорѣчитъ разсказу Телеусова, умолчавшему о томъ, былъ ли сухъ теленокъ, вѣроятно, для придачи большаго интереса своему дерзкому похищенію. Соображенія о томъ, что зубренокъ былъ новорожденный, а не нѣсколькодневный, подтверждается еще поведеніемъ зубрицы въ разсказѣ Телеусова. Извѣстно, что всякая самка начинаетъ проявлять материнскую нѣжность къ дѣтенышу, только облизавъ его послѣ рожденія. Самка, обезпокоенная при отеленіи и не успѣвшая облизать дѣтеныша, нерѣдко оставляетъ его; но разъ она его оближетъ, то какъ бы далеко ее ни отогнали, она навѣрное вернется къ безпомощному теленку, еще не могущему слѣдовать за нею. То же проявленіе инстинкта присуще, вѣроятно, и дикой зубрицѣ. Въ Бѣловѣжѣ наблюдалась неоднократно полная невозможность отнять дѣтеныша у зубрицы; онѣ настолько нѣжныя матери, что въ первые дни жизни дѣтеныша не только не отходятъ отъ него ни при какихъ обстоятельствахъ, но стараются даже держать его подъ шеей, между передними ногами, и страшно свирѣпы ко всякому приближающемуся. Допуская, что теленокъ былъ новорожденный и еще мокрый, не совсѣмъ понятно только то, какъ могъ онъ вскочить и бѣгать такъ быстро, что Телеусовъ съ трудомъ его догонялъ, а затѣмъ идти за охотникомъ нѣсколько верстъ до сторожки. Слыхалъ Неврли также и такую версію, что Телеусовъ убилъ зубрицу и затѣмъ ловилъ теленка. Конечно, такой способъ добычи былъ самый простой, но врядъ ли охотникъ пошелъ бы на рискъ такого запретнаго дѣла.

Пользуясь своимъ пребываніемъ въ кубанскомъ угодьѣ, Неврли, какъ истый охотникъ, отправился въ горы на поиски зубровъ. Слѣды зубровъ, оленей, медвѣдей, и даже очень свѣжіе, попадались часто, въ особенности вокругъ солончаковъ, но зубровъ видѣть ему не удалось. По промѣркѣ слѣдовъ кавказскаго зубра оказалось, что они гораздо мельче бѣловѣжскихъ.

Пріобрѣтя въ качествѣ кормилицы ту же корову, молокомъ которой зубренокъ питался въ теченіе своего пребыванія въ Псебаѣ, и

посадивъ его въ деревянную клѣтку, Неврли повезъ его въ Бѣловѣжъ. По дорогѣ Неврли купилъ 150 арбузовъ, которыми кормилъ корову и теленка, очень полюбившихъ этотъ плодъ. Въ вагонѣ зубренка поили три раза въ сутки молокомъ и шесть разъ давали нарѣзанные ломтями арбузы. Звѣрь спокойно переносилъ путешествіе и даже замѣтно выправился отъ арбузной дачи. Переселенца, по прибытіи въ Гайновку, опять посадили въ клѣтку и на подводѣ доставили въ звѣринецъ, гдѣ его тотчасъ же выпустили въ зара-

3-хъ-лѣтній бѣловѣжскій зубръ.
Фотографія съ натуры
Г. Карцова.

нѣе приготовленное для него, огороженное мѣсто. Вмѣстѣ съ нимъ помѣстили компаньонку-зубричку, одного съ нимъ возраста, но которая уже тогда была значительно крупнѣе его. Къ клеверу, отборному сѣну, овсу, а въ особенности къ корнеплодамъ, зубренокъ привыкъ очень скоро; но, тѣмъ не менѣе, онъ замѣтно отставалъ въ ростѣ отъ своихъ бѣловѣжскихъ сверстниковъ, содержавшихся далеко не такъ роскошно. Въ загородкѣ зубренокъ прожилъ всю зиму 1899—1900 года, и только къ веснѣ, при появленіи подножнаго корма, его

рѣшились выпустить. Первые дни онъ бродилъ одинъ, подъ присмотромъ егеря, а черезъ недѣлю стадо зубровъ въ 15 головъ, содержащихся въ звѣринцѣ, приняло его въ свою среду, и съ тѣхъ поръ зубренокъ значительно одичалъ. Онъ никогда не болѣлъ, но и вполнѣ здоровымъ назвать его было нельзя. Онъ всегда худъ, шерсть на немъ не обильная, движенія вялы...

3-хъ-лѣтній кавказскій зубръ, находящійся въ Пущѣ. Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Дабы нагляднѣе представить читателю разницу между трехълѣтнимъ кавказскимъ и такимъ же бѣловѣжскимъ зубромъ, даемъ фотографіи того и другого, снятыя почти на одинаковомъ разстояніи. Завѣдывающій Пущею г. Неврли считаетъ и нынѣ этого четырехгодовалаго зубра настолько слабымъ, что сомнѣвается въ его способности стать производителемъ.

Свѣдѣнія **о зубрахъ**, содержащихся въ охотѣ **князя Плессъ**, сообщены его главнымъ егеремъ и сводятся къ слѣдующему:

Первоначально бѣловѣжскихъ зубровъ водворили въ лѣсничествѣ Emanuelsegen, гдѣ для нихъ огородили 600 гектаровъ. Они скоро освоились съ новымъ мѣстомъ, такъ какъ почва угодья и лѣсонасажденіе были схожи съ ихъ родиной. Въ 1875 году зубровая колонія была переведена въ населенный даніэлями звѣринецъ оберъ-лѣсничества Плессъ. Тамъ зубрамъ было недостаточно просторно, и на сырыхъ лугахъ кормъ не былъ особенно хорошъ. Съ 1893 года звѣринецъ разгородили, предоставивъ звѣрямъ участокъ въ 11.000 гектаровъ лѣсничества Niederforsten, гдѣ зубры живутъ вмѣстѣ съ оленями и даніэлями.

Здѣсь, пользуясь отличными естественными кормами, проточной, ключевой водою, при сухой, песчаной почвѣ, предпочитаемой зубрами всякой другой, звѣри были всегда въ тѣлѣ и хорошо размножались. Лѣтомъ зубры перекочевываютъ на сравнительно большія разстоянія, а зимою держатся въ одномъ мѣстѣ, на кормовомъ пунктѣ, въ участкѣ

ЗУБРЫ КНЯЗЯ ПЛЕССЪ.—Фотографія съ натуры.

Mezerzitz. Тамъ имъ ежедневно закладываютъ сѣно хорошаго качества и прикармливаютъ картофелемъ.

До тѣхъ поръ, пока зубровъ содержали на пространствѣ, ограниченномъ загородкой, течка приходила не въ свое время, зубрицы телились поздно, имѣли мало молока, были плохо одѣты и худы. Теперь же течка приходитъ своевременно, телята къ зимѣ уже сильны, а у зубрицъ не замѣчается недостатка въ молокѣ. Двухлѣтніе телята иногда еще сосутъ. Шерсть звѣря хороша, темна, и зубриное мясо вкусно.

Рождаемость бо̀льшаго количества бычковъ, чѣмъ телочекъ, заставила князя хлопотать въ 1893 году о полученіи пяти зубрицъ изъ Бѣловѣжской Пущи, которыя были выловлены изъ стада звѣринца и препровождены въ Mezerzitz. Для освѣженія крови два раза былъ произведенъ обмѣнъ быковъ на зубровъ изъ Берлинскаго зоологическаго сада. По нраву своему зубры князя Плессъ не опасные звѣри. Только въ періодъ течки мѣстные егеря остерегаются быковъ и избѣгаютъ приближаться къ стаду въ сопровожденіи собаки. За исключеніемъ потоптанныхъ скатовъ канавъ, поломанныхъ стволовъ молодыхъ деревьевъ и обглоданныхъ еловыхъ корней, другихъ поврежденій въ лѣсу зубры не производятъ.

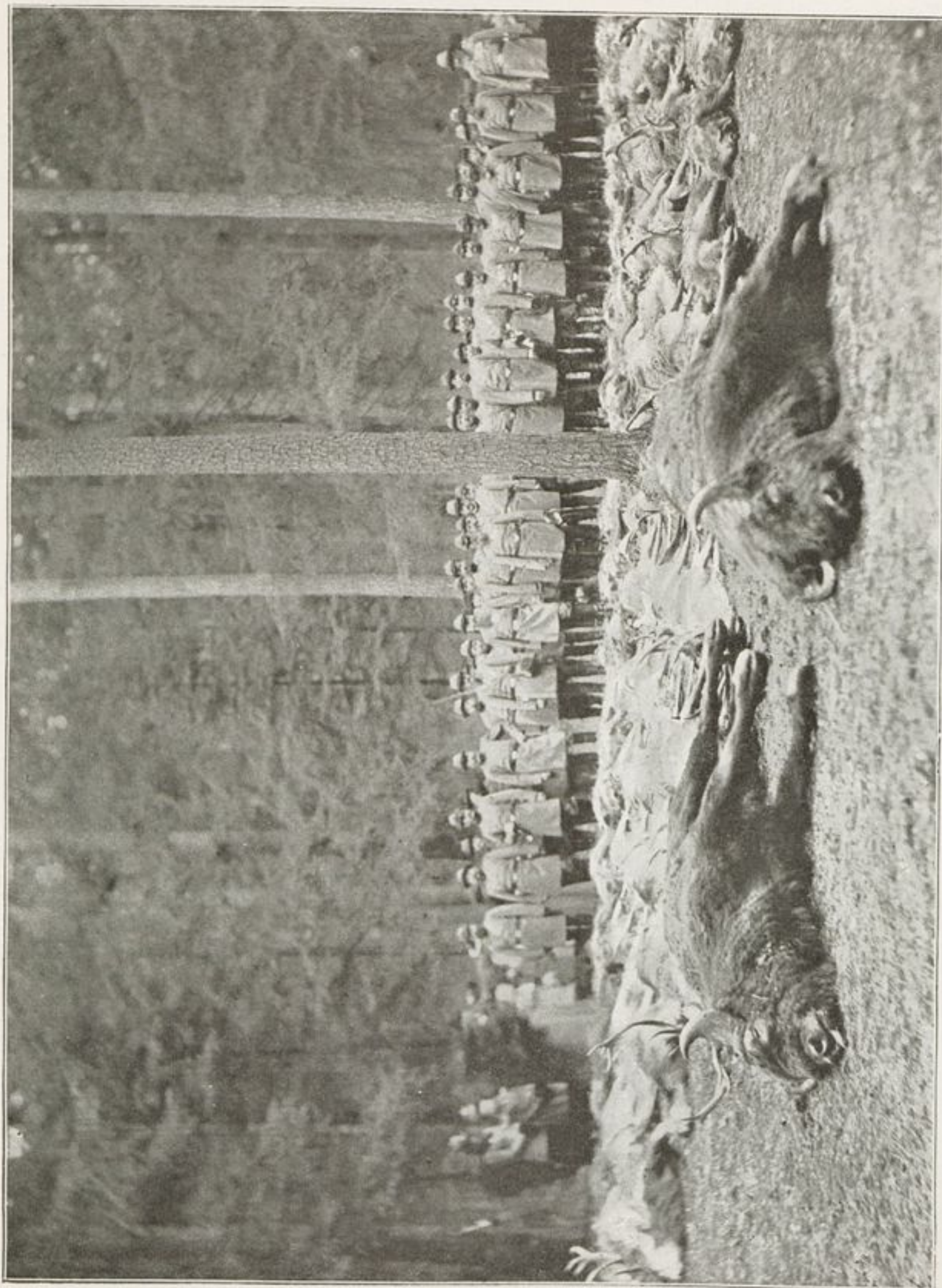
На зубровъ охотятся облавнымъ способомъ или пиршемъ, но очень рѣдко, предоставляя отстрѣлъ Германскому Императору. Первый зубръ, убитый въ охотѣ князя, въ 1869 году, палъ отъ выстрѣла Прусскаго Короля Вильгельма I. Прилагаемая фотографія изображаетъ штреку послѣ охоты 1901 года, во время которой Германскимъ Императоромъ убиты два зубра.

Составъ зуброваго стада кн. Плессъ съ 1865 по 1903 гг. выражается нижеслѣдующею вѣдомостью:

	Быковъ.	Коровъ.	
Привезены въ 1865 г.	1	3	
» » 1893 »		5	
Родились съ 1865 по 1902 гг. .	36	27	
Итого . .	37	35	
Изъ нихъ убыли:			
Отстрѣлены	18	5	
» больные.	2	4	
Пали	6	14	(преимуществ. телята).
Итого . .	26	23	

Въ настоящее время стадо состоитъ изъ 24 штукъ, 12 быковъ и 12 коровъ.

Зубры, живущіе въ настоящее время въ лѣсахъ близъ Гатчины, **въ**

ШТРЕКА ПОСЛѢ ОХОТЫ ГЕРМАНСКАГО ИМПЕРАТОРА ВЪ УГОДЬѢ КНЯЗЯ ПЛЕССЪ.

Императорской охотѣ,—потомки пяти зубровъ, переданныхъ въ 1861 году въ гатчинскій звѣринецъ изъ царскосельской фермы; къ этимъ звѣрямъ (2 самца и 3 самки) въ 1867 году добавили двѣ пары (2 самца и 2 самки), въ 1868 году — три зубра (1 самецъ и 2 самки) и въ 1869 году — еще одного; всѣ перечисленные звѣри высылались изъ Бѣловѣжской Пущи, и надо полагать, что ими пополняли убыль въ зубровой гатчинской колоніи, происходившую отъ отстрѣла на охотахъ и отъ смертности, не возмѣщавшихся слабымъ приплодомъ. Съ 1861 года зубры содержались въ гатчинскомъ звѣринцѣ (оленникѣ), а количество ихъ всегда колебалось, не превышая 10 штукъ. Въ 1892 г. было рѣшено всѣхъ зубровъ, въ количествѣ 8 штукъ, водворить въ удѣльной Царскославянской фермѣ (близъ Гатчины), гдѣ имъ приготовили огороженную площадь приблизительно въ одну десятину; здѣсь ихъ продержали до весны и появленія травы, послѣ чего выпустили на полную свободу. Звѣри разошлись по лѣсу, но осенью всѣ вернулись къ той загородкѣ, откуда ихъ выпустили весною. Тутъ для нихъ уже было приготовлено сѣно, собранное въ стогахъ, разставленныхъ и внѣ загородки, но вблизи ея. Подобныя заготовки не гарантировали, однако, управленіе Императорской охоты отъ ежегодныхъ уплатъ за потравы, такъ какъ зубры зачастую пользовались крестьянскими заготовками и вообще любятъ ранней весною и осенью погулять и поваляться на пашняхъ и зеленяхъ. Во избѣжаніе этихъ расходовъ, въ настоящее время заманиваютъ зубровъ въ загородку, гдѣ держатъ всю зиму и кормятъ заготовленнымъ сѣномъ. Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ ихъ выпускаютъ каждую весну на полную свободу, и они прекрасно живутъ въ глухихъ мѣстахъ лѣса, зачастую вблизи лосей. Ни въ гатчинскомъ звѣринцѣ, ни на волѣ не было случая, чтобъ зубръ напалъ на человѣка.

Для освѣженія крови стада въ 1900 году были высланы изъ Бѣловѣжа два быка, взамѣнъ которыхъ Императорская охота отправила въ Пущу четырехъ быковъ въ возрастѣ отъ 3-хъ до 8-ми лѣтъ. Привезенные въ Гатчину звѣри, къ сожалѣнію, ушли отъ стада, очевидно въ поискахъ родныхъ лѣсовъ, что явно подтверждаетъ замѣченную въ нихъ особенность держаться привычныхъ мѣстъ. Одинъ изъ этихъ зубровъ третью зиму живетъ въ Лисинской дачѣ (въ 20 верстахъ отъ Царскославянской), несмотря на то, что уже въ 1901 году его удалось поймать и привезти къ гатчинскимъ зубрамъ; пробывъ съ ними до выпуска, онъ снова ушелъ. Второго зубра пришлось убить, такъ какъ онъ пропадалъ двѣ зимы и, наконецъ, нашелся въ Долговской казенной дачѣ, въ 30 верстахъ отъ стада. На него охотился Е. И. В. Государь Наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ, и чучело этого звѣря Августѣйшій охотникъ подарилъ въ текущемъ году зооло-

24*

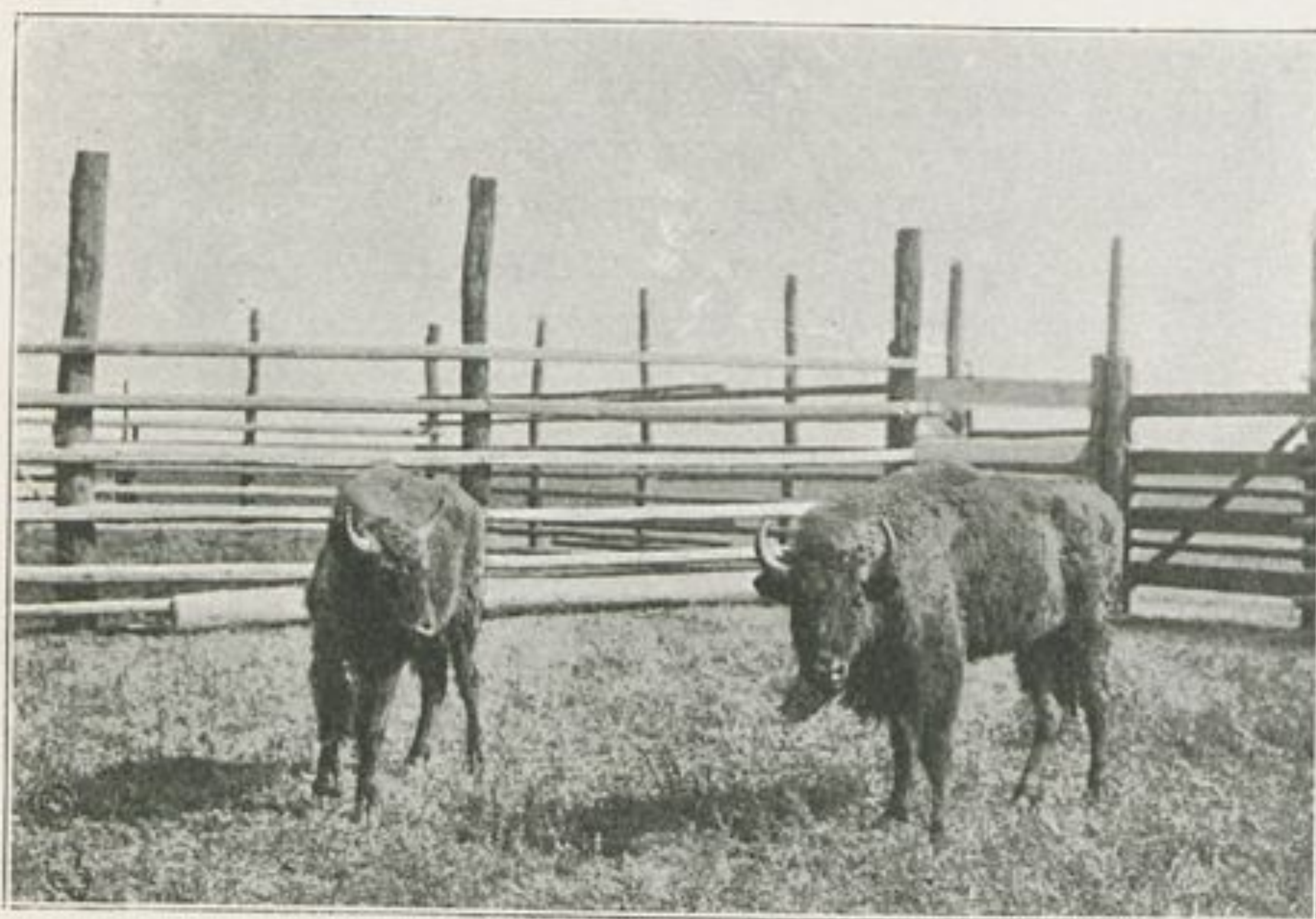
гическому музею Императорской академіи наукъ. Ранѣе этой охоты, 18-го марта 1898-го года, Его И. В. Государь Наслѣдникъ застрѣлилъ двухъ старыхъ быковъ, изъ коихъ одинъ вѣсилъ 47 пуд., а другой—43 пуда; оба эти зубра вредили стаду и нравъ ихъ до того озлобился, что осенью 1897-го года они убили двухъ зубрятъ и корову. Старая корова, остававшаяся долгое время яловою, убита 13-го января 1900 г. Гросъ-Герцогомъ Кобургъ-Готскимъ Альфредомъ.

Въ составѣ гатчинскихъ зубровъ за послѣднія 10 лѣтъ, что зубры выпускаются весною на свободу, отмѣчается слѣдующая убыль: отъ старости издохъ одинъ; палъ послѣ перелома ноги — одинъ; одинъ быкъ пропалъ безъ вѣсти; убиты зубрами три зубренка и корова; отстрѣлено на охотахъ—4; отправлено въ Бѣловѣжъ—4 и одного быка нашли утонувшимъ въ колодцѣ, вырытомъ для питья во время засухи 1901 года.

Въ настоящее время въ Императорской охотѣ насчитываютъ 19 головъ въ зубровомъ стадѣ; изъ нихъ 13 коровъ и 6 быковъ.

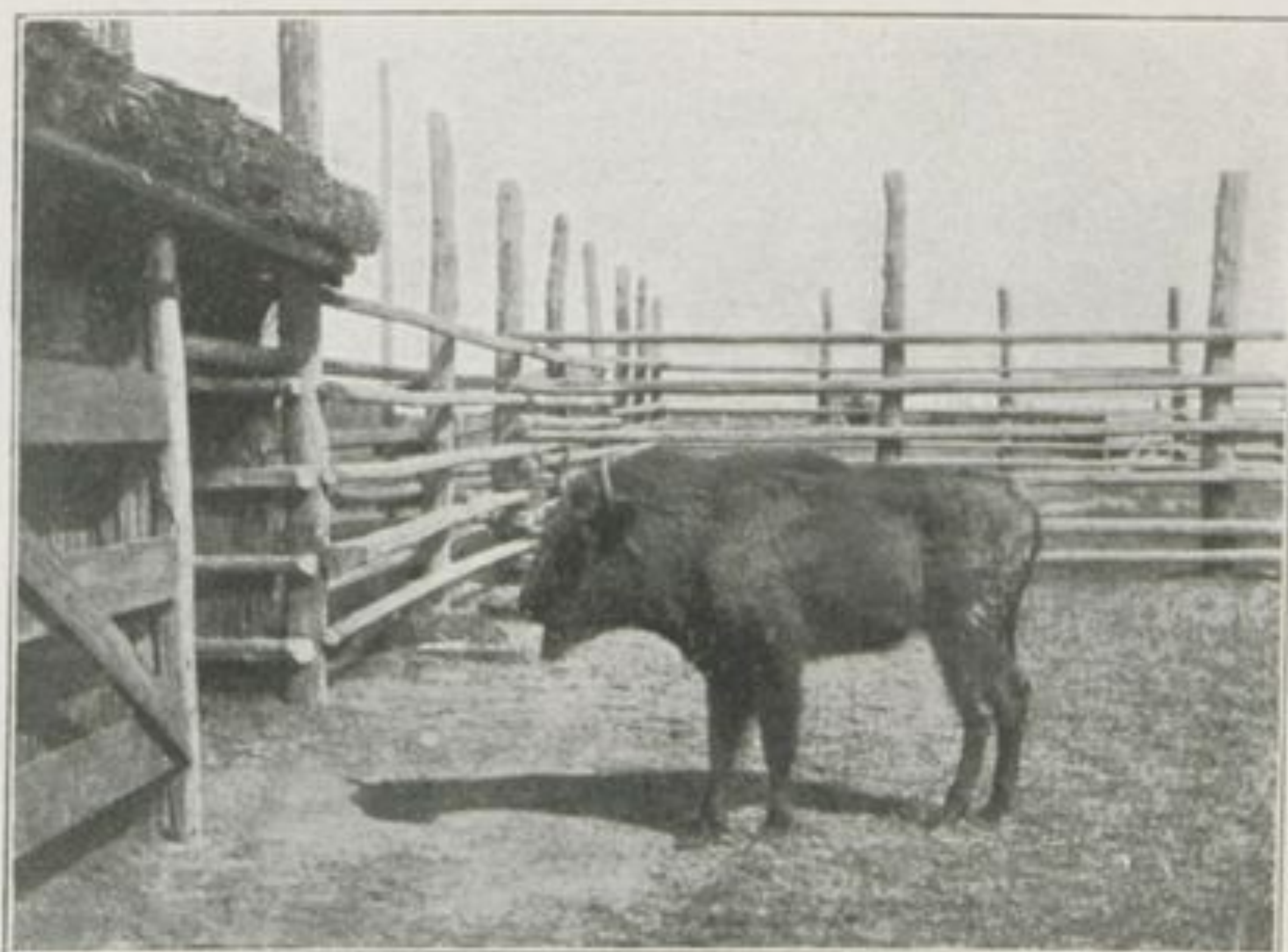
Изъ вышесказаннаго видно, что, несмотря на неблагопріятныя условія, въ которыхъ находятся гатчинскіе зубры, будучи полусвободными, при неудавшейся попыткѣ освѣженія крови, при зимнемъ кормѣ только сѣномъ, — звѣри плодились настолько хорошо, что признаковъ вымиранія породы не замѣчается.

Въ апрѣлѣ 1902-го года **пара зубровъ,** по второму году, были выловлены изъ стада, содержащагося въ Бѣловѣжскомъ звѣринцѣ, и переданы агенту **г. Фальцъ-Фейна,** доставившему взамѣнъ ихъ четырехъ оленей (самцовъ). Г.Фальцъ-Фейнъ ходатайствовалъ о полученіи зубровъ, желая производить на югѣ Россіи опыты акклиматизаціи ихъ, одомашненія и метизаціи. Основываясь на изслѣдовані-

Зубрята г. Фальцъ-Фейна, снятые съ натуры въ маѣ 1902 г.

яхъ о прошломъ зубра, не всегда бывшаго лѣснымъ звѣремъ, г. Фальцъ-Фейнъ рѣшилъ поселить зубровъ въ степи, вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ и нѣсколькими имѣющимися у него американскими бизонами. По доставленіи на мѣсто, зубры сначала были выпущены изъ клѣтокъ въ сарай и первое время кормились тѣмъ же кормомъ, какой получали въ Бѣловѣжѣ, затѣмъ имъ было положено степное сѣно и солома различныхъ хлѣбовъ. Первые дни они степного сѣна не трогали; но уже черезъ нѣсколько дней видимо стали предпочитать его, а равно свѣжую траву и необмолоченное просо прежнему корму, и почти совершенно перестали ѣсть листву вѣтокъ и картофель. Черезъ три дня сарай былъ открытъ, и зубрамъ была предоставлена возможность свободно прогуливаться по загонамъ. Пугливость и дикость ихъ скоро пропали, а тѣломъ, черезъ три недѣли, они значительно поправились. Въ іюнѣ имъ привили сибирскую язву, что они перенесли очень легко. На третьей недѣлѣ вмѣстѣ съ зубрами помѣстили въ загородкѣ трехъ домашнихъ телицъ оди-

Зубренокъ г. Фальцъ-Фейна, снятый съ натуры въ маѣ 1902 г.

Отдыхающій въ степи американскій бизонъ г. Фальцъ-Фейна. Фотографія съ натуры

наковаго съ ними возраста. Около мѣсяца зубры и телицы держались порознь, а затѣмъ свыклись.

Зубръ самецъ оказался болѣе кротокъ и спокоенъ, чѣмъ самка. 1-го октября онъ покрылъ одну телицу, 7-го—другую, что даетъ надежду на возможность метизаціи. Къ сторожу своему зубры уже совершенно привыкли; самца онъ даже гладитъ. Такимъ образомъ, одомашненіе и прирученіе ихъ также представляется возможнымъ. Лѣтнюю жару на югѣ они перенесли легко, очень выросли, а слѣдовательно, и акклиматизацію ихъ можно считать удавшеюся.

Съ весны 1903 года г. Ф.-Фейнъ думаетъ содержать зубровъ такъ же, какъ содержитъ бизоновъ, въ общемъ стадѣ съ домашнимъ скотомъ. Относительно самца сомнѣнія уже быть не можетъ — онъ не уйдетъ, а самка, вѣроятно, не отстанетъ отъ самца. Самецъ американскій бизонъ, который обыкновенно ходитъ на пастбищѣ вмѣстѣ съ коровами и зачастую уединяется далеко въ степь, съ нѣкотораго времени цѣлые дни сталъ проводить около зуброваго загона, видимо стремясь къ зубрамъ, что даетъ поводъ предполагать возможность метизаціи зубровъ и бизоновъ.

Жизнь зубра въ Бѣловѣжской Пущѣ.

Зубръ животное стадное; онъ проводитъ круглый годъ въ сообществѣ нѣсколькихъ особей разнаго пола и возраста. Стадное свойство зубровъ выражается очень характерно. Они строго держатся своего стада и не только никогда не перекочевываютъ въ другое, но по возможности избѣгаютъ встрѣчи даже съ чужими, въ особенности же меньшее стадо избѣгаетъ большаго, хотя вообще между различными стадами царитъ полное согласіе. Составъ стада измѣняется только отъ естественныхъ неизбѣжныхъ условій—прибыли новыхъ молодыхъ, или убыли старыхъ особей. Въ періодъ теленія зубрицы на нѣкоторое время удаляются, пока телòкъ не подрастетъ настолько, что въ состояніи слѣдовать всюду за стадомъ, а самцы, въ извѣстномъ возрастѣ, приблизительно съ 10 лѣтъ, вслѣдствіе какихъ-то особенностей характера, предпочитаютъ жить въ одиночку, или въ соединеніи съ другими стариками. Такихъ отдѣлившихся самцовъ называютъ одинцами, или „самовторами“, если они ходятъ въ парѣ, и „тройниками“, если ихъ соберется трое. Стремленіе къ одиночеству подъ старость до сихъ поръ не имѣетъ точнаго объясненія. Стремленіе это отнюдь нельзя приписать слабости, которая не позволяла бы старику слѣдовать за молодыми; наоборотъ, отдалившіеся одинцы самые сильные, и отдаленіе наступаетъ далеко не въ періодъ одряхленія. Вѣроятнѣе, что съ возрастомъ у

ЗУБРОВОЕ СТАДО, СОБИРАЮЩЕЕ РАЗБРОСАННЫЙ КОРМЪ.—Моментальная фотографія съ натуры А. Далматова.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

самцовъ развивается такая раздражительность, которая побуждаетъ ихъ искать покоя въ одиночествѣ. Въ этой особенности характера самцовъ, какъ увидимъ дальше при разборѣ вопроса о размноженіи и вымираніи зубровъ, кроется самое важное условіе сохраненія зубровой породы.

Зубровое стадо, какъ и всякое стадо дикихъ животныхъ, далеко отличается отъ домашняго. Это родовая семья, а не случайное сборище животныхъ одной породы. Въ этой семьѣ есть солидарность и іерархія. Старѣйшіе не позволяютъ молодежи забываться и всегда держатъ ее нѣсколько поодаль, касается ли это совмѣстной кормежки въ тѣсномъ мѣстѣ, или защиты отъ врага; во главѣ такого семейнаго союза стоитъ у нѣкоторыхъ другихъ звѣрей самый зрѣлый, сильный и смѣлый самецъ-вожакъ; у бѣловѣжскихъ же зубровъ предводительствуетъ стадомъ корова, что объясняется уходомъ зрѣлыхъ самцовъ, послѣ котораго самыми старыми, а потому и самыми опытными особями остаются коровы; изъ послѣднихъ одна и дѣлается естественно вожакомъ. Ей подчиняются остальные.

Какъ бы мирно ни были настроены зубры, они никогда не знаютъ такого состоянія покоя и увѣренности въ своей безопасности, какъ это наблюдается въ стадѣ домашнихъ животныхъ. Даже самый юный зубръ—все же дикій звѣрь, озирающійся вокругъ. Малѣйшій шорохъ или неожиданное впечатлѣніе пугаютъ зубра; а достаточно насторожиться одному, чтобы его настроеніе сообщилось всему стаду и въ особенности вожаку. Въ зависимости отъ степени тревоги, стадо или уходитъ за своимъ вожакомъ, или скучивается около него, чтобы встрѣтить опасность лицомъ. Послѣднее случалось чаще всего при нападеніи волковъ, въ особенности зимою, когда въ былое время волки стаями охотились въ Пущѣ за зубрами. Самые молодые зубры и зубрята помѣщаются въ центрѣ, а вокругъ нихъ становятся крупные и защищаются отъ врага. Уводя стадо, вожакъ старается всегда занять такое положеніе, чтобы по возможности защищать остальныхъ и вступить первымъ въ борьбу.

Въ настоящее время зубровыя стада очень немногочисленны, и въ самомъ большомъ насчитывается не болѣе 15 или 18 головъ; но прежде, когда зубры водились всюду, по словамъ Брэма, Бринкена и Далматова, стада размножались до 40 и даже до 50 головъ.

Надъ стадною жизнью кавказскихъ зубровъ до сихъ поръ не имѣется наблюденій.

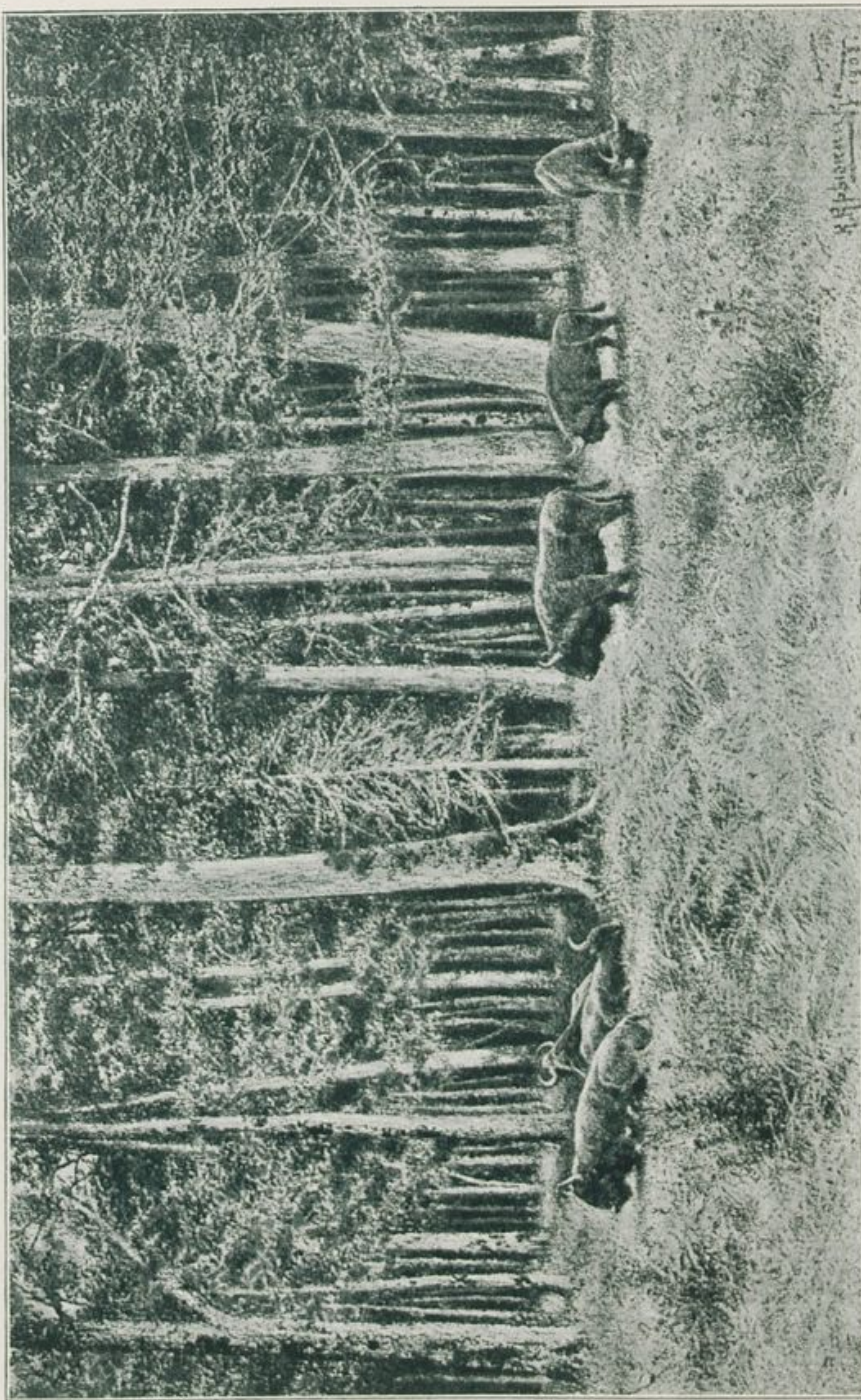
Зимою, когда зубровъ въ Пущѣ прикармливаютъ, то возлѣ сараевъ, разбросанныхъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ, мелкія стада соединяются въ одну группу. Въ первое время, при такихъ встрѣчахъ, бо-

лѣе старые быки и коровы отгоняютъ отъ корма молодежь чужихъ стадъ, и потому, при переходѣ на заготовленный кормъ, нерѣдко погибаютъ или остаются искалѣченными молодыя особи; затѣмъ постепенно общая группа сживается и бродитъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь невдалекѣ. Въ самые сильные морозы всѣ забиваются въ густой ельникъ и даже подъ сараи.

При соединеніи нѣсколькихъ стадъ въ одно у кормовыхъ пунктовъ, прежняя семейная организація распадается сама собою, частью потому, что сторожевая служба перестаетъ быть необходимою, частью по той причинѣ, что вожаковъ нѣсколько, и къ тому же къ своему самому опасному врагу, человѣку, прикармливаемые зубры относятся зимою гораздо довѣрчивѣе. Хотя они и не подходятъ къ нему сами и одинаково не подпускаютъ его близко къ себѣ, но не бѣгутъ, какъ лѣтомъ, когда живутъ совершенно вольною жизнью дикихъ звѣрей. Лишь только появляются первая весенняя трава и почки, зубровыя сборища распадаются на стада первоначальнаго состава и такъ пасутся до новаго снѣга. Зубры очень привычны къ мѣсту и безъ уважительной причины, или пока ихъ не потревожатъ, не покидаютъ облюбованной стоянки. Если безпокойство было незначительное, то отдалившееся стадо скоро возвращается назадъ. Лѣтнія стоянки располагаются всегда по близости проточной воды въ сырыхъ, но не топкихъ мѣстахъ, предпочтительно съ разнообразнымъ лѣсонасажденіемъ. Перемѣны погоды и потребность въ движеніи заставляютъ зубровъ дѣлать болѣе или менѣе значительные переходы, то въ чащу, то на новую жировку.

Распадаясь на мелкія стада, зубры имѣютъ несравненно больше лѣтнихъ стоянокъ, нежели зимнихъ. Зимою, чтобы увидать зубровъ, достаточно приблизиться къ сараю, или обрѣзать кругъ, другой, и непремѣнно встрѣтится стадо, или нѣсколько отдѣльныхъ животныхъ, которые подпустятъ шаговъ на 50 и ближе; но лѣтомъ можно проблуждать и день, и недѣлю, не встрѣтивъ ни одного звѣря. Пасущееся стадо разбредается обыкновенно на пространствѣ 2—3 десятинъ, стараясь не выходить на слишкомъ открытыя, освѣщенныя поляны; одни мирно бродятъ, пощипывая траву, другіе валяются въ тѣни, приподнявъ головы, молодые до года держатся особо. Старыя коровы и быки ходятъ въ парѣ или втроемъ, не подпуская близко прочихъ. Телята-сосуны вертятся возлѣ матерей.—На совершенно сухихъ мѣстахъ, въ пескѣ, на охотничьихъ дорогахъ и на квартальныхъ просѣкахъ, зубры ложатся иногда совершенно плашмя, положивъ голову и вытянувъ шею. Величайшій лѣтній врагъ зубровъ,—мелкія насѣкомыя *)

*) Насѣкомыя, нападающія больше всего на зубра: Oestrus bovis, Oestrus tarantis, Oestrus nasalis, Musca domestica, musca tenax и друг.

СТАДО ЗУБРОВЪ ВЪ ПОЛДЕНЬ.—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

25

нападаютъ на нихъ тучами, и тогда звѣри почти не отходятъ отъ крупныхъ стволовъ, о которые до того ожесточенно почесываются, что древесная кора и клоки шерсти летятъ въ стороны; а если попадется молодое, хоть двухвершковое дерево, то зубръ пригнетъ его, какъ соломинку. Въ самое жаркое сухое время, когда насѣкомыя особенно назойливы, зубры катаются по землѣ, чтобы почесать спину. Они ложатся такъ же, какъ и домашній скотъ, становясь сначала на колѣни и подбирая заднія ноги. Затѣмъ задомъ валятся на бокъ и задомъ же

Зубрица, валяющаяся на снѣгу.
Моментальная фотографія
съ натуры
А. Далматова.

поднимаются. Горбъ очень мѣшаетъ зубрамъ переваливаться съ боку на бокъ, имъ приходится для этого продѣлывать очень сложныя движенія ногами. Повертываясь, насколько можетъ, животное съ размаху вскидываетъ всѣ четыре ноги и съ помощью ихъ переноситъ центръ тяжести, но это удается ему не всегда, только послѣ трехъ-четырехъ неудачныхъ попытокъ. Совершенно одинаково зубры, рѣзвясь, катаются зимою по снѣгу.

Благодаря совершенству моментальной фотографіи, удалось за-

печатлѣть на негативѣ прилагаемый снимокъ зубра, катающагося въ снѣгу.

Въ Пущѣ нужно различать два типа зубровъ,—живущихъ круглый годъ въ звѣринцѣ и уже до нѣкоторой степени приближающихся по праву къ домашнимъ животнымъ, и живущихъ на свободѣ. Къ первымъ, при извѣстной опытности, не трудно приблизиться, въ особенности въ экипажѣ, такъ какъ зубры привыкаютъ къ лошадямъ и шуму экипажа за время подвозки корма; но и это необходимо производить не безъ умѣнія и осторожности.

Обычный пріемъ таковъ. Впереди идетъ егерь, который издали выглядываетъ стоянку звѣрей. Егерямъ извѣстны обыкновенно всѣ стоянки, но нужно высмотрѣть, на которой именно, въ данное время, расположились зубры. Не нужно забывать, что звѣринецъ до прошлаго года имѣлъ 800 десятинъ и что на этой площади, покрытой самымъ разнообразнымъ лѣсомъ, зубрамъ было гдѣ укрыться; поэтому пѣшему, въ виду того, что зубры его особенно остерегаются, нужно быть очень осторожнымъ. Егерь, знающій мѣста стоянокъ и изучившій звѣря, безъ затрудненія находитъ стадо. За четверть версты лошадей, обыкновенно, пускаютъ шагомъ; лошади должны быть привычны къ виду звѣря, иначе онѣ напугаются сами и спугнутъ все стадо. Когда звѣри на виду, не слѣдуетъ тотчасъ же останавливаться, а продолжать ѣхать, по возможности безъ шума и не дѣлая рѣзкихъ движеній, и тогда къ отдѣльнымъ животнымъ удается приблизиться шаговъ на 40. Случается, что старые зубры, завидя экипажъ, остаются на мѣстѣ, какъ статуи, и пропускаютъ его мимо себя въ разстояніи шаговъ десяти. При появленіи экипажа, все стадо настораживается, перестаетъ ѣсть, лежащіе встаютъ, телята прижимаются къ маткамъ, зубрица-вожакъ подвигается настолько, чтобъ быть всегда между стадомъ и проѣзжающими, и всѣ поочередно начинаютъ мочиться. Звѣри, поднявъ головы, становятся фасомъ къ людямъ и въ такихъ позахъ остаются до ихъ удаленія; если же экипажъ остановится и простоитъ съ полчаса, то стадо понемногу успокаивается, начинаетъ пастись, ощипывать побѣги, тереться о деревья, нѣкоторые вновь ложатся, молодежь рѣзвится, дѣлая неуклюжіе скачки, или игриво бодаясь; только одна зубрица-вожакъ не перестаетъ наблюдать за человѣкомъ.

Дождавшись полнаго спокойствія въ стадѣ, можно даже выйти изъ экипажа и осторожно подойти еще ближе къ отдѣлившимся звѣрямъ, не упуская изъ виду вожака. Въ этихъ случаяхъ всегда слѣдуетъ выбрать стариковъ, которые менѣе трусливы. Молодые могутъ внезапно шарахнуться и напугать все стадо; тогда оно, какъ по командѣ, кинется къ вожаку и исчезнетъ вслѣдъ за послѣднимъ.

25*

Насторожившееся стадо зубровъ. Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Если звѣри при видѣ человѣка остаются спокойными, то можно продолжать приближаться до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь изъ нихъ не начнетъ усиленно мотать хвостомъ, трясти головой, облизываться, высовывая языкъ, и въ особенности, опустивъ голову, бить копытомъ. Тутъ уже надо немедленно спасаться за дерево, такъ какъ зубры могутъ броситься, и тогда трудно предвидѣть послѣдствія. Всѣ лѣтніе фотографическіе снимки для настоящаго изданія были произведены съ подхода описаннымъ способомъ, въ присутствіи и при содѣйствіи завѣдующаго бѣловѣжскою охотою І. В. Неврли. Безъ его опытнаго руководства едва ли бы удалось получить что-нибудь цѣнное. Если при приближеніи стадо начнетъ выказывать особенно сильное безпокойство, собираясь въ кучу, или если оно потянетъ въ сторону, то дальнѣйшія попытки совершенно безполезны. Звѣри ускорятъ аллюръ и уйдутъ въ чащу. Необходимо дать сначала стаду остановиться и успокоиться, тогда можно повторить подходъ. При извѣстной настойчивости и неторопливости, случается, что звѣри, послѣ четырехъ-пяти послѣдовательныхъ подходовъ, позволяютъ наблюдателю приблизиться шаговъ на 50.

Неврли достигъ такого опыта въ обхожденіи съ зубрами, содержащимися въ звѣринцѣ, что онъ можетъ демонстрировать всѣ стороны ихъ жизни и направлять ихъ, съ помощью трехъ или четырехъ еге-

рей, къ любому пункту. Когда однажды покойный начальникъ края, генералъ-адъютантъ Троцкій, пріѣхалъ въ Пущу посмотрѣть зубровъ, то г. Неврли провелъ мимо него галопомъ шагахъ въ 40 цѣлое стадо, и генералъ нашелъ, что эскадроны на ученіяхъ не всегда держатъ такъ направленіе, какъ зубры, подъ командою Неврли; а команда эта производится въ 500 шагахъ, смотря по надобности, то слабымъ посвистываніемъ, то рѣзкимъ стукомъ палки о дерево, то крикомъ....... и послушное стадо исполняетъ всѣ приказанія. Оно идетъ шагомъ и ускоряетъ аллюръ, останавливается на полномъ ходу, мѣняетъ направленіе и, въ концѣ концовъ, проходитъ мимо намѣченнаго пункта.

Пока зубры на подножномъ корму, они проводятъ сутки слѣдующимъ образомъ. До восхода солнца они пасутся по лугамъ, сѣнокосамъ и посѣвамъ. На послѣднихъ они не столько питаются, сколько топчутъ и катаются по землѣ, въ особенности они любятъ валяться въ разрыхленной пашнѣ.—Съ наступленіемъ дня и усиленіемъ жары, зубры скучиваются въ сыромъ и тѣнистомъ мѣстѣ, дремлютъ стоя и пережевываютъ жвачку; къ полудню нѣкоторые ложатся въ густой тѣни, предпочтительно въ песчаныхъ мѣстахъ, гдѣ иные валяются; другіе усиленно трутся о деревья и все время отмахиваются хвостами отъ назойливыхъ мухъ и оводовъ. Зубръ никогда не ложится въ болотѣ или въ водѣ. Онъ долженъ чувствовать подъ собою твердую почву. Даже черезъ широкія, мокрыя канавы звѣрь предпочитаетъ перескакивать и, при преслѣдованіи, ловко обходитъ топкія мѣста. Плывущихъ зубровъ никто не видалъ, но, какъ и всякій звѣрь, при необходимости, зубръ, вѣроятно, поплыветъ такъ же, какъ плаваютъ коровы. Передъ закатомъ, когда насѣкомыя перестаютъ надоѣдать, зубры вновь разбредаются, тянутъ на новыя жировки, дѣлая небольшой переходъ, а затѣмъ всю ночь спокойно пасутся. — Частыхъ и большихъ переходовъ зубриныя стада не дѣлаютъ, и въ Пущѣ не замѣчается ясно обозначенныхъ зубровыхъ тропъ, какъ послѣ другихъ бродячихъ животныхъ, напримѣръ, послѣ оленей. Впрочемъ, иногда стада, какъ бы по соглашенію, переходятъ на новыя мѣста, далеко отстоящія отъ прежнихъ. Такъ, въ сороковыхъ годахъ, любимымъ мѣстопребываніемъ зубровъ было урочище Турлея, близъ Королева Моста, въ южной части Бровскаго имѣнія; въ пятидесятыхъ — зубры перешли въ Долгій Боръ и на берега рѣчки Криницы. Во время пожаровъ, истреблявшихъ въ былое время большія пространства, или во время засухъ, зубры по чутью шли въ ту сторону Пущи, надъ которою прошла полоса дождя. Если лѣтомъ или осенью въ какомъ-либо участкѣ случится пожаръ, то на будущую весну зубры навѣрное придутъ туда, такъ какъ чуютъ, что на пожарищѣ найдутъ сочную траву.

Зубровыя стоянки и вообще близкое присутствіе стада зубровъ узнается по многимъ признакамъ,—ближайшимъ образомъ по слѣдамъ, которые на сырыхъ мѣстахъ имѣютъ видъ ямокъ, а на твердомъ грунтѣ ясно отпечатываются.

Тамъ, гдѣ видно много слѣдовъ, молодые побѣги лиственныхъ породъ на высотѣ роста звѣря обыкновенно обглоданы и верхушки травы общипаны. Обглоданные побѣги встрѣчаются чаще весною, но осину и ясень всѣхъ возрастовъ зубры обгладываютъ во всякое время года, и даже когда совершенно сыты, настолько эта кора представляетъ для нихъ лакомое кушанье. Въ звѣринцѣ, гдѣ за зубрами особенно тщательный уходъ и звѣрь всегда получаетъ достаточно корма, осины и ясени тѣмъ не менѣе обглоданы; а весною, когда древесный сокъ особенно сладокъ, звѣри обгладываютъ грабъ и даже ели.

Стволъ обглоданнаго зубрами ясеня. Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Зубры обдираютъ кору отъ самаго корня и производятъ эту операцію настолько чисто, что на всемъ стволѣ, приблизительно на высотѣ трехъ аршинъ, не остается ни кусочка. Отъ зубовъ видны слѣды параллельныхъ бороздъ, какъ это показано на прилагаемомъ снимкѣ. На мѣстахъ стоянокъ остается кало, въ песчанникахъ нарыты неглубокія ямы, въ которыхъ валялись зубры. По мѣстному эти выемки называютъ „купрысками“, т. е. купальнями. Тамъ, гдѣ проходитъ стадо, молодыя деревья пригнуты и поломаны, а на старыхъ остаются слѣды заческовъ. Ко всѣмъ этимъ признакамъ нужно прибавить еще одинъ, безошибочно указывающій на близкое или недавнее присутствіе зуброваго стада—это мускусный запахъ.

Зубры, бродящіе въ одиночку, имѣютъ также свои излюбленныя стоянки и проводятъ день, какъ и стадо; но чѣмъ старше одинецъ, чѣмъ больше прошло со времени его отдѣленія отъ своихъ, тѣмъ болѣе онъ утрачиваетъ прежнія свойства стаднаго животнаго.

Появленіе человѣка или звѣря раздражаетъ его и можетъ довести до бѣшенства. Какъ будто сознавая свою мощь, одинцы проявляютъ полное пренебреженіе къ опасности и нерѣдко идутъ ей прямо на-

ЗУБРЪ—ОДИНЕЦЪ 30-ТИ ЛѢТЪ.—Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

встрѣчу, когда при тѣхъ же условіяхъ цѣлое стадо бѣжитъ. Почуявъ издали врага, одинецъ еще можетъ по старой привычкѣ удалиться; но, увидавъ его вблизи, онъ не въ силахъ уступить и вступаетъ въ борьбу съ каждымъ, кто осмѣлился бы переступить извѣстную границу, приблизительно шаговъ 30—40. Старикъ опускаетъ голову и, становясь фасомъ, выжидаетъ. Въ такомъ положеніи онъ можетъ простоять съ минуту и долѣе, а затѣмъ самъ бросается на врага, осмѣлившагося подойти слишкомъ близко. Мѣстные жители хорошо знаютъ непривѣтливый нравъ одинцовъ и всячески избѣгаютъ проходить вблизи ихъ стоянокъ. Если же одинецъ встрѣтится на дорогѣ и упрямо не уступаетъ мѣста, то его издали объѣзжаютъ, иначе онъ можетъ опрокинуть и истоптать смѣльчака. Дерзость одинцовъ дала поводъ къ разсказамъ, которые многими считаются за правду, будто бы въ голодные годы одинцы выходятъ на дороги и не пропускаютъ проѣзжаго, пока тотъ не броситъ охапки сѣна. Въ общихъ чертахъ характеръ одинца мрачный, вспыльчивый, настойчивый и смѣлый до дерзости.

Обглоданныя зубрами осины.
Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Въ молодости зубры рѣзвятся, играютъ между собою, но въ сезонъ спариванія всѣ болѣе или менѣе зрѣлые самцы озлобляются. Характеръ самокъ не мягче и не ровнѣе, какъ это замѣчается у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ. Въ Пущѣ есть зубрицы, въ злости не уступающія самымъ свирѣпымъ одинцамъ. Слухъ и чутье развиты у зубровъ въ высокой степени. При самомъ легкомъ вѣтрѣ въ ихъ сторону они чуютъ человѣка шаговъ на 500 и не теряютъ чутья на ходу. Поэтому, при подходѣ къ зубрамъ нужно всегда соображаться съ направленіемъ вѣтра. На бѣгу и въ припадкахъ гнѣва зубры издаютъ звукъ, напоминающій отчасти хорканье кабана, но болѣе протяжный. Тотъ же звукъ издается и при половомъ возбужденіи. Въ спокойномъ состояніи зубры безмолвны и самую сильную боль переносятъ безъ звука. Далматовъ приписываетъ зубрамъ способность ревѣть наподобіе домашнихъ

быковъ и говоритъ, что лишенный свободы зубръ, или зубрица, потерявшая теленка, въ припадкѣ отчаянія протяжно ревутъ; но ни одинъ наблюдатель, изучавшій зубра послѣ Далматова, объ этомъ не упоминаетъ, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Неврли, категорически говорятъ, что зубръ сопитъ, пыхтитъ, фыркаетъ или хоркаетъ, но никогда не мычитъ и не реветъ.

Будучи по преимуществу лѣснымъ звѣремъ, зубръ круглый годъ могъ бы пропитаться лѣсомъ, но въ теченіе всей весны и лѣта, пока вездѣ достаточно подножнаго корма, зубръ предпочитаетъ траву, и лѣсъ въ это время служитъ ему болѣе жилищемъ, нежели источникомъ корма.—Не особенно прихотливый, зубръ ѣстъ всякую траву, хотя замѣчено, что у него есть нѣсколько излюбленныхъ душистыхъ сортовъ. Къ таковымъ относятся томка (Hierochloa australis) и зубровка (Hierochloa borealis), но такъ какъ томки вообще немного, а зубровка сочна и сладка только раннею весною, то зубръ обращается къ другимъ сортамъ, предпочтительно къ луговому лисохвосту (Alopecurus pratensis), тимофеевкѣ (Phleum pratense), развѣсистому бору (Milium effusum), луговому мятлику (Poa pratensis), лѣсному мятлику (Poa nemoralis), средней трясункѣ (Briza media), ежѣ сборной (Dactylis glomerata) и къ высокой овсяницѣ (Festuca elatior).

Съ августа, когда трава начинаетъ подсыхать, зубры питаются молодыми побѣгами лиственныхъ породъ, не пренебрегая никакими, хотя и тутъ дѣлаютъ нѣкоторый выборъ. Такъ, кору выбираютъ наиболѣе мягкую и сочную, легко снимающуюся зубами. Любятъ верескъ и различные древесные мхи, собираютъ листву преимущественно осины и рябины. Горьковатой березы зубры не трогаютъ вовсе и вообще охотнѣе ѣдятъ побѣги кустарниковъ. Кромѣ осиновой и ясеневой коры, которую, какъ сказано, зубры предпочитаютъ всему, у нихъ есть еще другое лакомство,—паразитное растеніе „омелла". На это кушанье ихъ заманиваютъ даже въ ловушку. Культивированныхъ хлѣбныхъ злаковъ лѣтомъ зубры почти не трогаютъ до вызрѣванія, но когда хлѣбъ начинаютъ убирать, то зубры появляются на поляхъ, и тутъ между зубрами и мѣстными крестьянами случаются столкновенія, оканчивающіяся иногда несчастными случаями, такъ какъ зубры не позволяютъ, чтобы ихъ отгоняли отъ корма. Весною зубры охотно посѣщаютъ яровые посѣвы, а осенью тянутъ часто на зеленя. Овесъ зубры ѣдятъ охотнѣе прочихъ злаковъ.

Зимою, когда земля покрыта снѣгомъ, зубры питаются исключительно лѣсомъ; мха, подобно оленямъ, зубры не отрываютъ изъ-подъ снѣга, а ѣдятъ только древесный мохъ, верескъ и ягодники. Въ былое время, когда былъ полный просторъ, зубры, не находя въ извѣстномъ

мѣстѣ молодняка, осины, омеллы или древеснаго мха, разбредались по окрестнымъ лѣсамъ въ поискахъ за пищей; но съ тѣхъ поръ, какъ зубровая семья сконцентрировалась на площади Бѣловѣжской Пущи, и выхода оттуда не стало, зубрамъ приходится туго. Сплошныя рубки, которыя давали бы свѣжія вѣтви, а впослѣдствіи обильный молоднякъ, уже давно въ Пущѣ не производятся; лѣсъ, кромѣ того, сильно засорился еловою порослью и обѣднѣлъ лиственными породами; къ тому же лѣтомъ звѣрь не можетъ нагулять хорошаго тѣла, потому что лучшія приpѣчныя земли отошли къ крестьянамъ, и такимъ образомъ зима застаетъ животное слабымъ и изнуреннымъ осенней течкою. Прикормъ зубровъ по зимамъ ведется издавна, еще съ польскихъ временъ; но что они получали даже тогда, когда, повидимому, о нихъ усиленно пеклись—мы уже видѣли.

Хотя зубръ любитъ соль, но къ искусственнымъ солончакамъ относится равнодушнѣе другого крупнаго звѣря, напр., оленя. Только весною, во время линки, зубры особенно часто посѣщаютъ солончаки. Тогда они облизываютъ насыщенную солянымъ растворомъ глину и жуютъ цѣлые комки съ такою жадностью, что корыта приходится набивать раза три за весну. Обсосанные, какъ леденцы, комки глины валяются всюду вокругъ кормовыхъ пунктовъ.

Лѣтомъ зубръ пьетъ много и часто и ищетъ самую чистую проточную воду. Въ болотѣ онъ пить не будетъ. Послѣ большихъ и быстрыхъ переходовъ звѣрь тотчасъ бѣжитъ къ водѣ и зачастую опивается. Когда прежде для поимки одного зубра безпощадно гоняли цѣлыя стада, то многіе погибали, напившись сгоряча.

Зимою зубры лижутъ снѣгъ и долго могутъ обходиться безъ питья. При безснѣжной, но морозной погодѣ, звѣри очень легко пробиваютъ даже толстый ледъ ударами копытъ, устраивая проруби. Обильная дача корнеплода до нѣкоторой степени замѣняетъ питье.

Зубръ никогда не испражняется на ходу, какъ домашній скотъ; онъ непремѣнно долженъ остановиться; кало же зубра почти ничѣмъ не отличается отъ кала домашняго быка.

Къ началу осени, ко времени своего спариванія, зубры входятъ въ самое лучшее тѣло, шерсть становится лоснящеюся, почти шелковистою, и самъ звѣрь какъ-то смѣлѣетъ, движенія его живѣе, и въ общемъ онъ дѣлается почти нарядным. Начало осени—лучшее время въ Пущѣ; въ особенности же хороши ясныя, сухія, теплыя ночи, такъ что не даромъ французы называли середину августа и начало сентября „la belle saison des bisons, quand le temps commence par la toilette et finit avec les amourettes“. Стада зубровъ смѣло и весело бродятъ по Пущѣ, наполняя ее шумомъ и трескомъ, находя какое-то

26

особое удовольствіе ломать деревья и вырывать ихъ съ корнями изъ земли.

Спариванія начинаются съ конца іюля и, въ зависимости отъ погоды и возраста, продолжаются до начала сентября. Чѣмъ теплѣе осень, тѣмъ течка начинается раньше, и обратно; старые спариваются раньше молодыхъ. Для отдѣльныхъ экземпляровъ время яра продолжается недѣли двѣ. Уже съ конца іюля къ стадамъ подходятъ одинцы и начинаютъ преслѣдовать молодыхъ быковъ, отгоняя ихъ отъ зубрицъ.

Бой зубровъ.
Оригинальный рисунокъ
Р. Френца.

Завязываются жестокіе бои. Единоборства на смерть случаются не часто, только если сойдутся быки не равной силы и болѣе слабый начнетъ упрямиться. Бойцы равной силы послѣ нѣсколькихъ стычекъ расходятся и продолжаютъ вымещать свою злобу на окружающихъ предметахъ: бьютъ ногами землю, неистово ломаютъ деревья, а если попадется молодое гибкое дерево, которое не только не удается сокрушить, но которое, выпрямляясь, само бьетъ, то звѣрь еще болѣе свирѣпѣетъ и, вертя головою, гнетъ дерево то въ ту, то въ другую сторону. Когда зубръ въ такомъ состояніи, то слѣдуетъ держаться отъ него какъ можно далѣе, иначе онъ сейчасъ же нападаетъ, не глядя ни на что. Въ это время слышатся частыя горканья звѣря. Зубрицы также становятся свирѣпы и нерѣдко сами нападаютъ не только на молодыхъ, но и на старыхъ и сильныхъ самцовъ, борьбу съ которыми предпочитаютъ; впрочемъ, всѣ движенія зубрицъ указываютъ на то, что съ ихъ

СРЕДНЕВОЗРАСТНАЯ ЗУБРИЦА, БЫКЪ 22 МѢСЯЦЕВЪ И 10-ТИ МѢСЯЧНАЯ ТЕЛКА.
Моментальная фотографія съ натуры А. Далматова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

стороны это не борьба, а заигрываніе. Каждый осенній сезонъ оставляетъ не мало искалѣченныхъ. Молодыя коровы, попадая подъ старыхъ грузныхъ одинцовъ, нерѣдко получаютъ переломъ хребта и погибаютъ.

Зубрицы годны къ спариванію на 3-мъ или 4-мъ году, смотря по общему развитію, зависящему отъ количества и качества кормовъ за первый періодъ жизни. Быкъ въ томъ же возрастѣ можетъ покрыть зубрицу, но обыкновенно не допускается къ тому одинцами, отчего становится производителемъ только на 6-мъ году, достигнувъ полной зрѣлости. Въ общемъ, течка зубровъ не выражается такими рѣзкими измѣненіями въ жизни животнаго, какъ это бываетъ у оленей. Нѣтъ постояннаго рева, нѣтъ порабощенія нѣсколькихъ коровъ однимъ быкомъ; стадо живетъ почти своею обыкновенною жизнью, съ тою разницею, что съ нимъ ходятъ одинцы, молодые же быки бродятъ не вдалекѣ, и временами происходятъ бои.

Къ началу сентября первыми отходятъ отъ стадъ самые старые одинцы. Нѣкоторые „самовторы“ и „тройники“ продолжаютъ ходить вблизи стадъ и, при недостаткѣ естественныхъ кормовъ, подходятъ къ зубровымъ сараямъ, отгоняя молодежь. Эти визиты всегда сопровождаются пораненіемъ молодыхъ.

Зубрица, какъ и домашняя корова, носитъ девять мѣсяцевъ, при чемъ стельность ея даже въ послѣдній періодъ не измѣняетъ ея наружныхъ формъ: вымени почти не замѣтно, хотя нужно думать, зубрицы очень молочны, такъ какъ зубрятамъ, которыхъ кормили домашнимъ молокомъ, едва доставало молока отъ двухъ коровъ средней удойности.

Отъ времени спариванія, конечно, зависитъ и періодъ теленія, который продолжается также мѣсяца два. Раннее теленіе наступаетъ въ апрѣлѣ и маѣ, но случалось, что зубрицы телились глубокой осенью, въ чемъ сказывается вліяніе искусственнаго содержанія. Спариваніе также наступало иногда зимой. Самые опытные пущинскіе егеря никогда не могутъ съ точностью опредѣлить, сколько стельныхъ коровъ въ стадѣ. Собирающаяся телиться зубрица уходитъ изъ стада въ самую глушь лѣса, укрываясь отъ вѣтра и посторонняго глаза, и телится на сухомъ мѣстѣ. Существуетъ предположеніе, что зубрица удаляется отъ стада не для того, чтобы укрыться, а для того, чтобы спрятать теленка отъ самцовъ, которые, будто бы, относятся очень свирѣпо къ новорожденнымъ зубрятамъ. Насколько основательно это предположеніе— судить трудно, потому что прослѣдить за телящеюся зубрицею не удавалось, но между нѣкоторыми дикими животными такое отношеніе самцовъ дѣйствительно наблюдалось. Какого вида бываетъ зубренокъ въ первые дни по рожденіи, какъ скоро онъ становится на ноги,

26*

ОТДѢЛИВШIЕСЯ ОТЪ СТАДА «ТРОЙНИКИ».—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

когда начинаетъ сосать—никто сказать не можетъ, потому что въ это время подойти къ коровѣ нельзя. Корова уходитъ изъ стада дней на 5 или на 6, и, предполагая, что она уходитъ заблаговременно, телокъ долженъ бродить на вторыя или третьи сутки.

Вернувшаяся къ стаду корова держитъ телка у груди, подъ гривою, и его трудно хорошо разсмотрѣть. Онъ пепельно-сѣрой или буро-сѣрой масти и кажется несоотвѣтственно маленькимъ. Сосетъ онъ въ первые дни очень часто. При переходахъ корова подталкиваетъ телка мордой, не позволяя другимъ зубрамъ приближаться къ ней. Черезъ недѣлю, другую, маленькіе уже отходятъ отъ матерей и начинаютъ рѣзвиться со сверстниками. Зубрицы, имѣющія телятъ, не обращаютъ вниманія на чужихъ зубрятъ и позволяютъ имъ вертѣться вокругъ нихъ; поэтому, когда стадо въ спокойномъ состояніи, можно увидѣть двухъ телятъ при одной коровѣ и ошибочно принять ихъ за двойню; но двойнь у зубрицъ никогда не наблюдалось.

Лишь только стадо чѣмъ-нибудь потревожатъ, телята тотчасъ распредѣляются по мѣстамъ, и на ходу зубренокъ всегда при своей матери. Зрѣлые, стадные быки относятся равнодушно къ телятамъ, пока тѣ имъ не надоѣдаютъ; въ противномъ же случаѣ, при первомъ неудовольствіи быкъ съ сапѣніемъ ускореннымъ шагомъ направляется къ теленку, и если послѣдній не успѣетъ отскочить подъ защиту матери, то получитъ опасный толчокъ лбомъ или рогомъ. Уже четырехнедѣльный теленокъ начинаетъ пощипывать траву и очень скоро беретъ все, что и остальные, не исключая корнеплодовъ, но сосать мать онъ не перестаетъ до тѣхъ поръ, пока та его сама не начнетъ отгонять отъ себя. У позднышей сосаніе продолжается цѣлый годъ и долѣе, до новаго теленія. Раннихъ телятъ матери отгоняютъ послѣ 5 мѣсяцевъ.

Въ звѣринцѣ былъ случай, когда зубрица, отелившаяся въ октябрѣ, забралась въ зубровый сарай и, зарывшись въ заготовленное къ зимѣ сѣно, пробыла тамъ съ зубренкомъ, пока онъ не окрѣпъ, и все время не подпускала сторожей, приходившихъ въ сарай за кормомъ.

Съ самыхъ раннихъ дней, по намекамъ на гриву и бороду, въ телкѣ видно будущаго звѣря: на тѣхъ частяхъ тѣла, гдѣ впослѣдствіи шкура пушистѣе, ясно замѣтны болѣе длинные волосы. Рога начинаютъ расти съ первой осени. Зимою телята издали напоминаютъ медвѣдей. Въ первый годъ зубрята растутъ очень быстро, а затѣмъ пріостанавливаются въ развитіи, и до 4-го года все еще кажутся телятами. На четвертомъ году зубръ быстро выходитъ изъ дѣтскаго возраста, и всѣ его формы принимаютъ обликъ зрѣлаго животнаго, хотя по болѣе обильной и длинной гривѣ, по лоснящейся шерсти, а въ особенности по характеру движеній, опытный глазъ сразу отли-

Зубры и олени.
Фотографія съ натуры.
Моментальный панорамный снимокъ
А. Далматова.

чаетъ стараго отъ молодого. Къ 6-ти или 7-ми годамъ зубръ достигаетъ полнаго развитія и живетъ до 30, 40 и даже до 50 лѣтъ. Зубрицы живутъ лѣтъ на десять меньше, чѣмъ быки.

Ко всѣмъ звѣрямъ, проживающимъ въ Пущѣ, зубры относятся почти дружелюбно и во всякомъ случаѣ индифферентно. Зубръ не гонитъ никого, за исключеніемъ хищниковъ, отъ которыхъ бѣжитъ самъ. Эта сторона характера зубровъ хорошо наблюдалась въ звѣринцѣ, гдѣ зубры живали въ большомъ и разнообразномъ обществѣ. Олени, даніэли, козы и кабаны сами проникнуты уваженіемъ къ силѣ зубра и уступаютъ ему дорогу, но не бѣгутъ отъ него въ ужасѣ. Лѣтомъ можно видѣть оленей, безбоязненно пасущихся невдалекѣ отъ зубровъ, тогда какъ сами олени не подпускаютъ къ себѣ козъ. Зимою, возлѣ сараевъ, остатки корма зубровъ подъѣдаютъ остальные звѣри, и если завидятъ приближающагося зубра, то только отходятъ на небольшое разстояніе, но тотчасъ же возвращаются, если зубръ не остановится, а пройдетъ мимо. Олени набираются зимою такой храбрости, что рѣшаются подбираться къ сараямъ, при которыхъ кормятся зубры. Такую картину, конечно, приходится видѣть не часто, поэтому рѣшаемся приложить единственный, хотя и не совсѣмъ удачный снимокъ зубровъ вмѣстѣ съ благороднымъ оленемъ.

Къ домашнему рогатому скоту зубры относятся вполнѣ дружелюбно, и Брэмъ, говорящій противное, былъ, вѣроятно, введенъ въ заблужденіе Далматовымъ, а послѣдній Жильбертомъ. При появленіи въ лѣсу большого домашняго стада съ колоколами и погремушками, зубры спокойно отходятъ въ сторону, но не столько отъ скота, сколько отъ шума и сопровождающихъ стадо пастуховъ. Если же возлѣ зу-

бровъ появится отбившаяся отъ стада корова, то они даже не обращаютъ на нее вниманія.

Къ лошадямъ зубръ относится повидимому такъ же, какъ домашній рогатый скотъ: если лошадь пасется поодаль — зубры ее не замѣчаютъ, но если она подойдетъ слишкомъ близко, то зубръ можетъ ударить. Случалось, что зубръ нападалъ на спутанныхъ крестьянскихъ лошадей, пасущихся въ ночномъ, и даже на егерскихъ осѣдланныхъ, привязанныхъ къ дереву. Почему и какъ зубры нападали на этихъ лошадей, никто сказать не могъ, но совершенно одинаково и домашній скотъ задѣваетъ иногда лошадь безъ всякой видимой причины. Лошадь же относится къ зубрамъ съ опредѣленно выраженнымъ страхомъ, не меньшимъ, чѣмъ къ волкамъ или медвѣдямъ. Лошадь дрожитъ на свѣжемъ зубровомъ слѣду, упирается, закладываетъ уши и вообще выражаетъ крайнее безпокойство. Подобное отношеніе лошади къ зубрамъ выросло въ людской молвѣ до сказочныхъ размѣровъ: будто бы лошадь при видѣ зубра падаетъ на землю, прижимается къ ней мордой и въ неподвижной позѣ ожидаетъ нападенія.

Сказанное про лошадей не относится до тѣхъ, которыя живутъ постоянно въ Пущѣ. Мѣстныя лошади вполнѣ свыкаются съ зубрами. Лошади сторожей и прочихъ служащихъ безбоязненно приближаются къ зубрамъ; въ особенности развозящія зимній кормъ, тѣ совершенно смѣло врѣзываются съ возомъ въ зубровое стадо. Зубры, въ свою очередь, настолько поглощены въ это время ожиданіемъ корма, что не замѣчаютъ лошади или, быть-можетъ, присутствіе человѣка дѣлаетъ ихъ менѣе смѣлыми.

Изъ всѣхъ животныхъ зубрамъ, дѣйствительно, ненавистны только однѣ собаки. Этихъ они рѣшительно не переносятъ, и самый вѣрный способъ подвергнуть себя опасности—имѣть при себѣ собаку тамъ, гдѣ ожидаешь встрѣтить зубровъ. Они прямо бросаются на собаку, не взирая на присутствіе человѣка. Два года тому назадъ дочь г. Неврли должна была вертѣться вокругъ большого дуба съ фоксъ-терьеромъ на рукахъ, спасаясь отъ напавшихъ на нее зубровъ, пока на крикъ не сбѣжались сторожа. Отъ стаи собакъ зубръ бѣжитъ, насколько хватаетъ силъ, а затѣмъ останавливается и съ яростью отбивается ударами роговъ и ногъ.

Заканчивая характеристику зубровъ, скажемъ объ одномъ повѣріи, сложившемся въ Пущѣ, будто зубровъ настолько раздражаетъ красный цвѣтъ, что они бросаются даже на человѣка, одѣтаго въ красное. Поэтому мѣстныя бабы ни въ красныхъ платьяхъ, ни въ красныхъ платкахъ не выходятъ въ лѣсъ. Провѣрить это отвращеніе зубровъ къ красному цвѣту почему-то никому не приходило въ голову; но нужно

думать, что убѣжденіе это сложилось въ народѣ вслѣдствіе какого-нибудь единичнаго случая, или по аналогіи съ домашнимъ быкомъ; зубру же, какъ дикому животному, эту ненависть къ красному приписали въ усиленной степени.

Размножается зубръ или вымираетъ?

Среди естествоиспытателей и охотниковъ давно установился взглядъ на бѣловѣжскаго зубра, какъ на вымирающую породу. О вымираніи зубра уже больше не спорятъ, а только всѣми мѣрами стараются отдалить печальное явленіе. Первоначальнымъ поводомъ къ такому взгляду послужилъ всюду наблюдающійся фактъ, что крупныя породы дикихъ звѣрей исчезаютъ съ лица земли, уступая свои владѣнія человѣку. Позднѣе, когда зубровъ не только перестали истреблять, но, наоборотъ, всячески охраняли и, тѣмъ не менѣе, видѣли, что размноженіе пріостанавливалось, и число зубровъ идетъ на убыль,—вымираніе стали объяснять другими причинами.

Хотя этотъ въ высокой степени интересный вопросъ, какъ сказано, считается категорически рѣшеннымъ, но если прослѣдить за тѣми доводами, на которыхъ основано рѣшеніе, то позволительно усумниться въ его безусловной справедливости. Самымъ главнымъ доводомъ въ подтвержденіе вымиранія всегда служилъ подсчетъ наличнаго зуброваго населенія. Приводя далѣе таблицу, въ которой показано число зубровъ съ первыхъ же лѣтъ по переходѣ Пущи въ русское владѣніе, взглянемъ сначала на способъ, которымъ ведется подсчетъ.

Съ давнихъ поръ и понынѣ практикуется одинъ и тотъ же способъ подсчета по слѣдамъ: позднею осенью или раннею зимой, когда зубры начинаютъ подходить къ заготовленному корму, сторожа выжидаютъ выпада снѣга. Въ первую порошу, обыкновенно, только готовятся къ подсчету, потому что всякій дикій звѣрь какъ-то инстинктивно понимаетъ, что слѣдъ выдаетъ его присутствіе, и потому избѣгаетъ нѣкоторое время переходить съ мѣста на мѣсто и даже забивается въ чащу, пока не обвыкнется съ обстановкой; но дня черезъ два—три, зубры начинаютъ бродить попрежнему, ни мало не смущаясь снѣжнымъ покровомъ. Тогда выжидаютъ новой пороши, и въ одинъ и тотъ же часъ весь составъ служащихъ: егеря, лѣсные и зубровые сторожа, а въ былое время и осочники, начинаютъ обходъ заранѣе распредѣленныхъ участковъ. Каждый счетчикъ отмѣчаетъ себѣ число входныхъ и выходныхъ слѣдовъ, которое приходится пересѣчь по линіи обхода. Вычитая въ каждомъ стадѣ изъ общаго числа входныхъ слѣдовъ выходные, получаютъ разность, которая и покажетъ, сколько зубровъ находилось въ данномъ участкѣ.

Болѣе подробное описаніе производства подсчета читатель найдетъ ниже; здѣсь же, указавъ на главныя основанія, добавимъ лишь, что мѣстные егеря, хорошо знающіе, гдѣ зимою сосредоточиваются зубры и гдѣ ихъ нѣтъ, могли бы въ сущности давать на глазъ весьма точныя цифры. Къ сожалѣнію, тенденція начальства къ преувеличенію числа зубровъ сообщалась и всѣмъ остальнымъ служащимъ, и въ результатѣ, получились совершенно неточныя цифры. (Смотри таблицу на страницахъ 212 и 213).

Не вдаваясь въ детальный разборъ донесеній за каждый годъ и останавливаясь лишь на цѣлыхъ періодахъ, или на особенно выдающихся моментахъ, мы видимъ, что съ 1809 по 1858 годъ общее число зубровъ медленно, но постепенно возрастаетъ, достигая maximum'а— 1898 головъ, но возрастаніе это идетъ совершенно своеобразнымъ путемъ. Съ 1816 по 1821 годъ зубры отличались необыкновенной плодовитостью, ежегодный приплодъ составлялъ 25% и болѣе; убыль за тотъ же періодъ показана всего въ 6 штукъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ, число зубровъ къ началу 1822 года должно было бы, по крайней мѣрѣ, удвоиться; въ дѣйствительности же оно возросло съ 483 до 508, т. е. всего на 25 головъ. Въ слѣдующее же пятилѣтіе, съ 1822 по 1827 годъ, несмотря на то, что плодовитость понижается и становится болѣе или менѣе похожею на дѣйствительную, т. е. составляетъ въ среднемъ около 10%, общее число зубровъ возрастаетъ съ 477 до 690, т. е. на 113 головъ. Только послѣ 1827 года между плодовитостью и наличнымъ числомъ зубровъ устанавливается связь, и донесенія начинаютъ казаться правдоподобными.

Просматривая таблицу за дальнѣйшіе періоды, мы видимъ, что возстаніе 1830—31 гг., во время котораго шло безпощадное истребленіе всей дичи и зубровъ, по донесеніямъ какъ будто прошло безслѣдно: сначала показали небольшую убыль, а затѣмъ размноженіе продолжалось попрежнему. Такъ шло дѣло до извѣстной охоты Императора Александра II, въ 1860 году. Съ этого года наступаетъ поворотъ. Приготовленія къ этой охотѣ происходили на глазахъ высшей администраціи, и всѣ видѣли, съ какими усиліями тогда собирали звѣрей. Многое, что до тѣхъ поръ составляло пущинскій секретъ, теперь сразу обнаружилось. Располагая арміею загонщиковъ, въ звѣринецъ, если судить по даннымъ таблицы, можно было бы нагнать цѣлую тысячу зубровъ, но ихъ попало туда всего 118. Въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ число зубровъ постепенно убавляется. Ясно, что въ ошибкѣ, если это только тутъ была ошибка, сознавались, но осторожно.

Съ 1861 года подсчетъ стали выводить съ убылью, и къ году новаго польскаго возстанія (1863 г.) общее число зубровъ понизилось до 874 головъ, а въ 1868 году до 559.

27

Въ послѣдующіе года управленія министерства государственныхъ имуществъ, когда зубровъ стали лучше прикармливать зимою и общій порядокъ въ Пущѣ во всѣхъ отношеніяхъ измѣнился къ лучшему, размноженіе зубровъ все-таки остановилось. Цѣлыхъ 15 лѣтъ подъ рядъ, до 1883 г., число зубровъ колеблется отъ 550 до 600, затѣмъ наступаетъ новый важный моментъ въ жизни Пущи — извѣстная писаревская ревизія. Эта ревизія еще точнѣе выправила подсчетъ зубровъ. Послѣ нея зубровъ сразу убавилось на 208 головъ, и къ 1884 году число ихъ достигаетъ 384, т. е. минимальнаго количества зубровъ по всей таблицѣ. Къ году сдачи Пущи въ вѣдомство удѣловъ, т. е. къ 1888 году, зубры опять размножились, но уже въ дѣйствительности,— до 438 головъ. Къ какому же выводу приводятъ всѣ эти цифры? Если предположить, что донесенія были правильныя или съ небольшими допустимыми ошибками, то нужно признать, что до 1858 года зубровая порода являлась вполнѣ жизнеспособной.

Размноженіе, правда, шло не быстро, но среди дикихъ животныхъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, лучшихъ результатовъ нельзя и желать. Съ этого года, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, наступаетъ поворотъ, зубры не то стали умирать, не то просто исчезать куда-то. Говоря безпристрастно, за весь разсматриваемый періодъ мы имѣемъ только двѣ цифры, въ которыхъ нельзя сомнѣваться. Послѣ ревизіи Писарева, когда почти весь составъ пущинскихъ служащихъ обновился, не могли не показать правды и потому зубровъ насчитали только 384. Къ году сдачи въ удѣльное вѣдомство также нельзя было преувеличивать цифръ, и зубровъ показали 438. Поэтому не справедливѣе ли на всю зубровую статистику за 60 лѣтъ хозяйства въ Пущѣ, до 1888 года, махнуть рукой и исключить ее совершенно изъ числа доказательствъ въ такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ вымираніе зубра. Къ такому выводу приводитъ также и обзоръ донесеній объ убыли зубровъ отъ старости и болѣзней, отъ браконьеровъ и отъ хищниковъ. Здѣсь уже нѣтъ ни одной достовѣрной цифры. Мы знаемъ, что браконьерство не удается искоренить даже сейчасъ, а волки, до введенія стрихнинныхъ пилюль, гуляли по Пущѣ стаями,—между тѣмъ, вредъ, наносимый тѣми и другими, показанъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что если бы дѣло стояло одинаково при теперешнихъ условіяхъ, то съ этимъ зломъ можно было бы еще мириться.

Со времени перехода Пущи въ вѣдѣніе удѣловъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ о прокормѣ зубровъ стали дѣйствительно заботиться, картина рѣзко мѣняется, и статистическая таблица становится понятною во всѣхъ частяхъ. Допуская даже нѣкоторое сомнѣніе въ правильности общаго числа, показаннаго въ первомъ подсчетѣ удѣльной администра-

ціи (1889) въ 380 головъ, которое, быть-можетъ, выведено нѣсколько преуменьшеннымъ для того, чтобы дальнѣйшій ходъ хозяйства казался успѣшнѣе, и принимая потому въ основаніе цифру, данную министерствомъ государств. им., мы видимъ, что за 14 лѣтъ общее число зубровъ возросло съ 438 до 747, т. е. на 309 головъ. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что за этотъ періодъ было три охоты, въ которыя убито 93 зубра, и отъ старости и болѣзней пало 292, тогда какъ за такой же періодъ съ 1873 по 1888 г. въ таблицѣ убыль отъ старости и болѣзней показана всего въ 60 головъ. А въ болѣе ранній періодъ, когда зубровъ считали до двухъ тысячъ, годичная убыль отъ этихъ причинъ не превышала 17. Сомнѣваться въ достовѣрности теперешнихъ цифръ почти невозможно, до того тщательно ведется теперь подсчетъ. Какимъ путемъ достигнутъ этотъ результатъ, мы скажемъ подробно при обзорѣ современнаго состоянія Пущи, а пока, говоря о вымираніи, мы видимъ, что съ перемѣною системы управленія, вымираніе смѣнилось размноженіемъ.

Не болѣе серьезными, чѣмъ статистическіе, являются и всѣ остальные доводы, на которыхъ основано заключеніе о вымираніи зубровой породы. Въ основѣ этихъ доводовъ лежитъ презумпція, что зубры, пасущіеся давно на одной площади, всѣ перероднились между собою; вліяніе же продолжительнаго кровосмѣшенія на вымираніе, безспорно, доказано. Посмотримъ сначала, вѣрна ли презумпція, т. е. дѣйствительно ли бѣловѣжскіе зубры такъ тѣсно перероднились между собою, и тогда всѣ остальныя явленія, которыя считаются признакомъ вымиранія, получатъ, быть-можетъ, новое освѣщеніе. Всѣ изучавшіе жизнь зубровъ, безъ исключенія, согласны между собою, что самою характерною чертою звѣря является его привычка къ мѣсту. Даже зубры, попавшіе въ неволю, привыкали къ мѣсту заключенія и скучали, волновались, попадая на новое. На 114 тысячахъ десятинъ Пущи зубровыя стада распредѣляются такъ, что во всю жизнь могли бы не встрѣчаться, если бы не необходимость подходить зимою къ кормовымъ сараямъ, или случайная бѣда, въ родѣ охоты или пожара, которые гонятъ всѣхъ въ одну сторону. Съ наступленіемъ весны стада расходятся въ томъ же составѣ, въ которомъ подошли, и такъ до слѣдующей зимы. Если бы при такой наклонности стадъ держаться особнякомъ спариваніе происходило между особями одного и того же стада, то, конечно, порода просуществовала бы не долго; но вѣдь производителями являются посторонніе стаду элементы—одинцы.

Въ потребности самцовъ отдѣляться отъ своего стада въ довольно раннемъ возрастѣ лежитъ причина сохраненія вида отъ вымиранія. Сколько въ Пущѣ бродитъ отдѣльныхъ стадъ и сколько одинцовъ,

27*

Таблица ежегоднаго подсчета
съ 1809 по 1-ое

Года.	Сколько зубровъ состояло:			Убыло:									Дарованы шкуры, чучела и скелеты.
	старыхъ.	приплодъ.	всего.	Отстрѣлены по Высочайшему повелѣнію	Издохли отъ старости и болѣзни.	Зарѣзаны волками.	Задраны медвѣдями.	Дарованы живыми.	Убито браконьерами.	Найдены мертвыми по неизв. причинѣ.	Пали отъ случайностей.	Убиты зубрами.	
1809	—	—	350	—	—	—	—	—	подсчетъ не производился.	свѣдѣній нѣтъ.	свѣдѣній нѣтъ.	наблюденія не производились.	
1810	—	—	—	—	—	—	—	—					
1811	—	—	—	—	—	—	—	—					
1812	—	—	—	—	—	—	—	—					
1813	309	54	363	—	—	—	—	—					
1814	—	—	—	—	—	—	—	—					
1815	—	—	—	—	—	—	—	—					
1816	369	114	483	—	—	—	—	—					
1817	386	111	497	—	—	—	—	—					
1818	429	117	546	—	—	—	—	—					
1819	407	97	504	—	—	—	—	—					
1820	426	102	528	—	—	—	—	—					
1821	419	89	508	4	—	—	—	2					
1822	412	65	477	—	—	—	—	—					
1823	448	67	515	—	—	—	—	1					
1824	540	32	572	—	—	—	—	—					
1825	—	—	—	—	—	—	—	—					
1826	606	47	653	—	—	—	—	—					
1827	641	49	690	—	—	—	—	—					
1828	—	—	—	—	—	—	—	—					
1829	633	78	711	2	—	—	—	—					
1830	—	—	772	—	—	—	—	—					
1831	—	—	657	—	—	—	—	—					
1832	712	58	770	—	—	—	1	—					
1833	715	53	768	—	4	8	—	—					
1834	757	53	810	—	11	3	—	—					
1835	777	68	845	—	4	3	—	—					
1836	780	78	858	—	6	6	—	—					
1837	802	58	860	—	9	1	—	—					
1838	852	54	906	3	4	3	—	—					
1839	886	46	932	—	17	—	—	—					
1840	782	35	817	1	8	6	—	—					
1841	875	71	946	3	5	3	1	—					
1842	подсчетъ не производился.				5	1	—	—					
1843	875	109	984	—	3	1	—	—					
1844	—	—	993	3	4	2	1	—					
1845	945	80	1025	—	6	3	—	—					1 ск., 1 чуч. Лондонск. муз.
1846	1018	77	1095	—	3	5	5	2					
1847	—	—	—	—	6	8	—	2					
1848	1156	108	1264	1	—	—	—	2					
1849	1254	100	1354	—	5	5	—	—					
1850	1390	170	1560	—	6	5	—	—					
1851	1552	90	1642	2	4	2	—	—					
1852	1600	148	1748	—	5	2	—	3					
1853	1642	160	1802	1	3	1	—	—					
1854	1655	169	1824	—	4	—	—	—					
1855	—	—	1824	—	—	—	—	—					
1856	—	—	1771	—	—	—	—	—					
1857	—	—	1898	—	—	—	—	—					

зубровъ, приплода и убыли ихъ
іюля 1902 гг.

Года.	Сколько зубровъ состояло: старыхъ.	приплодъ.	всего.	Убыло: Отстрѣлены по Высочайшему повелѣнію.	Издохли отъ старости и болѣзни.	Зарѣзаны волками.	Задраны медвѣдями.	Дарованы живыми.	Убито браконьерами.	Найдены мертвыми по неизв. причинѣ.	Пали отъ случайностей.	Убиты зубрами.	Дарованы шкуры, чучела и скелеты.
1858	—	—	1434	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1 чуч. Дрезденскому муз.
1859	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 шкур. Страсбургскому муз.
1860	1416	159	1575	33	—	—	—	2	—	—	—	—	5 шкуръ и скел. Ганноверск., Іенск., Дрезден. и Гессенск. муз.
1861	1296	151	1447	—	4	—	—	5	—	—	—	—	
1862	1124	127	1251	—	—	—	—	2	—	—	—	—	
1863	795	79	874	—	1	—	—	—	—	—	—	—	
1864	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	
1865	639	85	724	2	—	1	—	4	—	—	—	—	
1866	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	
1867	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	
1868	451	108	559	—	—	1	—	3	1	—	—	—	
1869	492	49	541	—	4	3	2	1	1	—	—	1	1 чуч. Кембриджскому унив.
1870	498	44	542	—	1	3	1	—	1	1	—	3	
1871	477	51	528	1	3	—	—	—	1	—	—	2	1 чуч. Гельсингфорсскому унив.
1872	—	—	528	—	2	2	—	2	2	—	—	—	
1873	486	41	527	—	5	1	1	4	1	—	1	4	
1874	500	36	536	—	4	—	—	—	1	1	2	1	
1875	519	39	558	2	2	—	—	—	1	1	3	1	
1876	528	33	561	—	3	1	—	—	1	—	1	2	
1877	521	38	559	—	7	3	—	—	1	—	—	2	1 чуч. Ліонск. муз. ест. наукъ.
1878	532	33	565	—	7	—	—	—	—	—	3	2	1 шкур. Дерптскому унив.
1879	533	38	571	1	3	1	—	—	4	—	—	4	
1880	536	43	579	1	5	1	—	—	2	—	2	1	
1881	526	48	574	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1882	548	52	600	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1883	543	49	592	—	3	—	—	—	2	2	1	2	
1884	337	47	384	3	10	1	—	—	6	1	1	2	
1885	361	72	433	8	4	1	—	—	5	—	1	—	
1886	375	52	427	—	7	—	—	—	1	—	3	1	
1887	378	60	438	—	4	—	—	—	4	—	3	1	
1888	подсчетъ не производился									—	—	3	Норвежскому унив. чучело.
1889	324	56	380	—	1	—	—	—	3	1	2	3	
1890	350	53	403	—	1	2	—	—	—	—	8	4	
1891	432	47	479	—	7	—	—	—	2	1	1	4	
1892	442	49	491	1	23	—	—	—	2	2	3	2	Скелетъ въ зоол. муз. Ак. Н.
1893	—	—	494	—	—	—	—	5	—	—	включены въ павшихъ	включены въ павшихъ	
1894	—	—	496	8	8	—	—	—	4	—			
1895	495	66	561	1	21	—	—	—	6	—			
1896	484	77	561	—	8	—	—	—	1	—			
1897	577	60	637	40	18	—	—	—	1	—			
1898	590	72	662	—	41	—	—	—	1	—			
1899	548	113	661	—	39	—	—	3	—	—			
1900	625	102	727	45	48	—	—	3	—	—			
1901	642	85	747	5	50	—	—	—	—	—			Въ лѣсн. инст. чучело.
1902	577	88	665	1	27 по 1 іюля	—	—	4	—	—			

Таблица составлена по донесеніямъ завѣдующихъ Пущей, кромѣ того приняты во вниманіе изслѣдованія Бринкена, Далматова, Аурэа и Бихнера.

въ томъ числѣ самовторовъ и тройниковъ, учесть нельзя, но несомнѣнно, что одинцовъ всегда больше, нежели стадъ, и этимъ въ значительной степени умѣрялась всегда опасность спариванія въ кровномъ родствѣ. Примкнетъ одинецъ въ періодъ спариванія къ тому стаду, изъ котораго вышелъ когда-то,—произойдетъ кровосмѣшеніе, примкнетъ къ чужому—онъ дастъ здоровое потомство. Случаи примыканія одинцовъ къ своему родовому стаду должны были встрѣчаться всегда и даже тогда, когда зубры бродили по всей Литвѣ, но, какъ случайное явленіе, кровосмѣшеніе вовсе не опасно.

Въ образцовыхъ племенныхъ разсадникахъ домашняго скота прибѣгаютъ изрѣдка къ спариванію въ самомъ тѣсномъ родствѣ, добиваясь тѣмъ болѣе кровной породы, и никогда не замѣчали вредныхъ послѣдствій. Нисколько не отрицая, что среди бѣловѣжской зубровой семьи подобное спариваніе случается гораздо чаще, чѣмъ это желательно, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что отдѣленіе отъ стадъ самцовъ въ значительной степени умѣряетъ опасность, и что во всякомъ случаѣ вмѣстѣ съ потомствомъ, происшедшимъ отъ кровосмѣшенія, въ Пущѣ должно находиться еще много здоровыхъ и вполнѣ жизнеспособныхъ особей.

Самыми главными признаками, подтверждающими вырожденіе, считаютъ слѣдующіе:

1.) Замѣчено, что зубры мельчаютъ, конечно не настолько быстро, чтобы это бросалось въ глаза, но несомнѣнно, что среди ископаемыхъ остатковъ зубровъ находятся такіе скелеты, которые значительно превосходятъ скелеты теперешнихъ живыхъ экземпляровъ. Но параллельно съ тѣмъ мы знаемъ, что еще съ польскихъ временъ зубры хронически голодали.

2.) Недоѣданіе изъ поколѣнія въ поколѣніе также не способствуетъ физическому развитію животнаго, поэтому мельчаніе можно съ неменьшею достовѣрностью отнести и на счетъ этой причины; наблюденія надъ домашнимъ скотомъ всего лучше это устанавливаютъ.

3.) Малая производительность зубрицъ и значительно большая рождаемость самцовъ по отношенію къ числу самокъ служили всегда еще болѣе вѣскими доводами, подтверждающими предположеніе о вымираніи зубра. Всѣ, писавшіе о зубрахъ: Бринкенъ, Яроцкій, Далматовъ, Брэмъ... въ особенности, писавшій спеціально о вырожденіи, Бихнеръ, указываютъ на то, что зубрицы телятся не чаще, чѣмъ черезъ годъ, обыкновенно же въ три года разъ, а случается, что нѣкоторыя остаются яловыми до 10—12-лѣтняго возраста; между тѣмъ, судя по тому, что зубрица носитъ, какъ и домашняя корова, 9 мѣсяцевъ,—она могла бы телиться ежегодно. Еще въ 70-хъ годахъ наблюденія надъ зубрицею въ

дрезденскомъ зоологическомъ саду показали, что зубрицы могутъ телиться такъ же часто, какъ и домашнія коровы; позднѣйшія же наблюденія въ Пущѣ совершенно наглядно показали, что неспособность зубрицъ телиться ежегодно зависитъ только отъ безкормицы. Изъ 9 зубрицъ, содержавшихся въ звѣринцѣ въ 1895 году, отелилось 6, а въ слѣдующемъ году изъ тѣхъ же зубрицъ отелилось 8, и такимъ образомъ 6 телилось два года подъ рядъ. При этомъ, среди 9 зубрицъ, была одна молодая нетель. Безъ сомнѣнія, животныя, содержащіяся въ звѣринцѣ, находятся въ наилучшихъ условіяхъ питанія и ухода. Если бы всѣ бѣловѣжскія зубрицы стали телиться такъ же часто, то въ Пущѣ скоро стало бы тѣсно отъ зубровъ. Кромѣ недостатка корма, слабая производительность зубрицъ зависѣла всегда еще отъ другой причины. Въ числѣ отдѣлившихся отъ стадъ самцовъ попадаются нерѣдко совершенно перезрѣлые, неспособные быть производителями. Въ періодъ течки они также присоединяются къ стадамъ, и такъ какъ они самые сильные, то не подпускаютъ къ зубрицамъ молодыхъ; въ былое время, когда за зубрами не было надзора, происходило, конечно, то же самое, но тогда одинцовъ было множество, и между ними происходила нерѣдко смертельная борьба изъ-за самокъ. Что же касается зубровъ самцовъ, остававшихся въ стадѣ, то, перезрѣлые, оказывавшіеся нерѣдко слабѣе молодыхъ, должны были уступать имъ самокъ. Такимъ образомъ, производителями въ стадахъ оставались самыя сильныя, здоровыя особи. Теперь же этотъ естественный подборъ долженъ бы достигаться искусственнымъ способомъ, съ помощью отстрѣла стариковъ. Къ сожалѣнію, отстрѣлъ, практикуемый издавна, преслѣдуетъ у насъ гораздо болѣе охотничьи задачи, нежели оздоровленіе будущихъ поколѣній зубровъ. Браконьеры также охотились предпочтительно за одинцами, потому что къ нимъ легче подобраться, нежели къ стаду; но, понятно, убивался не тотъ, котораго полезно было бы удалить изъ Пущи, а тотъ, который попадался подъ выстрѣлъ, и часто самый сильный, здоровый быкъ. Охотившіеся по праву также искали одинцовъ, какъ болѣе крупныхъ и сильныхъ экземпляровъ, и такъ какъ охота большею частью велась облавою, а не съ подхода къ намѣченному экземпляру, то въ сущности достигали тѣхъ же результатовъ, какъ и браконьеры.

Вредное вліяніе слабыхъ производителей на плодовитость зубрицъ несомнѣнно. Что касается преобладающей рождаемости самцовъ, то это неоспоримо. Никто, правда, не опредѣлялъ, въ какой пропорціи родятся самцы и самки, но и на глазъ въ каждомъ стадѣ замѣтно было до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, что зубровъ больше, чѣмъ зубрицъ. При этомъ надо принять въ расчетъ еще то, что старые самцы уходятъ изъ стадъ. Съ какихъ, собственно, поръ стало меньше родиться самокъ,

чѣмъ самцовъ, никто не знаетъ. Если бы имѣлось хотя какое-нибудь указаніе въ литературѣ на то, что прежде было иначе, если бы можно было хотя приблизительно сосчитать кавказскихъ зубровъ и зубрицъ, то, сравнивъ составъ бѣловѣжскаго стада съ кавказскимъ, можно было бы придти къ какому-нибудь положительному заключенію, но такихъ данныхъ нѣтъ, почему мы и не можемъ сдѣлать предположенія, что неравномѣрная рождаемость самцовъ составляетъ особенность зубровой породы. Мы видѣли уже, какъ отразился кормъ на плодовитости самокъ; поэтому можно предполагать, что и въ данномъ случаѣ хорошій кормъ также окажетъ вліяніе на равномѣрную рождаемость самцовъ и самокъ, особенно, если будетъ введенъ правильный отстрѣлъ перезрѣлыхъ самцовъ.

4.) Всѣ остальные признаки вымиранія относятся къ разряду случайныхъ, или совершенно не провѣренныхъ. Такъ, напримѣръ, Далматовъ замѣчалъ среди отелившихся зубрицъ такихъ, которыя не имѣли достаточно молока, вслѣдствіе чего телокъ погибалъ. Гдѣ и надъ какими зубрицами дѣлалъ наблюденія Далматовъ,—не сказано. Если это касалось зубрицъ изъ числа 10, выловленныхъ въ 1847 году, то нѣтъ ничего удивительнаго, что дикій звѣрь, обращенный въ неволю, терялъ молоко. Если же рѣчь шла о зубрицахъ, свободно гулявшихъ по Пущѣ, то истощенныя зимнею голодовкою самки могли принести плохо развившійся плодъ, да и сами, вслѣдствіе истощенія, оказаться безмолочными.

5.) Еще считается симптомомъ вырожденія,—неполная однохарактерность зубровыхъ стадъ. Мѣстные егеря различаютъ темныхъ, густошерстыхъ, волосатыхъ зубровъ и такихъ, которые побурѣе и бѣдно одѣты; у нѣкоторыхъ, кромѣ того, наблюдаются бѣлесоватыя полосы на рогахъ и на копытахъ. Но мы знаемъ, что разнохарактерность чаще всего зависитъ отъ разновременной линьки, а полосатость рога и копытъ такъ слабо выражена и встрѣчается такъ рѣдко, при томъ иногда у самыхъ здоровыхъ экземпляровъ, что придавать значеніе этимъ признакамъ, когда и другіе, болѣе серьезные, представляются сомнительными, было бы черезчуръ неосторожно.

6.) Бихнеръ, въ своемъ изслѣдованіи о вымираніи зубровъ, приводитъ случай пораженія костоѣдою конечности у одного стараго одинца. Случай этотъ заслуживалъ бы полнаго вниманія, но, по счастію, онъ единичный. Въ противоположность этому мы знаемъ, что среди зубровъ до сихъ поръ никогда не наблюдалось конституціональныхъ заболѣваній. Даже чума рогатаго скота, и та не передается зубрамъ, хотя, находясь постоянно вблизи домашнихъ стадъ, они подвергаются большой опасности зараженія. Ублюдки, полученные при скрещиваніи зуб-

ровъ съ домашними коровами Валицкимъ о которомъ будетъ сказано ниже,—дѣйствительно чумѣли. Далматовъ упоминаетъ еще о заболѣваніи зубровъ какимъ-то гнилостнымъ процессомъ печени, къ которому они особенно наклонны, и что болѣзнь вызывается вредною травою (Cicuta virosa), растущей по болотистымъ мѣстамъ. Въ данномъ случаѣ Далматовъ былъ просто введенъ въ заблужденіе ветеринарами, анатомировавшими палыхъ животныхъ. Болѣзнь печени вызывается особою породою глистовъ (Distomum hepaticum); источникомъ же зараженія служитъ, по всей вѣроятности, вода засоренныхъ рѣчекъ или прудовъ, во время сѣнокоса, когда доступъ къ свѣжей водѣ рѣкъ бываетъ затрудненъ.

Въ итогѣ, всѣ перечисленные признаки скорѣе подбирались для большей доказательности того положенія, что бѣловѣжская зубровая семья, какъ переродившаяся, утратила способность размноженія, на что указывала офиціальная статистика того времени, въ которую изслѣдователи слѣпо вѣрили.

Возражая противъ безусловной вѣрности взгляда на зубровъ, какъ па вымирающую или вырождающуюся породу, тѣмъ не менѣе, нельзя не выразить пожеланія, чтобы къ охраненію рѣдкаго звѣря были приняты всѣ мѣры. Благодѣтельные результаты лучшаго питанія уже сказались, и теперь, если къ этому присоединить обиліе естественнаго корма, правильный отстрѣлъ одинцовъ, а главное—періодическое вливаніе свѣжей крови посредствомъ скрещенія бѣловѣжскихъ зубровъ съ кавказскими и силезскими, то нужно надѣяться, что опасенія за исчезновеніе зубровъ разсѣятся окончательно.

Начатая попытка переселенія кавказскихъ зубровъ, вѣроятно, не дастъ рѣшающаго вывода, такъ какъ кавказскій зубренокъ оказался слабымъ; къ тому же его переселили въ самое неблагопріятное время года, передъ холодами, почему онъ и не успѣлъ хорошенько развиться. Тѣмъ не менѣе, даже эта попытка доказываетъ, что кавказскіе зубры могутъ жить и въ Бѣловѣжѣ. Если бы рѣшились на бóльшую затрату и въ Пущу пустили бы сразу нѣсколько кавказскихъ зубровъ, то хоть одинъ изъ нихъ, вѣроятно, сталъ бы производителемъ.

Не менѣе интересные результаты могло дать переселеніе бѣловѣжскаго зубра на Кавказъ, и нужно надѣяться, что когда-нибудь, со временемъ, произведутъ и этотъ опытъ; но и сейчасъ нельзя откладывать другія, хотя менѣе радикальныя мѣры къ освѣженію бѣловѣжской крови.

Въ 1900 году изъ Гатчины привезли въ Бѣловѣжъ четырехъ самцовъ въ возрастѣ вполнѣ зрѣломъ для производителей; хорошо было бы взять для Пущи еще нѣсколько экземпляровъ и отъ князя Плесса.

28

При такомъ постоянномъ обмѣнѣ, родство въ бѣловѣжскомъ стадѣ становилось бы менѣе кровнымъ, чѣмъ при скрещиваніи между собою животныхъ изъ одной мѣстности. Къ тому же изъ наблюденій надъ остальнымъ животнымъ царствомъ извѣстно, что перемѣна корма и климата отражается освѣжающимъ образомъ на породѣ; а потому нужно думать, что зубръ второго или третьяго поколѣнія изъ Гатчины или Силезіи (изъ дачи Плесса) явится для бѣловѣжскихъ почти-что чужимъ по крови.

Завѣдующій охотою въ Пущѣ, Неврли, считаетъ не безполезною даже менѣе радикальную мѣру. Онъ совѣтуетъ раздѣлить Пущу на нѣсколько зубровыхъ участковъ съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ устроить небольшіе звѣринцы для помѣщенія въ нихъ самцовъ и самокъ изъ разныхъ, отдаленныхъ одно отъ другого стадъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ двухъ или трехлѣтняго сожительства всѣ спаренные зубры и зубрицы вмѣстѣ съ приплодомъ выпускались въ Пущу, а на ихъ мѣсто набирались новые.

Въ 70-хъ годахъ, видя безуспѣшность всего охотничьяго хозяйства въ Пущѣ и въ особенности то, что зубровая колонія, несмотря на всѣ старанія, не только не возрастаетъ, а наоборотъ, скорѣе уменьшается, министерство собиралось выяснить при участіи ученыхъ спеціалистовъ, стоитъ ли отказываться далѣе отъ выгодъ правильнаго лѣсоустройства въ Пущѣ, ради поддержанія вымирающей зубровой породы? Въ Пущѣ предполагали учредить станцію и пригласить для наблюденія надъ зубрами естествоиспытателей отъ различныхъ ученыхъ обществъ и университетовъ.

Проектъ этотъ остался только на бумагѣ. Мы думаемъ, что объ этомъ жалѣть особенно нечего, такъ какъ при недостаточномъ статистическомъ матеріалѣ и крайне поверхностныхъ наблюденіяхъ, имѣющихся за прежнее время, изслѣдованія ученыхъ спеціалистовъ въ настоящее время едва ли привели бы къ какимъ либо обоснованнымъ результатамъ; а потому гораздо практичнѣе и цѣлесообразнѣе было бы учрежденіе нынѣ же постояннаго ветеринарнаго наблюденія за зубрами, и не столько за тѣми, которые гуляютъ въ Пущѣ, сколько за павшими и отстрѣленными. Тогда у насъ будутъ по крайней мѣрѣ точныя изслѣдованія причинъ смерти, и мы узнаемъ, наконецъ, подробности анатомическаго строенія звѣря. Быть-можетъ, и источникъ мускуснаго запаха будетъ кѣмъ-либо найденъ.

Вопросъ же, обреченъ ли зубръ вымиранію или нѣтъ, можетъ быть практически разрѣшенъ только послѣ многолѣтняго правильнаго наблюденія, при условіяхъ удовлетворительнаго корма, регулярнаго отстрѣла и введенія новой крови.

Жизнь зубра въ неволѣ.

Ознакомившись съ нравомъ и образомъ жизни бѣловѣжскаго зубра, нельзя не удивляться, почему онъ до сихъ поръ остался неприрученнымъ. Еще въ I вѣкѣ нашей эры Павзаній писалъ, что „въ Паннонiи (нынѣшняя Венгрія) ловятъ зубровъ въ вырытыя ямы и голодомъ иногда приручаютъ“.

Въ древней Германiи также ловили молодыхъ самокъ зубра и воспитывали дома, гдѣ онѣ, лакомыя до соли, скоро привыкали ходить на кормъ въ огороженное для нихъ лѣсное мѣсто. Во время течки такую полу-ручную самку выпускали въ лѣсъ, откуда она заводила быковъ, которыхъ ловили или убивали. Прирученныя зубрицы цѣнились очень высоко. Главныя причины неуспѣха въ достиженiи полнаго прирученiя заключались въ недостаточной настойчивости и въ неудачномъ выборѣ мѣстности. Извѣстно, что въ умѣренномъ и въ особенности въ южномъ климатѣ даже домашній скотъ, оставленный безъ призора, скоро дичаетъ, не нуждаясь въ человѣкѣ. На сѣверѣ же одичанiе идетъ далеко не такъ быстро. Займись прирученiемъ зубра норвежцы или сѣверные славяне, результаты, вѣроятно, были бы иные, и мы, можетъ-быть, имѣли бы теперь домашнихъ зубровъ. Въ древности свирѣпость южнаго зубра приводилась какъ что-то особенное; между тѣмъ, бѣловѣжскій зубръ сравнительно кротокъ, что, конечно, слѣдуетъ приписать всего болѣе сосѣдству съ человѣкомъ, а также и климату.

Постоянная близость бѣловѣжскаго зубра къ человѣку дала даже поводъ къ другому крайнему мнѣнію: будто бы этотъ звѣрь сталъ домашнимъ животнымъ, но это также не вѣрно. Не только тѣ зубры, которые свободно гуляютъ по Пущѣ, не стали ручными, хотя ихъ прикармливаютъ, но даже тѣ, которые содержатся годами въ зоологическихъ садахъ, сохраняютъ свои дикія свойства.

Зоологическіе и акклиматизацiонные сады, имѣющiеся теперь во всей Европѣ, въ которыхъ мы видимъ также и зубровъ, получили свое происхожденiе отъ обычая восточныхъ властителей дарить другъ другу рѣдкихъ звѣрей. Подарки звѣрями были въ обычаѣ и у европейскихъ государей, и изъ звѣринцевъ, принадлежавшихъ царственнымъ особамъ и содержавшихся для охотничьихъ цѣлей или для потѣхи, постепенно возникли звѣринцы другого рода, въ которыхъ любознательные люди стали изучать природу дикихъ животныхъ.

Среди звѣрей, водившихся въ лѣсахъ Европы, зубръ занималъ всегда самое видное мѣсто, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по тому интересу, который представляла охота на него; поэтому въ звѣрин-

28*

цахъ, содержавшихся въ средніе вѣка, при всякомъ сколько-нибудь значительномъ дворѣ всегда имѣлись и зубры. Здѣсь охотились на нихъ и отсюда же отъ времени до времени ихъ вылавливали для отправки въ подарокъ. Передъ отправкою зубровъ нѣкоторое время выдерживали въ болѣе тѣсныхъ помѣщеніяхъ и тутъ ихъ, по всей вѣроятности, видали именитые путешественники, какъ, напримѣръ, Герберштейнъ и другіе.

Изъ извѣстнаго кенигсбергскаго звѣринца польскихъ королей, теперь давно не существующаго, ланграфъ Гессенкассельскій и англійскій король Георгъ I получили отъ Августа II въ подарокъ по парѣ зубровъ. Оттуда же нѣсколько животныхъ получила и императрица Анна Іоанновна.

Другой, еще доселѣ существующій звѣринецъ находился въ Шенбруненѣ подъ Вѣною, и въ немъ долго жилъ зубръ, присланный въ 1717 году изъ Семиградской области.

Изъ Бѣловѣжской Пущи, при переходѣ ея въ русское владѣніе, ловля зубровъ первое время производилась весьма рѣдко. Въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ существуетъ указаніе, что въ 1821 г. выловили пару для скерневицкаго звѣринца, но о судьбѣ этихъ животныхъ свѣдѣній не сохранилось; затѣмъ, въ 1823 г. поймали еще одного для петербургской кунсткамеры. Какъ поступили съ этимъ зубромъ, доставили ли его живымъ или пристрѣлили на мѣстѣ, — также неизвѣстно; но зато въ 1846 г. для разсадки по зоологическимъ садамъ и для опытовъ прирученія сразу выловили 6 зубрятъ; ловля производилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Далматова, описывавшаго приблизительно такъ процессъ лова:

„Въ жаркій іюльскій день вблизи береговъ Гвозны выслѣдили большое стадо зубровъ и вокругъ него завели облаву изъ 300 крестьянъ и 60 стрѣлковъ, а съ 30 стрѣлками стали осторожно подходить. Зубры мирно паслись на лугу, какъ раздался звукъ охотничьей трубы. Тогда они быстро встрепенулись, стянулись въ кучу и бросились въ сторону приближавшихся стрѣлковъ; но тѣ холостыми выстрѣлами и собаками разсѣяли стадо. Пропуская старыхъ, облава смыкалась передъ молодыми, и такимъ образомъ удалось удержать въ кольцѣ двухъ самцовъ 3-хъ и 15-ти мѣсяцевъ. Съ молодымъ справились очень скоро, но 15-тимѣсячный разметалъ десять человѣкъ, прорвалъ линію облавы и чуть-было не ушелъ, если бы не попалъ невдалекѣ въ болото, въ которомъ завязъ“. Этотъ способъ лова,—по признанію Далматова,—оказывался очень опаснымъ, потому что зубры не выносятъ продолжительнаго гона и тѣмъ болѣе въ жару, поэтому въ слѣдующій разъ воспользовались способомъ, подсказаннымъ случаемъ съ большимъ зубренкомъ. На топ-

комъ мѣстѣ устроили загородку и, загнавъ туда стадо, выбрали 4-хъ нужныхъ экземпляровъ, какъ изъ садка.

Изъ числа пойманныхъ шести зубровъ самый младшій имѣлъ не болѣе 2-хъ дней. Его тотчасъ припустили сосать домашнюю корову, наиболѣе походившую на зубрицу цвѣтомъ шерсти.

Остальные зубрята стали также сосать и только одного пріучили лизать молоко съ рукъ, а затѣмъ и онъ преисправно сталъ пить молоко прямо изъ лохани. Эти наблюденія Далматова вполнѣ опровергли мнѣніе знаменитаго естествоиспытателя Жильберта объ отвращеніи зубровъ къ домашнему скоту. Пятнадцатимѣсячный зубренокъ не пилъ молока, но ѣлъ овесъ съ соломенною сѣчкою, сѣно, кору, листья и пр., что, вообще, ѣдятъ зубры.

Плѣнниковъ содержали въ сараяхъ и только чрезъ пять дней послѣ ихъ поимки въ первый разъ выпустили на огороженный дворъ, гдѣ они удивляли всѣхъ быстротою бѣга и легкостью движеній. Старыя домашнія коровы боялись зубрятъ, но телята ихъ скоро свыклись, начали бодаться, причемъ было замѣчено, что зубры всегда какъ бы умышленно уступаютъ въ борьбѣ. Старшій, 15-тимѣсячный бычокъ долго сохранялъ свой угрюмый, дикій и свирѣпый взглядъ и при всякомъ приближеніи человѣка сердился, трясъ головой, билъ хвостомъ и бросался бодать; только по прошествіи двухъ мѣсяцевъ онъ привыкъ и полюбилъ ухаживавшихъ за нимъ; тогда лѣсничій рѣшился дать ему болѣе свободы. Къ этимъ зубрятамъ вскорѣ присоединили еще 4-хъ, выловленныхъ въ Пущѣ.

Зубрята, которые были помоложе, очень скоро стали выказывать несомнѣнную привязанность къ приставленнымъ людямъ. Они терлись къ нимъ, лизали руки и по первому зову бѣжали вприпрыжку. Всякій разъ, когда животныхъ выпускали изъ хлѣва въ открытое мѣсто, они съ неимовѣрнымъ одушевленіемъ и гордою осанкою, раздувая ноздри, подымали головы, сильно фыркали, рѣзвились, хоркали и издавали особенный звукъ, подобный отдаленному глухому выстрѣлу.

Первое время заточенія зубрята, сосавшіе коровъ, оставались совершенно здоровыми, тогда какъ пившіе молоко изъ лоханей начали болѣть, вѣроятно, по той причинѣ, что не всегда получали свѣжее молоко. Когда же для питанія каждаго купили по двѣ дойныхъ, здоровыхъ коровы, то болѣвшіе тотчасъ поправились. Соль всѣ лизали съ удовольствіемъ; какъ колодезную, такъ и рѣчную воду пили охотно, если она была чиста; лѣтомъ пили много и часто, зимою менѣе и предпочитали чуть согрѣтую воду; голодъ и жажду давали знать хорканьемъ *).

*) Далматовъ описалъ свои наблюденія надъ прирученіемъ зубрятъ, и его статья, въ переводѣ на французскій языкъ, была сообщена чрезъ г. Родерика Мурчисона лондонскому зоологическому обществу, которое опредѣлило напечатать ее въ своихъ мемуарахъ и удостоило автора серебряною медалью. («Современникъ», октябрь, 1848 г., стр. 172). Въ то же время и парижская Академія Наукъ пользовалась статьею о зубрѣ Далматова, сообщенною ей чрезъ ея непремѣннаго секретаря Араго.

Разнообразіе и питательность корма, защита отъ холода, зноя и насѣкомыхъ, все это оказывало благодѣтельное вліяніе на молодыхъ зубровъ. Жившіе на свободѣ были почти вполовину меньше своихъ сверстниковъ. Судя по тому, что воспитавшіеся на волѣ зубры вѣсятъ отъ 30 до 45 пудовъ, можно представить себѣ, какой величины и вѣса они могутъ достичь, содержимые подобно домашнему скоту.

Только одна изъ молодыхъ пойманныхъ зубрицъ нисколько не росла и худѣла; поэтому ее хотѣли выпустить въ лѣсъ, но она настолько привыкла къ уходу, что постоянно возвращалась къ дому лѣсничаго и до послѣдняго дня своей жизни паслась вмѣстѣ съ домашними коровами въ неогороженныхъ лугахъ Бѣловѣжской Пущи. Еще весьма интересны наблюденія Далматова надъ 5-тилѣтнею зубрицею, пойманною стельною въ 1847 г. Первоначально она была очень дика, и ее содержали въ отдѣльной загородкѣ. Отелившись, она сразу стала ручнѣе и даже позволяла своему зубренку играть съ дворовыми собаками лѣсничаго.

Изъ числа 10-ти зубрятъ въ іюлѣ 1847 года пару перегодовалыхъ самца и самку отправили въ Лондонъ, а въ маѣ 1848 года другую пару—въ Царское Село.

Самца и самку, назначенныхъ для лондонскаго зоологическаго общества, повезли въ отдѣльныхъ, просторныхъ клѣткахъ съ открытымъ верхомъ. Воспользовавшись этимъ, зубръ, несмотря на четырехъфутовую высоту стѣнъ, едва не выскочилъ. Онъ сильно бился всю дорогу и постоянно сердился, издавая на этотъ разъ уже не отрывистое хорканье, а, какъ говоритъ Далматовъ, протяжный ревъ, напоминавшій ревъ домашняго быка. Маршрутъ зубровъ былъ чрезъ Гродно, Ковно и Мемель, гдѣ ихъ погрузили на корабль. Президентъ лондонскаго зоологическаго общества, г. Овенъ, сообщилъ еще въ 1849 году, что одинъ изъ доставленныхъ въ Лондонъ зубровъ получилъ какую-то сыпь, и знаменитый ученый приписывалъ это перемѣнѣ климата. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни этихъ зубровъ не удалось получить; извѣстно только, что они не плодились. Пара, назначенная для перевоза въ Царское Село, была помѣщена въ длинную, разгороженную клѣтку, и зубры въ ней были поставлены головами вмѣстѣ. Клѣтка была такъ узка, что зубры могли только ложиться, но не оборачиваться. Новый родъ неволи и ощущеніе дорожной тряски имѣло на нихъ сильное вліяніе. Въ первый день пути они хотя и не бились, но не ѣли; но на другой и третій день стали обвыкаться, ложились, ѣли овесъ и пили воду; такъ совершился 140-верстный путь на колесахъ, въ продолженіе трехъ сутокъ, до Гродно; отсюда зубровъ сплавили въ ботикѣ по Нѣману до Ковно, гдѣ вновь клѣтка была поставлена на колеса, и

звѣрей везли до Риги. Дальнѣйшій путь зубры совершили моремъ до Петербурга. Во время качки, для успокоенія звѣрей, приставленный къ нимъ человѣкъ не отходилъ и даже спалъ съ ними въ одной клѣткѣ.

Въ Царскомъ Селѣ зубрица на 5-омъ году отелилась зубренкомъ, и къ нему въ пару привезли годовалую зубрицу изъ Пущи. Изъ Царскаго Села зубровъ перевели въ гатчинскій охотничій паркъ, а въ 1861 г. къ нимъ присоединили еще пару 4-хъ-лѣтнихъ, привезенныхъ изъ Пущи. Зубровъ прекрасно содержали, они получали сѣянное сѣно, овесъ и мѣсиво, и съ 1864 года стали хорошо плодиться.

Третья пара изъ первоначально выловленныхъ Далматовымъ, предназначенная сначала для сохраненія въ Пущѣ, была передана въ 1847 году помѣщику Леопольду Валицкому для производства опытовъ скрещиванія. Эти опыты производились на фермѣ фольварка Виланово, и хотя не привели къ вполнѣ законченнымъ выводамъ, но, тѣмъ не менѣе, они настолько интересны сами по себѣ и поучительны для тѣхъ, которые пожелали бы продолжать ихъ, что приводимъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ они описывались самимъ Валицкимъ въ его донесеніяхъ министерству.

Зубрица, слученная съ домашнимъ быкомъ, не отелившись, пала отъ воспаленія легкихъ; зубръ же далъ приплодъ отъ трехъ коровъ швейцарской породы. Отъ одной изъ этихъ коровъ—„Задзѣрухи"—родился ублюдокъ, такъ сказать зубро-быкъ, ставшій родоначальникомъ очень многочисленнаго потомства. Голова, шея, постановка роговъ, борода и весь передъ его вполнѣ походили на зубра, задъ же шириною крестца напоминалъ швейцарскаго быка; отъ этого вся фигура вообще становилась пропорціональнѣе. Шерсть была темно-бурая, какъ у зубра, но болѣе гладкая и менѣе курчавая. Зубро-быкъ не мычалъ, какъ домашній скотъ, и издавалъ звукъ, похожій на хорканье. Несмотря на свою массивность, онъ былъ чрезвычайно легокъ на ходу, а силою и ловкостью превосходилъ самыхъ крупныхъ домашнихъ быковъ. Характеромъ онъ также приближался болѣе къ зубрамъ, чѣмъ къ домашнимъ животнымъ, и требовалъ крайней осторожности въ обращеніи. Отъ зубро-быка Валицкій получилъ 11 телятъ. Это второе поколѣніе уже значительно менѣе походило на зубровъ, какъ формами, такъ и нравомъ; только по пушистости и курчавости шерсти на хребтѣ и на темени и отчасти по густотѣ и темной окраскѣ подшерстка можно было узнать среди домашняго скота иноплеменниковъ. Изъ нихъ, благодаря ихъ силѣ, воспитался очень хорошій рабочій скотъ.

Отъ зубра родились еще двѣ зубро-коровы. Одна изъ нихъ, проживъ три года и скрещенная съ домашнимъ быкомъ, пала при теленіи, другая же жила долго и принесла отъ домашняго быка телку. Эта

зубро-корова была темно-гнѣдая, по спинѣ отъ лопатокъ до хвоста шла у нея бѣлая полоса, подбрюшье также было бѣлесоватое. Складомъ она очень близко напоминала зубрицу, въ особенности же непропорціонально развитою переднею частью туловища. Зубро-корова отъ холки до подошвы копыта имѣла два аршина, а у сверстницы ея, чистокровной швейцарской коровы, почти одинаковой длины съ нею, было всего 1 арш. 7 верш. Зубро-корова имѣла передъ выше зада, а у домашней коровы, какъ и всегда, задъ былъ выше переда. Молоко зубро-коровы отличалось особеннымъ привкусомъ, оно было слаще коровьяго и богаче сырнымъ началомъ. Валицкій приготовлялъ изъ него сыръ.

Для наглядности прилагаемъ графическое изображеніе того, какъ шло скрещиваніе и размноженіе.

Получены Валицкимъ въъ 1847 г.

Зубръ
род. въ 1846 г., палъ въ 1855 г.

Зубрица
род. въ 1846 г., пала въ 1855 г.

Альдона
корова швейц. породы.

Задзѣруха
корова швейц. породы.

Черннуха
корова швейц. породы.

Зубрнорова
род. въ 1851 г., пала при отеленіи въ 1854 г.

Зубробыкъ
род. въ 1848 г., палъ въ 1860 г.

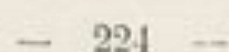
Зубронорова
род. въ 1854 г., жила въ 1860 г.

Панычъ
быкъ швейц. породы.

Паненка
род. въ 1859 г., жила въ 1860 г.

коровы швейцарской породы

Мальрина. — быкъ р. 1850 г. п. 1852 г.
Загладуха. — быкъ р. 1851 г. п. 1853 г.
Молдаванка. — телка р. 1851 г. п. 1853 г.
Лосица. — быкъ р. 1852 г. п. 1856 г.
Красна. — телка р. 1852 г. п. 1852 г.
Рабоноска. — быкъ р. 1853 г. п. 1857 г.
Мышна. — телка р. 1853 г. п. 1855 г.
Липка. — быкъ р. 1853 г.
Господыня. — телка р. 1854 г. п. 1856 г.
Юльна. — быкъ р. 1854 г.
Альдона. — быкъ р. 1855 г.

Опыты Валицкаго прервались въ 1857 году вслѣдствіе ареста его за политическую пропаганду. Въ отсутствіе Валицкаго, зубровое стадо, такъ успѣшно размножившееся, осталось безъ призора, и возвращенный Валицкій долженъ былъ начинать свои опыты сызнова. Въ 1860 году онъ просилъ дать ему опять зубровъ, и министерство черезъ годъ послало ему двухъ самокъ и самца. Но на этотъ разъ, не успѣвъ ничего сдѣлать, Валицкій умеръ, а зубровъ передали графу Плятеру. Послѣдній еще болѣе короткое время владѣлъ зубрами, потому что также былъ арестованъ за пропаганду, и зубровъ взяли назадъ. Пару зубровъ изъ тѣхъ, которые были у Валицкаго, послали въ 1864 году въ московскій зоологическій садъ, гдѣ ихъ наблюдалъ профессоръ Усовъ.

Въ исторіи опытовъ Валицкаго не безынтересно одно побочное обстоятельство, характеризующее тогдашнее отношеніе администраціи къ главной статьѣ своего хозяйства—къ зубрамъ.

Передавъ Валицкому въ 1847 году двухъ зубрятъ, о нихъ не вспомнили до тѣхъ поръ, пока инспекторъ церковныхъ построекъ Половцовъ, посѣтившій случайно усадьбу Валицкаго въ 1854 году и ознакомившійся на мѣстѣ съ результатомъ опытовъ этого замѣчательнаго скотовода, не попросилъ министерство изъявить Валицкому благодарность. Тогда поднялся вопросъ, кто далъ зубровъ Валицкому? Изъ переписки выяснилось, что Валицкій получилъ звѣрей съ разрѣшенія министерства, что результаты опытовъ были описываемы въ отчетахъ гродненской казенной палаты за 1851 и 1853 года, что предписаніемъ 1850 года зубры были оставлены на воспитаніе у Валицкаго, такъ какъ такой способъ избавлялъ казну отъ излишнихъ затратъ, что у помѣщика были болѣе обширныя средства для скрещиванія зубровъ съ различными породами домашняго скота и что, наконецъ, уже давно было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы въ вѣдѣніи лѣсного начальства Пущи всегда находились двѣ пары ручныхъ зубровъ, полагая воспитаніе ихъ впредь производить указаннымъ Валицкимъ примѣромъ, чрезъ благонадежныхъ помѣщиковъ *).

Въ 50-хъ годахъ, по просьбѣ австрійскаго императора, пару зубровъ послали въ Шенбруненъ, гдѣ къ 1864 году отъ нихъ образовалось цѣлое

---

*) Вс. Крестовскому довелось видѣть въ началѣ 70-хъ годовъ въ мѣстечкѣ Свислочѣ зубро-корову—«Марьянку»,—быть-можетъ, изъ тѣхъ или отъ тѣхъ, которыя расплодились у Валицкаго. Это была темно-бурая, презлостная, упрямая и въ высшей степени своенравная тварь. Иногда, ни съ того, ни съ сего, на нее нападало злобное расположеніе духа; въ эти минуты она вырывалась изъ коровника, выбѣгала на улицу и съ тупымъ упорствомъ останавливалась по серединѣ площади, оглядываясь вокругъ своими свирѣпыми глазами. Въ такомъ положеніи она могла простаивать цѣлые часы и держала всю площадь въ осадномъ положеніи, бросалась на собакъ, свиней и прохожихъ; въ особенности же она не жаловала еврейскихъ ребятишекъ. Впрочемъ, не только евреи, но и уланы Ямбургскаго полка, квартировавшаго въ Свислочѣ, не отваживались переходить черезъ площадь прямо навстрѣчу, а всегда старались обойти стороной, такъ какъ Марьянка иногда сшибала съ ногъ, мяла и наносила чувствительные удары.

стадо въ 14 головъ, но приплодъ состоялъ изъ однихъ самцовъ, изъ которыхъ пару передали въ Кельнскій зоологическій садъ. Директоръ этого сада, Бодинусъ, задался той же задачей, какъ и Валицкій, скрещиванія зубровъ съ домашнимъ скотомъ. Знанія и умѣнье Бодинуса позволяли надѣяться на успѣшность опытовъ; однако, результатовъ не дождались. Одинъ зубръ палъ; другого, по распоряженію австрійскаго императора, вернули въ Вѣну. Шенбруненскій же разсадникъ снабдилъ зубрами Дрезденъ.

Помѣщеніе, въ которомъ содержались Шенбруненскіе зубры, описываетъ Брэмъ *). Оно состояло изъ хлѣва съ дворомъ, огороженнымъ толстыми дубовыми бревнами. Наблюденія за жизнью зубровъ въ неволѣ,—какъ пишетъ Брэмъ,—собирались имъ отъ всѣхъ зоологическихъ садовъ, гдѣ держали зубровъ, и казались ему одинаковыми. Брэмъ характеризуетъ звѣря въ неволѣ такъ: „Какъ ни ласковы они въ юности, „съ возрастомъ ихъ врожденная дикость проявляется наружу... Упря„мыми и непослушными они остаются навсегда, каждая перемѣна въ „положеніи или привычкахъ сейчасъ же измѣняетъ ихъ хорошее на„строеніе въ дурное. Во всякомъ случаѣ, зубры, лишенные свободы, не „дѣлаются болѣе ручными, чѣмъ на волѣ, хотя бы имъ приходилось „ежедневно встрѣчаться съ человѣкомъ“. Вмѣстѣ съ этимъ Брэмъ описываетъ совершенно противорѣчивые факты:—„Зубры, которыхъ содер„жали и кормили между Таплакеномъ и Лейкюшкеномъ, въ восточной „Пруссіи, не только никогда не нападали на человѣка, но наконецъ „стали такъ смѣлы, что подбѣгали къ людямъ и просили у нихъ по„дачки, такъ какъ привыкли всегда получать что-нибудь отъ прохо„жихъ“. Графъ Лацаръ сообщилъ знаменитому натуралисту, что „его „отецъ въ 1740 г., во время сейма въ Германштадтѣ, разъѣзжалъ въ „экипажѣ, запряженномъ зубрами. Упомянутый графъ приказалъ поймать „и приручить этихъ животныхъ въ своихъ лѣсахъ въ Журжевѣ и такъ „украсилъ ихъ богатою сбруею и золоченіемъ роговъ, что оригинальная „запряжка эта возбуждала всеобщее удивленіе“.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Вѣну, послали пару зубровъ въ Парижъ; зубрица скоро пала, не плодившись, и до 1864 года жилъ одинъ зубръ.

Наиболѣе точныя и подробныя наблюденія надъ жизнью зубровъ въ неволѣ были произведены профессоромъ Усовымъ въ московскомъ зоологическомъ саду.

Въ Москву зубровъ впервые привезли изъ гатчинскаго охотничьяго парка для выставки, устроенной обществомъ акклиматизаціи въ 1863 г.

---

*) Брэмъ—стр. 281.

Зубровъ ловили арканомъ, и несмотря на то, что за конецъ держали 15 человѣкъ, когда зубръ рванулся, они всѣ упали. Въ Москвѣ за зубрами ходила опытная гатчинская прислуга; тѣмъ не менѣе, они очень дичились и безъ всякой видимой причины впадали въ ярость. По возвращеніи домой они также не сразу успокоились, до такой степени на нихъ отражалась перемѣна мѣста и обстановки. Взамѣнъ гатчинскихъ, гостившихъ 4 недѣли, въ московскій зоологическій садъ послали изъ Пущи на постоянное жительство двухъ самокъ, — корову съ 4-хъ-мѣсячною телкою—и молодого самца. Тамъ ихъ ловили по способу, предложенному лѣсничимъ Штральборномъ. Способъ этотъ заключался въ томъ, что, заманивъ звѣрей въ обширное помѣщеніе, ихъ постепенно переводили въ болѣе тѣсное, до клѣтки включительно. Въ Пущѣ, въ раіонѣ, гдѣ постоянно держатся зубры, загораживали небольшой участокъ, съ десятину, клали приманку и оставляли два просторныхъ входа. Лишь только зубры проходили въ загородку, входы заставлялись, и тутъ уже оставалось загнать ихъ въ узкій проходъ, въ концѣ котораго ставилась клѣтка. Если въ проходъ попадалъ нежелательный экземпляръ, клѣтку отставляли, и животное выпускалось на свободу.

Пущинскіе зубры, истомленные дорогою, попавъ въ Москву на хорошій кормъ — сѣно, сноповой овесъ и мѣсиво — держались смирно. Къ этимъ 3-мъ зубрамъ вскорѣ присоединили еще 2-хъ, — крупнаго самца и самку, изъ имѣнія графа Плятера. Вмѣстѣ съ этими послѣдними предполагалось доставить еще ублюдка отъ зубра и коровы, но онъ, заразившись чумою, палъ; на зубра же зараза не оказала дѣйствія.

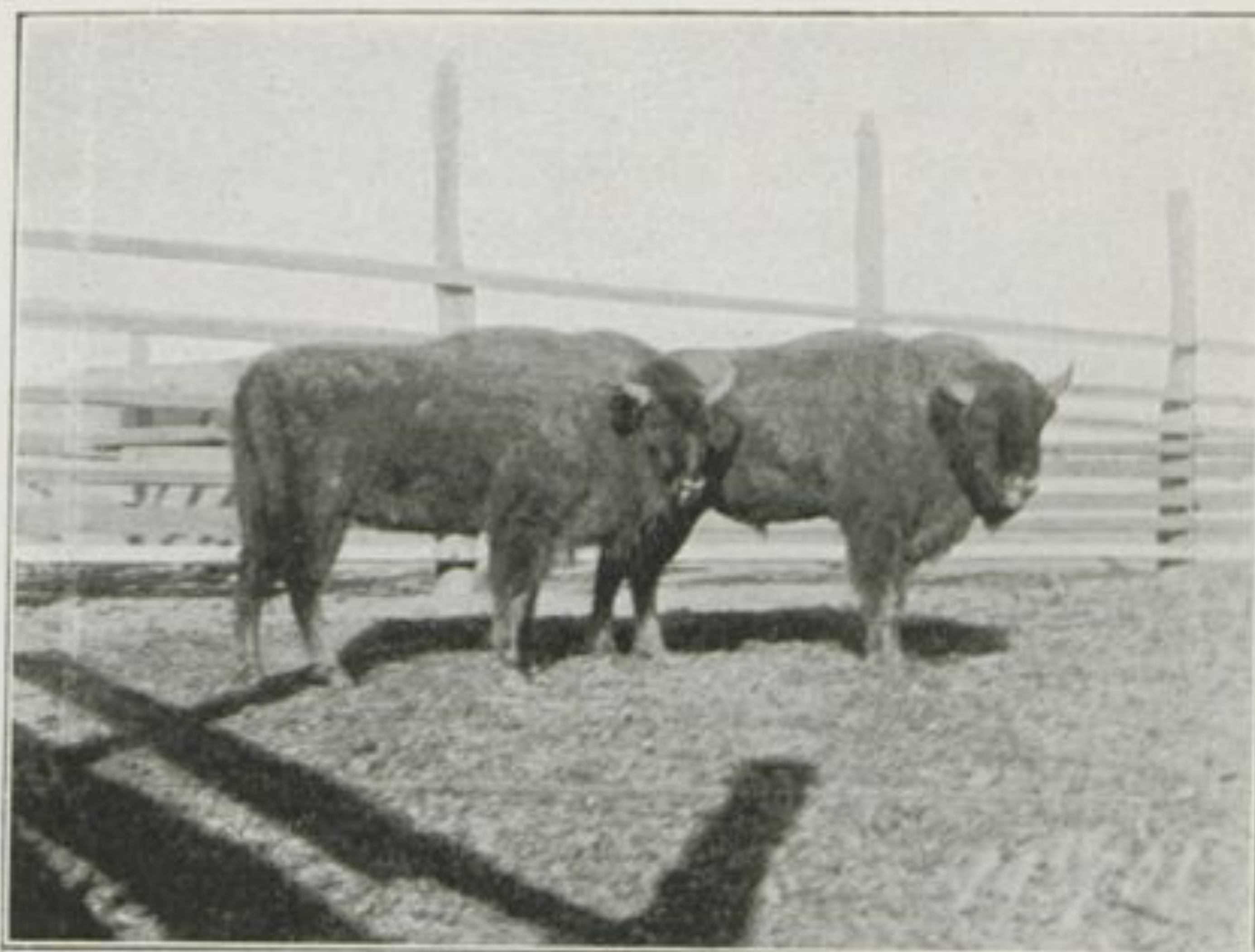
Въ зоологическомъ саду всѣ звѣри постепенно сдѣлались ручными, перестали замѣчать подходившую публику; позволяли чесать себѣ лобъ, который подставляли сквозь рѣшетку, и даже впускали сторожей. На кормъ зубры стали очень лакомы и предпочитали новую культурную пищу своей прежней—вѣтвямъ и побѣгамъ. Въ особенности зубры любили мѣсиво, которое по-утру приготовлялось въ отдѣльномъ помѣщеніи, и зубры отлично знали это время. Они становились у воротъ въ ожиданіи, чтобы ихъ впустили, рыли ногами землю, били головами въ ворота и вообще выражали нетерпѣніе. Какъ только люди уходили и отпирались ворота, зубры скокомъ бросались къ лоханямъ, и первая, ближайшая лохань становилась добычей самаго сильнаго стараго зубра, остальные занимали тѣ, къ которымъ поспѣвали. Образъ жизни зубровъ, понятно, совершенно измѣнился подъ вліяніемъ новыхъ условій, но все-таки не настолько, чтобы въ немъ нельзя было узнать прежнихъ свободныхъ животныхъ. Привычка бродить, совершать переходы,—въ зоологическомъ саду смѣнилась бѣганьемъ внутри непокрытой загородки, и это бѣганіе

29*

производилось всѣми вмѣстѣ по порядку, другъ за другомъ, въ опредѣленные утренніе часы, если позволяла погода. Въ сильную жару и дождь зубры оставались подъ крышею, но лишь дождь прекращался, или если палящее лѣтнее солнце скрывалось за тучу, зубры тотчасъ же принимались за свой обычный моціонъ. Въ полдень всѣ ложились и пережевывали жвачку. Къ морозамъ зубры были не чувствительны и даже на ночь нѣкоторые оставались въ открытой загородкѣ, но къ дождю и грязи всѣ относились одинаково и уходили подъ крышу. Потребность работать рогами и головою, за недостаткомъ лѣса, который зубры раздвигаютъ головою, при переходахъ по мелкой чащѣ, — замѣнилась боданіемъ между собою и въ особенности раздергиваніемъ прутьевъ, которыми была оплетена загородка. Зацѣплять рогами за плетень и выдергивать прутья—было для зубровъ любимою забавою. Однажды, послѣ того, какъ плетень починили заново, зубры принялись всѣ вмѣстѣ раздергивать его и въ какой-нибудь часъ уничтожили двухдневную работу трехъ человѣкъ. Валяніе въ ямкахъ производилось въ зоологическомъ саду такъ же, какъ и въ Пущѣ. Зубры разрывали кучи песку, которыя для нихъ нарочно насыпали, и валялись въ немъ, а когда не было свѣжаго песку, то они сами быстро вырывали въ землѣ передними ногами круглую ямку аршина въ два въ поперечникѣ и аршинъ глубиною и ложились въ нее описаннымъ уже способомъ. Хорошія условія жизни и, главнымъ образомъ, хорошій кормъ очень благопріятно отразились на состояніи животныхъ. Молодой зубръ быстро, хорошо развивался и напоминалъ формами вполнѣ взрослыхъ сложившихся зубровъ, старые округлились. За одинъ годъ привезенная изъ Пущи 4-хъ-мѣсячная телка почти не уступала ростомъ матери, хотя не переставала ее изрѣдка сосать. Стойловое содержаніе сказалось также и на спариваніи. Въ Пущѣ спариваніе происходитъ осенью, мѣсяца черезъ 4 или 5 послѣ теленія, а наблюденія въ московскомъ саду показали, что содержимыя въ довольствѣ зубрицы могутъ спариваться уже черезъ 5 недѣль, т. е. почти такъ же скоро, какъ и домашній скотъ.

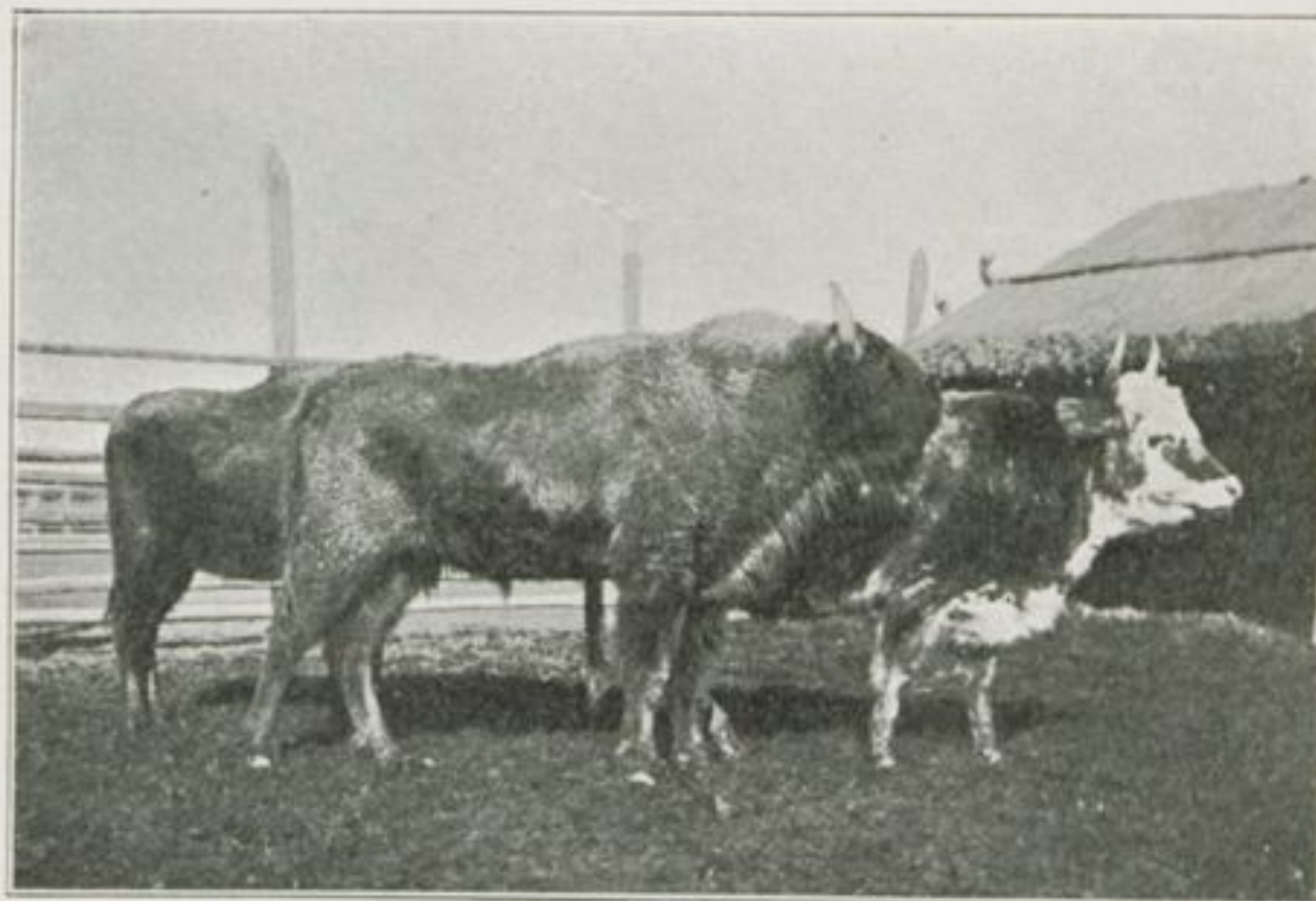
Въ Москвѣ зубрица, привезенная отъ Плятера, спарилась и отелилась бычкомъ. Стельность ея была совершенно незамѣтна, и послѣ теленія она нисколько не исхудала. Мать въ первое время относилась къ новорожденному съ величайшею нѣжностью и заботливостью, и совершенно не отпускала его отъ себя. Входить въ занимаемое ею отдѣленіе, при такомъ ея настроеніи, никто не осмѣливался: она бросалась даже на тѣхъ, кто подходилъ слишкомъ близко къ изгороди; но по мѣрѣ того, какъ телокъ приходилъ въ силу, нѣжность матери проходила. Она какъ будто заскучала по другимъ зубрамъ, нюхалась съ ними черезъ загородку и переставала замѣчать телка. Сторожъ уже

черезъ мѣсяцъ могъ входить въ отдѣленіе, хотя приближаться къ зубренку еще было опасно. Недружелюбное отношеніе зрѣлыхъ самцовъ къ молодымъ, наблюдаемое въ Пущѣ, очень рѣзко выражалось и при содержаніи въ неволѣ. Однажды зубренокъ перебрался какъ-то черезъ загородку къ другимъ зубрамъ, и старый зубръ сначала подхватилъ его на рога, и истопталъ бы его, если бы во-время не подоспѣли сторожа. Когда зубренку было уже мѣсяца четыре, зубровъ свели всѣхъ вмѣстѣ, и недѣли двѣ все шло благополучно; но тутъ подошло время спариванія, и старый зубръ опять ударилъ зубренка,—на этотъ разъ на смерть. Этотъ случай далъ поводъ Усову высказать предположеніе, что слабое размноженіе зависитъ отчасти отъ подобнаго отношенія старыхъ зубровъ къ молодымъ.

Зубры Ф. Э. Фальцъ-Фейна, снятые съ натуры въ январѣ 1903 г.

Подводя итогъ наблюденіямъ, производившимся надъ подневольною жизнью зубровъ, нельзя не обратить вниманія на то, что никто изъ наблюдавшихъ не заинтересовался серьезно вопросомъ о прирученіи. Изъ всѣхъ только одинъ Далматовъ даетъ намъ нѣкоторый отвѣтъ на этотъ крайне

Зубръ и украинская корова Ф. Э. Фальцъ-Фейна, снятые съ натуры въ январѣ 1903 г.

интересный вопросъ, но, къ сожалѣнію, его наблюденія касаются главнымъ образомъ дѣтскаго возраста зубровъ; взрослая же ручная зубрица, о которой онъ упоминаетъ, была больная. Всѣ остальные наблюдатели описывали только жизнь звѣря, содержимаго для показа въ клѣткахъ. Пословица,—„какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ“,—къ которой въ сущности сводятся наблюденія Брэма, едва ли приложима къ зубрамъ; зубръ не хищникъ, и для обращенія его въ домашнее животное не представляется надобности порабощать его природныхъ инстинктовъ. Зубры обладаютъ отъ природы весьма цѣннымъ для домашняго животнаго свойствомъ, благодаря которому сдѣлать его ручнымъ, вѣроятно, было бы не такъ ужъ трудно, если бы къ этому отнеслись серьезно. Мы говоримъ о привычкѣ зубра къ мѣсту. Пока у зубра достаточно корма, онъ никуда не уходитъ, и для того, чтобы содержать его на мѣстѣ, не нужно ни стѣнъ, ни загородокъ. Другимъ не менѣе цѣннымъ свойствомъ для прирученія зубра является его неразборчивость на кормъ. Мы знаемъ, что онъ любитъ лѣсъ, въ особенности нѣкоторыя породы, но онъ одинаково хорошо ѣстъ всякую траву, сѣно и все то, чѣмъ кормится нашъ домашній скотъ; къ тому же, зубръ нечувствителенъ къ перемѣнамъ климата и легко переноситъ какъ суровую зиму, такъ и жаркое лѣто. Безъ сомнѣнія, успѣхъ могъ бы быть достигнутъ не сразу въ первомъ же поколѣніи, но если бы послѣдовательно поколѣнія два, три подъ рядъ воспитывались въ постоянномъ общеніи съ домашнимъ скотомъ, къ которому, какъ мы видѣли, зубры относятся очень добродушно, то, вѣроятно, можно было бы доить зубрицъ одинаково, какъ и огромныхъ сементальскихъ коровъ.

Корова полукровка, рожденная отъ бизона, съ ея телкой, происходящей также отъ бизона, снятыя съ натуры въ январѣ 1903 г.

Опыты одомашненія зубровъ послѣдняго времени производились крайне рѣдко, и наиболѣе серьезные изъ нихъ, предпринятые Валицкимъ въ 1847-мъ году, прервались на самомъ интересномъ моментѣ.

Къ счастью, г. Фальцъ-Фейнъ является теперь продолжателемъ Валицкаго. Его зубры уже годъ живутъ и отлично развиваются въ степной мѣстности; они сдѣлались почти ручными, и среди лѣта 1903-го года вопросъ о полученіи приплода отъ зубра и мѣстной домашней коровы долженъ разрѣшиться. Нѣтъ основанія думать, чтобъ метизація съ бизонами также не удалась. Отъ бизона и телицы г. Фальцъ-Фейнъ имѣетъ уже полукровокъ, телившихся въ свою очередь послѣ ставокъ съ бизономъ. Фотографическій снимокъ съ одной изъ этихъ полукровокъ вмѣстѣ съ ея телкой, имѣющей уже $^3/_4$ крови бизона, любезно предоставленъ намъ владѣльцемъ и здѣсь прилагается.

Охоты на зубровъ.

Способы охоты на зубровъ, какъ и на прочихъ крупныхъ звѣрей, видоизмѣнялись всегда вмѣстѣ со средствами борьбы. Первоначально, когда люди знали только холодное оружіе и притомъ столь грубое, какъ камень или кусокъ отточеннаго металла, вся сила охотника состояла въ знаніи природы и вкусовъ звѣря. Для зубровъ рылись глубокія ямы, которыя покрывали хворостомъ, затѣмъ посыпали его землею, а сверху клали вѣтви омеллы, осины или какое-нибудь другое зубриное лакомство, и все это дѣлалось такъ, чтобы зубръ не могъ замѣтить западни. Невдалекѣ на деревьяхъ или въ ямахъ дикари часами, а можетъ-быть сутками, не подавая признаковъ жизни, подстерегали добычу. Безъ сомнѣнія, успѣхъ при подобномъ способѣ охоты зависѣлъ главнымъ образомъ отъ счастливаго стеченія обстоятельствъ: направленія вѣтра, степени голода звѣря, привлекательности приманки и пр. Затаивъ дыханіе, наблюдали дикари за приближеніемъ добычи и крикомъ, свистомъ или стукомъ заставляли звѣря дѣлать неосторож-

ное движеніе въ сторону ловушки. Попадавшаго въ яму зубра обыкновенно убивали. Кромѣ того, устраивали загородки изъ деревьевъ и, заманивъ зубра, закрывали выходъ, или прибѣгали къ устройству петли съ помощью пригнутаго молодого дерева. Звѣрь, дотрогиваясь до пищи, освобождалъ дерево, а оно, выпрямляясь, затягивало петлю.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усовершенствованія оружія и развитія человѣка, стали прибѣгать къ облавному способу, который въ своихъ главныхъ чертахъ уже въ самыя древнія времена ничѣмъ не отличался отъ нашихъ теперешнихъ пріемовъ. При этомъ начали пользоваться собаками. По слѣдамъ зубровъ направлялись гончія и гнали звѣря, пока онъ не изнемогалъ, а тѣмъ временемъ спѣшили люди съ другими, болѣе свирѣпыми собаками изъ породы не то нынѣшнихъ меделяновъ, не то договъ. Зубра окружали и травили, а онъ такъ же, какъ и другіе звѣри, когда ихъ травятъ, бросался съ большею яростью на почти безвредныхъ для него собакъ, чѣмъ на людей. Охотники кололи его, рубили, и вообще происходила кровавая схватка, сопровождавшаяся крикомъ, стонами раненыхъ и неистовымъ лаемъ собакъ. Въ позднѣйшія времена, подчасъ сознательно, умножали опасность ради молодечества и испытанія себя въ храбрости: такъ, при остготскомъ королѣ Теодорикѣ Великомъ, на охотахъ за зубрами, запрещено было кричать и трубить въ охотничьи рога, чтобы не пу-

30

гать звѣря и не возбуждать мужества охотниковъ. У древнихъ германцевъ и литовцевъ считалось постыднымъ избѣгать боя съ зубромъ, а кто одерживалъ надъ нимъ побѣду, вооруженный копьемъ или мечомъ, того не только прославляли и осыпали почестями, но часто возводили на степень военноначальника. Разсказываютъ также, что въ такихъ схваткахъ, для того, чтобы отвлечь зубра, бросали въ него красную шапку, и тогда разъяренный звѣрь кидался на послѣднюю. Нѣчто подобное происходитъ и теперь на бояхъ быковъ въ Испаніи.

Весною и лѣтомъ, пользуясь тѣмъ, что зубры выходятъ изъ лѣсовъ на довольно открытые рѣчные луга, охотники верхами старались загнать ихъ въ топкія мѣста, гдѣ грузные звѣри вязли и становились совершенно беззащитными. Настигая зубра, лихіе наѣздники метали въ него короткія тяжелыя копья, которыми, хотя и наносились глубокія раны, но все же не смертельныя. Случалось, что звѣрь оборачивался и самъ бросался на преслѣдователя, и намъ извѣстно, что Владиміра Мономаха не разъ туры поднимали на рога; Ягелло охотился тѣми же способами. Въ средніе вѣка, когда охота, исключительно промысловая, въ одиночку, замѣнилась грандіозными выѣздами, сотни людей по нѣскольку дней подъ рядъ работали въ лѣсу надъ устройствомъ непроходимой изгороди изъ поваленныхъ деревьевъ, которыми окружали мѣстность съ зубринымъ стадомъ. Въ середину ограды пускали собакъ, и когда поднятые зубры разбѣгались по огороженной площади, то попадали подъ удары охотниковъ.

Съ изобрѣтеніемъ пороха и огнестрѣльнаго оружія, охоты стали принимать другой характеръ. Копья, дротики, тяжелые мечи замѣнилъ мушкетъ. Изъ польскихъ королей, охотившихся съ мушкетомъ, однимъ изъ первыхъ былъ Баторій, но, конечно, холодное оружіе держалось еще долго, до полной замѣны его огнестрѣльнымъ.

Когда хотѣли взять зубра живьемъ, то разставляли изъ смоленыхъ веревокъ тенёта и загоняли звѣря облавою. Онъ запутывался, и этимъ моментомъ пользовались, чтобы накинуть на него арканы.

Несовершенствомъ оружія, вѣроятно, объясняется устройство бесѣдокъ, павильоновъ, съ которыхъ польскіе короли стрѣляли въ зубровъ изъ-подъ собакъ и загонщиковъ. Стать на пути звѣря съ кремневымъ, гладкоствольнымъ ружьемъ было, пожалуй, еще болѣе рисковано, чѣмъ выступить съ копьемъ или рогатиною; къ тому же подобное единоборство постепенно выходило изъ обычая. Заблаговременно или наканунѣ охоты по лѣсной дорогѣ изъ Бѣловѣжа вытягивался цѣлый караванъ лошадей, подводъ, нагруженныхъ снастями, припасами и оружіемъ; пѣшіе и конные лѣсные сторожа, осочники, крестьяне, загонщики, охотники, ведущіе собакъ на сворахъ,—все это въ живопис-

ОХОТА НА ЗУБРОВЪ ВЪ XV ВѢКѢ.—Оригин. рисунокъ Р. Френца.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

номъ безпорядкѣ живою лентою протягивалось по Пущѣ. Топотъ, крики людей, стукъ колесъ, лай собакъ, звуки охотничьяго рога смѣшивались въ одинъ общій гулъ, столь пріятный уху охотника.

Оклады выслѣженныхъ зубровыхъ стадъ производились съ вечера. Пользуясь тѣмъ, что зубры не охотно покидаютъ мѣста своихъ жировокъ, ихъ окружали сначала широкимъ, а затѣмъ постепенно суживающимся кольцомъ и такимъ образомъ удерживали на мѣстахъ. Для большей же увѣренности, что заведенная облава удержитъ зубровъ, на ночь разводили костры, шумѣли, пѣли пѣсни. Большинство другихъ звѣрей прорывались при такомъ способѣ сквозь линіи загонщиковъ, но зубры, хотя тревожимые со всѣхъ сторонъ, держались стойко. Кромѣ того, всегда выбирали жировки, наиболѣе удаленныя отъ глухихъ урочищъ, потому что зубры, почуявъ опасность, прямо тянули туда, и тамъ ихъ уже не было возможности преслѣдовать. Особенно дурною славою среди охотниковъ пользовалось урочище „Незнановъ Боръ“, по которому, дѣйствительно, не знали, какъ пробраться отъ зарослей; при этомъ, не нужно забывать еще, что теперешнія просѣки и дороги—сравнительно весьма недавняго происхожденія.

На слѣдующій день, когда всѣ участники охоты оказывались на мѣстахъ, то по сигналу—выстрѣломъ или звукомъ охотничьяго рога,—цѣпь облавы трогалась. Шумъ, смѣхъ, разговоры—все сразу затихало, уступая мѣсто наростающимъ звукамъ движущейся облавы. Сначала доходилъ неясный звукъ роговъ, затѣмъ слышались отдаленные человѣческіе голоса, лай собакъ, холостой выстрѣлъ, стуки палками о деревья, трескъ сучьевъ, и постепенно все это становилось слышнѣе и слышнѣе, и, наконецъ, по порядку передъ стрѣлковою линіею начинали показываться: лисица, волкъ, лоси и только послѣдними появлялись зубры. Опытные загонщики передъ тѣмъ, какъ выгонять зубровое стадо, обыкновенно всегда старались разсѣять его собаками, иначе зубры массою могли прорваться не только сквозь линію облавы, но и сквозь цѣпь охотниковъ. Устремляясь отъ облавы къ штандамъ или къ вышкѣ, звѣри неизбѣжно попадали подъ пули; встрѣтивъ опасность и съ этой стороны, они кидались назадъ, но ихъ холостыми выстрѣлами вновь направляли къ штандамъ.

Такъ въ общихъ чертахъ производились охоты во времена польскихъ королей и еще много лѣтъ позднѣе.

Въ 40-хъ годахъ, въ періодъ управленія министерствомъ графа Киселева, судя по фотографическому снимку съ картины, хранившейся въ семьѣ покойнаго Далматова, охоты производились тѣми же способами (смотри стр. 58). Мы видимъ на картинѣ вышку, подобную тѣмъ, которыя ставились при польскихъ короляхъ. На заднемъ планѣ

30*

стоятъ загонщики, егеря, спускающіе со своръ собакъ, и тутъ же пылаютъ огромные костры. Картина, по всей вѣроятности, была писана самоучкою изъ крѣпостныхъ, и у нея имѣется весьма интересная исторія.

По смерти Далматова картина куда-то затерялась, а въ его старыхъ бумагахъ нашелся фотографическій снимокъ съ нея. Недавно скончавшійся принцъ Альтенбургскій, ничего не знавшій про эту картину, поднесъ Государю, пріобрѣтенный имъ у какого-то антикварія, старинный жестяной подносъ съ изображеніемъ масляными красками охоты на зубровъ; изображеніе это оказалось копіею съ картины, имѣвшейся у Далматова, только съ нѣкоторыми измѣненіями. Подносъ хранится и теперь во дворцѣ Пущи.

Насколько безрезультатною могла быть охота на зубра съ прежнимъ ружьемъ, можно судить по нѣсколькимъ достовѣрнымъ случаямъ, записаннымъ очевидцами. Во время охоты, производившейся 1-го ноября 1844 года, огромный зубръ съ подбитою ногою оперся на дерево, и ему тутъ всадили 5 пуль въ лобъ; только послѣдняя, прошедшая черезъ лѣвый глазъ, уложила звѣря. Въ 1847 г. зубрица, пораженная 5-ю выстрѣлами, упала, и тогда какой-то неосторожный охотникъ, не замѣтивъ, что зубрица еще живая, вскочилъ ей на шею и схватился за рога. Зубрица поднялась и понесла на себѣ сѣдока. Наѣздникъ, конечно, не долго продержался, а зубрица прошла двѣ версты и пала, настигнутая новою пулею. Прозекторъ кіевскаго университета, участвовавшій въ одной охотѣ 1849 года, смертельно ранилъ зубра въ легкое, но тотъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы броситься на охотника, и, только благодаря тому, что послѣдній, бывшій въ бѣломъ тулупѣ, отскочилъ въ снѣгъ, зубръ, не замѣтивъ его, яростно пронесся мимо. На охотѣ въ 1851 году, при отстрѣлѣ двухъ зубровъ для вѣнскаго музея, произошелъ такой случай: раненый звѣрь, получивъ 10 выстрѣловъ, продолжалъ бѣжать въ лѣсъ. Два охотника настигли его, и одинъ изъ нихъ, погорячившись, подошелъ очень близко, намѣреваясь выстрѣлить. Зубръ обернулся, и хотя смѣльчакъ успѣлъ спрятаться за деревомъ, досталъ его оттуда и отбросилъ сажени на три.

Охоты на одинцовъ производятся двоякимъ способомъ—облавнымъ и скрадомъ, а такъ какъ одинецъ вообще близко подпускаетъ, то вся трудность только въ томъ, чтобы разыскать его мѣсто стоянки. Настигнутый одинецъ не старается уйти отъ опасности и самъ идетъ на человѣка; тутъ, слѣдовательно, важнѣе всего мѣткость прицѣла. Вблизи сараевъ зимою зубровъ можно бить на выборъ, стрѣляя, какъ въ мишень.

Причиною быстраго повсемѣстнаго истребленія зубровъ нельзя считать только сокращеніе лѣсной площади, но необходимо принять еще во вниманіе тѣ выгоды, которыя доставлялись охотою на этихъ животныхъ въ прежнія времена. Еще Аристотель говорилъ, что „кожу зубровъ съ трудомъ можно рѣзать, мясо ихъ отличное по вкусу, отчего и стараются ихъ всюду ловить". За недостаткомъ домашняго скота, мясо и шкура зубра представляли большую цѣнность. Мясо зубрицъ, преимущественно молодыхъ, до годовалаго возраста, особенно вкусно, гораздо мягче и сочнѣе лосинаго и особенно пріятно, если пролежитъ нѣкоторое время въ уксусѣ или молокѣ. Вареное, оно принимаетъ темно-синій или багровый цвѣтъ. Мясо старыхъ самцовъ, хотя также вкусно, но жестко. Поляки считали соленое мясо зубра превосходнымъ лакомствомъ и подносили его въ подарокъ своимъ королямъ [1]). Зубровая кожа вдвое толще кожи домашняго быка, болѣе упруга и въ особенности пригодна на сыромятные ремни. Въ древности дѣлали изъ нея довольно прочныя, непромокаемыя ладьи, пропитывая ихъ рыбьимъ жиромъ; такія лодки могли переноситься двумя людьми и въ нихъ совершались рѣчные походы [2]); зубровыми шкурами обвѣшивали деревянныя стѣны крѣпостей, отчего ихъ труднѣе было расщепить и поджечь; ими укрывались въ сильные морозы и подстилали на землю, но по своей тяжести и толщинѣ онѣ не могли служить одѣяніемъ. Изъ небольшого количества кожъ, имѣвшихся въ распоряженіи администраціи Пущи, въ послѣднее время была сдѣлана сбруя и постромки, и онѣ оказались очень прочны. Пробовали употреблять зубровую кожу на приводные ремни на Страбельскомъ лѣсопильномъ заводѣ, но опытъ оказался неудачнымъ вслѣдствіе того, что часть ремней вырѣзали изъ кожъ павшихъ животныхъ, найденныхъ не тотчасъ послѣ смерти, а уже подвергшихся гніенію.

Шерсть зубра долго оставалась безъ примѣненія; она коротка и суха на задней части животнаго, но на передней мягче, нежели верблюжья. Въ 40-хъ годахъ лѣсные сторожа стали выдѣлывать изъ нея перчатки, которыя по волнистости, мягкости и теплотѣ не оставляли ничего желать.

Изъ зубровыхъ роговъ, во времена Плинія, богатые люди выдѣлывали фонарики, которые пропускали пріятный свѣтъ и служили комнатнымъ украшеніемъ. У славянъ и германцевъ туры и зубровые рога имѣли значеніе побѣдныхъ трофеевъ, передававшихся, какъ драгоцѣнность, изъ рода въ родъ. Заздравнымъ кубкомъ Владиміра Мо-

---

[1]) Брэмъ, стр. 282.
[2]) Яроцкій, стр. 276 и 286.

помаха былъ турій рогъ „мѣрою въ полтретья ведра“. Англо - саксонскій король Ватласъ-Мерція отказалъ рогъ убитаго имъ зубра монастырю съ тѣмъ, чтобы монахи молились за упокой души его *). Польскіе короли и литовскіе великіе князья не щадили дорогихъ металловъ и камней на отдѣлку зубровыхъ роговъ, имѣвшихъ у нихъ разныя назначенія: кубковъ, пороховницъ, охотничьихъ трубъ и т п Рога тура, убитаго Гедиминомъ, отдѣланные въ золото, хранились въ сокровищницѣ великихъ князей литовскихъ и употреблялись только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Одинъ изъ этой пары роговъ былъ поднесенъ австрійскому императору Сигизмунду, въ 1429 году, на луцкомъ съѣздѣ, какъ самое цѣнное, что имѣлъ Ягелло въ сокровищницѣ.

*) Далматовъ, стр. 213.

Олень.

По интересу охоты первое мѣсто послѣ зубра въ Бѣловѣжской Пущѣ безспорно принадлежитъ благородному оленю. Въ историческомъ обзорѣ Пущи было сказано, что олень, населявшій когда-то лѣса средней и южной Европы, водился во множествѣ и въ Бѣловѣжѣ. Ягелло, Стефанъ Баторій и всѣ польскіе короли, охотившіеся въ Пущѣ до XVIII вѣка, били здѣсь оленя или, правильнѣе, брали его изъ-подъ собакъ. Звѣрь этотъ принадлежитъ къ числу такихъ, которые въ дикомъ состояніи не легко уживаются въ сосѣдствѣ съ культурою; поэтому, не находя достаточно уединенныхъ мѣстъ на равнинахъ южной и юго-западной Россіи, по мѣрѣ исчезновенія лѣсныхъ пространствъ, удалялся и олень. При этомъ было замѣчено, что перекочевки оленя шли съ востока на западъ. Такъ, восточнѣе Бѣловѣжской Пущи, въ Пинскихъ лѣсахъ, въ Приднѣпровьи оленя уже не стало въ XVII вѣкѣ; въ Литвѣ и на Волыни онъ вывелся въ XVIII столѣтіи, а къ концу XIX-го его только изрѣдка встрѣчали въ Привислянскомъ краѣ. Въ то же время, въ Австріи, въ дикомъ состояніи, олень попадался только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, преимущественно въ Карпатахъ и по Дунаю, но въ благоустроенныхъ и хорошо охраняемыхъ угодьяхъ, какъ тамъ, такъ и въ восточной Германіи его, разумѣется, было достаточно. По приказанію Государя Александра III въ Припилицкихъ лѣсахъ (Спала) въ началѣ 80-хъ годовъ было организовано чудное охотничье угодье, предназначенное почти исключительно для оленя. Въ лѣсахъ Польши тогда уже олени встрѣчались крайне рѣдко, только бродячіе, съ отроговъ Карпатъ; къ времени течки всѣ они тянули обратно въ Карпаты. Въ Бѣловѣжской же Пущѣ воспоминаніе объ оленяхъ сохранилось только въ названіяхъ „Оленьи горы“, „Оленій боръ“, такъ какъ уже при Августахъ Саксонскихъ оленей въ Пущѣ не было.

Первый толчокъ къ насажденію оленей въ Пущѣ далъ извѣстный въ охотничьемъ мірѣ, — князь Плессъ. При посѣщеніи Пущи въ 1860 году, князю пришла мысль развести зубровъ въ своемъ угодьи и, увидавъ, что бѣловѣжскіе лѣса представляютъ прекрасный раіонъ для организаціи оленьей охоты, онъ въ 1864 году, черезъ завѣдывавшаго Пущей лѣсничаго Штральборна, предложилъ 20 благородныхъ оленей въ обмѣнъ на четырехъ зубровъ. Разрѣшеніе на обмѣнъ было получено, и въ 1865 году въ звѣринецъ Пущи доставили 18 красныхъ оленей (5 самцовъ и 13 самокъ). Отъ нихъ получали ежегодно нормальный приплодъ, который хотя и прижился, но развивался туго, вслѣдствіе содержанія его въ звѣринцѣ и плохихъ кормовъ. Въ серединѣ 70-хъ годовъ въ звѣринцѣ насчитывали до 100 головъ оленей, а въ 1883 году около 200. Изъ звѣринца неоднократные обвалы загражденій позволяли оленямъ выбѣгать въ Пущу, и имъ тамъ жилось сравнительно лучше, нежели содержавшимся въ неволѣ. До 1891 года ко вновь водворенной въ Пущѣ оленьей семьѣ ни разу не припускали новой крови. Звѣрь изъ году въ году мельчалъ, бѣднѣлъ рогомъ, въ особенности содержавшійся въ звѣринцѣ, и въ общемъ представлялся карикатурой того благороднаго животнаго, которое встрѣчалось въ свободномъ состояніи на плоскогоріяхъ Карпатъ, въ низинахъ Дуная, въ Крыму и на Кавказѣ.

Обновленіе крови, переродившихся въ продолженіе 26-ти лѣтъ, оленей Бѣловѣжской Пущи произвели, выписавъ изъ Силезіи 5 рогалей *). Въ 1892 г. оленей числилось: въ звѣринцѣ 250 и въ Пущѣ около 200. Число послѣднихъ умножилось вслѣдствіе выпуска изъ звѣринца 150 штукъ, вскорѣ послѣ перехода Пущи въ удѣльное вѣдомство. Въ слѣдующемъ году вновь пріобрѣли въ Богеміи 16 самокъ и 2 рогаля, помѣсей съ американскимъ вапити. Еще черезъ годъ выписали 13 рогалей (одного о шести концахъ, 2-хъ—о четырехъ и 10—о двухъ), 15 старыхъ ланокъ, 8 молодыхъ и 10 телятъ изъ охоты князя Плесса въ имѣніи Славинцицъ въ Силезіи. Всѣ три партіи были впущены въ звѣринецъ, и результатъ этой мѣры не замедлилъ сказаться. Слѣдующія поколѣнія состояли изъ крупныхъ, хорошо формировавшихся экземпляровъ. Къ 1894 году въ звѣринцѣ было уже около 300 оленей, а въ Пущѣ почти 400. Принимая во вниманіе, что почти весь составъ бѣловѣжскихъ оленей происходилъ отъ плессовскихъ и что только въ самое послѣднее время къ нему добавили 69 головъ (въ томъ числѣ молодые, негодные для спариванія) посторонней крови,—

*) Въ то же время предполагалось отправить въ Силезію, въ Троппау, завѣдывавшаго звѣринцемъ лѣсничаго Ауэра для принятія приторгованныхъ красныхъ оленей и даніэлей отъ Фридриха Живса, но за болѣзнью г. Ауэра покупка не состоялась.

HALLALI НА ОХОТѢ ВЪ ПУЩѢ ВЪ XVII ВѢКѢ.—Оригинальный рисунокъ Р. Френца.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

Панорамный снимокъ съ натуры А. Далматова.

администрація Пущи сочла необходимымъ выписать оленей изъ спальской охоты, гдѣ преобладала кровь мѣстнаго, польскаго оленя. Въ послѣдующіе четыре года въ Пущу доставили изъ Спалы 400 ланокъ и нѣсколько рогалей и къ нимъ припустили кровь австрійскаго оленя изъ охотъ князя Лихтенштейна; олени эти славились размѣрами, формами и столь цѣнимою охотниками вѣтвистостью и шероховатостью рога.

Въ заботѣ объ украшеніи оленьяго стада, въ 1900 году изъ-подъ Рабенсбурга на границѣ съ Венгріею отъ князя Лихтенштейна привезли еще 31 рогаля, и этимъ закончилось пока освѣженіе крови бѣловѣжскихъ оленей. Отъ австрійскихъ рогалей имѣется приплодъ, который уже весь выпущенъ изъ звѣринца для спариванія съ свободнымъ составомъ ланокъ. Первоначально къ новымъ рогалямъ припустили 50 ланокъ, загнанныхъ въ звѣринецъ изъ Пущи, т. е. наиболѣе крѣпкихъ и здоровыхъ. Для точнаго выясненія результатовъ скрещиванія, слѣдовало бы, конечно, оставить всѣ 50 самокъ въ звѣринцѣ до отеленія, а рогалей не выпускать нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, продолжая припускать новыхъ ланокъ. Но, къ сожалѣнію, сдѣлать это было почти невозможно, такъ какъ того подножнаго корма, къ которому привыкли вывезенные изъ Австріи олени, въ звѣринцѣ не имѣлось; олени при тщательномъ уходѣ отлично перенесли первую зиму, но къ осеннему рёву, не имѣя тучныхъ луговъ, замѣтно отощали, и тогда, чтобы не погубить ихъ окончательно, ихъ пришлось выпустить. Безъ сомнѣнія, періодичныя освѣженія крови, хотя бы небольшими партіями рогалей, еще болѣе улучшатъ составъ бѣловѣжскаго благороднаго оленя, а культивировка лѣсныхъ полянъ дастъ ему хорошій подножный кормъ, и, такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ Авгу-

стѣйшіе охотники получатъ 20-ти-концовыхъ красавцевъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ имѣли на штрекахъ царственные владѣльцы Пущи давно минувшихъ лѣтъ.

Въ 1899 году была сдѣлана очень интересная попытка ввести въ кровь бѣловѣжскихъ оленей совершенно постороннюю, кровь оленей изъ центральной Азіи. Извѣстный гамбургскій торговецъ дикими звѣрями, Гагенбекъ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи пріобрѣсти зубрицу, въ обмѣнъ за которую предложилъ четырехъ такихъ оленей, очень крупныхъ, весьма схожихъ съ сибирскимъ маралом. Послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на обмѣнъ, олени были доставлены въ звѣринецъ Пущи, но прожили только до слѣдующаго мая. Всѣ четыре пали въ очень короткій промежутокъ отъ неизвѣстной причины, а по мнѣнію завѣдующаго охотою г. Неврли — отъ болѣзни легкихъ.

Шпицеръ, ланка и молодой олень.
Фотографія съ натуры А. Далматова.

Въ данное время въ Пущѣ насчитываютъ до 2000 оленей; но при подсчетѣ на такомъ громадномъ пространствѣ возможна ошибка въ 10—15%. Въ общемъ, бѣловѣжскій олень очень хорошо развивается, но не имѣетъ настоящихъ роговъ, потому что главный контингентъ, получившійся отъ скрещиванія звѣрей изъ различныхъ мѣстностей, не успѣлъ еще достигнуть возраста, а стариковъ-переселенцевъ выбивали на облавахъ. Рогъ оленя находится въ полной зависимости отъ корма, но вопросъ кормленія того грандіознаго состава оленей, который содержится теперь въ Пущѣ, далеко еще не установился. Бѣловѣжскій

олень питается преимущественно естественнымъ кормомъ, и зимнее подкармливаніе его становится необходимымъ только въ очень снѣжныя и холодныя зимы; при первой возможности обойтись безъ людской помощи, олени не подходятъ къ кормушкамъ и не трогаютъ разбрасываемыхъ вѣниковъ. Такъ было еще недавно; но за послѣдніе годы звѣря столько прибавилось, а параллельно съ тѣмъ настолько быстро поѣдается весь молоднякъ, что теперь и въ нормальныя зимы олень идетъ къ приготовленному корму стадами, протаптывая постоянныя зимнія тропы (вексели). Естественный предпочтительный кормъ оленя въ Пущѣ, кромѣ лугового и молодняка,—верескъ, ягодники, бѣлый мохъ, выгребаемый

Фотографія съ натуры А. Далматова.

копытами изъ-подъ снѣга, и мохъ, висящій съ деревьевъ. Послѣдній очень полезенъ рогалямъ, потому что содержитъ много фосфористаго кальція. Перечисленными кормами олень, содержимый въ парковыхъ и полупарковыхъ угодьяхъ, кормиться не будетъ, онъ привыкъ къ болѣе изысканной пищѣ, бѣловѣжскій же ищетъ и предпочитаетъ естественный кормъ, благодаря чему онъ крѣпче, выносливѣе ко всякимъ климатическимъ невзгодамъ, рѣзвѣе и интереснѣе для охоты. За недостаткомъ въ Пущѣ полезныхъ для оленя растеній, въ особенности плодовыхъ: дикихъ яблонь, грушъ и конскаго каштана, въ 1896 году въ звѣринцѣ разбили питомникъ дичковъ. Результатъ этой мѣры, безъ сомнѣнія, проявится чрезъ нѣсколько лѣтъ, и остается только пожелать, чтобъ такія посадки производились въ разныхъ частяхъ Пущи въ воз-

31*

можно широкихъ размѣрахъ. Если бы бѣловѣжскій олень находилъ въ достаточномъ количествѣ необходимый ему естественный кормъ въ холодное время года, а лѣтомъ луга и молодую поросль, то въ искусственномъ прикормѣ не было бы надобности. За годъ до разбивки питомника три лѣта подъ рядъ дѣлались попытки доставить оленямъ кормъ культивировкою кормовыхъ травъ на четырехъ небольшихъ лѣсныхъ полянахъ, по 4 десятины каждая. Всякій разъ, когда разгораживали поляны, звѣрь массами набѣгалъ, и всходовъ хватало лишь на два дня. Обращая свои кормовыя поля въ утоптанные пустыри, олени, какъ бы въ воспоминаніе о двухдневной обильной кормежкѣ, собирались здѣсь для рёва въ слѣдующемъ сентябрѣ. Если бы вся масса звѣря могла распредѣляться не по четыремъ полямъ, составлявшимъ въ сложности 16 десятинъ, а такихъ культуръ развели бы въ соотвѣтствіе съ численностью звѣря, то, при обиліи на нихъ хорошаго корма вплоть до осени, точно установились бы и мѣста оленьяго рёва.

Съ 1898 года культивировка лѣсныхъ полей была оставлена. Олени разбрелись отдѣльными группами и ревѣли преимущественно на ходу, не сбѣгаясь по зорямъ къ облюбованному извѣстной партіей мѣсту, какъ это бываетъ въ угодьяхъ съ нормальными кормами. Хотя въ самые послѣдніе годы оленя въ Пущѣ стало очень много, но за неимѣніемъ открытыхъ, съ обильнымъ кормомъ, полянъ, настоящихъ мѣстъ для рёва собственно нѣтъ. Охотничья администрація отлично освѣдомлена, въ какихъ кварталахъ ревутъ олени, сколько ревуновъ въ каждомъ; сколько рогалей съ извѣстнымъ количествомъ отростковъ въ данномъ кварталѣ; мы имѣемъ даже карту излюбленныхъ мѣстъ рёва (смотри карту № 5); но той картины рёва, которою можно любоваться въ благоустроенныхъ угодьяхъ Европы и у насъ въ Спалѣ—въ Пущѣ увидать нельзя. Въ правильно организованныхъ охотахъ на полянахъ собирается нѣсколько партій оленей одновременно, и старые рогали отбиваютъ чужихъ ланокъ, причемъ нерѣдко происходятъ бои. Картина ревниваго обереганія рогалями гаремовъ отъ ухаживанія молодыхъ (шпицеровъ) настолько интересна, что заставляетъ наблюдателя выстаивать часами съ биноклемъ въ рукахъ. Въ Пущѣ рёвъ идетъ какъ бы въ разбродъ; каждый сильный рогаль имѣетъ при себѣ отъ 3-хъ до 5-ти ланокъ, бродитъ съ ними широко и почти никогда не сходится съ другими для боя. Чтобъ увидать ревущаго оленя, необходимо съ подвѣтренной стороны, невдалекѣ отъ тропы, выбрать скрытую позицію, съ которой можно слѣдить по рёву — приближается ли, или удаляется звѣрь. При приближеніи слѣдуетъ стоять совершенно неподвижно, дабы не всполошить чуткихъ ланокъ, всегда зорко слѣдящихъ

СТАДО ОЛЕНЕЙ.—Моментальная фотографія съ натуры А. Далматова.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

за всѣмъ, что происходитъ вокругъ, и своимъ отрывистымъ брёхомъ предупреждающихъ объ опасности отуманеннаго страстью самца. При счастливой случайности удается увидать шагахъ въ 20-ти или 30-ти партію ланокъ, со слѣдующимъ за ними оленемъ; точно также можно подкрасться къ игриво бодающимся шпицерамъ или габлерамъ, въ пылу борьбы мало обращающимъ вниманія на окружающее. При

Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

этихъ условіяхъ рёва, охота съ подхода или подъѣзда не можетъ быть добычливою. Скрасть очень дикаго, чутьистаго и осторожнаго бѣловѣжскаго оленя въ гущинахъ, гдѣ нѣтъ обширныхъ полянъ,—очень трудно, а получить на мушку достойнаго выстрѣла старика почти-что невозможно. Только случайность можетъ предоставить удачное поле. Все это еще болѣе подтверждаетъ, насколько необходимо разведеніе такихъ культурныхъ полей, которыя, доставляя звѣрю хорошій под-

ножный кормъ, облегчали бы организацію ни съ чѣмъ не сравнимаго способа охоты съ подхода и подъѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для охоты съ подъѣзда необходимы и „подъѣздныя дороги" для пароконнаго экипажа, очищенныя отъ молодняка, кустарниковъ и лѣсного хлама, проложенныя по всевозможнымъ направленіямъ въ раіонахъ, гдѣ ревутъ лучшіе рогали. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано, и достигнута возможность одновременно производить охоту съ подъѣзда въ четырехъ различныхъ участкахъ. Въ Бѣловѣжской Пущѣ такая охота производилась впервые Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и Великою Княгинею Маріею Павловною въ сентябрѣ 1902 года.

Олень въ Пущѣ разсѣянъ по всѣмъ урочищамъ, но далеко не равномѣрно, и такъ какъ звѣринецъ съ давнихъ поръ служилъ разсадникомъ этого звѣря, то молодые олени, которые не расходятся далеко, пока на мѣстѣ есть кормъ, и по настоящее время всего больше держатся въ раіонѣ звѣринца и верстъ на 10 вокругъ. Въ самый разгаръ періода спариванія во многихъ раіонахъ Пущи стонъ стоитъ отъ оленьяго рёва; имѣть на слуху отъ 5 до 10 голосовъ одновременно—не рѣдкость. Въ кварталахъ же, окружающихъ звѣринецъ, ревущіе олени настолько подзадориваютъ другъ друга, что ночью, въ усадьбѣ завѣдывающаго охотою при открытомъ окнѣ заснуть немыслимо. Одинъ самецъ смѣняетъ другого, изрѣдка слышны постукиванія рогами, и воображеніе охотника невольно переносится на 30—40 шаговъ за ограду усадьбы, гдѣ въ тихую сентябрьскую лунную ночь надрывается тяжелымъ, хриплымъ басомъ престарѣлый олень, заложивъ на спину свои вѣтвистые рога. При такомъ концертѣ заснуть можетъ только тотъ, кто никогда не охотился и не любитъ природы.

Съ каждымъ годомъ раіонъ распространенія оленя въ Пущѣ увеличивается. Старики рогали ходятъ широко, ищутъ глухихъ урочищъ, и ихъ встрѣчаютъ иногда на окраинахъ, въ Свислочской дачѣ и даже въ 30—40 верстахъ за границами угодья. Къ рёву они тянутъ назадъ, быстро отыскиваютъ мѣстность вокругъ звѣринца и остаются здѣсь въ теченіе всей поры рёва. Бродяжничество стариковъ подвергаетъ ихъ часто опасности попасть подъ выстрѣлъ браконьеровъ, и далеко не всѣ изъ нихъ возвращаются къ рёву на родину. Этимъ также отчасти объясняется отсутствіе въ Пущѣ достойныхъ отстрѣла самцовъ.

Составъ рогалей въ Пущѣ нельзя назвать удовлетворительнымъ. По количеству и нормальному соотношенію къ составу самокъ—ихъ мало; по красотѣ рога—можно желать многаго. Въ правильно поставленныхъ охотничьихъ угодьяхъ всѣ рогали должны быть на счету, весь составъ ихъ подраздѣляется на группы соотвѣтственно количеству отростковъ на рогахъ у каждаго, и посредствомъ отстрѣла уста-

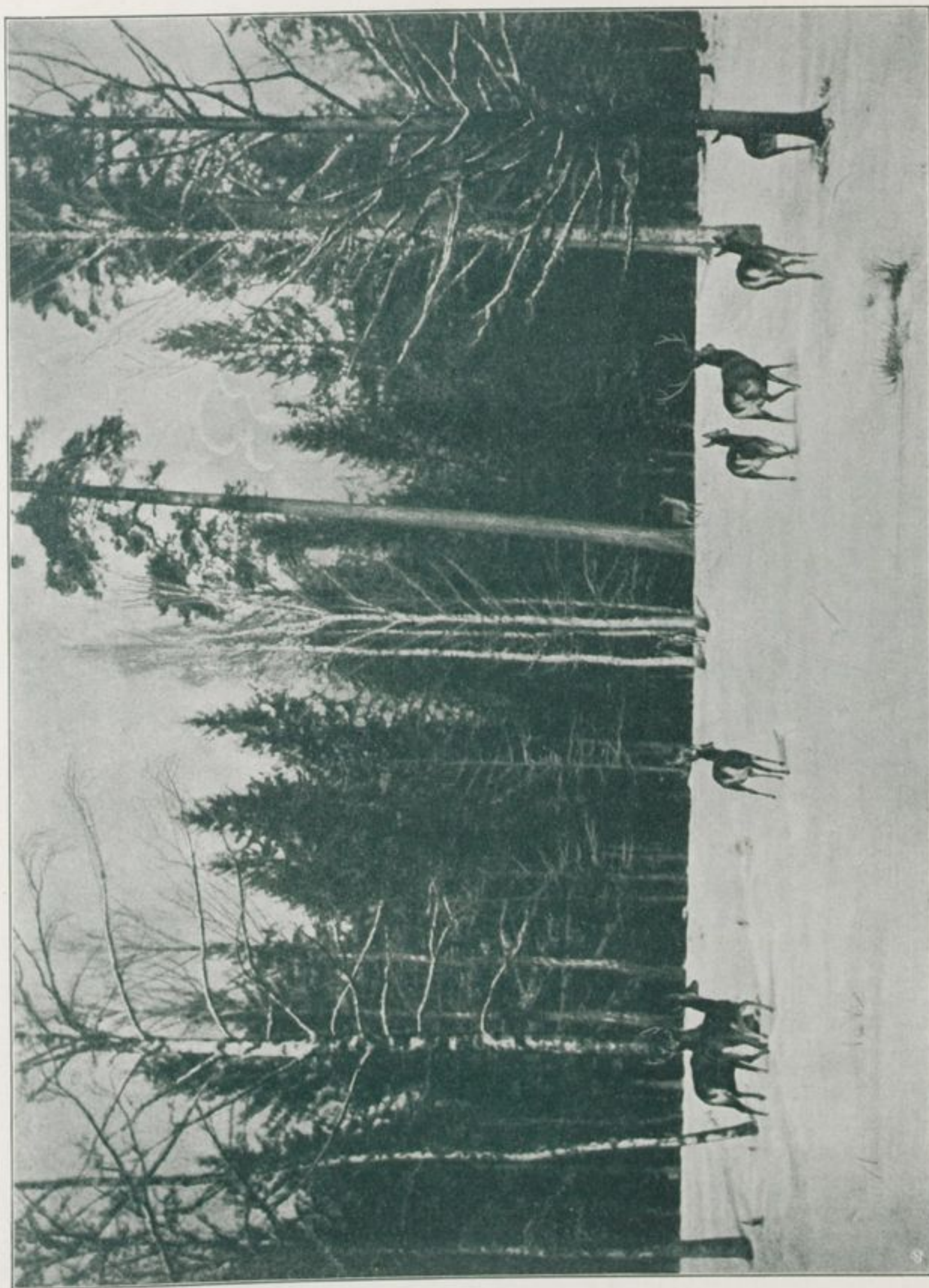

РЕВУЩІЙ ОЛЕНЬ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

навливаютъ пропорціональное соотношеніе между самцами различныхъ возрастовъ. Въ Пущѣ, вслѣдствіе громадности раіона, сравнительной малочисленности охотничьяго персонала и массы звѣря, вести правильную статистику рогалей невозможно. Здѣсь ихъ дѣлятъ лишь на три группы: 1) молодыхъ, къ которымъ относятъ безотростковыхъ (Spieszer), оленей о четырехъ концахъ (Gabler) и имѣющихъ не болѣе шести концовъ (Sechser). Всѣхъ трехъ категорій насчитывается теперь до 165. 2) Средневозрастныхъ, т. е. восьми и десяти концовыхъ (Geringe Hirsche) около 160 и 3) вполнѣ зрѣлыхъ, 10-ти, 12-ти и 14-ти концовыхъ (Jagdbare Hirsche)—не болѣе 100. Старыхъ капитальныхъ оленей (stark jagdbare, Kapitalhirsche) въ Пущѣ еще очень мало. Самокъ и телятъ отъ 1600 до 1700 штукъ. Такъ какъ только тотъ приплодъ оленей имѣетъ шансы на нормальное развитіе, который происходитъ отъ самцовъ шестиконцовыхъ и старше, а „габлеры“ и „шпицеры“ не должны допускаться къ мѣстамъ рёва (Brunftplatz), то ясно, что хорошихъ производителей въ Пущѣ весьма мало, не болѣе 260-ти; если же принять во вниманіе охотничій отстрѣлъ послѣднихъ лѣтъ, въ среднемъ отъ 50-ти до 70-ти оленей въ охоту (въ три года разъ), то пропорція самцовъ къ самкамъ еще болѣе измѣнится не въ пользу первыхъ.

Въ Пущѣ различаютъ теперь двѣ породы оленя: коренастыхъ, темныхъ, на низкихъ ногахъ, напоминающихъ горныхъ карпатскихъ; они особенно дики и по вѣтвистости рога, осыпаннаго перлами, очень привлекательны; другіе—желтые, на болѣе высокихъ ногахъ, болѣе ручные и прихотливые на кормъ. Разница въ сложеніи двухъ разновидностей замѣтна и на ланяхъ.

Свободнаго пущинскаго оленя нельзя приравнивать по образу жизни къ тѣмъ полуручнымъ, которыми наполнены небольшія, но хорошо обставленныя охотничьи угодья въ Германіи. Уже въ Спалѣ олень много дичѣе, чѣмъ его собратъ, содержащійся въ паркахъ; бѣловѣжскій же совершенно дикъ и бѣжитъ всегда отъ человѣка. Лѣтомъ его очень трудно увидать и приходится удивляться, что въ мѣстности, въ которой болѣе двухъ тысячъ головъ, только случайно удается встрѣтить оленя. Зимою, вслѣдствіе недостатка молодняка, олени пріучаются къ виду повозокъ и саней егерей, развозящихъ кормъ, и тогда временно какъ бы ручнѣютъ; но смѣльчаки, идущіе въ отдаленіи вслѣдъ за кормовой подводой, все же принадлежатъ къ партіямъ, вывезеннымъ изъ Спалы, уроженцы же Пущи гораздо боязливѣе. Зимою весь олеій составъ скопляется преимущественно въ кварталахъ, гдѣ поставлены кормушки и гдѣ разсыпаютъ и разбрасываютъ кормъ, а также около охотничьихъ дорогъ, вдоль которыхъ до прошлаго года

ОЛЕНИ НА ХОДУ.—Моментальный снимокъ съ натуры А. Далматова.

32

кидали вѣники и овсяные снопы. Теперь это оставлено частью изъ-за того, чтобы не портить дорогъ развозкою, но главнымъ образомъ потому, что матеріала для вѣниковъ почти не стало.

Весною рогали забиваются въ крѣпи, стельныя ланки телятся гдѣ случится, холостыя бродятъ табунками по всей Пущѣ. Лѣтомъ оленей чаще всего можно видѣть въ кварталахъ, прилегающихъ къ рѣкамъ.

Ланки.
Оригинальный рисунокъ
Р. Френца.

Когда олени содержались исключительно въ звѣринцѣ, они часто подвергались падежамъ отъ какихъ-то неизслѣдованныхъ болѣзней. Живущіе на свободѣ, въ Пущѣ, гибнутъ чаще всего, какъ это выяснилось теперь, отъ зловредной мухи, кладущей яички въ ноздри животнаго; народившіеся изъ яичекъ черви настолько заполняютъ ноздри и дыхательное горло, что слабые экземпляры не въ силахъ выхаркать и вычихать паразитовъ; болѣе сильные выкашливаютъ червей цѣлыми комками вмѣстѣ съ слюною. Такія выхарканныя кучки червей приводили втупикъ неопытныхъ сторожей и егерей, пока имъ не показали вскрытой гортани павшаго животнаго. Никакихъ мѣръ противъ болѣзни не считается необходимымъ предпринимать, ибо она является какъ бы естественной причиною убыли тѣхъ слабыхъ особей, которыя только приносятъ вредъ угодью. Сильный, здоровый, нормально развитой экземпляръ быстро самъ справляется съ недугомъ. По наблюденіямъ, производившимся въ 70-хъ годахъ, было замѣчено, что олени падали нерѣдко отъ болѣзни, выражавшейся образованіемъ гнойныхъ пузырьковъ подъ кожей, болѣзнь называли въ Пущѣ—оленьей оспой. Гнойники покрывали шею и бока оленя, онъ хилѣлъ и издыхалъ. Даже собаки, говорятъ, не ѣли этого мяса. По мнѣнію нѣкоторыхъ, происхожденіе и этой болѣзни зависитъ отъ той же причины, какъ и черви въ гортани. Олени такъ же, какъ и зубры, заражаются печеночною глистою отъ дурной воды.

Не малый вредъ приплоду наносятъ кабаны. Если этотъ все уничтожающій звѣрь набредетъ на недавно рожденнаго теленка, не имѣющаго еще силы слѣдовать за маткой, то непремѣнно пожретъ его; ланка не въ состояніи защитить дѣтёныша. Хищныхъ звѣрей, вредящихъ оленямъ, въ Пущѣ почти нѣтъ, и кромѣ кабана да изрѣдка лисы, берущей также новорожденнаго, если прозѣваетъ матка,—оленямъ грозитъ опасность только со стороны браконьеровъ.

По водвореніи оленей въ шестидесятыхъ годахъ, браконьеры долго не трогали ихъ, частью потому, что ихъ было мало и звѣрь этотъ не былъ знакомъ современному составу воровъ, частью изъ опасенія, въ случаѣ поимки съ поличнымъ, подвергнуться тяжелому наказанію за это цѣнное, въ глазахъ начальства, животное; цѣнность же опредѣлялась сохраненіемъ звѣрей въ звѣринцѣ. Кромѣ того, лось и крупные кабаны, не говоря уже о зубрѣ, давали браконьеру больше мяса. По мѣрѣ размноженія звѣря, къ нему приглядѣлись, увидали, что скрасть его легче, чѣмъ лося, и когда стали встрѣчать оленей въ самыхъ глухихъ кварталахъ и въ особенности за предѣлами Пущи, то лѣсной красавецъ подвергся общей участи. Его стали выбивать, и съ каждымъ годомъ случаи поимки браконьеровъ повторялись чаще и чаще. Незначительный процентъ ежегоднаго приплода гибнетъ отъ ударовъ старыхъ самцовъ, но въ Бѣловѣжской Пущѣ потеря отъ этой причины меньше, нежели въ тѣхъ угодьяхъ, въ которыхъ олень собирается зимою стадами возлѣ кормушекъ и гдѣ, слѣдовательно, скученность даетъ поводъ къ столкновеніямъ.

Всѣмъ другимъ звѣрямъ, водящимся въ Пущѣ, олень не мѣшаетъ; зубры отлично уживаются съ нимъ; съ лосями онъ никогда не сходится. Только козы не долюбливаютъ оленя, особливо въ суровую зиму, когда всѣ они тянутъ поневолѣ къ кормушкамъ. Олень отгоняетъ и совершенно не подпускаетъ къ кормовымъ пунктамъ трусливую козу. Въ раіонахъ, гдѣ много оленя, коза не держится; но въ Пущѣ еще достаточно просторно и для оленя, и для козы. Кабанъ отгоняетъ оленя отъ корнеплодовъ и гонится за нимъ, какъ собака.

Лось.

Во всемъ семействѣ оленьихъ нѣтъ животнаго, которое бы чуждалось человѣка и культуры въ такой степени, въ какой чуждается ихъ лось. Ему необходимы такія мѣста, въ которыхъ культура невозможна или очень затруднительна. Онъ предпочитаетъ всему низменныя топи съ лиственнымъ молоднякомъ, т. е. болото, поросшее чѣмъ-либо. Въ древнія времена, когда Пуща нераздѣльно сливалась съ обширными пограничными болотами, въ особенности съ восточной стороны, лось чувствовалъ себя привольно, къ тому же и въ самой Пущѣ такихъ болотъ достаточно; тогда, при потребности въ движеніи, онъ совершалъ періодическія перекочевки. Въ серединѣ іюля лось покидалъ Пущу, направляясь на востокъ, въ громадныя Пинскія болота, совершенно недоступныя человѣку въ лѣтніе мѣсяцы, а въ серединѣ или концѣ сентября возвращался зимовать въ Пущу. Истребленіе лосей, какъ и всѣхъ прочихъ крупныхъ звѣрей, кромѣ зубра, вызывалось въ значительной степени также податью деньгами и шкурами, наложенною польскимъ правительствомъ на охранителей царскаго лѣса и охоты.

Лось, по изданію Бринкена 1828 г.

Лося было много, его били съ подхода скрадомъ, били на вабкѣ, брали изъ-подъ гончихъ, и звѣрь быстро переводился. Съ отмѣной губительной для звѣря подати, лоси большими стадами начали перекочевывать въ Пущу по остававшимся еще нетронутыми полоскамъ лѣсовъ, соединявшихъ Пущу съ остальнымъ лѣснымъ раіономъ Западной Россіи. Но мало-по-малу эти переходы стадами сдѣлались затруднительными,

РЕВУЩІЙ ЛОСЬ.—Оригин. рисунокъ А. С. Хрѣнова.

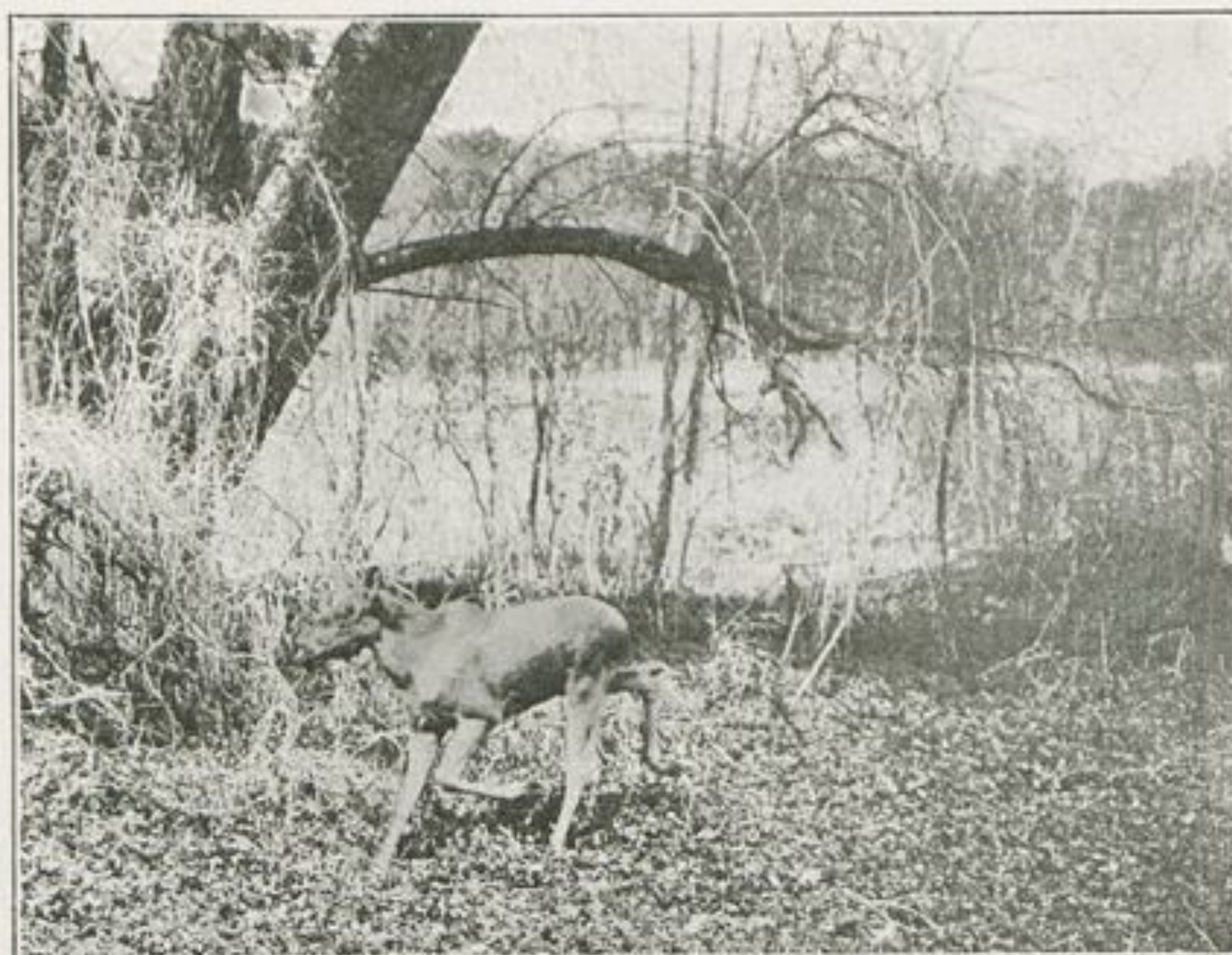
Геліогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

и съ каждымъ годомъ становились все рѣже, такъ что въ серединѣ XIX вѣка въ Пущу стали забѣгать только одиночные, или иногда самъ-другъ быкъ и „лоша"—по-мѣстному. Въ пятидесятыхъ годахъ лосей въ Пущѣ почти не было. Для охоты Императора Александра II въ 1860 году въ звѣринецъ могли собрать только трехъ лосей, пойманныхъ внѣ Пущи. Чрезъ 15 лѣтъ они вновь появились, расплодившись ли отъ забѣжавшихъ, или вслѣдствіе осушки Пинскихъ болотъ, и на охотѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, въ 1885 г., лосей въ окладахъ оказывалось больше, чѣмъ зубровъ. Два года назадъ этого звѣря насчитывали около 700 головъ, но въ данное время его гораздо меньше, и управленіе охотою не старается размножать его, въ виду слишкомъ большого вреда, наносимаго имъ лѣсу, а также потому, что онъ возбуждаетъ меньшій интересъ по сравненію съ зубрами и оленями. Къ тому же, современный бѣловѣжскій лось часто совсѣмъ не имѣетъ лопатъ, или же очень ничтожныя, съ двумя, четырьмя и самое большое восемью бѣлесоватыми, тонкими и плохо развитыми сучками, что заставляетъ подозрѣвать начало вырожденія. Несмотря на плохое развитіе роговъ, бѣловѣжскіе лоси нормальнаго вѣса, роста и склада, и производятъ какое-то странное впечатлѣніе крупнаго, сильнаго быка съ рогами шпицера.

Молодой лось. Фотографія съ натуры А. Далматова.

Образъ жизни и характеръ бѣловѣжскаго лося ничѣмъ не отличается отъ нашего сѣвернаго. Онъ такъ же дикъ, трусливъ, чутьистъ, остороженъ и любитель дальнихъ переходовъ. Въ зависимости отъ поздняго наступленія зимы, бѣловѣжскій лось реветъ позднѣе сѣвернаго недѣли на двѣ. Любимое мѣсто лосей въ Пущѣ—Свислочская дача,

Лосенокъ на рыси. Моментальный снимокъ съ натуры А. Далматова.

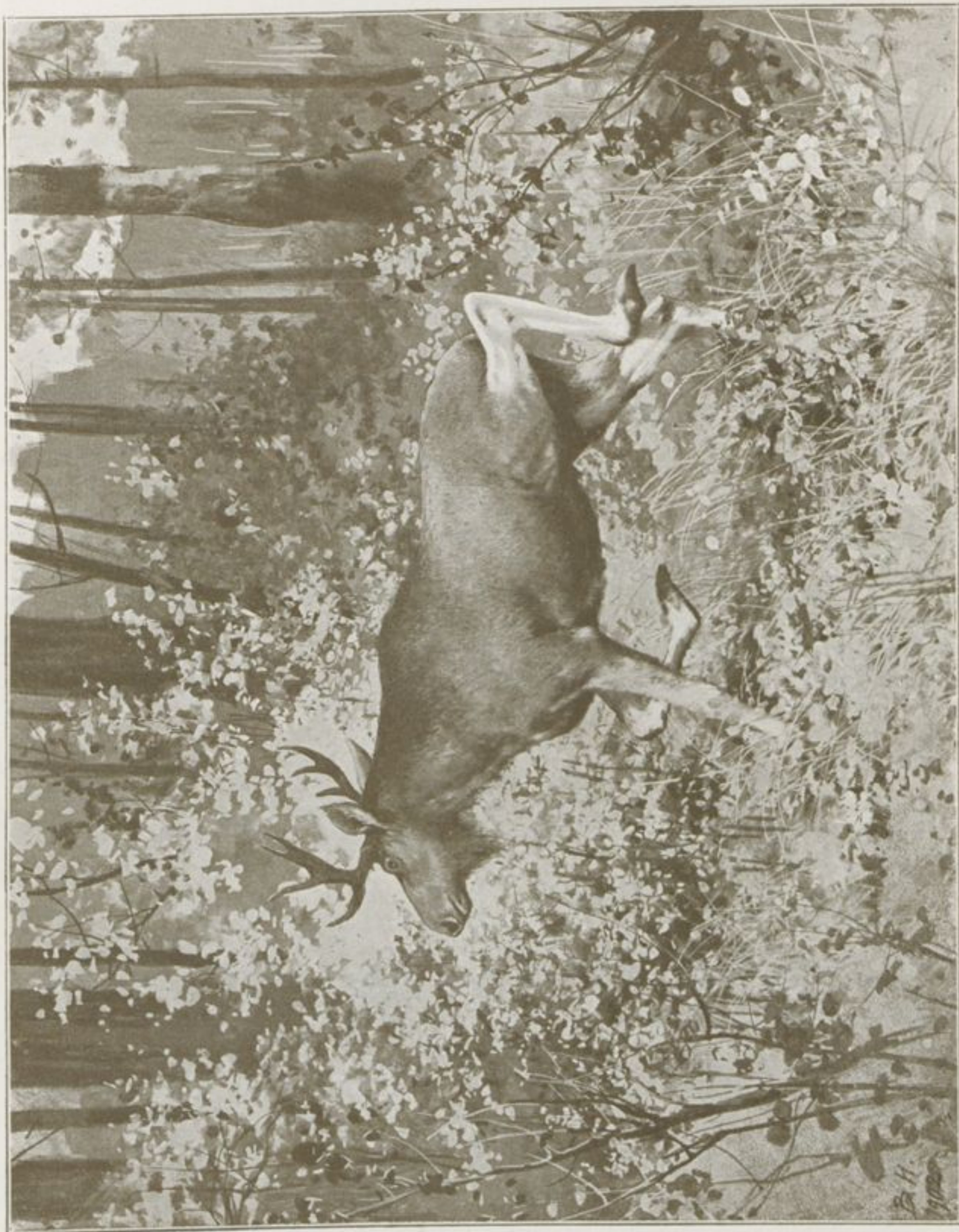
потому что тамъ больше болотъ, больше молодняку, а главное, что въ ней почти не прекращались сплошныя рубки, и населеніе менѣе густо, чѣмъ въ остальныхъ раіонахъ Пущи. (Смотри карту № 5).

Для охотничьихъ угодій съ правильнымъ хозяйствомъ лось представляетъ не мало затрудненій. Это животное настолько дико, что никогда, ни въ какихъ случаяхъ не беретъ корма, заготовленнаго человѣкомъ. Лось будетъ пропадать отъ голода, но никогда не тронетъ искусственнаго корма, будь то любимое лакомство другихъ оленьихъ породъ. Въ самыя большія голодовки, въ самыя суровыя зимы бѣловѣжскій лось никогда не подходилъ ни къ стогамъ, ни къ кормовымъ пунктамъ. Въ такіе годы звѣрь массами уходитъ изъ Пущи и пропадаетъ для нея. Отсутствіе нормальныхъ лопатъ у лосей, какъ у оленей вѣтвистаго рога, вынуждаетъ повторить и здѣсь, что угодье не доставляетъ звѣрю достаточнаго количества корма, иначе говоря, что молодняка въ Пущѣ почти нѣтъ.

Пасущійся лосенокъ. Моментальный снимокъ съ натуры А. Далматова.

Плохое состояніе всякаго другого звѣря можно скоро исправить, стоитъ только не жалѣть средствъ; относительно лося этого сдѣлать нельзя. Чтобъ имѣть лосей съ хорошими лопатами, необходимо измѣнить

ЛОСЬ НА РЫСИ.—Моментальный снимокъ съ натуры А. Дальматова.

въ угодьѣ характеръ лѣсного хозяйства, результаты котораго скажутся только черезъ десятки лѣтъ.

Другая наиболѣе вѣроятная причина плохого состоянія головного убора лося въ Пущѣ—его отторгнутость отъ собратій остальной Россіи. Бѣловѣжскій лось, какъ и зубръ, спаривается уже много лѣтъ подъ рядъ въ близкомъ родствѣ. Явись возможность перевозить лосей, какъ перевозятъ остальную дичь, то при насажденіи въ Пущѣ лосей петербургскихъ или новгородскихъ, — новыя поколѣнія были бы нарядкѣе. Охотники сѣверной Россіи избалованы красивыми лопатами, и современный бѣловѣжскій лось не заинтересуетъ ихъ. Но не нужно забывать, что Пуща лежитъ на границѣ западнаго распространенія лося въ свободномъ состояніи, а потому всякій, даже плохой экземпляръ, фигурирующій на штрекѣ бѣловѣжскихъ охотъ, долженъ быть цѣненъ. Бѣловѣжскій лось, подобно сѣверному, настолько любитъ одиночество, что покидаетъ даже самое безлюдное мѣсто, если обезпокоенъ зубрами, оленями и вообще присутствіемъ другихъ животныхъ, не исключая козы.

Въ противоположность зубру, лось не жируетъ долго на одномъ мѣстѣ. Его частыя перекочевки подвергаютъ его большой опасности со стороны браконьеровъ. Въ особенности крупные старики любятъ ходить широко, а потому чаще другихъ попадаютъ подъ выстрѣлы, на окраинахъ Пущи. За послѣдній годъ лосиный составъ замѣтно уменьшился. Очень вѣроятно, что для этого звѣря наступилъ періодъ постепеннаго ухода его изъ угодья, вслѣдствіе полнаго отсутствія корма. Повальныхъ болѣзней на лосяхъ никогда не замѣчалось.

(Лань).

Даніэль (лань) въ охотничьемъ мірѣ издавна причислялась къ плебеямъ оленьей породы. Область распространенія лани съ древнѣйшихъ временъ опредѣлялась главнымъ образомъ мѣстностями, расположенными вокругъ Средиземнаго моря. Впрочемъ, въ болѣе умѣренномъ климатѣ Европы, южнѣе Швеціи и до сѣверной окраины Сахары, также встрѣчались лани и, вѣроятно, въ давно минувшія времена онѣ водились и въ западной Россіи. Лань не любитъ сырыхъ, топкихъ мѣстъ, поэтому въ Бѣловѣжской Пущѣ ея не должно было быть много. Ни роговъ, ни костяковъ лани среди ископаемыхъ остатковъ Пущи никогда не находили. Нѣтъ также указаній и на то, чтобы лань насаждали въ Пущу до 1860 года. На штрекѣ этой охоты зарегистрировано 10 убитыхъ изъ 14-ти заготовленныхъ; но откуда были доставлены звѣри—неизвѣстно. Въ тѣ времена западный край изобиловалъ большими помѣщичьими хозяйствами польской аристократіи, сохранявшей традиціонный обычай содержать при усадьбѣ паркъ и звѣринецъ, и такъ какъ даніэли не требуютъ за собою особенно тщательнаго ухода, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень нарядны, то ихъ держали охотнѣе всего. Эти животныя, замѣняющія благороднаго оленя, будучи страшно прожорливы и неразборчивы въ пищѣ, наносятъ болѣе вреда лѣсу, чѣмъ всѣ остальныя оленьи породы. Содержать ихъ въ большомъ количествѣ въ неогражденномъ охотничьемъ угодьѣ—значитъ жертвовать, какъ лѣсомъ, такъ и всею остальною дичью въ пользу ланей.

Послѣ охоты 1860 г. ланей оставалось всего 4, и рѣшено было увеличить ихъ составъ покупкою изъ парка имѣнія Турны, графа Грабовскаго. Въ 1864 году купили 11 самокъ и 4 самца, отъ которыхъ впослѣдствіи звѣрь плодился въ звѣринцѣ, но слабо. Такъ, въ 1870 году

33

ланей въ звѣринцѣ было 30, и до 1875 года число ихъ не возрастало, убыль равнялась приплоду; въ серединѣ 70-хъ годовъ забравшіяся въ звѣринецъ рыси въ нѣсколько сутокъ уничтожили ихъ до 10 штукъ. На свободѣ лани водились въ Свислочской дачѣ еще въ 70-хъ годахъ, насажденныя тамъ прежними владѣльцами, графами Тышкевичами; но послѣ конфискаціи дачи въ ней стали охотиться на ланей, какъ лѣсничіе, такъ и приглашаемые мѣстные помѣщики и офицеры квартировавшихъ по близости частей. Ко времени перехода Пущи въ удѣльное вѣдомство, въ звѣринцѣ оказалось до 40 ланей и нѣсколько экземпляровъ, случайно вышедшихъ за ограду звѣринца на свободу. Съ улучшеніемъ ухода, даніэли стали размножаться, и въ 1892 г. ихъ въ звѣринцѣ было 75, изъ которыхъ 25 выпустили въ Пущу; въ томъ же году выписали 44 лани изъ Богеміи, такъ что по перечету 1893 года даніэлей въ Пущѣ оказалось уже 90. Въ 1895 году пріобрѣли еще 60 самокъ и 10 самцовъ изъ Скерневицъ, и изъ общаго состава ланей 45 штукъ выпустили въ Пущу. Въ данное время охотничья администрація насчитываетъ во всей Пущѣ около 740 даніэлей. Съ 1899 года, когда всѣхъ содержавшихся въ звѣринцѣ даніэлей выпустили въ Пущу, онѣ совершенно одичали. Бѣловѣжскія даніэли хорошо сложены, и между ними встрѣчаются самцы съ отличными лопатами. За послѣднее время въ Пущѣ стали попадаться совершенно бѣлые и черные экземпляры, не мѣняющіе цвѣта по временамъ года, какъ это бываетъ съ красными. Анормальныя разновидности признаются продуктомъ вырожденія звѣря, и ихъ, обыкновенно, назначаютъ къ отстрѣлу.

Быстрое размноженіе лани въ Пущѣ доказываетъ, что жизненныя условія въ угодьѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ ея природѣ. Питаясь одинаково охотно всѣмъ: травою, молоднякомъ, мхами, древесной корою, лань находитъ пищу въ изобиліи, такъ какъ при отсутствіи одного сорта, довольствуется другимъ. Ей нѣтъ надобности въ дальнихъ перекочевкахъ для прісканія кормовъ, поэтому она рѣдко появляется внѣ пущинскихъ раіоновъ и менѣе другихъ звѣрей гибнетъ отъ браконьеровъ; послѣдніе пренебрегаютъ даніэлями, имѣя подъ рукою зубровъ, лосей, оленей и кабановъ. Относительно образа жизни и нрава бѣловѣжскихъ даніэлей можно сказать, что онѣ значительно отличаются отъ парковыхъ, содержимыхъ для оживленія ландшафта въ расчищенныхъ и вылизанныхъ лѣсахъ при замкахъ европейскихъ аристократовъ. Тамъ звѣрь полуручной, онъ стадами пасется на открытыхъ лугахъ и подпускаетъ пѣшаго шаговъ на 30, а экипажи еще значительно ближе. Его тамъ кормятъ чуть ли не изъ рукъ, и эти разжирѣвшія, лѣнивыя животныя не возбуждаютъ страсти охотника. Бѣловѣжская даніэль дика, не многимъ менѣе пуглива, чѣмъ олень, быстра на ходу и по-

ДАНІЭЛЬ.—Моментальная фотографія съ натуры А. Далматова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

воротлива; несмотря на склонность всей породы къ наѣданію жира, бѣловѣжская—сравнительно суше, жилистѣе, а потому шустрѣе.

Въ Пущѣ лань встрѣчается чаще всего въ раіонѣ 10 верстъ въ окружности, принимая звѣринецъ за центръ. Ни одинъ олений видъ не вредитъ растительности въ той мѣрѣ, какъ лань, отчего излишнее размноженіе ея въ угодьяхъ не допускается. Охотничья администрація довела составъ даніэлей до 700 экземпляровъ только ради бо́льшаго разнообразія породъ на штрекахъ; дальнѣйшее же размноженіе рѣшено пріостановить усиленнымъ отстрѣломъ слабыхъ, анормальныхъ и устарѣлыхъ особей. Отстрѣлы производятся исключительно завѣдующимъ охотою г. Неврли, дающимъ такимъ образомъ практику удѣльнымъ швейсхундамъ (собакамъ, натасканнымъ по кровяному слѣду).

Даніэли на скаку.
Моментальный снимокъ
съ натуры
А. Далматова.

Примѣромъ обращенія лани въ почти домашнее животное можетъ служить самка-лань, живущая уже четвертый годъ при усадьбѣ завѣдующаго охотою въ Пущѣ, по кличкѣ „Мими“. Это милое созданіе было найдено въ палисадникѣ звѣринца, въ 20 шагахъ отъ павильона, безъ матери, въ возрастѣ нѣсколькихъ часовъ, и вспоено съ рожка заботливой рукой жены завѣдующаго охотою. Лань настолько привыкла къ людямъ, что съ тѣхъ поръ не покидаетъ усадьбы, несмотря на предоставленную ей полную свободу. Круглый годъ она бродитъ по двору, по задворкамъ, идетъ на кличку, ѣстъ съ руки и бѣгаетъ за людьми, какъ собака. Дабы оградить цвѣтники и кустарники около охотничьяго павильона отъ ея прожорливости, ее выгоняютъ иногда въ звѣринецъ; но, несмотря на долгое пребываніе тамъ, она не дичаетъ. При проѣздѣ по звѣринцу она бѣжитъ на стукъ колеса, и тогда ее нельзя отогнать, пока за экипажемъ не закроются ворота. Если сторожъ обходомъ идетъ по звѣринцу,—Мими обязательно находитъ его и провожаетъ; при задачѣ корма звѣрямъ, Мими тутъ-какъ-тутъ; пріѣдетъ ли компанія туристовъ посмотрѣть на зубровъ въ звѣринцѣ, даніэль бѣ-

33*

гаетъ вокругъ, нимало не смущаясь бродящими невдалекѣ зубрами. Въ сильные морозы она является къ воротамъ усадьбы и жалобнымъ пискомъ проситъ впустить ее, а добившись пропуска, забивается въ сѣнной сарай и лежитъ тамъ до наступленія болѣе благопріятной погоды. Во время постройки шоссе изъ Гайновки въ Бѣловѣжъ, пролегающаго у самой усадьбы завѣдывающаго охотой, Мими начала по недѣлямъ пропадать изъ усадьбы. Оказалось, что, прикармливаемая рабочими на шоссе, она бродила отъ балагана къ балагану, всюду привѣтливо принимаемая, и эта жизнь ей, повидимому, очень нравилась.

Въ послѣднюю Высочайшую охоту въ Пущѣ, какъ-то назначили завтракъ въ охотничьемъ павильонѣ. Съ ранняго утра въ усадьбу прибыли повара со всѣмъ необходимымъ, но необычная суета нисколько не смутила Мими, тѣмъ болѣе, что повара закормили ее всякими лакомствами и, наѣвшись досыта, даніэль залегла въ кустахъ. О ней забыли. Но когда къ завтраку начали съѣзжаться и прибыла Государыня, Мими появилась во дворѣ. Императрица заинтересовалась животнымъ, ласкала лань и разспрашивала о ней г-жу Неврли. Мими храбро вбѣжала за Государыней по ступенямъ лѣстницы въ вестибюль, а во время завтрака прохаживалась по столовой, получая ото всѣхъ ласки и подачки. Былъ случай, когда Мими глубоко раздосадовала пишущаго эти строки. Необходимо было снять фотографію съ зуброваго стада въ лѣтней обстановкѣ. Задача эта была нелегкая; лѣтомъ зубры не подпускаютъ, и только послѣ долгихъ ухищреній удалось-таки подобраться шаговъ на 60; но такъ какъ звѣри стояли въ тѣни, то моментальнаго снимка взять было невозможно, пришлось прибѣгнуть къ штативу и затвору съ выдержкой, который приводится въ дѣйствіе при помощи груши. Аппаратъ былъ уже наведенъ, все было готово, какъ внезапно появилась Мими и, несмотря на усиленныя отмахиванія, стала играть съ гутаперчевой грушей аппарата, такъ что въ концѣ концовъ пришлось отказаться отъ фотографированія. Въ другой разъ, зимою, когда художникъ А. С. Хрѣновъ спѣшно зарисовывалъ зубровъ, стоя въ 15 шагахъ отъ звѣрей, подманенныхъ овсяными снопами, Мими подошла къ нему сзади и также не мало мѣшала, толкая его въ спину головой.

Кабанъ.

Кабанъ принадлежитъ къ самымъ постояннымъ жителямъ Бѣловѣжской Пущи. Если временами кабановъ становилось мало, или они совершенно исчезали, то это длилось не долго, такъ какъ при своей плодовитости и способности переносить всякія условія они снова быстро

КАБАНЫ ВЪ ДЕБРЯХЪ.—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

размножались. На нихъ дѣятельно охотились браконьеры, но и они не могли истребить ихъ окончательно, потому что изъ болотистыхъ сосѣднихъ мѣстностей кабаны набѣгали въ Пущу вновь.

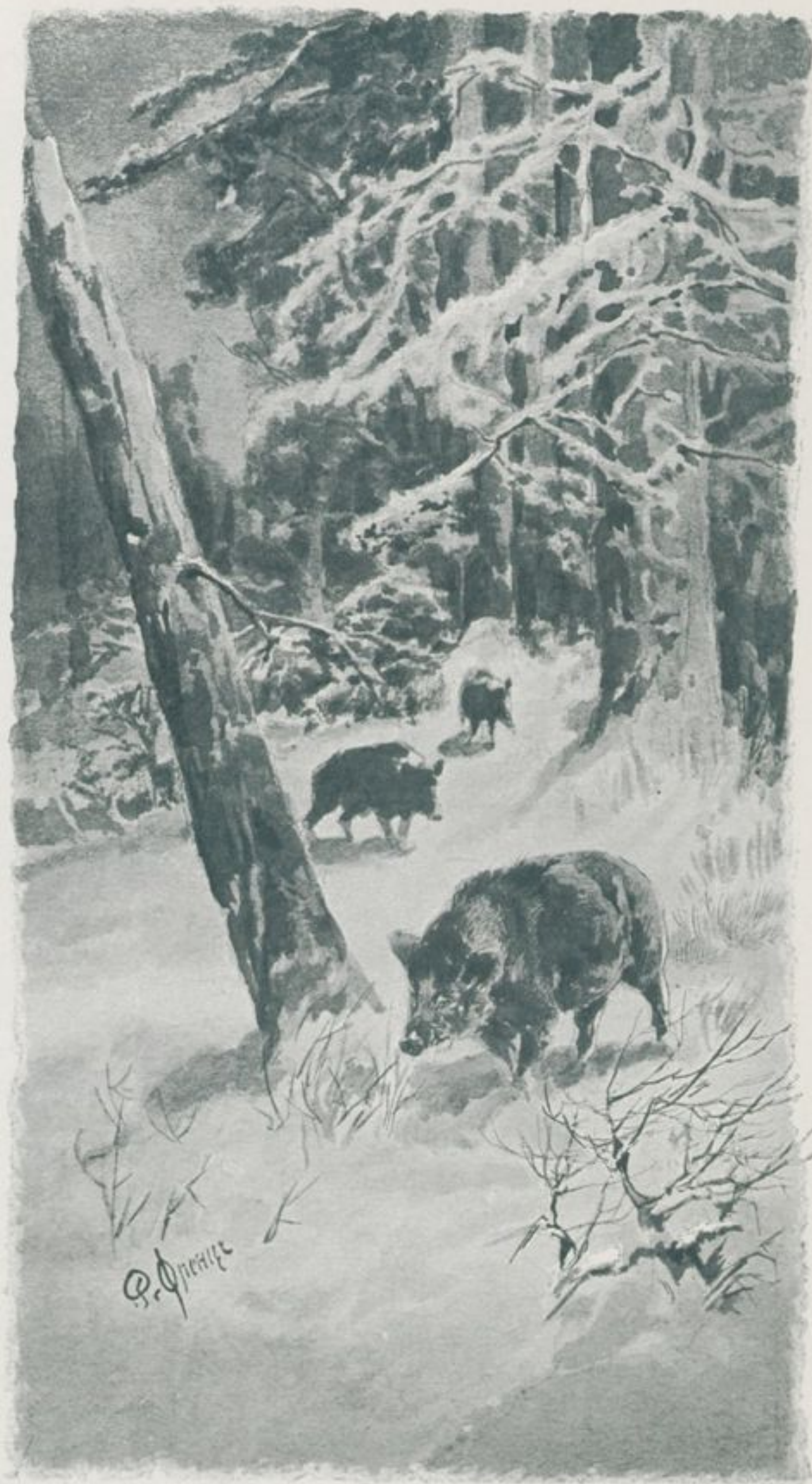
Въ древности кабаны населяли лѣса всей средней и южной Европы; теперь же, къ огорченію охотниковъ и къ благополучію сельскихъ хозяевъ и отчасти лѣсничихъ, кабановъ истребили почти вездѣ. Кабанъ вредитъ всякой дичи, а для полевого хозяйства онъ является такимъ же бичомъ, какимъ лось для лѣсного; поэтому кабановъ содержатъ въ очень ограниченномъ числѣ въ нѣкоторыхъ любительскихъ охотничьихъ паркахъ Европы, но въ Пущѣ просторно для всѣхъ, и такого количества кабановъ, какъ тамъ, нѣтъ нигдѣ.

Изобилуя сырыми и болотистыми мѣстностями, столь необходимыми кабану, Пуща представляетъ для него исключительно благопріятное убѣжище. Мѣстное населеніе зоветъ его „дзикомъ", молодого кабана послѣдняго приплода — „сысакомъ"; въ возрастѣ отъ 18-ти мѣсяцевъ, когда кабанъ достигаетъ полнаго развитія, и до 4-хъ лѣтъ онъ называется—„верхлякомъ". Самку, водящую семью, зовутъ—„лехой", а стараго самца—„одынцомъ".

Излюбленная пища кабана—жолудь, и пока этого корма въ Пущѣ было достаточно, кабанъ благоденствовалъ; но съ сокращеніемъ дубовыхъ насажденій появилась надобность въ прикормѣ. За недостаткомъ естественнаго корма кабанъ часто нападаетъ на крестьянскія поля, въ особенности на тѣ, которыя расположены въ Пущѣ. Оградиться отъ него очень трудно; изгороди, не допускающія козъ, даніэлей, оленей,— не спасаютъ отъ кабана, подрывающаго даже столбы. Онъ, вообще, съ поразительнымъ искусствомъ проникаетъ всюду и даже сквозь такія дебри валежнаго лѣса и бурелома, которыя для всѣхъ прочихъ звѣрей безусловно непроницаемы. Изъ Пущи кабаньи семьи уходятъ очень неохотно, развѣ въ самыя сильныя голодовки, и за поискомъ пищи дѣлаютъ громадные и быстрые переходы.

Бѣловѣжскій кабанъ считается однимъ изъ самыхъ крупныхъ. Пріѣзжавшіе въ Пущу за живыми экземплярами иностранцы, присутствуя при ловлѣ, гдѣ могли видѣть пущинскаго кабана въ большомъ числѣ, утверждаютъ, что въ ихъ паркахъ такого рослаго кабана не встрѣчается. Впрочемъ, самые крупные кабаны теперь уходятъ изъ Пущи все по той же причинѣ, по которой и остальные звѣри, т. е. по недостатку корма; приплоды же теперь всегда хорошіе. Молодые держатся въ Пущѣ, но, достигнувъ зрѣлаго возраста, когда отбиваются отъ стада, они, въ поискахъ за лучшими кормами, тянутъ на крестьянскія поля, гдѣ ихъ безпощадно истребляютъ. На кабановъ крестьяне ходятъ компаніями, преимущественно по ночамъ подкарауливаютъ ихъ

на поляхъ и, обойдя кругомъ, спускаютъ собакъ. Занятый боемъ съ послѣдними, кабанъ не замѣчаетъ людей, которые бьютъ звѣря обыкновенно кольями и топорами, такъ какъ огнестрѣльное оружіе имъ запрещено. Кромѣ обычной безкормицы, происходящей отъ общаго оскудѣнія Пущи, особенно бѣдственнымъ былъ для кабановъ 1840 годъ, когда они гибли отъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ; тогда ихъ находили по 20 и 30 штукъ въ одной группѣ, замерзшихъ отъ стужи или издохшихъ отъ голода. Въ 1882 году изъ Пущи ушли почти всѣ кабаны изъ-за нѣсколькихъ гололедицъ, повторившихся въ ноябрѣ и декабрѣ. Въ окрестностяхъ Пущи звѣрей встрѣчали массами въ мелкихъ лѣсахъ, а остававшіеся въ Пущѣ къ веснѣ казались живыми скелетами. Сгорбленные, вялые, изну-

Кабаны на зимней жировкѣ. Оригинальный рисунокъ Р. Френца.

ренные голодомъ, они свободно подпускали человѣка, хотя приручить ихъ рѣдко удавалось.

За кабанами, лишенными свободы, необходимъ хорошій уходъ и кормъ; иначе они не выживаютъ. До послѣдняго времени, при усадьбѣ завѣдующаго охотою, въ теченіе 7-ми лѣтъ, жили въ небольшомъ загороженномъ мѣстѣ пара кабановъ, пойманныхъ сосунками въ облавѣ солдатами. Звѣри оставались всегда злобными и не допускали въ загородку даже кормившаго ихъ сторожа. Такъ какъ кабаны относятся ко всеяднымъ, то вредъ, наносимый ими остальной дичи, очень значителенъ. Натолкнется кабанъ на гнѣздо глухарки, тетерки, рябчика... всѣ яйца будутъ разбиты и съѣдены; найдетъ онъ новорожденнаго олененка, лосенка, козленка... нѣтъ ему пощады; даже за взрослыми, но слабыми, больными экземплярами, и за подранками кабаны успѣшно охотятся, уподобляясь хищникамъ. Въ сильный голодъ кабаны и своимъ дѣтямъ не даютъ пощады. Павшій звѣрь немедленно поѣдается кабанами. Они очень чутьисты и, какъ гробовщики, появляются тотчасъ тамъ, гдѣ падаль. На штрекѣ послѣдней охоты въ Пущѣ Великаго Князя Владиміра Александровича, въ сентябрѣ 1902 года, пришлось положить одну голову оленя, подраненнаго наканунѣ, такъ какъ вся туша была уже съѣдена кабанами, которые покончили съ нею въ промежутокъ двадцати часовъ, прошедшихъ отъ окончанія охоты.

Передъ пѣшимъ человѣкомъ трусливый и дикій кабанъ бѣжитъ, но экипажей мало боится, и, проѣзжая по просѣкѣ, зачастую можно видѣть партію кабановъ, спокойно убѣгающихъ вереницею шагахъ въ 15-ти или 20-ти. Лѣтомъ кабановъ легче всего можно наблюдать по зорямъ. Выбравъ закрытое мѣсто, если имѣть терпѣніе выстоять часъ, другой въ раіонѣ жировокъ, легко встрѣтить лёху съ семьей, которая, похрюкивая, бродитъ между корягами, или стадо верхляковъ, трусящее вразсыпную; достаточно одному кабанчику попасть на свѣжій слѣдъ человѣка, или получить на чутье вѣтеръ, какъ рѣзкимъ, отрывистымъ хрюкомъ онъ всполошитъ все стадо, которое въ моментъ скроется изъ глазъ; при этомъ кабаны всегда удираютъ вереницею, другъ за другомъ. Среди дня, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, бродячаго звѣря почти не встрѣчаютъ: онъ залегаетъ на отдыхъ, и только случайно можно стронуть его съ лёжки. Зимою передъ закатомъ, проѣзжая по густому еловому молодняку, можно почти навѣрное выпугнуть оттуда кабанью компанію; кабаны очень любятъ густой ельникъ. Изрытыя кабанами площади на громадныхъ пространствахъ убѣждаютъ проѣзжающаго по Пущѣ, что кабановъ въ ней достаточно. Есть площади на десятки кварталовъ, въ которыхъ на сыроватыхъ и потныхъ мѣстахъ, въ особенности подъ лиственнымъ лѣсомъ, нѣтъ квадратнаго аршина,

КАБАНЫ НА ХОДУ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

не тронутаго и не взрыхленнаго мозолистымъ пятакомъ звѣря. Искусно распахивая землю, кабанъ выбираетъ изъ нея молодые коренья, личинки жуковъ, червей, дикіе трюфеля и, конечно, всѣ корнеплоды. Мѣсто, на которомъ дикія свиньи рылись, крестьяне и егеря называютъ однимъ словомъ: „порыто“, употребляя его, какъ существительное. Такъ, бѣловѣжскій егерь говоритъ: въ такой-то низинѣ большое дзиковое „порыто“.

Кабанья течка въ Пущѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ средней

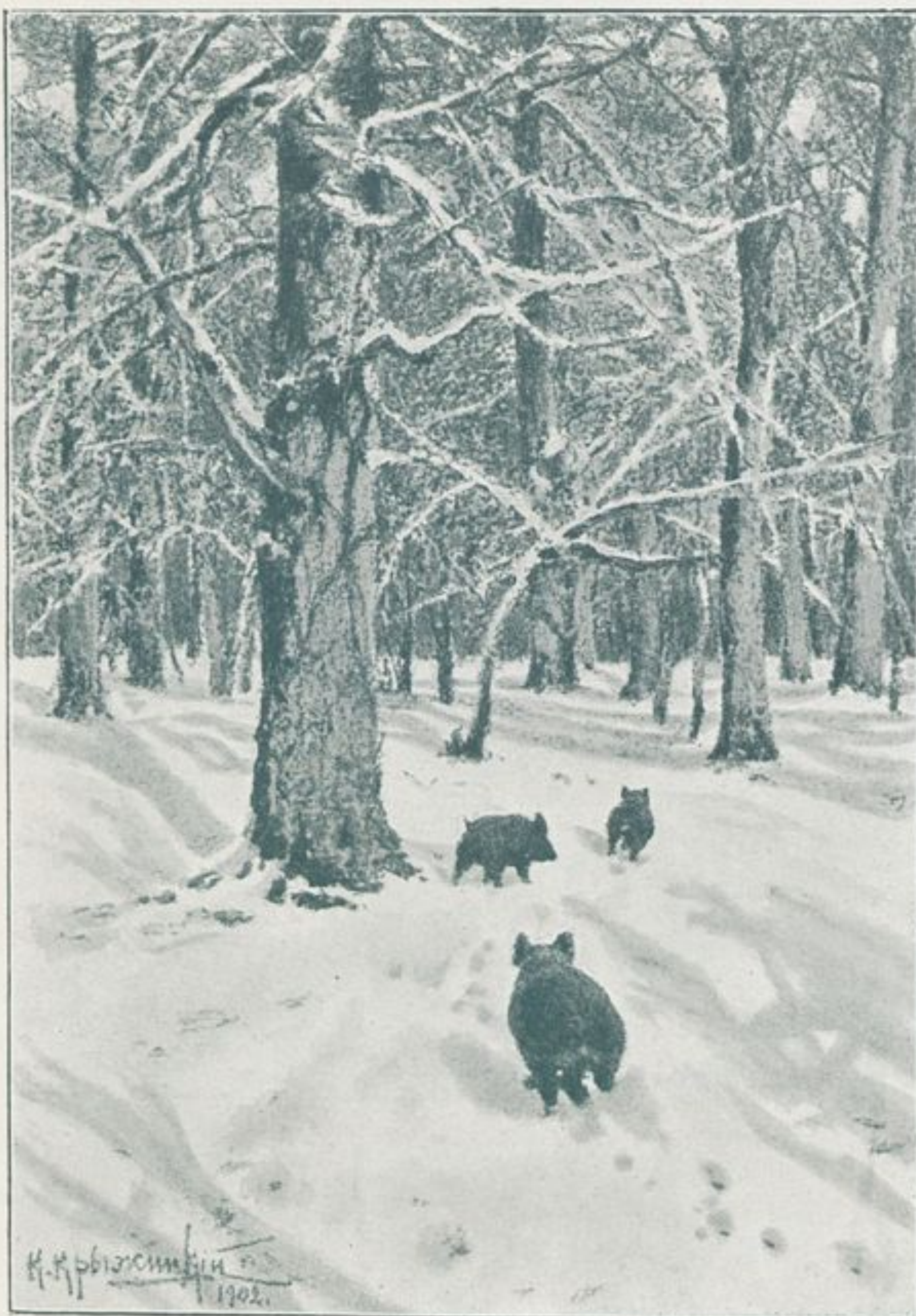

Крупный кабанъ, по фотографіи съ натуры Г. Карцова.

полосы Европы, наступаетъ большею частью въ ноябрѣ и декабрѣ, но, впрочемъ, весьма нерѣдко спариваніе, судя по тому, что самки поросятся съ марта и до осени, наступаетъ не для всѣхъ одинаково. Изрѣдка случается, что лёха, принесшая ранней весною, поросится вторично поздней осенью. Брэмъ видитъ въ этомъ доказательство происхожденія отъ одичалыхъ домашнихъ свиней, что подтверждается иногда пестрою окраскою кабановъ. Неврли утверждаетъ, что болѣе сильныя лёхи въ два года приносятъ молодыхъ три раза. Въ годоваломъ возрастѣ самка уже поросится. Живутъ кабаны стадами,

34

по нѣсколько семей въ одномъ. Одинцы ходятъ отдѣльно и ко времени спариванія являются къ стадамъ. Тогда, занимая главенствующую роль, они изгоняютъ изъ стадъ слабыхъ и молодыхъ кабановъ, дерутся между собою и ухаживаютъ своеобразно за самками, тыча ихъ безцеремонно рыломъ. Лёхи благосклонно принимаютъ эти ласки. Чрезъ 18—19 недѣль послѣ спариванія, свинья отходитъ отъ стада, приготавливаетъ лёжку въ чащѣ подъ корягой, или въ выемкѣ отъ вывороченнаго съ корнемъ дерева; устилаетъ лёжку мхомъ и сухими листьями и вскорѣ поросится. Такое гнѣздо свинья покидаетъ недѣли черезъ двѣ по появленіи поросятъ и возвращается къ стаду. Дикія свиньи очень мало подвержены болѣзнямъ и только отъ сильныхъ морозовъ, гололедки и слишкомъ глубокихъ снѣговъ они гибнутъ повально.

Кабаны на ходу.
Оригинальный рисунокъ
К. Я. Крыжицкаго
по фотографіи съ натуры.

Въ Бѣловѣжской Пущѣ, какъ и во всей Литвѣ, въ старину на кабановъ охотились съ рогатиной или корделясомъ, т. е. длиннымъ охотничьимъ кинжаломъ. Ихъ травили собаками или загоняли въ крѣпкія, спеціальныя кабаньи тенёта. Запутавшихся въ тенётахъ принимали на подставленный корделясъ, но, какъ бы звѣрь ни былъ сильно запутанъ,

рекомендовалось сначала ошеломить его отрывистымъ и сильнымъ ударомъ по переносицѣ. Отъ такого удара самый сильный кабанъ становится безпомощнымъ, впадая на нѣкоторое время какъ бы въ безчувствіе; этимъ моментомъ пользовались для нанесенія смертельной раны. Во времена польскаго управленія, въ Бѣловѣжской усадьбѣ содержали особыхъ собакъ, спеціально притравленныхъ на медвѣдей и кабановъ. Собаки эти умышленно воспитывались въ полудикомъ состояніи и употреблялись исключительно для подобныхъ охотъ. Псамъ жестоко доставалось отъ неуклюжаго и неповоротливаго съ виду, а на самомъ дѣлѣ очень ловкаго, звѣря; своими острыми клыками онъ сразу глубоко распарываетъ брюхо собаки. Охота на кабановъ, бывшая въ древности поединкомъ, въ средніе вѣка — опаснымъ развлеченіемъ, въ настоящее время обратилась въ забаву и упражненіе въ мѣткости стрѣльбы по движущейся цѣли. Кабанъ настолько труслив, что почти не нападаетъ на человѣка, даже когда раненъ. При прежнемъ обиліи крупныхъ кабановъ въ Пущѣ, охотничья администрація, тѣмъ не менѣе, находила возможнымъ не устраивать высокихъ штандовъ при Высочайшихъ охотахъ. Будь въ этомъ отношеніи хотя малѣйшее сомнѣніе—штанды устраивались бы иначе. При охотахъ облавой, звѣрь появляется на стрѣлковой линіи уже испуганный и осторожно удираетъ, не думая о нападеніи; хотя все же не рекомендуется стрѣлять крупнаго кабана, идущаго на штыкъ, или проходящаго близко передъ охотникомъ; такихъ лучше стрѣлять, пропустивъ за стрѣлковую линію, такъ

Кабанъ на скаку.
Моментальный снимокъ
съ натуры
А. Далматова.

34*

какъ кабанъ никогда не повернетъ круто на бѣгу. При старинныхъ охотахъ съ собаками и тенётами, звѣрь видѣлъ передъ собою человѣка въ то время, когда о бѣгствѣ нельзя уже было думать, а надо было защищаться или нападать; теперь онъ видитъ человѣка только въ самый критическій моментъ, и страхъ, возрастающій по мѣрѣ хода облавы, заставляетъ его забыть все, кромѣ быстроты ногъ.

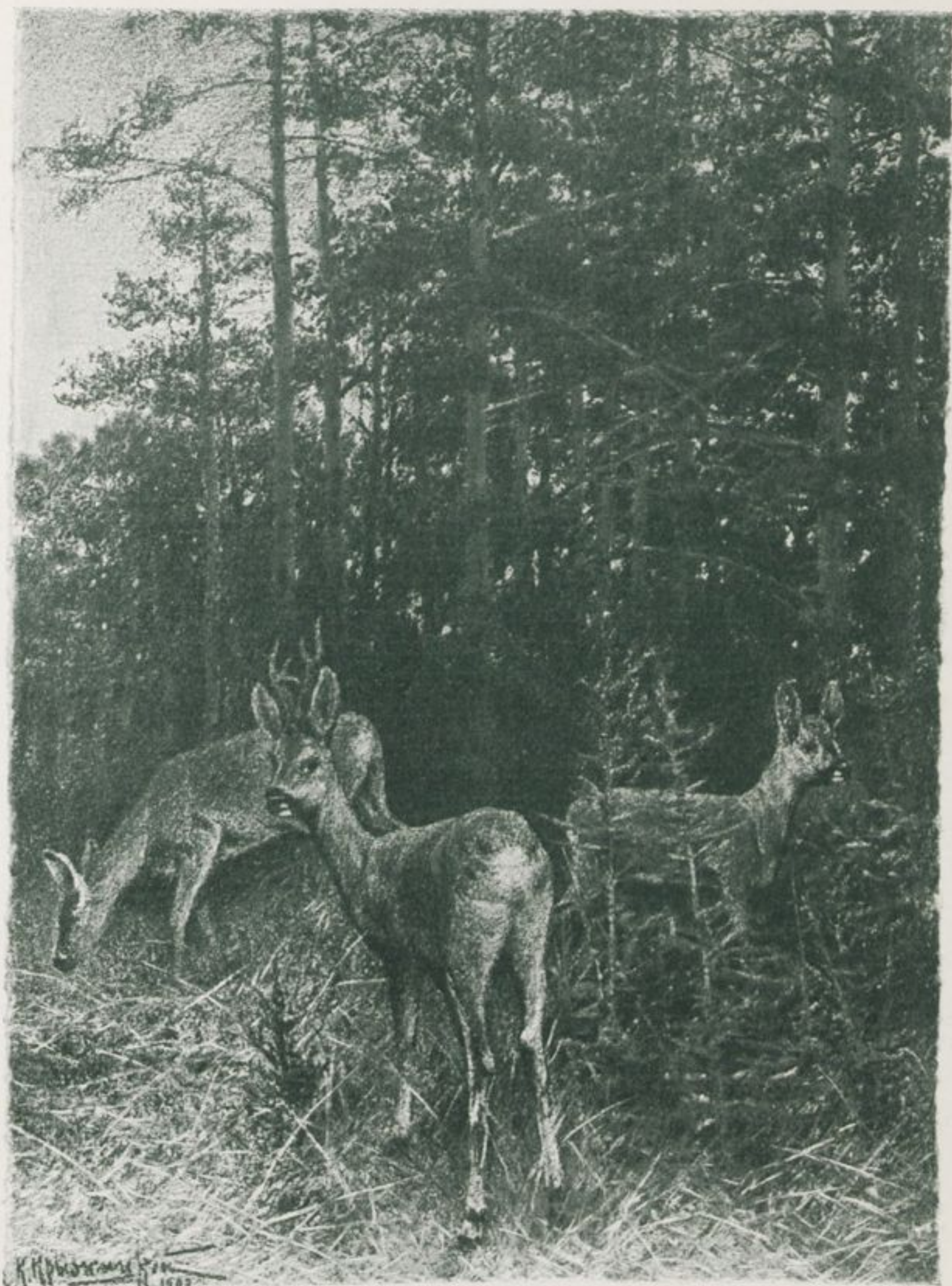
Въ августѣ 1894 года въ Пущѣ вылавливали кабановъ для отправки въ охотничье угодье германскаго императора—Руминтенхейде. Ловлю производили особой кабаньей ловушкой, изъ которой звѣрей пересаживали въ ящики и двумя партіями высылали въ Германію. Всѣ пойманные 27 экземпляровъ (два были пойманы для запаса, на случай убыли въ дорогѣ, такъ какъ предполагалось послать только 25 штукъ) прибыли на мѣсто здоровыми.

Учетъ кабановъ по слѣдамъ съ 1896 года производится ежегодно. Ихъ насчитали тогда 1.026 головъ. Въ слѣдующемъ году ихъ было немного больше, но въ 1898 г. оказалось всего 653. Снѣжная зима дала себя знать. По прошествіи двухъ лѣтъ кабаній составъ возросъ опять до 1.500 экземпляровъ, а въ 1901 году, ихъ насчитали около 2.000. Съ 1900 года разрѣшенъ отстрѣлъ кабановъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ завѣдующаго охотою, а въ 1902 г. впервые была продана за границу партія изъ 45 штукъ живыхъ кабановъ. Выловъ производился одною ловушкою въ сѣверной окраинѣ Пущи, въ раіонѣ которой Высочайшія охоты не предвидятся. Кабановъ приманивали кормомъ около пяти дней и затѣмъ, въ теченіе двухъ дней, выловили требовавшееся количество. Принимая во вниманіе, что при выловѣ производилась сортировка звѣря, такъ какъ необходимо было удовлетворить извѣстнымъ требованіямъ относительно половъ и возраста, то, въ сущности, изловлено было гораздо болѣе нужнаго количества; излишекъ тотчасъ выпускался на волю.

Отстрѣломъ и выловомъ живьемъ администрація можетъ удерживать кабаній составъ въ Пущѣ въ извѣстной нормѣ, отъ 1.500 до 2.000 штукъ, вполнѣ достаточной для хорошихъ охотъ и не настолько значительной, чтобъ явно вредить остальному звѣрю, лѣсу и крестьянскимъ посѣвамъ.

Дикая коза.

Дикая коза, извѣстная подъ этимъ названіемъ у русскихъ охотниковъ, въ зоологіи — косуля европейская, а по мѣстному нарѣчію — „сарна“, водилась съ незапамятныхъ временъ какъ во всей

КОЗЫ НА ПАСТЬБѢ.—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго

Литвѣ, такъ и въ Бѣловѣжской Пущѣ, и, вѣроятно, даже въ періоды варварскаго уничтоженія всякаго звѣря въ Пущѣ браконьерами и платившими откупъ лѣсниками, подвергалась все-таки меньшему уничтоженію, нежели крупная, а потому прибыльная для сбыта, дичь. Это красивое, граціозное и столь цѣнимое германскими охотниками животное, водящееся во всякомъ лѣсу, красномъ и чернолѣсьѣ, мелкомъ и крупномъ, находило въ Бѣловѣжской Пущѣ все ему необходимое. По природѣ своей очень робкая, коза ищетъ малодоступныхъ мѣстъ, и въ этомъ отношеніи Пуща также давала ей всегда удобный пріютъ. Въ европейскихъ паркахъ коза, встрѣчаясь постоянно съ человѣкомъ, ухаживающимъ за нею, легко приручается, но бѣловѣжская коза совершенно дикая. Несмотря на большое количество ея въ Пущѣ, она настолько осторожна, чутьиста и робка, что лѣтомъ увидать ее очень трудно. Зимою, когда козы привыкаютъ къ развозкѣ корма, держась преимущественно у дорогъ, гдѣ разбрасывали вѣники, ихъ можно было видѣть массами, хотя и тогда онѣ не подпускали близко, какъ зубры, олени и даніэли. Бѣловѣжская коза крупна, хорошаго сложенія, и между козлами встрѣчаются экземпляры съ отличными рогами. Сильныя козы приносятъ, обыкновенно, пару ягнятъ, и въ Пущѣ вообще очень рѣдко попадаются матки съ однимъ козленкомъ.

Въ 1891 году для освѣженія крови въ звѣринецъ Пущи доставили партію въ 8 уральскихъ косуль, отличающихся отъ европейскихъ размѣрами и крупнымъ рогомъ, густо усѣяннымъ перлами. Уральскія козы отлично акклиматизировались и въ первый же годъ дали 8 козлятъ, послѣ чего вскорѣ были выпущены на волю. Освѣженіе крови уральскимъ козломъ дало отличные результаты, замѣтные и теперь: попадаются козлы, хотя и потерявшіе типъ уральскихъ, но явно отличающіеся отъ болѣе мелкихъ мѣстныхъ; но съ тѣхъ поръ опытовъ не возобновляли. Съ упорядоченіемъ охотничьяго хозяйства коза стала быстро плодиться, и въ 1899 году ея насчитывали до 2.960 головъ.

Размноженіе козьяго стада шло такъ быстро, что по подсчету 1901 года, производившемуся по слѣдамъ, козы оказалось около 12.000 штукъ. Безъ сомнѣнія, для такого животнаго, какъ коза, этотъ способъ подсчета даетъ очень неточные результаты. Слѣды настолько петлятся въ отдѣльныхъ мѣстахъ, что даже опытному охотнику не трудно насчитать два или три слѣда тамъ, гдѣ имѣется всего одинъ; поэтому, изъ осторожности, въ офиціальныхъ данныхъ за 1901 годъ показано только 5.100 козъ,—менѣе половины насчитаннаго по слѣдамъ.

Самое наглядное представленіе о томъ, сколько козы въ Пущѣ, всего легче получить зимою, проѣзжая по просѣкамъ послѣ 3-хъ ч. дня или утромъ, вскорѣ послѣ разсвѣта. Въ это время коза усиленно жмется

къ дорогамъ, по которымъ разбрасывали вѣники. Сопоставляя количество козъ, взятыхъ при Высочайшихъ охотахъ, съ общимъ числомъ, показаннымъ въ соотвѣтствующій годъ въ отчетѣ, нужно думать, что цифра отчета нѣсколько преуменьшена. Въ 1894 г., при 835 козахъ, убили—15; въ 1897 г., при 1.690 — 70, а въ 1900 г., при 4.500 — на штрекѣ оказалось 326. Такимъ образомъ, въ 1894 г. число убитыхъ, по отношенію къ общему составу, не достигало 2 проц., а въ 1900 г. превысило 7 проц. Замѣтимъ, что охоты производились каждый разъ почти одинаковымъ числомъ охотниковъ, стрѣлявшихъ, вѣроятно, одинаково успѣшно.

Лѣтомъ, не находя достаточно корма въ Пущѣ, козы массами уходятъ въ сосѣднія поля, и крестьяне немилосердно выбиваютъ ихъ; къ осени въ Пущу возвращается едва только половина. Зимою коза также существуетъ впроголодь. Всего печальнѣе то, что при перекочевкахъ погибаетъ лучшій элементъ, самый крупный, сильный, съ хорошимъ рогомъ.

Избытокъ звѣря позволилъ уже въ 1899 году возбудить вопросъ объ отстрѣлѣ старыхъ козловъ. Къ этому побуждало еще много и другихъ соображеній. Въ стадахъ замѣчалось преобладаніе числа козловъ надъ козами, что, какъ извѣстно, является предвѣстникомъ и даже симптомомъ наступающаго вырожденія породы; старые козлы, при недостаткѣ самокъ, часто ранили и убивали молодыхъ въ борьбѣ и, кромѣ того, во время течки выводили козъ партіями въ сосѣдніе лѣса, гдѣ ихъ безпощадно истребляли сосѣди-охотники и браконьеры. Пуща являлась, такимъ образомъ, разсадникомъ дичи для постороннихъ. Отстрѣлъ, въ количествѣ 60 козловъ ежегодно, предполагалось производить подъ непосредственнымъ наблюденіемъ завѣдующаго охотою и къ отстрѣлу предполагали допускать частныхъ охотниковъ съ особаго разрѣшенія. Впрочемъ, разрѣшеніе отстрѣла замедлилось, но вмѣсто того было приказано выловить 150 козъ для Спалы, гдѣ изъ-за недостатка корма козы плохо уживались съ оленями. Процессъ вылова, который рѣшили производить тенётами, являлся событіемъ въ жизни Пущи, такъ какъ со времени перехода ея въ русское владѣніе тенёта ни разу не употреблялись въ дѣло.

Въ сараяхъ бѣловѣжской усадьбы отъ временъ польскихъ королей сохранялись различныя охотничьи орудія и снасти, между которыми были, конечно, и тенёта всевозможныхъ видовъ; отъ нихъ не осталось и слѣдовъ. За невозможностью получить въ короткое время заказанныя сѣти на 2 версты, удѣльное вѣдомство воспользовалось любезнымъ предложеніемъ першинской охоты Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича, ссудившей свои волчьи тенёта.

Ловля была назначена на зимній мѣсяцъ, потому что звѣрь легче переноситъ перевозку въ холодное время, и затѣмъ, при ловлѣ тенётами, необходимъ мягкій покровъ, дабы дичь при паденіяхъ не очень ушибалась. На бѣду зима 1901—1902 г. была почти безснѣжная; тонкій бѣлый покровъ не вылеживалъ двухъ сутокъ и таялъ; поэтому, опасаясь упустить время, воспользовались небольшимъ снѣжкомъ, выпавшимъ въ концѣ января. Раіономъ ловли избрали сѣверную окраину Пущи, 2, 3, 18, 19 кварталы, въ которыхъ было сравнительно мало козы и которые, вообще, мало пригодны для Высочайшихъ охотъ. Наканунѣ дня лова въ усадьбѣ завѣдующаго охотою кипѣла работа: егеря и нанятые въ помощь крестьяне нагружали подводы флачками, тенётами, жердями, носилками, запасными веревками и ящиками

для козъ; транспортъ потянулся къ селенію Бровскъ, назначенному сборнымъ пунктомъ.

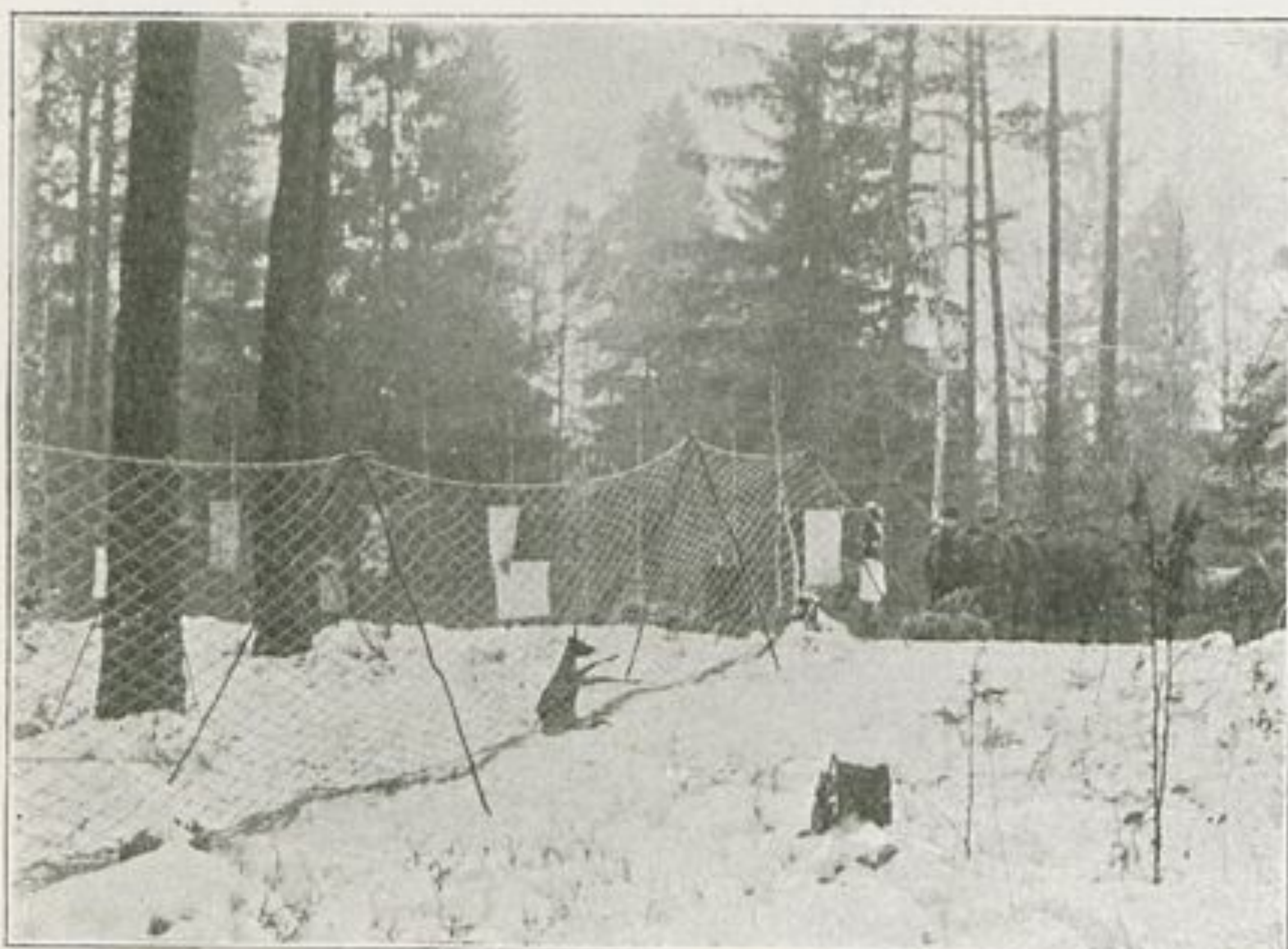
Въ день ловли съ 7-ми часовъ утра всѣ были на мѣстѣ, и Неврли, какъ настоящій военноначальникъ на полѣ сраженія, верхомъ поспѣвалъ всюду, отдавая приказанія. Двухверстный въ длину и одноверстный въ ширину кварталъ нужно было охватить флачками по двумъ длиннымъ и одной верстовой сторонамъ. Навѣшиваніе веревокъ съ флачками, какъ привычное для всѣхъ служащихъ дѣло, производилось

очень быстро, безъ шума и излишней суетливости. Верхній шнуръ обматывался вокругъ деревьевъ на высотѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Пока одни натягивали шнуры съ флачками, тѣмъ временемъ другіе разгружали подводы съ тенётами и козьими ящиками, которые разставляли вдоль линіи тенётъ. Самая важная часть работы—развѣска тенётъ—производилась по указанію самого завѣдующаго охотою. По линіи тенётъ разставили партію крестьянъ, въ 5 саженяхъ человѣкъ отъ человѣка; егеря вытягивали сѣти съ подводъ, передавая каждое крыло на плечи разставленнымъ людямъ. Кромѣ того, по этой линіи были предварительно уложены попарно жерди полуторасаженной длины, оканчивавшіяся вверху вилкой. Когда всѣ части верстовой сѣти были принесены на мѣста, приступили къ подвѣскѣ ихъ на парныя жерди. Верхняя веревка поддѣвалась вилками, а жерди подъ угломъ втыкались въ землю по обѣимъ сторонамъ тенётъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ сѣть спускалась съ саженной высоты и на землѣ, у нижней веревки, оставался запасъ, т. е., чтобъ вообще сѣть висѣла свободно и не была нигдѣ туго натянута. Затѣмъ, на двѣ парныя вилки, укладывали четырехвершковыя круглыя палочки, на которыхъ и держалась сѣть.

35

При малѣйшемъ толчкѣ въ тенёта поперечная палочка легко освобождалась изъ вилокъ, и сѣть падала, накрывая звѣря. Безъ подкладки палочекъ случается, что веревка не сразу соскакиваетъ съ жердей, и звѣрь легко выпутывается. Когда развѣшиваніе тенётъ было окончено, Неврли собралъ всѣхъ участниковъ лова къ одному мѣсту, чтобъ показать, какъ слѣдуетъ выбирать запутавшуюся въ тенётахъ козу, какъ связывать, класть на носилки и впускать въ ящики. При выборкѣ козы изъ тенётъ, требуется большая сноровка и осторожность, иначе звѣря часто калѣчатъ. Коза очень нѣжна, труслива, страшно бьется въ рукахъ, въ особенности же у нея хрупки ноги. Малѣйшая неосторожность или отступленіе отъ правилъ, выработанныхъ старинной практикой, и коза можетъ поломать ноги. Для наглядности обученіе производилось надъ убитою для того козою. Первый подбѣжавшій къ звѣрю отнюдь не долженъ хватать его руками, пока не подбѣгутъ другіе; онъ долженъ стараться, схвативъ верхнюю веревку сѣти, плотнѣе прикрыть ею звѣря, дабы онъ не могъ вскочить на ноги; коза, съ полнаго хода попавшая въ сѣть, обыкновенно падаетъ и начинаетъ барахтаться на землѣ, стараясь встать, дѣлаетъ прыжки, опять падаетъ, пока окончательно не запутается. Изъ-за опасности для козы отъ этихъ паденій обыкновенно и выжидаютъ глубокаго снѣга. Двое, а тѣмъ болѣе трое могутъ уже приступить къ распутыванію козы. Сначала необходимо крѣпко схватить животное за ноги, но непремѣнно выше колѣнъ и скакательныхъ суставовъ, тогда ноги сразу парализуются, и коза перестаетъ биться; удерживая ее такимъ образомъ, можно приступить къ выпутыванію изъ сѣти; если вынимающихъ двое, то надо выпутать сначала передъ, а затѣмъ задъ, ибо распутанными задними ногами коза бьетъ съ такою силою, что ея острыя копытца изрядно ранятъ. Послѣ лова оказалось не мало лицъ и рукъ, исполосованныхъ глубокими царапинами. Когда животное высвобождено изъ сѣти, ему связываютъ

Уголъ квартала, охваченнаго тенетами и шнуромъ съ флачками. Фотографія съ натуры Г. Карцова.

КОЗЫ ПЕРЕДЪ ТЕНЁТАМИ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

ноги однимъ узломъ такъ, чтобы узелъ пришелся выше колѣнъ переднихъ ногъ и скакательныхъ суставовъ; для этого переднія ноги подгибаютъ къ заднимъ, а заднія къ переднимъ, перекрещивая ихъ между собою, причемъ одна задняя должна лежать между двумя передними; ноги перевязываютъ холщевыми бинтами, настолько широкими, чтобъ при достаточно сильномъ стягиваніи не порѣзать тонкой шкуры козы. Когда ноги связаны, остается положить звѣря на спеціально заготовленныя парусинныя носилочки и отнести къ ящику.

Пріемъ козы изъ тенетъ. Фотографія съ натуры А. Далматова.

При выпутываніи козы изъ сѣти, при связываніи и переноскѣ рекомендуется прикрывать ладонью глаза животнаго; тогда оно сразу перестаетъ биться, и всѣ манипуляціи производятся быстрѣе. Поднеся козу къ ящику, носилки кладутъ на землю у полуоткрытой боковой задвижной дверцы ящика такъ, чтобъ голова козы приходилась у отверстія. Узелъ, связывающій ноги, развязываютъ одновременно съ осторожнымъ вталкиваніемъ животнаго въ ящикъ. Не покалѣченная и не помятая коза тотчасъ вскакиваетъ на ноги, и крышка ящика задвигается.

Передъ началомъ загона охотниковъ и крестьянъ разставили вдоль сѣти, шагахъ въ 20-ти или 30-ти впереди ея, спиною къ линіи за-

гона, лицомъ къ сѣти; всѣ они должны были укрываться за толстыми стволами или въ частомъ ельникѣ, стоять не шевелясь, безъ шума, до того момента, пока коза появится у самыхъ тенётъ. Обязанность разставленныхъ заключалась въ томъ, чтобъ, не зѣвая, бросаться со всѣхъ

Переносъ козы на носилкахъ къ ящику. Оригинальный рисунокъ В. И. Навозова по моментальной фотографіи А. Далматова.

ногъ къ запутавшемуся звѣрю и стараться возможно скорѣе принять его, снести къ ящику, а затѣмъ, вернувшись, навѣсить снова сѣть. Если звѣрь издали идетъ на тенёта полнымъ ходомъ, то не нужно особой сноровки, чтобы уловить моментъ, когда выбѣжать изъ

засады; тогда, пропустивъ козу за линію спрятанныхъ людей, слѣдуетъ бѣжать вслѣдъ за ней. Если же коза идетъ осторожно и въ особенности, если она, замѣтивъ тенёта, пріостанавливается, то необходимо неожиданнымъ появленіемъ и даже крикомъ испугать ее; тогда она, спасаясь отъ человѣка, опрометью бросается въ сѣть. Такія впугиванія козъ въ тенёта очень удачно примѣнялись въ послѣдніе дни охоты, когда люди присмотрѣлись къ способу лова.

Одновременно съ разстановкою людей вдоль линіи тенётъ, оберъ-егеря заводили облаву двумя партіями съ обѣихъ сторонъ, какъ это обыкновенно дѣлается при охотахъ. Загонщиковъ устанавливали со стороны противоположной протянутымъ тенётамъ, и когда установка была закончена, оберъ-егерь подавалъ въ рожокъ условленный сигналъ. Принявъ сигналъ, завѣдующій охотою давалъ другой, означавшій начало облавы, по которому всѣ загонщики, управляемые егерями, съ постукиваніемъ о деревья и разговорами, но безъ крику, подвигались впередъ. Наступалъ самый живой моментъ охоты.

Протянутыя тенета. Фотографія съ натуры.

Для ловли выбирали тѣ кварталы, въ которыхъ зубры не могли попасть въ окладъ. Относительно всѣхъ прочихъ звѣрей охотничій персоналъ былъ предупрежденъ, что лосей, мелкихъ кабановъ, оленей и даніэлей слѣдовало возможно скорѣе освобождать изъ тенётъ и выпускать въ кварталъ, не охваченный флачками. Ранѣе всѣхъ другихъ у тенётъ появлялись лисицы, но за всѣ четыре дня ловли ни одна изъ нихъ не запуталась; всѣ онѣ издали замѣчали сѣть и осторожно, крадучись и не слишкомъ приближаясь, старались идти параллельно тенётамъ. Когда же загонщики, напирая, были уже невдалекѣ, то лиса рѣшалась приблизиться къ сѣти, совала голову подъ нижнюю веревку и моментально появлялась на противоположной сторонѣ. Въ этотъ моментъ нельзя было не досадовать, что въ рукахъ нѣтъ ружья. Русачки, прижатые къ тенётамъ, благополучно перебирались на другую сторону,

пролѣзая черезъ сѣть. Для кабана, даже средней величины, волчьи тенёта оказались совершенно непригодными. Не говоря о крупныхъ экземплярахъ, которые прорывали сѣть полнымъ ходомъ, ни на секунду не задерживаясь, но и маленькіе ловко пролетали на противоположную сторону, протащивъ за собою сѣть на двѣ, на три сажени, послѣ чего сѣть разрывалась. Ни одинъ изъ нихъ даже не кувыркнулся. За всѣ четыре дня лова, къ удовольствію всѣхъ служащихъ, въ окладѣ

Несутъ козу.
Моментальный снимокъ
съ натуры
А. Далматова.

не оказалось крупнаго оленя, ни одинъ изъ такихъ шатуновъ не побывалъ въ тенётахъ. Лоси же не разъ производили общій переполохъ. Относительно ихъ было дано распоряженіе отгонять отъ тенётъ и пропускать обратно, если бы они стали прорываться сквозь линію загонщиковъ. Но лось, очень осторожный вообще и издали чутьемъ, слухомъ и зрѣніемъ изслѣдующій все вокругъ, тронувшись въ ходъ, способенъ переть, несмотря ни на какія преграды. Появлявшіеся передъ тенётами лоси очень скоро замѣчали ихъ и метались въ стороны, стараясь уйти въ бокъ; но, наталкиваясь тамъ на флачки, они возвращались крупною рысью къ тенётамъ, останавливались шагахъ въ 50-ти,

Пріемъ лося изъ тенётъ. По фотографіи съ натуры, рисунокъ Н. С. Самокиша.

какъ бы рѣшая, куда идти, гдѣ безопаснѣе? Рѣшивъ идти въ направленіи къ тенётамъ, лось бросался впередъ, и тутъ ужъ никакіе крики и забѣганія не помогали, звѣрь со всего маху бросался въ сѣть. Лоси большею частью удерживались на ногахъ и тащили тенёта за собою саженей на 5 впередъ; тогда образовывался какъ бы конусъ, который, послѣ нѣсколькихъ усилій громадины-звѣря, разрывался въ вершинѣ, и лось, вытянувъ бѣлое нюхало, уродливо шпатя, продолжалъ свой путь. Случалось, что лось падалъ на нѣсколько секундъ, но тотчасъ же справлялся и, послѣ незначительныхъ усилій, разрывалъ сѣти. Впрочемъ, были падавшіе и не встававшіе; съ такими приходилось порядочно повозиться. Колоссальная сила ногъ звѣря заставляла охотничій персоналъ относиться къ нему съ большою осторожностью при распутываніи. Семь человѣкъ, изъ которыхъ не менѣе четырехъ почти сидѣли на тушѣ, едва справлялись со звѣремъ. Тутъ также проявилась опытность Неврли, показавшаго, какъ умѣлый егерь можетъ одинъ легко удержать заднюю ногу лося, тогда какъ трое дюжихъ, но неопытныхъ, не въ силахъ этого сдѣлать. Достаточно пригнуть копыто къ ложнымъ копытамъ, чтобы ногу лося совершенно обезсилить, и звѣрь перестаетъ бить. Сжавъ ухо у корня, легко удержать голову въ совершенно спокойномъ состояніи, тогда какъ за секунду передъ тѣмъ лось отчаянно мо-

талъ головою и билъ ею о землю. Запутавшійся лось останавливалъ облаву болѣе чѣмъ на 1/2 часа. Бывали загоны, гдѣ въ кругу оказывалось 4—6 лосей, а въ одномъ ихъ оказалось—12. Послѣ прохода лося приходилось устанавливать до 10 паръ жердей и подвѣшивать тенёта, заплетая наскоро порванныя части, что еще болѣе затягивало общій ходъ ловли.

Старые козлы появлялись передъ тенётами рано, вскорѣ послѣ сигнала „впередъ"; за ними шли партіи самокъ и молодежи. Козелъ, оглядѣвъ сѣть, бросался обыкновенно назадъ, на загонщиковъ, прорывался сквозь цѣпь и болѣе не появлялся. Самки разбѣгались по кварталу и, прижатыя загонщиками, по одиночкѣ бросались въ тенёта. Когда козы шли партіями въ 3—5 шт., то вожакъ, попадая въ сѣть, ронялъ ее на себя и тѣмъ открывалъ проходъ остальнымъ; въ этихъ случаяхъ козы дѣлали такія лансады надъ опаснымъ мѣстомъ, такъ граціозно и картинно прыгали на громадную высоту, что, казалось, будь здѣсь не сбитая сѣть, а цѣлая пропасть, онѣ свободно пронеслись бы надъ нею. Рѣзкій, пронзительный крикъ попавшейся въ тенёта козы давалъ знать о томъ по всей линіи. Ближайшій охотникъ тотчасъ подавалъ сигналъ; остальные, принимая сигналъ, передавали его далѣе, и загонъ пріостанавливался; когда коза оказывалась въ ящикѣ, опять давали сигналъ „впередъ", и облава продолжала движеніе. Если въ кварталѣ оказывалось много опытныхъ козловъ и старыхъ козъ, туго шедшихъ въ тенёта, то прибѣгали къ контръ-облавамъ, послѣ которыхъ весь наличный составъ хитрецовъ оказывался въ ящикахъ. Въ ящикѣ козы и въ особенности козлы бились, продолжая изрѣдка покрикивать, но черезъ 1/4 часа успокаивались. Первыя сутки по заключеніи въ ящикъ, козы не ѣли и лизали только снѣжные шары, наминаемые руками, но на вторыя сутки — охотно брали буракъ и морковь. Только-что посаженная въ ящикъ, коза дышитъ страшно тяжело; бѣдное животное до того волнуется, что не можетъ отдышаться, ему становится жарко, поэтому оно съ удовольствіемъ лижетъ снѣгъ.

По окончаніи облавы каждый ящикъ осторожно переносился четырьмя людьми на подводы и отправлялся въ Бѣловѣжъ, на станцію желѣзной дороги. Набравъ партію въ 17 ящиковъ, умѣщавшихся въ одномъ вагонѣ, ее при провожатомъ, присланномъ изъ Спалы, отправляли къ мѣсту назначенія.

Въ первый день лова, по неопытности охотничьяго персонала и по желанію завѣдующаго охотою не спѣша ознакомить подчиненныхъ со всѣми пріемами, а главное, вслѣдствіе умышленнаго выбора такого квартала, въ которомъ мало звѣря, было поймано только 5 козъ.

Первый день явился генеральною репетиціею передъ настоящимъ спектаклемъ. Когда же стало ясно, что дѣло налажено, охотничій персоналъ раздѣлили на двѣ партіи и стали производить выловъ одновременно въ двухъ участкахъ, гдѣ уже водилось больше козъ. Во второй день каждая партія выловила по 20 штукъ, а въ послѣдній, четвертый день охоты, въ ящикахъ оказалось 70 козъ. Въ одномъ загонѣ

Перенесеніе ящика съ козой. Моментальный снимокъ съ натуры. А. Далматовъ.

брали до 20-ти. Всего выловили 159 козъ, и изъ нихъ покалѣченными оказались только три. Такого удачнаго результата никто не ожидалъ, въ особенности при новизнѣ дѣла и при отсутствіи мягкаго снѣга.

Черезъ нѣсколько дней 150 бѣловѣжскихъ козъ гуляли въ урочищѣ „Зелена", спальской охоты. Слишкомъ сильный составъ краснаго оленя въ Спалѣ, при недостаткѣ естественнаго корма, заставилъ бы козъ уходить оттуда, а петроковскіе, радомскіе и кѣлецкіе браконьеры быстро подобрали бы ихъ; но управленіе спальской охоты, въ

36

предвидѣніи этого, сооружаетъ теперь специальныя кормушки для козъ, куда олени и кабаны проникнуть не могутъ.

Удерживая лучшихъ козловъ отъ ухода изъ Пущи, усиленно отстрѣливая лишній балластъ, припуская отъ времени до времени уральскихъ косуль, можно надѣяться въ короткое время привести бѣловѣжское стадо въ такое состояніе, что имъ залюбуется самый требовательный знатокъ.

Для полноты описанія породъ дичи, водящейся въ Бѣловѣжской Пущѣ, необходимо упомянуть и о **зайцѣ**. Несмотря на преобладаніе въ угодьѣ крупнаго лѣса, въ которомъ обыкновенно держится бѣлякъ,— его сравнительно мало; гораздо чаще встрѣчается русакъ, въ особенности въ окраинныхъ участкахъ, смежныхъ съ крестьянскими полями. Нельзя сказать, чтобъ зайцы въ Пущѣ хорошо размножались; имъ, вѣроятно, наносятъ большой вредъ лисицы, которыя, не имѣя возможности успѣшно охотиться за крупною дичью и за недостаткомъ пера, круглый годъ пробавляются зайчатами. Охотничья администрація, занятая охраной и уходомъ за болѣе крупными звѣрями, не обращаетъ вниманія на зайцевъ и предоставляетъ ихъ самимъ себѣ. Конечно, зайцамъ перепадаютъ остаточки зимняго продовольствія прочихъ звѣрей, и они не страдаютъ отъ птицъ и крупныхъ хищниковъ, такъ какъ съ послѣдними ведется систематическая борьба; браконьеръ также не удостаиваетъ зайца выстрѣломъ, тѣмъ не менѣе, въ Пущѣ труднѣе встрѣтить зайца, чѣмъ кабана или козу.

Изъ хищниковъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить **лису**, такъ какъ она пользуется здѣсь особымъ положеніемъ. Вредъ, наносимый лисой всѣмъ породамъ крупной дичи, не столь уже великъ, чтобы вызывалъ стремленіе совершенно отъ нея избавиться; между тѣмъ, появленіе въ облавѣ и на штрекахъ лисицы разнообразитъ охоту. По этимъ причинамъ охотничья администрація не настаиваетъ на полномъ истребленіи лисицъ, какъ это водится во всѣхъ маленькихъ европейскихъ угодьяхъ.

На лисицу не устраиваютъ специальныхъ охотъ, не ставятъ капкановъ, не травятъ пилюлями, но ограничиваются уничтоженіемъ гнѣздъ съ помощью таксъ и отстрѣломъ. Лисицы въ Пущѣ достаточно. Судя по таблицѣ уничтоженія хищниковъ, она въ особенности сильно плодилась до 1900 года, когда пришлось выдать преміи за 527 штукъ.

Если администрація пожелаетъ усилить составъ глухариныхъ токовъ, ей неизбѣжно придется вести болѣе серьезную борьбу противъ лисицы.

Волкъ перестаетъ быть постояннымъ обитателемъ Пущи. Изъ минскихъ и волынскихъ лѣсовъ забредаютъ иногда въ Пущу волки и, почуявъ раздолье, выказываютъ намѣреніе тутъ поселиться; но это имъ совершенно не удается. Чуть прослѣдятъ непрошеннаго гостя,—противъ него открывается кампанія: по телефону во всѣ стороны отдаются распоряженія о безостановочномъ выслѣживаніи и объ окладѣ флачками, и не проходитъ двухъ, трехъ дней, въ рѣдкихъ случаяхъ — недѣли, какъ волчья шкура складывается на храненіе въ спеціально устроенный для сбереженія шкуръ сарай. Память о себѣ такой гость оставляетъ каждый разъ въ видѣ недоѣденныхъ тушъ крупной дичи; но съ каждымъ годомъ визиты волковъ дѣлаются все рѣже и рѣже.

Рысь, водившаяся сравнительно не такъ давно въ порядочномъ количествѣ, въ настоящее время на краю полнаго ея уничтоженія. Рысь наносила большой вредъ Пущѣ. Въ 70-хъ годахъ рыси забрались даже въ звѣринецъ и произвели тамъ большое опустошеніе. Случалось, что рысь нападала даже на человѣка. Такъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, мировой посредникъ Арнольдъ, ѣхавшій по Пущѣ въ ясный, зимній день, вдругъ почувствовалъ, что на него сверху упало какое-то животное. Мѣховая шапка, поверхъ которой надѣтъ былъ башлыкъ, и толстый, поднятый воротникъ мѣховой шубы достаточно предохраняли его голову и шею. Поднявъ руки, Арнольдъ удачно схватилъ рысь за переднія лапы и сильнымъ взмахомъ перекинулъ черезъ голову въ сани, гдѣ съ помощью кучера неожиданный врагъ и былъ тотчасъ же задушенъ.

При настоящемъ охотничьемъ и лѣсоохранительномъ персоналѣ (205 человѣкъ) за послѣднія семь лѣтъ убивали отъ трехъ до одной рыси въ годъ, а въ теченіе 1896-го и 1898-го годовъ,—не посчастливилось взять ни одной.

Барсукъ, на мѣстномъ нарѣчіи „язвецъ", всегда водился въ Пущѣ въ достаточномъ количествѣ. Одно время среди служащихъ въ Пущѣ вошло въ моду украшать барсучьей шкурою ягташи, и тогда звѣря стали усиленно истреблять; но впослѣдствіи, когда на чиновъ охотничьей администраціи были возложены серьезныя обязанности по охранѣ дичи и уходу за нею, эта промысловая охота сама собою сократилась, и барсуки опять размножились. Необыкновенная осторожность звѣря дѣлаетъ охоту на него весьма трудною. Въ старину пущинскіе стрѣлки устраивали себѣ удобныя сидѣнія на деревьяхъ, невдалекѣ отъ барсучьихъ норъ, и передъ закатомъ солнца, пока барсукъ покоится еще въ своей норѣ, взбирались на дерево и терпѣливо ожидали его

36*

выхода на обычную ночную прогулку, или же возвращенія передъ разсвѣтомъ. Мѣткая пуля доставляла полѣсовщику желанную шкуру для охотничьей сумки. Чаще всего барсучьи норы встрѣчаются на возвышенныхъ, песчаныхъ мѣстахъ Пущи, преимущественно по солнечной сторонѣ. Не особенно прожорливый, барсукъ наноситъ вредъ, главнымъ образомъ, пернатымъ, и потому охотничья администрація не находитъ необходимымъ предпринимать особенно крутыя мѣры къ уничтоженію этого хищника. Будучи животнымъ преимущественно ночнымъ, выходящимъ на жировки въ сумерки и почти весь день проводящимъ въ норѣ, при облавахъ барсукъ очень рѣдко попадается подъ выстрѣлъ; охотничьи сторожа стрѣляютъ его только при случайныхъ встрѣчахъ, все же за послѣдніе годы отстрѣливали такимъ образомъ отъ 30-ти до 50-ти штукъ въ годъ. Недавно, для охоты на лисицъ и на барсуковъ, завели нѣсколько длинношерстыхъ, злобныхъ таксъ и тѣмъ положили начало столь любимому германскими охотниками выкапыванію звѣрей изъ норъ и вытаскиванію ихъ оттуда собаками.

Выдра очень рѣдко встрѣчается по рѣкамъ Пущи, и за послѣдніе годы насчитываютъ два, три случая отстрѣла этого хищника, совершенно безвреднаго для бѣловѣжскаго охотничьяго хозяйства.

Изъ семейства куньихъ въ Пущѣ водятся: обыкновенная куница, хорекъ, бурая норка и ласка. Куницъ и хорьковъ въ Пущѣ еще много, хотя пощады имъ не даютъ; за послѣдніе три года выбирали и отстрѣливали почти по 300 штукъ каждой породы въ годъ. Норокъ сравнительно меньше, а ласокъ совсѣмъ мало. Хорьки и ласки избираютъ себѣ убѣжища по близости лѣсныхъ селеній, чтобъ охотиться по ночамъ за домашнею птицей; норки гнѣздятся по берегамъ рѣкъ, куница же распространена по Пущѣ довольно равномѣрно. Несмотря на свою незначительную величину, куница нападаетъ иногда на сравнительно крупныхъ животныхъ. Кромѣ птичьихъ гнѣздъ, для которыхъ куница, пожирающая яйца и молодыхъ птенцовъ, является истиннымъ бичомъ, она охотится на бѣлокъ, зайчатъ и даже на молодыхъ козлятъ. Мѣхъ пущинскихъ куницъ не отличается достоинствами и далеко уступаетъ сѣверному.

Перечисленныхъ мелкихъ хищниковъ охотничьи сторожа и лѣсники вылавливаютъ преимущественно капканами и ловушками всевозможныхъ видовъ. Будучи сыновьями своихъ отцовъ и унаслѣдовавъ отъ предковъ промысловую охотничью науку, къ тому же побуждаемые начальствомъ, чины охотничьей службы мастерски очищаютъ Пущу отъ куницъ, хорьковъ и пр.

Годами въ Пущѣ бываетъ очень много бѣлокъ. Ими, конечно,

никто не интересуется, потому что ни пользы, ни вреда для охоты отъ нихъ никакого.

Пернатая дичь преобладаетъ теперь въ Пущѣ надъ пернатымъ хищникомъ. Забота о первой выражается воспрещенiемъ всякой охоты, тщательной охраной глухариныхъ токовъ и уничтоженiемъ хищниковъ; благодаря этимъ мѣрамъ, естественное размноженiе дичи идетъ довольно успѣшно. На моховыхъ, мало доступныхъ болотахъ хорошо плодится глухарь. Всѣхъ токовъ насчитываютъ до 50 (см. карту № 4), и на нѣкоторые слетается до 30-ти глухарей, такъ что, при удачѣ, легко взять четырехъ въ зорю. Количество токовъ съ каждымъ годомъ увеличивается, а слетъ весною на старыя токовища указываетъ на то, что птицъ не тревожатъ. Бѣловѣжскiй глухарь токуетъ въ сосновомъ бору, по мелкому сосняку, по болоту въ чернолѣсьѣ, и вообще онъ не имѣетъ излюбленныхъ мѣстъ. Разгаръ токовъ обыкновенно въ концѣ марта; но зачастую уже въ серединѣ февраля старики начинаютъ щелкать. Бѣловѣжскiй глухарь немного мельче сѣвернаго; самый крупный достигаетъ 12-ти фунтовъ. Оперенiе его чернѣе: зеленовато-пепельный цвѣтъ шеи и зоба сѣвернаго глухаря у бѣловѣжскаго переходитъ въ зеленовато-черный. До конца 80-хъ годовъ на токахъ и съ легавой по молодымъ разрѣшалось охотиться лѣсничимъ и даже постороннимъ. Теперь же это удовольствiе ограничено особымъ разрѣшенiемъ.

Тетеревей въ Пущѣ, какъ во всякомъ крупномъ лѣсу, не особенно много. По веснамъ слышится ихъ чуфыканье и воркованье, но косачи токуютъ въ разбродъ, и вообще хорошей охоты съ легавой по молодымъ—нѣтъ. Выводки встрѣчаются изрѣдка по окраинамъ Пущи, въ мелколѣсьѣ и около крестьянскихъ полей. Пущинскiй тетеревъ ничѣмъ не отличается отъ сѣвернаго.

Сѣрая куропатка такъ же, какъ тетеревъ, водится въ ограниченномъ количествѣ. Каждый годъ по нѣсколько выводковъ удается встрѣтить на крестьянскихъ поляхъ внутри Пущи и на ея окраинахъ; но настоящей охоты пока нѣтъ. На такихъ большихъ распаханныхъ площадяхъ, какъ поля вокругъ села Бѣловѣжа, деревень: Масево, Тиховоля, Буды и Теремиски, съ успѣхомъ будутъ водиться куропатки и даже фазаны, по мѣрѣ того, какъ въ Пущѣ будетъ сокращаться число лисицъ, хорьковъ, куницъ и прочихъ мелкихъ хищниковъ. Бѣлой куропатки здѣсь совсѣмъ нѣтъ, и не помнятъ, чтобъ она когда-либо водилась.

Вальдшнепъ и рябчикъ дополняютъ собою лѣсную и полевую пернатую дичь Пущи. Первыхъ гнѣздуетъ не много, тяги стали плохи, такъ какъ мелколѣсья почти нѣтъ, и птица тянетъ на громадной высотѣ. При перелетахъ вальдшнепъ въ Пущѣ не задерживается большими

партіями; хорошихъ высыпокъ также не бываетъ. Рябчиковъ въ Пущѣ много; это, можно сказать, единственная порода пернатой дичи, которой въ Пущѣ сколько угодно. На нихъ уже давно почти никто не охотится, и, несмотря на то, что множество пропадаетъ отъ хищниковъ,—птица отлично плодится.

Болотная дичь состоитъ изъ утокъ всякихъ породъ, дупелей, бекасовъ и гаршнеповъ. Годами бываютъ недурныя высыпки дупелей по разливамъ пущинскихъ рѣкъ, но ими никто не пользуется. Въ восточныхъ громадныхъ болотахъ Никоръ, Большія Куты и въ топяхъ Свислочской дачи гнѣздуетъ въ большомъ количествѣ бекасъ, а утки много по всѣмъ рѣкамъ.

Съ передачей Бѣловѣжской Пущи въ удѣльное управленіе для нея наступила новая эра, долженствовавшая кореннымъ образомъ измѣнить старый строй.

Къ этому времени Государь Александръ III осенью сталъ часто посѣщать Спалу и исключительно для охоты. Императоръ пожелалъ, чтобы и въ бѣловѣжскихъ лѣсахъ было устроено правильное, согласно требованіямъ времени, охотничье хозяйство; тогда для новаго управленія возникла не легкая задача: изъ Пущи, прославившейся зубрами, но уже давно не имѣвшей организованной охоты, — быстро создать такое охотничье угодье, которое привлекало бы къ себѣ не одними зубрами, а общимъ своимъ благоустройствомъ.

Въ этотъ переходный періодъ удѣльное вѣдомство знакомилось съ общимъ состояніемъ Пущи, вырабатывало планъ новаго хозяйства, а потому, какъ прежній порядокъ управленія, такъ и весь составъ администраціи—оставались временно безъ измѣненія. Съ 1889 года Пущу выдѣлили въ самостоятельную удѣльную единицу, ввѣривъ ее особому мѣстному управленію. Во главѣ его сталъ управляющій, сносившійся непосредственно съ главнымъ управленіемъ удѣловъ, вся же остальная администрація начала раздѣляться по роду дѣятельности—на лѣсную и охотничью.

Новому управляющему предстояла трудная, почти не разрѣшимая

для того времени, задача—сочетать въ Пущѣ два хозяйства—лѣсное и охотничье. Задача эта усложнялась еще тѣмъ, что охотничье хозяйство нужно было насадить вновь и по возможности быстро; лѣсное же нужно было поддержать, такъ какъ оно находилось въ полномъ упадкѣ, а поддерживая, направлять къ главной цѣли — развитію охотничьяго угодья.

Къ 1893 г. Пуща была раздѣлена на 5 приблизительно равныхъ имѣній - дачъ: Гаймоновское, Бровское, Старинское, Королевское и Свислочское. Центральная часть Пущи съ Бѣловѣжемъ, приблизительно около 100 десятинъ, выдѣлилась въ дворцовую усадьбу.

Имѣніями управляютъ большею частью спеціалисты-лѣсничіе, съ высшимъ образованіемъ, за ними стоятъ лѣсные смотрители—отставные фельдфебеля, вахмистры, унтеръ-офицеры изъ мѣстныхъ жителей, всѣ хорошо грамотные, расторопные, знакомые съ лѣсомъ съ дѣтскаго возраста. Раіонъ лѣсного смотрителя, иначе объѣздъ, имѣетъ около 5.000 дес. Смотритель обязанъ держать собственную верховую лошадь. Далѣе идутъ лѣсные сторожа, вѣдающіе свои обходы, которыхъ отъ 5-ти до 8-ми въ каждомъ объѣздѣ.

Спеціально технически-лѣсное дѣло поручено старшему лѣсничему при управленіи, имѣющему подлѣсничихъ при каждомъ имѣніи. Независимо отъ важнѣйшей обязанности наблюденія за лѣснымъ хозяйствомъ, лѣсная администрація вѣдаетъ: постройки, дороги, мосты, дѣла съ крестьянами и все прочее, кромѣ звѣря и охоты. Рѣшеніе общихъ вопросовъ, касающихся лѣсного и охотничьяго хозяйствъ, зависитъ отъ управляющаго.

Согласно плана, выработаннаго лѣсничими Свѣтловымъ и Генко, прежняя лѣсосѣчная система, практиковавшаяся въ послѣдніе годы управленія министерствомъ, была замѣнена выборочными рубками. Къ этому вынуждали необходимость оздоровить зараженное губкою сосновое насажденіе и желаніе поскорѣе убрать огромное количество перестойныхъ деревьевъ, разбросанныхъ по всей Пущѣ. Лѣсъ предполагалось очистить въ 30 лѣтъ. Командированный въ Пущу въ 1894 году профессоръ Турскій внесъ нѣкоторыя поправки въ принятомъ планѣ и, главнымъ образомъ, сократилъ размѣры вырубки; такъ шло дѣло до 1897 года, пока Государь, охотясь въ Пущѣ, не обратилъ вниманіе на то, что усиленная выборка перестоя и зараженныхъ деревьевъ отнимаетъ у лѣса его первобытный видъ. Тогда обратились къ уборкѣ лишь сухостоя и угнетенныхъ кривыхъ деревьевъ лиственной породы.

Но, къ сожалѣнію, рубку начали съ придорожныхъ полосъ на 50 саженъ въ обѣ стороны, придавая Пущѣ нежелательный парковый видъ;

при этомъ, рубка шла не въ одномъ отдѣленномъ раіонѣ, а тамъ, гдѣ въ ней чувствовалась наибольшая надобность лишь съ тѣмъ расчетомъ, чтобы захваченные кварталы, въ общей сложности, составляли не болѣе $^1|_{15}$ общей площади Пущи. Въ 1900 году ввели нѣкоторую поправку и къ этой системѣ: рубку свѣжаго сухостоя прекратили совершенно и замѣнили выборочною рубкою, пріурочивая ее къ одному раіону въ размѣрѣ $^1|_6$ площади Пущи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изыскивая пути для естественнаго прокорма разроставшагося въ то время звѣрового состава, въ тѣхъ же раіонахъ, въ которыхъ производилась выборка, предприняли систематическую рубку осины, отъ 6 до 8 тысячъ деревъ въ зиму. Независимо отъ рубокъ производилась очистка отъ валежника, бурелома и прежнихъ остатковъ. Очистку начали съ звѣринца, гдѣ, кстати, вырыли водопойный прудъ, потому что рѣка Криница оказалась настолько засоренною, что звѣрь погибалъ отъ этой воды. Въ Пущѣ очистку производили вдоль проѣзжихъ и охотничьихъ дорогъ, не заходя далеко въ глубь, частью потому, что полная очистка стоила бы слишкомъ дорого, частью же, чтобы не мѣнять характера обстановки, къ которой звѣрь издавна привыкъ.

Уборка лѣсного хлама, съ которымъ, до проведенія желѣзной дороги внутрь Пущи, некуда было дѣваться, вызвала устройство нѣсколькихъ новыхъ частныхъ скипидарныхъ заводиковъ въ окраинныхъ участкахъ Пущи. Заводы отапливались лѣсными остатками, а скипидаръ гнали изъ сосновыхъ пней. Въ хозяйствѣ Пущи эта статья, кстати сказать не дающая большихъ выгодъ,—не желательна. Всѣ смолокурки арендуются евреями, содержащими рабочихъ, которые большую часть времени проводятъ въ указанныхъ имъ раіонахъ, выкапывая пни и заготовляя топливо, чѣмъ нарушаютъ необходимую для звѣря тишину. Администрація Пущи хотя и не дозволяетъ этимъ промышленникамъ работать въ періодъ весенняго теленія и осенью, во время рева, но контролировать строгое исполненіе такого требованія очень трудно; для этого было бы необходимо при каждомъ заводѣ содержать спеціальнаго сторожа; мѣстный же лѣсной сторожъ, на которомъ лежатъ и другія обязанности, не въ силахъ услѣдить за всѣми рабочими-смолокурами. Люди эти зачастую пасутъ лошадей своихъ въ лѣсу, ночуютъ при кострахъ на мѣстахъ работъ внутри кварталовъ, возятъ деготь изъ смолокурень по ночамъ, чѣмъ безпокоятъ звѣря. Можно, однако, надѣяться, что вслѣдствіе поднятія цѣнъ на топливо, заводы эти скоро должны будутъ погибнуть сами собой. При возникновеніи ихъ съ охотничьими требованіями не считались, а теперь, если разрѣшаютъ устройства новыхъ, то лишь въ малонаселенныхъ звѣремъ мѣстностяхъ. Изъ остатковъ лѣса дѣлали еще другое употребленіе—ихъ раз-

давали крестьянамъ, но это пришлось очень скоро прекратить, потому что крестьяне вмѣстѣ съ остатками успѣвали захватывать и свѣжаго лѣску. Проведеніе желѣзной дороги въ значительной мѣрѣ облегчило уборку остатковъ; для вывоза же крупнаго лѣса пользуются попрежнему рѣками, хотя сплавъ по нимъ, вслѣдствіе маловодія, очень замедляется, и это одинаково, какъ и уборка сѣна въ прирѣчныхъ лугахъ, значительно мѣшаетъ звѣрямъ подходить къ водопою. Пущинскія рѣки, протекая въ отлогихъ берегахъ, при всякой незначительной прибыли воды, разливаются въ обѣ стороны, но мало при этомъ углубляются; поэтому сплавъ производится съ постоянными перерывами по мѣрѣ прилива весенней воды, и часто пріостанавливается въ ожиданіи хорошаго дождя.

Смолокурня.
По фотографіи.

Обрисовавъ характеръ рубокъ и очистки Пущи за послѣдній періодъ, перей-

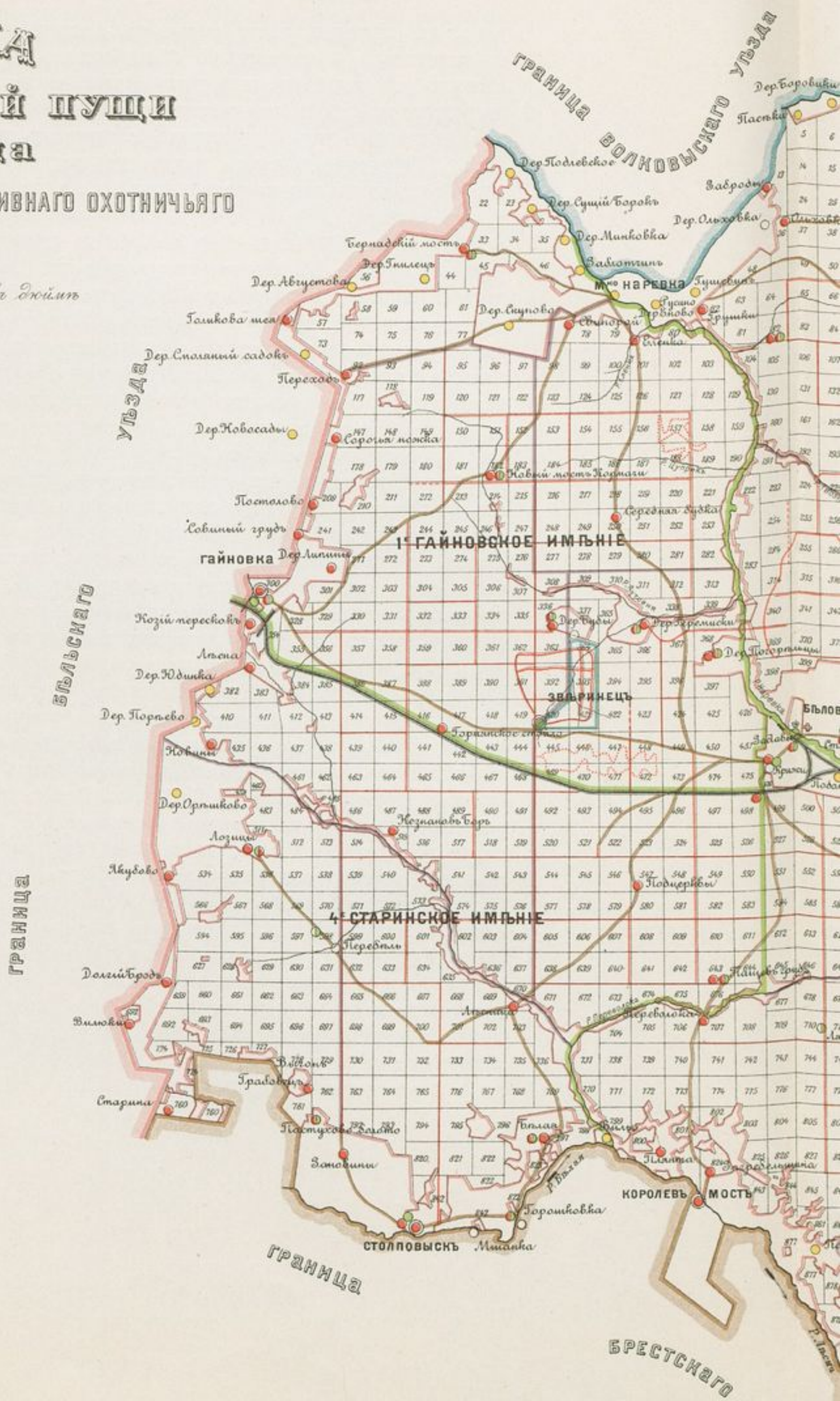
демъ къ лѣснымъ сѣнокосамъ, отъ состоянія которыхъ значительно зависитъ и благосостояніе бѣловѣжскаго звѣря. Вслѣдствіе низменнаго положенія большей части Пущи, качество ея луговъ весьма посредственное; болотная растительность преобладаетъ и только самая незначительная часть удѣльныхъ сѣнокосовъ расположена на „грудахъ". Грудовые сѣнокосы также не могутъ считаться хорошими, ибо образовались они на такой почвѣ, гдѣ не идетъ лѣсъ, слѣдовательно и травы тамъ не могутъ быть жирными. Пущинскія болота не осушаются простѣйшимъ способомъ, вода отводится только съ придорожныхъ полосъ. Въ неочищенныхъ отъ заваловъ рѣкахъ вода застаивается, разливается по олёсамъ, и почва закисаетъ. Вполнѣ годныхъ для корма звѣрю травъ очень мало. Грудовые сѣнокосы убираются наемными рабочими, и сѣна съ нихъ едва хватаетъ для скота охотничьей стражи. Худшее лѣсное и болотное сѣно собирается крестьянами исполу; при чемъ изъ части, приходящейся на долю бѣловѣжскаго хозяйства, возмѣщаютъ еще и крестьянъ за потравы, производимыя зубрами, оленями и пр.

Кромѣ травъ, естественнымъ кормомъ звѣрю въ лѣсахъ служатъ многія древесныя породы, и главнымъ образомъ лиственныя. Объ оскудѣніи лиственнаго лѣса въ Пущѣ было уже говорено. Вообще на площадяхъ лиственнаго подроста ясно замѣтна граница обгладыванія, которая столь характерно выдаетъ избытокъ звѣря при недостаткѣ естественныхъ кормовъ. Кустарниковыя породы въ настоящее время отсутствуютъ. За послѣдніе годы остатки ихъ были срѣзаны при заготовкахъ вѣниковъ для зимняго прокорма звѣря. Практикующаяся и по сіе время вырубка орѣшника дополняетъ картину уничтоженія кустарниковъ. Прекратить же отпускъ этого матеріала для обруча невозможно, такъ какъ бондарное производство съ незапамятныхъ временъ обратилось въ главный промыселъ нѣсколькихъ деревень, преимущественно деревень Хвалово и Раубицкъ. Для звѣря же рубка орѣшника еще тѣмъ вредна, что крестьяне производятъ ее небрежно, оставляя на корню заостренныя жерди, на которыя крупный звѣрь часто напарывается. Отпускъ клепки и вырубка орѣшника производится главнымъ образомъ въ раіонѣ Бровскаго имѣнія. Ивняка въ Пущѣ также не осталось: сухіе остатки его торчатъ еще кое-гдѣ вдоль рѣчныхъ низинъ. Еще года три, четыре назадъ большія площади прирѣчныхъ мѣстъ были покрыты этимъ, столь цѣннымъ для звѣря, кустарникомъ, но отчасти лось, отчасти коза, а въ особенности расчистки крестьянами сѣнокосовъ, уничтожили иву окончательно, чѣмъ отчасти объясняется уходъ лосей изъ Пущи. По боровымъ мѣстамъ Свислочской дачи и восточныхъ частей Бровскаго и Королевскаго имѣній, кое-гдѣ,

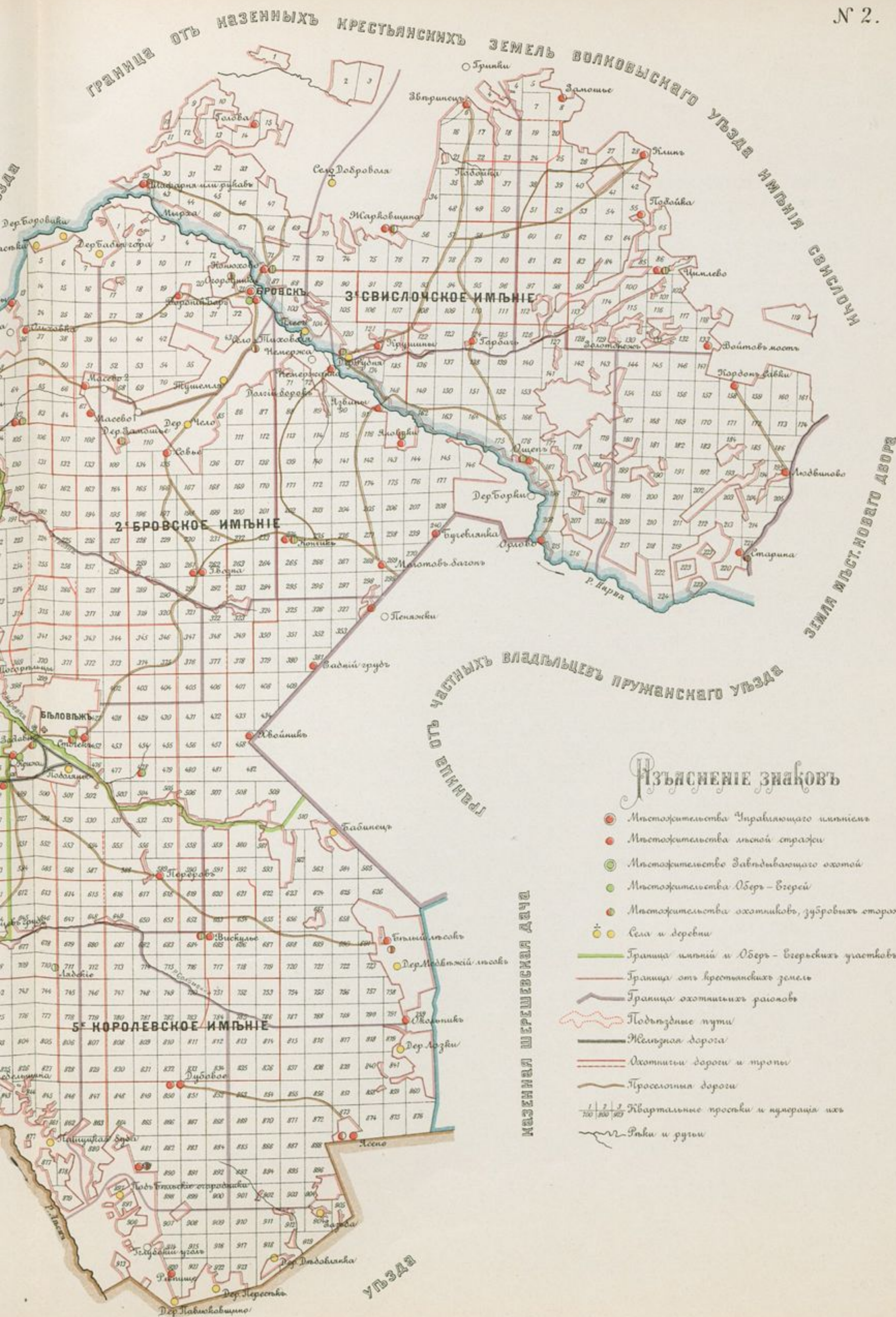
37*

КАРТА
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ
1902 ГОДА
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ОХОТНИЧЬЯГО ДѢЛЕНІЯ

Масштабъ 4 версты въ дюймѣ

№ 2.

Изъяснение знаковъ

- Мѣстожительства Управляющаго имѣніемъ
- Мѣстожительства лѣсной стражи
- Мѣстожительство Завѣдывающаго охотой
- Мѣстожительства Оберъ-Егерей
- Мѣстожительства охотниковъ, зубровыхъ сторожей и егерей
- Села и деревни
- Граница имѣній и Оберъ-Егерьскихъ участковъ
- Граница отъ крестьянскихъ земель
- Граница охотничьихъ раіоновъ
- Подъѣздные пути
- Желѣзная дорога
- Охотничьи дороги и тропы
- Проселочныя дороги
- Квартальные просѣки и нумерація ихъ
- Рѣки и ручьи

но въ очень небольшомъ количествѣ, растетъ еще верескъ; но, не имѣя лучшаго естественнаго корма, звѣрь быстро его уничтожаетъ, такъ что года черезъ два и это растеніе станетъ рѣдкостью въ Пущѣ. Самый любимый звѣремъ древесный мохъ, ниспадающій бахромою съ вѣтвей и стволовъ, очень полезный для образованія хорошаго рога у оленя, подобранъ также до тла.

Пастьба въ Пущѣ **скота,** какъ мѣстныхъ крестьянъ, такъ и охотничьей и лѣсной стражи, наноситъ существенный вредъ охотничьему хозяйству. Мы видѣли, что вопросъ о недопущеніи пастьбы въ казенныхъ лѣсахъ обратилъ на себя вниманіе еще сто лѣтъ тому назадъ, но и тогда не рѣшались прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ. Десять лѣтъ тому назадъ мѣстные и окрестные крестьяне пользовались для пастьбы почти половиной площади Пущи (52.000 дес.); на этой площади, по скромному расчету, паслось до 8.000 головъ крестьянскаго скота и до 2.000, принадлежавшихъ лѣснымъ сторожамъ и егерямъ. Администрація Пущи взимала тогда отъ 10 до 15 коп. съ десятины; между крестьянами уже давно развилось торгашество правомъ пастьбы. Получивъ билетъ для себя, крестьянинъ набиралъ скотъ изъ сосѣднихъ, лежащихъ внѣ Пущи, деревень за высшую плату и пасъ его вмѣстѣ со своимъ. Конечно, нѣкоторыхъ уличали въ злоупотребленіи, но невозможность строгаго фактическаго контроля позволяла большинству безнаказанно обходить правила, и въ Пущѣ пасли такимъ образомъ гораздо больше 8.000 головъ. Такая масса крупнаго скота отнимала, конечно, естественный кормъ у звѣря, но главное зло причиняли пасущіе стада пастухи. Пастухъ, проводящій 16 часовъ въ сутки въ лѣсу въ полномъ бездѣльѣ, невольно обращаетъ вниманіе на все попадающееся на глаза. Наблюдая жизнь Бѣловѣжской Пущи, онъ научается самъ и научаетъ другихъ самымъ опаснымъ для звѣрового населенія способамъ добычи, и нѣтъ средствъ отнять у него возможность вредить охотѣ.

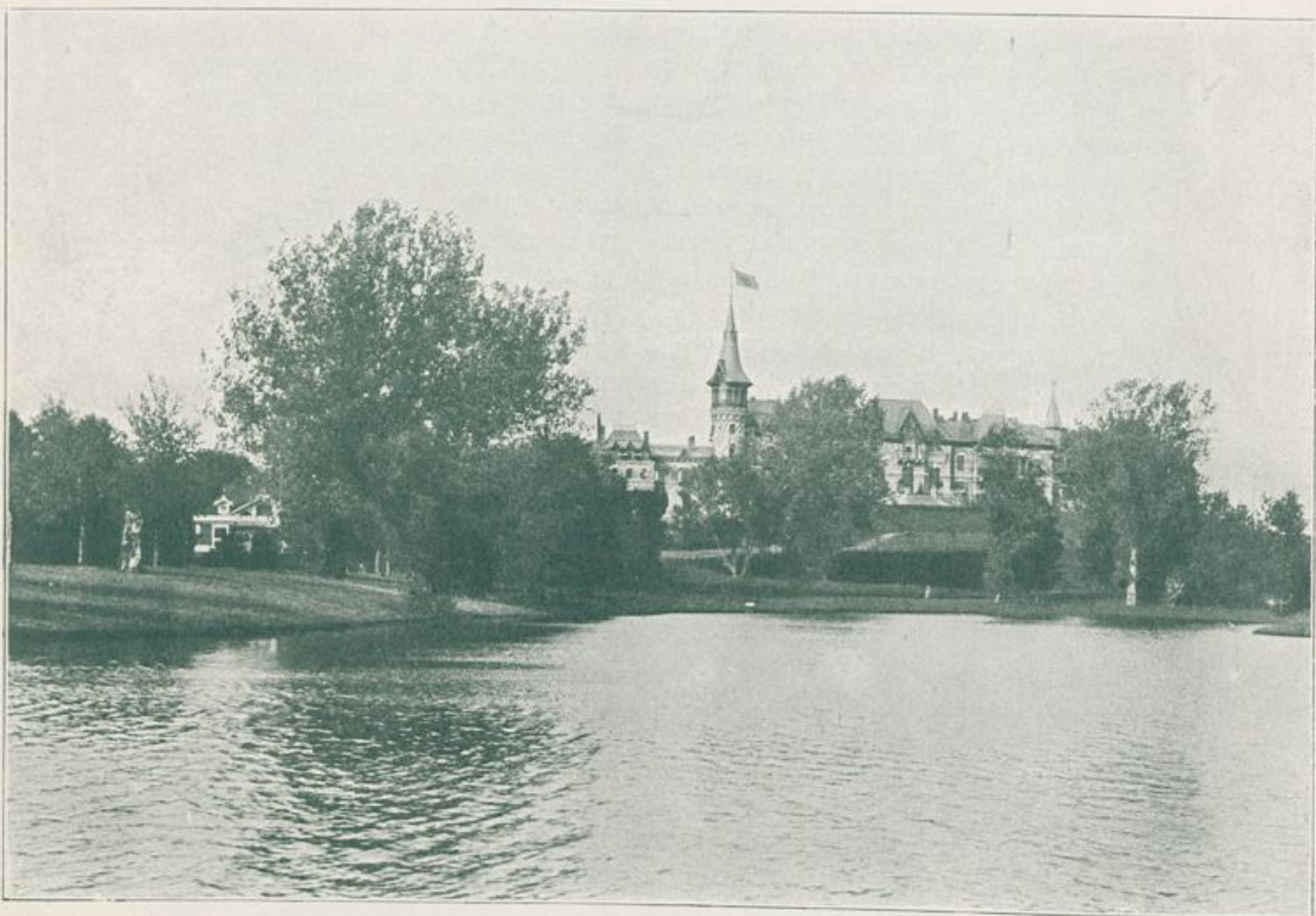
До 1893 года крестьяне пасли свой скотъ почти на тѣхъ же указанныхъ условіяхъ, но съ этого года площадь пастьбы сократили до 36.586 дес. и стали взимать плату 65 коп. со штуки; съ 1895 г. повысили ее до 1 р. 40 коп., а къ 1901 г. снова уменьшили плату до 1 р. 20 к. Эта послѣдняя плата взимается и теперь. Кромѣ того, крестьяне постоянно нарушали требованія удѣльной администраціи; подпаски разводили въ лѣсу огонь, пасли скота болѣе, чѣмъ значилось въ билетѣ, и ихъ самихъ было всегда, вопреки правилъ, больше двухъ или трехъ на деревню. Поэтому администрація вынуждена была прибѣгнуть къ строгостямъ. Крестьянъ стали заставлять при полученіи билетовъ подписывать особыя условія, съ обязательствомъ не на-

нимать пастуховъ моложе 14-ти лѣтъ (чтобы, въ случаяхъ перехода скотомъ пастбищной границы, можно было привлекать пастуховъ къ уголовной отвѣтственности, помимо гражданской отвѣтственности хозяевъ), а за каждую лишнюю, оказавшуюся въ стадѣ, голову скота, по условію, налагалось 5 рублей штрафу, за круговою отвѣтственностью деревни; кромѣ того, устанавливалась такая же отвѣтственность за браконьерство отдѣльныхъ членовъ, и въ случаяхъ нахожденія въ пастбищномъ раіонѣ убитаго зубра или лося и неуказанія крестьянами виновнаго, деревня лишалась пастьбы скота на все лѣто. Всѣ эти мѣры взволновали крестьянъ; всего болѣе ихъ страшилъ пунктъ объ отвѣтственности за браконьеровъ, потому что, дѣйствительно, ставилъ ихъ въ безвыходное положеніе. Осторожные браконьеры таились даже отъ своихъ, и при всемъ желаніи, крестьяне не могли бы иногда указать виновнаго. Тогда остановились на томъ, что отказались отъ подписокъ, а всѣ перечисленныя условія стали печатать на оборотѣ билетовъ на право пастьбы. Въ 1898 году площадь пастбищъ подверглась новому сокращенію—до 26.219 дес. Этими мѣрами и строгимъ надзоромъ за исполненіемъ условій пастьбы достигли того, что количество скота, пасущагося въ Пущѣ, стало уменьшаться. Къ 1896-му году оно сократилось процентовъ на 25, а въ настоящее время почти на 45%. Подъ пастьбу нынѣ отведены окраинные кварталы, и только для центральныхъ деревень — Буды, Теремиски и Погорѣльцы, — внутренніе, среди Пущи. Общая площадь пастбищныхъ участковъ теперь немного меньше, чѣмъ была въ 1898 году (см. карту № 5).

Совершенно изгнать крестьянскій скотъ изъ Пущи нельзя, потому что теперешней администраціи приходится неизбѣжно считаться съ ошибкою люстраціонныхъ комиссій, надѣлившихъ населеніе несоотвѣтственно малыми пастбищами. Такая ограниченная нарѣзка производилась подъ тѣмъ предлогомъ, что подъ бокомъ Пуща съ ея грудовымъ подножнымъ кормомъ, который крестьяне всегда могутъ получить за умѣренную плату. Лѣсная стража не въ силахъ усмотрѣть за всякими злоупотребленіями, настолько велики раіоны обходовъ; одинъ изъ крестьянъ попадется, и съ него взыскиваютъ, а пятеро, тѣмъ временемъ, пасутъ безнаказанно. Каждый членъ лѣсной и охотничьей стражи до 1902 года пользовался правомъ пасти по 10-ти головъ скота, но лишь въ опредѣленныхъ пастбищныхъ кварталахъ; живущимъ въ центрѣ имѣнія дозволялось пользоваться пастбищемъ въ сосѣднемъ со сторожкой кварталѣ. Съ 1902 г. пастьбу ограничили пятью штуками на служащаго, что въ общей сложности составитъ около 1.000 головъ на всю Пущу.

Помимо лѣсного хозяйства и урегулированія отношеній съ крестья-

нами, на администраціи лежала: прокладка всякихъ дорогъ—проѣзжихъ и охотничьихъ, наводка мостовъ, разнообразныя постройки, устройство Свислочской дачи, которую верстовыми просѣками привели къ типу Пущи, и сверхъ всего наблюденіе за воздвигаемымъ дворцомъ. Домикъ, въ которомъ провелъ нѣсколько дней Императоръ Александръ II, пришелъ въ ветхость, и поселившійся въ немъ управляющій Пущею не мало терпѣлъ отъ сырости и холода.

Южный фасадъ Императорскаго дворца. Фотографія.

Для дворца выбрали открытое, обезлѣсенное, возвышенное мѣсто на берегу Наревки, то самое, на которомъ стоялъ когда-то дворецъ Владислава IV, Августовъ Саксонскихъ и Понятовскаго, а въ 1830-мъ году была насыпана батарея Головина. Пріѣзжающій въ первый разъ въ Пущу можетъ удивиться, почему дворецъ не поставили ближе къ лѣсу, чтобы имѣть возлѣ природный вѣковой паркъ; теперь же отъ дворца до лѣса во всѣхъ направленіяхъ не меньше 2-хъ верстъ. Но

при выборѣ мѣста руководствовались еще санитарными условіями. Пущинскія рѣки имѣютъ слишкомъ отлогіе берега, вездѣ возлѣ рѣкъ очень сыро, дворецъ же поставленъ на сухомъ мѣстѣ, къ тому же очень центральномъ. Вокругъ дворца разбили богатый паркъ, запрудою Наревки образовали озера. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали тщательно охраняться историческіе памятники Пущи. Штандъ Императора Александра II, обозначавшійся ранѣе простою плитою съ надписью черною краскою, привели въ лучшій видъ и обнесли заборомъ. Когда мѣсто для новаго дворца было окончательно выбрано его строителемъ графомъ Рошфоромъ, пущинскіе крестьяне въ волостномъ сходѣ единогласно постановили ходатайствовать передъ Государемъ о разрѣшеніи безвозмездно доставить камень для фундамента. По докладу Его Величеству объ этомъ ходатайствѣ, послѣдовала резолюція, смыслъ которой былъ „благодарить, но за работу заплатить". Часть камня была взята изъ развалинъ въ урочищѣ „Замчиско".

Первымъ управляющимъ Пущи въ 1889 году былъ назначенъ извѣстный охотникъ, полковникъ Андреевскій, а его ближайшимъ помощникомъ по завѣдыванію охотничьею частью—Ауэръ, изучившій охотничье дѣло за границею и уже давно состоявшій на русской службѣ. Лѣсная часть была подъ наблюденіемъ ученаго лѣсничаго Валленбургера.

Андреевскій хотя прослужилъ очень не долго, менѣе 2-хъ лѣтъ, но оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію охоты. При немъ были учреждены 8 новыхъ должностей „охотниковъ"—4 старшихъ и 4 младшихъ,—съ хорошими окладами; онъ надѣялся такимъ образомъ привлечь опытныхъ людей со стороны. Часть безполезно содержавшихся въ звѣринцѣ оленей и ланей выпустили въ Пущу, изъ Богеміи выписали ланей, изъ Силезіи—оленей, дѣлалась попытка организовать охоту съ гончими; но самою важною мѣрою была установка премій за истребленіе хищниковъ. Для пробужденія большей энергіи преміи установили очень высокія, и уже черезъ два года служебный персоналъ настолько освоился и усовершенствовался въ этой борьбѣ, что преміи можно было понизить. Впрочемъ, тутъ нѣсколько увлеклись и сразу понизили преміи на столько, что въ сущности уничтожили ихъ, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Хищники. / Такса.	Медвѣдь въ берлогѣ.	Медвѣдь застрѣлен.	Рысь.	Волкъ.	Лиса.	Куница.	Хорекъ.	Горностай.	Ласка.	Барсукъ.	Выдра.	Норка.	Филинъ.	Орелъ.	Большая сова.	Мал. сова.	Бол. ястр.	Мал. ястр.	Сорока.	Сойка.	Змѣя.
Такса 1889 г.	50 р.	25 р.	20 р.	20 р.	5 р.	3 р.	3 р.	3 р.	3 р.	1 р.	1 р.	1 р.	5 р.	5 р.	1 р.	—	1 р.	50 к.	20 к.	—	20 к.
» 1891 г.	—	—	3 р.	3 р.	50 к.	50 к.	50 к.	—	50 к.	—	—	50 к.	50 к.	50 к.	50 к.	25 к.	50 к.	25 к.	10 к.	10 к.	—
» 1896 г.	—	—	10 р.	10 р.	1 р.	1 р.	1 р.	—	25 к.	1 р.	—	25 к.	1 р.	1 р.	30 к.	30 к.	30 к.	30 к.	10 к.	10 к.	20 к.

Въ результатѣ такое сильное пониженіе премій повлекло къ ослабленію заботы объ истребленіи хищниковъ, и преміи вскорѣ пришлось вновь повысить.

Охотничья администрація Пущи въ настоящемъ ея составѣ возникла сравнительно недавно. Охотничій персоналъ, который засталъ Андреевскій, ограничивался завѣдующимъ звѣринцемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и лѣсничимъ, да 10-ю зубровыми сторожами, на обязанности которыхъ лежала доставка сѣна съ покосовъ къ зубровымъ сараямъ. Звѣря охраняли, кормили и наблюдали только въ звѣринцѣ; всѣ остальные звѣри, кромѣ зубровъ, были предоставлены самимъ себѣ. Словомъ, до девятидесятыхъ годовъ ни охотничьяго хозяйства, ни охотничьей администраціи въ Пущѣ почти не существовало. Послѣднимъ завѣдующимъ звѣринцемъ былъ Ауэръ, но онъ не могъ примѣнить своихъ познаній, какъ изъ-за скудныхъ ассигновокъ на охотничье дѣло, такъ и вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія. Ауэръ былъ первый, сообщившій довольно точныя и интересныя, но краткія свѣдѣнія о современной Пущѣ и зубрѣ въ нѣмецкія охотничьи изданія. Наступило время, когда на охоту въ Бѣловѣжской Пущѣ обратили особенное вниманіе: ради нея Пуща была передана въ удѣлы, приступили къ постройкѣ Императорскаго дворца и начали организовывать правильное охотничье хозяйство, для чего и рѣшили прежде всего учредить охотничью администрацію, во главѣ которой необходимо было поставить лицо, вполнѣ подготовленное къ выполненію трудной и отвѣтственной задачи—создать охоту, достойную названія Царской.

Выборъ управляющаго удѣлами князя Вяземскаго палъ на I. В. Неврли, уже съ давнихъ поръ извѣстнаго царственнымъ охотникамъ за опытнаго руководителя въ охотахъ на крупнаго звѣря. Неврли въ юныхъ годахъ состоялъ практикантомъ и служилъ лѣсничимъ въ первоклассныхъ охотничьихъ угодьяхъ Моравіи—гр. Штокау и гр. Берхтольцъ, — откуда въ 1872 году его пригласилъ фельдмаршалъ князь Барятинскій для организаціи охотничьяго хозяйства въ Скерневицахъ. По смерти кн. Барятинскаго въ 1879 году, Неврли былъ вскорѣ переведенъ въ зарождавшуюся тогда спальскую охоту и тамъ онъ прослужилъ до 1894 года, когда ему предложили перейти на должность завѣдующаго охотою въ Бѣловѣжѣ. Почти всѣ Высочайшія охоты съ 1875 года въ Скерневицахъ, въ Спалѣ и затѣмъ въ Бѣловѣжѣ велись Неврли, на долю котораго выпало счастье подготавливать охоты для трехъ Государей.

Завѣдующій охотою непосредственно управляетъ всѣмъ дѣломъ организаціи охотъ, охраненія и размноженія дичи и является начальникомъ всей охотничьей администраціи въ предѣлахъ правъ, предо-

ставленныхъ ему инструкціей объ охотѣ, утвержденной для Пущи въ 1896 году и дополненной въ 1902 году. На немъ лежитъ ближайшее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣми чинами охоты возложенныхъ на нихъ обязанностей, онъ даетъ указанія подчиненнымъ по своей спеціальности, руководя ихъ дѣятельностью. При подготовкахъ къ охотамъ, онъ выбираетъ кварталы, группируетъ ихъ на каждый день, заблаговременно опредѣляетъ порядокъ и планъ охотъ, стрѣлковыхъ линій, штандовъ, намѣчаетъ прорубку отъ послѣднихъ лучеобразныхъ визировъ для стрѣльбы, обучаетъ охотниковъ, лѣсную стражу и загонщиковъ изъ крестьянъ, какъ слѣдуетъ вести облаву, проводитъ визирныя линіи. Всѣ эти подготовительныя работы по устройству охотъ утверждаются управляющимъ Пущей, но во время самыхъ охотъ завѣдующій ими является самостоятельнымъ распорядителемъ.

Завѣдующій охотою въ Бѣловѣжской Пущѣ І. В. Неврли.

Завѣдующій охотою, при недостаткѣ естественнаго, заботится о доставкѣ звѣрю искусственнаго корма, опредѣляя съ ранней осени количество заготовокъ по наличности дичи въ угодьѣ. Онъ участвуетъ въ комиссіи по пріему кормовъ въ центральные склады, слѣдитъ за доброкачественностью поставляемыхъ кормовъ и за правильностью храненія въ складахъ, систематизируетъ развозку и регулируетъ дачу, смотря по состоянію звѣря, погодѣ и наличности естественнаго корма. Въ его вѣдѣніи находятся кормовыя постройки, онъ наблюдаетъ за благоустройствомъ и порядкомъ въ звѣринцѣ и опредѣляетъ весенній выпускъ звѣря въ Пущу. На обязанности завѣдующаго лежитъ также охрана дичи; онъ долженъ зорко слѣдить за убылью и разслѣдовать причины ея; онъ ведетъ борьбу съ хищниками и браконьерами и, замѣчая какіе бы то ни было недочеты въ дачѣ, имѣющіе хотя бы косвенное отношеніе къ охотничьему хозяйству, обязанъ сообщать о семъ чинамъ высшей администраціи. Назначеніе пастбищныхъ участковъ, раіоновъ рубокъ и всякихъ другихъ лѣсныхъ работъ находится въ зависимости отъ главнѣйшихъ стоянокъ дичи, которыя извѣстны только охотничьей администраціи, а потому въ совѣщаніяхъ

38*

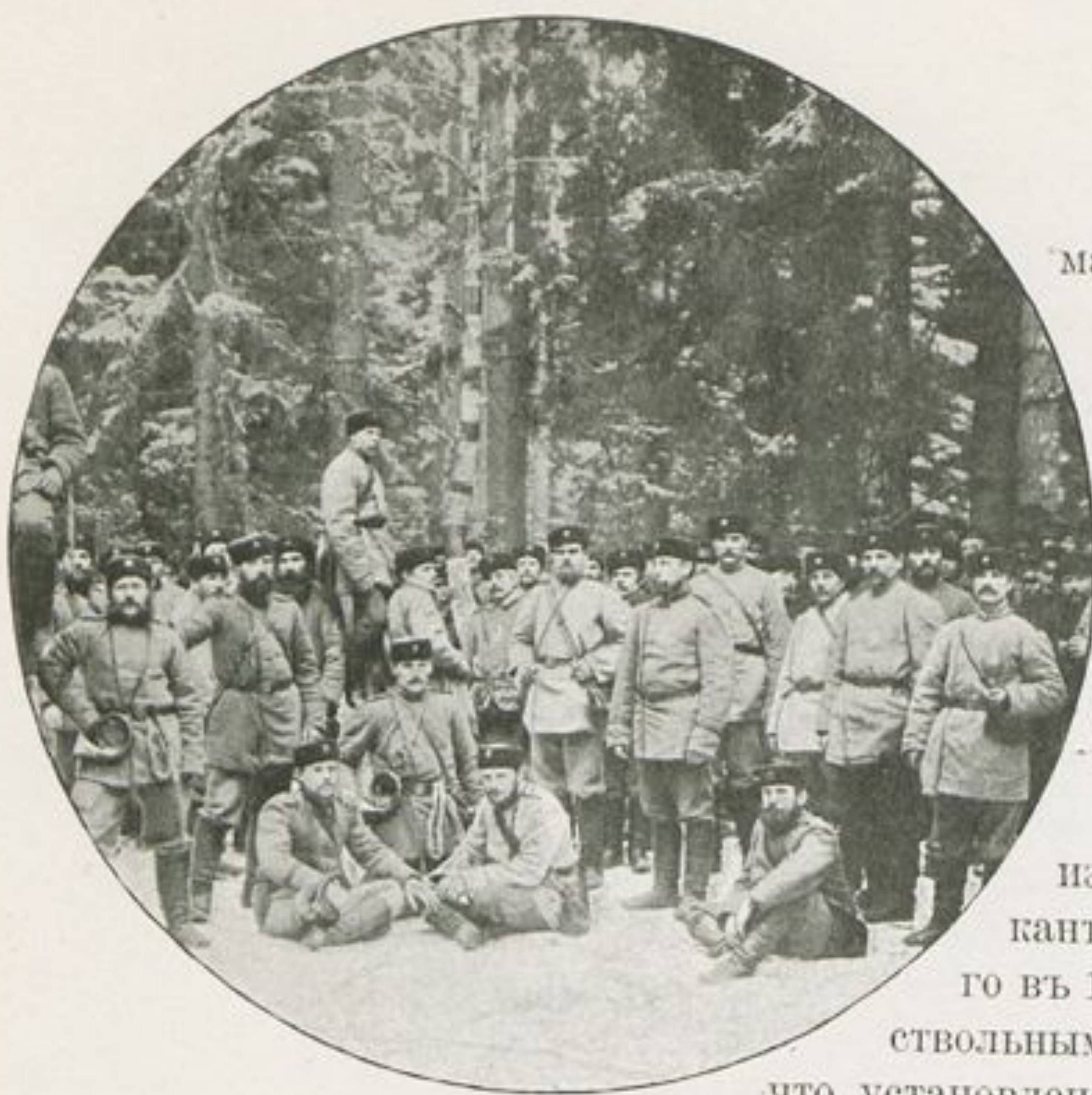
по такимъ вопросамъ завѣдующій охотою является непремѣннымъ членомъ. Мѣстомъ жительства завѣдующаго охотою назначенъ павильонъ, построенный въ 1891 году возлѣ самаго звѣринца. На случай перерыва Высочайшихъ охотъ, когда онѣ производятся въ западномъ раіонѣ Пущи, нижній этажъ павильона приспособленъ для завтраковъ. Тамъ имѣется помѣстительная, красиво отдѣланная деревомъ столовая и нѣсколько меньшихъ комнатъ; верхній этажъ отведенъ подъ квартиру завѣдующаго охотою.

Ближайшими помощниками завѣдующаго охотою въ Пущѣ являются пять оберъ-егерей, по одному въ каждомъ изъ имѣній, составляющихъ охотничьи отдѣлы. Оберъ-егерь въ своемъ участкѣ является начальникомъ всего низшаго охотничьяго персонала. Всѣ явленія, указывающія на ненормальную убыль дичи, грозящія покою и правильному размноженію ея, не должны проходить незамѣченными оберъ-егерями, которые обязаны тщательно изслѣдовать причины этихъ явленій и противодѣйствовать имъ. Къ главнѣйшимъ обязанностямъ оберъ-егерей относятся: преслѣдованіе браконьерства, наблюденіе за рабочими въ Пущѣ, завѣдываніе кормовыми центральными складами, организація своевременной развозки кормовъ и правильной раздачи ихъ, составленіе актовъ о падежѣ дичи, знаніе всѣхъ стоянокъ звѣря и его лазовъ, знакомство съ составомъ дичи своего раіона, не только по количеству ея, но и по возрасту. Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей сопряжено съ большими разъѣздами. Сверхъ того, оберъ-егерь долженъ умѣть распознавать слѣды дичи и хищниковъ, а также знать расположеніе глухариныхъ и тетеревиныхъ токовъ, веденіе и дрессировку „швейсхундовъ“ — собакъ, натасканныхъ по кровяному слѣду крупнаго звѣря, — легавыхъ и таксъ. Оберъ-егерь долженъ также хорошо исполнять охотничьи сигналы.

Наличный персоналъ бѣловѣжскихъ оберъ-егерей состоитъ изъ молодыхъ людей, не подготовлявшихся къ такого рода службѣ. Правильнаго охотничьяго хозяйства до послѣдняго времени въ Россіи не велось, имъ не интересовались, а потому вполнѣ опытныхъ людей не могло создаться. За границей въ охотничьихъ угодьяхъ всюду имѣются лѣсники-егеря, прошедшіе теоретическую и практическую школу охотничьей службы. Молодые люди, посвящающіе себя ей, изучивъ теоретически охоту во всѣхъ ея разновидностяхъ, поступаютъ на службу практикантами безъ жалованія, зачастую платя своимъ учителямъ, старымъ егерямъ. Проходя всѣ служебныя ступени охотничьей администраціи, при любви къ дѣлу, они постепенно вырабатываются въ опытныхъ охотниковъ. Нашимъ бѣловѣжскимъ оберъ-егерямъ учиться было негдѣ, ихъ служба является школою, но такъ какъ въ охотничьемъ

дѣлѣ практика почти все, то если въ настоящее время оберъ-егеря еще не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ, которыя предъявляются къ хорошо изучившимъ правильное веденіе охотъ, то вина не ихъ; для этого нужно время. Должности ихъ учреждены въ Пущѣ всего три года назадъ; въ такой промежутокъ, даже при опытномъ Неврли, напрактиковаться было нельзя, въ особенности, когда оберъ-егерь является въ то же время отвѣтственнымъ лицомъ въ раіонѣ 25.000 десятинъ почти сплошного лѣса. За границей такое пространство ввѣряется мастеру своего дѣла, имѣющему необходимый штатъ опытныхъ подчиненныхъ и находящемуся въ значительно выгоднѣйшихъ условіяхъ въ отношеніи ухода за дичью и охраны ея. Остается пожелать, чтобъ бѣловѣжскіе оберъ-егеря, и при тяжелыхъ условіяхъ своей службы, выработались бы въ настоящихъ охотниковъ, знакомыхъ съ мельчайшими подробностями жизни охраняемаго ими звѣря, со всѣмъ, что въ любое время дѣлается во ввѣренномъ имъ раіонѣ, и могущихъ стать учителями своихъ подчиненныхъ. Оберъ-егеря имѣютъ красивую форму, даже элегантную, но обиліе металлическаго прибора съ побрякивающими на цѣпочкахъ охотничьими ножами, дѣлаетъ ее немного театральною и безусловно непригодною на охотѣ, такъ какъ звѣрь всего болѣе боится металлическаго отблеска. Парадная форма могла бы быть оставлена въ настоящемъ ея видѣ; при исполненіи же ими своей постоянной службы въ лѣсу роговой приборъ и зеленая тесьма, нашитые въ какомъ угодно обиліи, были бы болѣе кстати.

Охотничья команда, съ переходомъ Пущи въ удѣлы, состояла всего изъ 8-ми охотниковъ и 10-ти зубровыхъ сторожей; звѣринецъ охраняли также смотритель и 2 сторожа. Всѣ они подчинялись управляющимъ имѣніями, но обязанности ихъ въ сущности ничѣмъ не отличались отъ обязанностей лѣсной стражи. Распредѣленіе корма зубрамъ лежало на обязанности какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Никакого положенія объ охотѣ еще не существовало. Съ 1894 года охотничью стражу стали быстро увеличивать, и къ настоящему времени низшій охотничій персоналъ Пущи состоитъ изъ 15 егерей, 11 охотниковъ, 22 зубровыхъ сторожей, одного сторожа звѣринца и одного охотника-писаря, согласно закону, утверждаемые въ званіи мѣстнымъ мировымъ посредникомъ. Егеря, занимающіе высшую ступень охотничьей службы, выбираются завѣдующимъ охотою изъ болѣе опытныхъ старослуживыхъ, получаютъ высшій окладъ и вѣдаютъ болѣе обширными егерскими обходами или такими, въ которыхъ держится больше звѣря. Каждый егерь поселенъ въ удѣльномъ домикѣ, или въ наемной квартирѣ въ селеніи, но обязательно въ предѣлахъ своего раіона, площадью отъ 4.500 до 6.000 десятинъ. Слѣдующую низшую ступень въ охотничьей іерархіи зани-

Охотничья и лѣсная стражи.
Фотографія
А. Д. Далматова.

маютъ охотники, исполняющіе тѣ же обязанности, какъ и егеря, но наблюдающіе за менѣе важными по охотѣ участками. Въ помощь егерямъ и охотникамъ даны 22 зубровыхъ сторожа. Вся площадь Пущи раздѣлена на 26 егерскихъ и охотничьихъ участковъ. Каждый изъ егерей, охотниковъ и зубровыхъ сторожей долженъ знать въ точности границы своего участка. Всѣ они носятъ собственную одежду изъ темно-сѣраго сукна съ зелеными кантами форменнаго образца, утвержденнаго въ 1897 году, и вооружены ружьями (двухствольными), отмѣченными особымъ клеймомъ, что установлено въ видахъ болѣе удобнаго наблюденія за мѣстными крестьянами, которымъ запрещено имѣть ружья. Лѣсная стража вооружена ружьями лишь съ 1896 года, послѣ того какъ всѣ имѣвшіяся у нѣкоторыхъ лѣсниковъ ружья были описаны, оцѣнены, представлены въ округъ и заклеймены. У нѣкоторыхъ сторожей оказывалось по 2 и по 3 ружья, а у другихъ не было ни одного. Клеймить по одному ружью у каждаго сторожа, а остальные оставлять въ его пользованіи считалось неудобнымъ и не достигало цѣли, которая заключалась въ томъ, чтобы оградить стражу отъ несправедливыхъ нареканій на судѣ и при полицейскихъ дознаніяхъ по браконьерскимъ дѣламъ, такъ какъ обвиняемые ссылались нерѣдко на то, что получали ружья отъ сторожей. Случалось, что стража производила обмѣнъ ружей съ крестьянами или просто продавала ихъ. Необходимо было стражническое ружье, подобно сторожевому знаку, сдѣлать принадлежностью должности. При увольненіи сторожа клейменое ружье отбиралось и уплачивалась стоимость его по заранѣе произведенной оцѣнкѣ. Съ 1900 года охотничью стражу вооружаютъ пріобрѣтаемыми покупкой охотничьими ружьями, но еще не всѣ снабжены удѣльными ружьями послѣдней выписки, а обмундированіе отъ удѣловъ команда получила два раза, передъ Высочайшими охотами 1897 и 1900 годовъ. Съ 1902 года весь охотничій персоналъ имѣетъ охотничьи рожки. Новыхъ служащихъ принимаютъ съ условіемъ научиться выдувать сигналы.

Главнѣйшая обязанность всего низшаго охотничьяго персонала—охрана дичи, для чего егеря, охотники и сторожа обязаны возможно чаще обходить свои раіоны и обо всемъ замѣченномъ и обнаруженномъ при обходахъ, не позднѣе слѣдующаго дня, лично докладывать оберъ-егерю. Всѣ эти служащіе, исполняя приказаніе завѣдующаго

охотою и оберъ-егерей, должны содѣйствовать также и лѣсной стражѣ въ исполненіи нѣкоторыхъ ея обязанностей, касающихся преслѣдованія порубщиковъ. Низшіе служащіе должны въ точности знать всѣ излюбленныя мѣста стоянокъ дичи въ своемъ участкѣ, изучить во всѣхъ подробностяхъ всѣ кварталы, признанные охотничьими, знать всѣ мѣста водопоевъ, тропы, ходы и лазы дичи и звѣря, всѣ ихъ привычки и особенно жизнь каждой породы дичи, умѣть обкладывать ее и правильно водить загонщиковъ. Они развозятъ въ кормовой періодъ кормъ на своихъ лошадяхъ къ сараямъ и мѣстамъ, указаннымъ оберъ-егеремъ, закладываютъ кормъ, предупреждаютъ слишкомъ большую скученность дичи у одного сарая или кормушки, набиваютъ солончаки и производятъ подсчетъ дичи. О всѣхъ остальныхъ обязанностяхъ низшаго персонала придется еще говорить при описаніи охотничьяго хозяйства.

Взамѣнъ прежнихъ служебныхъ надѣловъ, всѣ служащіе получаютъ готовое сѣно, въ размѣрахъ, ежегодно устанавливаемыхъ управляющимъ Пущею, но не болѣе 500 пудовъ для егерей и охотниковъ и 300 пудовъ для зубровыхъ сторожей. Почти весь низшій охотничій персоналъ Пущи состоитъ изъ ея уроженцевъ, и долгій опытъ показалъ, что лучшаго состава желать нельзя. Мѣстный крестьянинъ, въ особенности отбывшій службу въ войскахъ, представляетъ исполнительнаго, дисциплинированнаго, по большей части грамотнаго, расторопнаго охотника, а главное, съ дѣтства подготовленнаго къ жизни въ лѣсу, около звѣря. Всѣ они бывшіе пастухи, въ большинствѣ затѣмъ бывшіе браконьеры, отлично знакомые съ жизнью и привычками всѣхъ породъ мѣстнаго звѣря и со всѣми тонкостями и ухищреніями браконьерскихъ пріемовъ, а потому представляютъ лучшій элементъ для противодѣйствія этому злу. Не замѣчалось, чтобы чины охотничьяго персонала злоупотребляли своими познаніями въ браконьерскомъ искусствѣ; иначе на нихъ бы тотчасъ донесли крестьяне или чины лѣсной стражи, такъ какъ охотники всегда во враждѣ съ тѣми и другими. Всѣ эти люди видимо привязаны къ Пущѣ, любятъ свое дѣло, трезвы и вполнѣ добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ. Между ними есть очень молодые, почти мальчишки, но все же опытные, прошедшіе школу у отцовъ и дѣдовъ. Всѣ отличаются поразительно острымъ зрѣніемъ; даже старики распознаютъ породу и полъ звѣря, лишь только мелькнетъ въ чащѣ, тогда какъ неопытный еще ничего не замѣчаетъ. Слѣды звѣря, въ общихъ чертахъ, знаютъ всѣ, а тонкости, къ сожалѣнію, извѣстны только очень немногимъ; но слѣды хищниковъ, за которыми всѣ они охотятся съ малолѣтства, различаются ими прекрасно. Будучи матеріально обставлены вполнѣ достаточно, они цѣнятъ свое положеніе и держатся мѣста. Работа ихъ тяжелая, отвѣтственная, въ особен-

ности зимою въ кормовой періодъ, начальство требовательно, но никто не жалуется, и составъ мало мѣняется. Обязанность держать лошадь для развозки зимою корма вызываетъ необходимость для многихъ изъ нихъ содержать батраковъ. При обширности егерскихъ и охотничьихъ участковъ, развозка корма отнимаетъ большую часть времени у охотничьяго персонала, что не совсѣмъ удобно. Отъ этого очень страдаетъ охранная служба, такъ какъ егерь, если у него нѣтъ батрака, обращается зимою какъ бы въ постояннаго возчика.

Егеря, охотники и зубровые сторожа обязаны отстрѣливать хищниковъ и вообще вести борьбу съ ними всѣми разрѣшенными способами, которые до нѣкоторой степени удовлетворяютъ обычную у этихъ людей страсть къ охотѣ. Несмотря на это, постоянное соприкосновеніе съ благородною дичью не можетъ не порождать въ нихъ чувства нѣкоторой досады, что охота для нихъ—запретный плодъ. Видѣть постоянно предъ собою зубровъ, лосей, оленей, кабановъ... для нихъ большое искушеніе. Установленный въ послѣднее время необходимый отстрѣлъ дичи, о которомъ рѣчь впереди, могъ бы дать выходъ охотничьимъ наклонностямъ этихъ людей, что было бы вполнѣ разумно. Конечно, разрѣшать отстрѣливать надо съ большою осторожностью, только вполнѣ надежнымъ, опытнымъ егерямъ, предоставляя это право въ видѣ особенной награды, послѣ тщательной провѣрки знакомства егеря съ экземплярами, подлежащими отстрѣлу, и при бдительномъ контролѣ. Но нынѣ завѣдующій охотою имѣетъ въ виду предложить эту мѣру по отношенію ко всему охотничьему персоналу.

По времени года обязанности охотничьей команды сводятся къ слѣдующему: весною она должна слѣдить за полнымъ спокойствіемъ въ участкахъ, за теленіемъ и приплодомъ; о послѣднемъ въ половинѣ іюля оберъ-егеря, собирающіе свѣдѣнія отъ егерей и охотниковъ, представляютъ особыя вѣдомости. Въ концѣ весны, подъ наблюденіемъ стражи, начинается ремонтъ кормовыхъ построекъ и возведеніе новыхъ, набиваютъ солончаки и главное — болѣе частыми обходами участки усиленно охраняются отъ браконьеровъ, приманиваемыхъ въ это время легкостью подхода къ телящимся или тоько-что отелившимся самкамъ и глухаринымъ токомъ. Лѣтомъ охранная служба усложняется необходимостью зорко слѣдить за косцами и рабочими при всякихъ лѣсохозяйственныхъ работахъ, а также,—что самое трудное и почти невыполнимое,—контролировать пастьбу крестьянскаго скота. Съ половины іюля начинается самая горячая наблюдательная служба за течкою, сначала зубровъ, затѣмъ лосей и оленей. У послѣднихъ этотъ періодъ оканчивается къ концу сентября, когда наступаетъ рёвъ даніэлей. Егеря и охотники обязаны разгонять дерущихся зубровъ и узна-

вать сколько и въ какихъ мѣстахъ реветъ лосей и оленей, а относительно послѣднихъ — о сколькихъ концахъ каждый изъ болѣе грубо ревущихъ.

При добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей егерь съ апрѣля по 1-е октября въ сущности не можетъ провести дома ни одной ночи, ибо при раіонѣ около 5.000 десятинъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что все въ немъ обстоитъ благополучно и что звѣрь пересчитанъ и осмотрѣнъ. Съ первыхъ чиселъ октября начинается развозка корма, служба

тяжелая и однообразная, изрѣдка прерываемая, когда возможно, пробными охотами и преслѣдованіемъ хищниковъ. Пробныхъ облавъ дѣлаютъ до 10-ти въ зимній сезонъ, на окраинахъ Пущи, отчасти для практики, отчасти для развлеченія. Старшихъ, за-

39

служенныхъ егерей завѣдующій охотою ставитъ на номера и разрѣшаетъ бить зайцевъ, лисицъ и изрѣдка звѣря, назначеннаго къ отстрѣлу. При появленіи крупнаго хищника весь охотничій персоналъ цѣлаго имѣнія подымается на ноги, ведется правильный окладъ съ обрѣзаніемъ круговъ и весьма быстро доносится на заранѣе назначенный пунктъ сбора, гдѣ залегъ или задержался хищникъ; охота затѣмъ производится облавой; если звѣрь проходной, то за нимъ слѣдятъ, пока онъ не заляжетъ или не протянетъ на приличное разстояніе отъ Пущи. Послѣдніе случаи бывали рѣдко, большею частью при появленіи волка или рыси, отъ нихъ тогда уже не отстанутъ.

Существеннымъ недочетомъ въ организаціи охотничьей службы въ Пущѣ является расквартированіе оберъ-егерей и остального охотничьяго персонала. (Смотри карту № 2, стр. 292 и 293). Первые не имѣютъ удѣльныхъ квартиръ и поселены на окраинахъ своихъ громадныхъ участковъ. Трое живутъ въ Бѣловѣжѣ, одинъ въ Гайновкѣ, а пятый, завѣдующій свислочскимъ участкомъ,—въ Бровскѣ. Чтобы знать свой раіонъ и все, что въ немъ дѣлается, а также для изученія своего дѣла, оберъ-егерь долженъ бы жить въ центрѣ имѣнія, въ лѣсу, въ раіонѣ любимыхъ стоянокъ дичи. При этомъ условіи онъ, пѣшкомъ обойдя за день небольшое пространство, увидитъ больше, чѣмъ съ экипажа, разъѣзжая по просѣкамъ и дорогамъ. Теперь оберъ-егерь долженъ содержать не менѣе пары лошадей, онъ теряетъ массу времени на разъѣзды и зачастую не можетъ побывать тамъ, гдѣ присутствіе его необходимо. Наконецъ, самый образъ жизни въ селеніяхъ складывается такъ, что невольно приходится удѣлять часть времени на общественныя отношенія. Многіе егеря и охотники также не имѣютъ удѣльныхъ квартиръ въ центрахъ своихъ обходовъ, а живутъ по деревнямъ въ крестьянскихъ наемныхъ помѣщеніяхъ. Такое расквартированіе слѣдовало бы измѣнить возможно скорѣе, ибо оно порождаетъ большія неудобства: добросовѣстный, исполнительный егерь не можетъ быть любезенъ крестьянамъ, изъ которыхъ большинство браконьеры; эти послѣдніе дѣлаютъ жизнь такому служащему невыносимою; если же егерь, живущій въ деревнѣ, ладитъ съ жителями, то это служитъ безспорнымъ признакомъ, что онъ потворствуетъ злоупотребленіямъ. Егерь долженъ быть всегда въ полнѣйшей независимости отъ мѣстныхъ жителей; живя въ селеніи, онъ находится подъ постояннымъ наблюденіемъ; каждый шагъ его извѣстенъ; пойдетъ онъ вправо—браконьеры идутъ влѣво; когда онъ дома—въ обходѣ бьютъ дичь, когда онъ въ лѣсу—въ деревнѣ прячутъ концы.

Квартира завѣдующаго охотою соединена телефономъ съ управленіемъ Пущей и со всѣми пятью канцеляріями управляющихъ имѣ-

ніями, т. е. съ мѣстами жительства оберъ-егерей; телефонные проводы соединяютъ также нѣкоторыя квартиры егерей съ управленіями имѣній, благодаря чему распоряженія управляющаго Пущей и завѣдующаго охотою быстро передаются во всѣ участки громадной дачи.

Охотничье хозяйство.

Бѣловѣжское охотничье хозяйство, зародившееся еще въ давнишнія польскія времена, при Сигизмундахъ—Старомъ и Августѣ,—приходившее не разъ въ упадокъ и возрождавшееся при короляхъ-охотникахъ, Баторіи и Августахъ Саксонскихъ, велось тогда своеобразно. Въ тѣ времена о дичи еще съ успѣхомъ заботилась природа, и уходъ за нею не представлялся человѣку необходимымъ. Люди изыскивали способы къ удовлетворенію своей охотничьей страсти, т. е. къ добычѣ дичи легчайшимъ образомъ. Это положеніе лежало въ основѣ охотничьихъ хозяйствъ, въ которыхъ все дѣло сводилось къ организаціи персонала и содержанію въ необходимомъ количествѣ и порядкѣ всѣхъ предметовъ, способствовавшихъ лову, преслѣдованію и убою звѣря. Такъ, мы видѣли, что заботились о сохраненіи охотничьихъ домовъ, берегли снасти и тенета, содержали псарные дворы, строили павильоны, альтанки, заграждали звѣринцы, но прикормкой зубровъ стали заниматься только тогда, когда ихъ осталось всего нѣсколько сотъ въ цѣлой Пущѣ.

Такъ шло дѣло вѣками, такъ вели его и при русскомъ управленіи, съ тою лишь разницею, что зубровъ плохо кормили, а прочія охотничьи устройства приходили постепенно въ упадокъ. Содержаніе дичи въ звѣринцѣ не могло представлять собою охотничьяго хозяйства въ томъ смыслѣ, какъ его понимали тогда въ Европѣ и какъ мы его понимаемъ теперь. Если съ шестидесятыхъ годовъ Пущу стали изрѣдка посѣщать особы русскаго Царствующаго Дома и нѣкоторые сановники, то только ради зубра; этихъ лицъ, какъ знакомыхъ съ веденіемъ правильныхъ охотъ за границей, Пуща не могла интересовать какъ охотничье угодье.

Когда охотничье хозяйство Пущи рѣшено было выдвинуть на первый планъ, работу въ этомъ направленіи началъ Андреевскій, заложившій, такъ сказать, первый камень. Онъ же намѣтилъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, а продолжатели его—Потуловъ, Бланкъ и нынѣшній управляющій А. Д. Колокольцовъ, въ сравнительно короткое время довели охотничье хозяйство Пущи до того состоянія благоустройства, въ которомъ мы его застаемъ теперь. Отдавая полную справедливость

39*

администраціи Пущи, тѣмъ не менѣе нельзя умолчать о нѣкоторыхъ недочетахъ охотничьяго хозяйства, происходящихъ отчасти отъ спѣшности, а отчасти оттого, что послѣ Андреевскаго во главѣ охотничьяго дѣла стояли люди, не готовившіе себя къ такой спеціальной дѣятельности. Это были хозяева, которымъ приходилось многое создавать вновь и многому учиться при самомъ веденіи дѣла. При этихъ условіяхъ остается только удивляться, насколько они успѣшно справились съ своей задачей. Уже въ 1894 году оказалось возможнымъ назначить Высочайшую охоту въ Пущѣ, и охоту не подтасованную, не бойню; а еще черезъ 6 лѣтъ охота была доведена до блестящаго состоянія въ смыслѣ количества и разнообразія звѣря на штрекахъ. Постараемся же обрисовать настоящее положеніе охотничьяго хозяйства Пущи по возможности безпристрастно, указывая на хорошія и не скрывая слабыхъ его сторонъ.

Всякое вполнѣ благоустроенное охотничье хозяйство должно преслѣдовать, главнымъ образомъ, задачу содержанія такого количества нормально развитого, свободнаго и способнаго къ размноженію звѣря, которое при наименьшихъ затратахъ давало бы наибольшее удовлетвореніе владѣльцу охоты, по возможности не нанося вреда другимъ отраслямъ хозяйства. Въ виду такого взгляда на правильное охотничье хозяйство, это послѣднее разбивается на слѣдующія отрасли: 1) уходъ за дичью, 2) охрана дичи и охоты, 3) размноженіе и улучшеніе состава дичи отстрѣломъ, внесеніемъ новой крови и скрещиваніемъ. Со всѣми этими задачами удѣльная администрація считалась и продолжаетъ считаться.

Подъ „уходомъ за дичью“ подразумѣвается задача предоставленія ей всѣхъ тѣхъ условій жизни, при которыхъ существованіе ея наиболѣе приближается къ первобытному, когда безъ всякаго ухода ей жилось привольно. „Ухаживать за дичью“ значитъ вернуть ей все то, что человѣкомъ постепенно отнималось у нея, т. е. свободу, просторъ и, по возможности, естественный кормъ. Уходъ за дичью облагораживаетъ охоту, даетъ новую окраску тому удовольствію, которое вѣками способствовало лишь къ уничтоженію звѣря и дичи. Правильный уходъ прежде всего направляется на то, чтобы дичь была сыта. Взглянемъ, насколько эта существеннѣйшая потребность всякаго звѣря удовлетворяется бѣловѣжскимъ охотничьимъ хозяйствомъ.

Кормленіе звѣря въ охотничьихъ угодьяхъ подраздѣляется на искусственное и естественное. Хорошимъ угодьемъ можетъ считаться только то, въ которомъ достаточно естественныхъ кормовъ, и гдѣ искусственные служатъ только подспорьемъ на непредвидѣнный случай, или для содѣйствія болѣе интенсивному размноженію звѣря, который

плодится лучше, когда сытъ. Если угодье не можетъ дать достаточно естественнаго корма, оно не можетъ считаться образцовымъ, и его администраціи необходимо изыскать средства къ измѣненію такого положенія.

Въ Бѣловѣжѣ, какъ мы видѣли изъ историческаго очерка, уже давно замѣчался недостатокъ естественнаго корма даже для зубровъ, когда другого звѣря въ дачѣ почти не было. Мы видѣли также, что заботы объ умноженіи кормовъ до перехода Пущи въ удѣлы ограничивались только увеличеніемъ площади зубровыхъ покосовъ и выжиганіемъ, а въ 60-хъ годахъ крестьянскими надѣлами отняли отъ звѣря гораздо болѣе, чѣмъ ему дали.

Съ теченіемъ времени постепенно прекратили сплошныя рубки. Пуща заростала еловымъ подсѣдомъ, районы лѣсныхъ, открытыхъ, травянистыхъ полянъ уменьшались, насажденія старѣли, затемняли Пущу и не давали наростать молодняку, крестьянскіе покосы расчищались уборкой ивняка, лозы и всѣхъ кустарниковыхъ породъ; крестьянскій скотъ пасли на болѣе обширныхъ пространствахъ; словомъ, площадь наилучшаго естественнаго корма быстро съуживалась, и къ концу 80-хъ годовъ Пуща была въ такомъ состояніи относительно естественнаго прокорма звѣря, что, когда задумали увеличить его составъ, то явилась необходимость приступить тотчасъ же къ заготовкамъ искусственнаго корма. Желая возможно быстрѣе образовать охоту, Пущу стали усиленно насаждать привознымъ звѣремъ, не дожидаясь естественнаго прироста его. Но насаждая, объ естественномъ кормѣ заботились мало, отчасти изъ-за того, что не были знакомы съ тѣмъ, что̀ звѣрю необходимо, да и вникать никто не старался. Несвѣдущему въ охотничьемъ хозяйствѣ трудно было заподозрѣть, что на пространствѣ 120.000 десятинъ не найдется достаточно корма. На дѣлѣ же оказалось, что сразу увеличившійся составъ звѣря въ два, три года покончилъ съ остатками естественныхъ кормовъ и сталъ поневолѣ набрасываться на тѣ породы, которыя въ сытомъ состояніи не трогаетъ; кромѣ того, звѣрь сталъ уходить изъ Пущи, хилѣть и колѣть. Потребовались энергичныя мѣры, и уже черезъ шесть лѣтъ, съ 1895 по 1901 годъ, ассигновка на заготовку искусственнаго корма возросла въ 27 разъ. Звѣря спасли, временно удержали въ Пущѣ посредствомъ крупныхъ денежныхъ затратъ и не останавливались передъ дальнѣйшими, хотя и меньшими затратами. Къ Высочайшей охотѣ 1900 года могли предоставить къ отстрѣлу небывалую доселѣ цифру въ 680 штукъ крупнаго звѣря за 10 дней охоты, при томъ безъ всякихъ ухищреній, практиковавшихся въ старое время.

Появленіе такой массы разнообразной дичи на штрекахъ можно бы

счесть за поразительный успѣхъ въ охотничьемъ хозяйствѣ, если бы при этомъ налицо не было признаковъ, заставляющихъ подозрѣвать, что въ будущемъ ожидать такихъ же результатовъ нельзя. Звѣрь на штрекахъ не былъ въ тѣлѣ, капитальныхъ оленей не было, лось былъ безъ лопатъ, средній вѣсъ кабана не превышалъ четырехъ пудовъ, въ массѣ убитыхъ козловъ попадались, правда, потомки перевезенныхъ въ 1890 году уральскихъ, съ хорошими рожками, но они составляли слабое меньшинство. Одни даніэли были недурны. Хуже же всего было то, что лиственный молоднякъ исчезъ окончательно, всюду виднѣлись обгрызанныя молодыя деревца, вереска почти не существовало и даже еловые и сосновые корни кое - гдѣ были обглоданы. Эти признаки доказывали, что звѣрю уже нечѣмъ „кормиться“, и его приходилось „кормить“.

На искусственный кормъ въ охотничьихъ хозяйствахъ надо смотрѣть, какъ на дополнительный, вызываемый недостаткомъ естественнаго, и тамъ, гдѣ дичь кормится только человѣкомъ, нужно признать, что мѣсто выбрано неудачно, или надо измѣнить весь строй хозяйства. Хорошее раціональное охотничье хозяйство должно имѣть въ виду не только простой прокормъ звѣря, но и развитіе въ немъ всѣхъ качествъ породистой дичи, что представляетъ особый интересъ въ Царскомъ угодьѣ.

Имѣя въ достаточномъ количествѣ естественный кормъ, звѣрь беретъ его съ выборомъ, ища вкусное и питательное; при этомъ онъ постоянно на ходу, его пищеварительные органы работаютъ равномѣрно, мускулы также. При „кормленіи“ картина измѣняется:—не находя зимою природнаго корма и быстро привыкая къ кормленію, звѣрь большую часть сутокъ остается съ пустымъ желудкомъ; онъ не ищетъ корма, а выжидаетъ дачи, вблизи отъ кормового пункта, и тогда набрасывается на ѣду, съ голоду переполняя желудокъ, отчего нерѣдко полегаетъ тутъ же, оставаясь безъ необходимаго моціона. Кромѣ того, кормленіе имѣетъ еще ту дурную сторону, что при скучиваніи звѣря у кормушекъ, старые, сильные отгоняютъ молодыхъ, и происходятъ бои, оканчивающіеся очень печально для слабѣйшихъ. Помимо того, при одновременной ѣдѣ массы звѣря, разыгрывается жадность, дичь хватаетъ наскоро все попадающееся, чего не дѣлаетъ при естественномъ кормленіи, имѣя возможность выбирать пищу, не торопясь.

На оленѣ всего болѣе замѣчается разница въ способѣ прокорма. Пользующійся хотя бы вполнѣ достаточной, доброкачественной зимней дачей, съ примѣсью различныхъ химическихъ веществъ, вліяющихъ на образованіе мощныхъ роговъ, онъ тѣмъ не менѣе никогда не будетъ имѣть того головного украшенія, которое носятъ не прикармливаемые уроженцы Кавказа и южной Сибири.

Естественное питаніе звѣря сокращалось повсюду по мѣрѣ развивавшейся земледѣльческой культуры; поэтому, въ европейскихъ охотничьихъ угодьяхъ обойтись теперь безъ искусственнаго корма невозможно. Но задача ухода за звѣремъ должна состоять преимущественно въ улучшеніи условій естественнаго питанія, насколько это согласуется съ требованіями правильнаго лѣсного хозяйства. Такая задача можетъ быть разрѣшена постепенными, обдуманными и основанными на опытахъ мѣропріятіями, а въ Пущѣ разрѣшить ее легче, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ Пуща сравнительно мало тронута культурой, и въ особенности, благодаря тому. что ея Царственные хозяева неоднократно выражали желанія, чтобъ для благоденствія звѣрового населенія и для устройства охоты не останавливались передъ жертвами. Нерѣдко приходится слышать со стороны спеціалистовъ-лѣсоводовъ опасенія, что особая забота о дичи наноситъ ущербъ правильной эксплоатаціи лѣса; но, очевидно, они мало знакомы съ цѣлями, которыя преслѣдуются организаторами правильныхъ охотъ. Лѣсничіе должны проникнуться мыслью, что въ хорошемъ охотничьемъ хозяйствѣ вовсе не преслѣдуется задача разведенія многочисленныхъ стадъ, а стремятся лишь къ тому, чтобы имѣть вполнѣ развитую, здоровую, а слѣдовательно и красивую по внѣшности дичь, въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія требованій хозяина охоты, не уничтожая при этомъ лѣса.

Итакъ, ничего не преувеличивая, можно сказать, что для того наличнаго состава звѣря, который содержится теперь въ Бѣловѣжской Пущѣ, она имѣетъ очень мало естественнаго корма. Постояннымъ увеличеніемъ искусственнаго дѣло не поправится. Необходимо принять другія мѣры.

Звѣрь получаетъ естественный кормъ подножнымъ и древеснымъ. Относительно подножнаго—Пуща никогда богата не была. Улучшать же его не старались, только незначительно расширяли площади покосовъ. Выселеніемъ нѣкоторыхъ центральныхъ селеній, путемъ обмѣна земель или покупкой, достигли бы отличныхъ результатовъ: образовались бы обширныя площади культивированныхъ кормовыхъ полей, которыя своимъ естественнымъ кормомъ замѣнили бы съ избыткомъ покупной. Чѣмъ скорѣе будетъ произведена эта реформа, тѣмъ выгоднѣе она будетъ для удѣльнаго вѣдомства и, думается, что въ экономическомъ отношеніи это будетъ наиболѣе правильное рѣшеніе. Необходимо также пріобрѣсти лучшіе прирѣчные крестьянскіе сѣнокосы. Въ данное время удѣлы платятъ не малыя деньги сторожамъ, обязаннымъ отгонять дичь съ полей и сѣнокосовъ; крестьянамъ выдаютъ жерди для огражденія ихъ полей, но они, однако, умышленно ограждаютъ ихъ не сплошь, дабы

удобнѣе было, пропустивъ звѣря въ поле и затѣмъ выгоняя чрезъ просвѣтъ, охотиться на животныхъ съ кольями.

Осушкою нѣкоторыхъ обширныхъ болотъ, не дающихъ теперь ничего звѣрю, получили бы новые покосы и пастбища, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшили бы условія для произрастанія древесныхъ породъ на такихъ осушенныхъ площадяхъ. Но осушками нельзя злоупотреблять, такъ какъ лось, напримѣръ, любитъ топи и умѣренно-сырыя мѣста, всегда предпочитая ихъ совершенно сухимъ. На средства, предназначаемыя для дорого стóящихъ работъ по осушкамъ, полезнѣе было бы пріобрѣсти крестьянскіе покосы, оставивъ болота нетронутыми.

Вопросъ о пастьбѣ скота былъ разобранъ при обрисовкѣ лѣсного хозяйства. Всѣ указанныя мѣры не могутъ, какъ кажется, идти въ разрѣзъ съ задачами лѣсоводственными, наоборотъ—онѣ только содѣйствуютъ имъ.

Древесный кормъ, какъ было сказано, также почти отсутствуетъ въ Пущѣ. Это можетъ показаться страннымъ, но это такъ. Для нѣсколькихъ сотенъ зубровъ и нѣсколькихъ тысячъ домашняго скота онъ прежде имѣлся въ обиліи, но съ тѣхъ поръ, какъ звѣря начали считать тысячами,—его почти не стало. Пуща до сихъ поръ богата разнообразіемъ лѣсныхъ породъ и въ этомъ отношеніи она вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ идеальнаго охотничьяго угодья; матеріалъ для образованія отличнаго древеснаго корма имѣлся и имѣется, но пользоваться имъ не умѣли. Дерево кормитъ звѣря молодыми побѣгами и листвой, а нѣкоторыя породы—корою и плодами. Побѣги и листву даетъ молоднякъ, доступный къ обгрызанію; но его, какъ мы видѣли, въ Пущѣ нѣтъ. Образовать его необходимо постепенными сплошными рубками, ограждаемыми на нужный срокъ, пока деревца верхними вѣтвями не выйдутъ изъ-подъ морды звѣря; дальнѣйшее обгрызаніе боковыхъ вѣтвей тогда уже не погубитъ дерева. Равномѣрное распредѣленіе по площади Пущи такихъ порубокъ, при постепенномъ погодичномъ разгораживаніи, дало бы ничѣмъ не замѣнимый обильный кормъ. При постепенномъ увеличеніи такихъ площадей, безъ соотвѣтственнаго увеличенія звѣрового состава, избѣгли бы нежелательнаго скучиванія дичи, обгрызаніе становилось бы все менѣе и менѣе замѣтнымъ и, вѣроятно, даже лѣсничіе не нашли бы его вреднымъ. Сплошныя рубки въ такой громадной дачѣ, какъ Бѣловѣжская Пуща, производимыя съ цѣлью только доставленія корма звѣрю и возмѣщенія затратъ на содержаніе охоты, не могутъ нарушать спокойствія звѣря, какъ нѣкоторые предполагаютъ. Дичь очень скоро привыкаетъ къ шуму и даже идетъ на него, зная, что тамъ, гдѣ шумятъ, она будетъ сыта; при зимнихъ рубкахъ, къ веснѣ, звѣри такъ осваиваются съ рубкой, что массами наполняютъ делянку

съ одной стороны, когда работа еще кипитъ на другой. Ночью звѣрь не покидаетъ порубочныхъ раіоновъ, кормясь побѣгами, почками, а къ веснѣ — сочной корой срубленныхъ лиственныхъ деревьевъ; онъ тогда почти не посѣщаетъ кормушекъ, пренебрегая лучшимъ сѣномъ и клеверомъ. Было время, когда сбытъ малоцѣннаго дровяного и даже строевого лѣса изъ Пущи былъ затруднителенъ, отчего выборочная система рубокъ была единственною возможною, но съ проведеніемъ въ центръ Пущи желѣзной дороги экономическое положеніе дачи измѣнилось, теперь все можно сбыть, а потому и рубить не страшно, тѣмъ болѣе, что, срубая перезрѣлый лѣсъ, спасаютъ часть погибающаго капитала. Сплошными рубками въ тѣхъ размѣрахъ, которые требуются для образованія необходимыхъ площадей молодняка и для сохраненія на зиму корма, внѣшній видъ и характеръ Бѣловѣжскаго лѣса измѣниться не можетъ, и Пуща останется при своей величавой красотѣ. При сплошныхъ рубкахъ достигается еще одна существенная выгода—это сокращеніе порчи дичью лѣса, находящагося на корню.

Во многихъ охотничьихъ угодьяхъ звѣря прикармливаютъ заготовленными вѣниками. Это безспорно отличный кормъ, но только, когда заготовка произведена не позднѣе конца іюня, съ выборомъ самыхъ полезныхъ и любимыхъ дичью породъ. Вѣниками кормили въ Пущѣ до текущаго года, но съ нынѣшняго и этотъ способъ пришлось прекратить за ненахожденіемъ достаточнаго матеріала и дороговизною заготовки.

Зимнія перекочевки звѣря изъ Пущи въ сосѣднія съ нею лѣсныя дачи, совершаются отчасти изъ-за того, что въ этихъ дачахъ производились порубки, а въ ней—нѣтъ. Массовый же уходъ дичи изъ Пущи въ послѣдніе года — фактъ безспорный; даже зубръ, столь извѣстный привязанностью къ мѣсту, и тотъ уходитъ. Въ 1901 году взрослыхъ зубровъ насчитывали 642, приплоду было—85, убыль показана въ 55. Предположимъ, что еще 20 павшихъ экземпляровъ не были разысканы (въ сущности, на 50 установленныхъ смертей, при настоящемъ тщательномъ уходѣ, нельзя предположить, чтобъ 20 павшихъ остались не разысканными), — итого, слѣдовательно, убыло 75 и къ 1902 году должно бы находиться налицо около 650-ти, а ихъ оказалось—577. Куда же дѣвались болѣе 70-ти экземпляровъ? Если бы не досчитались 15-ти, скажемъ даже 30-ти, такую разницу можно было бы приписать случайности въ подсчетѣ, которая всегда возможна, хотя и не въ такой пропорціи; но прискорбный фактъ исчезновенія 70-ти слишкомъ въ одинъ годъ указываетъ на то, что причину слѣдуетъ искать въ другомъ. Причина эта—оставленіе Пущи по недостатку корма; почему

и нельзя болѣе откладывать приведенія въ исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя бы остановили массовый уходъ звѣря. Бѣглый взглядъ на таблицу звѣрового состава (см. стр. 338) показываетъ, что въ послѣдніе два года не досчитались также оленей, лосей и кабановъ, несмотря на то, что приплодъ ихъ былъ нормаленъ.

Въ правильно поставленныхъ охотничьихъ угодьяхъ стараются культивировкою лѣса насадить тѣ породы, которыя особенно цѣнны для дичи, какъ-то: дубъ, букъ, грабъ, осину, ясень, дикую яблонь, черешню, конскій каштанъ, рябину, иву, боярышникъ, черную бузину, орѣшникъ и др. Часть этихъ породъ даютъ листвою, почками, молодыми отпрысками—наилучшій кормъ, другая часть — даетъ плоды, собираніе которыхъ отвлекаетъ дичь отъ непосредственной порчи дерева обгрызаніемъ и тѣмъ спасаетъ болѣе благородные сорта деревьевъ.

До 1897 года лѣсныя культуры въ Пущѣ производились въ лѣсу посадкой изъ немногочисленныхъ питомниковъ, безъ огораживанія. Полагалось обносить изгородью только площади отъ 5 десятинъ и болѣе, считая, что на меньшей площади звѣрь не тронетъ подростка; но печальный результатъ не замедлилъ обнаружиться. Черезъ два года отъ посадокъ ничего не осталось: все было изгрызано и истоптано. Позднѣе, въ продолженіе трехъ лѣтъ, засадили до 140 десятинъ. Въ настоящее время культуры производятся въ кварталахъ, или на большихъ полянахъ, предварительно обносимыхъ плотной изгородью въ сажень вышины. Чрезъ такую изгородь не проходитъ, за рѣдкими исключеніями, не только крупный, но и мелкій звѣрь; всѣ поляны въ Пущѣ уже огорожены, и въ нихъ производятся посадки; въ среднемъ, въ каждомъ имѣніи такихъ полянъ отъ 5 до 8, общей площадью около 150 дес. Посадки послѣднихъ лѣтъ вполнѣ удовлетворительны, и нельзя не признать, что это дѣло пошло по правильному пути, хотя результаты его обнаружатся еще не скоро. Менѣе твердо стоитъ дѣло съ посадками и посѣвами для охотничьихъ цѣлей. Теперь предположено производить посѣвъ и посадку различныхъ кормовыхъ породъ въ загороженныхъ мѣстахъ, одновременно съ разведеніемъ лѣсныхъ породъ и, можно надѣяться, что лѣтъ черезъ 10—15, когда разгородятъ первые кварталы, звѣрь найдетъ въ нихъ обильную пищу. Посадки каштана производились въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ при усадьбахъ лѣсниковъ, охотничьей стражи и въ звѣринцѣ.

Теперь о массовыхъ посадкахъ въ Пущѣ полезныхъ для звѣря древесныхъ породъ говорить рано, такъ какъ для того необходимо бы имѣть удобныя площади, но таковыхъ нѣтъ, а образованіе ихъ рубкою и выкорчевкой потребовало бы крупныхъ затратъ; между тѣмъ необходимо дать звѣрю обильный подножный кормъ луговыми и

лѣсными травами, которыя всегда предпочитаются звѣремъ древесному корму.

Существуетъ много испытанныхъ мѣръ къ образованію и улучшенію естественнаго корма, которыя практикуются въ заграничныхъ охотничьихъ угодьяхъ, но результаты которыхъ сказываются не скоро, а потому для бѣловѣжскаго охотничьяго хозяйства—пока не примѣнимы. Въ Пущѣ надо торопиться дать хоть что-нибудь, чтобы предупредить падежъ и уходъ звѣря, а затѣмъ уже заботиться о дальнѣйшемъ улучшеніи кормовъ для полученія болѣе сильныхъ и красивыхъ особей. Тѣмъ не менѣе, нельзя умолчать о полнѣйшей возможности теперь же приступить къ посадкамъ нѣкоторыхъ, быстро растущихъ на самой плохой почвѣ и дающихъ обильный и здоровый кормъ, растеній, изъ коихъ самое извѣстное заграничнымъ охотникамъ—не имѣющее соотвѣтственнаго русскаго названія—Spartium scoparium. Это растеніе, насажденное группами по лѣснымъ просвѣтамъ, тамъ, гдѣ ничто другое не растетъ, черезъ два года развивается въ кустъ, который можетъ дать звѣрю столько пищи, какъ полпуда хорошаго сѣна. Обглоданное почти до корня, растеніе это не пропадаетъ, а вновь тянется отъ корней и, будучи защищено высокимъ плетнемъ первые два года, разростается настолько, что скоро покрываетъ цѣлыя обширныя площадки, не требуя затѣмъ никакого ухода. Зимою оно замѣняетъ верескъ и ягодники. При единовременной затратѣ нѣсколькихъ сотъ рублей на каждое изъ бѣловѣжскихъ имѣній, можно бы насадить Spartium scoparium въ необходимомъ количествѣ. Пробныя посадки уже производились въ 1897 году, но дали плохіе результаты тамъ, гдѣ ихъ не оградили; лѣсная администрація Пущи, мало знакомая съ такими культурами, до сихъ поръ не обращала на нихъ серьезнаго вниманія. Въ 1901 году въ огражденномъ кварталѣ насадили двѣ площадки по 2 квадратныхъ аршина, и теперь уже стоятъ полутора-аршинные кусты.

Искусственное кормленіе. (Смотри карту № 3, стр. 324 и 325). За недостаткомъ молодого лѣса и пастбищныхъ угодій, искусственное кормленіе звѣрей обратилось въ самую важную отрасль охотничьяго хозяйства Пущи. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ по переходѣ Пущи въ удѣлы въ этомъ отношеніи не произошло существенныхъ перемѣнъ. Зубры попрежнему жили впроголодь, получая въ недостаточномъ количествѣ сѣно плохого качества, а изъ остальныхъ звѣрей кормили только тѣхъ, которые содержались въ звѣринцѣ. Для нихъ заготовлялись вѣники, сноповой овесъ, и въ общемъ прикормъ обходился около 3.000 рублей въ годъ; но по мѣрѣ того, какъ увеличивался звѣровой составъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сокращались естественные корма, пришлось серіозно озабочиваться пропита-

40*

ніемъ звѣрей. До 1894 года на всю Пущу имѣлось 4 кормовыхъ сарая, 8 оборогова и 10 кормушекъ. Сараи представляли навѣсы на столбахъ надъ обширными яслями, въ которыя закладывалось сѣно сразу на нѣсколько дней. При подобномъ устройствѣ въ сильные дожди и мятели сѣно, конечно, подмокало, гнило, и кромѣ того, масса корма пропадала совершенно безполезно, потому что звѣри не столько съѣдали, сколько растаскивали и затаптывали, когда ясли бывали переполнены. Съ 1895 года, вмѣсто прежнихъ навѣсовъ, стали строить вполнѣ закрытые сараи для храненія корма, а вокругъ сарая ставились ясли,

Открытый сарай - навѣсъ стараго типа на кормовомъ пунктѣ. Ориг. рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

въ которыя кормъ задавался ежедневно. Изъ года въ годъ число кормовыхъ пунктовъ увеличивалось, что было крайне важно для того, чтобы звѣри не скучивались у одного мѣста и не отбивали другъ отъ друга корма, и въ настоящее время имѣется уже 64 сарая-склада, 27 обороговъ и 190 отдѣльныхъ кормушекъ. Сараи располагаются не слишкомъ далеко отъ звѣринца, возлѣ котораго всего охотнѣе держатся молодые звѣри и, первое время, тѣ, которыхъ выпускаютъ изъ звѣринца на свободу. Для сараевъ по возможности выбираютъ холмики съ рѣдкимъ лѣскомъ вблизи отъ густой заросли ельника и водопоя, т. е. ключа или рѣчки. Кормушки большею частью разставляютъ невдалекѣ отъ сарая,

иначе ежедневная задача корма была бы слишкомъ затруднительна; но очень желательно было бы имѣть побольше кормушекъ, разбросанныхъ поодаль въ глухихъ мѣстахъ, для того, чтобы удерживать старыхъ оленей, которые не подходятъ къ люднымъ мѣстамъ и къ общимъ кормовымъ пунктамъ.

Значеніе отдѣльныхъ кормушекъ, при разнообразіи породъ звѣря, побудило устроить въ 1902 году еще 131 кормушку. До сихъ поръ, однако, въ Пущѣ совсѣмъ нѣтъ никакихъ устройствъ для прокорма молодежи. Такія устройства въ другихъ угодьяхъ сводятся къ обнесенію обыкновенной кормушки особымъ очень прочнымъ палисадомъ, въ которомъ оставляются только узкіе проходы для мелкой дичи.

На кормовые пункты кормъ доставляется изъ главныхъ складовъ, состоящихъ изъ сарая для сѣна и овса и погреба для корнеплодовъ. Такихъ складовъ пять, по числу имѣній, и ихъ наполняютъ раза три, четыре въ зиму особые поставщики, по контракту. Пріемка корма производится комиссіею изъ управляющаго имѣніемъ, завѣдующаго охотою или оберъ-егеря и особаго агента отъ управленія. Завѣдываніе же складомъ лежитъ на мѣстномъ оберъ-егерѣ, у котораго хранятся ключи отъ сарая, и онъ же наблюдаетъ за развозкою оттуда корма по кормовымъ пунктамъ.

Закрытый сарай для храненія корма.
Фотографія съ натуры Г. Карцова.

Ежегодно, не позднѣе 15-го сентября, завѣдующій охотою представляетъ смѣту прокорма звѣрей на то количество, которое выяснилось при послѣднемъ подсчетѣ. Въ смѣтахъ общее количество корма опредѣляется со-

образно нормировкѣ, установленной для каждой породы. По смѣтамъ 1901 и 1902 г. разсчитывали выдавать:

Въ 1901 г.	Кормов. дней.	Сѣна.	Выки или клевера.	Корнепл.	Примѣчаніе.
Зубру.	196	12 ф.	4 ф.	4 ф.	Зуброваго сѣна накошено
Оленю.	151	1 ф.	1 ф.	$1\frac{1}{2}$ ф.	было до 15.000 пудовъ.
Даніэли.	151	$\frac{3}{4}$ ф.	$\frac{2}{4}$ ф.	1 ф.	
Козѣ.	На весь сезонъ 0,75 пуда сѣна, клевера или выки и $1\frac{1}{2}$ пуда корнеплода.				
Кабану.	—	—	—	—	По расчету 1 р. на голову.
Въ 1902 г.					
Зубру.	196	12 ф.	6 ф.	6 ф.	
Оленю.	151	1 ф.	1 ф.	$2\frac{1}{2}$ ф.	Зуброваго сѣна накошено было
Даніэли.	151	$\frac{1}{2}$ ф.	$\frac{1}{2}$ ф.	$1\frac{1}{2}$ ф.	отъ 15.000 до 18.000 пудовъ.
Козѣ.	На весь сезонъ 0,75 пуда сѣна, клевера или выки и $1\frac{1}{2}$ пуда корнеплода.				
Кабану.	—	—	—	—	По расчету 1 р. на голову.

Въ переводѣ на деньги въ зиму отпускалось: на оленя—4 р. 50 к., кабана—1 р., козу—75 к. и только на зубра расходовали до 40 рублей. Приведенныя цифры ясно показываютъ, что администрація не баловала звѣря, хотя въ общей сложности статья прикорма возросла теперь до значительной суммы въ 47.000 рублей.

Кормовой періодъ начинается обыкновенно съ половины октября и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля, но уже съ конца августа замѣчается, что зубры подходятъ къ стогамъ на сѣнокосахъ; они же первые являются на кормовые пункты и при началѣ прикормки. Раннiй подходъ зубровыхъ стадъ вызывается тѣмъ, что кормовые пункты расположены по грудовымъ мѣстамъ, на которыхъ трава держится до глубокой осени, благодаря тому, что за зиму вездѣ вокругъ накопляется много навоза. Осенью, когда повсюду въ Пущѣ трава уже совершенно суха и несъѣдобна, по унавоженнымъ мѣстамъ, возлѣ сараевъ, еще достаточно свѣжаго подножнаго корма. Уборка навоза, производящаяся въ небольшихъ угодьяхъ ради опрятности и съ гигіеническими цѣлями, въ Пущѣ пока непримѣнима. Вывозка за предѣлы стоила бы слишкомъ большихъ денегъ, а унавоживаемыхъ кормовыхъ полей не имѣется.

Въ началѣ прикормки еще не всѣ зубровыя стада въ сборѣ около сараевъ, а только бродятъ по направленію къ нимъ и отъ нихъ, продолжая разыскивать естественный кормъ. По мѣрѣ наступленія холо-

Кормовой складочный сарай и погребъ для храненія корнеплодовъ. Панорамный снимокъ А. Далматова.

довъ, стояніе у сараевъ становится продолжительнѣе, хотя привычка бродить беретъ свое. Стадо, подошедшее осенью къ сараю, не удерживается возлѣ него въ теченіе всей зимы, оно блуждаетъ отъ одного сарая къ другому, въ раіонѣ 5 или 6 квадратныхъ верстъ, поэтому и распредѣленіе зубровъ по сараямъ сначала очень неравномѣрно. Сегодня у сарая 20—25 головъ, а завтра только 5 или 6, и сообразно съ этимъ въ ясли закладывается кормъ. Нѣкоторыя стада приманиваютъ разбрасываніемъ корма полосою по направленіямъ къ сараямъ, а одинцамъ, которые не подходятъ къ общимъ кормовымъ пунктамъ, доставляютъ сразу трехъ или четырехдневную порцію къ стоянкамъ. Въ началѣ января почти всѣ зубры на счету, и егеря, задающіе кормъ, знаютъ звѣрей своего раіона. Тутъ узнаютъ строптивыхъ и самыхъ смирныхъ, замѣчаютъ убыль и прибыль и даже наблюдаютъ больныхъ, которыхъ опытный глазъ различаетъ одинаково, какъ и домашній скотъ. Не досчитываясь хотя бы одного, состоящаго въ подозрѣніи относительно здоровья, его идутъ искать и большею частью безъ ошибки находятъ околѣвающимъ или палымъ. Въ оттепель зубры расходятся шире и, несмотря на заложенный кормъ, охотнѣе берутъ оттаивающіе побѣги, но въ морозы и вьюги всѣ при сараяхъ или поблизости, въ чащахъ ельника. Въ то время, какъ зубры собираются при сараяхъ, остальные звѣри ютятся поодаль, и среди нихъ менѣе прочихъ боятся зубровъ кабаны. Въ Пущѣ зачастую можно видѣть, какъ кабанъ, подобно собакѣ, гоняется за даніэлью и даже за оленемъ. Смѣлѣе всѣхъ лѣзутъ къ кормушкамъ прожорливыя даніэли, олени осторожничаютъ, а бѣдныя козы вертятся вокругъ, подбирая разбросанные остаточки. Конечно, видѣть всѣ породы бѣловѣжскихъ звѣрей одновременно удается

весьма рѣдко. По утрамъ голодный звѣрь стягивается къ сараямъ въ ожиданіи сторожа и быстро подбираетъ заданный кормъ. Зубры, утоливъ голодъ, полегаютъ тутъ же вблизи, а остальные расходятся подальше и также ложатся. Послѣ полудня, къ вечеру, звѣри опять тянутъ къ кормовымъ пунктамъ и черезъ день получаютъ корнеплоды, разбрасываемые по дорогамъ, по которымъ еще до 1901 года разбрасывались вѣники. Корнеплоды всегда хорошаго качества, и ихъ раздаютъ съ такимъ расчетомъ, чтобы звѣри успѣвали поѣдать ихъ

Кормушка для оленей, даніэлей и козъ.
Фотографія съ натуры А. Далматова.

прежде, нежели они промерзнутъ; сѣно, доставляемое въ Пущу, также вполнѣ доброкачествено. Два года назадъ, желая узнать, сколько съѣдаетъ зубръ, если ему дать вволю, въ ясли заложили большую порцію отборнаго сѣна, предварительно взвѣсивъ его. Послѣ подсчета стада, кормившагося въ теченіе сутокъ, оказалось, что зубры, въ томъ числѣ и телята, на кругъ съѣли по пуду. Подобнаго опыта съ остальными звѣрями не производили, потому что съ ними труднѣе сдѣлать точный подсчетъ; къ тому же они охотнѣе, чѣмъ зубры, отыскиваютъ естественный кормъ даже зимою и что-нибудь да находятъ. Дачу

въ пудъ на зубра нельзя принимать за норму, потому что каждый день такого количества сѣна заѣвшійся зубръ не поглотить, въ особенности въ болѣе теплые дни. Въ другихъ охотничьихъ хозяйствахъ, обыкновенно, кормятъ звѣрей усиленно съ осени и весною. Это дѣлается для того, чтобы звѣрь встрѣтилъ суровое время года въ хорошемъ тѣлѣ, и чтобы къ веснѣ самки могли давать достаточно молока, благодаря чему приплодъ хорошо развивается и быстро крѣпнетъ за лѣто. Усиленная весенняя дача способствуетъ также развитію рога,

Пріемъ корнеплодовъ изъ погреба.
Фотографія съ натуры
А. Далматова.

который именно въ это время формируется. Въ Пущѣ же, къ сожалѣнію, усиленная дача корма прибeрегается для суровыхъ морозовъ и мятелей, когда звѣрю уже окончательно нечего добыть самому. Если долголѣтній опытъ заграничныхъ угодій можетъ служить правильнымъ указателемъ, то такой выборъ кормового періода въ Пущѣ слѣдуетъ признать неудачнымъ.

Значительнымъ подспорьемъ искусственному кормленію служитъ недавно введенная рубка осины. Сообразно съ требованіями завѣдующаго охотою, эта рубка регулируется въ теченіе зимы, и, нисколько

У КОРМОВОГО ПУНКТА ЗИМОЮ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

не истощаетъ пущинскаго запаса, такъ какъ ежегодно вырубаютъ всего около 7.000 деревьевъ, вмѣсто назначаемыхъ къ рубкѣ 10.000. Звѣри съ жадностью обгладываютъ осину, не оставляя буквально ни волокна. При первыхъ признакахъ набуханія почекъ и движенія весеннихъ соковъ, вся дичь одновременно прекращаетъ посѣщеніе кормовыхъ пунктовъ.

При каждомъ значительномъ кормовомъ пунктѣ имѣются искусственные солончаки, представляющіе большія деревянныя корыта, вры-

Разбрасываніе корнеплодовъ по дорогамъ.
Фотографія съ натуры
А. Далматова.

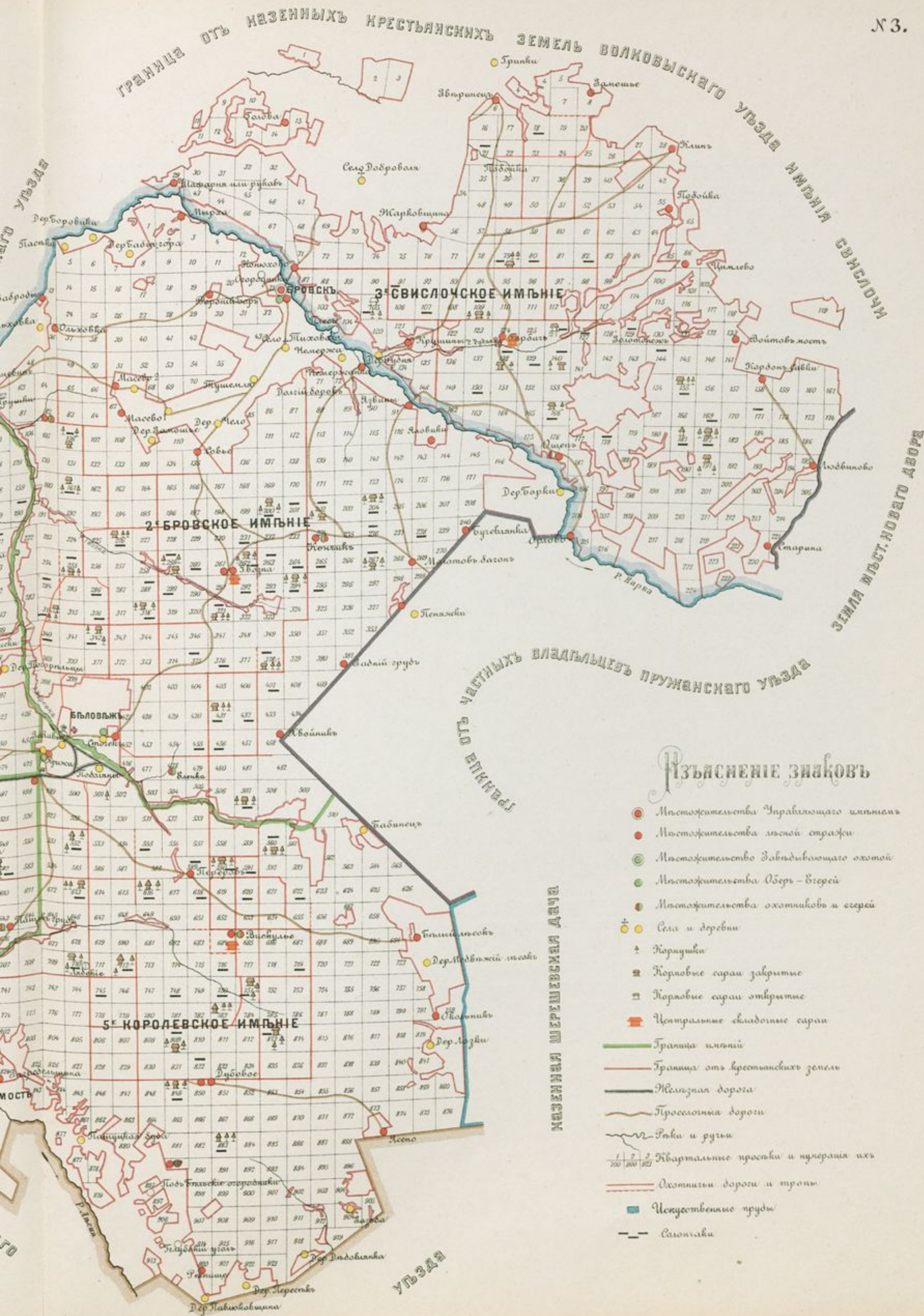
тыя наполовину въ землю. Корыто набиваютъ выше краевъ глиною, сильно напитанною крѣпкимъ солянымъ растворомъ. Звѣрямъ очень удобно лизать эту массу. Относительно пользы солончаковъ существуютъ различныя мнѣнія. Одни, основываясь на жадности всѣхъ звѣрей къ соли, считаютъ солончаки необходимымъ воспособленіемъ къ корму; другіе,—наблюдая отлично развитыхъ животныхъ въ угодьяхъ, въ которыхъ не знаютъ солончаковъ, видятъ въ нихъ только лакомство и способъ удерживать звѣрей въ угодьѣ. Дѣйствительно, въ да-

КАРТА
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ
1902 ГОДА
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ КОРМОВЫХЪ И СКЛАДОЧНЫХЪ САРАЕВЪ, ИСКУССТВЕННЫХЪ ПРУДОВЪ И СОЛОНЧАКОВЪ

Масштабъ 4 версты въ дюймъ

Картогр. зав. А. Ильина С.П.Б.

Граница отъ казенныхъ крестьянскихъ земель Волковыскаго уѣзда имѣнія Свислочь
3е Свислочское имѣніе
2е Бровское имѣніе
5е Королевское имѣніе
Бровскъ
Бѣловѣжъ
Граница отъ частныхъ владѣльцевъ Пружанскаго уѣзда
Земля мѣст. Новаго Двора
Казенная Шерешевская дача
уѣзда
Р. Ярна
Р. Лѣсна
Грипки
Звѣринецъ
Замошье
Клинъ
Подойка
Цимлево
Войтовъ мостъ
Кордонъ Завви
Людвиново
Старина
Село Доброволя
Жарковщина
Голова
Шафарня или рукавъ
Мырха
Дер. Боровики
Пасѣка
Дер. Бабья гора
Ольховка
Село Тиховоля
Немержа
Крушинъ
Тушемля
Масево
Дер. Чело
Дер. Замошье
Совье
Яловики
Ощепъ
Дер. Борки
Орловъ
Бучеблянка
Кончикъ
Пензжи
Хвойникъ
Бабинецъ
Перерово
Вискули
Былинскъ
Дер. Медвѣжій лѣсокъ
Окольникъ
Дер. Лозки
Дубовое
Ясено
Дер. Павловщина
Дер. Перестѣкъ
Дер. Одоблянка
А. Ильина С.П.Б.
Изъясненіе знаковъ
Мѣстожительства Управляющаго имѣніемъ
Мѣстожительства лѣсной стражи
Мѣстожительство Завѣдывающаго охотой
Мѣстожительства Оберъ-Егерей
Мѣстожительства охотниковъ и егерей
Села и деревни
Кормушки
Кормовые сараи закрытые
Кормовые сараи открытые
Центральные складочные сараи
Граница имѣній
Граница отъ крестьянскихъ земель
Желѣзная дорога
Проселочныя дороги
Рѣки и ручьи
Квартальные просѣки и нумерація ихъ
Охотничьи дороги и тропы
Искуственные пруды
Солончаки

чахъ, богатыхъ естественными кормами, звѣри, начиная съ весны и до осени, почти не подходятъ къ солончакамъ, находя въ молодой, свѣжей растительности достаточно хлористаго натра, а въ Пущѣ, наоборотъ, звѣри охотнѣе всего набрасываются на солончаки весною, т. е. ко времени истощенія естественныхъ кормовъ. Затѣмъ, и какъ средство удерживать звѣря, солончаки далеко не безполезны въ Пущѣ.

Кормовой пунктъ лѣтомъ. Фотографія Гана.

Вопросъ о водопоѣ, несмотря на обиліе рѣкъ въ Пущѣ, составляетъ также одну изъ важныхъ хозяйственныхъ заботъ. Затруднительный подходъ къ рѣкамъ, побережья которыхъ находятся во владѣніи крестьянъ, побуждаетъ администрацію расчищать ключи на боровыхъ мѣстахъ. Работы производятся обыкновенно въ сухое время—въ іюлѣ и августѣ, и въ 1901 году было расчищено около 15-ти водо-

поевъ. Кромѣ необходимости предоставить звѣрямъ здоровую воду, вмѣсто загнивающей изъ засоренныхъ ручейковъ, устройство питьевыхъ пунктовъ по всей Пущѣ очень важно для равномѣрнаго распредѣленія дичи, въ особенности во время Высочайшихъ охотъ. Въ сухое лѣто весь звѣрь тянетъ къ рѣкамъ, и отгонять его оттуда для охоты очень затруднительно. Притомъ же прекращеніе ему доступа къ рѣкамъ нежелательно, такъ какъ вдали отъ нихъ онъ не находитъ хорошей воды.

Сбереженіе дичи въ организованныхъ хозяйствахъ имѣетъ въ виду три цѣли: ее оберегаютъ отъ неблагопріятныхъ климатическихъ явленій, отъ хищниковъ и отъ человѣка. Борьба со зломъ, происходящимъ въ Пущѣ отъ первыхъ двухъ причинъ, гораздо легче борьбы съ человѣкомъ. Свободно живущій звѣрь самъ обладаетъ большою способностью противостоять вреднымъ климатическимъ вліяніямъ. Задача охотничьей администраціи сводится только къ тому, чтобы не лишать звѣря его естественныхъ условій защиты отъ холода, ненастья, сильныхъ вѣтровъ, солнцепека, насѣкомыхъ и прочихъ невзгодъ, противъ которыхъ въ нетронутыхъ культурою лѣсахъ звѣрь находитъ все нужное самъ. Въ этомъ отношеніи Пуща, при своемъ умѣренномъ климатѣ, разнообразіи и почти дѣвственности лѣса—не оставляетъ желать лучшаго.

Главною защитою является еловый подростъ, который особенно цѣненъ въ большемѣрномъ сосновомъ бору, гдѣ звѣрю нѣтъ другой защиты и гдѣ ель не вредитъ лѣсу; въ лиственныхъ же насажденіяхъ, какъ лѣсоводъ, такъ и охотникъ, одинаково пожелаютъ избавиться отъ ели; и тотъ и другой относятся въ этомъ случаѣ одинаково враждебно къ ели, такъ какъ послѣдняя, заглушая лиственныя породы, понижаетъ цѣнность лѣса и въ то же время уменьшаетъ количество корма для звѣря.

Истребленіе хищниковъ, на которое уже за послѣдніе годы управленія Пущею министерствомъ было обращено серьезное вниманіе, идетъ теперь настолько успѣшно, что не будемъ останавливаться на этомъ подробно, такъ какъ мы уже объ этомъ говорили ранѣе. Замѣтимъ только, что въ послѣднее время орудіями борьбы служатъ ружье и отчасти собаки. Силки, западни, капканы безусловно воспрещены, потому что давали бы возможность браконьерамъ разставлять ихъ для ловли всякихъ звѣрей и для доказательства принадлежности ловушки стражѣ или браконьеру, пришлось бы каждый разъ производить слѣдствіе. Стрихнинныя пилюли также отмѣнены, потому что съ уничтоженіемъ волковъ пилюли стали опаснѣе кабанамъ и егерскимъ собакамъ, чѣмъ хищникамъ. Собакъ, въ особенности таксъ, егеря содержатъ для выкапыванія лисицъ и барсуковъ. Таксъ развели отъ

пары, принадлежавшей завѣдующему охотою. Система премій, введенная Андреевскимъ, сослужила охотничьему хозяйству огромную службу. Нижеслѣдующая вѣдомость всего нагляднѣе покажетъ, какъ ведется борьба.

ВѢДОМОСТЬ

отстрѣленнымъ хищникамъ въ Бѣловѣжской Пущѣ съ 1888 по 1902 г.

Года.	Волки.	Рыси.	Лисицы.	Куницы.	Хорьки.	Горностаи.	Барсуки.	Выдры.	Норки.	Ласки.	Одиночныхъ гнѣздъ.										Сумма, выданная преміями.
											Орлы.	Филины.	Истребовъ и совъ.	Сороки.	Сойки.	Вороны.	Орла съ родителями.	Истреба и совы съ родителями.	Истреба и совы безъ род.	Истребовъ изъ-подъ филина.	
1888	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1889	—	2	10	25	55	12	2	1	—	—	1	—	187	2	1135	30	—	—	—	—	—
1890	6	6	94	80	277	—	17	2	—	72	—	2	532	4	—	—	—	—	—	—	—
1891	5	2	109	55	161	—	1	—	2	52	—	4	895	11	7154	—	—	—	—	—	—
1892	1	—	5	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1893	—	—	3	2	—	—	—	—	—	1	1	—	138	—	—	—	—	—	—	—	—
1894	—	—	1	11	5	—	—	—	—	—	—	—	86	—	—	—	—	—	—	—	—
1895	6	3	132	43	8	—	3	—	—	2	4	2	197	—	—	—	—	—	—	—	341 р. 60 к.
1896	4	—	108	125	24	—	33	—	—	3	15	8	510	—	—	—	—	—	—	—	506 р. 75 к.
1897	8	2	153	164	60	—	62	—	—	1	—	—	103	—	—	—	—	—	—	—	570 р. 15 к.
1898	2	—	140	68	32	—	15	—	—	1	—	—	215	—	—	—	—	—	—	—	339 р. 75 к.
1899	2	1	304	156	101	—	39	—	—	1	7	—	623	—	—	—	2	245	42	72	1.604 р. —
1900	3	2	527	255	279	—	47	—	—	5	7	—	825	—	—	—	1	538	23	118	3.206 р. 30 к.
1901	2	1	415	231	210	—	23	—	—	2	3	3	129	—	—	—	3	201	4	—	1.290 р. 70 к.
1902 по 1 іюля.	3	—	632	190	228	—	25	—	—	2	4	—	1029	—	—	—	—	—	—	—	

Сопоставляя приведенныя цифры съ размѣромъ опредѣленныхъ по годамъ премій (см. стр. 297), нельзя не придти къ выводу, что слишкомъ большое пониженіе ихъ, произведенное съ 1892 года, сказалось рѣзкимъ уменьшеніемъ числа убитыхъ хищниковъ. Съ исправленіемъ этой ошибки въ 1896 году, число истребляемыхъ хищниковъ возрастаетъ. Возрастаніе это нельзя объяснить тѣмъ, что хищниковъ изъ года въ годъ становится больше; вѣрнѣе предположить, что охотничій персоналъ, поощряемый преміями, съ каждымъ годомъ совершенствуется въ борьбѣ съ ними.

Безъ сомнѣнія о полномъ истребленіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ Пущу хищники постоянно прибываютъ извнѣ. Вредъ, причиняемый хищниками бѣловѣжскому охотничьему хозяйству, теперь ничтоженъ: дичи, растерзанной волками и рысями, болѣе не находятъ. Лисица, которой въ Пущѣ достаточно, можетъ, правда, лакомиться новорожденными козлятами и оленятами, но и эти случаи довольно рѣдки, такъ какъ задавить звѣрька лиса можетъ только въ тотъ короткій періодъ, пока онъ не въ состояніи слѣдовать за маткой, а болѣе мелкому хищнику еще труднѣе справиться съ пущинскимъ звѣремъ. Уничтоженіе вредныхъ для пера хищниковъ: сорокъ, воронъ и соекъ—было пріостановлено въ 1892 г., въ виду значительнаго расхода на преміи и, главнымъ образомъ, потому, что охоты по перу сохранять тогда не предполагали. При массѣ крупнаго звѣря въ Пущѣ, нельзя разумѣется допускать стрѣльбу рябчиковъ, охоту съ легавой въ звѣровыхъ стоянкахъ, съ гончими и т. п.; тѣмъ не менѣе, задача всякаго хорошо поставленнаго охотничьяго угодья должна заключиться въ сбереженіи и охранѣ, какъ оленя, такъ и куропатки. Токующему глухарю перечисленныя породы хищныхъ птицъ не мѣшаютъ, всей же остальной пернатой дичи—наносятъ большой вредъ.

Съ 1895 года, при возвышеніи премій, установили, между прочимъ, премію за истребленіе бродячихъ собакъ и кошекъ; но случаи эти, нужно думать, были настолько рѣдки, что въ вѣдомости для нихъ не отведено даже графы.

Охрана дичи отъ человѣка сводится къ обереганію ея отъ браконьеровъ и всякаго люда, посѣщающаго Пущу. Первые уносятъ дичь съ собою, а отъ вторыхъ дичь бѣжитъ сама, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ наносится одинаковый ущербъ охотѣ.

Послѣднее десятилѣтіе въ Пущѣ кипѣла лихорадочная дѣятельность: топографическія и таксаторскія работы, расчистка просѣкъ, проведеніе дорогъ--проѣзжихъ, охотничьихъ, сквозного шоссейнаго пути съ запада на юго-востокъ, желѣзной дороги отъ Гайновки до центра Пущи, постройка дворца и пр.; на ряду съ главными работами шла уборка хлама, валежника, сухостоя, выкапываніе придорожныхъ канавъ,—все это естественно вызывало наплывъ всякаго народа, движеніе, шумъ, которые врывались въ Пущу со всѣхъ сторонъ. Звѣрь, чуткій и нервный ко всякому нарушенію его покоя, укрывался въ глушь, иной же бѣжалъ вонъ, куда попало. Во время большихъ работъ, охотничьей стражѣ, въ усиленномъ составѣ, приходилось, главнымъ образомъ, наблюдать за рабочими, ограничивая излишнее хожденіе съ мѣста на мѣсто, стукъ, пѣніе пѣсенъ, костры и пр.

Въ настоящее время большая часть перечисленныхъ работъ выпол-

42

нена, и остаются лишь текущія лѣсныя и обычный ремонтъ; поэтому звѣрь поставленъ относительно покоя въ довольно нормальныя условія.

Всякое шатаніе въ Пущѣ по возможности ограничено, но прекратить его совершенно нельзя потому, что Пуща испещрена крестьянскими надѣльными землями. Въ самой центральной части, кромѣ Бѣловѣжа, лежатъ еще три значительныхъ селенія: Буды (24 дв.), Теремиски (25 дв.) и Погорѣльцы (22 дв.).

Особенную трудность представляетъ наблюденіе за пастухами крестьянскаго скота, дабы стада не перегонялись за отведенные предѣлы и пастьба начиналась не ранѣе восхода и прекращалась съ заходомъ солнца. Ночью пастьба безусловно воспрещена. Сборъ ягодъ и грибовъ, разрѣшавшійся за деньги и производившійся по всей площади, со времени перехода Пущи въ удѣлы дозволяется лишь по особому билету, съ обязанностью отработать одинъ день. Такими „грибниками" пользовались для починки дорогъ, очистки отъ лѣсного хлама и т. п. работъ, а съ половины девятидесятыхъ годовъ, для большей тишины, билеты выдаются хотя и совершенно безплатно, но въ числѣ не болѣе ста, лицамъ извѣстнымъ управленію Пущи или управляющему имѣніемъ.

Охота вообще, какъ служащимъ, такъ и постороннимъ, безусловно воспрещена, въ особенности съ гончими или легавою, и только съ подхода на кабановъ и на глухарей на току разрѣшается охотиться нѣкоторымъ чинамъ удѣльнаго вѣдомства съ вѣдома начальника главнаго управленія. Отстрѣлъ звѣря, какъ мѣра хозяйственная, производится по утвержденному заранѣе плану.

Выстрѣлы по хищникамъ начинаютъ раздаваться въ Пущѣ только съ первыми порошами; по чернотропу охотятся немногіе; это не такое легкое дѣло; еще рѣже вызываютъ выстрѣломъ егерей, когда звукъ рога не можетъ быть ими услышанъ. Какъ ни мало безпокойство отъ такихъ одиночныхъ выстрѣловъ, но и они находятся подъ контролемъ: каждый егерь, охотникъ, лѣсной сторожъ обязанъ ежедневно доносить,—первые своему оберъ-егерю, а послѣдній своему смотрителю,—о всякомъ, произведенномъ въ обходѣ, выстрѣлѣ, съ указаніемъ, въ какомъ кварталѣ и по какому поводу выстрѣлъ былъ произведенъ.

Съ размноженіемъ въ Пущѣ оленя, одно время сталъ-было развиваться очень вредный для угодья промыселъ исканія сброшенныхъ роговъ. Почти безшумное блужданіе по гущинамъ пугало дичь еще болѣе, чѣмъ откровенный крикъ или быстрое движеніе; по счастью, теперь на рынкѣ оленій рогъ цѣнится недорого, а любителей и знатоковъ красы ихъ между русскими охотниками—мало; иначе борьба съ этимъ промысломъ была бы затруднительна.

Охраняя участокъ, каждый служащій, какъ охотничьяго, такъ и лѣсного персонала, обязанъ предотвращать все, могущее тревожить и пугать дичь. Онъ долженъ не допускать криковъ и пѣсенъ со стороны крестьянъ. Внѣ проѣзжихъ дорогъ движеніе постороннихъ лицъ воспрещено, а колокольчики и бубенцы, при въѣздѣ въ предѣлы Пущи, должны быть подвязаны или сняты.

При ограниченности охотничьяго персонала, пока вопросъ объ общемъ огражденіи Пущи еще не получилъ своего разрѣшенія,—лучшею мѣрою для удержанія звѣрей отъ ухода была бы, конечно, забота о кормахъ; тогда и шумъ, и всякое движеніе оказывали бы менѣе вліянія.

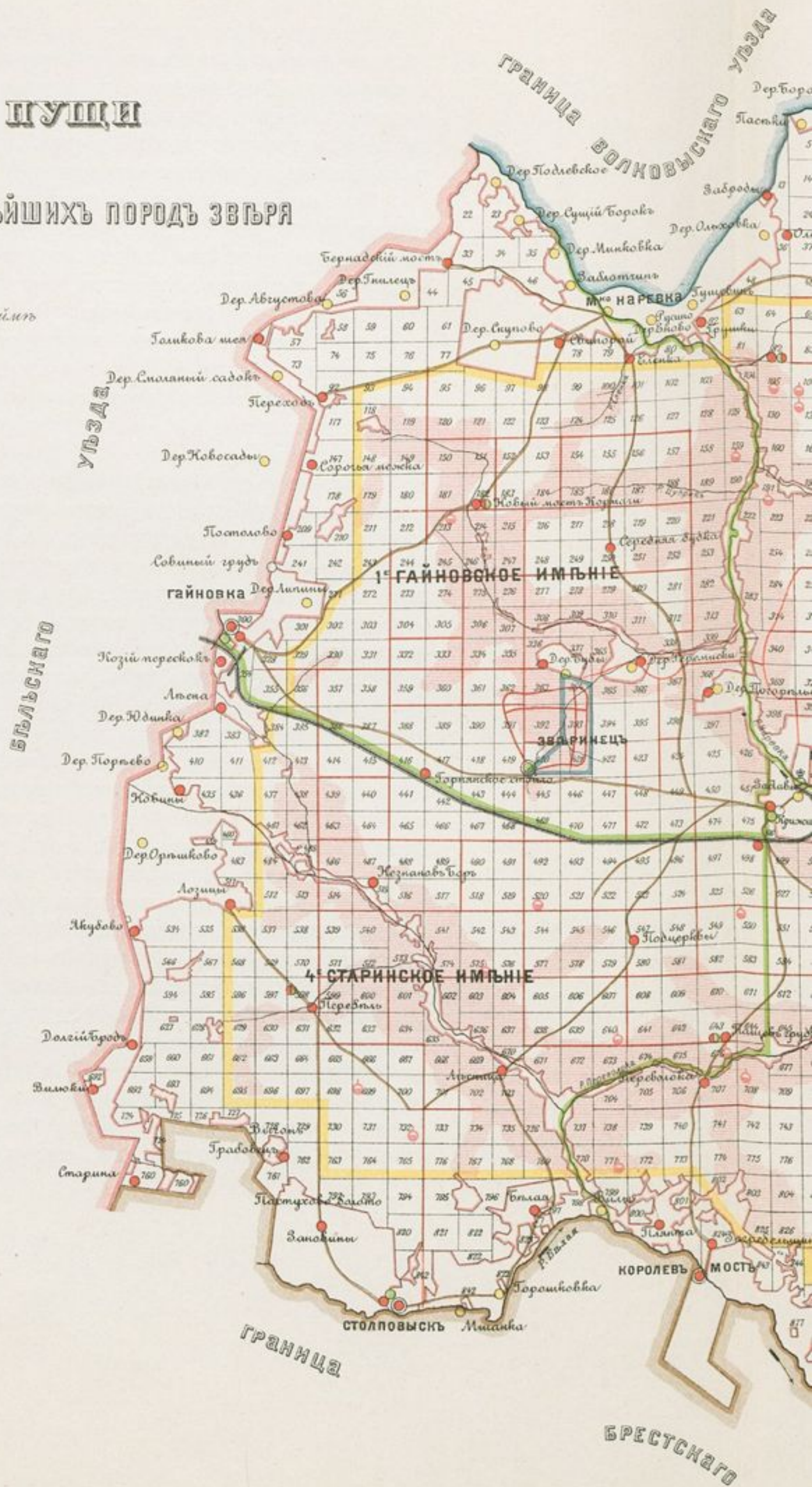
Что касается **браконьерства**, то мы видѣли изъ историческаго очерка, что это зло всякаго охотничьяго хозяйства уже съ очень давнихъ временъ свило себѣ прочное гнѣздо въ Пущѣ. Недостатокъ надзора допустилъ такое укорененіе браконьерства, что, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, оно обратилось въ обыденное занятіе мѣстныхъ крестьянъ.

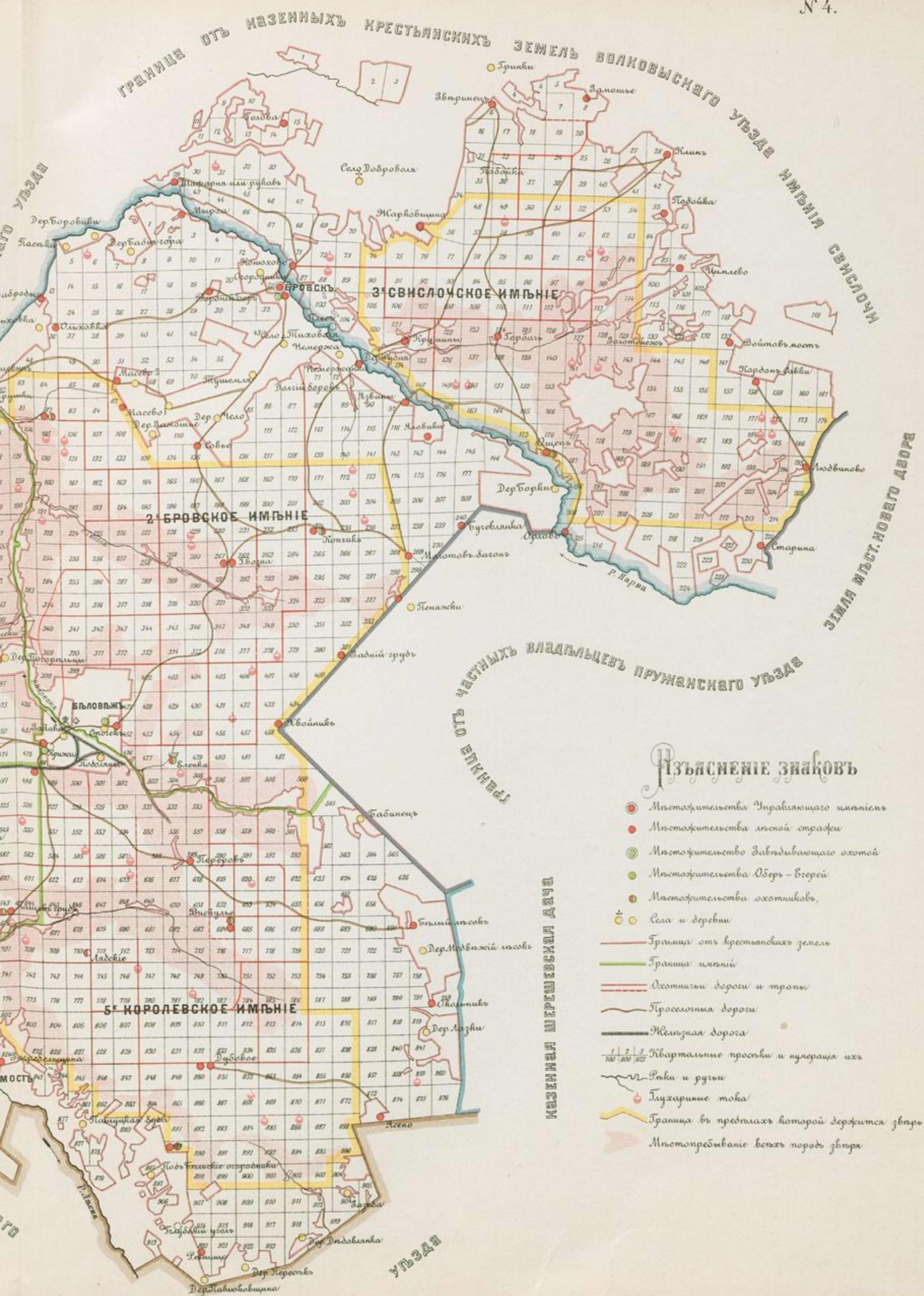
Различаютъ два рода браконьеровъ: по страсти къ легкой наживѣ и по страсти къ охотѣ. Браконьерствующіе изъ алчности прекращаютъ свою дѣятельность съ улучшеніемъ положенія,—съ такими бороться легче; но браконьеръ по страсти къ охотѣ остается имъ навсегда и является для угодья самымъ опаснымъ хищникомъ. Вышеупомянутыя Буды, Теремиски, Погорѣльцы — состоятъ сплошь изъ браконьеровъ; не многимъ отличаются отъ нихъ жители другихъ крупныхъ деревень, лежащихъ внутри Пущи. Вдоль по границамъ Пущи крестьяне разселены небольшими группами по 5—8 дворовъ; отсюда-то и выходятъ настоящіе профессора браконьерства. Всѣ они охотятся на всякаго встрѣчающагося или выслѣженнаго звѣря, всевозможными способами и средствами: ружьемъ, ловушками, капканами, ямами, петлями, рогатинами, топорами и кольями. Невозможно перечислить всѣхъ ухищреній, изобрѣтенныхъ пущинскимъ браконьеромъ. Лѣсъ онъ знаетъ, какъ свою избу, поэтому всюду проходитъ незамѣченнымъ, и только мѣстный егерь, зачастую товарищъ по браконьерству въ юности, можетъ прослѣдить его. Пущинскій воръ никогда не хранитъ орудій своего ремесла дома; они сберегаются въ лѣсу, гдѣ случайно находили цѣлые арсеналы. Браконьерство усиливается весною и осенью. Съ исчезновеніемъ снѣжнаго покрова легче скрыть слѣдъ, а полуголодный звѣрь слабѣе на убой и, попривыкнувъ за зиму къ человѣку, становится довѣрчивѣе. Осенью, въ періодъ течки, охота всего добычливѣе. Браконьерство затихаетъ со снѣгомъ и лѣтомъ—въ сѣнокосъ, и во время жатвы. Охотничьей стражѣ вмѣнено въ обязанность обходить участки возможно чаще въ праздники, въ дождливые дни, когда крестьяне свободны отъ полевыхъ

42*

КАРТА
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ
1902 ГОДА
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ МѢСТОПРЕБЫВАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПОРОДЪ ЗВѢРЯ
ВЕСНОЮ

Масштабъ 4 версты въ дюймъ

Граница отъ казенныхъ крестьянскихъ земель Волковыскаго уѣзда имѣнія Свислочи
Земля имѣст. Новаго двора
Граница отъ частныхъ владѣльцевъ Пружанскаго уѣзда
Казенная Шерешевская дача
Уѣзда
3е Свислочское имѣніе
2е Бровское имѣніе
5е Королевское имѣніе
Бровскъ
Бѣловѣжъ
Село Доброволя
Жарковщина
Замошье
Гринки
Звѣринецъ
Клинъ
Подойка
Цимлево
Войтовъ мостъ
Кардонъ Савки
Людвиново
Старина
Дер. Борки
Бугевлянка
Орлово
Р. Нарва
Пенажки
Вадный грудъ
Авойникъ
Бабинецъ
Дер. Медвѣжій лѣсокъ
Дер. Лозки
Ясено
Дубовое
Дер. Дѣдовлянка
Дер. Пересѣкъ
Дер. Павлюковщина
Тушемля
Масево
Дер. Замошье
Дер. Чело
Совье
Кончикъ
Гвозна
Еленка
Перерова
Дер. Боровики
Ольховка
Дер. Погорѣльцы
Изъясненіе знаковъ
Мѣстожительства Управляющаго имѣніемъ
Мѣстожительства лѣсной стражи
Мѣстожительство Завѣдывающаго охотой
Мѣстожительства Оберъ-Егерей
Мѣстожительства охотниковъ,
Села и деревни
Граница отъ крестьянскихъ земель
Граница имѣній
Охотничьи дороги и тропы
Проселочныя дороги
Желѣзная дорога
Квартальныя просѣки и нумерація ихъ
Рѣки и ручьи
Глухариные тока
Граница въ предѣлахъ которой держится звѣрь
Мѣстопребываніе всѣхъ породъ звѣря
А. Ильина С.П.Б.

работъ. Съ увеличеніемъ въ 1898 году состава охотничьей стражи, браконьеры стали попадаться рѣдко внутри Пущи и перенесли свою дѣятельность на окраины, выслѣживая и подбирая уходящую изъ Пущи дичь. Тамъ безопаснѣе, всюду сообщники и пособники, а дичи почти столько же. Этимъ и объясняется, почему звѣрь, вышедшій разъ изъ Пущи отъ безкормицы или отъ пугающаго его шума, уже назадъ не возвращается. Не довольствуясь тѣмъ, что попадается само, и тѣмъ, что, такъ сказать, „плохо лежитъ“, — браконьеры нерѣдко прибѣгаютъ и къ самымъ звѣрскимъ способамъ охоты: такъ, одинъ крестьянинъ, подкарауливъ кабаній выводокъ, переломалъ ноги поросятамъ, чтобы визгомъ ихъ привлечь мать; въ другомъ случаѣ, лосю, загнанному въ болото, живому отрубили рога, а еще какъ-то загнали стельную зубрицу на ледъ и убили палками. Подобные случаи нерѣдки. Въ борьбѣ съ браконьерствомъ съ 1889 г. было издано административное распоряженіе о воспрещеніи крестьянамъ въ Пущѣ и на 15 верстъ вокругъ имѣть ружья, и въ первые же три года у крестьянъ было отобрано до 400 ружей. Но не столько эта мѣра, сколько бдительный надзоръ, охраняетъ Пущу. Взглянувъ на прилагаемую вѣдомость браконьерскихъ дѣлъ, возбужденныхъ съ 1888 года по 1901 годъ, нельзя не признать, что борьба ведется энергично, особенно съ 1896 года.

Вѣдомость браконьерскихъ дѣлъ.

Годы. / Дѣла.	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902 по 1 ноябр.
Число возбужденныхъ дѣлъ.	7	3	11	6	12	26	17	36	107	41	70	74	74	152	115
Состоялись оправдательные приговоры.	—	—	1	1	3	9	2	13	22	7	6	10	7	29	9

Браконьерство, усилившееся особенно въ послѣднемъ отчетномъ году, явилось, по мнѣнію администраціи, местью крестьянъ за увольненіе нѣсколькихъ низшихъ чиновъ лѣсной и охотничьей стражи, которые почти безъ исключеній принадлежали къ мѣстнымъ уроженцамъ. Такое предположеніе представляется вполнѣ правдоподобнымъ, потому что между людьми, связанными кровнымъ родствомъ, свойствомъ и всевозможными другими отношеніями, не можетъ не быть извѣстной

УБОЙ КРЕСТЬЯНАМИ ЗУБРИЦЫ, ЗАГНАННОЙ ИМИ НА ЛЕДЪ.—Оригин. рисунокъ Р Френца.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

солидарности. Съ этою солидарностью высшая администрація могла бы бороться только единственнымъ способомъ, замѣнивъ весь низшій персоналъ служащихъ новыми, со стороны, но гдѣ ихъ взять и сколько времени пройдетъ, пока новички освоятся съ дѣломъ. Волей-неволей приходится обходиться мѣстнымъ людомъ, къ тому же за теперешними служащими есть и несомнѣнныя достоинства. Всѣ они знаютъ Пущу и, охраняя ее отъ своихъ, умѣютъ предупредить кровавыя столкновенія. Въ Пущѣ подобныхъ случаевъ не запомнятъ, тогда какъ въ другихъ угодьяхъ между браконьерами и сторожами нерѣдко доходитъ до убійства.

Браконьеръ выдаетъ себя обыкновенно выстрѣломъ, но, кромѣ того, для поимки его прибѣгаютъ и къ „засидкѣ", въ особенности, если попадется свѣжая дичь, павшая отъ огнестрѣльной раны. Тогда возлѣ туши, обыкновенно, устраиваютъ засаду. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ значительно облегчило сбытъ краденаго, и это зло могло бы быть уменьшено только бдительнымъ надзоромъ жандармской полиціи за пассажирами, везущими дичь, и воспрещеніемъ окрестнымъ станціямъ принимать дичь къ отправкѣ. У охотничьей администраціи ведется поименной списокъ наиболѣе опасныхъ браконьеровъ, и за ними имѣется постоянное наблюденіе.

Въ Пущѣ содержится 5 конныхъ полицейскихъ урядниковъ, состоящихъ въ распоряженіи удѣльной администраціи, а съ 1896 года пришлось даже прибѣгнуть къ временной высылкѣ нѣсколькихъ неисправимыхъ рецидивистовъ, и все-таки браконьерство не затихаетъ. Нужно сказать, что судебныя власти и общая полиція Гродненской губерніи до сихъ поръ смотрѣли довольно снисходительно на браконьеровъ, предоставляя удѣльному вѣдомству самому бороться со зломъ. Дознанія производились не по горячему слѣду; за цѣннаго звѣря наказывали арестомъ на 10 дней и менѣе, а чуть доказательства не были очевидными, то и вовсе оправдывали. Впрочемъ, и охотнику нельзя до извѣстной степени не стать на снисходительную точку зрѣнія судей. Систематическія кражи дичи, производимыя окрестнымъ населеніемъ, носятъ гораздо болѣе спортивный, нежели корыстный характеръ. Понятно, что ни самъ браконьеръ и никто изъ его сообщниковъ не считаютъ себя ворами царскаго зубра, такъ же, какъ мальчишки, отправляющіеся въ господскій садъ за яблоками. Противъ этихъ походовъ единственная мѣра—стража, а ея, къ сожалѣнію, пока очень недостаточно.

Урядниковъ, служащихъ за счетъ удѣльнаго вѣдомства, предположено было размѣстить по одному въ селеніяхъ: Крыжи, Буды, Тиховолѣ, Долгомъ Бродѣ и Пеняжкѣ. Три должности рѣшили пока оставить вакантными. Урядники, по инструкціи для нихъ выработанной,

не должны отвлекаться для исполненія порученій обще-полицейскаго характера, а находиться въ распоряженіи удѣльной администраціи исключительно для содѣйствія въ дѣлѣ борьбы съ браконьерствомъ. Управленіе Пущей, слѣдовательно, не должно пользоваться ими для какихъ бы то ни было другихъ цѣлей. Только тогда эти люди будутъ въ состояніи быть полезными тому дѣлу, для котораго призваны. Но какъ ни старались, браконьерство не унималось. Въ октябрѣ 1896 года командированъ былъ въ Пущу чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-маіоръ Самойловъ, для разслѣдованія вопроса о самовольной охотѣ и отношенія къ нему мѣстной администраціи. При этомъ выяснилось, что дѣлъ, въ коихъ бездѣйствіе властей было явное, накопилось за послѣдніе года — 261, изъ нихъ 24 случая по безцеремонности были прямо возмутительны. Обсуждены были всѣ мѣры для огражденія охотничьихъ интересовъ. Рѣшили примѣнять административную высылку на срокъ болѣе извѣстныхъ браконьеровъ. Въ настоящее время губернскія и судебныя власти относятся къ самовольнымъ охотамъ гораздо строже.

Непремѣннымъ условіемъ всякаго благоустроеннаго охотничьяго хозяйства является **подсчетъ** содержащагося въ немъ звѣря. Подсчетъ служитъ основаніемъ къ опредѣленію: успѣшности размноженія, необходимости усиленія или сокращенія звѣрового состава по породамъ, возможности производства охотъ и, наконецъ, расходовъ. Мы уже говорили въ общихъ чертахъ о наиболѣе практикуемомъ способѣ подсчета. Обратимся теперь къ подробностямъ.

Существуетъ два способа подсчета: „на глазъ“, когда звѣрь на виду, и „по слѣдамъ“. Выборъ способа, понятно, зависитъ отъ условій, но оба способа требуютъ большой опытности.

Пересчитать звѣрей даже тогда, когда они на виду, весьма не легко, потому что счетъ ведется на далекомъ разстояніи, при условіи, что звѣри постоянно въ движеніи и не на открытомъ мѣстѣ, а въ лѣсу. Подсчетъ по слѣдамъ требуетъ обстоятельнаго знакомства съ охотничьею наукою слѣдораспознаванія. По слѣду опытный глазъ распознаетъ не только породу, но полъ, возрастъ, вѣсъ звѣря и аллюръ его. Издалека „на глазъ“ отличить самца-оленя отъ самки въ періодъ смѣны рога почти невозможно; точно такъ же очень не легко отличить молодого зубра отъ зубрицы; а по слѣду полъ распознается безъ ошибки. Но если слѣды идутъ густо тропою, какъ у оленей, то тутъ разобраться не только въ подробностяхъ, но и въ числѣ звѣрей нѣтъ возможности.

Въ этихъ случаяхъ идутъ по направленію слѣдовъ, и тамъ, гдѣ онѣ начинаютъ снова разсѣиваться, можно опять установить составъ стада. Въ угодьяхъ западной Европы, гдѣ звѣрь въ холодное время года регулярно получаетъ кормъ, у кормовыхъ пунктовъ въ опредѣленный день и часъ ведутъ подсчетъ. Присоединивъ къ насчитаннымъ „на глазъ" тѣхъ немногихъ, которые не подходятъ къ кормушкамъ, число ихъ устанавливаютъ по слѣдамъ, или даже просто накинувъ извѣстный процентъ на отсутствующихъ, и въ результатѣ получаютъ почти точную цифру. Въ бѣловѣжскихъ лѣсахъ задача подсчета несравненно сложнѣе. Огромность территоріи, разнообразіе породъ звѣря при ограниченномъ числѣ сторожей, не даетъ возможности получить точныя цифры; вопросъ только въ томъ, чтобы не впасть въ слишкомъ грубую ошибку. Въ Пущѣ примѣняютъ оба способа подсчета, при томъ круглый годъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ. Лѣтомъ считаютъ при сѣнокосахъ на жировкахъ и по слѣдамъ въ сырыхъ мѣстахъ, осенью при мѣстахъ рёва, зимою при кормовыхъ пунктахъ и по порошѣ. Послѣдній способъ служитъ какъ бы провѣркою остальныхъ, хотя только изъ сопоставленія всѣхъ наблюденій получается болѣе или менѣе ясное представленіе о численности звѣрового состава. Лѣтній и осенній подсчеты крупнаго звѣря даютъ нерѣдко бо̀льшую цифру, чѣмъ зимній, и это заставляетъ подозрѣвать, что при сокращеніи естественныхъ кормовъ и передъ началомъ прикорма звѣрь уходитъ изъ Пущи. Относительно зубровъ, число которыхъ опредѣляютъ съ наибольшею точностью, уходъ изъ Пущи особенно замѣтенъ; что касается прочихъ породъ, то о количествѣ ушедшихъ судятъ по добычливости охотъ въ сосѣднихъ лѣсахъ и по недостатку лучшихъ экземпляровъ оленей у кормовыхъ пунктовъ.

День подсчета по порошѣ является событіемъ въ Пущѣ. Къ нему готовятся, его ждутъ и въ опредѣленный моментъ всѣ выступаютъ къ своимъ мѣстамъ. Вся дача заблаговременно распредѣлена на участки, приблизительно въ 50 кварталовъ каждый; участокъ же дѣлится на обходы площадью отъ 4 до 8 кварталовъ. Въ обходъ назначается 50 человѣкъ охотничьей и 150 человѣкъ лѣсной стражи. За ними наблюдаютъ: оберъ-егеря, межевщики, таксаторы и другіе чиновники администраціи. Въ пересѣченныхъ мѣстностяхъ, захламленныхъ и поросшихъ ельникомъ, и въ особенности въ мѣстахъ покрытыхъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ, гдѣ всегда больше дичи, обходъ поручается болѣе опытнымъ счетчикамъ, и самые обходы устанавливаютъ сравнительно небольшіе. По окраинамъ съ рѣдкимъ лѣсомъ районы обходовъ обширнѣе. Лучшій моментъ для подсчета наступаетъ послѣ обильнаго мокраго снѣга, застилающаго всѣ прежніе слѣды. При сухомъ сыпучемъ

снѣгѣ слѣдъ неотчетливъ и можетъ сбивать даже опытныхъ счетчиковъ. Раздачу корма въ благопріятный для подсчета день пріостанавливаютъ, и звѣрь, не найдя ничего при кормушкахъ, идетъ въ ходъ на поиски. Тогда по свѣжей, мягкой настилкѣ каждый слѣдъ даетъ рельефный отпечатокъ. Счетчики до извѣстной степени взаимно провѣряютъ себя. Если одинъ запишетъ у себя на бланкѣ, которые заготовляются для этого дня, 30 входныхъ, а сосѣдъ по участку 30 выходныхъ слѣдовъ той же породы, то, безъ сомнѣнія, въ движеніи находилось то же самое число звѣрей.

Подсчетъ начинаютъ часовъ съ 9-ти утра и стараются окончить засвѣтло. Счетные бланки по каждому обходу сдаются въ управленіе, и тамъ подводятъ итоги этой однодневной переписи. Принимая во вниманіе, что не всѣ звѣри въ ходу и что не мало ихъ остается внутри кварталовъ, а нѣкоторые переходятъ границы квартала и возвращаются, и тѣмъ сбиваютъ счетчиковъ, а въ особенности то, что не всѣ счетчики одинаково добросовѣстно и умѣло относятся къ своимъ обязанностямъ, итоги по порошѣ даютъ такія же относительно вѣрныя цифры, какъ и всѣ остальные способы учета. Всѣхъ болѣе наслѣдятъ козы. Въ старину приведеннымъ способомъ по порошѣ считали только зубровъ, но съ 1890 года стали подсчитывать этимъ способомъ всѣхъ звѣрей; а съ 1894 года, ради болѣе точныхъ результатовъ и для отмѣтки прибыли и убыли по времени года, т. е. количества приплода и уходящихъ,—подсчетъ по порошѣ ведется разъ въ годъ, а на глазъ — безпрерывно. Особенно дѣятельно идетъ наблюденіе зимою у кормовыхъ пунктовъ, такъ какъ это необходимо не только для опредѣленія численности звѣрового состава Пущи, но и для равномѣрнаго суточнаго распредѣленія корма у каждаго пункта. Кромѣ того, здѣсь опредѣляютъ процентъ соотношенія половъ по породамъ и количество дожившаго до этого времени приплода. Всякій егерь, черезъ двѣ-три недѣли по наступленіи кормового періода, смотря по погодѣ (въ оттепели звѣрь къ кормушкамъ не подходитъ), можетъ достаточно вѣрно сказать, сколько звѣрей каждой породы кормится у пунктовъ, за которыми онъ слѣдитъ. При ежедневной провѣркѣ, къ концу сезона егерь такимъ образомъ устанавливаетъ довольно точную цифру. Оцѣнка свѣдѣній, доставляемыхъ съ каждаго пункта, и сопоставленіе этихъ данныхъ между собою требуетъ большой опытности со стороны завѣдующаго охотничьимъ хозяйствомъ. Личный опытъ играетъ тутъ не послѣднюю роль.

Всего точнѣе получаются свѣдѣнія о числѣ зубровъ. На нихъ обращено главное вниманіе, къ тому же ихъ и учесть сравнительно легко. За исключеніемъ одинцовъ, которые также на счету, всѣ остальные подходятъ къ кормовымъ пунктамъ и держатся почти весь сезонъ въ пре-

дѣлахъ своихъ раіоновъ. Егеря въ подробностяхъ могутъ перечислить: послѣдній приплодъ, годовиковъ, двухлѣтокъ, коровъ, быковъ, куцыхъ, со сбитымъ рогомъ и пр. и пр. Словомъ, зубрамъ можно бы вести почти поименный списокъ, если бы они, также какъ и остальные звѣри, не перекочевывали отъ безкормицы въ сосѣдніе съ Пущею лѣса.

Лосей считаютъ только по слѣдамъ. Къ кормовымъ пунктамъ они никогда не подходятъ, на жировкахъ ихъ также невозможно углядѣть, поэтому подсчетъ ихъ самый приблизительный. На облавахъ и по штрекамъ легче всего, хотя приблизительно, судить о количествѣ лосей.

Оленей учесть было бы не трудно, если бы ихъ было не за двѣ тысячи и они не уходили бы изъ Пущи массами. Самый благопріятный для подсчета сезонъ рёва, въ теченіе котораго въ другихъ угодьяхъ точно опредѣляютъ численный и качественный составъ оленьихъ стадъ, – въ Пущѣ проходитъ безслѣдно. Рёвъ идетъ вразбродъ, опредѣленныхъ сборныхъ пунктовъ почти нѣтъ; слѣдовательно, приходится руководиться данными зимняго подсчета при кормушкахъ и случайными—по слѣдамъ. Все-таки, ошибка признается не болѣе, чѣмъ въ 20%.

Козы развелось теперь столько, что тутъ возможна самая грубая ошибка. Одни насчитываютъ свыше 12.000 козъ; по отчетамъ же показывается менѣе половины. Истина, вѣроятно, посрединѣ.

Кабана много, временами даже слишкомъ много, его насчитываютъ подъ двѣ тысячи, но, думается, что и эта отчетная цифра грѣшитъ преуменьшеніемъ.

Даніэли всѣ на виду. Офиціальная цифра въ 700 штукъ едва ли многимъ уклоняется отъ дѣйствительной. Съ 1894 года, когда въ Пущѣ стали вести счетъ всѣмъ звѣрямъ не только по порошѣ, но и при кормушкахъ и вездѣ, гдѣ къ тому представляется случай, оказалось возможнымъ установить и количество приплода для каждой породы. Эти цифры особенно цѣнны потому, что, въ связи съ данными общаго подсчета, онѣ яснѣе всего свидѣтельствуютъ о томъ, ведется ли охотничье хозяйство правильно, или нѣтъ.

Изъ таблицы общаго подсчета звѣря въ Пущѣ и звѣринцѣ (стр. 340) мы видимъ, что съ переходомъ дачи въ удѣлы, за 12 лѣтъ, общее количество звѣря увеличилось въ 6 разъ. Количество зубровъ и лосей удвоилось, оленей и дикихъ козъ удесятерилось, изъ 40 даніэлей расплодилось ихъ 740, кабановъ стало приблизительно въ 5 разъ больше.

Невольно рождается вопросъ, какой же составъ звѣря можетъ считаться нормальнымъ для Бѣловѣжской Пущи и требуется ли, при настоящихъ условіяхъ веденія ея хозяйства, уменьшить его, или содержать въ томъ же количествѣ; объ искусственномъ увеличеніи состава говорить не стоитъ, такъ какъ и естественнымъ приплодомъ составъ

43*

ВѢДОМОСТЬ

погодичнаго состава звѣря въ Бѣловѣжской Пущѣ съ 1888 по 1902 гг.

Подсчетъ звѣря.									Приплодъ.					
Въ которомъ году.	Гдѣ.	Зубровъ.	Лосей.	Оленей.	Даніэлей.	Д. козъ.	Кабановъ.	Счетъ по порошѣ.	Зубровъ.	Лосей.	Оленей.	Даніэлей.	Д. козъ.	Кабановъ.
Въ 1888 г.	Въ Пущѣ. . . .	427	Подсчетъ не производили.					Въ декабрѣ 1887 г.		Подсчетъ не производился.				
	Въ звѣринцѣ. .	11	Подсчетъ не		40	производ.								
Въ 1889 г.	Въ Пущѣ. . . .	370	Подсчетъ не производили.					18 января.		Подсчетъ не производился.				
	Въ звѣринцѣ. .	10	—	230	37	15	50							
Въ 1890 г.	Въ Пущѣ. . . .	391	375	4	12	541	329	19 февр.		Подсчетъ не производился.				
	Въ звѣринцѣ. .	12	—	258	28	12	58	27 декаб.						
Въ 1891 г.	Въ Пущѣ. . . .	464	535	28	11	729	900	14 декабря.		Подсчетъ не производился.				
	Въ звѣринцѣ. .	15	—	322	16	18	40							
Въ 1892 г.	Въ Пущѣ. . . .	476	430	200	25	434	758	28 января.		Подсчетъ не производился.				
	Въ звѣринцѣ. .	15	—	250	50	30	46							
Въ 1893 г.	Въ Пущѣ. . . .	465	460	250	30	685	890	Свѣдѣній нѣтъ.	—	—	25	10	—	—
	Въ звѣринцѣ. .	18	—	360	70	35	35		1	—	65	20	10	—
Въ 1894 г.	Въ Пущѣ. . . .	474	404	373	32	835	--	7, 8 и 9 января.	54	—	50	12	100	—
	Въ звѣринцѣ. .	22	—	294	70	4	--		3	—	59	15	—	—
Въ 1895 г.	Въ Пущѣ. . . .	535	490	665	96	959	—	1 и 2 дек. 1894 г.	60	86	104	19	124	—
	Въ звѣринцѣ. .	26	—	123	106	1	—		6	—	25	11	—	—
Въ 1896 г.	Въ Пущѣ. . . .	533	500	717	118	1345	1026	1 и 2 дек. 1895 г.	69	137	145	54	357	—
	Въ звѣринцѣ. .	28	—	230	139	2	—		8	—	65	40	—	—
Въ 1897 г.	Въ Пущѣ. . . .	605	545	849	189	1690	1100	1, 2 и 3 декаб. 1896 г.	55	156	117	66	381	—
	Въ звѣринцѣ. .	32	—	178	94	1	2		5	—	35	25	—	—
Въ 1898 г.	Въ Пущѣ. . . .	630	660	1046	310	2178	653	28, 29 и 30 дек. 1897 г.	68	40	250	70	500	—
	Въ звѣринцѣ. .	32	—	257	60	2	2		4	—	35	16	—	—
Въ 1899 г.	Въ Пущѣ. . . .	640	730	1742	451	2960	750	28 февраля.	110	100	311	134	848	807
	Въ звѣринцѣ. .	21	—	207	26	2	2		3	—	34	6	—	—
Въ 1900 г.	Въ Пущѣ. . . .	710	700	2100	600	4500	1500	20 февраля.	99	120	300	135	1000	800
	Въ звѣринцѣ. .	17	—	31	—	2	2		3	—	30	—	—	—
Въ 1901 г.	Въ Пущѣ. . . .	730	700	2600	740	5100	2000	29 и 30 января.	81	90	305	113	830	870
	Въ звѣринцѣ. .	17	—	31	—	1	2		4	—	—	—	—	—
Въ 1902 г.	Въ Пущѣ. . . .	665	450	2500	700	5000	1800	25 февр.	83	68	438	128	990	890
	Въ звѣринцѣ. .	19	—	—	—	—	—	26 марта.	5	—	--	—	—	—

звѣрей постоянно растетъ. Нормальнымъ составомъ считается такой, при которомъ звѣрь не понижаетъ цѣнности лѣса и, въ свою очередь, лѣсъ даетъ звѣрю такія условія жизни, при которыхъ онъ хорошо развивается и плодится. Мы видѣли, что въ Бѣловѣжѣ численный составъ звѣря долженъ быть признанъ превосходящимъ нормальный. Нельзя, разумѣется, не считаться съ тѣмъ, что въ 1900 году 680 убитыхъ на царской охотѣ звѣрей произвели такое сильное впечатлѣніе, что пониженіе этой цифры на будущихъ охотахъ можетъ быть принято за упадокъ охотничьяго хозяйства въ Пущѣ. Тѣмъ не менѣе администраціи необходимо имѣть въ виду не количественное развитіе состава звѣрей, которыхъ и теперь уже достаточно, а усовершенствованіе качествъ породы, что потребуетъ, можетъ быть, даже нѣкоторой задержки излишняго распложенія.

Таблица приплода говоритъ намъ, что размноженіе идетъ въ значительной пропорціи во всѣхъ породахъ и, въ худшемъ случаѣ, пріостанавливалось на одинъ годъ. Если бы, параллельно такому утѣшительному положенію, звѣрь не выходилъ изъ Пущи, его составъ теперь былъ бы чрезмѣрный, и даже болѣе добычливыя охоты, чѣмъ тѣ, которыя производились въ 1897-мъ и 1900-мъ годахъ, не могли бы отразиться на хозяйствѣ. Прискорбно то, что болѣе половины приплода плохо развивается; самый цѣнный для размноженія крупный звѣрь въ немъ почти не участвуетъ, и цѣною крупныхъ затратъ приходится искусственно поддерживать хозяйство, дабы и средневозрастный звѣрь не разбѣжался. Задача правильно поставленнаго охотничьяго угодья состоитъ въ томъ, чтобъ предоставлять къ отстрѣлу на охотахъ не стада, а хорошо развитую, красивую дичь. Рогъ оленя, взятаго на охотѣ, не долженъ ничѣмъ напоминать неправильныхъ роговъ оленей, намѣченныхъ для отстрѣла охотничьимъ персоналомъ, въ цѣляхъ улучшенія породы; а между тѣмъ, на штрекахъ въ Бѣловѣжѣ появлялось еще много экземпляровъ, не достойныхъ пули Царственныхъ охотниковъ. Самый избалованный охотникъ, побывавъ въ Пущѣ, долженъ сознаться, что такого количества разнообразнаго звѣря на одномъ мѣстѣ онъ въ умѣренномъ климатѣ не встрѣчалъ; что же касается качества звѣря, то, зубры и даніэли находятся и теперь въ прекрасномъ состояніи; а остальныя породы также, несомнѣнно, будутъ постоянно улучшаться.

Въ угодьяхъ, гдѣ администрація заглядываетъ далеко впередъ, устанавливаютъ планъ образованія и сохраненія звѣря лучшаго качества. Планъ этотъ существуетъ и въ Бѣловѣжѣ и приводится въ

исполненіе различными мѣрами, результаты которыхъ должны сказаться еще въ будущемъ.

Изъ такихъ мѣръ главнѣйшая—**выборъ звѣря къ убою на охотахъ**. Капитальный олень долженъ прожить около 20-ти лѣтъ, чтобъ сдѣлаться таковымъ. Если въ охотѣ берегутъ 8-ми и 10-ти концовыхъ, носящихъ явные признаки сдѣлаться капитальными, то порода крѣпнетъ. На западѣ, обыкновенно, на охотниковъ налагаются по отношенію къ звѣрю извѣстныя ограниченія, при посредствѣ которыхъ сохраняютъ нужные для улучшенія породы экземпляры. Бѣловѣжская Пуща находится въ этомъ отношеніи въ другихъ условіяхъ: на царской охотѣ, какъ и на царской трапезѣ, никакія запрещенія недопустимы и большая свобода выбора звѣря для выстрѣла по необходимости отражается на гибели наиболѣе цѣнныхъ экземпляровъ.

На охотахъ съ подъѣзда вопросъ мѣняется. Тутъ рѣдко спускаютъ курокъ раньше, чѣмъ высмотрятъ звѣря въ бинокль. На такихъ охотахъ желательно было бы, чтобъ убивались только вредные во время рёва капитальные олени и зубры-одинцы, извѣстные егерямъ. Относительно зубровъ въ данное время въ Бѣловѣжской Пущѣ соотношеніе числа самцовъ къ самкамъ, бывшее прежде ненормальнымъ, — уравновѣсилось послѣдними охотничьими отстрѣлами, а потому убой бо̀льшаго количества зубровъ на будущихъ охотахъ могъ бы вредно повліять на размноженіе животнаго.

Даніэли въ Пущѣ много, порода хорошо развилась; годныхъ для охоты самцовъ можно всегда встрѣтить, а потому особаго ограниченія во время охоты для нихъ не требуется. Хотя качество козъ стоитъ значительно ниже, нежели даніэлей, но первыхъ въ Пущѣ такъ много, что самый большой отстрѣлъ вредить не можетъ. Чѣмъ больше кабановъ будетъ убито на облавахъ, тѣмъ это выгоднѣе отразится на размноженіи всей остальной дичи, такъ какъ этотъ звѣрь, по отношенію къ другимъ животнымъ, играетъ роль почти хищника. Лось въ Пущѣ по рогу не интересенъ, а потому слѣдовало бы щадить его до того времени, когда появятся лопатники.

Отстрѣлъ дичи охотничьимъ персоналомъ служитъ, какъ мы сказали уже выше, средствомъ къ улучшенію качествъ звѣря. Онъ съ успѣхомъ можетъ примѣняться только въ такомъ угодьѣ, гдѣ дичь хорошо прижилась, не уходитъ массами, гдѣ кромѣ отстрѣла практикуются и другія извѣстныя мѣры улучшенія внѣшняго вида животныхъ, а главное — тамъ, гдѣ охотничій персоналъ хорошо знакомъ съ своимъ дѣломъ и съ условіями, требуемыми при правильномъ выполненіи отстрѣла; изученіе этихъ условій требуетъ большой практики. Опытные оберъ-егеря, которымъ не опасно поручить отстрѣлъ, вырабатываются въ

такихъ угодьяхъ, гдѣ, въ качествѣ практиканта, они присутствуютъ при систематическомъ большомъ отстрѣлѣ. Выборъ къ отстрѣлу тѣсно связанъ со многими условіями жизни звѣря; съ ними необходимо сообразоваться, иначе можно впасть въ крупную ошибку. Напримѣръ, бываютъ двухъ- и трехлѣтніе шписеры, которые послѣ обильнаго кормомъ года сразу дѣлаются восьмиконцовыми, отчего со шписерами надо быть особенно осторожнымъ. Предназначая шписеровъ къ отстрѣлу, необходимо руководствоваться не только рогомъ, но и всѣми формами животнаго. Опытный егерь съ перваго взгляда отличаетъ устарѣлую, неплодную козу отъ крѣпкой матки. А какой опытный взглядъ надо имѣть, чтобъ, при выборѣ капитальныхъ оленей на охотѣ піршемъ (съ подъѣзда и подхода), отстрѣлить рогаля, достигшаго кульминаціоннаго предѣла развитія роговъ, послѣ котораго число отростковъ нерѣдко даже уменьшается, и не убить случайно самаго цѣннаго производителя, каковымъ большею частью бываетъ средневозрастный олень съ большимъ количествомъ отростковъ. Съ отстрѣломъ матокъ надо также соблюдать осторожность, такъ какъ отъ количества и качества самокъ зависитъ вся будущность угодья. Слабоватую молодежь и старухъ необходимо уничтожать, дабы на нихъ не потрачивалось вниманіе самцовъ во время течки, отчего зачастую лучшія самки остаются неплодными. Предоставлять отстрѣлъ произволу малосвѣдущаго въ этой не легкой наукѣ персонала—можетъ повести къ быстрой порчѣ здороваго состава угодья. Пока противъ ухода дичи изъ Пущи не принималось никакихъ мѣръ, то съ отстрѣломъ ея нужно было соблюдать особую осторожность; теперь же, когда эти мѣры уже намѣчены и приводятся въ исполненіе, отстрѣлъ можетъ быть производимъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ 1901 году вопросъ объ отстрѣлѣ былъ поднятъ управленіемъ Пущи, и первоначальный проектъ былъ утвержденъ въ слѣдующихъ чертахъ: зубры и лоси отстрѣлу не подлежатъ; изъ красныхъ оленей рѣшено было выбрать до 150 штукъ, исключительно старыхъ, неплодныхъ самокъ и позднышей-телятъ. Изъ рогачей—только тѣхъ, которые плохой формой и поставомъ головного убора могли быть вредными, какъ производители,—такихъ отличить легко; изъ даніэлей предназначалось отстрѣлить только бѣлыхъ и черныхъ, какъ выродковъ; кромѣ того, неплодныхъ самокъ и поздкышей. 250 козъ проектировалось изъять изъ числа неразвивающихся козлятъ и неплодныхъ самокъ только на окраинахъ Пущи и въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ не назначаются Высочайшія охоты. Такое же количество кабановъ и въ тѣхъ же кварталахъ должно было быть отстрѣлено изъ приплода послѣдняго года. Къ отстрѣлу, однако, не приступили, отчасти въ виду слишкомъ большого ухода дичи изъ

Пущи, но также и оттого, что охотничій персоналъ еще мало подготовленъ къ подобнаго рода сортировкѣ дичи. Одной изъ причинъ, не позволяющей приступить къ систематичному отстрѣлу, является отсутствіе рынка для сбыта дичи. Обидно отдавать на мѣстѣ мелкимъ торгашамъ за безцѣнокъ то, что въ крупныхъ центрахъ покупаютъ за большія деньги. Цѣна козлятины и кабанины въ окрестностяхъ Пущи, 6 — 7 коп. за фунтъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ успѣшной работы браконьеровъ; въ столицахъ же за selle de chevreuil, вѣсомъ въ 5—6 фунтовъ, платятъ до 8-ми рублей. Пріурочивая отстрѣлъ къ осеннимъ и зимнимъ мѣсяцамъ и войдя въ сношенія съ крупными торговцами дичью въ Варшавѣ, Вильнѣ и Петербургѣ, отъ отстрѣла казалось бы возможно было извлечь нѣкоторую, хотя бы ничтожную, матеріальную выгоду для хозяйства Пущи.

Выработанное практикой Запада веденіе охотъ съ сохраненіемъ извѣстнаго пропорціональнаго соотношенія самцовъ къ самкамъ—въ Пущѣ еще не производилось. Относительно зубровъ, какъ было сказано, достигли той нормы, которая подсказывалась наблюденіемъ, но насколько окажется полезнымъ уменьшеніе количества самцовъ — покажетъ недалекое будущее. Въ 1902 году насчитали 176 быковъ при 320 зубрицахъ. Пока, какъ видно изъ вѣдомости приплода, послѣ отстрѣла на охотахъ послѣднихъ лѣтъ 84-хъ самцовъ, и 5-ти одинцовъ, извѣстныхъ злобностью, — приплодъ усилился, и если онъ и въ будущемъ возрастетъ, то этимъ польза отъ отстрѣла самцовъ будетъ доказана. Что касается оленей, то во многихъ охотахъ злоупотребляютъ отстрѣломъ рогалей, въ предположеніи, что порода принадлежитъ къ виду полигамовъ. При непропорціонально большомъ числѣ матокъ сильные олени истощаются во время рёва, и только отъ первыхъ покрытыхъ ланокъ рождается нормально развитой, сильный телокъ, тогда какъ остальныя даютъ слабыхъ дѣтенышей, или остаются безплодными. Нормальнымъ соотношеніемъ половъ для оленя считается 6 годныхъ для покрытія ланокъ на одного зрѣлаго производителя; для Пущи слѣдовало бы держать не болѣе 5-ти на одного, имѣя въ виду непропорціонально малое количество производителей по отношенію къ ланкамъ. Природа, какъ это замѣчалось, сама содѣйствуетъ нормировкѣ половъ: при излишнемъ числѣ самцовъ, послѣдніе тянутъ изъ дачи во время рёва, и тогда необходимо тотчасъ усилить ихъ отстрѣлъ. Обратно—при непропорціонально большомъ количествѣ ланокъ, рогали набѣгаютъ со стороны. Къ несчастію, Бѣловѣжская Пуша въ такомъ положеніи, что пользоваться этимъ средствомъ не приходится: вокругъ другихъ оленей, кромѣ, пущинскихъ,—нѣтъ. Къ строгому отстрѣлу ланокъ можно приступить только тогда, когда пропорція ихъ къ самцамъ превыситъ

6 къ одному. Между пущинскими лосями коровъ гораздо больше, чѣмъ быковъ, что объясняется уходомъ послѣднихъ изъ Пущи по достиженіи зрѣлаго возраста, тогда какъ коровы удерживаются на мѣстѣ материнскими обязанностями. Рекомендовать отстрѣлъ лося въ Пущѣ—равносильно посягательству на одно изъ цѣннѣйшихъ ея украшеній, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ никѣмъ еще не изслѣдованъ. Систематизированный отстрѣлъ, производимый для улучшенія породы звѣря, служитъ обыкновенно практикой егерямъ для натаски швейсъ-хундовъ, т. е. собакъ, выслѣживающихъ раненыхъ звѣрей. При охотахъ по крупному звѣрю такія собаки необходимы, онѣ очень облегчаютъ полученіе подранковъ. Въ Германіи уже издавна путемъ скрещиванія гончихъ всевозможныхъ разновидностей, начиная съ породы св. Губерта, затѣмъ Blood-hound'овъ, Fox-hound'овъ и другихъ, образовали особую породу ганноверскихъ Schweisshund'овъ, некрасивыхъ, но отличныхъ работниковъ по своей спеціальности. Собаки эти всего болѣе напоминаютъ помѣсь таксы съ крупной гончей. Онѣ коротколапы, съ длинной колодкой, массивной головой и ушами легаша, большею частью сѣро-желто-бурой масти съ болѣе или менѣе сильной чернотой на хребтѣ, мордѣ, концахъ ушей и вокругъ глазъ, мускулисты, тихоходы, не злобны и очень умны. Онѣ особенно цѣнятся въ Германіи, и будучи выдающимися по полевымъ достоинствамъ, ни за какія деньги не будутъ проданы изъ охоты. Хорошо натаскать Schweisshund'а—дѣло очень нелегкое. Добиться, чтобъ собака шла по свѣжему кровяному слѣду, когда звѣрь одинъ или его было мало на мѣстѣ пораненія—немудрено, но видѣть отчетливо работающую собаку, когда все вокругъ утоптано свѣжими слѣдами цѣлыхъ стадъ—случается не часто. Опытные, дорого оплачиваемые егеря (Schweissgeger), натаскивающіе такихъ собакъ, имѣются на западѣ почти во всѣхъ крупныхъ охотничьихъ угодьяхъ и занимаются они исключительно натаской собакъ во время отстрѣловъ и веденіемъ ихъ при охотахъ. Тайну хорошей натаски, нѣмецкіе егеря тщательно хранятъ въ своей средѣ, передавая секретъ сыновьямъ или болѣе способнымъ ученикамъ. Отъ хорошаго Schweisshund'а требуется, чтобы онъ, будучи подведенъ на своркѣ къ свѣжему кровяному или даже обыкновенному слѣду, не оставлялъ бы послѣдняго, а неуклонно доводилъ бы до звѣря, раненаго или мертваго. Если собака настигаетъ тяжело раненаго, то, спущенная со своры, должна остановить его, когда звѣрь на глазахъ, и безостановочнымъ лаемъ подзывать хозяина. Такія собаки должны имѣть отличное чутье, отчего ихъ охраняютъ отъ всего, могущаго притупить обоняніе; ихъ содержатъ такъ, чтобъ ничто не развлекало ихъ въ обыденной жизни и единственное удовольствіе получали бы онѣ при работѣ по слѣду на охотѣ,

44

для чего ихъ и держатъ постоянно въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ, на привязи; въ лѣсъ водятъ ихъ на своркѣ, ни на минуту не отпуская. Если понадобится остановить работу собаки, то ее уносятъ отъ слѣда на рукахъ, не отдергивая отъ послѣдняго, если онъ взятъ вѣрно. Вполнѣ опытныя собаки въ угодьяхъ, гдѣ очень большой отстрѣлъ, формируются лишь на пятомъ или шестомъ году. Въ Бѣловѣжъ 3-хъ Schweisshund'овъ выписали въ 1897 году изъ Гарца. Но нельзя сказать, чтобъ дѣло обученія егерей веденію собакъ, и натаска молодыхъ въ Бѣловѣжѣ, шли успѣшно. Завѣдующему охотою нѣтъ времени заниматься этимъ дѣломъ, и хотя въ Пущѣ имѣются три, четыре такихъ собаки, но изъ нихъ только одна работаетъ сносно. Кромѣ того, при отсутствіи правильнаго отстрѣла, ни люди, ни собаки не могутъ достаточно напрактиковаться въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Переходя затѣмъ къ вопросу **объ освѣженіи крови и скрещиваніи,** необходимо замѣтить, что къ этимъ мѣрамъ уже не разъ прибѣгали въ Пущѣ, но прибѣгали безъ системы, ощупью. Въ Пущу привозили, какъ мы видѣли, зубровъ изъ Гатчины, затѣмъ небольшія партіи оленей изъ-за границы и содержали ихъ на плохихъ кормахъ, не слѣдя за приплодомъ, или выписывали громадныя партіи ланокъ при нѣсколькихъ рогаляхъ, когда въ Пущѣ послѣднихъ было мало. Выписали также уральскихъ козловъ небольшой партіей и, несмотря на хорошіе результаты, опыта не повторили. Для скрещиванія пробовали получить кавказскаго зубренка, американскихъ бизоновъ, вапити и даже сѣвернаго оленя. Всѣ эти опыты кончались полной неудачей или, принося временную пользу, оставались забытыми.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ:

Партія сибирскихъ козуль въ 11 штукъ была доставлена въ звѣринецъ въ 1891 году изъ лѣсовъ компаніи Вогау въ Сибири. Звѣрь отлично акклиматизировался и въ первый же годъ далъ приплодъ въ 8 штукъ; къ 1895-му году выпустили на волю 42 козули, да въ звѣринцѣ оставили 6. Съ тѣхъ поръ между мѣстными козлами стали попадаться молодые экземпляры съ отличными рогами—очевидный результатъ освѣженія крови. Менѣе успѣшнымъ оказался опытъ переселенія зубровъ изъ Гатчины: припомнимъ, что въ началѣ марта 1900 года изъ Гатчины доставили 4-хъ самцовъ, обмѣнявъ на двухъ бѣловѣжскихъ, отправленныхъ въ Гатчину. Старшій изъ нихъ, восьмилѣтній, палъ уже 15 іюля того же года, а черезъ 4 дня околѣлъ второй, несмотря на тщательный уходъ за переселенцами, которые держались въ звѣринцѣ вмѣстѣ со стадомъ мѣстныхъ. Остальные первое время сильно болѣли

и едва выходились. Доставленные въ 1891 году изъ Гатчины 8 сѣверныхъ оленей пали въ теченіе лѣта и не дали приплода, не доживъ до рёва и не давъ возможности рѣшить вопросъ, пригодны ли они для скрещиванія съ краснымъ оленемъ. Той же участи подверглись 4 американскихъ бизона, полученные отъ герцога Бедфортскаго въ 1899-мъ году въ обмѣнъ на трехъ зубровъ. Бизоны были доставлены въ августѣ, и тотъ фактъ, что они хорошо перенесли путь въ жаркое время года и въ первые мѣсяца по водвореніи въ Пущѣ не хворали, доказывалъ, что звѣри были доставлены вполнѣ здоровыми. Ихъ помѣстили въ лучшемъ участкѣ звѣринца, отгородивъ 120 десятинъ съ нѣсколькими культивированными лѣсными полянами, на которыхъ подножный кормъ былъ лучшій, чѣмъ во всей Пущѣ. Въ октябрѣ заболѣлъ первый бизонъ и въ ноябрѣ палъ; вслѣдъ за нимъ пали еще двое. Узнавъ объ этомъ, герцогъ Бедфортскій прислалъ еще одного быка, но въ теченіе слѣдующаго лѣта пали и остальные. По вскрытіи перваго погибшаго выписаннымъ изъ Бѣльска ветеринаромъ оказалось, что легкія были сильно поражены, а по всему тѣлу подъ шкурой виднѣлись черныя пятна. Ветеринаръ констатировалъ сибирскую язву. Для сохраненія остальныхъ бизоновъ были приняты всѣ мѣры предосторожности: звѣрей перевели на новое мѣсто, давали отборный кормъ, но ничего не помогло—всѣ пять пали отъ той же болѣзни. Еще менѣе выносливыми оказались 4 крупныхъ оленя изъ центральной Азіи, порода которыхъ осталась невыясненною. Всѣ четыре пали въ короткій промежутокъ времени, и очень скоро послѣ ихъ водворенія въ Пущѣ, такъ же, какъ нѣсколько экземпляровъ помѣси красныхъ оленей съ вапити и какъ олени, присланные г. Фальцъ-Фейномъ. Всѣ перечисленныя неудачныя попытки водворить въ Пущѣ звѣря извнѣ наводятъ на мысль, что въ Пущѣ существуетъ какое-то обстоятельство, вредно вліяющее на привозныхъ животныхъ. Это вредное вліяніе нельзя приписать климату, такъ какъ онъ слишкомъ мало отличается отъ климата средней полосы западной Европы, а тамъ въ охотничьихъ угодьяхъ тѣ же породы выживаютъ. Спокойствія въ Пущѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ особенности въ сравненіи съ совершенно не охраняемыми угодьями, при томъ же безпокойство и не можетъ вліять на физику животнаго; оно уходитъ отъ шума, но не болѣетъ. Остается предположить, что кормъ или питье настолько неудовлетворительны, что только мѣстные уроженцы могутъ ихъ переносить, привыкая къ нимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; изъ водворенныхъ же въ Пущу звѣрей выживаютъ только нѣкоторыя породы, какъ, напримѣръ, европейскій олень, коза и даніэль, но почти всѣ болѣютъ первое время по переселеніи. Кавказскій зубренокъ слабъ и по сейчасъ и совершенно выправиться не можетъ.

44*

Замѣчено, что даже домашній рогатый скотъ и лошади, попадающіе со стороны на пущинскіе корма, также сначала болѣютъ. Все сказанное указываетъ на неотложную необходимость въ изслѣдованіи спеціалистами кормовъ и питья и причинъ смерти животныхъ. Только по выясненіи вопроса, возможно ли привозному звѣрю предоставить не вредящія ему жизненныя условія, слѣдовало бы рѣшаться на улучшеніе звѣря припускомъ новыхъ кровей и опытами скрещиванія. Въ данное же время желательно было бы ввести только кровь уральскаго козла, усиленно отстрѣливая слабые экземпляры.

Фактъ неоспоримый, что звѣрь всюду физически слабѣетъ; почти всѣ породы измельчали; теперь нѣтъ уже тѣхъ козловъ, оленей, лосей, что встрѣчались нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Это вырожденіе является слѣдствіемъ многихъ неблагопріятныхъ условій. Самыми вредными условіями считаются отстрѣлъ сильнѣйшихъ особей и плохой кормъ. Вотъ почему, если рѣшаются на освѣженіе крови, то къ этой мѣрѣ слѣдуетъ прибѣгать только въ томъ случаѣ, когда можно внести кровь завѣдомо сильнаго элемента по происхожденію и когда улучшеніе кормовъ идетъ рука объ руку съ освѣженіемъ породы.

При вводѣ новой крови необходимо также сообразоваться съ тѣми недочетами въ физикѣ звѣря, которые желательно улучшить. Умѣлый подборъ производителей играетъ весьма важную роль во всемъ животноводствѣ. Подробно говорить о томъ, какая поправка должна быть внесена въ будущемъ при освѣженіи крови бѣловѣжскихъ звѣрей, было бы преждевременно. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что зубрамъ необходимо дать постороннихъ производителей, и такъ какъ выборъ не великъ, то, обезпечивъ ихъ кормами, придется брать быковъ съ Кавказа, отъ князя Плессъ и изъ Гатчины. Относительно оленя—время терпитъ, тѣмъ болѣе, что бѣловѣжская порода не могла еще установиться. Съ козой ждать нечего—необходимо воспользоваться первыми снѣжными на Уралѣ зимами, когда козловъ тамъ вылавливаютъ руками, и переселить нѣсколько партій въ Пущу. Даніэли и кабаны улучшеній не требуютъ, что же касается до лося, то рекомендовать заселеніе Пущи привозными лосями было бы рисковано; такихъ опытовъ, сколько извѣстно, еще никто не производилъ. Если въ Пущѣ, со временемъ, появится вновь хорошій кормъ для лося, то безъ всякаго искусственнаго освѣженія крови звѣрь набѣжитъ извнѣ, какъ это бывало въ старину, и всякій пришелецъ будетъ развитѣе пущинскаго, а потому будетъ полезенъ, какъ производитель.

Нѣтъ сомнѣнія, что при переселеніяхъ звѣря необходимо брать его изъ такой мѣстности, въ которой естественныя условія его жизни

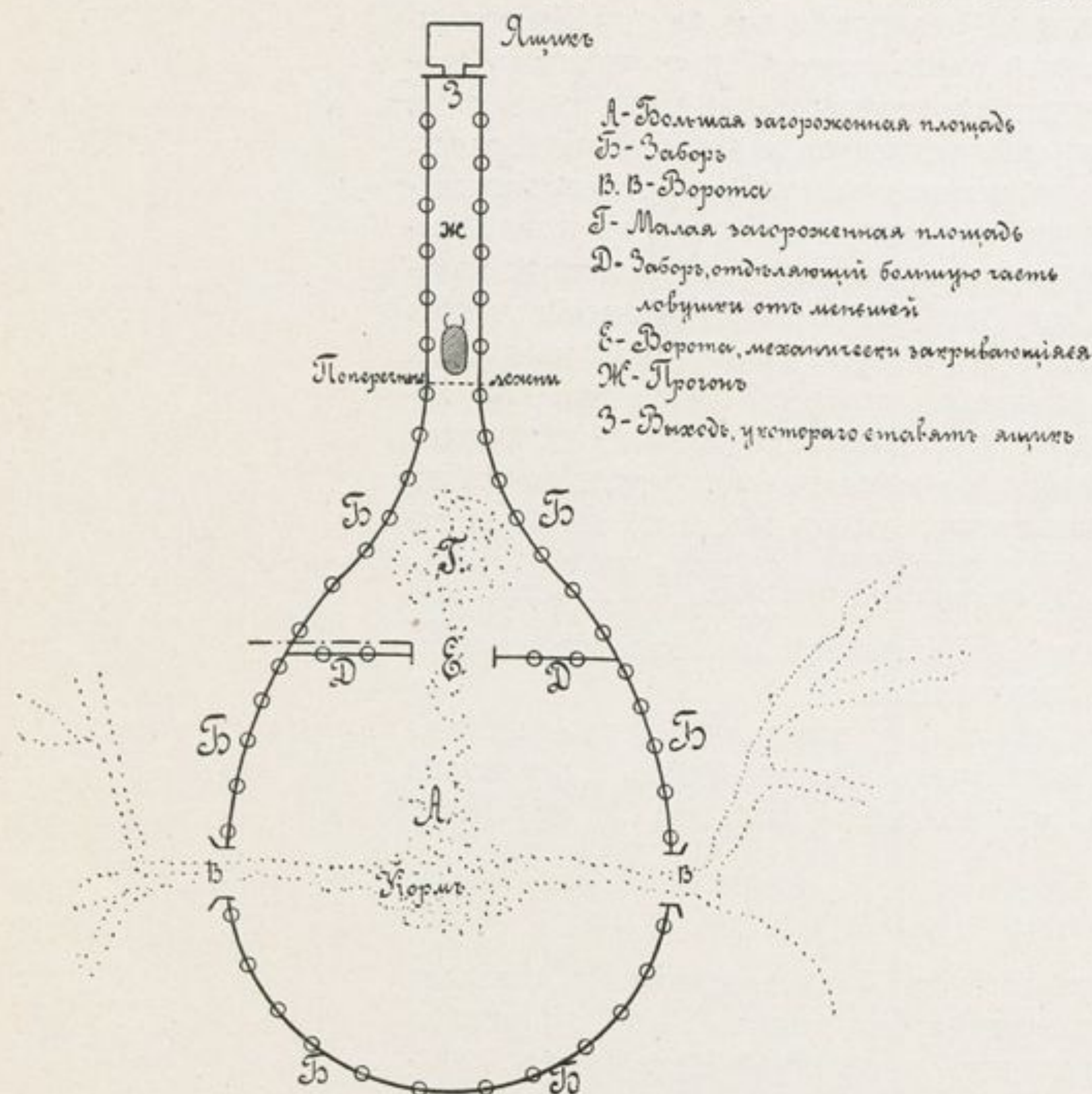
сходны съ обстановкой его будущаго мѣстопребыванія. Въ этомъ отношеніи климатъ и кормъ играютъ первенствующую роль.

Для сравнительно мелкихъ угодій нельзя, напримѣръ, оленя придунайскихъ равнинъ переселять въ хвойные лѣса Гарца. Но къ климатическимъ рѣзкимъ измѣненіямъ олени, козы, даніэли и кабаны привыкаютъ легче, чѣмъ къ перемѣнѣ кормовъ. Въ Бѣловѣжской Пущѣ лѣсъ настолько разнообразенъ и имѣются такіе плодородные (крестьянскіе) уголки, что какъ равнинный олень, привыкшій къ тучнымъ травамъ, такъ и звѣрь изъ лиственнаго, хвойнаго или мѣшаннаго лѣса, могли бы со временемъ найти себѣ здѣсь пропитаніе. Кавказскій олень, какъ самый могучій изъ европейскихъ, привыкшій къ рѣзкимъ климатическимъ измѣненіямъ и пасущійся, смотря по сезону, въ разнообразныхъ высотахъ, могъ бы въ будущемъ составить великолѣпный матеріалъ для освѣженія крови. Для этого звѣря топографическія условія не играютъ большой роли. Кавказскій олень не изнѣженъ уходомъ и прикормкой, онъ выносливъ, а красота его роговъ извѣстна. Его, конечно, трудно выловить, и отдаленность доставки можетъ отразиться большимъ процентомъ смертности. Но казалось бы полезнѣе потратить опредѣленную сумму на 10 кавказскихъ, чѣмъ такую же на 40 полупарковыхъ звѣрей изъ другихъ мѣстъ. Еще не такъ давно количество звѣря играло главную роль; надо было спѣшить, но въ будущемъ, при освѣженіи крови слѣдовало бы, намѣтивъ опредѣленный планъ, выполнять его постепенно и систематично.

Что касается скрещиванія, то мы уже говорили о немъ, описывая подробно опыты съ зубрами Валицкаго и Фальцъ-Фейна. Скрещиваніе другихъ пущинскихъ звѣрей, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не производилось.

Выловъ зубровъ, козъ и кабановъ въ Пущѣ производился, какъ мы видѣли, очень рѣдко. Въ настоящее время вылавливаютъ зубровъ по системѣ, которую предложилъ когда-то лѣсничій Штральборнъ. Зубровая ловушка въ Пущѣ одна, устроенная въ звѣринцѣ, такъ какъ выловы зубровъ производятся теперь исключительно изъ звѣринца. Прилагая планъ и фотографическіе снимки наружняго и внутренняго вида ловушки, прослѣдимъ ея устройство (смотри стр. 350). Площадь А, приблизительно въ двѣ десятины, окружена очень прочнымъ сплошнымъ заборомъ Б, высотою болѣе сажени. Площадь округленной формы, постепенно съуживающаяся въ одномъ концѣ. Въ широкой части устроены двое воротъ В, В для входа; съуженная часть загороженнаго пространства Г отдѣлена отъ остального заборомъ Д, по серединѣ котораго

ворота Е. Меньшая часть ловушки Г, продолжая съуживаться представляетъ прогонъ Ж саженей 10 въ длину и такой ширины, чтобъ попавшій туда зубръ не могъ обернуться. Прогонъ оканчивается выходомъ З, запирающимся падающей сверху дверцей. Такимъ же образомъ закрываются и ворота Е. Двери падаютъ собственною тяжестью, стоитъ лишь дернуть веревку. У выхода З ставятъ ящикъ соотвѣтственной

величины. Дверца ящика падаетъ сверху, двигаясь по пазамъ. Передъ выловомъ, ворота В, В и Е оставляютъ открытыми. Внутри ловушки, какъ въ большей, такъ и въ меньшей ея частяхъ, разсыпаютъ и разбрасываютъ кормъ: овсяные снопы, картофель, буракъ, омеллу... и разброску эту доводятъ до воротъ В, В и далѣе по развѣтвляющимся дорожкамъ на полверсты въ разныхъ направленіяхъ. За нѣсколько дней до вылова, зубровъ въ звѣринцѣ не прикармливаютъ; тогда стадо тотчасъ, по чутью, находитъ приманку и постепенно приближается къ ловушкѣ. Разброску продолжаютъ нѣсколько дней подъ рядъ, дабы стадо привыкло входить внутрь ловушки и не особенно безпокоилось при появленіи егерей, замыкающихъ ворота В,В. Въ день лова, когда стадо вошло уже въ ловушку за подводою, везущей корнеплоды, и начало кормиться, егеря осторожно подходятъ одновременно къ воротамъ В, В и замыкаютъ ихъ, выводя предварительно подводу. Зубры настолько понятливы, что, увидавъ себя запертыми, начинаютъ обнаруживать безпокойство, бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, ища выхода, и самые сильные и злые бьютъ даже рогами въ ворота. При выловѣ въ мартѣ 1902 года, одна зубрица настолько яростно кидалась къ воротамъ, что ихъ пришлось

Зубровая ловушка внутри.
Фотографія
А. Далматова.

подпирать и чинить тутъ же. Дальнѣйшія старанія вылавливающихъ направляются къ тому, чтобъ намѣченный къ поимкѣ экземпляръ вошелъ въ заднюю часть ловушки. Этого достигаютъ отпугиваніемъ стада по направленію къ воротамъ Е. Когда нужный для поимки экземпляръ, одинъ, или вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, войдетъ въ маленькое отдѣленіе, дергаютъ за веревку, которая освобождаетъ падающую дверцу Е. Если при дальнѣйшемъ загонѣ въ узкомъ проходѣ попадется не тотъ звѣрь, котораго намѣтили для вылова, то его выгоняютъ на свободу черезъ выходъ З, отодвинувъ предварительно ящикъ. Намѣченнаго же къ вылову зубра постепенно гонятъ къ ящику и, заставивъ его войти въ послѣдній, осторожно опускаютъ дверцу, чтобы не повредить зада и ногъ звѣря. Не каждый вылавливаемый зубръ идетъ въ ящикъ безъ понужденія: иногда приходится накидывать петлю на рога зубра и втаскивать его въ ящикъ силою. Кромѣ того, въ стѣнкахъ прогона дѣлаютъ пазы, по которымъ двигаются поперечные лежни; послѣдними, при помощи веревокъ, и заставляютъ зубра направляться къ ящику. При ловлѣ зубровъ, предназначавшихся къ отправкѣ въ Константинополь, по разсказамъ старожиловъ, пришлось къ поперечнымъ брусьямъ, заложеннымъ въ пазы, припречь по 3 лошади съ каждой стороны и, принявъ лошадей въ кнуты, втискивать такимъ образомъ упрямца въ ящикъ. При награде...

Гатчину въ 1900 году, когда одного зубра загнали въ коридоръ и отдѣлили лежнями, онъ безъ разбѣга сдѣлалъ такой прыжокъ, стараясь перескочить черезъ стѣну, что повисъ передомъ на изгороди и едва не перевалился наружу. Теперь большею частію вылавливаютъ непогодовалыхъ телятъ, съ которыми хотя и приходится повозиться, но все же безъ помощи лошадей. Попадались и такіе, которые быстро пробѣгали по прогону и сами входили въ ящикъ. Иногда на поимку зубра тратятъ по двое сутокъ. Во время вылова звѣри, конечно, сильно возбуждены, бьютъ рогами и копытами въ стѣны, но не издаютъ никакихъ громкихъ звуковъ, о которыхъ упоминаетъ Далматовъ,

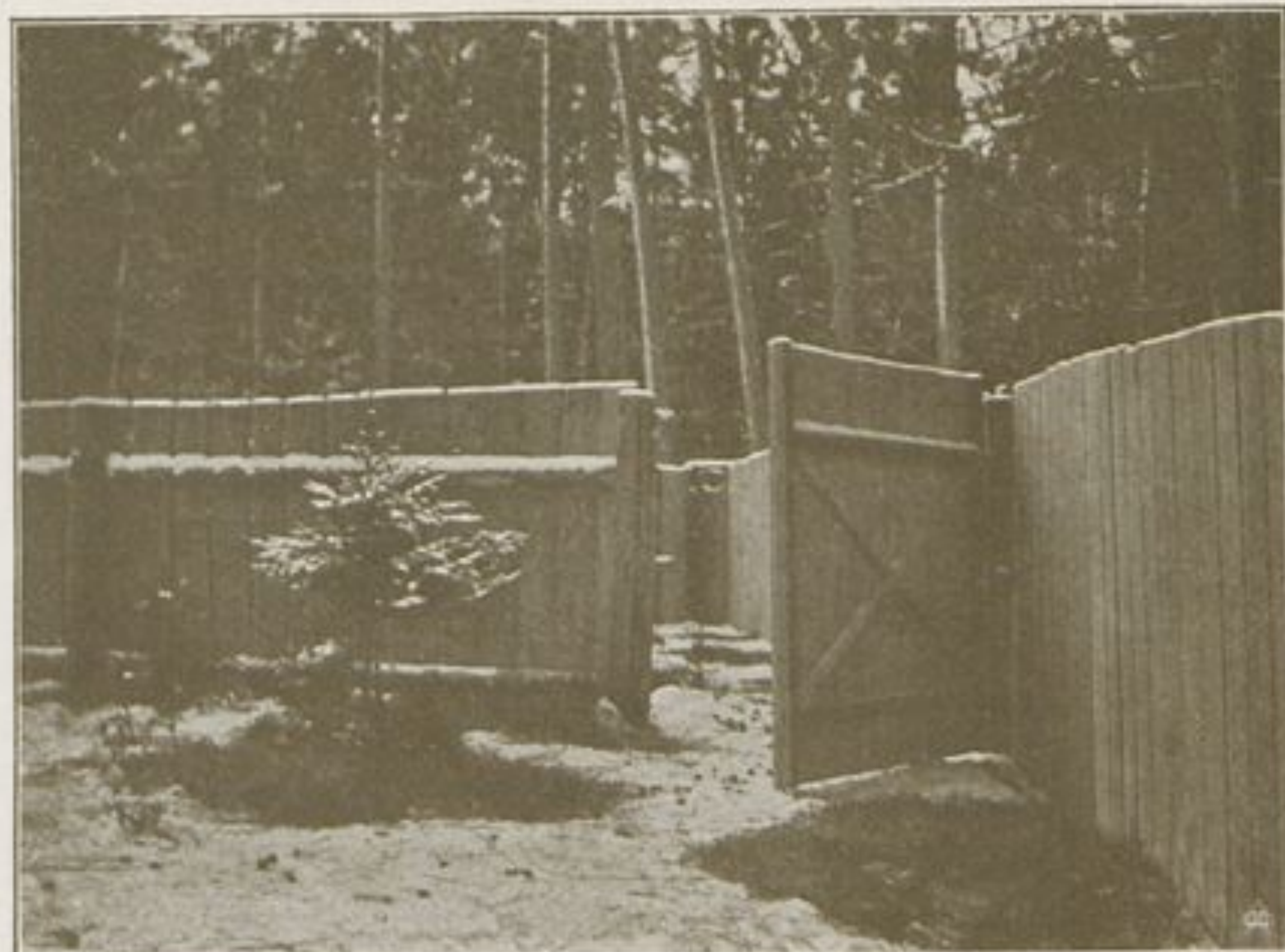

Прогонъ зубровой ловушки снаружи. Фотографія А. Далматова.

кромѣ отрывистаго хорканія и сопѣнія, обычнаго при всякомъ сильномъ раздраженіи. Попадая въ ящикъ, нѣкоторые успокаиваются очень скоро и почти всѣ черезъ два-три часа отлично ѣдятъ корнеплоды, отборное сѣно и пьютъ молоко. Выловъ производится теперь только въ концѣ зимы, такъ какъ звѣрь при перевозкѣ очень возбужденъ и въ теплое время страдалъ бы отъ жары. При перевозкѣ звѣрей, отправлявшихся въ Гатчину, одинъ свирѣпый быкъ настолько бился въ ящикѣ всю дорогу, что по пути до Гатчины пришлось два раза обшивать ящикъ новымъ тесомъ, такъ какъ полутора-дюймовыя доски разлетались въ щепы отъ нѣсколькихъ ударовъ роговъ.

Выловъ кабановъ производится посредствомъ двухъ ловушекъ, изъ

которыхъ одна стоитъ давно въ звѣринцѣ, другая построена въ прошломъ году, въ 26-мъ кварталѣ, у сѣверной окраины Пущи. Въ общемъ кабанья ловушка того же устройства, какъ и зубровая, но вчетверо меньше; заборы легче и не выше сажени. Выловъ кабановъ производится почти такъ же, какъ и зубровъ, съ тою лишь разницею, что входныя ворота замыкаются егеремъ, укрывающимся въ особой будкѣ, стоящей на столбахъ; кабанъ боязливѣе зубра, а потому закрыть ворота возможно только такимъ способомъ. Въ ящикъ звѣрь идетъ лучше зубра, но страшно страдаетъ отъ жары, поэтому кабана также вылавливаютъ въ холодное время.

Кабанья ловушка внутри.
Фотографія
Г. Карцова.

Оленя въ Пущѣ до сихъ поръ не вылавливали, а насажденныхъ привозили въ спеціально устроенныхъ, уширенныхъ вверху ящикахъ, дабы звѣрь не бился головою о стѣны.

Относительно пришлаго со стороны звѣря Пуща находится въ исключительномъ положеніи: разсчитывать на такого нельзя, почему на границахъ Пущи и не устраиваютъ никакихъ спеціальныхъ входовъ, безъ возможности обратнаго выхода въ томъ же мѣстѣ, какъ это дѣлаютъ въ усиленно охраняемыхъ, огороженныхъ угодьяхъ. Мы уже говорили, что ушедшій изъ предѣловъ Пущи звѣрь въ нее рѣдко возвращается, а раіоны вокругъ бѣдны мѣстной дичью. Важнѣе принять мѣры противъ ухода звѣря изъ дачи, но пограничная охрана, при незначительномъ общемъ охотничьемъ персоналѣ, не можетъ быть удовлетворительна. При уходѣ зубровъ ихъ стараются обложить и гнать обратно, но это не всегда удается, и за послѣднее время все чаще повторяются случаю, что то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, далеко за границей Пущи, появились зубры. Нѣтъ сомнѣнія, что улучшеніе естественныхъ кормовъ остановитъ перекочевки звѣря лучше всѣхъ пограничныхъ

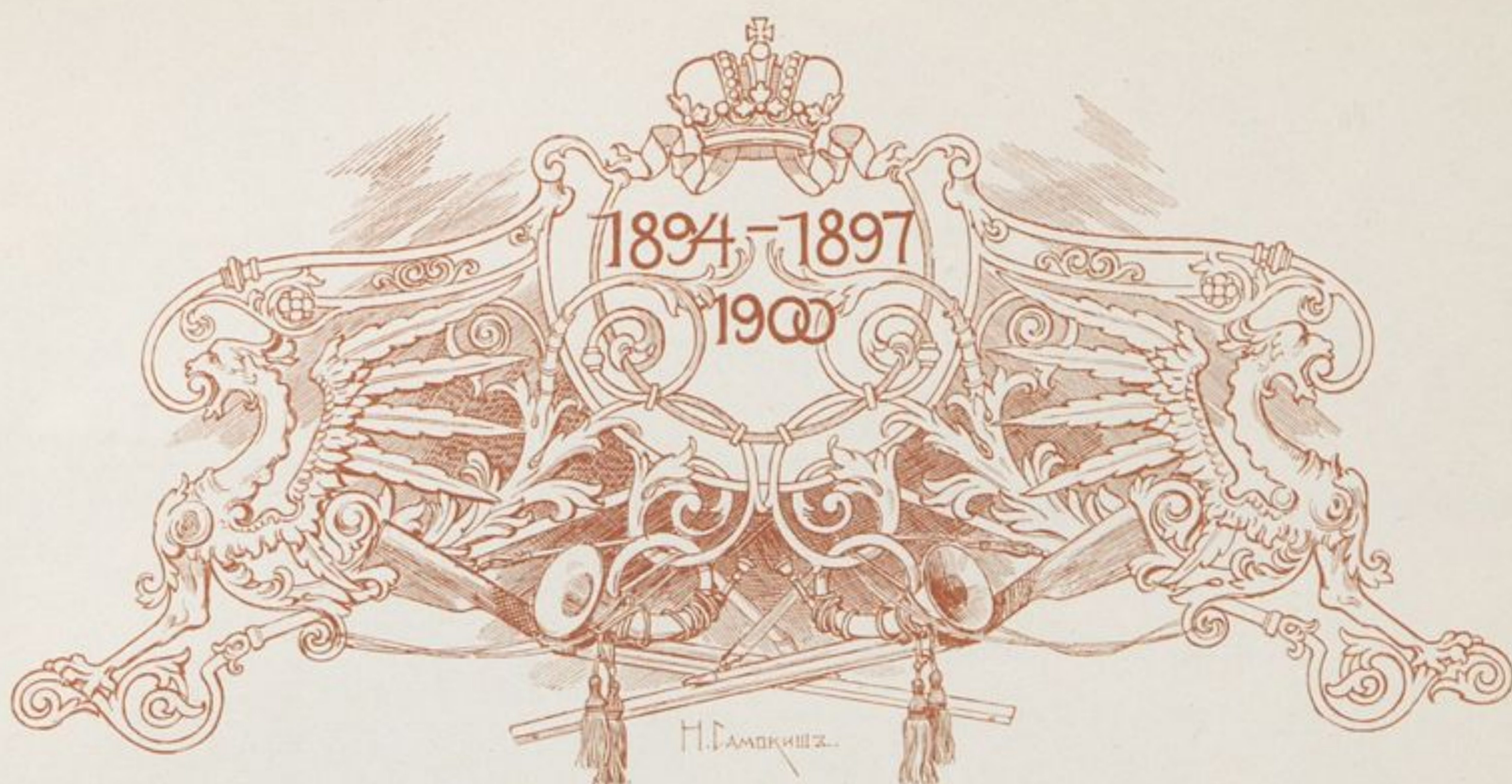

Прогонъ кабаньей ловушки снаружи.
Фотографія
Г. Карцова.

охранительныхъ мѣръ, которыя въ крайности могутъ быть замѣнены оградой.

Сплошное огражденіе Пущи сохранитъ численный составъ звѣря и устранитъ пастьбу крестьянскаго скота въ недозволенныхъ мѣстахъ, оградитъ отчасти отъ браконьерства и отъ праздношатающихся, дастъ возможность устроить входы звѣрю и въ общемъ внесетъ большее спокойствіе; но съ другой стороны, всякое сплошное загражденіе можетъ быть примѣнимо только въ лѣсу, способномъ естественно кормить свой звѣровой составъ, иначе звѣрь начнетъ усиленно портить лѣсъ. Кромѣ того, всякое сплошное загражденіе угодья придаетъ охотничьему хозяйству парковый характеръ, при которомъ дичь уже не вполнѣ свободна, а слѣдовательно и охота на нее менѣе интересна. По отношенію къ такому громадному пространству, какъ Пуща, какъ будто странно говорить о стѣсненіи свободы звѣря оградой; конечно звѣрь этого не почувствуетъ, такъ какъ въ Пущѣ много простора. Да и человѣкъ только тогда вспомнитъ объ оградѣ, когда увидитъ ее, выѣзжая изъ Пущи или въѣзжая въ нее. При полномъ огражденіи десяти, даже двадцати тысячъ десятинъ еще можетъ казаться, что звѣрь на такой площади лишенъ свободы, но когда огражденъ почти уѣздъ—это представленіе исчезаетъ. Если бы въ Пущѣ оказалось настолько естественнаго корма, что можно было бы совершенно остановить уходъ изъ нея звѣря полной изолировкой ея пастбищныхъ кварталовъ, то польза какъ охотничьему, такъ и лѣсному хозяйству была бы несомнѣнна. Въ сплошной изгороди, однако, нѣтъ и надобности, такъ какъ по границамъ Пущи имѣется не мало мѣстъ съ благопріятными уклонами и придорожными канавами, которыя даютъ возможность устройства въ этихъ мѣстахъ „звѣровыхъ входовъ“ (Einschprung), имѣющихъ то преимущество, что они не производятъ впечатлѣнія сплошного загражденія.

Высочайшія охоты.

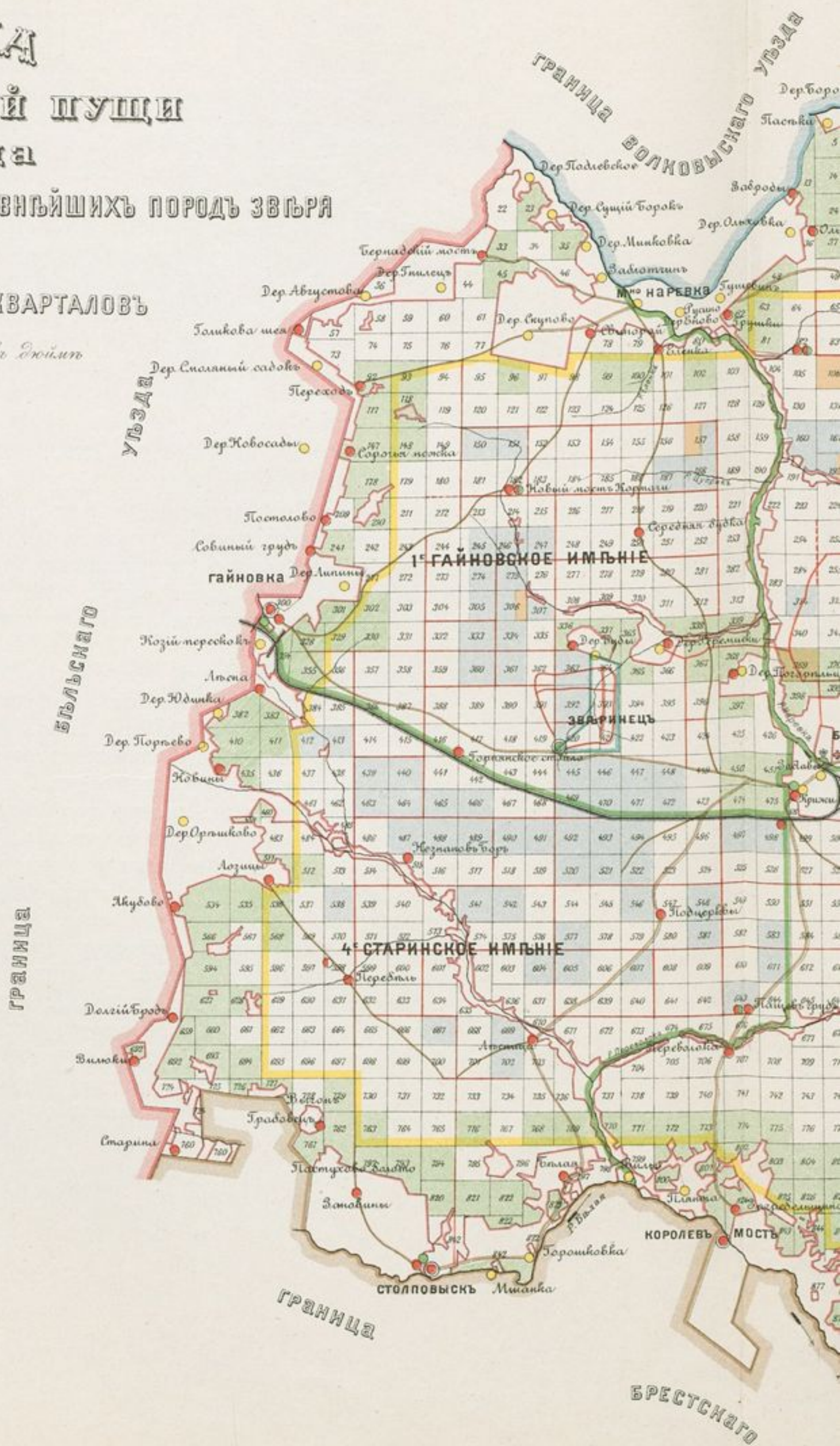
Богатство и разнообразіе породъ дичи, прекрасныя проѣзжія и охотничьи дороги, чудно содержимый дворецъ и общее благоустройство сдѣлали Пущу самымъ привлекательнымъ Государевымъ охотничьимъ угодьемъ. Три блестящихъ охоты: 1894, 1897 гг. и въ особенности охота 1900 года показали, какіе результаты дало недавно организованное хозяйство.

Въ ожиданіи прибытія Государя въ Пущу, помимо обычныхъ приготовленій вырабатывается самый подробный планъ предстоящихъ охотъ. Управляющій Пущею вмѣстѣ съ завѣдующимъ охотою и управляющими имѣньями, составляя планъ, стараются заблаговременно предусмотрѣть всѣ возможныя случайности. Главнымъ основаніемъ для плана служатъ, конечно, общее количество звѣря въ угодьѣ, и въ частности— въ намѣчаемыхъ для охоты кварталахъ. Въ Пущѣ имѣются участки, въ которыхъ въ сухое лѣто звѣрь совершенно не держится, а въ нѣкоторыхъ, послѣ сильныхъ дождей, загонщикамъ трудно пройти, и если это удается, то все-таки съ нѣкоторой задержкой. Къ этимъ главнымъ условіямъ присоединяется множество второстепенныхъ, зависящихъ отъ продолжительности охоты, числа участниковъ, породы звѣрей, которыхъ преимущественно желаютъ добыть, степени отдаленности охотничьяго участка отъ дворца и пр. Если участокъ въ близкомъ разстояніи отъ Бѣловѣжа, то назначаютъ до 9-ти загоновъ, а на дальнемъ не болѣе 7-ми. Общій планъ представляется на утвержденіе главнаго управленія удѣловъ, что же касается всякихъ подробностей, то онѣ устанавли-

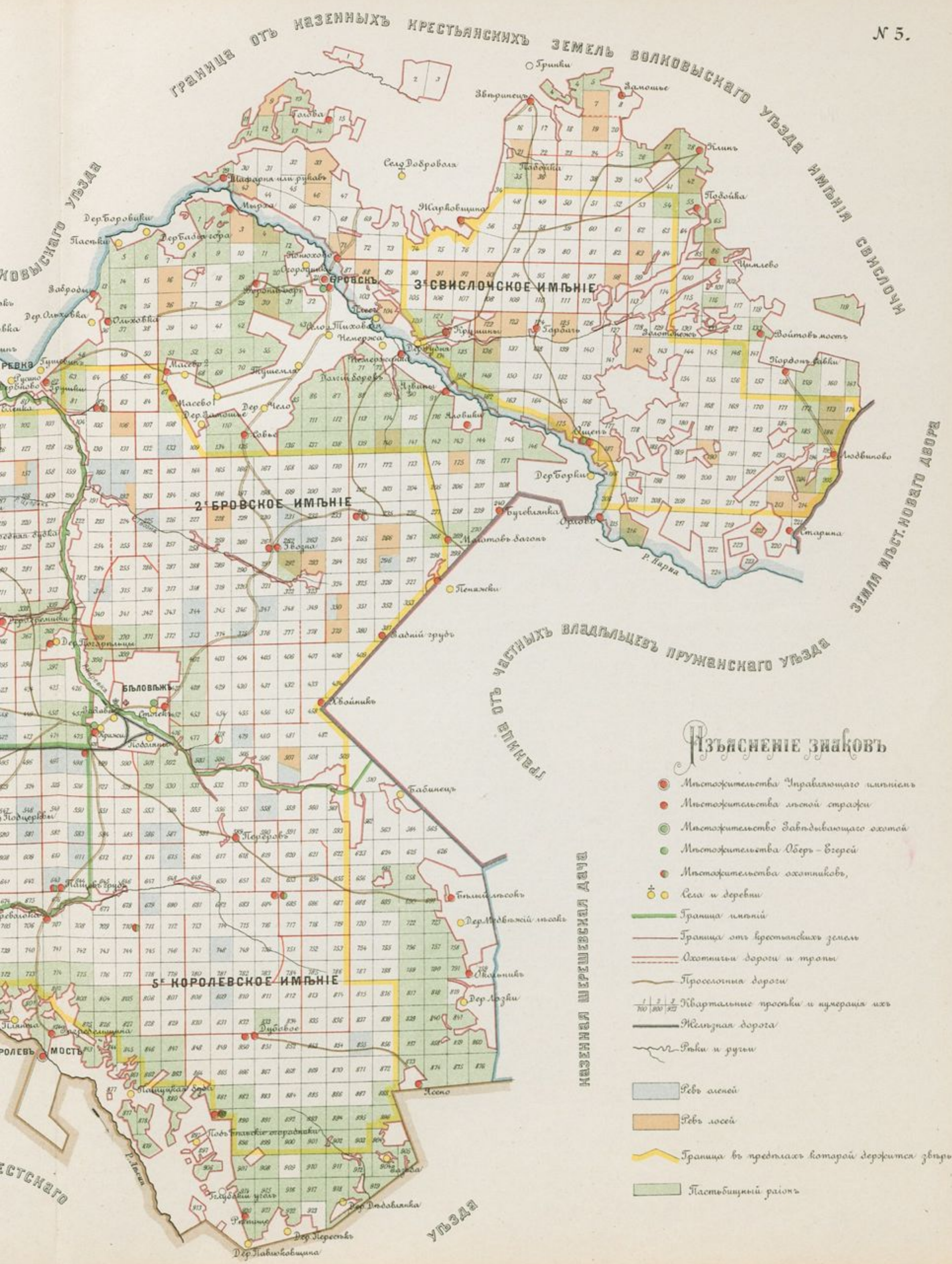
45*

КАРТА
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ
1902 ГОДА
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ МѢСТОПРЕБЫВАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПОРОДЪ ЗВѢРЯ ОСЕНЬЮ И ПАСТЬБИЩНЫХЪ КВАРТАЛОВЪ

Масштабъ 4 версты въ дюймъ

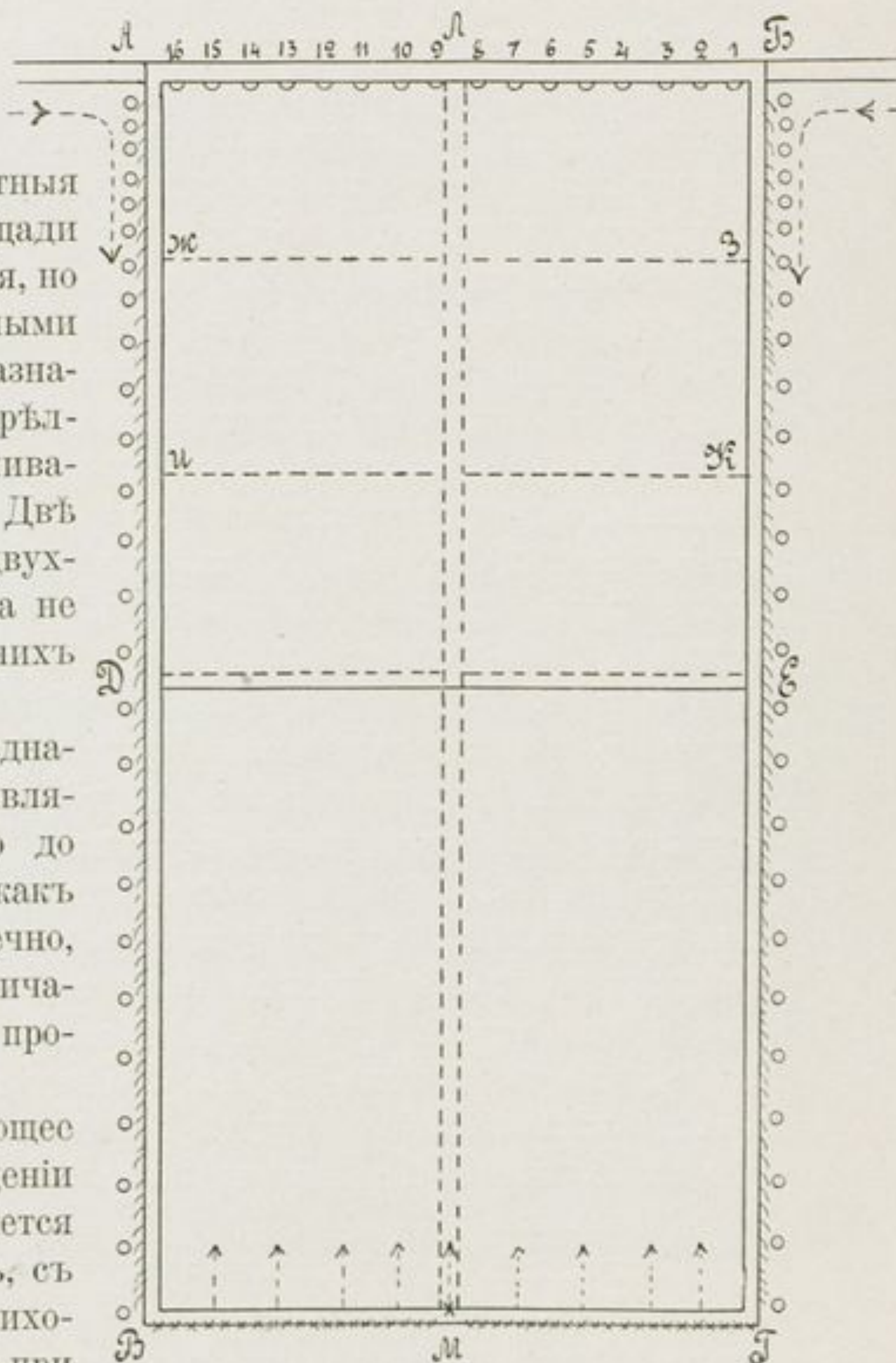

Картогр. зав. А. Ильина С.П.Б.

Граница отъ казенныхъ крестьянскихъ земель Волковыскаго уѣзда имѣнія Свислочи
Граница отъ частныхъ владѣльцевъ Пружанскаго уѣзда
Земля И. Ст. Новаго Двора
Казенная Шерешевская дача
3е Свислочское имѣніе
2е Бровское имѣніе
5е Королевское имѣніе
Бровскъ
Бѣловѣжъ
Королевъ Мость
Грицки
Замошье
Звѣринецъ
Клинъ
Подойка
Цимлево
Войтовъ мостъ
Кордонъ Габки
Людвиново
Старина
Село Доброволя
Жарковщина
Голова
Шафарня или рукавъ
Мырха
Дер. Боровики
Дер. Баба гора
Пастки
Заброды
Дер. Ольховка
Ольховка
Село Тиховоля
Неможа
Крушины
Горбачъ
Золотоножъ
Дер. Бобины
Немерженск
Язвины
Яловики
Ощепъ
Дер. Борки
Бугевлянка
Орлово
Р. Нарва
Малатовъ загонъ
Пенежки
Вадвій грудъ
Хвойникъ
Масево
Дер. Замошье
Дер. Чело
Совье
Гвозна
Бабинецъ
Подолянъ
Стоекъ
Пордровъ
Бѣлый лѣсокъ
Дер. Медвѣжій лѣсокъ
Окольникъ
Дер. Лозки
Дубовое
Ясено
Р. Лесная
Дер. Дворищанка
Дер. Перестѣкъ
Дер. Павлюковщина
Глубокій уголъ
Подцерквы
Уѣзда
Брестскаго
Изъясненіе знаковъ
Мѣстожительства Управляющаго имѣніемъ
Мѣстожительства лѣсной стражи
Мѣстожительство Завѣдывающаго охотой
Мѣстожительства Оберъ-Егерей
Мѣстожительства охотниковъ,
Села и деревни
Граница имѣній
Граница отъ крестьянскихъ земель
Охотничьи дороги и тропы
Проселочныя дороги
Квартальные просѣки и нумерація ихъ
Желѣзная дорога
Рѣки и ручьи
Ревъ оленей
Ревъ лосей
Граница въ предѣлахъ которой держится звѣрь
Пастбищный районъ
Картогр. зав. А. Ильина. С.П.Б.

ваются и измѣняются на мѣстѣ въ теченіе всего времени, а иной разъ передъ самымъ началомъ загона. Такъ, сильный дождь можетъ, напримѣръ, заставить перенести охоту въ кварталъ, назначенный для другого дня; при внезапной перемѣнѣ вѣтра необходимо столь же быстро измѣнить направленіе гона, что особенно затруднительно, такъ какъ приходится переставлять штанды и перетягивать шнуры съ флачками. При составленіи плана на 10—12 дней охоты облавою, нужно до тонкости знать каждую мѣстность и ея звѣровое населеніе, стоянки, вексели, главные (Hauptwechsel) и побочные (Nebenwechsel); надо принять въ соображеніе составъ охотничьяго персонала и способности каждаго егеря и сторожа. Участки, въ которыхъ встрѣчаются топкія мѣста и болота, стараются не назначать для охотъ, въ особенности, если болото лежитъ поперекъ предположенной линіи гона, потому что зубры и олени во время гона могутъ взять въ сторону и выйти изъ намѣченнаго квартала. Принимаютъ также въ разсчетъ поляны. Если кварталъ изобилуетъ ими, то насторожившійся звѣрь никогда не пойдетъ чистымъ мѣстомъ, а потому будетъ распредѣляться по стрѣлковой линіи очень неравномѣрно. Противъ одного охотника можетъ сразу высыпать кучка, тогда какъ другимъ не по чемъ будетъ разрядить ружья. Наоборотъ, если въ кварталѣ много крѣпкихъ мѣстъ, въ особенности тянущихся вдоль стрѣлковой линіи, то звѣрь будетъ выходить изъ нихъ по всей длинѣ линіи и каждый будетъ стрѣлянъ. Послѣ того, какъ планъ въ общихъ чертахъ выработанъ, приступаютъ къ провѣркѣ состоянія дорогъ, ведущихъ къ назначеннымъ для охоты мѣстамъ. Гдѣ выравниваютъ, гдѣ подсыпаютъ и кой-гдѣ даже засѣваютъ травою, чтобы укрѣпить песочный грунтъ и предупредить слишкомъ большое скопленіе пыли. Затѣмъ, не задолго до охоты на деревьяхъ намѣчаютъ бѣлою краской направленіе визирныхъ линій внутри загоновъ, по которымъ цѣпь загонщиковъ выравнивается и направляется, дабы облава все время шла не разрываясь. Эти помѣтки на деревьяхъ дѣлаютъ все-таки настолько заблаговременно, чтобъ звѣрь успѣлъ къ нимъ приглядѣться, и если онѣ отъ времени стираются и смываются дождями, то передъ охотами ихъ возобновляютъ. Для наглядности даемъ чертежъ (смотри стр. 359). Въ кварталѣ АБГВ перпендикулярно къ длинной двухверстной сторонѣ намѣчаютъ три линіи ДЕ, ИК, ЖЗ, параллельныя стрѣлковой АБ, чтобъ егерямъ, ведущимъ облаву, удобнѣе было выравнивать цѣпь. Линія ДЕ дѣлитъ весь кварталъ пополамъ, а остальныя двѣ дѣлятъ половину квартала на три равныя части. Линія ЛМ, перпендикулярная къ стрѣлковой, проведенная по серединѣ квартала, позволяетъ направлять людей совершенно прямо безъ всякихъ уклоненій въ стороны; по ней идетъ оберъ-егерь. Эта линія обозначается двумя рядами помѣтокъ на дере-

вьяхъ, благодаря которымъ образуется какъ бы коридоръ. Помѣтки эти обозначаются на стволахъ деревьевъ вертикальными полосами, а на параллельныхъ, выравнивающихъ загонъ—горизонтальными полосами. Подойдя къ деревьямъ съ горизонтальными значками, каждый загонщикъ обязанъ остановиться, а егеря въ это время даютъ сигналъ: „стой, равняйся", и облава быстро выравнивается. Для облавы выбираются площади величиною въ два квартала, т. е. въ двѣ квадратныя версты АБВГ. Двѣ такія площади могутъ быть выбраны сосѣднія, но соприкасающіяся одноверстными сторонами, и тогда загоны назначаются двойные, причемъ стрѣлки на линіи только поворачиваются въ обратную сторону. Двѣ площади, соприкасающіяся двухверстными сторонами, никогда не выбираются для охоты на нихъ въ одинъ и тотъ же день.

Между площадями, предназначенными для охоты, оставляютъ промежутки отъ одного до четырехъ кварталовъ, такъ какъ во время облавы, звѣрь, конечно, уходитъ изъ участковъ, граничащихъ съ тѣмъ, въ которомъ производится охота.

Направленіе вѣтра, играющее такую важную роль при веденіи охоты, къ сожалѣнію, является иногда такимъ препятствіемъ, съ которымъ волей-неволей приходится мириться, потому что при массѣ людей, участвующихъ въ подготовленіяхъ (иногда до 700 человѣкъ), при желаніи образцоваго порядка и когда все разсчитано почти по минутамъ—измѣнить направленіе гона бываетъ крайне трудно. Впрочемъ, благодаря обилію дичи и при отсутствіи всякихъ другихъ недочетовъ, неизбѣжныхъ въ болѣе скудно обставленныхъ угодьяхъ, неблагопріятное направленіе вѣтра можетъ пройти безслѣдно, въ отношеніи результатовъ,

хотя, конечно, обидно при разстановкѣ на номера услышать донесеніе о томъ, что два - три лося, уже бывшіе въ кругу, ушли вслѣдствіе перемѣны вѣтра. На стрѣлковой линіи по короткой верстовой сторонѣ квартала, отступя отъ боковыхъ просѣкъ шаговъ на 50, устраиваютъ штанды по числу участниковъ охоты, обыкновенно около 16. Въ среднемъ штандъ отъ штанда отстоитъ на 90 шаговъ; конечно, штанды избѣгаютъ ставить въ низинѣ, если вблизи холмикъ, или на полянкѣ, когда невдалекѣ опушка еловой заросли и т. п. прикрытія. Устройство самихъ штандовъ весьма несложно: посредствомъ вбитыхъ въ землю кольевъ съ заплетенными между ними свѣжими еловыми сучьями образуютъ выпуклый наружу щитъ высотой въ полтора аршина. Передъ щитами, размѣщенными всегда за придорожными канавами, кладутъ поперекъ канавы, для прохода, двѣ дощечки. Установка штандовъ производится недѣли за двѣ до охоты, чтобы дать звѣрю привыкнуть къ нимъ и не распугать его передъ самою охотою. Вообще всѣ работы въ раіонахъ будущей охоты въ обезпеченіе успѣха стараются закончить возможно заблаговременно. Отъ каждаго штанда, подъ углами въ 45°, проводятъ линіи внутрь квартала, прочищенныя отъ зарослей, молодыхъ деревьевъ, корягъ и пр., образуя полоски, какъ бы дорожки, такъ-называемые лучеобразные визиры на 150—200 шаговъ вглубь лѣса. Этими визирами дается возможность оглядѣть звѣря на большомъ разстояніи, замѣтить принятое имъ направленіе, а иногда— съ успѣхомъ стрѣлять издалека, что въ лѣсной чащѣ обыкновенно очень затруднительно изъ-за случайнаго уклоненія пули, могущей зацѣпить сучекъ. Не менѣе важно заблаговременно разглядѣть звѣря еще для того, чтобъ быть увѣреннымъ, что стрѣляешь по такому экземпляру, котораго не стыдно положить и который вмѣстѣ съ тѣмъ не составляетъ гордости угодья, цѣнимаго въ его охотничьемъ хозяйствѣ. На случай завтраковъ въ лѣсу, невдалекѣ отъ мѣста охоты расчищаютъ площадку, на которой устанавливаютъ шатеръ-столовую. Къ площадкѣ проводятъ дороги, позволяющія экипажамъ циркулировать безъ задержки.

Когда всѣ перечисленныя подготовительныя работы окончены, охотничьему персоналу вмѣняется въ обязанность въ послѣдніе дни зорко слѣдить по просѣкамъ за переходами звѣрей, для большей увѣренности въ количествѣ крупнѣйшихъ экземпляровъ, стоящихъ въ предназначенномъ для охоты кварталѣ.

На время Высочайшихъ охотъ въ помощь бѣловѣжскимъ служащимъ командируется команда гатчинскихъ егерей изъ Императорской охоты, подъ начальствомъ ловчаго Его Величества. Послѣдній, обыкновенно, заблаговременно пріѣзжаетъ въ Пущу, знакомится съ планомъ

охотъ, осматриваетъ всѣ приготовленія и даетъ указанія и совѣты, поскольку они могутъ быть примѣнимы къ мѣстнымъ условіямъ веденія охоты. Онъ же распредѣляетъ обязанности каждаго гатчинскаго егеря.

Въ облаву загонщиками назначаютъ до 500 человѣкъ солдатъ изъ полковъ, квартирующихъ по сосѣдству съ Пущей, а для разстановки по крыльямъ кварталовъ нанимаютъ отъ 250 до 300 мѣстныхъ кре-

Егеря и загонщики въ ожиданіи начала охоты. Фотографія Гана.

стьянъ. Солдаты, находясь въ цѣпи загонщиковъ, и крестьяне, разставленные по крыльямъ, поступаютъ подъ команду егерей; у каждаго егеря партія отъ 10 до 15 человѣкъ. Каждое крыло и соотвѣтственная ему половина загона состоятъ въ вѣдѣніи оберъ-егеря, идущаго по боковой просѣкѣ вмѣстѣ съ облавою и распоряжающагося всѣмъ своимъ флангомъ. Середину загона ведетъ третій оберъ-егерь, идущій по продольной визирной линіи.

Весь составъ людей, назначенныхъ для производства охотъ въ те-

ченіе дня, дѣлится на двѣ очереди, и пока одна очередь гонитъ, другая, только-что окончившая гонъ, должна не торопясь, безъ шума, направляться къ слѣдующему назначенному для охоты кварталу, чтобъ занять мѣста и отдохнуть. Двумя смѣнами ограничиваются въ тѣхъ случаяхъ, когда, по плану охоты, въ одинъ день берутъ нѣсколько двойныхъ загоновъ, при которыхъ людей разставляютъ сразу вокругъ двухъ смежныхъ кварталовъ, или когда переходы отъ взятаго квартала къ слѣдующему не далеки. Если же кварталы одиночные, въ разныхъ мѣстахъ, и разстоянія между ними значительны, то организуютъ три смѣны, что также даетъ возможность вести охоту не задерживаясь ни на минуту. Каждая смѣна дѣлится на двѣ партіи, по числу крыльевъ загона. Въ каждой партіи, если смѣнъ двѣ, отъ 15 до 20 егерей, до 125-ти солдатъ и до 75 крестьянъ.

Въ день охоты, рано утромъ, вполнѣ организованныя указаннымъ образомъ охотничьи команды двигаются по окольнымъ просѣкамъ изъ Бѣловѣжа въ раіонъ охоты. Верстахъ въ двухъ не доходя кварталовъ, предназначенныхъ для первой очереди, команды останавливаются, и съ этого момента егеря зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто не шумѣлъ. Привезенные на подводахъ шнуры съ флагами распредѣляются между людьми, заранѣе назначенными для развѣшиванія, и каждая смѣна выходитъ къ назначенному кварталу, съ такимъ разсчетомъ, чтобъ обѣ крыловыя партіи каждаго квартала подошли одновременно къ своимъ угламъ (см. чертежъ на стр. 359). По прибытіи на мѣсто тотчасъ начинаютъ развѣшивать флаги, натягивая шнуръ обматываніемъ его вокругъ крупныхъ деревьевъ, и разставляютъ крыловыхъ крестьянъ. Ближайшихъ къ линіи штандовъ людей ставятъ шаговъ на 15 одинъ отъ другого, затѣмъ, постепенно увеличивая разстояніе, въ концѣ второй версты доводятъ промежутки до 50 шаговъ. Людей, назначаемыхъ на фланги, ставятъ внѣ квартала, по просѣкѣ, приказывая держать себя возможно смирнѣе, отнюдь не разговаривая и не двигаясь. Развѣшиваніе флаговъ и установка крестьянъ происходятъ быстро, безъ шума. Шнуръ стараются протягивать по такимъ мѣстамъ, чтобы онъ былъ по возможности на виду у звѣря и чтобы, выскакивая на гладь, на полномъ скаку онъ успѣлъ увидать передъ собою флаги и сдѣлать поворотъ; иначе съ разбѣгу онъ можетъ перескочить черезъ веревку. Почти во всякомъ загонѣ козы, кабаны и даже олени прорываются на флангахъ. До 1900 года не замѣчали прорыва лосей, но въ упомянутомъ году такой случай былъ, и даже зубры, почти никогда не идущіе на флаги, въ эту охоту также одинъ разъ прорвали флангъ.

Одновременно съ разстановкою крестьянъ на флангахъ ведется и разстановка солдатъ-загонщиковъ, по короткой верстовой сторонѣ, ле-

жащей противъ стрѣлковой линіи. Ихъ заводятъ съ обоихъ угловъ и въ зависимости отъ густоты лѣса ставятъ на разстояніи отъ 6 до 12 шаговъ другъ отъ друга. При движеніи облавы каждый егерь долженъ вести свою партію такъ, чтобъ въ заросляхъ люди сгущали цѣпь, подаваясь изъ болѣе открытыхъ мѣстъ, но отнюдь не разрывая загона и не разравниваясь. Командируемыя въ Бѣловѣжъ партіи солдатъ составляются обыкновенно изъ наиболѣе развитыхъ и сметливыхъ, и потому послѣ двухъ-трехъ пробныхъ облавъ, производящихся за нѣсколько дней до начала охоты, солдаты отлично соображаютъ, что отъ нихъ требуется, и егерямъ рѣдко приходится имъ указывать. Въ облавѣ соблюдается полная тишина, не замѣтно суетливости и безтолковщины, столь обычной при загонахъ изъ крестьянъ. Солдаты при облавахъ обыкновенно бываютъ одѣты въ бѣлыя рубахи, далеко замѣтныя звѣрю.

Къ 7-ми часамъ утра цѣпи загонщиковъ смыкаются въ двухъ первыхъ загонахъ, и все считается готовымъ къ началу охоты. Приблизительно за полчаса до пріѣзда Его Величества, назначаемаго обычно въ 9-мъ часу, оберъ-егеря ведутъ солдатъ-загонщиковъ впередъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобъ дойти до первой параллельной визирной линіи передъ сигналомъ, дающимъ знать, что охотники разставлены по штандамъ. Такимъ образомъ звѣрь выжатъ уже изъ дальней половины квартала и тѣмъ время гона сокращается на половину. Дойдя до линіи ДЕ, облава останавливается, выжидая новаго сигнала.

Около 8-ми часовъ утра Государь Императоръ, въ сопровожденіи всѣхъ приглашенныхъ на охоту, выѣзжаетъ изъ дворца. Переѣздъ по чуднымъ дорогамъ длится не болѣе часа даже въ тѣхъ случаяхъ, когда для охоты назначенъ самый дальній раіонъ, отстоящій на 15—18 верстъ; иногда, когда охота назначалась въ западной части Пущи, Августѣйшіе охотники и свита проѣзжали верстъ 9—10 по желѣзной дорогѣ и пересаживались въ экипажи, доставлявшіе ихъ къ мѣсту охоты. Государь ѣздитъ по Пущѣ въ коляскѣ, запряженной русской тройкой; Государь Наслѣдникъ выѣзжаетъ обыкновенно на охоты и возвращается верхомъ, отдѣльно отъ общей вереницы экипажей, слѣдующихъ за коляской Его Величества.

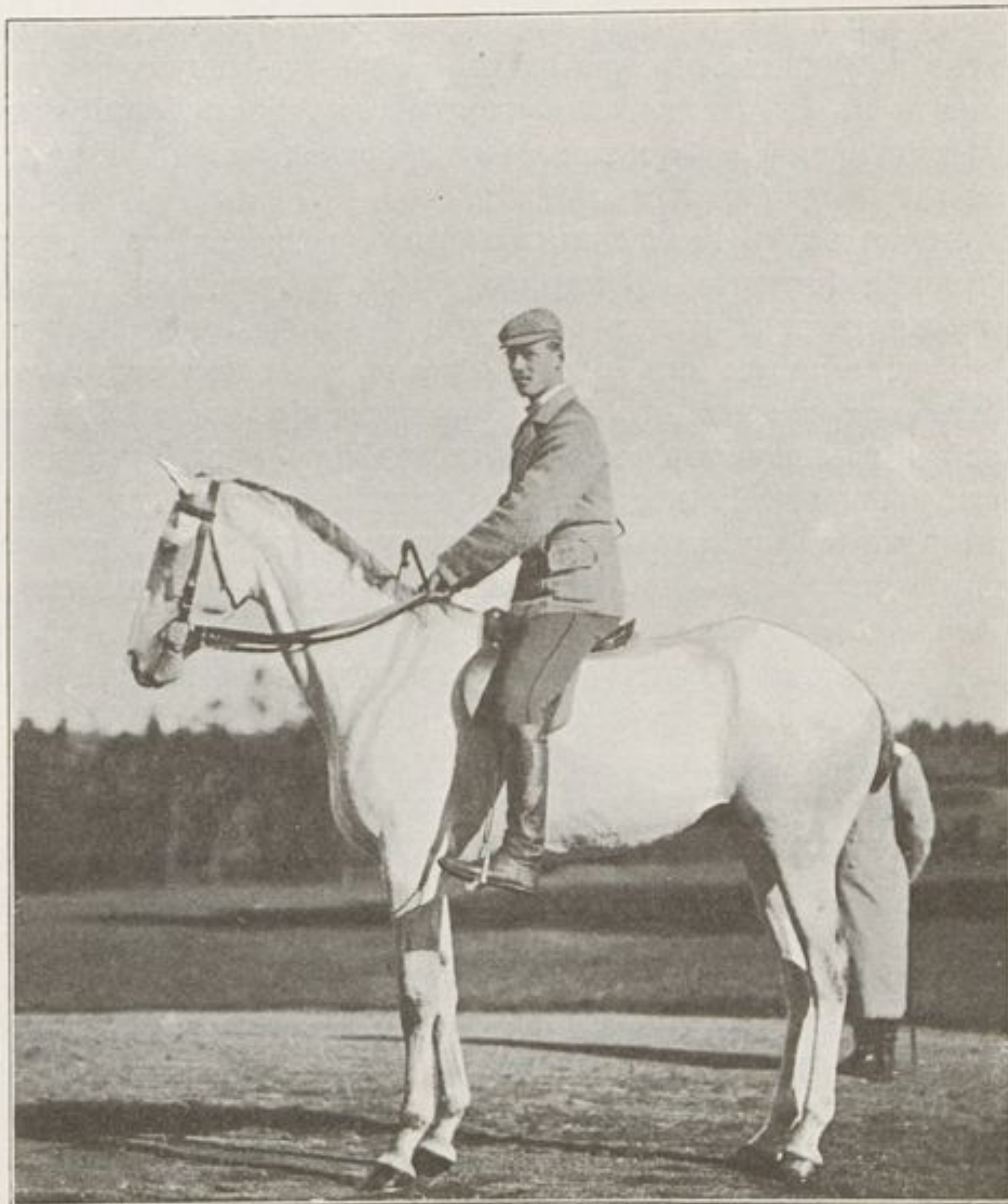
Въ 50-ти саженяхъ отъ одного изъ концовъ стрѣлковой линіи перваго загона экипажи останавливаются; здѣсь охотниковъ встрѣчаютъ управляющій Пущей вмѣстѣ съ завѣдующимъ охотою и егерями-оруженосцами, назначенными состоять при тѣхъ изъ охотниковъ, которые не имѣютъ своихъ постоянныхъ. Государь Императоръ становится обыкновенно на одинъ изъ фланговыхъ номеровъ—на 15-ый, а иногда на 14-ый или 16-ый,—въ зависимости отъ условій мѣстности и характера лѣса вокругъ; остальные участники охоты тянутъ жребій, и завѣдующій

46*

ЦѢПЬ СОЛДАТЪ-ЗАГОНЩИКОВЪ ПРИ НАЧАЛѢ ГОНА.—Моментальная фотографія Гана.

охотою указываетъ каждому его штандъ. Когда Его Величеству угодно будетъ приказать начать облаву, завѣдующій охотою дѣлаетъ знакъ егерю, стоящему на флангѣ, подать сигналъ: „слушайте всѣ“, „впередъ“. Разставленные по боковымъ просѣкамъ и въ цѣпи загонщиковъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
Государь Наслѣдникъ МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
при выѣздѣ на охоту.
Фотографія Гана.

егеря принимаютъ сигналы сосѣдъ отъ сосѣда, и въ теченіе одной минуты сигналъ сообщается по всѣмъ тремъ сторонамъ, обставленнымъ людьми. Тогда облава опять начинаетъ подвигаться молча, безъ криковъ и лишняго шума. Съ момента подачи перваго сигнала всѣ даль-

нѣйшія распоряженія отдаются такимъ же способомъ: „слушайте всѣ“, „впередъ“, „стой, равняйся“, „перестань стрѣлять“. Въ случаяхъ, когда кто-либо изъ егерей-сигналистовъ, не разслышавъ сигнала, поданнаго сосѣдомъ, самъ не повторитъ его, то первый обязанъ трубить до тѣхъ поръ, пока сигналъ не будетъ принятъ, т. е. пока ему не станутъ вторить.—По мѣрѣ движенія цѣпи загонщиковъ, егеря и крестьяне, разставленные по фланговымъ просѣкамъ, собираютъ шнуръ съ флагами для доставки къ слѣдующему, третьему загону. Часть фланговыхъ людей отвлекается этой работой, а остальные усиливаютъ цѣпь крыльевъ, не давая звѣрю прорываться въ бокъ.

Загонщики идутъ неспѣшнымъ шагомъ, зорко слѣдя передъ собою, и если замѣтятъ звѣря, идущаго по направленію къ стрѣлковой линіи, то загонъ продолжаетъ свой ходъ, какъ бы не обращая вниманія на звѣря; если же онъ идетъ обратно, т. е. на загонъ, то цѣпь останавливается, и тогда крупный звѣрь также выжидаетъ. Послѣ остановки звѣря, загонщикамъ рекомендуется дѣлать спокойныя движенія въ сторону, или пошевеливаться, стоя на мѣстѣ, но отнюдь не позволяется идти на звѣря; такъ какъ тогда онъ можетъ самъ двинуться впередъ и прорваться сквозь линію загона. Полезно слегка постукивать палками о деревья, не громко кашлять или начать говорить, и тогда звѣрь, простоявъ нѣсколько секундъ, повернетъ круто назадъ отъ загонщиковъ, по направленію къ стрѣлковой линіи. Если замѣчаютъ, что звѣрь идетъ параллельно или подъ острымъ угломъ къ линіи стрѣлковъ, то крыловые должны усиленно махать имѣющимися у нихъ флагами, а загонщики того фланга, на который идетъ звѣрь, — пріостанавливаются; но все же остановки не должны быть продолжительны, иначе линія легко теряетъ равненіе. Быстрота движенія загона стоитъ въ большой зависимости отъ рельефа мѣстности и характера почвы и лѣса. Съ этими условіями должны сообразовываться егеря, ведущіе загонщиковъ, заботясь о выравниваніи линіи послѣ всякихъ уклоненій и необходимыхъ остановокъ. Равненіе достигается замедленіемъ шага въ чистыхъ, открытыхъ мѣстахъ, чтобы идущіе по топкому болоту, или по валежнику, успѣвали нагонять. Оберъ-егерь, держащійся вертикальной визирной линіи, дойдя до послѣдней параллели ЖЗ, даетъ сигналъ: „перестать стрѣлять“, послѣ чего охотники стрѣляютъ только по перешедшему стрѣлковую линію звѣрю, т. е. повернувшись въ обратную сторону и отнюдь не въ кварталъ, откуда гонятъ звѣря. Въ обратную сторону выстрѣлы бываютъ рѣдки, а потому по сигналу „перестать стрѣлять“, охота собственно оканчивается. Загонъ длится, смотря по породѣ звѣрей и въ зависимости отъ лѣса и мѣстности, отъ 30-ти до 45-ти минутъ.

По разстановкѣ охотниковъ на штанды, оруженосцы подаютъ имъ ружья и, становясь въ затылокъ охотящимся, стараются не двигаться, причемъ внимательно слѣдятъ за появленіемъ и малѣйшимъ движеніемъ звѣря. Если охотникъ случайно не замѣчаетъ и сомнѣвается въ породѣ или полѣ звѣря, егерь быстро предупреждаетъ его, или выясняетъ сомнѣніе. На штандахъ, при охотящихся разставляютъ гатчинскихъ егерей. Но въ отношеніи распознаванія только самые опытные охотники могутъ сравняться съ бѣловѣжскими егерями.

Отъ момента перваго сигнала къ началу загона уже черезъ нѣсколько минутъ звѣрь появляется передъ стрѣлковой линіей и выстрѣлы часто слѣдуютъ одинъ за другимъ. Обыкновенно первыми изъ-подъ загона идутъ лисицы и лоси, а иногда и старые олени. Лисицы молніей проносятся по прогалинамъ, западаютъ за корягами и валежникомъ, ползутъ въ папоротникѣ и скрываются такъ же быстро, какъ появились, какъ бы проваливаясь сквозь землю; стрѣлять такую лису не легко, тѣмъ болѣе, что большая часть ружей штуцерныя, и всякое движеніе при перемѣнѣ ружья на виду у лисы даетъ ей большой шансъ увернуться. Размашистой рысью идутъ лоси и, чуя враговъ, но еще не видя ихъ, внезапно останавливаются, какъ вкопанные, поводя ушами и всматриваясь въ чащу передъ собою. По нимъ не часто стрѣляютъ, такъ какъ изъ-за плохихъ роговъ отличить корову отъ быка бываетъ подчасъ очень трудно, а кромѣ того, непріятно брать полу-шписеровъ по рогу. Затѣмъ начинаютъ подходить козлы, и мелкой, но споркой рысцой трусятъ крупные кабаны. Зубръ-одинецъ идетъ не спѣша и осторожно, часто останавливаясь, благодаря чему бить его очень легко. Движеніе зуброваго стада слышно издалека: топотъ, хрустъ сучьевъ выдаютъ приближеніе стада. Оно также часто останавливается и, подражая вожаку, какъ по командѣ, вновь сразу пускается вскачь. Намѣтить къ убою звѣря изъ стада очень не легко, когда оно, перепуганное, идетъ кучно. Пока зубровое стадо еще не очень напугано и только предчувствуетъ надвигающуюся опасность, то, какъ бы желая уйти незамѣченнымъ, оно вытягивается въ линію, идя слѣдъ-въ-слѣдъ за вожакомъ. Затѣмъ останавливается, прислушиваясь и хватая воздухъ, идетъ далѣе въ прежнемъ направленіи, или мѣняя его. Почуявъ опасность вблизи, особенно натолкнувшись на загонщика или на флачки, зубры сразу скучиваются и скокомъ идутъ вмѣстѣ. Тутъ выбить корову или телка очень немудрено. Даніэли появляются сначала компаніями, но послѣ перваго выстрѣла, разсыпаются и мечутся въ загонѣ поодиночкѣ. Послѣдними въ загонѣ остаются кабаньи семьи; лёха рѣдко отдѣляется отъ стада. Обыкновенно за нею, вытянувшись шнуркомъ, скачутъ кабанчики; если же лёха

УБИТЫЙ ЗУБРЪ.—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго по фотографіи.

убита или удрала, оставивъ молодежь, то послѣдняя страшно неохотно идетъ на стрѣлковую линію и вертится подъ самыми ногами загонщиковъ.

Не видавшій бѣловѣжскихъ облавъ не можетъ себѣ ясно представить того впечатлѣнія, которое испытываетъ охотникъ, видя передъ собою въ одномъ и томъ же загонѣ три, четыре породы крупнаго звѣря и множество мелкаго, а тутъ еще надъ головой протянетъ глухарь или вальдшнепъ.

По окончаніи загона егерь, состоящій при охотникѣ, обязанъ навѣсить на каждаго убитаго звѣря приготовленную заранѣе дощечку съ именемъ стрѣлявшаго; рогатымъ привязываютъ дощечки къ рогамъ, кабану, зайцу и лисѣ—къ проткнутому уху. Если во взятомъ кварталѣ окажется раненый звѣрь, то завѣдующій охотою опрашиваетъ ранившаго его охотника объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ выстрѣлу, о поведеніи звѣря послѣ того и назначаетъ одного изъ оберъ-егерей съ швейсхундомъ на поиски раненаго. Изслѣдованіе мѣста, на которомъ находился звѣрь въ моментъ раненія, производится немедленно, такъ какъ въ этомъ, одинаково какъ и въ тщательномъ изученіи всѣхъ малѣйшихъ признаковъ, указывающихъ на пораненіе, лежитъ успѣхъ поисковъ. Поиски раненаго рекомендуется начинать не тотчасъ же послѣ изслѣдованія оставленныхъ на мѣстѣ слѣдовъ, потому что легко раненый и сильно напуганный передъ тѣмъ звѣрь не подпуститъ человѣка съ собакой на ружейный выстрѣлъ; тяжело раненому необходимо дать належаться и истечь кровью, послѣ чего ему трудно подняться. Если подходить къ тяжело раненому звѣрю вскорѣ послѣ нанесенія раны, то, возбужденный испугомъ, онъ можетъ собрать послѣднія силы и уйти на 3—4, а иногда и болѣе верстъ. Успѣхъ поисковъ, конечно, всецѣло зависитъ отъ качества собаки, смѣтки егеря и характера раны, полученной звѣремъ.

Участники Высочайшей охоты, сообразуясь съ общимъ планомъ дня, чертежъ котораго вручается каждому передъ началомъ охоты, собираются послѣ окончанія загона у одного изъ фланговъ стрѣлковой линіи, ближайшаго къ мѣсту слѣдующаго загона, и переѣзжаютъ туда въ экипажахъ. Если берутъ двойной загонъ, то охотники только переходятъ на штанды, разставленные вдоль противоположной стороны просѣки.

Тотчасъ послѣ ухода участниковъ охоты, особая команда изъ егерей, лѣсныхъ сторожей и нѣсколькихъ рабочихъ съ приспособленными для перевозки дичи повозками выѣзжаетъ на просѣку и собираетъ убитую дичь. Старшій въ командѣ сборщиковъ записываетъ результатъ охоты по отмѣткамъ на привязанныхъ дощечкахъ и распоряжается потроше-

ніемъ дичи на мѣстѣ; требуха тутъ же закапывается, а туши доставляются ко дворцу и взвѣшиваются.

Переѣзды съ загона на загонъ совершаются очень быстро, и охота возобновляется тотчасъ по установкѣ охотниковъ на стрѣлковую линію загона № 2; тѣмъ временемъ команды съ перваго загона переходятъ на загонъ 3-ій и окладываютъ его въ томъ же порядкѣ, какъ было описано. Послѣ третьяго или четвертаго загона назначается завтракъ, продолжающійся не болѣе часа. Заблаговременно изъ дворца являются придворная прислуга и повара съ походной кухней; подъ большимъ шатромъ-палаткой приготовляется столъ; къ завтраку обыкновенно удостоиваются Высочайшаго приглашенія находящіеся на мѣстѣ высшіе чины удѣльнаго управленія Пущей и офицеры, состоящіе при командѣ солдатъ.

Послѣ завтрака охота продолжается въ описанномъ выше порядкѣ, причемъ берутъ еще нѣсколько загоновъ съ такимъ разсчетомъ, чтобъ успѣть вернуться во дворецъ до наступленія темноты.

Къ 7-ми часамъ вечера весь убитый за день звѣрь свезенъ ко дворцу на площадку передъ парадньмъ входомъ со стороны парка, гдѣ охотничій персоналъ укладываетъ трофеи въ опредѣленномъ порядкѣ. Въ первомъ ряду, ближе къ дворцовой террасѣ, кладутъ дичь, составляющую результатъ охоты Государя Императора по порядку породъ: справа зубровъ, затѣмъ лосей, оленей, даніэлей, козловъ, кабановъ, зайцевъ, перо и лисицъ; остальная дичь, взятая прочими участниками охоты, укладывается дальше вся вмѣстѣ съ тѣмъ же распредѣленіемъ по породамъ. Уложенныя на площадкѣ туши украшаются гирляндами изъ дубовыхъ вѣтвей. Къ этому времени завѣдующимъ охотою уже составлена общая вѣдомость дичи, убитой за день, съ указаніемъ—кѣмъ, сколько и какой породы взято. Вѣсъ крупнѣйшихъ экземпляровъ уже записанъ. Вѣдомости изготовляются по числу участниковъ охоты.

Штрека—эта самая торжественная, традиціонная процедура охотничьяго дня,—обставляется въ Бѣловѣжѣ очень красиво. За звѣремъ, фронтомъ къ террасѣ, выстраивается вся охотничья команда Пущи, по бокамъ ея, полукругомъ къ террасѣ, устанавливаются дворцовые работники въ красныхъ русскихъ рубахахъ съ факелами въ рукахъ, освѣщая всю картину яркимъ, то вспыхивающимъ, то ослабѣвающимъ пламенемъ; за работниками тѣснится толпа любопытныхъ изъ мѣстной и пріѣзжей интеллигенціи, дворцовыхъ служителей и крестьянъ. Къ штрекѣ собирается въ паркъ буквально весь Бѣловѣжъ; являются пріѣзжіе изъ ближайшихъ мѣстностей и даже изъ Гродно, Бѣлостока, Бреста и Варшавы, и, получивъ разрѣшеніе быть на штрекѣ, имѣютъ счастье видѣть Государя и всѣхъ Августѣйшихъ охотниковъ. При вы-

ходѣ Его Величества на подъѣздъ, егеря трубятъ встрѣчные фанфары, а завѣдующій охотою, въ парадной формѣ, подаетъ Государю вѣдомость о результатѣ дня охоты. Затѣмъ завѣдующій охотою становится направо отъ штреки и обнаженнымъ охотничьимъ ножомъ указываетъ на лежащаго зубра; въ то же время егеря трубятъ „фанфаръ зубру", затѣмъ раздаются новые звуки охотничьяго оркестра въ честь лося, оленя и т. д. — по порядку значенія дичи въ охотѣ; для каждой породы дичи установленъ особый мотивъ въ нѣсколько колѣнъ, и самые мелодичные изъ нихъ—по перу и лисѣ *). Во время этого охотничьяго празднества Его Величество обыкновенно осматриваетъ звѣрей, разспрашиваетъ объ эпизодахъ дня и отдаетъ приказанія относительно слѣдующей охоты.

Послѣ штреки дичь поступаетъ въ распоряженіе препаратора, который, въ спеціально устроенномъ для того сараѣ съ открытымъ навѣсомъ, отдѣляетъ черепа отъ тушъ, вывариваетъ ихъ и чрезъ 2—3 дня рога,—эти охотничьи трофеи,—на доскахъ съ надписями, кѣмъ и когда убитъ звѣрь, красуются на стѣнахъ дворца, или поступаютъ въ собственность охотника. Туши звѣрей отдаются крестьянамъ, солдатамъ-загонщикамъ, охотничьей и лѣсной стражѣ, низшимъ служащимъ во дворцѣ и управленіи Пущи, а нѣкоторые молоденькіе экземпляры козловъ и кабановъ выбираются на царскую кухню.

Въ 1894 году охота въ Бѣловѣжѣ была настолько организованною, что Государь Александръ III пожелалъ назначить свой пріѣздъ въ Пущу. Дворецъ достраивался, спѣшно оканчивали желѣзнодорожную вѣтку отъ Бѣльска къ Гайновкѣ, чинили трактъ отъ Бѣльска въ Бѣловѣжъ и заготовляли все необходимое для пріема Высочайшаго Двора и производства десятидневной охоты. Мѣстная администрація и все пущинское населеніе съ радостью ожидали увидать своего Государя въ Бѣловѣжѣ, который, надѣялись, станетъ съ тѣхъ поръ осеннею Царскою резиденціею. Но уже среди лѣта вся Россія была удручена грустной вѣстью о серьезной болѣзни Государя. Тѣмъ не менѣе, Высочайшій пріѣздъ не былъ отмѣненъ; Его Величеству хотѣлось взглянуть на вновь воздвигнутый дворецъ и обозрѣть всѣ устройства Своего угодья, надъ которыми усердно работали пять лѣтъ. Въ началѣ августа ухудшеніе въ здоровьѣ Монарха стало еще болѣе тревожить всѣхъ и сдѣлалось яснымъ, что при такомъ общемъ настроеніи охота никого интересовать уже не могла. Всѣ усилія администраціи направились къ тому, чтобъ ничѣмъ не утомить и не обезпокоить страдавшаго Государя.

*) Смотри приложеніе № 1 въ концѣ изданія.

47*

Павильонъ у желѣзнодорожной платформы, построенный въ 1894 г. для Высочайшаго пріѣзда.

Отъ станціи Гайновка желѣзнодорожный путь протянули на полверсты параллельно границѣ Пущи и около пересѣченія ея Бѣльскимъ трактомъ построили платформу съ павильономъ. Къ этой великолѣпно разукрашенной платформѣ 21-го августа 1894 года подошелъ Императорскій поѣздъ, въ которомъ въ Пущу впервые въѣзжалъ ея Возсоздатель. Встрѣча Государя не могла быть веселою, настолько состояніе здоровья Его Величества уже внушало общія опасенія. Отъ Гайновки до Бѣловѣжа Государь и всѣ Его сопровождавшіе ѣхали въ экипажахъ. Въ Пущу съ Его Величествомъ прибыли Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья: Георгій Александровичъ, Михаилъ Александровичъ, Королевичъ Николай Греческій; генералъ-адъютанты: графъ Воронцовъ-Дашковъ, Рихтеръ, Черевинъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Фредериксъ, князь Вяземскій, лейбъ-хирургъ Гиршъ, профессоръ Голубевъ и докторъ Поповъ. 25-го августа прибыли Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Великой Княгиней Маріей Павловною; при Великомъ Князѣ Георгіѣ Александровичѣ находился лейтенантъ Бойсманъ.

Облавныя охоты производились 22-го, 24, 25, 27, 29, 31 августа и 1-го, и 2-го сентября, при чемъ Государь выѣзжалъ на охоту лишь 4 раза: 22-го, 24, 27 и 29 августа, но стрѣлять не изволилъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ сгруппированы подробныя данныя результатовъ этой охоты.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III у подъѣзда Бѣловѣжскаго дворца въ концѣ августа 1894 г.

Свѣдѣнія объ охотахъ,
производившихся съ 22-го августа по 3-е сент. 1894 г.

	Зубръ.	Лось.	Олень.	Козелъ.	Кабанъ.	Лиса.	Русакъ.	Итого.
Е. И. В. Государь Императоръ.	—	—	—	—	—	—	—	—
Наслѣдникъ Цесар. Николай Александровичъ.	1	1	—	1	3	—	—	6
В. К. Георгій Александровичъ	—	2	—	1	1	—	—	4
В. К. Михаилъ Александровичъ	2	3	—	—	4	1	1	11
В. К. Владиміръ Александровичъ	—	2	1	—	2	—	—	5
Королевичъ Николай Греческій.	—	3	—	1	2	—	—	6
Графъ Воронцовъ-Дашковъ	2	2	—	2	8	—	—	14
Ген.-адъютантъ Рихтеръ	1	—	—	—	1	—	—	2
Ген.-адъютантъ Черевинъ	—	3	—	1	1	1	—	6
Баронъ Фредериксъ	—	—	—	1	3	1	—	5
Князь Вяземскій	—	1	—	—	1	1	—	3
Лейбъ-хирургъ Гиршъ	—	—	—	—	2	—	—	2
Профессоръ Голубевъ	—	1	—	—	—	—	—	1
Докторъ Поповъ.	—	—	—	1	—	—	—	1
Лейтенантъ Бойсманъ	1	—	—	1	2	—	—	4
Капитанъ Максимовичъ	—	—	—	1	—	—	—	1
Ловчій Его Величества Дицъ.	—	2	—	—	3	—	—	5
Подранковъ найдено:	—	—	—	5	—	—	—	5
Итого:	7	20	1	15	33	4	1	81

Выстрѣловъ сдѣлано 349, убито 81

По результатамъ этой охоты нельзя судить о состояніи охотничьяго хозяйства того времени, такъ какъ охота велась при исключительныхъ обстоятельствахъ общаго безпокойства о состояніи здоровья Государя. За нѣсколько дней до Высочайшаго пріѣзда прибылъ въ Пущу только-что назначенный новый завѣдующій охотою Неврли, который не могъ еще достаточно ознакомиться съ мѣстностью, съ звѣровымъ составомъ и всякими условіями, при которыхъ ему приходилось распоряжаться. Его руководство ограничивалось лишь нѣкоторыми общими указаніями охотничьей командѣ о способѣ веденія облавъ. Однако, и эта охота показала достаточно ясно, что пятилѣтнія старанія удѣльнаго управленія не прошли даромъ, и что дальнѣйшій успѣхъ представлялся обезпеченнымъ: за восемь дней охоты убили 81 штуку дичи семи различныхъ породъ, при этомъ надо имѣть въ виду, что изъ 16 участниковъ, каждый присутствовалъ не болѣе 6-ти, а нѣкоторые бывали только по одному или по два раза.

Съ болью въ сердцѣ проводили бѣловѣжцы 3-го сентября своего

Царя, какъ бы предчувствуя, что болѣе Его не увидятъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Государя не стало.

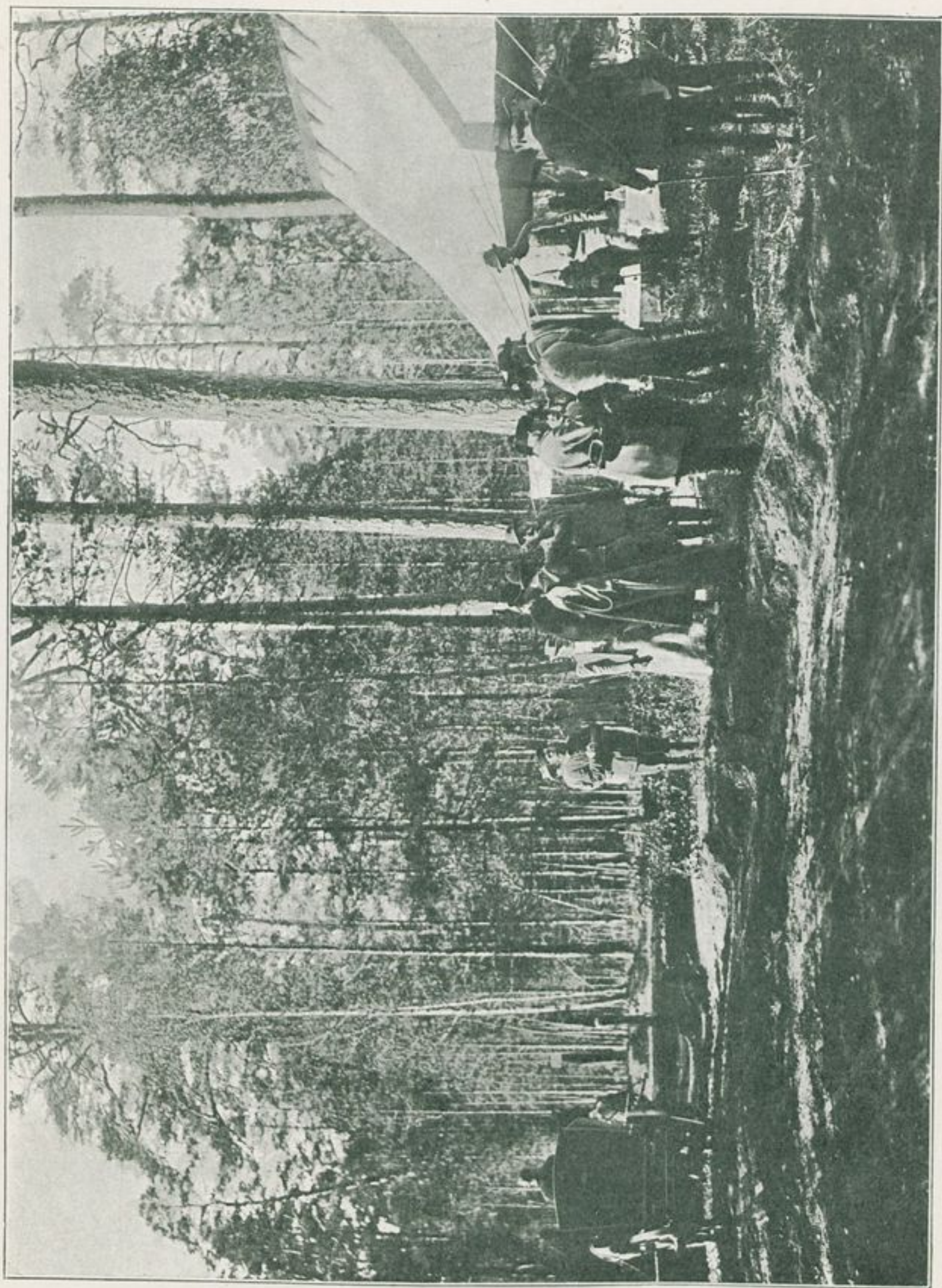
Спустя три года, въ теченіе которыхъ работа въ Пущѣ по улучшенію ея охотничьяго хозяйства, какъ мы видѣли, шла впередъ колоссально быстрыми шагами, дворецъ достроили и украсили, всю усадьбу

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
и КОРОЛЕВИЧЪ НИКОЛАЙ ГРЕЧЕСКІЙ во время охоты 1894 г.

при дворцѣ привели въ устройство, проложили новыя дороги, Пущу насадили звѣремъ, главнымъ образомъ оленемъ, и довели организацію охотничьей администраціи до удовлетворительнаго состоянія.

Въ 1897 году была назначена вторая Высочайшая охота. Его Величество нынѣ царствующій Государь Императоръ прибылъ въ Пущу

ПОСЛѢ ЗАВТРАКА ВО ВРЕМЯ ВЫСОЧАЙШЕЙ ОХОТЫ.—Фотографія Гана.

27-го августа по только-что достроенной вѣткѣ, являющейся продолженіемъ Гайновской и соединяющей центръ Пущи — Бѣловѣжъ и усадьбу Императорскаго дворца съ общей сѣтью россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Государь прибылъ въ Пущу съ Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной и Августѣйшими дѣтьми, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра Александровича, Михаила Николаевича и Его Высочества принца Саксенъ-Альтенбургскаго. На всѣ предстоявшія охоты удостоились приглашенія министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, генералъ-адъютанты Рихтеръ и Гессе, генералъ-лейтенантъ кн. Вяземскій, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоры Гринвальдъ и свѣтлѣйшій кн. Голицынъ, лейбъ-хирургъ Гиршъ и флигель-адъютантъ кн. Кочубей.

28-го августа, въ 8 часовъ утра, Его Величество въ сопровожденіи всѣхъ перечисленныхъ лицъ прослѣдовалъ въ экипажѣ въ Королевское имѣніе къ стрѣлковой линіи по просѣкѣ 557—558, гдѣ былъ взятъ первый загонъ. Въ 12½ часовъ дня, къ 4-му загону, къ мѣсту охоты прибыла въ экипажѣ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, въ сопровожденіи фрейлины княжны Оболенской; по окончаніи четвертаго загона, около часу дня, всѣ участвовавшіе въ охотѣ, во главѣ съ Ихъ Императорскими Величествами, направились въ 619-й кварталъ, гдѣ былъ сервированъ завтракъ. Послѣ завтрака охота возобновилась, но Государыня Императрица по окончаніи 5-го загона отбыла обратно во дворецъ, а Государь Императоръ оставался до конца послѣдняго загона, которыхъ всего было 7, и около 5-ти часовъ въ сопровожденіи Августѣйшихъ и почетныхъ гостей прослѣдовалъ во дворецъ. Въ теченіе всей охоты погода стояла хотя и пасмурная, но сухая и теплая. Дичи было много; всего за день убито 23 штуки шести породъ, и всѣмъ сразу бросилось въ глаза количество звѣря, по сравненію съ послѣдней охотой 1894 года.

29-го августа охота велась въ Бровскомъ имѣніи, и ее начали въ 319—318 кварталахъ; всѣхъ загоновъ было 6, завтракали въ 196-мъ кварталѣ, послѣ чего Его Величество около 3-хъ часовъ дня отбылъ во дворецъ. По отъѣздѣ Государя охота возобновилась и продолжалась до 6½ час. вечера; въ этотъ день было убито 5 зубровъ и 6 лосей. Такой блестящій результатъ сталъ замѣтно заинтересовывать участниковъ охоты.

30-го августа охота началась послѣ завтрака во дворцѣ, такъ какъ Ихъ Императорскія Величества вмѣстѣ съ Августѣйшими и почетными

48

посѣтителями Бѣловѣжа присутствовали утромъ при Богослуженіи въ мѣстной церкви, заново отстроенной. Охота, какъ и наканунѣ, велась въ Бровскомъ имѣніи и состояла изъ 3-хъ загоновъ. Погода продолжала быть пасмурной.

Такъ же, какъ и наканунѣ, выѣздъ на охоту въ слѣдующій день, 31-го августа, состоялся лишь послѣ завтрака; Ихъ Величества, по случаю воскреснаго дня, присутствовали у обѣдни. Въ этотъ день къ Августѣйшимъ охотникамъ примкнулъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, прибывшій утромъ въ Бѣловѣжъ. Временами накрапывалъ дождь, но, несмотря на это, въ третьемъ часу къ мѣсту охоты въ Бровскомъ же имѣніи прибыла въ экипажѣ Ея Императорское Величество Государыня Императрица въ сопровожденіи фрейлины княжны Оболенской и графа Бенкендорфа. Государыня во время своего пребыванія на охотахъ становилась на одномъ номерѣ съ Его Величествомъ и обыкновенно отбывала во дворецъ до окончанія охоты.

Приблизительно въ такомъ же порядкѣ распредѣленія времени охоты велись далѣе ежедневно, безъ перерыва до 6-го сентября включительно. Число участниковъ за это время увеличилось камеръ-юнкеромъ Мамантовымъ и ловчимъ Его Величества Дицъ. Государыня пріѣзжала на охоту 3-го, 4-го и 5-го сентября. Погода въ теченіе всей недѣли стояла перемежающаяся, то ясная, безвѣтренная, то сѣренькая, съ чуть накрапывавшимъ дождемъ,—вообще „охотничья погода"; но ни разу сильный, проливной дождь не помѣшалъ общему удовольствію. 2-го сентября выѣздъ состоялся по желѣзной дорогѣ, до просѣки на границѣ кварталовъ 385—386, откуда всѣ участвовавшіе прослѣдовали далѣе въ экипажахъ къ мѣсту перваго загона въ Гайновскомъ имѣніи, по просѣкѣ 438—439. 5-го сентября завтракъ былъ приготовленъ въ Императорскомъ павильонѣ въ звѣринцѣ, куда въ экипажѣ прибыла Ея Императорское Величество.

Всего въ теченіе десяти дней было убито 209 штукъ разной дичи, въ томъ числѣ: 36 зубровъ, 37 лосей, 25 оленей, 3 даніэли, 69 козловъ, 16 кабановъ, 3 зайца, 2 глухаря и 18 лисицъ. Результатъ охоты какъ каждаго участника, такъ и по днямъ показанъ въ таблицахъ на страницѣ 379-ой.

17-го августа 1900 года состоялся третій Высочайшій пріѣздъ въ Пущу Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшей Семьей, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Михаила Александровича, Великихъ Князей Михаила Николаевича, Владиміра Александровича, Николая Николаевича, Королевича Николая Греческаго и принца Саксенъ-Альтенбургскаго. Къ участію въ охотахъ были приглашены: генералъ-адъю-

Результаты Высочайшихъ охотъ съ 28-го августа по 6-е сентября 1897 г.

	Зубровъ.	Лосей.	Оленей.	Данiэлей.	Козловъ.	Кабановъ.	Зайцевъ.	Глухарей.	Лисицъ.	Итого.
Его Императорское Величество Государь Императоръ.	7	3	1	—	—	2	—	—	1	14
Вел. Кн. Владимiръ Александровичъ	2	6	3	—	8	2	1	—	—	22
» » Михаилъ Николаевичъ	1	3	2	—	1	—	—	1	3	11
» » Николай Николаевичъ	4	3	4	—	11	1	—	1	1	25
Принцъ С. Альтенбургскiй	3	6	5	2	16	3	—	—	2	37
Ген.-адъютантъ баронъ Фредериксъ.	1	1	1	—	1	1	—	—	—	5
» » Рихтеръ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Гессе.	1	1	—	—	2	1	—	—	—	5
Ген.-лейтенантъ кн. Вяземскiй.	2	2	1	—	4	—	1	—	2	12
Св. Е. И. В. ген.-маiоръ Гринвальдъ	1	—	2	—	4	—	—	—	2	9
» » » » » » свѣтлѣйшiй кн. Голицынъ .	6	2	—	—	3	1	—	—	—	12
Лейбъ-хирургъ Гиршъ.	1	2	—	—	1	—	1	—	—	5
Флигель-адъютантъ кн. Кочубей	3	3	2	1	10	2	—	—	4	25
Камеръ-юнкеръ Мамантовъ.	2	1	—	—	2	1	—	—	1	7
Ловчiй Е. И. В. Дицъ.	3	2	4	—	3	2	—	—	2	16
Найдено послѣ охотъ.	—	1	—	—	3	—	—	—	—	4
Всего отстрѣлено. . . .	37	36	25	3	69	16	3	2	18	209

Результаты охотъ по днямъ въ 1897 году.

	Зубровъ.	Лосей.	Оленей	Данiэлей.	Козловъ.	Кабановъ.	Зайцевъ.	Глухарей.	Лисицъ.	Итого.
28-го августа въ Королевскомъ имѣнiи	2	5	2	—	7	2	—	—	3	21
29-го августа въ Бровскомъ имѣнiи.	5	6	—	—	—	—	—	—	—	11
30-го августа въ Бровскомъ имѣнiи.	1	2	—	—	1	—	—	—	—	4
31-го августа въ Бровскомъ имѣнiи.	—	4	—	—	4	2	—	—	2	12
1-го сентября въ Бровскомъ имѣнiи	5	4	—	—	11	—	1	—	1	22
2-го сентября въ Гайновскомъ и Старинскомъ имѣнiяхъ	5	2	5	—	11	—	—	2	2	27
3-го сентября въ Гайновскомъ имѣнiи.	6	2	3	—	13	4	1	—	2	31
4-го сентября въ Старинскомъ имѣнiи.	3	4	1	—	4	1	—	—	—	13
5-го сентября въ Гайновскомъ имѣнiи.	4	1	9	3	3	4	—	—	4	28
6-го сентября въ Королевскомъ имѣнiи.	6	5	5	—	12	3	1	—	4	36
Послѣ охотъ найдены:	—	1	—	—	3	—	—	—	—	4
Всего отстрѣлено. . . .	37	36	25	3	69	16	3	2	18	209

48*

Планъ Высочайшей охоты въ 1900 году.

Граница отъ Волковыскаго уѣзда

Граница отъ казенныхъ крестьянскихъ земель Волковыскаго уѣзда имѣнія Свислочи

Граница отъ частныхъ владѣльцевъ Пружанскаго уѣзда

Граница отъ Брестскаго уѣзда

Граница отъ Бѣльскаго уѣзда

Казенная дача Шерешевская

Свислочское имѣніе

Бровское имѣніе

Гайновское имѣніе

Бѣловѣжъ

Королевское имѣніе

Изъясненіе знаковъ

- Первый день охоты
- Второй - - -
- Третій - -
- Четвертый - -
- Пятый - -
- Шестой - -
- Седьмой - -
- Восьмой - -
- Девятый - -
- Десятый - -
- Одиннадцатый -
- Двѣнадцатый - -

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА СЪ **ИХЪ ИМП. ВЫСОЧЕСТВАМИ** И СВИТОЙ ШЕСТВУЮТЪ ИЗЪ ДВОРЦА ВЪ БѢЛОВѢЖСКУЮ ЦЕРКОВЬ.—1900 Г.—Фотографія Гана.

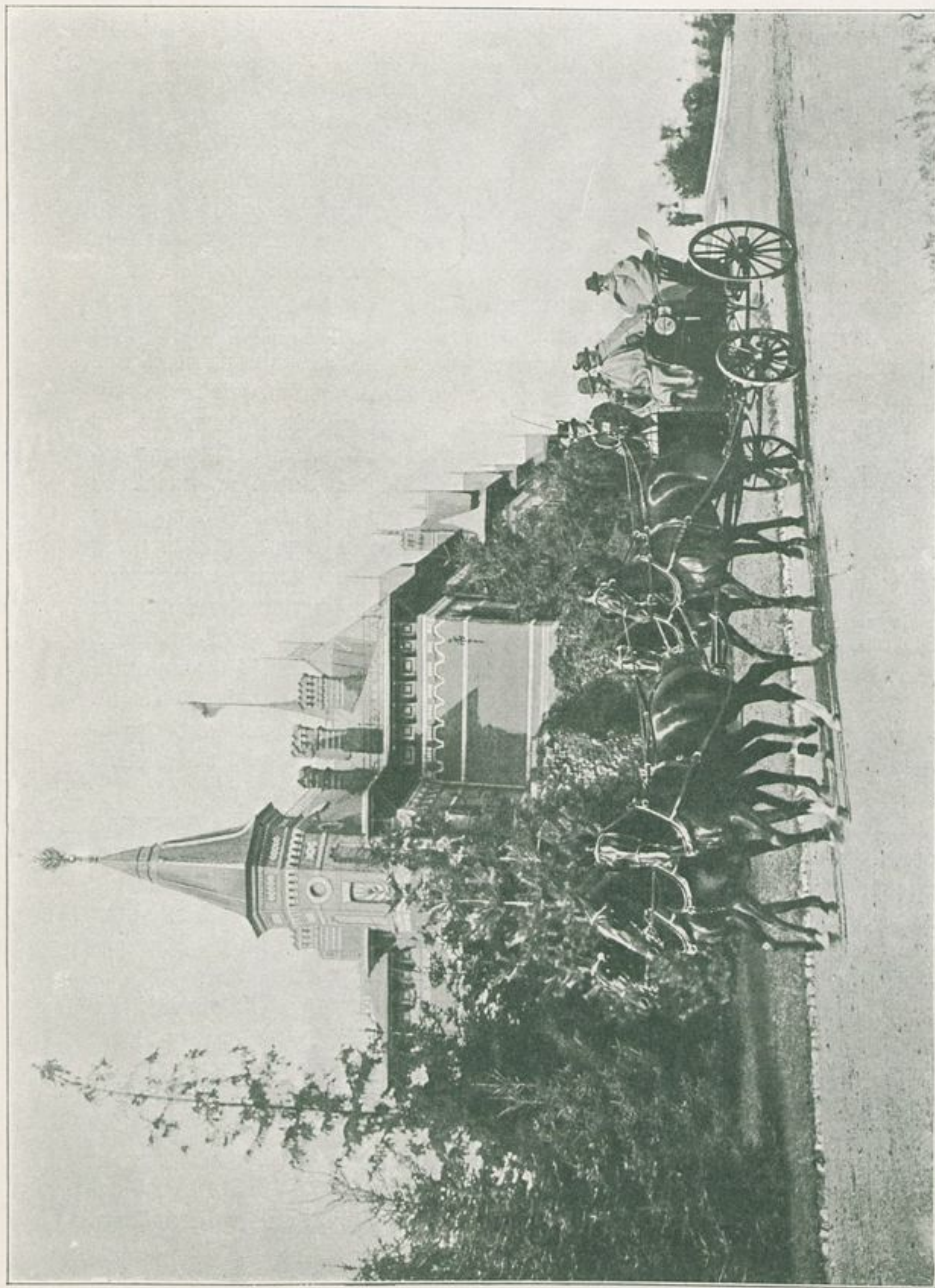
Геліогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса

танты графъ Воронцовъ-Дашковъ, министръ Императорскаго Двора баронъ Фредериксъ и Гессе; генералъ-лейтенанты свѣтлѣйшій князь Голицынъ, Гринвальдъ, свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ князь Кочубей, лейбъ-хирургъ Гиршъ, гродненскій губернаторъ Добровольскій и полковникъ Мосоловъ.

Охоты предназначено было производить, согласно утвержденному плану, двѣнадцать дней (смотри стр. 380), причемъ всѣ приготовленія дѣлались на 14-дневныя охоты, дабы имѣть два запасныхъ раіона. Усиленная дѣятельность администраціи Пущи за послѣдніе два года, направленная къ улучшенію ея охотничьяго хозяйства путемъ усиленнаго прикармливанія дичи въ зимніе періоды, болѣе раціональной охраны звѣря, проведенію охотничьихъ дорогъ, насажденію звѣря привозомъ изъ Спалы—все это обѣщало, что предстоящая охота будетъ удачна.

Въ 8 час. утра, 18-го августа, Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи приглашенныхъ къ участію въ охотѣ, прослѣдовали въ экипажахъ въ Гайновское имѣніе къ стрѣлковой линіи въ кварталѣ 305, гдѣ былъ взятъ первый кругъ; сосѣдніе 306 и 307 кварталы брали вслѣдъ за первымъ, причемъ Высочайшіе и почетные охотники не мѣняли стоянокъ; передъ третьимъ загономъ перешли на версту по той же просѣкѣ въ кварталъ 274, а четвертый производился изъ 213 и 245 кварталовъ къ просѣкѣ 274/245, послѣ чего, около часу дня, всѣ участвовавшія въ охотѣ лица направились въ сосѣдній 244-й кварталъ, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, сервированный въ шатрѣ. Послѣ завтрака охота возобновилась, причемъ Государь и Государыня оставались на охотѣ до конца послѣдняго круга, которыхъ всего за день было 8, и около 7 часовъ пополудни возвратились во дворецъ.

Въ теченіе всего дня погода стояла теплая, солнечная; какъ это обстоятельство, такъ и дичь, выходившая на стрѣлковыя линіи въ массѣ, способствовали общему оживленію. Въ теченіе каждаго загона, въ среднемъ, производили до 30 выстрѣловъ по девяти породамъ дичи; охотникъ легко пойметъ, сколько же ее должно было быть въ обложенныхъ кругахъ, если стрѣляною въ этотъ день оказалось до 200 экземпляровъ, при 244 произведенныхъ выстрѣлахъ. Нижеприводимая таблица результата охотъ всѣхъ 12 дней подробно указываетъ на число звѣрей, ежедневно украшавшихъ штреку, а также результатъ охоты каждаго участника. Въ этотъ день оказались убитыми 12 зубровъ, 1 лось, 3 оленя, 20 дикихъ козъ, 6 даніэлей, 22 кабана, 2 рябчика, 1 вальдшнепъ и 3 лисицы. Этотъ результатъ превзошелъ всякія ожиданія. Взятыя 64 штуки крупнаго звѣря за одинъ день охоты въ раіонѣ 16-ти квадратныхъ верстъ—это такой результатъ, которому можетъ позавидовать всякій самый требовательный охотникъ.

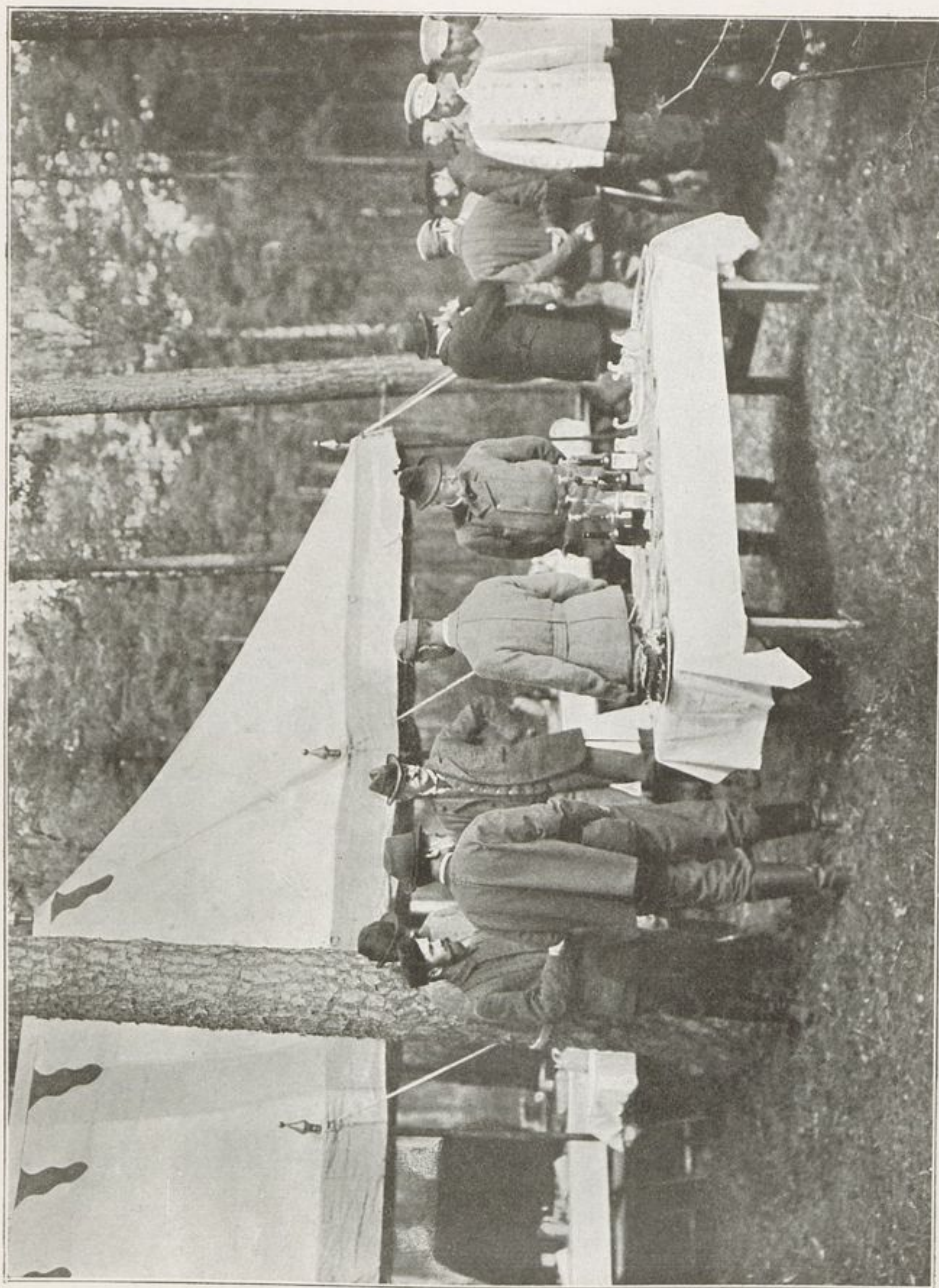
ВЫѢЗДЪ НА ОХОТУ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ.—Фотографія Гана.

На слѣдующій день, 19-го августа, Высочайшій выѣздъ на охоту состоялся въ 9 час. утра съ Императорской дворцовой платформы по желѣзной дорогѣ въ Гайновское имѣніе. У охотничьей дороги, пролегающей по просѣкѣ между кварталами 385, 386 и пересѣкающей желѣзнодорожную линію, поѣздъ остановился, и всѣ участвовавшія въ охотѣ лица прослѣдовали въ экипажахъ къ стрѣлковой линіи въ кварталѣ 438. Погода была столь же благопріятная, какъ и наканунѣ, а потому проѣздъ

АВГУСТѢЙШІЕ ОХОТНИКИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЕ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ и ПРИНЦЪ САКСЕНЪ-АЛЬТЕНБУРГСКІЙ.
Фотографія Гана.

двухъ верстъ по чудной дорогѣ вѣковымъ дубнякомъ и сосновымъ лѣсомъ могъ только усилить удовольствіе, предвкушаемое каждымъ охотникомъ при слѣдованіи на охоту. Въ этотъ день были взяты кварталы, расположенные на сѣверъ и востокъ отъ урочища „Незнановъ Боръ“, а завтракали въ 491-мъ кварталѣ; въ восьми кругахъ было убито 44 штуки дичи при 120-ти выстрѣлахъ за день. Такая разница въ результатѣ охоты по сравненію съ предыдущей объяснялась, глав-

ПЕРЕДЪ ЗАВТРАКОМЪ ВО ВРЕМЯ ВЫСОЧАЙШЕЙ ОХОТЫ ВЪ 1900 ГОДУ.—Фотографія Гана.

нымъ образомъ, выраженнымъ Его Величествомъ желаніемъ, чтобъ по зубровымъ стадамъ стрѣльба не производилась, а убивались бы лишь одинцы. Среди участниковъ охоты были отличные стрѣлки, а такой извѣстный во всей Европѣ стрѣлокъ, какъ покойный принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, при его искусствѣ, могъ выбить 2—3 быковъ изъ стада въ одну минуту. Въ этотъ день выгоняли порядочно лосей и очень много козловъ, по которымъ пулевая стрѣльба не легка, а своевременная замѣна штуцера дробовикомъ не всегда даетъ удачные результаты. Въ общемъ, охота производилась въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ.

Въ воскресенье, 20-го августа, охота состоялась лишь послѣ завтрака во дворцѣ, такъ какъ Ихъ Императорскія Величества, со всѣми Августѣйшими и почетными посѣтителями Бѣловѣжа, присутствовали утромъ на Богослуженіи въ мѣстной церкви и на освященіи вновь построеннаго дома для женскаго народнаго училища. Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ участія въ охотѣ не принимали. Во второмъ часу дня отбыли на охоту, которую назначили въ юго-восточномъ углу Бровскаго имѣнія, всего въ полутора верстахъ отъ полей деревни Сточекъ. Успѣли прогнать лишь пять круговъ и, несмотря на сравнительно малое количество выходившихъ въ этотъ день на стрѣлковую линію зубровъ, лосей и оленей, по которымъ стрѣльба подчасъ бываетъ очень легкою, несмотря на то, что охота продолжалась всего половину дня, и на участіе 13 стрѣлковъ, вмѣсто 16-ти, какъ было два первыхъ дня, вечеромъ на штрекѣ оказалось 50 штукъ дичи, т. е. больше, чѣмъ было наканунѣ. Однихъ козловъ взяли 28. Большое количество кабановъ очень оживляло стрѣльбу этого дня.

Четвертый и пятый дни охота производилась въ южной части Пущи, вокругъ урочища „Перeровъ“. Въ оба дня Ихъ Императорскія Величества присутствовали на охотѣ въ теченіе всѣхъ загоновъ. Погода, нахмурившаяся-было въ воскресенье, вновь установилась солнечная и мягкая. Дичи было много. Въ оба дня убито 8 одинцовъ-зубровъ и 8 лосей; 21-го особенно удачно стрѣляли оленей; козловъ убили 44 въ каждый изъ дней, а кабановъ 22-го на штрекѣ оказалось 17. Въ общемъ, въ два дня получили 148 штукъ дичи. Такіе результаты не могли не поразить участниковъ охоты.

23-го августа погода, измѣнившись къ худшему, тѣмъ не менѣе не помѣшала охотѣ. Было пасмурно, но сухо. Въ девятомъ часу утра Ихъ Императорскія Величества и всѣ участники охоты, въ экипажахъ, прослѣдовали къ урочищу Подцерквы въ Старинскомъ имѣніи. Въ этотъ день было убито 63 звѣря.

49

Слѣдующая охота, 24-го августа, состоялась въ раіонѣ расположенія звѣринца. До просѣки между 415 и 416 кварталами прослѣдовали по желѣзной дорогѣ, завтракали въ павильонѣ звѣринца и въ семи прогнанныхъ кругахъ добыли 70 звѣрей, при чемъ ни въ одинъ изъ дней охоты не убили столько кабановъ; на этотъ разъ ихъ было 25 на штрекѣ. Зубровъ продолжали щадить попрежнему; въ послѣдующіе

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
переѣзжаетъ отъ одного квартала къ другому.
Фотографія Гана.

дни, вслѣдствіе нездоровья, Королевичъ Греческій въ охотахъ не участвовалъ; отсутствовалъ также лейбъ-хирургъ Гиршъ. 25-го охота производилась въ Бровскомъ имѣніи, сѣвернѣе рѣки Гвозни, 26-го—въ томъ же имѣніи, у истоковъ этой рѣки; 27-го въ лѣсахъ, прилегающихъ съ сѣвера къ бѣловѣжскимъ полямъ. Погода всѣ три дня стояла перемѣнная: съ утра, обыкновенно, накрапывалъ дождь, среди дня становилось яснѣе, но было вѣтрено. Въ послѣдній изъ этихъ

дней, какъ воскресный, выѣздъ на охоту состоялся около перваго часа дня вслѣдствіе того, что Ихъ Императорскія Величества и всѣ Августѣйшіе и почетные посѣтители Бѣловѣжа присутствовали

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ,
ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ осматриваютъ убитаго зубра.
Фотографія Гана.

на Богослуженіи, а затѣмъ состоялся завтракъ во дворцѣ. Въ охотѣ Ихъ Императорскія Величества и Государь Наслѣдникъ участія не принимали, и прогуливаясь по Пущѣ верхами на лошадяхъ, прибыли къ мѣсту охоты около 3-хъ часовъ пополудни, гдѣ про-

49*

были нѣкоторое время, и возвратились во дворецъ раньше участниковъ охоты

Въ послѣдніе два дня пришлось охотиться по сосѣдству тѣхъ мѣстъ, гдѣ охота производилась недѣлю назадъ. 28-го охотились въ Гайновскомъ имѣніи, сѣвернѣе урочища Средняя Будка, а 29-го въ тѣхъ кварталахъ урочища Подцерквы, которые не брали 23-го, охотясь въ этомъ же раіонѣ. Это не помѣшало взять въ оба дня 132 звѣря, что доказывало, насколько его было много въ Пущѣ. Назначеніе охотъ въ разъ уже взятыхъ раіонахъ не было вынуждено неимѣніемъ другихъ, а было въ зависимости отъ желанія устроителей насколько возможно сокращать время проѣздовъ на охоты и обратно, ко дворцу. Вся Свислочская дача оставалась нетронутою, такъ же, какъ и громадный юго-западный раіонъ Пущи за рѣкой Лѣсной, южный—Королевскаго имѣнія и сѣверо-западный—Гайновскаго. Не стѣсняясь разстояніями въ Пущѣ могли бы распланировать охоту хотя бы на цѣлый мѣсяцъ непрерывнаго ея производства, и ни разу не брали бы тѣхъ же кварталовъ. Въ теченіе всѣхъ 12 дней взяли 680 штукъ звѣря и дичи при 2167 выстрѣлахъ.

Такихъ результатовъ не ожидала, кажется, даже охотничья администрація Пущи, а извѣстнѣйшіе высокопоставленные охотники Европы, списавшіеся за это время телеграммами съ нѣкоторыми участниками бѣловѣжской охоты, на сообщаемыя свѣдѣнія о штрекахъ, отвѣчали шуточнымъ недовѣріемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по качеству охотничьихъ трофеевъ—звѣриныхъ роговъ, еще не мало угодій Европы стоятъ выше Бѣловѣжа, но по количеству разнопороднаго крупнаго звѣря, сосредоточеннаго въ одномъ мѣстѣ,—Пуща представляетъ собою единственную въ своемъ родѣ охоту.

29-го августа 1900 г., вечеромъ, Ихъ Величества отбыли изъ Бѣловѣжа въ сопровожденіи всѣхъ Имъ сопутствовавшихъ лицъ, и охотничій отстрѣлъ вновь производился въ Пущѣ еще одинъ разъ, въ сентябрѣ 1902 года.

Это была охота Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны. Ихъ Высочества прибыли въ Бѣловѣжъ 14-го прошлаго сентября. Августѣйшихъ посѣтителей Пущи сопровождали г-жа Петерсъ, Д. К. Нарышкинъ и полковникъ Галлъ. О пріѣздѣ Великаго Князя и Великой Княгини пущинская администрація была оповѣщена за полторы недѣли, а потому особо-тщательныхъ приготовленій къ производству охотъ не могли предпринять и тѣмъ болѣе, что предполагалось охотиться лишь пиршемъ. Олени, хотя и ревѣли хорошо, дружно, безъ перерывовъ, случающихся иногда при неблагопріятной погодѣ или при безпокойствѣ, но рёвъ шелъ въ раз-

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА ОТБЫВАЮТЪ СЪ ОХОТЫ. 1900 Г.—Моментальная фотографія Г. Гана

Геліогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

Результатъ охотъ съ 18-го по 30-ое августа 1900 года.

	Зуб-ровъ.	Лосей.	Оле-ней.	Даніэ-лей.	Коз-ловъ.	Каба-новъ.	Глуха-рей.	Рябчи-ковъ.	Вальд-шнеп.	Ли-сицъ.	Итого.
Государь Императоръ	6	1	—	3	27	4	—	—	—	7	48
Гос. Наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ.	—	6	4	—	11	5	—	—	—	2	28
В. К. Владиміръ Александровичъ	4	4	5	4	20	9	—	1	—	3	50
В. К. Михаилъ Николаевичъ.	3	2	1	1	18	3	—	—	—	4	32
В. К. Николай Николаевичъ.	1	3	6	5	33	14	—	—	—	5	67
Королевичъ Николай Греческій.	1	1	—	—	12	3	—	—	—	2	19
Принцъ С. Альтенбургскій	11	2	11	5	33	16	—	—	1	4	83
Ген.-адъютантъ гр. Воронцовъ-Дашковъ. .	4	—	4	1	29	14	1	—	—	1	54
» » бар. Фредериксъ	3	1	—	—	12	9	—	1	—	3	29
» » Гессе	—	2	4	1	18	8	—	—	—	3	36
Ген.-лейтенантъ свѣтл. кн. Голицынъ. . .	1	4	2	1	24	7	—	—	—	5	44
» « Гринвальдъ	2	3	2	1	12	10	—	1	—	2	33
Св. Е. И. В. ген.-маіоръ кн. Кочубей . .	1	2	9	2	25	14	1	1	1	4	60
Лейбъ-хирургъ Гиршъ	1	1	—	—	10	7	—	—	—	2	21
Д. с. сов. Добровольскій	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	4
Полковникъ Мосоловъ	2	2	1	—	3	6	1	—	—	—	15
Ловчій Е. И. В. Дицъ	—	2	4	2	29	8	—	—	2	4	51
Поднято неизвѣстно кѣмъ убитыхъ:	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	6
Итого.	40	36	53	26	325	138	3	4	4	51	680

Результатъ охотъ по днямъ въ 1900 году.

	Зуб-ровъ.	Лосей.	Оле-ней.	Даніэ-лей.	Каз-ловъ.	Каба-новъ.	Глуха-рей.	Рябчи-ковъ.	Вальд-шнеп.	Ли-сицъ.	Убито.	Вы-стрѣл.
18-го августа Гайновское имѣніе	12	1	3	6	20	22	—	2	1	3	70	244
19-го » Старинское »	1	3	3	1	26	7	1	—	—	2	44	120
20-го » Бровское »	1	—	1	—	28	14	1	—	—	5	50	186
21-го » Королевское »	5	4	10	—	44	4	1	—	—	2	70	284
22-го » Королевское »	3	4	5	—	44	17	—	1	—	4	78	264
23-го » Старинское »	2	1	3	4	32	13	—	—	—	8	63	160
24-го » Гайновское »	1	4	7	11	16	25	—	1	—	5	70	215
25-го » Бровское »	3	4	—	—	27	3	—	—	—	4	41	117
26-го » Бровское »	6	6	3	—	28	3	—	—	—	6	52	200
27-го » Бровское »	1	1	—	—	3	3	—	—	1	1	10	34
28-го » Гайновское »	5	7	13	—	22	20	—	—	1	4	72	242
29-го » Старинское »	—	—	3	4	24	4	—	—	1	6	42	101
Поднято за 12 дней	—	1	2	—	11	3	—	—	—	1	18	—
Поднято послѣ охотъ.	5	2	2	—	1	—	—	—	—	—	10	—
Всего отстрѣлено. . .	45	38	55	26	326	138	3	4	4	51	690	2167

бродъ и по всей Пущѣ, а не на отдѣльныхъ мѣстахъ, и съ 24-го сентября сталъ замѣтно ослабѣвать. Съ подъѣзда и подхода охотились каждое утро. Этотъ способъ охоты въ Пущѣ производился впервые. За недостаткомъ подъѣздныхъ дорогъ къ раіонамъ рёва, зачастую приходилось пользоваться обыкновенными охотничьими дорогами и просѣками, а для подхода—тропами, протоптанными егерями, и даже про-

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА
В. К. ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ И В. К. МАРІЯ ПАВЛОВНА
въ сопровожденіи участниковъ охоты 1902 г.
Фотографія А. А. Галлъ.

крадываться цѣлиной. Перехватывать и встрѣчать выстрѣломъ ходового звѣря удается именно тамъ, гдѣ пиршевыя дороги извиваются по всему раіону охоты; тутъ же приходилось отказываться отъ преслѣдованія иногда лучшихъ экземпляровъ, удалявшихся отъ просѣкъ и дорогъ. Стрѣляли только по случайному звѣрю. Нѣкоторые оберъ-егеря, сопровождавшіе охотниковъ, впервые являлись въ роли проводниковъ на пиршѣ. При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ въ подобной

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО В. К. МАРІЯ ПАВЛОВНА
И Г-ЖА ПЕТЕРСЪ на штандѣ.
Фотографія А. А. Галлъ.

охотѣ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе, съ подхода и подъѣзда было взято 22 оленя.

Ихъ Императорскія Высочества и приглашенные гости ежедневно выѣзжали на охоту около 4-хъ часовъ утра и возвращались къ 8-ми; во дворцѣ завтракали въ 10 час., а въ 11 выѣзжали на облавы, произво-

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО В. К. МАРІЯ ПАВЛОВНА
на штандѣ во время гона.
Фотографія А. А. Галлъ.

дившіяся не въ лучшихъ по количеству звѣря мѣстахъ Пущи, а по окраинамъ, дабы не тревожить оленьяго рёва. Къ участію на облавахъ Его Высочество пригласилъ находившагося въ Пущѣ генерала Кузьмина-Короваева, гродненскаго вице-губернатора Лишина и управляющаго Пущей А. Д. Колокольцова. Великая Княгиня не пропускала ни

одной облавы, во время которыхъ, стоя на штандѣ съ г-жей Петерсъ, иногда останавливала выстрѣлами трехъ звѣрей въ теченіе одного загона, стрѣляя изъ штуцеровъ по крупной дичи и мѣняя ихъ на дробовики противъ козловъ, зайцевъ, пера и лисицъ. Нѣкоторыя облавы велись обычнымъ порядкомъ, принятымъ на Высочайшихъ охотахъ, съ тою лишь разницею, что звѣря загоняли не солдаты, а крестьяне, но кромѣ того въ этотъ разъ впервые въ Бѣловѣжѣ стали примѣнять контръ-загоны съ шумомъ по кварталамъ, только-что прогнаннымъ обыкновеннымъ загономъ, и при этомъ случалось, что на стрѣлковую линію выходило больше звѣря, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ. Облава, составленная изъ крестьянъ, конечно, не гнала такъ правильно, какъ это производятъ солдаты, привыкшіе къ дистанціямъ, интерваламъ и равненію, но и этотъ недочетъ былъ замѣтенъ лишь въ первые дни; затѣмъ люди попривыкли, поняли, что отъ нихъ требуютъ, и гнали отлично.

Охоты Великаго Князя продолжались до 29-го сентября; всего за 15 дней было взято: 1 зубръ, 3 лося, 39 оленей, 12 даніэлей, 51 козелъ, 36 кабановъ, 5 зайцевъ, 1 рябчикъ и 3 лисицы, а всего 151 штука. Въ послѣдовавшіе за охотою дни было найдено еще 3 оленя, 2 даніэля и 1 кабанъ, павшіе отъ ранъ.

Закончивъ описаніе Бѣловѣжской Пущи и охотъ послѣднихъ дней, остается указать на все то, что въ этой, единственной въ своемъ родѣ лѣсной дачѣ можетъ представиться интереснымъ для случайнаго посѣтителя или туриста, желающихъ въ короткое время ознакомиться съ ея достопримѣчательностями.

Въ Бѣловѣжъ ѣдутъ изъ Бѣлостока или Бреста по Граево-Брестской линіи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ до станціи Бѣльскъ, гдѣ пересаживаются въ вагоны особаго поѣзда, отправляющагося въ Бѣловѣжъ разъ въ сутки. Черепашьимъ шагомъ, болѣе чѣмъ два часа, съ остановкой въ Гайновкѣ, проходитъ поѣздъ разстояніе сорока пяти верстъ. Путь по самой Пущѣ не даетъ ничего интереснаго. Вездѣ какъ будто обыкновенный, мѣшаный лѣсъ съ изрѣдка попадающимися деревьями-великанами, мѣстность ровная, нѣтъ красивыхъ видовъ; зимою эти виды еще монотоннѣе; надежды не-охотника, воображающаго, что въ этомъ лѣсу, столь населенномъ звѣремъ, непремѣнно можно увидать его и изъ оконъ вагона,— будутъ обмануты. Ничего не замѣчается, кромѣ пустого лѣса, гдѣ не только зубра, но и зайца увидать нельзя. Вдоль по полотну желѣзной дороги тянутся безконечные штабеля заготовокъ дровяного лѣса, сво-

зимаго зимою со всей западной части Пущи въ ожиданіи очередной нагрузки. На 16-й верстѣ отъ Гайновки путь выходитъ изъ просѣки на холмистое поле, дѣлаетъ закругленіе влѣво, и черезъ нѣсколько минутъ взору путешественника представляются на горизонтѣ вытянувшіяся вдоль по отлогимъ берегамъ Наревки селенія Сточекъ и Заставы; вправо, на той же громадной обезлѣсенной площади, расположена деревня Подоляны, а влѣво — Крыжи. Между деревнями Сточекъ и Заставы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ противоположнаго берега Наревки выри-

Просѣка желѣзнодорожнаго полотна. Фотографія А. Долматова.

совывается шпиль Императорскаго дворца, окаймленнаго молодымъ паркомъ, а изъ-за группъ деревьевъ виднѣются крыши различныхъ службъ при Императорской усадьбѣ и трубы электрической станціи. Правѣе, у края селенія Сточекъ, возвышается довольно красивой архитектуры каменная церковь. Эта панорама окаймлена полями, за которыми верстахъ въ 2—3 тянется опушка лѣса.

Поѣздъ подходитъ къ изящной, крытой, съ рѣзными украшеніями въ русскомъ стилѣ, Императорской платформѣ, уширенной по серединѣ въ большую квадратную площадку, надъ которой высится куполъ съ Импе-

раторской короной. Къ Высочайшему прiѣзду платформа, обыкновенно, декорируется гирляндами изъ зелени и флагами и устилается коврами. Платформа расположена въ 150 саженяхъ отъ дворца, и отъ нея тянутся двѣ дороги на противоположный берегъ Наревки, черезъ деревянные мосты. Лѣвая ведетъ къ въѣзду въ дворцовый паркъ, правая—мимо электрической станцiи и егерскаго флигеля подымается въ гору, поворачиваетъ направо къ церкви и сливается съ улицей села Сточекъ.

Церковь, оконченная постройкой въ 1897 году, украшена иконами

Видъ на Бѣловѣжъ при выѣздѣ изъ лѣса на Бѣловѣжскую поляну. Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

художественнаго письма; иконостасъ кафельный. Богослуженiе въ ней совершается настолько благообразно, что производитъ самое отрадное впечатлѣнiе; этому въ особенности способствуетъ чудный хоръ учениковъ мѣстныхъ школъ, усиленный любителями изъ служащихъ при управленiи Пущей. Хоръ бѣловѣжской церкви настолько хорошъ, что его можетъ слушать съ удовольствiемъ самый строгiй цѣнитель музыки; онъ исполняетъ лучшiе и труднѣйшiе номера церковнаго пѣнiя и неоднократно удостаивался похвалы Царственнаго Хозяина Пущи, молившагося въ этой сельской церкви. Всякому, посѣщающему

50*

КАРТА
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ
1902 ГОДА
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ МѢСТОПРЕБЫВАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПОРОДЪ ЗВѢРЯ
ЗИМОЮ

Масштабъ 4 версты въ дюймъ

ГРАНИЦА ВОЛКОВЫСКАГО УѢЗДА

ГРАНИЦА БѢЛЬСКАГО УѢЗДА

ГРАНИЦА БРЕСТСКАГО

1ᵉ ГАЙНОВСКОЕ ИМѢНІЕ

4ᵉ СТАРИНСКОЕ ИМѢНІЕ

ЗВѢРИНЕЦЪ

ГАЙНОВКА

Мᵏᵒ НАРЕВКА

СТОЛПОВЫСКЪ

КОРОЛЕВЪ МОСТЪ

Дер. Подлѣвское

Дер. Сущій Борокъ

Дер. Минковка

Дер. Ольховка

Бернацкій мостъ

Дер. Гнилецъ

Дер. Августово

Голикова шея

Дер. Смоляный садокъ

Переходъ

Дер. Новосады

Сорочья ножка

Постолово

Совиный грудъ

Дер. Липины

Козій перескокъ

Лѣсна

Дер. Юдинка

Дер. Порѣево

Ковины

Дер. Орѣшково

Лозицы

Якубово

Долгій Бродъ

Вилюки

Старина

Грабовецъ

Пастухово болото

Зотовины

Горошковка

Мишанка

Бѣлая

Новый мостъ

Середняя будка

Горнинское стадо

Незнановъ боръ

Подцерковье

Перебѣль

Лѣсная

Пянтна

Картогр. завед. А. Ильина. С.

Граница отъ казенныхъ крестьянскихъ земель Волковыскаго уѣзда имѣнія Свислочь
Земля мѣст. Новаго Двора
Граница отъ частныхъ владѣльцевъ Пружанскаго уѣзда
Казенная Шерешевская дача
3ᵉ Свислочское имѣніе
2ᵉ Бровское имѣніе
5ᵉ Королевское имѣніе
Бровскъ
Бѣловѣжъ
Мостъ
Р. Нарва
Р. Лясна
уѣзда
Изъясненіе знаковъ
Мѣстожительства Управляющаго имѣніемъ
Мѣстожительства лѣсной стражи
Мѣстожительство Завѣдывающаго охотой
Мѣстожительства Оберъ-Егерей
Мѣстожительства охотниковъ
Села и деревни
Граница имѣній
Граница отъ крестьянскихъ земель
Охотничьи дороги и тропы
Проселочныя дороги
Квартальные просѣки и нумерація ихъ
Желѣзная дорога
Рѣки и ручьи
Мѣстопребываніе всѣхъ породъ звѣря
Граница въ предѣлахъ которой держится звѣрь

Бѣловѣжская церковь
Фотографія
Гана.

Пущу въ дни, когда идетъ Богослуженіе, можно посовѣтовать зайти въ бѣловѣжскую церковь, чтобы услыхать пѣніе, равное которому врядъ ли найдется въ какой-либо другой сельской церкви. Село Сточекъ представляетъ мало интереснаго.

При въѣздѣ справа, почти противъ церкви, стоитъ благообразный, чистенькій домикъ—школа для дѣвочекъ. Сельская улица замощена и въ концѣ ея, слѣва на холмѣ, располагается усадьба управленія, состоящая изъ главнаго дома и нѣсколькихъ меньшихъ зданій вокругъ. Вся усадьба стоитъ въ недавно распланированномъ саду.

Поднявшись въ гору по дорогѣ, ведущей отъ платформы въ Сточекъ, и не въѣзжая въ село, можно свернуть влѣво, къ воротамъ дворцоваго парка; здѣсь мостовая переходитъ въ чудныя шоссированныя парковыя дороги, ведущія—одна къ сѣверному, а другая—къ южному подъѣздамъ дворца.

При выборѣ въ 1889 г. мѣста для расположенія дворца первоначально имѣлось въ виду соединить въ одномъ зданіи и мѣстное управленіе Пущею. Лишь впослѣдствіи домъ управленія Пущею былъ совершенно отнесенъ отъ мѣста расположенія дворца, старое зданіе управленія было срыто и выстроена особая усадьба, въ двухъ приблизительно верстахъ, ближе къ восточной опушкѣ лѣса.

Самое мѣсто для постройки дворца на Бѣловѣжской полянѣ выбрано наиболѣе высокое, на земляной насыпи. Поляна, въ центрѣ которой находится дворецъ, перерѣзывается рѣчкою Наревкою, имѣющею, какъ всѣ мѣстныя рѣки, довольно широкую болотистую долину. Черезъ эту долину вела узкая гать, съ ветхимъ деревяннымъ мостомъ, служившая проѣзжей дорогой между деревнями по лѣвому и правому берегу Наревки. Теперь вмѣсто этой гати высится солидная, широкая плотина.

Вмѣстѣ съ постройкой дворца возникъ вопросъ и о посадкахъ для

образованія кругомъ него со временемъ парка, и исполненіе этого также было возложено на дворцоваго архитектора. Въ виду того, что мѣстность будущаго парка представляла грунтъ, состоящій изъ песка съ кремнистымъ хрящемъ, пришлось навозить растительный слой со стороны. Удобнымъ мѣстомъ для добычи земли, потребной для этой цѣли, оказалась долина р. Наревки. Образовавшееся углубленіе затѣмъ было затоплено водами Наревки, образовавшими два красивыхъ озера у подножія холма, на которомъ высится дворецъ.

Для удержанія воды въ постоянномъ желаемомъ горизонтѣ и для пропуска въ весеннее время по рѣкѣ плотовъ съ лѣсомъ, ниже парка устроена черезъ рѣку Наревку опрокидывающаяся желѣзная плотина (системы Пуаре). Паркъ при дворцѣ небольшой и еще очень молодой, массивы клумбъ въ немъ сдѣланы изъ еловыхъ насажденій, дабы имѣлась зелень и зимою; между ними разбросаны цвѣтущіе кустарники и молодыя деревья породъ, не растущихъ въ Пущѣ (преимущественно канадской флоры). Еловыя насажденія исполнялись зимою, такъ какъ выбирались преимущественно взрослыя деревья, которыя перевозились съ искусственно обледенѣлымъ комомъ земли (ледяной корсетъ). Какъ древесныя посадки, такъ и газоны требовали обильной поливки для обезпеченія ихъ роста; для этой цѣли по парку была устроена сѣть водопроводныхъ трубъ отъ дворцоваго парового водопровода.

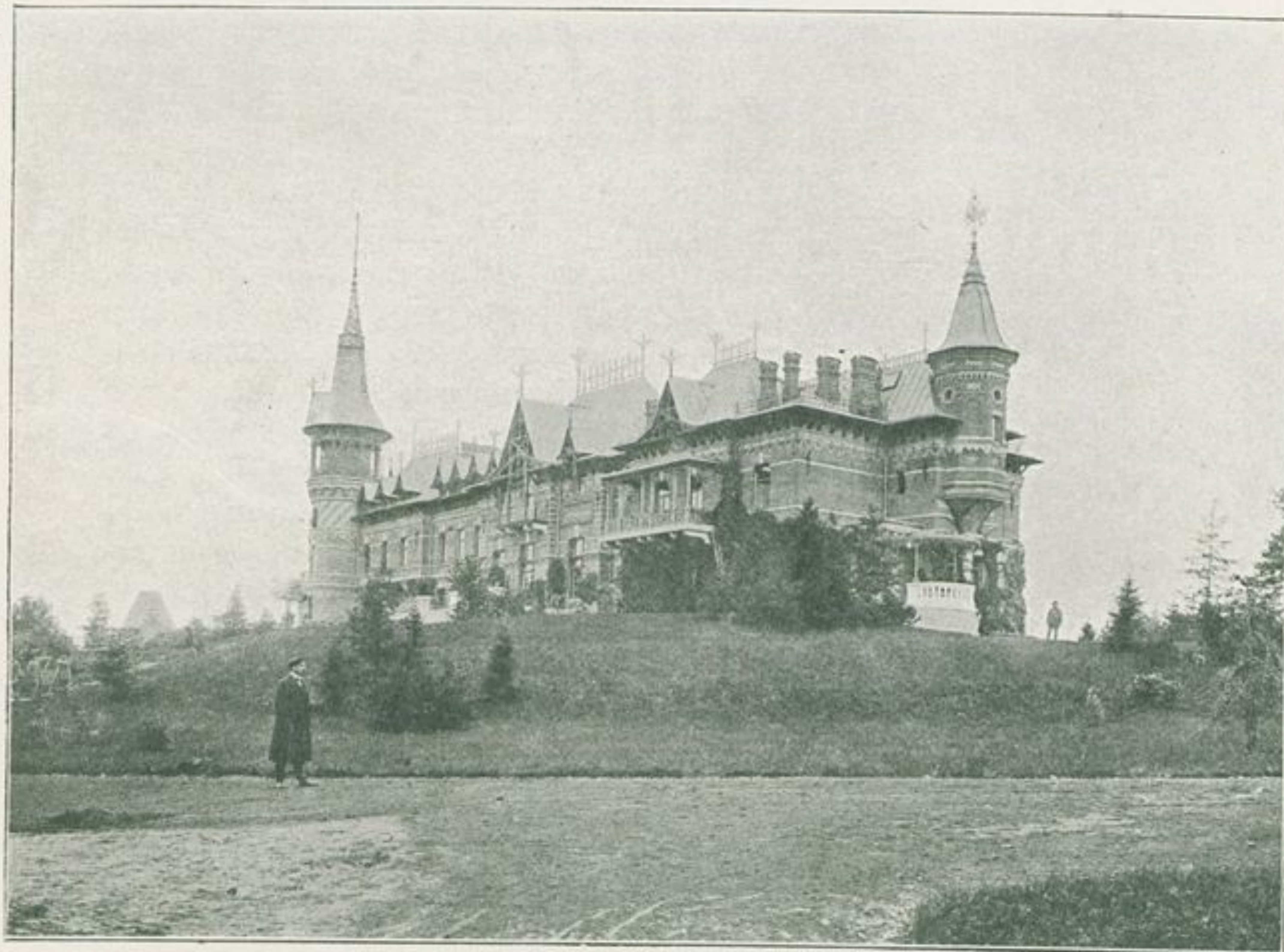
Только одна небольшая группа старыхъ дубовъ, въ сотнѣ шаговъ отъ сѣверо-восточнаго угла дворца, напоминаетъ о томъ, что здѣсь когда-то давно былъ также паркъ. Лѣтъ черезъ 15—20 посадки дадутъ много тѣни и вполнѣ украсятъ мѣстность, окружающую дворецъ.

Башня
Императорскаго дворца.
Фотографія.

Зданіе дворца, своеобразной и очень красивой архитектуры, кирпичное, двухъэтажное, кромѣ подвальнаго помѣщенія и жилого мансарднаго, воздвигалось на привозномъ портландскомъ цементѣ, кирпичъ дѣлался на мѣстѣ. Весь лѣсной матеріалъ, не исключая употребленнаго для выдѣлки мебели, также мѣстный; для лучшей просушки въ искусственныхъ сушильняхъ онъ предварительно подвергался продолжительной вываркѣ въ водѣ, отчего всѣ лѣсныя породы пріобрѣтали особый, очень красивый, темный цвѣтъ, что дало возможность разнообразить внутреннюю обдѣлку

Видъ на Императорскій дворецъ съ юго-восточной стороны. Фотографія.

комнатъ. Въ этой обдѣлкѣ и меблировкѣ строитель дворца представилъ всѣ 10 породъ лѣса, которыми изобилуетъ Пуща, а именно: сосну, ель, дубъ, ильмъ (берестъ), грабъ, березу, кленъ, бѣлый букъ, ольху и осину. Этими породами художественно обдѣланы всѣ комнаты дворца (плафоны, карнизы, панели и рамки пано). Вмѣсто дорогой рѣзьбы, которая не вязалась бы съ простыми породами лѣса, примѣнено выжиганіе орнамента, а пано заполнены живописью масляными красками, манильскими и китайскими рогожами и англійскими лощеными ситцами. Для

оковки дверей, оконъ, устройства люстръ и канделябръ, вообще для всѣхъ внутреннихъ металлическихъ украшенiй служили полированное и черненое желѣзо въ соединенiи съ красною мѣдью. Всѣ паркеты уложены по тонкому слою сухого песка, что совершенно уничтожаетъ непрiятную гулкость при ходьбѣ.

Вообще вся внутренняя отдѣлка дворца не поражаетъ цѣнностью употребленнаго на это матерiала, доказывая лишь, что при художественномъ вкусѣ можно и изъ малоцѣннаго создать прекрасное. Строитель

Сѣверный фасадъ Императорскаго дворца. Фотографiя.

задался нелегкой задачей отдѣлать цѣлый дворецъ деревомъ простыхъ породъ такъ, чтобы это не казалось однообразнымъ и монотоннымъ, и надо отдать ему справедливость—онъ блистательно разрѣшилъ ее.

Между свитскими комнатами есть одна, стѣны которой и мебель въ ней оклеены старыми почтовыми марками всего свѣта. Картины въ потолкахъ и фризы передней, вестибюля, столовой, билліардной, кофейной, великокняжескихъ и свитскихъ помѣщенiй—кисти художника Ясинскаго, съ художественной точки зрѣнiя, вѣроятно, удовлетворятъ

51

многихъ, хотя для охотничьяго дворца желательно было бы, чтобъ звѣри на этихъ картинахъ были изображены правдивѣе.

Можно искренно пожалѣть, что немногимъ приходится любоваться на такое произведеніе архитектурнаго искусства, какъ бѣловѣжскій дворецъ. Къ сѣверу отъ дворца ландшафтъ представляетъ гладкую мѣстность съ парковыми посадками, переходящую въ крестьянскія поля. Видъ на югъ значительно живописнѣе. Здѣсь довольно крутой склонъ къ долинѣ Наревки и искусственная насыпь бывшей головинской батареи, на которой построенъ дворецъ, производятъ впечатлѣніе, будто онъ стоитъ на утесѣ. Крутизны насыпи у самаго дворца обрамлены дикимъ камнемъ и обсажены вьющимися растеніями. На этомъ склонѣ, вправо отъ дороги, ведущей къ желѣзнодорожной платформѣ, стоитъ Императорскій павильонъ Государя Александра II, приведенный по возможности въ тотъ видъ, въ которомъ онъ былъ въ 1860 году, во время пребыванія Государя въ Бѣловѣжѣ. Сохранилась и часть меблировки того времени. Тутъ сберегаютъ книгу съ подписями Высочайшихъ особъ, посѣщающихъ Пущу, кубокъ, поднесенный Императору Александру II принцемъ Прусскимъ въ воспоминаніе объ охотѣ 1860 г., лопату, которою Государь насыпалъ землю при посадкѣ молодыхъ деревъ, стоящихъ теперь вокругъ чугунной фигуры зубра, у павильона звѣринца. Тутъ же, въ шкапахъ, хранятся всѣ фотографическіе снимки съ различныхъ сценъ и эпизодовъ изъ пребыванія Высочайшихъ особъ на охотахъ въ Бѣловѣжѣ съ 1894 г. Павильонъ своей простою архитектурою и отдѣлкою производитъ впечатлѣніе уютнаго домика въ усадьбѣ небогатаго помѣщика западной Россіи.

Императорскій павильонъ Государя Александра II въ его настоящемъ видѣ.
Фотографія.
Г. Карцова.

Въ Дворцовой усадьбѣ расположены нѣсколько большихъ и малыхъ зданій для свиты Его Величества и придворныхъ служащихъ. Свитскій домъ стоитъ въ сѣверо-западномъ углу парка и представляетъ комфортабельное помѣщеніе съ отдѣльными комнатами, общею столовою, билліардною, ваннами... Не въ далекѣ отъ дворца стоитъ группа зданій, образующихъ цѣлый городокъ. Тутъ кухонныя постройки, двор-

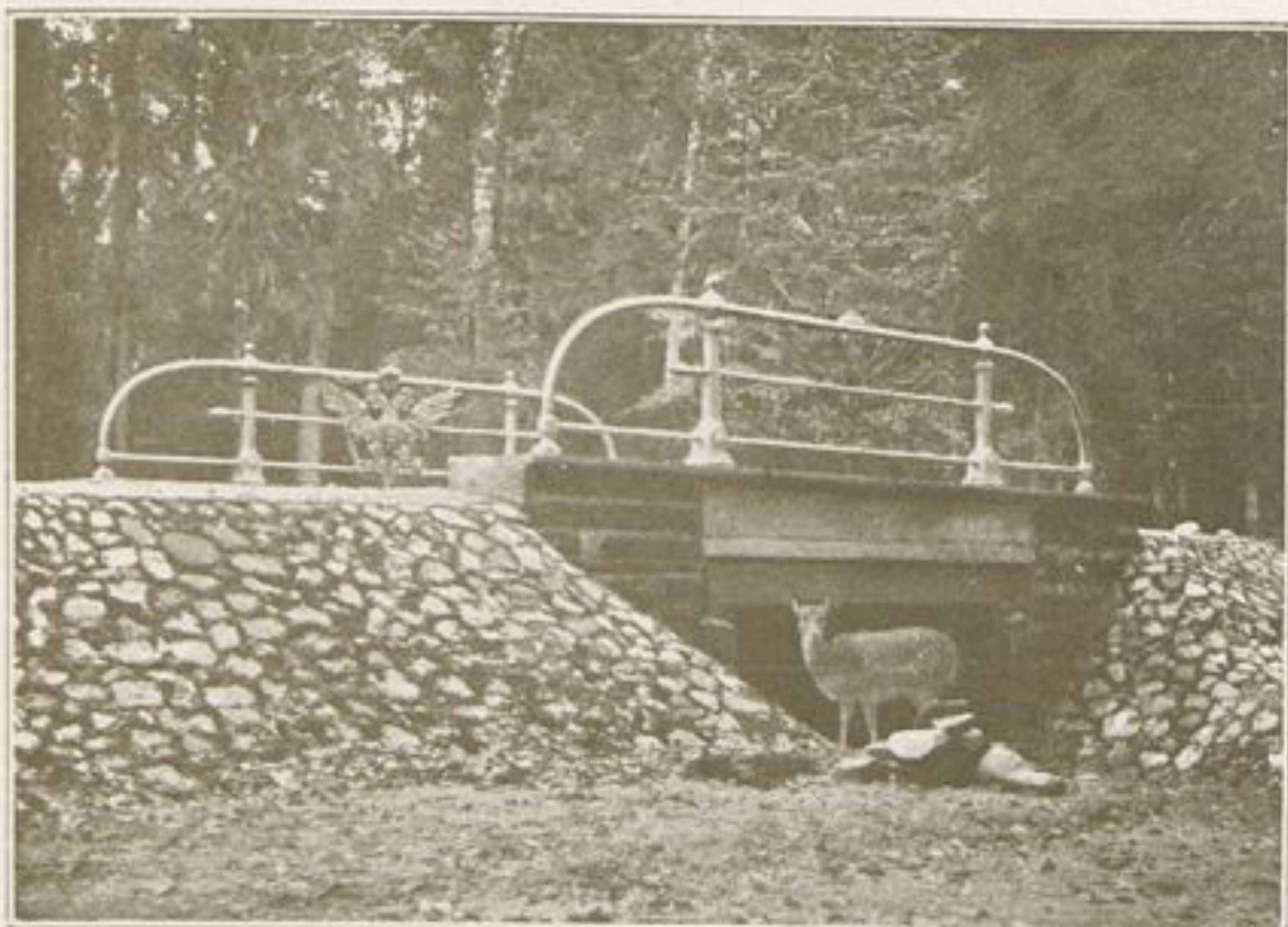
Зданіе конюшни.

цовыя конюшни на 40 стойлъ, галлерея съ прачечной и телефонною станціей, цейхгаузъ, домъ для конюшенныхъ служителей, большое трехъэтажное каменное зданіе, недавно построенное, для гофмаршалской части, домъ смотрителя дворца, сараи, ледники, машинное зданіе, пекарня, домикъ съ навѣсомъ для взвѣшиванія и препарированія дичи, электрическая станція, егерскій домъ и т. д.

Дорога изъ дворцоваго парка къ желѣзнодорожной платформѣ спускается отъ дворца по довольно длинной дамбѣ, начинающейся около Царскаго павильона и раздѣляющей на два большихъ пруда загражденную шлюзованіемъ Нӗревку. Среди лѣваго пруда оставленъ островокъ съ группой деревьевъ; нѣсколько бѣлыхъ лебедей оживляютъ общую картину; у самой дороги, на откосѣ дамбы, стоитъ памятникъ-обелискъ Станислава-Августа; ограждавшая его прежде деревянная рѣшетка убрана, такъ какъ мѣсто, гдѣ стоитъ памятникъ, вошло теперь въ черту дворцоваго парка, куда съ этой стороны посторонніе не впускаются безъ разрѣшенія завѣдующаго дворцомъ. Для осмотра всей усадьбы и тѣмъ болѣе дворца требуется разрѣшеніе, по полученіи котораго дежурные при дворцѣ сторожа показываютъ туристамъ это величественное зданіе.

Пути сообщенія въ Пущѣ можно назвать образцовыми. Съ запада въ Пущу врѣзывается бѣловѣжская желѣзнодорожная вѣтка, соединяющая центръ Пущи, село Бѣловѣжъ и Царскую усадьбу со станціею Бѣльскъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Вѣтка ширококолейная и, проходя мимо деревни Гайновки, лежащей у границы Пущи, углубляется въ лѣсъ и подходитъ къ красивой платформѣ въ 200 саженяхъ отъ Императорскаго дворца. Дорогу начали строить въ 1894 г.; въ августѣ того же года ее довели до Гайновки; затѣмъ, послѣ перерыва до мая 1897 года, приступили къ работамъ по продолженію вѣтки

51*

Мостъ на военно-стратегическомъ шоссе.
Фотографія
Г. Карцова.

къ Бѣловѣжу и уже въ августѣ открыли движеніе. Съ постройкой этой дороги значительно облегчился вывозъ изъ Пущи малоцѣнныхъ сортовъ лѣса, благодаря чему довольно быстро очистили многіе раіоны дачи отъ скопившагося въ нихъ бурелома и валежника. Охотничьему хозяйству дорога дала сильный толчокъ, облегчивъ привозъ въ Пущу звѣря. Только благодаря дорогѣ удалось въ короткій промежутокъ времени создать тотъ звѣровой составъ, который имѣется въ настоящее время.

Въ прошедшемъ году еще строилось, а въ данное время уже окончено въ предѣлахъ Пущи военно-стратегическое шоссе, изъ Бѣльска на Пружаны. Шоссе тянется отъ Гайновки до Бѣловѣжа на 18 верстъ и отъ Бѣловѣжа до выхода изъ Пущи на протяженіи $18^{1}/_{2}$ верстъ. Въ техническомъ и эстетическомъ отношеніяхъ дорога представляетъ нѣчто совершенное. Незначительные уклоны, тщательная укатка щебня, придорожныя канавы, желѣзные съ роскошными перилами мосты, въѣзды и переѣзды, сторожевые домики стильной архитектуры,—все это поражаетъ солидностью постройки и прекраснымъ внѣшнимъ видомъ. Прогулка по этому шоссе доставляетъ величайшее удовольствіе; какъ-то не вѣрится, что находишься въ центрѣ Гродненской губерніи, гдѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ справа и слѣва почти непролазныя дебри скрываютъ зубровъ, лосей, кабановъ... Если не считать военно-грузинской дороги, то врядъ ли въ Россіи найдется второе шоссе, могущее соперничать въ техническомъ отношеніи съ бѣловѣжскимъ.

Сторожевой домикъ
на военно-стратегическомъ шоссе.
Фотографія
Г. Карцова.

Въ сѣверо-восточномъ углу Пущи на протяженіи до 8-ми верстъ проходитъ почтовый трактъ изъ Свислочи въ г. Пружаны.

Осмотрѣвшему дворецъ и его усадьбу можно посовѣтовать ѣхать затѣмъ въ звѣринецъ по вышеописанному шоссе; для этого, минуя деревню Заставы, въ которой имѣются

отлично обставленное училище для мальчиковъ, почтово-телеграфная контора и волостное правленіе, — надо ѣхать 9 верстъ Пущей, и хотя лѣсныя картины здѣсь живописнѣе и величественнѣе встрѣчающихся на желѣзнодорожной просѣкѣ, тѣмъ не менѣе и онѣ не даютъ полнаго представленія о дебряхъ Пущи, каковыя можно видѣть только углубившись въ центральные кварталы Бровскаго или Старинскаго имѣній. Туристъ

Охотничій павильонъ въ звѣринцѣ. Фотографія.

долженъ заручиться разрѣшеніемъ къ осмотру Пущи въ управленіи ея, и просить командировать проводника изъ лѣсной стражи, иначе въ лѣсу могутъ остановить. Красивѣйшіе виды почти первобытнаго лѣса съ разнообразіемъ лѣсонасажденій встрѣчаются болѣе всего въ кварталахъ юго-восточной стороны Гайновскаго имѣнія, около урочищъ „Незнановъ Боръ“ и Подцерквы—Старинскаго, а также въ нѣкоторыхъ кварталахъ Бровскаго и въ урочищахъ Переровъ и Вис-

ПОКАЗЫВАЕМОЕ ТУРИСТАМЪ ЗУБРОВОЕ СТАДО ЗВѢРИНЦА ЗИМОЮ.—Моментальная фотографія съ натуры А. Д. Далматова.

кулье — Королевскаго имѣній. При проѣздѣ по шоссе въ звѣринецъ случается, что дорогу перебѣжитъ кабанъ или граціозными лансадами перемахнетъ ее коза; бываетъ, что въ лѣсу можно усмотрѣть и зубровъ; но на это разсчитывать нельзя, и такъ какъ большая часть путешественниковъ, посѣщающихъ Пущу, желаетъ, конечно, повидать зубровъ, то для этого необходимо съѣздить въ звѣринецъ.

Мѣсто, гдѣ стоялъ штандъ Государя Александра II во время охоты 1860 г. Фотографія Г. Карцова.

На 9-ой верстѣ отъ Бѣловѣжа шоссе проходитъ мимо забора, за которымъ въ группѣ вѣковыхъ дубовъ, грабовъ и лиственницъ, въ 50 шагахъ отъ шоссе, на большомъ каменномъ пьедесталѣ высится чугунная фигура зубра. За памятникомъ разбитъ садикъ, посреди котораго стоитъ двухъэтажный, во вкусѣ построекъ средней Швейцаріи, охотничій павильонъ. Верхній этажъ зданія служитъ квартирою завѣдующему охотою, нижній же — для Высочайшихъ завтраковъ. За павильономъ размѣщены служебныя постройки, а далѣе виднѣется солидный тынъ звѣринца. Еще два года тому назадъ подъ звѣринцемъ считали до 800 десятинъ, но теперь огорожены лишь $3^1/_2$ квадр. версты (364, 393, 421 и половина 420 кварталовъ).—Для осмотра звѣринца требуется .разрѣшеніе завѣдующаго охотою. Желающихъ посмотрѣть зубровъ сопровождаетъ находящійся при звѣринцѣ сторожъ, который въ любое время можетъ указать, гдѣ стоятъ звѣри, и на отысканіе стада и осмотръ его издали требуется не болѣе часа. Лѣтомъ всѣ 19 головъ пасутся не всегда вмѣстѣ, и наблюдать ихъ приходится съ болѣе далекаго разстоянія — отъ 70 до 100 шаговъ, тогда какъ зимою все стадо подбѣгаетъ къ экипажамъ совершенно близко; но пугаться этого не слѣдуетъ, если

Камень подъ дубомъ на мѣстѣ, гдѣ былъ Императорскій штандъ въ 1860 г. Фотографія Г. Карцова.

сторожъ тутъ же; не нужно только кричать и, тѣмъ болѣе, бросать чего-либо звѣрямъ. Еще въ прошломъ году тутъ же можно было наблюдать и оленей, но съ весны 1902 года всѣхъ оленей выпустили на полную свободу, и звѣринецъ обратился теперь въ зубровую загородку. Въ полуверстѣ отъ охотничьяго павильона, въ 419 кварталѣ, среди рѣдкаго стараго дубоваго лѣса вперемѣшку съ грабомъ находится мѣсто, на которомъ производилась охота 1860 года; у дуба, тамъ, гдѣ стоялъ штандъ Императора Александра II, положенъ камень, а все мѣсто огорожено деревяннымъ заборомъ.

Осмотромъ бывшаго звѣринца, охотничьяго павильона, памятника—зубра и мѣста охоты 1860 года туристъ можетъ закончить свое ознакомленіе съ Пущей, такъ какъ не-охотнику, не интересующемуся лѣсными породами и не живописцу въ ней нѣтъ ничего болѣе, достойнаго вниманія. Продолжая путь по военному шоссе, въ $^3/_4$ часа доѣзжаютъ до станціи Гайновки, чтобъ сѣсть въ поѣздъ желѣзной дороги.

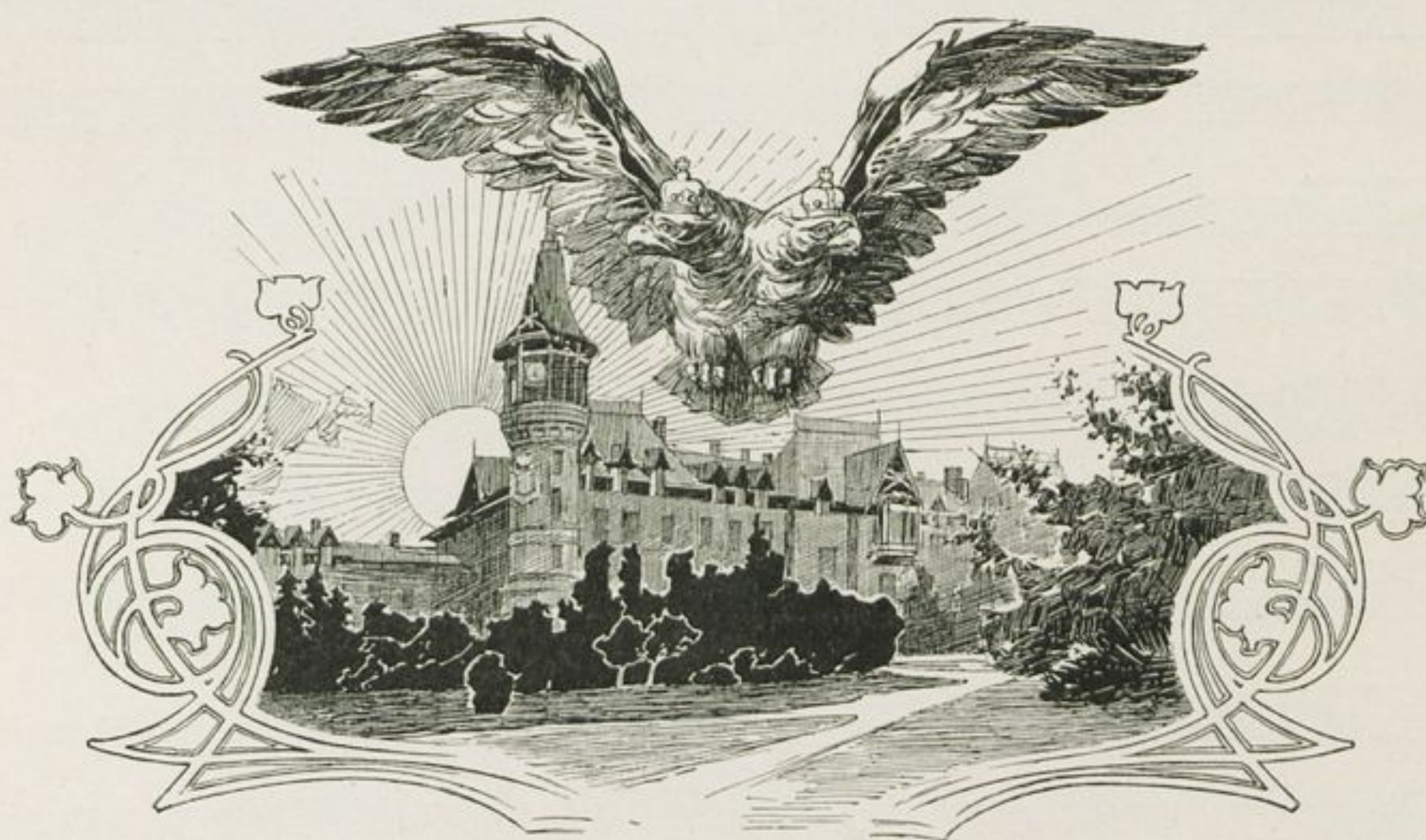
Разставаясь съ читателемъ, не можемъ не высказать пожеланія, которое невольно выливается изъ-подъ пера.

Бѣловѣжская Пуща представляетъ такой исключительный уголокъ въ отношеніи климата, почвы и растительности, что не воспользоваться всѣмъ этимъ для созданія столь же исключительнаго охотничьяго хозяйства было бы грѣшно.—Мы видѣли, какъ это хозяйство созидалось и чѣмъ стала Пуща въ данное время. Это исключительно „охотничье царское угодье". — Но такъ какъ Высочайшія охоты производятся въ ней не часто, въ три года разъ, то мѣстной администраціи остается не мало досуга, который она можетъ посвятить разрѣшенію вопроса о созданіи изъ Пущи такого разсадника полезнаго звѣря, гдѣ бы путемъ безпрерывныхъ наблюденій его жизни, изученіемъ его строенія и исключительнымъ уходомъ за нимъ могъ бы создаться наилучшій, красивый и мощный составъ дичи.

Наряду съ образцовымъ веденіемъ хозяйства Пущи для цѣлей охоты, можно было бы организовать и научное наблюденіе надъ звѣремъ въ цѣляхъ обоснованія цѣлесообразныхъ мѣръ для усовершенствованія его природныхъ качествъ. Изъ Бѣловѣжской Пущи легко создать такой разсадникъ племенной дичи, который снабжалъ бы ею какъ другіе удѣльные лѣса, такъ и громадные раіоны опустѣвшихъ казенныхъ и частновладѣльческихъ лѣсовъ Россіи.

Въ этомъ чудномъ лѣсу когда-то водились: туръ, дикая лошадь, бобръ... ихъ Пущѣ не вернешь. Нужно стараться, чтобъ прошлое послу-

жило урокомъ для будущаго. Необходимо сдѣлать все возможное, чтобъ живущіе въ Пущѣ звѣри не исчезали, но плодились, множились и, доставляя богатый матеріалъ для царской охоты, въ то же время служили для освѣженія крови и насажденія дичи въ тѣхъ глухихъ мѣстахъ и дремучихъ лѣсахъ Россіи, гдѣ ощущается уже недостатокъ дичи и гдѣ распложеніе ея сослужитъ службу и народному охотничьему промыслу.

Н. Самокишъ.

52

Сигналы и фанфары, употребляемые при производствѣ охоты и во время штреки въ Бѣловѣжской Пущѣ.

Во время облавъ:

Впередъ.

Стой.

Ровняйся.

Зовъ егеря.

Отвѣтъ.

Не стрѣлять

Гнать скорѣе.

Медленнѣе гнать.

Сборъ стрѣлковъ.

Охота кончена. 1 гласъ.

Охота кончена. 2 гласъ.

На штрекѣ:

Встрѣча. 1 гласъ.

Встрѣча. 2 гласъ.

Встрѣча. 3 гласъ.

Встрѣча. 4 гласъ.

Для убитаго зубра. 1 гласъ.

Для убитаго зубра. 2 гласъ.

Для убитаго лося. 1 гласъ.

Для убитаго лося. 2 гласъ.

Для убитаго оленя. 1 гласъ.

Для убитаго оленя. 2 гласъ.

Для убитаго даніэля. 1 гласъ.

Для убитаго даніэля. 2 гласъ.

Для убитаго кабана. 1 гласъ.

Для убитаго кабана. 2 гласъ.

Для убитаго козла. 1 гласъ.

Для убитаго козла. 2 гласъ.

Для убитаго зайца. 1 гласъ.

Для убитаго зайца. 2 гласъ.

Для пера. 1 гласъ.

Для пера. 2 гласъ.

Для убитой лисы. 1 гласъ.

Для убитой лисы 2 гласъ.

Примѣчанія.

Для историческаго очерка:

1) П. Бобровскій, «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», изд. 1863 г., ч. I, стр. 8.
2) Геродотъ, кн. IV, гл. 51.
3) П. Бобровскій, «Мат. для геогр. и стат. Россіи», ч I, стр. 3.
4) «Полное собр. русск. лѣтоп.», т. I, стр. 3, 5. Брянцевъ «Исторія литовск. госуд. съ древн. временъ», стр. 8.
5) П. Бобровскій, «Мат. для геогр. и стат. Россіи», ч. I, стр. 9.
6) П. Бобровскій, » » » » » » » стр. 17
7) Лелевель, «Histoire de la Lithuanie et de la Ruthenie», стр. 84.
8) П. Бобровскій, стр. 27.
9) Ярошевичъ, ч. I, § 22.—Лелевель, § 53.
10) П. Бобровскій, стр. 39.
11) П. Бобровскій, ч. I, стр. 46; Соловьевъ, т. 3, стр. 252 и 253.
12) Ярошевичъ, ч. I, § 14.
13) Далматовъ, второе прибавл. къ газетѣ «Лѣсоводство и охота», іюнь, 1855 г.
14) Вс. Крестовскій, «Русскій Вѣстникъ», 1876, т. X, стр. 524.
15) Брянцевъ, «Исторія литовск. госуд. съ древн. временъ», стр. 53.
16) » » » » » » » стр. 23.
17) Далматовъ, прибавл. къ газ. «Лѣсов. и ох.», іюнь, 1855 г., стр. 1.
18) Бобровскій, стр. 60.
19) » стр. 64.
20) Киркоръ, «Истор. судьбы лит. Полѣсья», «Живоп. Россія», стр. 82.
21) Бобровскій, стр. 69.
22) Брянцевъ, стр. 243; Dlugosz, X, стр. 208; XI, стр. 211—213.
23) Erazm. Stella, Pist. I, 12. Поуч. Влад. Моном. въ лавр. спискѣ Нест. лѣтописи.
24) Gilbert de Lannoy, Lelewele, Rosbiòr, 382.—Kromer, «Polonia», I, 84.—Voigt, VI, 583.—Czack «O prawach», II, 259.—Ludu, R. II, 13.—Długosz, Hist. XI, 213.
25) Шайноха «Ядвига и Ягелло», перев. Кеневича, изд. 1880 г., т. II, стр. 595—598. Балинскій и Лапинскій, «Древняя Польша», т. 3, стр. 773.
26) Балинскій и Лапинскій, «Древн. Польша», т. 3, стр. 773.
27) Смирновъ, «Ягелло», «Зап. Имп. новор. унив.», т. II, вып. 1—6, стр. 112. Stryjkowski, «Kronika polska», т. II, стр. 165.
28) Брянцевъ, стр. 228.
29) «Путешествіе по Литвѣ въ XV вѣкѣ», «Вѣстн. западн. Россіи», 1867 г., т. III, стр. 41.
30) Długosz, Hist. XI, стр. 466.
31) Кутеповъ, «Великокн. и царская охота на Руси». т. I, стр. 80.
32) К. Шайноха, «Ядвига и Ягелло», стр. 22.
33) Бобровскій, стр. 72.
34) B. Wapowski, «Dzieje korony polskiej 1380—1535», переводъ Малиновскаго, 1847 г., т. III, стр. 31, 32, 47, 80, 108, 188, 192 и 327.

35) Бобровскій, стр. 80.
36) Czacki, Loco, cit. 260.—«Охота въ Бѣлов. Пущѣ», изд. мин. госуд. им., 1861 г., стр. 35.
37) «Охота въ Бѣлов. Пущѣ», изд. мин. госуд. им., 1861 г., стр. 35.
38) Далматовъ, стр. 3.
39) Журн. «Athenaeum», отд. 4, тетр. 6, стр. 5.
40) Далматовъ, стр. 4.
41) Бобровскій, стр. 82.
42) Далматовъ, стр. 4.
43) » стр. 5.
44) Ярошевичъ, «Obraz Litwy», ч. II; Балинскій—«Starożytna Polska», т. I и II.
45) Бобровскій, стр. 95.
46) Далматовъ, стр. 4.
47) Воловичъ — «Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ», 1559 г. Изд. виленскаго археолог. ком., 1867 г., стр. 21.
48) Воловичъ, «Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ», 1559 г. Изд. виленскаго археолог. ком., 1867 г., стр. 52.
49) Бобровскій, стр. 88 и 89.
50) Далматовъ, стр. 4.
51) Павинскій, «Стефанъ Баторій какъ охотникъ». Klosy № 864, стр. 39.
52) » » » » » » № 865, стр. 60.
53) » » » » » » № 869, стр. 123.
54) Ярoцкій, «Pisma Rozmaite wierszem i prozą», т. II. Варшава, 1830 г., стр. 280.
55) Бобровскій, стр. 407.
56) Бобровскій, стр. 452.—B. Wapowski, т. III, стр. 80.
57) E. Raczynski—«Historya panowania Jana Kazimierza», Posnan, 1840, т. I, стр. 311.
58) Балинскій и Липинскій, «Древняя Польша». Варшава, 1846 г., т. III, стр. 776.
59) Бобровскій, стр. 451.
60) «Przyjaciel ludu za 1835 г.» № 1, стр. 5—7.
61) Бобровскій, стр. 452.
62) Baron de Brincken, «Mémoire descriptif sur la forêt Impériale de Bialowieza». Варшава, 1828 г., стр. 97 и 98.
63) Далматовъ, стр. 3.
64) Baron de Brincken, стр. 83, 84 и 85.
65) Бобровскій, стр. 453.—Bar. de Brincken, стр. 86.
66) Бобровскій, стр. 408.—Далматовъ, стр. 5.
67) Памятная книжка гродн. губ., 1869 г. «Гродно во 2-ой половинѣ прошлаго столѣт.», стр. 18 и 19.
68) Балинскій и Липинскій, т. III, стр. 778.
69) Далматовъ, стр. 5.—Бобровскій, стр. 409.
70) Бобровскій, стр. 101.
71) Изъ архива министерства госуд. имуществъ.
72) Ѳ. Чацкій, «О литовскихъ и польскихъ правахъ...» Варшава, 1801 г., т. II, стр. 255.
73) Изъ дѣлъ архива минист. госуд. имуществъ.
74) То-же.
75) Бобровскій, стр. 435.
76) «Природа и охота», 1885 г. № 6, ст. Я. Байкова.
77) Изъ дѣлъ архива министерства госуд. имуществъ съ 1813—1824 гг.
78) То-же за 1827 г.
79) Изъ дѣлъ мин. госуд. им. за 1825.
80) Бобровскій, стр. 430. Такъ же у Бринкена и Яроцкаго, стр. 231.
81) Смитъ—«Исторія польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ. Переводъ съ нѣмецкаго 1863 г., томъ II, стр. 402—405, 462—463.
82) Изъ дѣлъ минист. госуд. им.
83) То-же.
84) То-же.

Всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія, касающіяся фактическихъ данныхъ для составленія историческаго очерка Бѣловѣжской Пущи, почерпнуты изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ дѣлъ архива министерства государств. имуществъ; изъ дѣлъ главнаго управленія удѣловъ; изъ труда Н. Бобровскаго; изъ напечатанныхъ

въ газетахъ «Лѣсоводство и охота» 1855 г. и «Лѣсномъ журналѣ», статьяхъ Далматова и его рукописныхъ запискахъ, предоставленныхъ для изданія сыномъ автора А. Д. Далматовымъ; изъ журнала мин. внутр. дѣлъ—1845 г., ч. II; изъ журн. «Ausland» за 1845 г., № 294; «Русскаго инвалида»—1852 г., № 190; «Экономистъ»—1862 г., кн. 9; изъ журн. «Экономическія записки» 1862 г., № 45; изъ изданія минист. госуд. имуществъ: «Охота въ Бѣлов. Пущѣ» 1861 г.; изъ журнала «Природа и охота» 1885 г., ст. Я. Байкова; изъ статьи проф. Турскаго «Бѣловѣжская Пуща» (извлеч. изъ отчетовъ моск. лѣсн. общ. за 1893 г.) и изъ статьи Баумеръ фонъ-Баумерсродъ въ «Лѣсн. журналѣ» 1853 г., ч. II, стр. 170.

Нижеслѣдующіе источники послужили къ описанію зубра:

Аристотель, «Исторія животныхъ», кн. II, гл. 1 и 2; кн. II, гл. 10; кн. II, гл. 12; кн. IX, гл. 32.

Сенека, Hippol., Act. I. V. 63.

Плиній, кн. VIII, гл. XV, 75.

Лаврентій Сурій, «Comment. rerum in orbe gestarum». Colon 1702, предисловіе 1564 г.

Антонъ Граціани (Graziani), «Vie du Cardinal Commendoni», Chap. XIII, стр. 192—198.

Замысловскій, «Герберштейнъ о Россіи», изд. 1884 г., стр. 303—307.

Жильбертъ де-Лануа, «Путешествіе по Литвѣ въ XV вѣкѣ». «Ковенск. губерск. вѣдом.». 1845 г., № 1—2, 6—7.

Мейеръ, «Ueber fossile Reste von Ochsen».

Лепёхинъ, «Путешествія», СПБ. I, 1771 г., стр. 312—313.

Lachnicki, «Statystyka Gubernii Litewsko-Grodzienskiey», стр. 48 (1817 г.).

Боянусъ, «De uro nostrate. Nova acta acad. nat. cur.», т. XIII, стр. 2, 1827 г.

Эйхвальдъ, «Естественно-историческіе очерки Литвы, Волыни и Подоліи». 1830 г., стр. 237—253.

Эйхвальдъ, «Zoologia specialis», т. III, стр. 342 (1831 г.).

Jarocki, «Zubr» (нѣмецкій переводъ), 1830 г.

Przyjac. Ludu. «Polowanie w puszcy Bialowieskiej», 1836 г., № 48, стр. 377—378.

» » «Zubr litewski», 1835 г., № 1, стр. 4—7.

» » «O turze i zubze», 1837 г., № 14, стр. 107—110.

» » 1840 г., стр. 244.

Палласъ, «Nordische Beyträge», т. I, ст. 6.

«Современникъ», 1848 г., № 5, «Охота за зубрами на Кавказѣ...»

Д. Я. Далматовъ, «Лѣсной журналъ», 1849 г., стр. 199 и 204.

» «Газета лѣсоводства и охоты», 1855 г., № 27, прибавл., стр. 5; № 39, стр. 311 и 312; № 40, стр. 319 и 320.

Статья Д., «Американскій бизонъ», въ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ» за 1854 г., № 33, стр. 523.

«День» (журн.) за 1864 г. № 47, «Бѣловѣжская Пуща».

«Вѣстникъ западной Россіи» за 1867 г., т. 3, № 7, стр. 38—47.

Усовъ. Изъ сочиненій его статья «Зубръ», т. I, изд. 1888 г., стр. 67—154.

К. М. Бэръ. Замѣтка въ журн. «Натуралистъ» за апрѣль 1865 г., № 7.

Статья Т. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за сентябрь и октябрь 1864 г.

Brincken, «Mémoire descriptif sur la forêt Imper. de Bialowez», изд. 1828 г.

Гамильтонъ Смитъ, «Griff. anim. kingd.», IV, стр. 416.

П. Бобровскій, «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», гродн. губ., ч. I, 1863 г., стр. 436—459.

Wrzésniowski, «Encyklopedya Rolnictwa», V, стр. 845 и 846 (1879 г.).

Siemiradzki, «Wszechświat», IV, 1885 г.. стр. 594.

Холщевниковъ, «Лѣсной журналъ» за 1873 г., III, вып. 5, стр. 83, 84, 86 и 87.

Г. Зеттегастъ, «Ученіе о скотозаводскомъ искусствѣ», перев. съ нѣмецк. В. И. Ковалевскаго, ч. I.

В. Крестовскій, «Русскій Вѣстникъ» за 1876 г., кн. 11, стр. 121, 124 и 126.

Турцевичъ, «Лѣсной журналъ» за 1878 г., VIII, кн. 11, стр. 658 и 651.

Симашко, «Русская фауна», ч. II, стр. 989.

Брэмъ, «Жизнь животныхъ», т. III, стр. 274—282.

Краткій, «Природа и охота», дек. 1894 г.

В. А. Шильдеръ, «Кубанская охота Е. И. В. Вел. Кн. Сергѣя Михаиловича», «Природа и охота», августъ, 1897 г.

А. Мушниковъ, «Охотничьи экскурсіи на Кавказѣ Е. Демидова». «Природа и охота», IV, 1899 г., стр. 37—39.

Радде, Г. И., «Описаніе кавказскаго музея», изд. 1897 г.

Eug. Büchner, «Das allmähliche Aussterben des Wisents», «Записки Импер. акад. наукъ».

52*a*

Н. Кутеповъ, «Великокняж. и царскія охоты на Руси», т. I, стр. 45—48.
Неизданныя рукописи Д. Я. Далматова, предоставленныя для пользованія ими сыномъ его А. Д. Далматовымъ.
Переписка, находящаяся въ архивѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за 1803—1887 г.
Переписка, находящаяся въ дѣлахъ главнаго управленія удѣловъ за 1887—1902 г.
Матеріалъ для описанія жизни бѣловѣжскаго зубра собранъ путемъ личныхъ наблюденій за звѣремъ въ разныя времена года, а главное изъ устныхъ сообщеній завѣдующаго бѣловѣжской охотой I. В. Неврли, бывшаго лѣсничаго Пущи К. А. Кампіони и старшихъ служащихъ изъ охотничьей стражи. — Статистическій матеріалъ, касающійся охотничьяго хозяйства и Высочайшихъ охотъ, предоставленъ управленіемъ Пущи.

